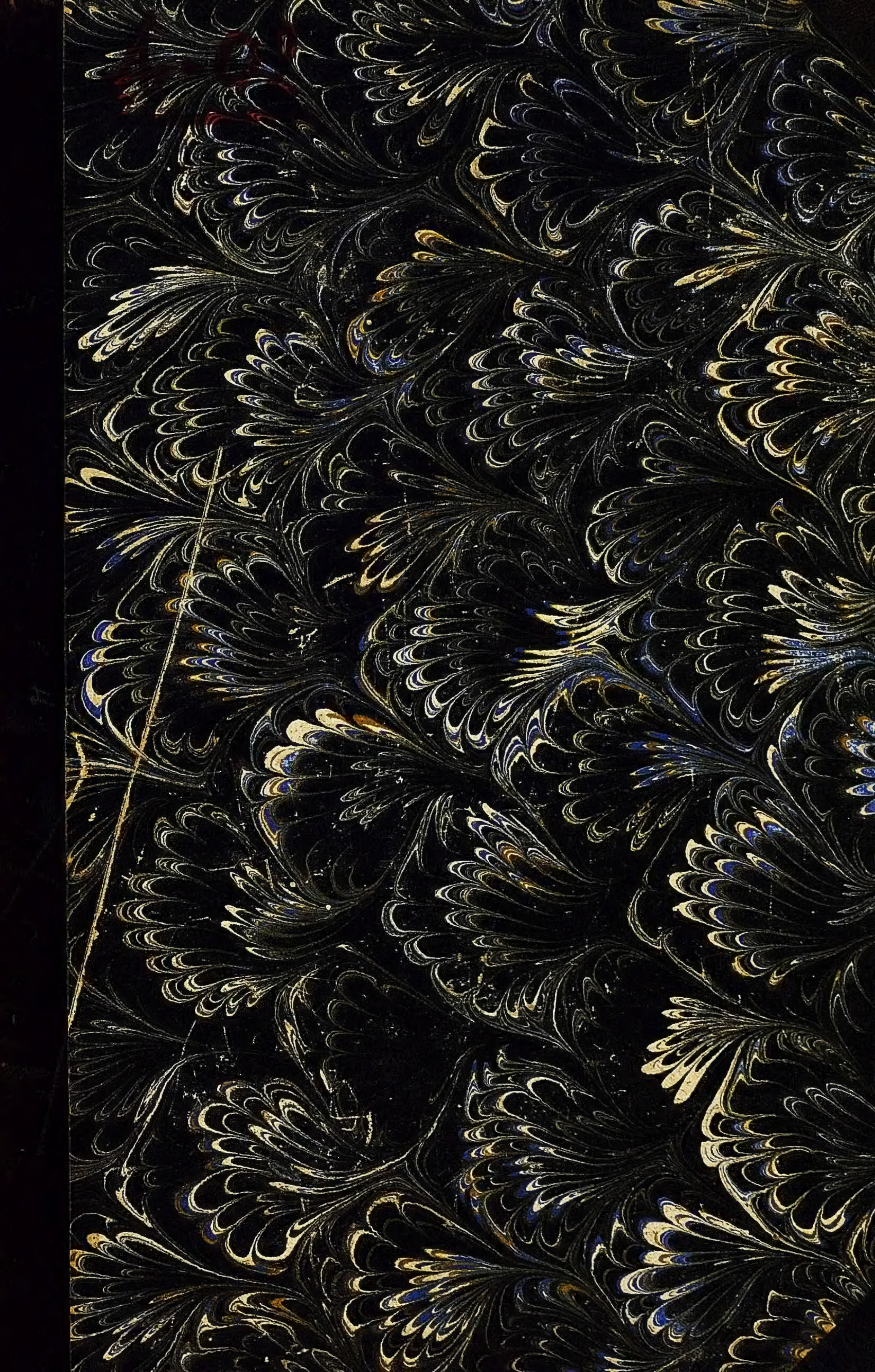
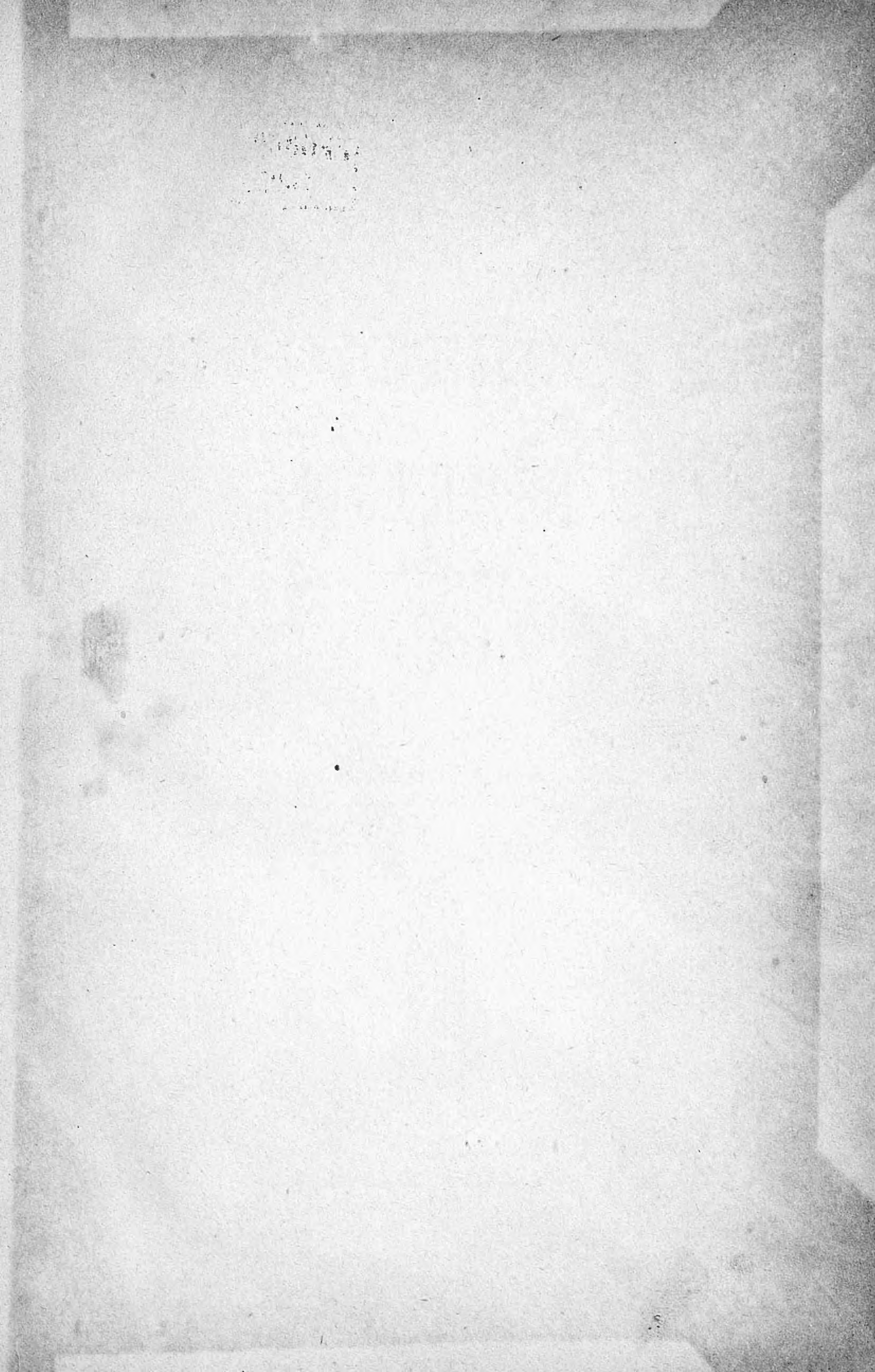
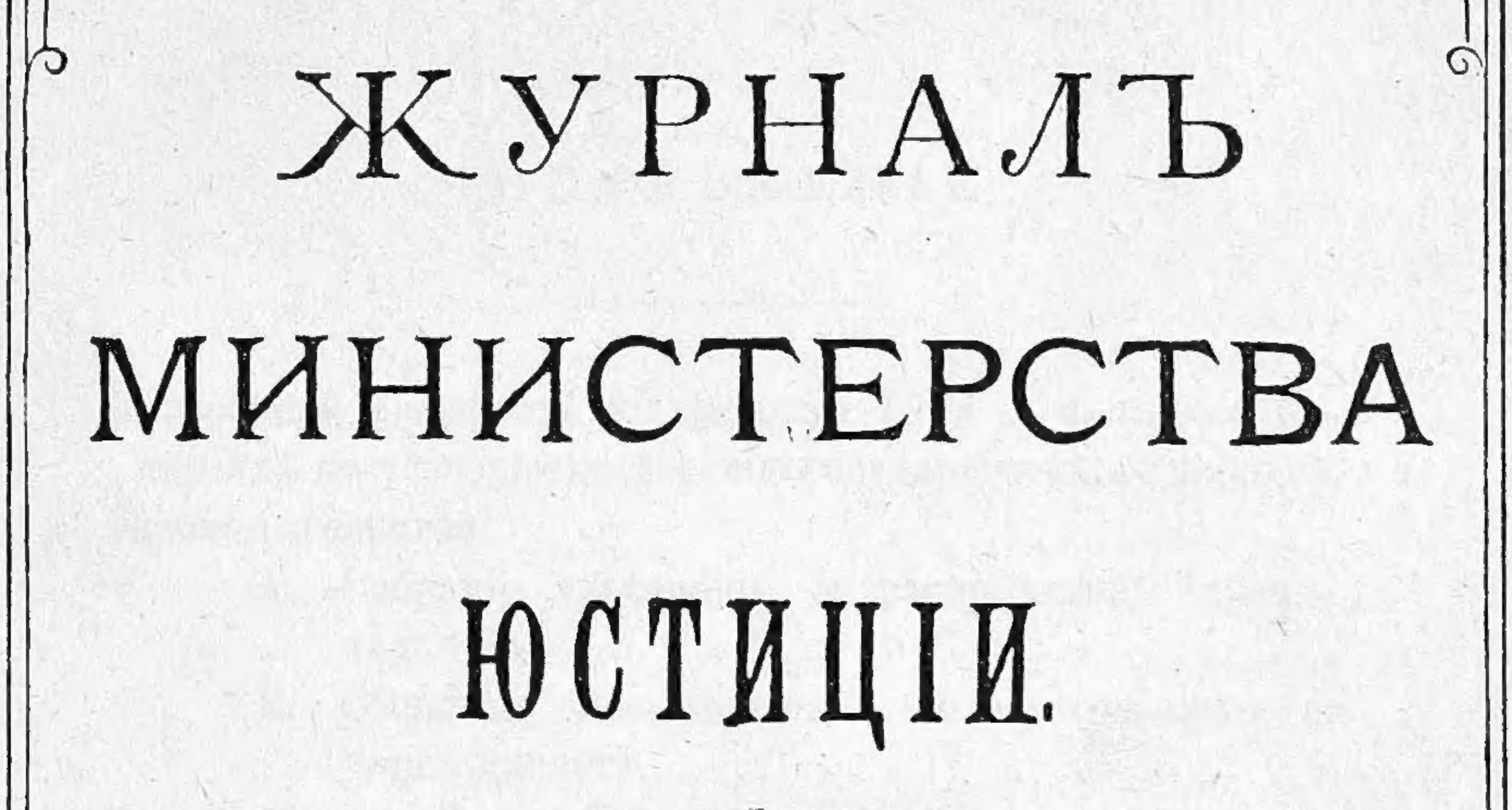

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

№ 3. МАРТЪ 1903.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

На стр. 227 подпись автора слѣдуетъ читать: В. Рубанъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

О предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ Промысла Божія, вступивъ на Прародительскій Престолъ, Мы пріяли священный обѣтъ предъ Лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству.

Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ Нашихъ, Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ и, прежде всего, незабвеннаго Родителя Нашего.

Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ, прервать преждевременною кончиною Державные труды

возлюбленнаго Родителя Нашего и тѣмъ возложить на Насъ священный долгъ довершить начатое Имъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ Русской землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни.

Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія. Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ.

Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ признали за благо:

Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣйно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія Православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священно-служителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы.

Въ соотвѣтствіе съ предлежащими задачами по упроченію народнаго хозяйства, направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ учрежденій, особливо дворянскаго и крестьянскаго поземельныхъ банковъ, къ вящшему укрѣпленію

и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства.

Предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки.

Преобразовать губернское и уѣздное управленіе для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственной.

Поставить задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при Православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ.

Призывая всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ, Мы Повелѣваемъ Нашимъ Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить Намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ.

Господь Вседержитель да ниспошлетъ благословеніе на Царственный трудъ Нашъ и да поможетъ Онъ Намъ, при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, испол-

нить Наши помышленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія преуспѣянія Державы Нашей на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 26-й день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ третье, Царствованія же Нашего въ девятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: *„НИКОЛАЙ“*.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1903 г.

Отд. I. № 10, I, 25; № 11, I. 28; № 12, I, 31; № 13, II, 4; № 14, II, 7; № 15, II, 11; № 16, II, 14; № 17, II, 18; № 18, II, 21.

Отд. II. № 2, I, 31; № 3, II, 18.

I. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. I, ч. 2. Учр. Мин.

Отд. I. № 10, ст. 126. Выс. пов. (6 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго штата Министерства Императорскаго Двора и объ упраздненіи электротехнической части сего Министерства. № 13, ст. 133. Имен. ук. (3 февр. 1903 г.). Объ учрежденіи второй должности товарища Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 13, ст. 142. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). О продленіи дѣйствія временнаго устройства центральныхъ установленій Министерства Путей Сообщенія.

Т. I, ч. 2. Учр. Орден.

Отд. I. № 10, ст. 127. Выс. пов. (10 дек. 1902 г.). Объ измѣненіи и дополненіи 404 статьи Статута ордена Св. Равноапостольнаго

Князя Владиміра. № 15, ст. 206. Пол. Опек. Сов. (18 ноябр. 1902 г.). О предоставленіи Усачевско-Чернявскому училищу и Елисаветинской женской гимназіи въ Москвѣ, вѣдомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, права удостоенія Маріинскаго знака отличія безпорочной службы. № 18, ст. 235. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). О присвоеніи врачамъ, ветеринарамъ и фармацевтамъ военно-сухопутнаго вѣдомства права на полученіе ордена Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ и надписью 25 лѣтъ на основаніяхъ, установленныхъ для офицерскихъ чиновъ и священниковъ того же вѣдомства.

Т. II. Общ. Учр. Губ.

Отд. I. № 13, ст. 160. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи второй должности помощника С.-Петербургскаго градоначальника (I, II).

Т. II. Пол. Зем. Учр.

Отд. I. № 13, ст. 151. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ увеличеніи числа гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ Херсонской, Таврической, Вятской, Новгородской и С.-Петербургской губерній.

Т. II. Пол. Туркест.

Отд. I. № 10, ст. 113. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ увеличеніи состава городской полиціи въ Ферганской и Самаркандской областяхъ. № 14, ст. 183. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). Объ упраздненіи должности чиновника особыхъ порученій по технической части при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ и объ учрежденіи при немъ должности техника.

Т. II. Пол. Акмолинск., Семипалатинск., Семирѣченск., Уральск. и Тургайск.

Отд. I. № 10, ст. 109. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи двухъ должностей чиновниковъ особыхъ порученій по гидротехнической части въ составѣ канцеляріи степного генералъ-губернатора. № 14, ст. 184. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи въ Семирѣченской области семи новыхъ должностей участковыхъ приставовъ (I, II).

Т. II. Учр. Сибир.

Отд. I. № 14, ст. 187. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ

утвержденіи штата управленія строительною и дорожною частями въ Приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Т. II. Пол. Инородц.

Отд. I. № 13, ст. 159. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). О передачѣ управленія кочующими въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ калмыками въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Т. III. Уст. Служб. Прав.

Отд. I. № 10, ст. 107. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи Людмилинской женской школы сельскаго домоводства и усадебнаго хозяйства въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи (пол. ст. 8). № 10, ст. 126. Выс. пов. (6 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго штата Министерства Императорскаго Двора и объ упраздненіи электротехнической части сего Министерства (шт., прим. 5). № 13, ст. 147. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). О предоставленіи правъ государственной службы лицамъ, окончившимъ курсъ въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества. № 13, ст. 160. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи второй должности помощника С.-Петербургскаго градоначальника (II, ст. 5). № 13, ст. 170. Выс. пов. (10 янв. 1903 г.). О срокѣ представленія къ наградамъ служащихъ въ главномъ управленіи торговаго мореплаванія и портовъ.

Т. III. Уст. Пенс.

Отд. I. № 10, ст. 107. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи Людмилинской женской школы сельскаго домоводства и усадебнаго хозяйства въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи (пол., ст. 8; шт., прим.). № 14, ст. 190. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи штата Армавирскаго двухкласнаго начальнаго училища (шт., прим. 2). № 14, ст. 199. Выс. пов. (19 ноябр. 1902 г.). О производствѣ впредь пенсій горнымъ инженерамъ, служащимъ въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ, изъ суммъ Государственнаго казначейства и о распространеніи придворнаго пенсіоннаго устава на служащихъ въ Екатеринбургской фабрикѣ.

Т. IV. Уст. Воин. Пов.

Отд. I. № 14, ст. 193. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). О причисленіи низшихъ техническихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія ко второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію

къ отбыванію воинской повинности. № 14, ст. 198. Пол. Воен. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи управленій окружныхъ воинскихъ начальниковъ въ Финляндіи. № 15, ст. 203. Пол. Ком. Мин. (14 ноябр. 1902 г.). О включеніи въ списокъ должностямъ, освобождающимъ отъ призыва изъ запаса въ дѣйствующія войска, штатныхъ преподавателей Самарскаго средняго сельскохозяйственнаго училища.

Т. IV. Уст. Зем. Пов.

Отд. I. № 10, ст. 109. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи двухъ должностей чиновниковъ особыхъ порученій по гидротехнической части въ составѣ канцеляріи Степного генералъ-губернатора (II, III). № 10, ст. 111. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи въ области войска Донскаго низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ (IV, VII). № 13, ст. 148. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ отнесеніи въ Курляндской губерніи расходовъ по призрѣнію прокаженныхъ на средства земскаго сбора. № 14, ст. 184. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи въ Семирѣченской области семи новыхъ должностей участковыхъ приставовъ (III). № 18, ст. 234. Мн. Гос. Сов. (6 дек. 1902 г.). О преобразованіи ветеринарнаго надзора въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Закаспійской (V).

Т. VI. Уст. Тамож.

Отд. I. № 10, ст. 107. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи Людмилинской женской школы сельскаго домоводства и усадебнаго хозяйства въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи (пол., ст. 15). № 13, ст. 146. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). О распространеніи на Сибирь дѣйствія Устава Таможеннаго по европейской торговлѣ.

Т. VIII, ч. 1. Уст. Лѣсн.

Отд. I. № 10, ст. 108. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). О предоставленіи помощникамъ лѣсничихъ права на квартирное довольствіе и земельные надѣлы. № 10, ст. 117. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). Объ отмѣнѣ свидѣтельствованія полиціею приготовленнаго къ сплаву въ дачахъ удѣльнаго вѣдомства лѣса и билетовъ, выдаваемыхъ на сплавъ удѣльныхъ лѣса и лѣсныхъ издѣлій. № 13, ст. 159. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). О передачѣ управленія кочующими въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ калмыками въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (V, VI). № 16, ст. 225. Выс. пов. (16 дек.

1902 г.). О продленіи безплатнаго отпуска лѣса поморамъ 5 уѣздовъ Архангельской губерніи на судостроеніе.

Т. IX, Особ. Прил. Зак. Сост. Кн. I Общ. Пол. Крест.

Отд. I. № 13, ст. 145. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). О предоставленіи православнымъ членамъ сельскихъ обществъ въ Закавказскихъ губерніяхъ права составлять частные сходы для обсужденія церковно-приходскихъ нуждъ.

Т. X, ч. 1. Пол. Казен. Подряд.

Отд. I. № 14, ст. 187. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи штата управленія строительною и дорожною частями въ Приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ (Ш, ст. 1).

Т. XI, ч. 1. Уст. Уч. Завед.

Отд. I. № 10, ст. 107. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи Людмилинской женской школы сельскаго домоводства и усадебнаго хозяйства въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи. № 10, ст. 124. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи при отдѣленіи историческихъ наукъ и филологіи Императорской Академіи Наукъ должности ученаго корреспондента въ Римѣ. № 13, ст. 144. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи должности директора Острожскаго графа Д. Н. Блудова женскаго училища. № 14, ст. 200. Выс. пов. (10 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго знака для окончившихъ курсъ Рижскаго политехническаго института.

Т. XI, ч. 2. Уст. Пром.

Отд. I. № 13, ст. 143. Мн. Гос. сов. (11 дек. 1902 г.). Объ изданіи правилъ, нормирующихъ употребленіе ацетилена, а также храненіе и продажу кальція-карбида (I).

Т. XII, ч. 1. Уст. Почт.

Отд. I. № 10, ст. 107. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи Людмилинской женской школы сельскаго домоводства и усадебнаго хозяйства въ мѣстечкѣ Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи (пол., ст. 15).

Т. XII, ч. 1. Уст. Строит.

Отд. I. № 14, ст. 187. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи штата управленія строительною и дорожною частями въ Приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Т. XII, ч. 1. Пол. Взаимн. Страх.

Отд. I. № 13, ст. 149. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). О взаимномъ между земствами перестрахованіи имуществъ отъ огня.

Т. XII, ч. 2. Уст. Сел. Хоз.

Отд. I. № 10, ст. 120. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). О воспрещеніи охоты на оленя въ предѣлахъ Таврическаго полуострова (I).

Т. XIII. Уст. Врач.

Отд. I. № 10, ст. 119. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). О регистраціи умершихъ въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ губерній Царства Польскаго. № 14, ст. 192. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). О дополненіи штатовъ врачебныхъ установленій въ Приморской области (I, II). № 14, ст. 195. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). Объ учрежденіи третьей должности уѣзднаго врача въ Московскомъ уѣздѣ (I, II). № 18, ст. 233. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). О преобразованіи управленія ветеринарною частью въ областяхъ войска Донского, Кубанской и Терской. № 18, ст. 234. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). О преобразованіи ветеринарнаго надзора въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Закаспійской.

Т. XIV. Уст. Сод. подъ Страж.

Отд. I. № 14, ст. 196. Мн. Гос. Сов. (13 янв. 1903 г.). Объ упраздненіи должностей инспекторовъ Нижегородско-Тюменскаго и Тюменско-Ачинскаго ссыльныхъ трактовъ и дополненіи штата конвойной стражи (I—III).

Т. XIV. Уст. Ссыльн.

Отд. I. № 14, ст. 196. Мн. Гос. Сов. (13 янв. 1903 г.). Объ упраздненіи должностей инспекторовъ Нижегородско-Тюменскаго и Тюменско-Ачинскаго ссыльныхъ трактовъ и дополненіи штата конвойной стражи (I—III).

Т. XV. Улож. Наказ.

Отд. I. № 10, ст. 120. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). О воспрещеніи охоты на оленя въ Крыму (II).

Постановлено:

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ дополнить статьею 921⁴ слѣдующаго содержанія:

Ст. 921⁴. За убой въ предѣлахъ Таврическаго полуострова оленя (самца, самки или теленка) виновные подвергаются денежному взы-

сканію въ размѣрѣ пятисотъ рублей за каждое убитое животное этой породы.

№ 13, ст. 143. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). Объ изданіи правилъ, нормирующихъ употребленіе ацетилена, а также храненіе и продажу кальція-карбида (III).

Постановлено:

III. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ дополнить статьею 1077^2 слѣдующаго содержанія:

Статья 1077^2. Въ случаѣ совершенія означеннаго въ статьѣ 91^2 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, проступка въ третій разъ, виновные, сверхъ опредѣленнаго за то наказанія, подвергаются:

лишенію навсегда права содержать склады кальція-карбида или производить торговлю онымъ.

За совершеніе означеннаго въ статьѣ 91^2 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, проступка, когда послѣдствіемъ онаго будетъ пожаръ, взрывъ или причиненіе кому-либо смерти или поврежденія въ здоровьѣ, виновные въ томъ подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ.

Т. XV. Уст. Наказ.

Отд. I. № 13, ст. 143. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). Объ изданіи правилъ, нормирующихъ употребленіе ацетилена, а также храненіе и продажу кальція-карбида (II).

Постановлено:

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, дополнить статьею 91^2 слѣдующаго содержанія:

Статья 91^2. За нарушеніе предписанныхъ закономъ или изданныхъ въ установленномъ порядкѣ постановленій объ употребленіи ацетилена, а также о храненіи и продажѣ кальція-карбида, виновные подвергаются:

аресту на время не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Т. XVI, ч. 1. Учр. Суд. Уст.

Отд. I. № 10, ст. 122. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи самостоятельнаго ипотечнаго отдѣленія при мировомъ судѣ города Здунской-Воли, Сѣрадзскаго уѣзда, Калишской губерніи.

Т. XVI, ч. 1. Прав. Суд. Част. Земск. Начальн.

Отд. I. № 14, ст. 194. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). О перечисленіи части земли Маріинской волости, Малоярославецкаго уѣзда, Калужской губерніи, изъ вѣдѣнія земскаго начальника въ вѣдѣніе Малоярославецкаго городскаго судьи.

II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Отд. I. № 10, ст. 121. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ усиленіи слѣдственной части С.-Петербургскаго, Кіевскаго, Могилевскаго, Пермскаго, Екатеринбургскаго и Самарскаго окружныхъ судовъ. № 10, ст. 123. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ усиленіи штатовъ мировыхъ судебныхъ установленій города Варшавы.

По вѣдомству Министерства Военнаго.

Отд. I. № 10, ст. 111. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи въ области войска Донскаго низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ. № 13, ст. 134. Имен. ук. (1 дек. 1902 г.). Объ отчужденіи земли подъ постройку казармъ для Енисейскаго и Иркутскаго резервныхъ пѣхотныхъ баталіоновъ въ городѣ Иркутскѣ. № 13, ст. 139. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи должности гидротехника въ области войска Донскаго. № 13, ст. 157. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства суммъ на возмѣщеніе Оренбургскому казачьему войску сборовъ за разрѣшеніе питейной торговли на станичныхъ земляхъ. № 13, ст. 169. Пол. Воен. Сов. (28 окт. 1902 г.) Объ измѣненіяхъ въ штатѣ Императорской Главной Квартиры. № 14, ст. 184. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи въ Семирѣченской области семи новыхъ должностей участковыхъ приставовъ. № 14, ст. 186. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ измѣненіи штата областнаго правленія войска Донскаго. № 14, ст. 198. Пол. Воен. Сов (16 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи управленій окружныхъ воинскихъ начальниковъ въ Финляндіи. № 18, ст. 235. Пол. Воен. Сов. (22 іюн. 1902 г.). О порядкѣ осуществленія мѣропріятій противъ заноса и распространенія чумы въ войскахъ.

По вѣдомству Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ.

Отд. I. № 10, ст. 126. Выс. пов. (6 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго штата Министерства Императорскаго Двора и объ упраздненіи электротехнической части сего Министерства. № 15, ст. 207. Выс. пов. (6 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи положенія о сберегательно-вспомогательной кассѣ служащихъ министерства Императорскаго Двора. № 18, ст. 239. Выс. пов. (11 янв. 1903 г.). Объ учрежденіи должностей при управленіи дѣлами Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 10, ст. 104. Имен. ук. (1 дек. 1902 г.). Объ отчужденіи земли подъ устройство почтовой станціи „Рамзай" Сызрано-Вяземской желѣзной дороги и дороги отъ нея до соединенія съ Пензо-Мокшанскимъ почтовымъ трактомъ. № 10, ст. 109. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи двухъ должностей чиновниковъ особыхъ порученій по гидротехнической части въ составѣ канцеляріи Степнаго Генералъ-Губернатора. № 10, ст. 114. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). О раздѣленіи Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, на три стана. № 10, ст. 118. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи штата полиціи въ поселкахъ Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. № 13, ст. 135. Мн. Гос. Сов. (24 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи штата полиціи при посадѣ Сочи, Черноморской губерніи. № 13, ст. 137. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи должности околоточнаго надзирателя въ заштатномъ городѣ Сухиничахъ, Калужской губерніи. № 13, ст. 138. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ увеличеніи полицейской команды города Евпаторіи, Таврической губерніи. № 13, ст. 140. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи въ составѣ полиціи Оренбургскаго уѣзда двухъ должностей полицейскихъ надзирателей перваго разряда. № 13, ст. 141. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи должностей двухъ полицейскихъ приставовъ и двухъ помощниковъ приставовъ въ гор. Черкассахъ, Кіевской губерніи. № 13, ст. 152. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ усиленіи штата канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора. № 13, ст. 153. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ усиленіи канцелярскихъ средствъ Челябинскаго, Оренбургской губерніи, уѣзднаго полицейскаго управленія. № 13, ст. 154. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи шести должностей городовыхъ въ составѣ Московской городской полиціи. № 13, ст. 155. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ усиленіи полиціи въ Севастопольскомъ

градоначальствѣ. № 13, ст. 161. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ увеличенiи размѣра отпускаемой въ распоряженiе Приамурскаго Генералъ-Губернатора суммы на экстраординарные расходы. № 13, ст. 162. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ усиленiи средствъ Архангельскихъ губернскихъ учрежденiй. № 13, ст. 163. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ учрежденiи второй должности начальника земской стражи въ Марiампольскомъ уѣздѣ, Сувалкской губернiи, и усиленiи состава земской стражи въ раiонѣ крѣпости Ковно. № 13, ст. 164. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ учрежденiи должности помощника полицiймейстера въ составѣ Псковской городской полицiи. № 13, ст. 165. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ увеличенiи суммы, отпускаемой на канцелярскiе и хозяйственные расходы уѣздныхъ управленiй губернiй Царства Польскаго. № 13, ст. 167. Пол. Ком. Мин. (30 окт. 1902 г.). О льготахъ по платежу страховаго сбора въ губернiяхъ Царства Польскаго. № 13, ст. 168. Пол. Ком. Мин. (20 дек. 1902 г.). Объ оставленiи нѣкоторыхъ мѣстностей Имперiи въ положенiи усиленной охраны и объявленiи въ томъ же исключительномъ положенiи Саратовской губернiи. № 14, ст. 181. Имен. ук. (8 дек. 1902 г.). Объ отчужденiи въ собственность города Варшавы участка земли съ постройками. № 14, ст. 182. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ усиленiи полицейской команды города Костромы. № 14, ст. 185. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ учрежденiи штата Елизаветпольской городской лечебницы имени Н. Д. Афанасьева. № 14, ст. 188. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). О дополненiи штата управленiя перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ въ виду сооруженiя новой желѣзнодорожной линiи Варшава-Калишъ. № 14, ст. 189. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). О дополненiи штата управленiя перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ въ виду продолженiя Вернадовско-Земетчинской желѣзнодорожной вѣтви до станцiи Кустаревки. № 14, ст. 191. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). Объ увеличенiи содержанiя Нижегородскимъ губернскому врачебному инспектору и помощнику губернскаго врачебнаго инспектора. № 14, ст. 192. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). О дополненiи штата врачебныхъ установленiй въ Приморской области. № 16, ст. 213. Пол. Ком. Мин. (28 ноября 1902 г.). О разрѣшенiи г. Одессѣ выпуска облигацiоннаго займа въ десять миллiоновъ рублей нарицательныхъ. № 16, ст. 214. Пол. Ком. Мин. (20 дек. 1902 г.). О разрѣшенiи г. Вильнѣ уплатить въ 1902 году половину числящейся за нимъ недоимки пособiя казнѣ на содержанiе городской полицiи за время съ 1869 г. по 1878 г. № 18, ст. 236. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). Объ учрежденiи трехъ должностей помощниковъ приставовъ

въ составѣ Уральской городской полиціи. № 18, ст. 237. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). Объ усиленіи полицейской команды города Хорола, Полтавской губерніи.

По вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Отд. I. № 12, ст. 132. Выс. пов. (13 дек. 1902 г.). Объ обмѣнѣ ратификаціи заключенной между Россіею и Персіею 27 октября 1901 г. Деклараціи объ измѣненіи статьи 3 дополнительнаго къ Туркменчайскому договору 1828 года акта. № 13, ст. 156. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ увеличеніи содержанія и канцелярскихъ средствъ Россійско-Императорскаго консула въ Александріи.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 10, ст. 110. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). О продленіи дѣйствующаго порядка мѣстнаго завѣдыванія государственными имуществами въ Туркестанскомъ краѣ. № 10, ст. 111. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи въ области войска Донскаго низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Отд. I. № 10, ст. 105. Мн. Гос. Сов. (24 ноябр. 1902 г.). Объ учрежденіи учительской семинаріи въ г. Петрозаводскѣ. № 10, ст. 106. Мн. Гос. Сов. (24 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи временнаго штата центральныхъ архивовъ древнихъ актовыхъ книгъ. № 10, ст. 112. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи въ слободѣ Кукаркѣ, Вятской губерніи, учительской семинаріи. № 10, ст. 115. Мн. Гос. Сов. (8 дек. 1902 г.). Объ увеличеніи содержанія служащихъ въ Чистинской учительской семинаріи. № 13, ст. 136. Мн. Гос. Сов. (1 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи въ г. Семипалатинскѣ учительской семинаріи. № 13, ст. 150. Мн. Гос. Сов. (16 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи должности преподавателя ручнаго труда при Кутаисской учительской семинаріи. № 14, ст. 190. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи штата Армавирскаго двухкласснаго начальнаго училища. № 17, ст. 228. Выс. пов. (7 ноябр. 1902 г.). Объ учрежденіи двухъ стипендій Имени Его Императорскаго Величества при Жиздринскомъ городскомъ училищѣ и двухъ стипендій Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Жиздринской Маріинской женской прогимназіи.

По вѣдомству Министерства Финансовъ.

Отд. I. № 10, ст. 102. Имен. ук (1 дек. 1902 г.). Объ отчужденіи земельныхъ участковъ для устройства поста „Михайловъ" Александровской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. № 10, ст. 103. Имен. ук. (1 дек. 1902 г.). Объ отчужденіи земельныхъ участковъ для устройства постовъ Пулганскаго и Бужанскаго Волынской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. № 10, ст. 116. Мн. Гос. Сов. (11 дек. 1902 г.). О размѣрѣ налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ 1903 году. № 13, ст. 157. (16 дек. 1902 г.). Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства суммъ на возмѣщеніе Оренбургскому казачьему войску сборовъ за разрѣшеніе питейной торговли на станичныхъ земляхъ. № 13, ст. 166. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.) О дополненіи штатовъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ. № 18, ст. 240. Выс. пов. (1 ноябр. 1902 г.). Объ учрежденіи при Варшавскомъ музеѣ промышленности и сельскаго хозяйства фонда имени Ивана-Карла Шленкера. № 18, ст. 241. Выс. пов. (15 февр. 1902 г.). О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ табеляхъ обмундированія нижнихъ чиновъ и вольнаемной прислуги на судахъ флотиліи отдѣльнаго корпуса пограничной стражи и объ утвержденіи табели обмундированія, снаряженія и вооруженія.

По вѣдомству Государственной Канцеляріи.

Отд. I. № 10, ст. 128. Выс. пов. (19 дек. 1902 г.). Объ обнародованіи двадцатаго тома Третьяго Полнаго Собранія Законовъ.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія.

Отд. I. № 16, ст. 215. Выс. пов. (7 ноября 1902 г.). О прекращеніи спеціальнаго сбора на пособіе заштатному городскому и сельскому духовенству, взимаемаго съ причтовъ, не получающихъ содержанія отъ казны.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

№ 15, ст. 204. Пол. Опек. Сов. (18 ноября 1902 г.). Объ установленіи возраста дѣвицъ для пріема ихъ въ разные классы женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и о соотвѣтственномъ измѣненіи устава названныхъ гимназій. № 15, ст. 205. Пол. Опек. Сов. (18 ноября 1902 г.). О предоставленіи совѣту Александро-Маріинскаго кавалерственной дамы Чертовой института въ Москвѣ права разрѣшать, съ утвержденія Августѣйшей попечительницы института, покрытіе недостатковъ смѣтныхъ кредитовъ по однимъ пара-

графамъ остатками, имѣющимися по другимъ параграфамъ. № 16, ст. 216. Выс. пов. (18 ноября 1902 г.). О принятіи сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ въ с. Краснослободскомъ и въ с. Невьянскомъ, Ирбитскаго уѣзда, въ число дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 16, ст. 217. Выс. пов. (18 ноября 1902 г.). О принятіи пріюта для нищихъ дѣтей въ гор. Орлѣ въ число дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 16, ст. 218. Выс. пов. (18 ноября 1902 г.). Объ установленіи званія членовъ-соревнователей при Екатерининскомъ сельскомъ попечительствѣ дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ с. Сидоровкѣ, Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи. № 16, ст. 219. Выс. пов. (18 ноября 1902 г.). Объ открытіи Купянскаго уѣзднаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 16, ст. 220. Выс. пов. (18 ноября 1902 г.). Объ открытіи дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ гор. Ахтыркѣ, Харьковской губерніи. № 16, ст. 221. Выс. пов. (18 ноября 1902 г.). Объ учрежденіи сиротскаго отдѣленія Василія и Маріи Гамбурцевыхъ при С.-Петербургскомъ дѣтскомъ пріютѣ генералъ-адъютанта барона Фредерикса, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 16, ст. 222. Выс. пов. (18 ноября 1902 г.). О включеніи уполномоченнаго по сельско-хозяйственной части въ Симбирской губ. въ число дѣйствительныхъ членовъ Симбирскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 16, ст. 223. Выс. пов. (14 дек. 1902 г.). Объ открытіи Кутаисскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 16, ст. 224. Выс. пов. (14 дек. 1902 г.). О включеніи начальника Таганрогскаго порта въ число дѣйствительныхъ членовъ Таганрогскаго городоваго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій.

Отд. I. № 14, ст. 197. Пол. Ком. Мин. (28 дек. 1902 г.). О продолженіи дѣйствія п.п. 2 и 5 Высочайше утвержденнаго, 19 декабря 1890 г., положенія Комитета Министровъ объ учрежденіи опекунскаго управленія надъ личностью и имуществомъ вдовы Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Матильды Миллеръ.

Отд. II. № 2, ст. 18. Пол. Ком. Мин. (3 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Южно-Русскаго пороховаго завода для выдѣлки и продажи пороха и другихъ взрывчатыхъ веществъ. № 2, ст. 19. Пол. Ком. Мин. (3 іюл. 1902 г.). Объ утвер-

жденіи устава Московскаго акціонернаго общества „Торфококсъ“. № 2, ст. 22. Пол. Ком. Мин. (3 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Всероссійскаго общества автоматическихъ огнетушителей. № 2. ст. 21. Пол. Ком. Мин. (3 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи устава нефтепромышленнаго и торговаго общества „Григорія Герасимовича Тумаева Сыновья“. № 2, ст. 22. Пол. Ком. Мин. (5 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Русскаго общества для переработки рыбныхъ жировъ. № 2, ст. 23. Пол. Ком. Мин. (5 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи устава общества гигіеническаго пансіона Плуды-Горы. № 2, ст. 24. Пол. Ком. Мин. (24 окт. 1902 г.). Объ утвержденіи устава общества Екатерингофскаго судостроительнаго и механическаго завода „Джемсъ Пульманъ“. № 2, ст. 25. Пол. Ком. Мин. (24 окт. 1902 г.). Объ утвержденіи устава товарищества торговли мануфактурными товарами „Соколовъ и Жмудскій“ въ Харьковѣ. № 2, ст. 26. Пол. Ком. Мин. (24 окт. 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Московскаго арматурнаго завода И. Д. Краснова. № 2, ст. 27. Пол. Ком. Мин. (24 окт. 1902 г.). Объ утвержденіи устава товарищества пивовареннаго завода К. Ю. Шильде. № 3, ст. 33. Пол. Ком. Мин. (24 окт. 1902 г.). О дополненіяхъ и измѣненіяхъ устава товарищества Нижегородской льнопрядильной мануфактуры. № 3, ст. 34. Пол. Ком. Мин. (30 окт. 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Варшавскаго коньячнаго завода „Имперіаль“. № 3, ст. 35. Пол. Ком. Мин. (14 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава товарищества Архангельскаго пивовареннаго завода Суркова. № 3, ст. 36. Пол. Ком. Мин. (14 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Варшавской фабрики стильной мебели, бывш. З. Щербинскаго и К. Тренеровскаго. № 3, ст. 37. Пол. Ком. Мин. (14 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава торгово-промышленнаго товарищества парчевоткацкой фабрики И. А. Жевержеева. № 3, ст. 38. Пол. Ком. Мин. (10 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи англійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „Общество Голландъ и Веббъ, съ ограниченною отвѣтственностью“. Пол. Ком. Мин. (13 дек. 1902 г.). Объ измѣненіи устава товарищества Шуйской мануфактуры. № 3, ст. 40. Пол. Ком. Мин. (28 дек. 1902 г.). Объ измѣненіи устава товарищества Никольской мануфактуры „Саввы Морозова сынъ и К°“. № 3, ст. 41. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества для производства огнеупорныхъ издѣлій и строительныхъ матеріаловъ.

III. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи.

Отд. I. № 10, ст. 125. *(12 дек. 1902 г.)* [1]. Объ учрежденіи должности нотаріуса въ станицѣ Усть-Лабинской, Кубанской области. № 13, ст. 171. (16 окт. 1902 г.). Объ утвержденіи положенія о благотворительномъ капиталѣ заштатнаго Протоіерея Василія Никифоровича Пшеничникова при домѣ трудолюбія въ г. Рязани [2]. № 13, ст. 172. (16 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи положенія о благотворительномъ капиталѣ имени бывшаго прокурора Ковенскаго Окружнаго Суда Ульянина [2].

№ 16, ст. 226. (25 ноября 1902 г.). Объ утвержденіи положенія о стипендіи въ Павловскомъ институтѣ имени вдовы Коллежскаго Совѣтника Татьяны Алексѣевны Чуровской [2]. № 16, ст. 227. (15 ноябр. 1902 г). Объ учрежденіи стипендіи по благотворительнымъ и общеполезнымъ установленіямъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и о присвоеніи нѣкоторымъ изъ означенныхъ установленій особыхъ наименованій [3]. № 18, ст. 242. *(30 янв. 1903 г.)*. Объ учрежденіи пяти новыхъ должностей нотаріуса въ городѣ С.-Петербургѣ.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 11, ст. 131. *(27 ноябр. 1902 г.)*. Объ установленіи въ гор. Черниговѣ обязательнаго для хозяевъ домовъ и завѣдывающихъ оными объявленія полиціи о лицахъ, прибывшихъ въ дома и выбывшихъ изъ нихъ. № 13, ст. 173. *(30 сент. 1902 г.)*. Объ увеличеніи окладовъ городовымъ Сальянской полицейской команды. № 13, ст. 174. *(17 окт. 1902 г.)*. Объ учрежденіи должности конно-полицейскаго урядника въ Владимірскомъ имѣніи графа Мусина-Пушкина, находящемся въ Мологскомъ уѣздѣ. № 13, ст. 175. *(15 окт. 1902 г.)*. Объ учрежденіи должности городоваго въ Мѣщанской слободкѣ, Богородскаго уѣзда. № 13, ст. 176. *(19 окт. 1902 г.)*. Объ учрежденіи должности городоваго въ мѣстечкѣ Іевве, Везенбергскаго уѣзда. № 13.

---

[1]) Даты (числа, мѣсяцы и годъ) распоряженій, напечатанныя *курсивомъ*, означаютъ время, когда подлежащія распоряженія были предложены или объявлены Правительствующему Сенату для распубликованія.

[2]) Относится къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

[3]) Относится къ вѣдомству Императорскаго Человѣколюбиваго Общества

ст. 177. *(19 окт. 1902 г.)*. Объ учрежденіи должности пѣшаго полицейскаго урядника въ Веселовской экономіи, при слободѣ Веселой, Харьковскаго уѣзда. № 13, ст. 178. *(21 окт. 1902 г.)*. О введеніи сельскаго общественнаго управленія въ нѣкоторыхъ вновь образованныхъ переселенческихъ селеніяхъ. № 13, ст. 179. *(31 дек. 1902 г.)*. Объ усиленіи штата Севастопольской полиціи. № 13, ст. 180. *(9 янв. 1903 г.)*. Объ оставленіи въ силѣ списка товаровъ, воспрещенныхъ ко ввозу и вывозу изъ странъ и мѣстностей, неблагополучныхъ по азіатской холерѣ, чумѣ и желтой лихорадкѣ. № 15, ст. 210. (28 дек. 1902 г.). Объ учрежденіи дополнительнаго штата полицейской команды г. Костромы. № 18, ст. 243. (17 янв. 1903 г.). Объ утвержденіи штата Хорольской полицейской команды.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. II. № 3, ст. 56 (24 окт. 1902 г.). Объ измѣненіи устава вспомогательной кассы рабочихъ на рудникахъ и заводахъ акціонернаго общества Криворогскихъ желѣзныхъ рудъ. № 3, ст. 57 *(5 дек. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава общества Кахетинскихъ садовладѣльцевъ подъ фирмою „Кахетія“.

Министромъ Путей Сообщенія.

Отд. I. № 15, ст. 211 *(24/30 дек. 1902 г.)*. О включеніи участка Кіевъ-Сарны-Ковель Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ списокъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, подчиненныхъ дѣйствію международной конвенціи о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. № 17, ст. 232 *(19 дек. 1902 г.)*. Объ опредѣленіи размѣра бечевника по рѣкѣ Лабакшѣ, притоку рѣки Суды. № 18, ст. 244 (8 февр. 1903 г.). Объ утвержденіи временныхъ правилъ объ освидѣтельствованіи судовъ, плавающихъ по внутреннимъ воднымъ путямъ.

Отд. II. № 3, ст. 58 *(14/16 сент. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава общества Орѣховскаго подъѣзднаго пути.

Министромъ Финансовъ.

Отд. I. № 10, ст. 129 *(28 дек. 1902 г.)*. Объ уменьшеніи размѣра сбора за наложеніе каждаго клейма на подлежащія вывозу, съ возвратомъ пошлинъ, хлопчатобумажныя издѣлія. № 10, ст. 130 *(2 янв. 1903 г.)*. О выпускѣ новой, 253-й, серіи Государственной 4% ренты на нарицательный капиталъ 10,000,000 рублей. № 15, ст. 208 (1 ноября 1902 г.). Объ утвержденіи устава Черниговской городской трехклассной торговой школы. № 15, ст. 209 (7 ноября 1902 г.). Объ утвержденіи

устава Екатеринбургской художественно-промышленной школы. № 17. ст. 229 *(18 дек. 1902 г.)*. Объ открытіи повѣрочной палатки въ городѣ Уфѣ. № 17, ст. 230 *(18 дек. 1902 г.)*. Объ измѣненіи въ штатахъ Кавказскихъ таможенныхъ учрежденій. № 17, ст. 231 *(31 дек. 1902 г.)*. Объ утвержденіи правилъ относительно взиманія сборовъ за исполненіе желѣзными дорогами предусмотрѣнныхъ статьею 78 Общаго Устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ требованій со стороны лицъ, имѣющихъ право распоряженія сданными къ перевозкѣ грузами.

Отд. II. № 2, ст. 28 (4 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава общества взаимнаго кредита Полѣсскихъ землевладѣльцевъ. № 2, ст. 29 (6 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава общества взаимнаго кредита слободы Николаевской на Волгѣ. № 2, ст. 30 *(4 ноябр. 1902 г.)*. О продленіи срока для оплаты капитала по паямъ дополнительнаго выпуска товарищества механическаго завода В. Г. Столль и К° въ Воронежѣ. № 2, ст. 31 *(5 ноябр. 1902 г.)*. О продленіи срока для оплаты капитала по акціямъ дополнительнаго выпуска акціонернаго общества словолитни О. И. Леманъ въ С.-Петербургѣ. № 2, ст. 32 *(26 ноябр. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава нефтепромышленнаго и торговаго общества, подъ фирмою „Каспійское Товарищество". № 3, ст. 42 (6 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Тирасгольскаго общества взаимнаго кредита. № 3, ст. 43 (8 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Кольскаго общества взаимнаго кредита. № 3, ст. 44 (9 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава общества взаимнаго кредита Новгородскихъ ремесленниковъ „Общедоступный Кредитъ". № 3, ст. 45 (25 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Варшавскаго общества взаимнаго кредита мелкой промышленности и торговли. № 3, ст. 46. Пол. Ком. Мин. (7 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Курскаго коммерческаго общества взаимнаго кредита. № 3, ст. 47 (2 дек. 1902 г.). Объ измѣненіи инструкціи для бракованія льна и пакли льняной при Архангельскомъ портѣ. № 3, ст. 48 *(11 дек. 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за паи товарищества Бондарской мануфактуры братьевъ Ляпиныхъ. № 3, ст. 49 *(11 дек. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава товарищества бумагокрасильной фабрики Франца Рабенекъ. № 3, ст. 50 *(11 дек. 1902 г.)*. О продленіи срока для оплаты второй части основного капитала акціонернаго общества „Строитель". № 3, ст. 51 *(11 дек. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава общества Энзели-Тегеранской дороги. № 3, ст. 52 (2 дек. 1902 г.). Объ измѣненіи инструкціи для бракованія смолы и песка при Архангельскомъ портѣ. № 3, ст. 53 *(11 дек. 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества Кавказскаго

спичечнаго и лѣсопильнаго производства. № 3, ст. 54 *(12 дек. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Михайловскаго дворянскаго земельнаго банка въ Кутаисѣ. № 3, ст. 55 *(3 янв. 1903 г.).* Объ опредѣленіи размѣра преміи въ запасный капиталъ по паямъ товарищества Шуйской мануфактуры.

Главноуправляющимъ Государственнымъ Коннозаводствомъ.

Отд. I. № 15, ст. 212 *(13 дек. 1902 г.).* О закрытіи Галичскаго общества охотниковъ конскаго бѣга.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВОИНСКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1902 г.

№ 37, X, 16 (н. ст.).

№ 37. Ст. 42. Резол. Фин. Сен. (16 окт. 1902 г.). Объ утвержденіи положенія о движеніи и тарифа на перевозку пассажировъ и грузовъ по Нюкарлебю-Ковіокиской желѣзной дорогѣ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 11, февраля 1 дня 1903 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается: Старшій Помощникъ Оберъ-Секретаря Уголовнаго-Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Ассесоръ **Ширковъ**—Оберъ-Секретаремъ Общаго собранія и Соединеннаго Присутствія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, съ 1 января.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляется *на службу изъ отставныхъ*, Тайный Совѣтникъ **Вилинбаховъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Невельскаго уѣзда, на текущее съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе.

Опредѣляется: *на службу* Романъ **Зарри**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Люцинскаго уѣзда, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе.

Назначаются: Прокуроръ Екатеринодарскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Енишерловъ**—Членомъ Харьковской Судебной Палаты; Членъ Тобольскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Русановъ** и Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: С.-Петербургскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Бальцъ** и Иркутскаго, Коллежскій Ассесоръ **Василевскій**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Семипалатинскаго, согласно прошенію, второй—Екатеринодарскаго и послѣдній—Благовѣщенскаго; Городской Судья г. Мелитополя, Коллежскій Ассесоръ **Бакаловъ**—Уѣзднымъ Членомъ Симферопольскаго Окружнаго Суда, по Мелитопольскому уѣзду: Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Липовецкаго округа, Надворный Совѣтникъ **Штейнбергъ**, Товарищъ Прокурора Ковенскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Клюшниковъ** и Городской Судья

2-го участка г. Нѣжина, Статскій Совѣтникъ **Техановскій** — Членами Окружныхъ Судовъ; первые два — Уманскаго, а послѣдній — Нѣжинскаго; Директоръ Двинскаго реальнаго училища, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Князевъ**, Судебный Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ округа С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Бурцовъ**, Двинскій Городовой Врачъ, Статскій Совѣтникъ **Пальмовъ**, въ званіи Камеръ-Юнкера Высочайшаго Двора: Надворный Совѣтникъ **Гулькевичъ** и Губернскій Секретарь баронъ **Корфъ** и баронъ Арнольдъ **Фитингофъ-Шель**—Почетными Мировыми Судьями Двинскаго уѣзда, на текущее съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Князева, Бурцова и Пальмова въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а Гулькевича и барона Корфа въ придворномъ званіи; Отставной Генералъ-Маіоръ **Костюшко-Валюжиничъ** — Почетнымъ Мировымъ Судьею Дриссенскаго уѣзда, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе; Членъ С.-Петербургской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Римскій-Корсаковъ**, Корреспондентъ Главнаго Управленія Государственнаго Коннозаводства по Витебской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Володковичъ**, отставной Ротмистръ **Цѣхановецкій** и Коллежскій Секретарь **Кусцинскій** — Почетными Мировыми Судьями Лепельскаго уѣзда, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ двухъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Перемѣщаются, *согласно прошеніямъ*: Членъ Харьковской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Ананьевскій** — Членомъ Московской Судебной Палаты; Членъ Красноярскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Шольпъ**—Членомъ Уманскаго Окружнаго Суда.

Увольняются *отъ службы согласно прошеніямъ*: Состоящій за штатомъ Участковый Мировой Судья Двинскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Шталь**, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; Городской Судья 2-го участка г. Кронштадта, Коллежскій Ассесоръ **Фальбергъ**.

согласно прошеніямъ по болѣзни: Членъ С.-Петербургской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Элпидовъ**, съ 11 января, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; Состоящій за штатомъ Участковый Мировой Судья Невельскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Нащокинъ**; Городской Судья г. Красноуфимска, Статскій Совѣтникъ **Сапожниковъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Судебный Слѣдователь г. Симбирска, округа Симбирскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Алатырцевъ**; Исправлявшій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Саранскаго уѣзда, округа Пензенскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Артоболевскій**.

По межевому управленію.

Назначается, Помощникъ Уфимскаго Губернскаго Землемѣра, Межевой Инженеръ, Надворный Совѣтникъ **Валерьяновъ** — Уфимскимъ Губернскимъ Землемѣромъ.

№ 12, февраля 1 дня 1903 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Предсѣдатель Екатеринославскаго Окружнаго Суда, Тайный Совѣтникъ **Трандафиловъ**—Предсѣдателемъ Департамента Саратовской Судебной Палаты; Прокуроръ Кіевскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Цемшъ**—Предсѣдателемъ Вологодскаго Окружнаго Суда.

Перемѣщается Предсѣдатель Вологодскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Ошанинъ**—Предсѣдателемъ Екатеринославскаго Окружнаго Суда.

Умершій *исключается изъ списковъ*—Предсѣдатель Департамента Саратовской Суцебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Орловъ**.

№ 13, февраля 7 дня 1903 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Городской Судья г. Балахны, Статскій Совѣтникъ **Миловидовъ**—Уѣзднымъ Членомъ Нижегородскаго Окружнаго Суда, по Княгининскому уѣзду; Участковый Мировой Судья г. Нижняго-Новгорода, Надворный Совѣтникъ **Ромашевъ**—Членомъ Нижегородскаго Окружнаго Суда; Предсѣдатели Съѣздовъ Мировыхъ Судей и Участковые Мировые Судьи округовъ: Ейскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Ульяновъ**, Майкопскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Леонидовъ**, Кизлярскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Чеховичъ**, Темрюкскаго, Надворный Совѣтникъ **Молоховецъ**, Екатеринодарскаго, Коллежскій Ассесоръ **Тарашкевичъ**, Армавирскаго, Титулярный Совѣтникъ **Венординъ** и Владикавказскаго, Титулярный Совѣтникъ **Манько**—вновь Предсѣдателями Съѣздовъ Мировыхъ Судей тѣхъ же округовъ, на текущее, съ 1 января 1903 г., трехлѣтіе; Добавочный Мировой Судья по Лифляндской губерніи, Коллежскій Секретарь **Бахиревъ** и Причисленный къ Министерству Юстиціи, Коллежскій Ассесоръ **Войцѣховскій**—Мировыми Судьями округовъ: Бахиревъ—Перново-Феллинскаго, 6-го участка, а Войцѣховскій—Венденъ-Валкскаго, 6-го участка; Состоящій за штатомъ Участковый Мировой Судья Черіковскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Скомороховъ**, Причисленный къ Министерству Юстиціи, Надворный Совѣтникъ **Илличъ**, Мировой Судья 1-го участка округа Читинскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Смирновъ** и Исправляющій должность Секретаря Псковскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Кавунъ**—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: Скомороховъ—Овручскаго, Илличъ и Смирновъ—Каменецкаго и Кавунъ—Россіенскаго; Сувалкскій Губернаторъ, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Арцимовичъ**, Причисленные къ Министерству Юстиціи: Статскій Совѣтникъ **Лелонгъ** и Коллежскій Ассесоръ **Кангеръ** и Поручикъ запаса **Пленъ**—Почетными Мировыми Судьями Люцинскаго уѣзда, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г.,

трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Арцимовича въ занимаемой имъ должности и придворномъ званіи, а Лелонга и Кангера причисленными къ названному Министерству; Чиновникъ особыхъ порученій V класса при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Евреиновъ**, Состоящій за штатомъ Участковый Мировой Судья Невельскаго округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Вилинбаховъ** и Коллежскій Совѣтникъ **Жуковскій**—Почетными Мировыми Судьями Невельскаго уѣзда, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Евреинова въ занимаемой имъ должности и придворномъ званіи; Членъ Витебскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ фонъ-**Теше**; Причисленные къ Министерству Юстиціи, Коллежскіе Ассесоры **Дружиловскій** и **Вереницынъ** и Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Безперчій**—Почетными Мировыми Судьями Полоцкаго уѣзда, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ фонъ-Теше въ занимаемой имъ должности, а Дружиловскаго и Вереницына причисленными къ названному Министерству; Причисленные къ Министерству Юстиціи, Титулярные Совѣтники **Курочкинъ**, **Ляпинъ** и **Кирьяковъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Вятскаго, а послѣдніе два—Владикавказскаго; Добавочный Мировой Судья округа Томскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Сидоровъ**—Мировымъ Судьею 3-го участка Змѣиногорскаго уѣзда.

Утверждается Членъ Московскаго Коммерческаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Бобырь**—Товарищемъ Предсѣдателя того же Коммерческаго Суда, согласно избранію, на шесть лѣтъ, съ 17 января.

Перемѣщаются: Уѣздные Члены Окружныхъ Судовъ: Ярославскаго, по Любимскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Языковъ** и Вологодскаго, по Усть-Сысольскому уѣзду, Надворный Совѣтникъ **Поповъ**—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Рязанскаго, по Рязанскому уѣзду, а второй—Кашинскаго, по Бѣжецкому уѣзду, оба согласно прошеніямъ; Членъ Омскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Агишевъ**—Членомъ Кашинскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Участковые Мировые Судьи округовъ: Ольгопольскаго, Коллежскій Ассесоръ **Лотоцкій** и Россіенскаго, Коллежскій Секретарь **Штейнбергъ**—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: первый—Каменецкаго, а второй—Поневѣжскаго; Мировой Судья 6-го участка Венденъ-Валкскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Бутурлинъ**—Мировымъ Судьею 5-го участка Везенбергъ-Вейсенштейнскаго округа; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Ковенскаго, Коллежскій Ассесоръ **Бендеръ** и Ставропольскаго, Коллежскій Ассесоръ **Зиссерманъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—С.-Петербургскаго, а второй—Ярославскаго; Мировой Судья 3-го участка Змѣиногорскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Рэдеръ**—Мировымъ Судьею 3-го участка Барнаульскаго уѣзда.

Увольняются: Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Петергофскаго уѣзда, округа С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Дворжицкій** и Мировой Судья 1-го участка Ачинскаго уѣзда **Андреевъ**—отъ означенныхъ должностей, оба по случаю причисленія ихъ къ Министерству Юстиціи, изъ нихъ первый согласно прошенію.

№ 14, февраля 15 дня 1903 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищъ Предсѣдателя Рижскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Лешко-Попель**—Членомъ С.-Петербургской Судебной Палаты, согласно прошенію; Членъ Томскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Сальмоновичъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Читинскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Городской Судья 1-го участка г. Смоленска, Коллежскій Совѣтникъ **Шмидтъ**—Уѣзднымъ Членомъ Смоленскаго Окружнаго Суда, по Бѣльскому уѣзду; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Совѣтникъ **Аристовъ**—Членомъ Самарскаго Окружнаго Суда; Участковый Мировой Судья Житомірскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Кузьминъ**—въ Заславо-Острожскій округъ Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, и Участковымъ Мировымъ Судьею; Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ **Туманскій**—Мировымъ Судьею 2-го участка Фридрихштадтъ-Иллукстскаго округа; Исправляющій должность Секретаря Кіевскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Сорокинъ** и Помощникъ Секретаря Кіевской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ **Попель**—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: первый Луцкаго, а второй—Новоградволынскаго; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургской Судебной Палатѣ, Коллежскій Ассесоръ **Брандтъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею по Курляндской губерніи; Городской Судья г. Одоева, Надворный Совѣтникъ **Кротковъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Московскаго Коммерческаго Суда; Причисленные къ Министерству: Надворный Совѣтникъ **Свириденко**, Коллежскіе Ассесоры: **Троицкій**, **Камянченко**, **Кривицкій**, князь **Волконскій** и **Ольшевскій**, Титулярные Совѣтники: **Рейнгаузенъ**, **Гинцъ**, **Фидлеръ** и **Басаковъ** и Коллежскіе Секретари: **Дмоховскій** и **Бончковскій**, Мировой Судья 1-го участка г. Новороссійска, Коллежскій Ассесоръ **Лукинъ**, Помощникъ Мироваго Судьи 2-го отдѣла г. Тифлиса, Титулярный Совѣтникъ **Ханъ-Зіатхановъ**, Помощникъ Дѣлопроизводителя IX класса Перваго Департамента Министерства, Титулярный Совѣтникъ **Романовъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Харьковской Судебной Палатѣ, Титулярный Совѣтникъ **Горвицъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Свириденко, Камянченко, Лукинъ и Ханъ-Зіатхановъ—Екатеринодарскаго, Троицкій—Петроковскаго, Кривицкій и Рейнгаузенъ—Ковенскаго, князь Волконскій—Пермскаго, Ольшевскій—Гродненскаго, Гинцъ—Владивостокскаго, Фидлеръ—Тамбовскаго, Басаковъ—Виленскаго, Дмоховскій—Сѣдлецкаго, Бончковскій—Семипалатинскаго, Романовъ—Кишиневскаго и Горвицъ—Томскаго; Помощникъ Старшаго Нотаріуса С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Дрожжинъ** и Старшіе Кандидаты на должности по судебному вѣдомству при Окружныхъ Судовъ: Тверскомъ, Коллежскій Ассесоръ **Звѣревъ**, С.-Петербургскомъ, Титулярный Совѣтникъ **Жумиковъ** и Нижегородскомъ, Коллежскій Секретарь **Балановскій**—Городскими Судьями: Дрожжинъ—2-го участка г. Кронштадта, Звѣревъ—г. Осташкова, Жумиковъ—г. Новоржева и Балановскій—г. Ардатова; Причисленные къ Министерству, Коллежскіе

Ассесоры **Бѣлякъ** и **Курдюмовъ**—Мировыми Судьями округовъ Окружныхъ Судовъ: Бѣлякъ—Читинскаго, 1-го участка, а Курдюмовъ—Екатеринодарскаго, Сочинскаго участка.

Перемѣщаются: Прокуроры Окружныхъ Судовъ: Самаркандскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Ивановъ** и Митавскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Вогакъ**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Митавскаго, а второй—Кіевскаго; Члены Окружныхъ Судовъ: Кутаисскаго, Статскій Совѣтникъ **Примо** и Великолуцкаго, Надворный Совѣтникъ **Максимовичъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Тифлисскаго, а второй—Витебскаго, оба согласно прошеніямъ; Мировые Судьи округовъ: Юрьево-Верроскаго, 10-го участка, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Кедингъ** и Фридрихштидтъ-Иллукстскаго: 2-го участка, Надворный Совѣтникъ **Моисеевъ** и 3-го участка, Надворный Совѣтникъ **Поповъ**—Мировыми Судьями округовъ: Кедингъ—Ревельско-Гапсальскаго, 4-го участка, Моисеевъ—Газенпотъ-Гробинскаго, 2-го участка, и Поповъ—Юрьево-Верроскаго, 10-го участка; Участковые Мировые Судьи округовъ: Луцкаго, Коллежскій Ассесоръ **Лисенко** и Вилкомирскаго, Коллежскій Ассесоръ **Понотило**—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: первый Житомірскаго, а второй—Виленскаго; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Уманскаго, Надворный Совѣтникъ **Пестовъ**, Череповецкаго, Надворный Совѣтникъ **Гитцъ**, Великолуцкаго, Надворный Совѣтникъ **Кашкаровъ**, Петроковскаго, Коллежскій Ассесоръ **Чеховскій**, Сувалкскаго, Коллежскій Ассесоръ **Гнѣдичъ**, Красноярскаго, Титулярный Совѣтникъ **Андреяновъ**, Минскаго, Титулярный Совѣтникъ **Казанскій** и Тобольскаго, Титулярный Совѣтникъ **Васильевъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Пестовъ—Кіевскаго, Гитцъ—Великолуцкаго, Кашкаровъ—Новгородскаго, Чеховскій—Варшавскаго, Гнѣдичъ—Черниговскаго, Андреяновъ—Кѣлецкаго, Казанскій—Виленскаго и Васильевъ—Орловскаго; Городскіе Судьи: г. Соликамска, Надворный Совѣтникъ **Лазаревъ** и г. Осташкова, Титулярный Совѣтникъ **Носовъ**—Городскими Судьями: первый—г. Красноуфимска, а второй—г. Торжка; Мировые Судьи уѣздовъ: Мезенскаго, 1-го участка, Надворный Совѣтникъ **Истоминъ** и Атбасарскаго, Коллежскій Ассесоръ **Россинскій**—Мировыми Судьями уѣздовъ: первый—Архангельскаго, 2-го участка, а второй—Омскаго, 5-го участка.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ:* Прокуроръ Иркутскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Повало-Швыковскій**, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Острожскаго уѣзда, округа Житомірскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Сачинъ** и Городской Судья г. Спасска, Рязанской губерніи, Коллежскій Ассесоръ **Мустафинъ**, всѣ три по случаю причисленія ихъ къ Министерству, изъ нихъ Повало-Швыковскій съ 1 февраля.

Увольняются *отъ службы: согласно прошеніямъ:* Членъ Варшавскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Кроненбергъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; Товарищъ Прокурора Вологодскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Боголюбовъ**.

согласно прошеніямъ, по болѣзни: Членъ Екатеринославскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Черняченко** и Мировой Судья Катта-Курганскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Игнатьевъ**, оба съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* Уѣздный Членъ Астраханскаго Окружнаго Суда, по Красноярскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Веригинъ**; Членъ Кишиневскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Піотровскій**; Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей Участковый Мировой Судья Свенцянскаго округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Воскресенскій**.

По межевому управленію.

Назначается: Приморскій Областной Землемѣръ, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Яконовскій**—Исправляющимъ должность Члена-дѣлопроизводителя Коммисіи для отграниченія земель Забайкальскаго казачьяго войска.

По тюремному управленію.

Назначается: Смотритель Тобольской каторжной № 1 тюрьмы, Коллежскій Секретарь фонъ-**Гофляндъ**—Исправляющимъ должность Помощника Тобольскаго Губернскаго Тюремнаго Инспектора.

№ 16, февраля 20 дня 1903 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Членъ Совѣта Министра Финансовъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Ратьковъ-Рожновъ**, Членъ Виленской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Шильдеръ-Шульднеръ**, Статскій Совѣтникъ **Емельяновъ** и баронъ Персиваль **Вольфъ**—Почетными Мировыми Судьями Рѣжицкаго уѣзда, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ двухъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Причисленный къ Министерству Юстиціи, Титулярный Совѣтникъ **Сеницкій**, Себежскій Уѣздный Врачъ, Коллежскій Совѣтникъ **Германъ** и Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Чуйкевичъ**—Почетными Мировыми Судьями Себежскаго уѣзда, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ перваго причисленнымъ къ названному Министерству, а втораго въ занимаемой имъ должности.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

№ 3, отъ 27-го января 1903 года.

Назначается: канцелярскій чиновникъ втораго департамента Министерства Юстиціи, колежскій секретарь **Еременко** — журналистомъ центральнаго управленія сего Министерства, съ 1 января 1903 года.

Причисляются *къ Министерству*: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 10 января 1903 года за № 4, отъ должностей, согласно прошеніямъ: бывшіе: мировой судья 2 участка Газенпотъ-Гробинскаго округа, коллежскій асессоръ **Коленскій** и товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ: Либавскаго, надворный совѣтникъ **Григорьевъ** и Петрозаводскаго, титулярный совѣтникъ **Кузьминъ**; секретари: при прокурорѣ С.-Петербургской судебной палаты, коллежскій секретарь **Быковъ**, Петрозаводскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Носковъ** и при прокурорѣ Могилевскаго окружнаго суда, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, со степенью кандидата правъ, **Данкманъ**, помощникъ секретаря Казанскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Соколовъ** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при С.-Петербургской судебной палатѣ, коллежскій секретарь **Волковыскій** и при окружныхъ судахъ: Могилевскомъ окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени, **Банинъ**, Новочеркасскомъ, Титулярный Совѣтникъ **Поповъ** и Пермскомъ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ первой степени, **Буйко**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей: старшаго нотаріуса Витебскаго окружнаго суда—Коленскій и судебнаго слѣдователя: Быковъ—1 участка Царскосельскаго уѣзда, округа С.-Петербургкаго окружнаго суда, Носковъ—2 участка Вытегорскаго уѣзда, округа Петрозаводскаго окружнаго суда, Соколовъ—1 участка Яранскаго уѣзда, округа Вятскаго окружнаго суда, Волковыскій—1 участка Вольмарскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, Поповъ—3 участка Таганрогскаго округа окружнаго суда, Буйко—4 участка Оханскаго уѣзда, округа Пермскаго окружнаго суда, Григорьевъ, Кузьминъ,

Данкманъ и Бабинъ—на вновь учрежденныя должности судебныхъ слѣдователей: первый—по г. С.-Петербургу, второй по С.-Петербургскому уѣзду и послѣдніе двое - въ округѣ Могилевскаго окружнаго суда, изъ нихъ: Коленскій, Григорьевъ и Кузьминъ—съ 10 января 1903 года.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 1 участка Кіевскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Юркевичъ**—въ 8 участокъ г. Кіева; по важнѣйшимъ дѣламъ округа Луцкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Рихтеръ**—въ 9 участокъ г. Кіева; 2 участка Стародубскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Гончаровъ**—въ 10 участокъ г. Кіева; Перекопскаго уѣзда, округа Симферопольскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Прокофьевъ**—въ 1 участокъ Кіевскаго уѣзда; 1 участка Вытегорскаго уѣзда, округа Петрозаводскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Юрашевскій**—въ 1 участокъ Петрозаводскаго уѣзда; 2 участка Вытегорскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Масловскій**—въ 1 участокъ того же уѣзда; 3 участка Таганрогскаго округа, Таганрогскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Ильвесъ**—въ 1 участокъ г. Ростова на Дону, округа того же окружнаго суда; по важнѣйшимъ дѣламъ округа Рижскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Васильевъ**, 1 участка Царскосельскаго уѣзда округа С.-Петербургскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Евневичъ**, 1 участка Старорусскаго уѣзда, округа Новгородскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Карабиновичъ**, 2 участка г. Риги, надворный совѣтникъ **Коссовичъ** и 1 участка г. Орла, титулярный совѣтникъ **Андріевскій**—на вновь учрежденныя должности судебныхъ слѣдователей по г. С.-Петербургу.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію:* причисленный къ Министерству Юстиціи, коллежскій ассесоръ **Захарченко**.

По Правительствующему Сенату: назначаются: секретарь при оберъ-прокурорѣ перваго департамента Правительствующаго Сената, коллежскій ассесоръ **Вейль**—помощникомъ оберъ-секретаря того же департамента; младшій помощникъ оберъ-секретаря гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, коллежскій секретарь **Ставровичъ**—секретаремъ при оберъ-прокурорѣ того же департамента; причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные для занятій въ канцелярію перваго департамента Правительствующаго Сената: титулярный совѣтникъ **Денисевичъ** и коллежскій секретарь **Хрущовъ**; первый—помощникомъ оберъ-секретаря, второй и. д. секретаря при оберъ-прокурорѣ того же департамента; всѣ—съ 1 января 1903 года.

Переводится: причисленный къ канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, коллежскій секретарь **Сперанскій**—на службу въ канцелярію перваго департамента Правительствующаго Сената, съ назначеніемъ помощникомъ секретаря при оберъ-прокурорѣ того же департамента, съ 1 января 1903 года.

По главному тюремному управленію: опредѣляются въ службу: отставной коллежскій регистраторъ **Монкевичъ**—канцелярскимъ чиновникомъ главнаго тюремнаго управленія съ 14 іюня 1902 года.

№ 4, отъ 8-го февраля 1903 года.

Назначаются: причисленный къ Министерству Юстиціи, коллежскій совѣтникъ **Гиренко** и помощникъ дѣлопроизводителя X класса второго департамента Министерства Юстиціи, по управленію эмеритальной кассы, коллежскій секретарь **Михайловскій** — помощниками дѣлопроизводителя IX класса: первый—перваго департамента сего Министерства, съ 29 октября 1902 года, второй—второго департамента Министерства, по управленію эмеритальной кассы, съ 16 января 1903 года.

Опредѣляются *въ службу:* личный почетный гражданинъ **Родіоновъ** и Александръ **Никитинъ**—канцелярскими служителями третьяго разряда: первый—перваго департамента, второй—второго департамента сего Министерства, оба—согласно прошеніямъ и Высочайшему соизволенію, объявленному въ приказѣ по гражданскому вѣдомству отъ 1 января 1903 года за № 1, съ 1 января 1903 года.

Причисляются *къ Министерству:* уволенный отъ должности, согласно прошенію, Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 10 января 1903 года за № 4, бывшій мировой судья 6 участка Перново-Феллинскаго округа, коллежскій ассесоръ **Литвиновъ**, съ 10 января;

помощники мировыхъ судей округовъ окружныхъ судовъ: Тифлисскаго, Душетскаго отдѣла, титулярный совѣтникъ **Барсовъ**, Бакинскаго, отдѣловъ: Бакинскаго городского, завѣдывающій 2 слѣдственнымъ участкомъ титулярный совѣтникъ **Батуринъ**, того же отдѣла, завѣдывающій 3 Бакинскимъ слѣдственнымъ участкомъ, коллежскій секретарь **Люксъ**, Ленкоранскаго отдѣла, завѣдывающій Пришибъ-Православнымъ слѣдственно-мировымъ участкомъ, коллежскій секретарь **Мануйловъ** и Геокчайскаго, завѣдывающій Ивановскимъ мировымъ участкомъ, титулярный совѣтникъ **Бѣлоусовъ**, Кутаисскаго, Шаропанскаго отдѣла, завѣдывающій Сачхерскимъ участкомъ, надворный совѣтникъ **Езерскій** и Эриванскаго, отдѣловъ: Карсскаго, титулярный совѣтникъ **Ходалицкій**, того же отдѣла, завѣдывающій Кагызманскимъ слѣдственнымъ участкомъ, коллежскій секретарь **Жигадло** и Новобаязетскаго отдѣла, коллежскій секретарь **Сергій**; секретари окружныхъ судовъ: Екатеринодарскаго: титулярный совѣтникъ **Вертелецкій** и коллежскій секретарь **Успенскій** и Уманскаго, титулярный совѣтникъ **Брояковскій** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Кіевской судебной палатѣ: титулярные совѣтники: **Булавицкій** и **Фиксcенъ** и коллежскій секретарь **Полозовъ** и при окружныхъ судахъ: С.-Петербургскомъ, окончившій курсъ наукъ въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, **Суше-де-ла-Дюбоассіеръ**, Московскомъ, титулярный совѣтникъ **Брейеръ**, Нижегородскомъ, коллежскій ассесоръ **Сидоровскій**, Кіевскомъ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, **Добровольскій**, Владимірскомъ, титулярный совѣтникъ **Нечаевъ**, Елецкомъ, титулярный совѣтникъ **Малишевскій**, Владикавказскомъ, губернскій секретарь **Розенбергъ** и Екатеринбургскомъ, губернскій секретарь **Пьянковъ** — съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Суше-де-ла-Дюбоассіеръ—2 участка Феллинскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, Малишевскій—1 участка

Елецкаго уѣзда, Нечаевъ—Переславльскаго уѣзда, округа Владимірскаго окружнаго суда, Фикссенъ—2 участка Черкасскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, Пьянковъ—4 участка Верхотурскаго уѣзда, округа Екатеринбургскаго окружнаго суда, остальные восемнадцать—вновь учрежденныхъ должностей судебныхъ слѣдователей въ округахъ окружныхъ судовъ: Булавицкій, Добровольскій, Брояковскій, Сидоровскій, Брейеръ и Полозовъ—Уманскаго, Мануйловъ—Ставропольскаго, Барсовъ, Ходалицкій, Люксъ и Розенбергъ—Владикавказскаго, Езерскій, Батуринъ, Сергій, Жигадло, Успенскій, Вертелецкій и Бѣлоусовъ—Екатеринодарскаго;

младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургской судебной палатѣ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, **Ляутеръ**—съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію 2 департамента Правительствующаго Сената.

Опредѣляется *въ службу:* окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени **Виноградовъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ первому департаменту сего Министерства и съ откомандированіемъ для занятій въ юрисконсультскую часть съ 11 января 1903 года.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: по г. Новгороду и по важнѣйшимъ дѣламъ округа Новгородскаго окружнаго суда коллежскій совѣтникъ **Силантьевъ**—къ исправленію должности старшаго нотаріуса округа того же окружнаго суда; по важнѣйшимъ дѣламъ округа Пензенскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Бернеръ** и 3 участка Владимірскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Соколовъ**—къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ округовъ окружныхъ судовъ: первый—Саратовскаго, второй—Владимірскаго; Переславльскаго уѣзда, округа Владимірскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Воиновъ**—въ 3 участокъ Владимірскаго уѣзда; 4 участка г. Риги, надворный совѣтникъ **Шуструйскій**—въ 7 участокъ г. С.-Петербурга; 2 участка Феллинскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Середа**—въ 4 участокъ г. Риги; 2 участка Черкасскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Гораинъ**—въ 4 участокъ Васильковскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда; 4 участка Верхотурскаго уѣзда, округа Екатеринбургскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Аменицкій**—въ 5 участокъ того же уѣзда.

Отзывается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 3 участка Балтскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Аматуни**—отъ занимаемой имъ должности, согласно прошенію.

Умершій *исключается изъ списковъ:* причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя Можайскаго уѣзда, округа Московскаго окружнаго суда коллежскій ассесоръ **Лодыженскій**.

По Правительствующему Сенату: *назначаются:* секретарь при оберъ-прокурорѣ общаго собранія и соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената,

коллежскій ассесоръ **Щетининъ** и причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію означенныхъ общаго собранія и соединеннаго присутствія, коллежскій ассесоръ **Лихачевъ**: первый—старшимъ помощникомъ оберъ-секретаря, второй секретаремъ при оберъ-прокурорѣ общаго собранія и соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената; оба — съ 16 января 1903 года.

Утверждается: исправляющій должность помощника оберъ-секретаря перваго департамента Правительствующаго Сената, титулярный совѣтникъ **Пекарскій**—въ исправляемой имъ должности, съ 1 января 1903 года.

Опредѣляется *въ службу:* дворянинъ **Андреевъ** — канцелярскимъ служителемъ сенатской типографіи, съ 7 января 1903 года.

Увольняется *отъ службы:* состоящій за штатомъ бывшій канцелярскій чиновникъ упраздненнаго 3 департамента Правительствующаго Сената, коллежскій секретарь **Андреевъ**, съ 1 іюля 1901 года.

По Императорскому училищу правовѣдѣнія: назначается: штатный преподаватель реальнаго училища Богинскаго, **Ноакъ**—репетиторомъ приготовительныхъ классовъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, съ 1 января 1903 года, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности.

По губернскимъ учрежденіямъ: назначаются: предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Лидскаго округа, коллежскій ассесоръ **Лукашевъ**—въ составъ Лидскаго уѣзднаго по чиншевымъ дѣламъ присутствія;

членъ Екатеринбургской дворянской опеки, коллежскій ассесоръ **Россинскій**—предсѣдателемъ той же опеки;

Николай **Иваненко** и Казиміръ **Парадовскій**—гминными судьями по Кѣлецкой губерніи: первый—III округа Мѣховскаго уѣзда, второй—III округа Олькушскаго уѣзда.

Утверждаются, *по выборамъ, гминными судьями по Кѣлецкой губерніи:* Евстафій **Добецкій**—IV округа Кѣлецкаго уѣзда, Гиларій **Малевскій**—III округа, Романъ **Бышевскій**—V округа Стопницкаго уѣзда, Казиміръ **Кендзерскій**—II округа, Владиміръ **Шульцъ**—IV округа Влощовскаго уѣзда, Касперъ **Ляталъ**—VI округа Мѣховскаго уѣзда, Каэтанъ **Піотровскій**—III округа Андреевскаго уѣзда, Маріанъ **Кубецкій**—III округа, Владиславъ **Карсницкій**—VI округа Пинчовскаго уѣзда.

По главному тюремному управленію: опредѣляется *въ службу:* отставной титулярный совѣтникъ **Бенкинъ**—канцелярскимъ чиновникомъ главнаго тюремнаго управленія, съ допущеніемъ къ временному исправленію должности журналиста названнаго управленія, съ 1 декабря 1902 года.

Допускается, *согласно ст. 560 Уст. о служ., изд. 1896 года:* причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ главное тюремное управленіе, губернскій секретарь **Малининъ**—къ временному исправленію вакантной должности младшаго дѣлопроизводителя означеннаго управленія, съ 1 января 1903 года.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦІИ

(1802—1902).

(Окончаніе) [1].

IV. Министерство Юстиціи въ царствованіе Императора Александра III.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра III возобновилась временно прерванная дѣятельность Министерства Юстиціи по территоріальному распространенію судебной реформы. 30 марта 1882 г. состоялся законъ о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ 5 сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи, что̀ и осуществлено было въ томъ же году, а въ концѣ 1883 года введено было судебное преобразованіе въ полномъ объемѣ въ 6 сѣверо-западныхъ губерніяхъ, согласно закону 9 ноября 1882 г., послѣдовавшему въ виду настоятельныхъ ходатайствъ мѣстнаго начальства, которое заявило, между прочимъ, что отсутствіе правильнаго суда въ краѣ въ числѣ прочихъ причинъ вліяетъ неблагопріятно на приливъ русскихъ людей изъ внутреннихъ губерній.

Въ томъ же 1883 году Именнымъ Высочайшимъ указомъ 26 апрѣля о преобразованіи управленія Кавказскаго и Закавказскаго края на Министерство Юстиціи было возложено

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1903 г. Январь, стр. 1, и Февраль, стр. 1.

завѣдываніе въ этомъ краѣ судебною частью, которая до того времени наравнѣ со всѣми другими отраслями государственнаго управленія была подчинена непосредственно Намѣстнику.

Судебная реформа на всемъ пространствѣ Кавказа была осуществлена еще въ 1868 и 1869 г., при чемъ какъ разработка положенія о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Кавказскому и Закавказскому краю, такъ и всѣ распоряженія по введенію этихъ уставовъ въ дѣйствіе были сосредоточены въ Главномъ Управленіи Намѣстника Кавказскаго. При устройствѣ судебной части въ губерніи Ставропольской, въ областяхъ Кубанской и Терской и въ округѣ Черноморскомъ были допущены лишь слѣдующія два отступленія отъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.: впредь до введенія въ названныхъ мѣстностяхъ земскихъ учрежденій должности мировыхъ судей подлежали замѣщенію не по выборамъ, а по назначенію отъ правительства, и сверхъ того всѣ важнѣйшія уголовныя дѣла были подчинены вѣдѣнію окружныхъ судовъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Напротивъ того, при распространеніи судебной реформы на Закавказье, въ виду особенностей этого края, представилось необходимымъ, сверхъ указанныхъ отступленій отъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., установить еще рядъ другихъ. Главнѣйшія изъ нихъ заключаются: въ увеличеніи подсудности мировыхъ судей какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ; въ возложеніи на окружные суды обязанностей мировыхъ съѣздовъ; въ соединеніи въ лицѣ мировыхъ судей и ихъ помощниковъ обязанностей по разсмотрѣнію менѣе важныхъ дѣлъ съ производствомъ слѣдствій по преступленіямъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, и наконецъ въ сохраненіи въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ военно-народному управленію, прежнихъ народныхъ судовъ для разрѣшенія дѣлъ, возникающихъ между туземцами.

Озабочиваясь возможнымъ распространеніемъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, Министръ Юстиціи, статсъ секретарь Набоковъ признавалъ однако преждевременнымъ вводить судебную реформу въ такихъ мѣстностяхъ,

какъ Сибирь, Степныя области, Туркестанскій край и губернія Архангельская. Такъ какъ выработанныя западно-европейскою цивилизаціею начала, положенныя въ основу Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., приноровлены къ условіямъ болѣе или менѣе культурнаго быта, то эти начала, по мнѣнію статсъ секретаря Набокова, не могли имѣть никакого примѣненія въ упомянутыхъ выше мѣстностяхъ, разноплеменное и рѣдкое населеніе которыхъ находится еще на весьма низкой степени культуры.

Руководствуясь этими соображеніями и имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду совершенную невозможность дальнѣйшаго оставленія судебной части на окраинахъ въ состояніи полнаго неустройства, Министерство Юстиціи остановилось на мысли постепеннаго примѣненія къ нимъ отдѣльныхъ постановленій Судебныхъ Уставовъ, дабы путемъ медленнаго и послѣдовательнаго проведенія частичныхъ процессуальныхъ улучшеній подготовить мѣстное населеніе къ воспріятію дальнѣйшихъ усовершенствованій. Сообразно съ установленною такимъ образомъ программою въ Министерствѣ Юстиціи былъ разработанъ проектъ правилъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ въ губерніяхъ Тобольской, Томской, въ Восточной Сибири и Приамурскомъ краѣ. По этому проекту предполагалось учредить должности судебныхъ слѣдователей, въ числѣ 40 на всю Сибирь, для производства слѣдствій по важнѣйшимъ преступленіямъ и сверхъ того организовать прокурорскій надзоръ на началахъ, обезпечивающихъ дѣйствительное его значеніе въ ряду мѣстныхъ установленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самый порядокъ судопроизводства, дѣйствовавшій въ сибирскихъ судахъ, проектировалось ввести всѣ тѣ улучшенія, которыя получили уже ранѣе примѣненіе въ судебныхъ мѣстахъ прежняго устройства во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи. Всѣ эти предположенія удостоились Высочайшаго утвержденія 25 февраля 1885 г.

Еще ранѣе изданія приведеннаго закона, въ силу Высочайше утвержденнаго 8 мая 1884 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, на такихъ же, въ общемъ, основаніяхъ было произведено переустройство судебной части въ Архангельской

губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Министерствѣ Юстиціи было приступлено къ разработкѣ предположеній объ устройствѣ судебной части въ Степныхъ областяхъ и Туркестанскомъ краѣ, но предпринятыя по этому предмету работы не были завершены въ періодъ управленія Министерствомъ Юстиціи статсъ секретаря Набокова.

На ряду съ заботами о распространеніи судебной реформы, Министерство Юстиціи было поставлено въ необходимость предпринимать также мѣры къ усиленію штатовъ дѣйствовавшихъ уже новыхъ судебныхъ установленій, такъ какъ личный составъ ихъ въ виду огромнаго увеличенія числа судебныхъ дѣлъ оказывался совершенно недостаточнымъ для беззамедлительнаго отправленія правосудія. Сознавая однако настоятельную необходимость положить предѣлъ дальнѣйшему обремененію государственнаго казначейства новыми расходами на судебную часть въ тѣхъ по крайней мѣрѣ мѣстностяхъ, въ коихъ были уже учреждены новые суды, требовавшіе на содержаніе ихъ значительныхъ суммъ, Министръ Юстиціи, статсъ секретарь Набоковъ, счелъ нужнымъ обратиться къ изысканію такихъ мѣръ, которыя могли бы повести къ упрощенію и сокращенію самаго дѣлопроизводства въ упомянутыхъ судебныхъ установленіяхъ, а слѣдовательно и къ устраненію необходимости въ усиленіи ихъ личнаго состава. Съ этою цѣлью Министерство Юстиціи предприняло прежде всего пересмотръ правилъ, опредѣляющихъ наказанія за кражу со взломомъ и подсудность дѣлъ о преступленіяхъ этого рода. Число этихъ дѣлъ, производившихся въ окружныхъ судахъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, достигло въ 1880 году громадной цифры. Между тѣмъ судебная практика выяснила, что уложеніе о наказаніяхъ 1866 года придало слишкомъ широкое значеніе понятію о взломѣ. Вслѣдствіе этого Министерство Юстиціи вошло въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ установленіи менѣе строгой отвѣтственности для нѣкоторыхъ видовъ кражи со взломомъ и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ установленій. Государственный Совѣтъ отнесся весьма сочувственно къ предположеніямъ Министерства Юстиціи, и

выработанныя имъ правила удостоились Высочайшаго утвержденія 18 мая 1882 г.

Съ тою же цѣлью упрощенія дѣлопроизводства судебныхъ мѣстъ Министерство Юстиціи въ 1882 году вошло съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ объ измѣненіи подсудности дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ противъ порядка управленія сокращеніемъ числа дѣлъ этого рода, подвѣдомственныхъ судебнымъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Предположенія эти утверждены 11 мая 1882 г.

Приведенныя выше мѣропріятія и нѣкоторыя другія не только привели къ болѣе правильному распредѣленію между судебными установленіями упадающаго на нихъ труда, но и дали возможность сократить нѣсколько штаты судебныхъ палатъ. Достигнутыя вслѣдствіе этого сбереженія средствъ, ассигнованныхъ на содержаніе судебныхъ мѣстъ, Министръ Юстиціи Набоковъ признавалъ справедливымъ обратить всецѣло на улучшеніе матеріальнаго положенія судебныхъ чиновъ.

При установленіи въ 1862 и 1863 г.г. штатовъ новыхъ судебныхъ установленій вопросъ о нормахъ содержанія судебныхъ чиновъ получилъ весьма широкую постановку. Находя, что надлежащее матеріальное обезпеченіе судебнаго вѣдомства составляетъ одно изъ необходимѣйшихъ условій правильнаго судоустройства, Государственный Совѣтъ призналъ, что судебнымъ чинамъ должно быть назначено такое содержаніе, которое доставило бы имъ не только средства къ жизни и возможность приличнаго лишь существованія, но и положеніе, соотвѣтствующее важности ихъ назначенія. Установленные, согласно съ этой исходной точкой, оклады судебныхъ чиновъ представлялись достаточными и даже значительными въ первое лишь время послѣ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ. Вскорѣ, однако, рѣзкое измѣненіе всего экономическаго строя государства вызвало быстрое и почти повсемѣстное вздорожаніе жизни, и потому оклады судебныхъ чиновъ, установленные при иныхъ экономическихъ условіяхъ, оказались совершенно недостаточными и необезпечивающими

ихъ даже въ наиболѣе насущныхъ потребностяхъ. Сознавая всю важность надлежащаго матеріальнаго обезпеченія судебныхъ чиновъ для правильнаго отправленія правосудія и привлеченія въ судебное вѣдомство вполнѣ достойныхъ дѣятелей, статсъ секретарь Набоковъ образовалъ особую коммисію, на которую было возложено изыскать средства къ улучшенію быта судебныхъ чиновъ безъ отягощенія государственнаго казначейства. Въ видахъ покрытія необходимыхъ расходовъ на усиленіе содержанія судебныхъ чиновъ коммисія эта проектировала увеличить существующіе уже и ввести нѣкоторые новые сборы и пошлины съ лицъ, обращающихся къ суду, но предположенія эти не получили осуществленія за несогласіемъ съ этою мѣрою финансоваго вѣдомства. Вслѣдствіе этого Министерство Юстиціи остановилось на мысли, путемъ сокращенія дѣлопроизводства судебныхъ мѣстъ и уменьшенія ихъ штатовъ, образовать необходимыя средства для улучшенія матеріальнаго положенія хотя бы наиболѣе нуждающихся судебныхъ чиновъ; когда же, благодаря сокращенію штатовъ судебныхъ палатъ, было достигнуто сбереженіе въ размѣрѣ 94.000 рублей въ годъ, то по представленію статсъ секретаря Набокова сумма эта, въ силу Высочайше утвержденныхъ 12 іюня 1884 г. и 30 апрѣля 1885 г. мнѣній Государственнаго Совѣта, была распредѣлена между 184 старѣйшими по службѣ членами окружныхъ судовъ въ видѣ добавочныхъ окладовъ къ получаемому ими содержанію. Такимъ образомъ сдѣланъ былъ первый шагъ къ улучшенію матеріальнаго быта судебныхъ чиновъ, при чемъ осуществленіе означенной мѣры было пріурочено къ знаменательному для Россіи дню исполнившагося совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II.

Усматривая въ надлежащемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ судебнаго вѣдомства одну изъ гарантій правильной и успѣшной дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій, Министръ Юстиціи, статсъ секретарь Набоковъ придавалъ въ этомъ отношеніи столь же важное значеніе и правильной постановкѣ надзора за чинами этого вѣдомства. Между тѣмъ

постановленія по этому предмету Судебныхъ Уставовъ страдали нѣкоторою неполнотою и неясностью, не замедлившими породить на практикѣ весьма существенныя неудобства.

Одна изъ главныхъ причинъ обнаружившейся недостаточности надзора за судебными установленіями заключалась въ чрезмѣрной централизаціи его въ вѣдѣніи Министра Юстиціи и Правительствующаго Сената. Вслѣдствіе этого Министръ Юстиціи Набоковъ пришелъ къ заключенію, что надзирающую власть въ округѣ каждой судебной палаты надлежало бы предоставить старшему ея предсѣдателю, который въ силу принадлежащаго ему первенствующаго положенія въ судебной іерархіи пользуется особымъ авторитетомъ среди всѣхъ прочихъ судебныхъ чиновъ.

Независимо отъ того власть Министра Юстиціи по надзору за судебными установленіями была опредѣлена въ Судебныхъ Уставахъ недостаточно полно и ясно. Законъ какъ бы устранялъ Министра Юстиціи отъ надзора за всѣми тѣми сторонами отправленія правосудія, которыя не могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ медленности въ ходѣ судопроизводства или нарушенія внутренняго распорядка, и лишалъ его права дѣлать непосредственныя указанія судебному мѣсту или лицу, въ дѣятельности котораго замѣчены неправильности. Въ виду такой неполноты постановленій Судебныхъ Уставовъ статсъ секретарь Набоковъ признавалъ необходимымъ предоставить Министру Юстиціи, какъ высшему представителю судебнаго вѣдомства, несущему отвѣтственность передъ Верховною Властью за правильный ходъ правосудія въ Имперіи, право требовать отъ чиновъ вѣдомства доставленія нужныхъ свѣдѣній и объясненій, предлагать принятіе мѣръ къ отвращенію замѣченныхъ безпорядковъ или неправильностей и дѣлать подлежащимъ лицамъ соотвѣтственныя напоминанія и указанія.

Наконецъ Министръ Юстиціи Набоковъ обратилъ также вниманіе на недостаточность тѣхъ мѣръ взысканія, коимъ по Судебнымъ Уставамъ могутъ быть подвергаемы чины судебнаго вѣдомства въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности. Въ стремленіи обезпечить личный составъ судебныхъ установленій достойными дѣятелями и въ видахъ предоставленія

судьямъ полной независимости, столь необходимой для правильнаго отправленія правосудія, Судебными Уставами было постановлено, что судья за служебные проступки можетъ быть уволенъ отъ занимаемой имъ должности не иначе, какъ по приговору уголовнаго суда, а за дѣянія, не относящіяся къ службѣ,—только въ случаѣ личнаго задержанія за долги, объявленія несостоятельнымъ должникомъ или осужденія за общее преступленіе. Между тѣмъ Министръ Юстиціи Набоковъ находилъ, что въ виду высокаго положенія судьи, для охраненія чести и достоинства судебнаго вѣдомства необходимо допустить возможность удаленія отъ должности и такихъ лицъ, которыя, хотя и не совершили какого-либо преступленія, но цѣлымъ рядомъ упущеній или неправильныхъ дѣйствій доказали полную свою непригодность къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей или же явное къ нимъ пренебреженіе. Независимо отъ того, по мнѣнію статсъ секретаря Набокова, въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности должна быть допущена возможность увольненія судьи и въ тѣхъ случаяхъ, когда, внѣ служебной своей дѣятельности, судья дозволитъ себѣ такіе противные нравственности или предосудительные поступки, которые, получивъ огласку, лишаютъ его въ средѣ мѣстнаго общества довѣрія и уваженія, необходимыхъ для дѣятеля, призваннаго творить судъ и расправу именемъ Верховной Власти.

Въ виду приведенныхъ соображеній въ Министерствѣ Юстиціи былъ выработанъ проектъ цѣлаго ряда правилъ, существенно измѣнявшихъ первоначальныя постановленія Судебныхъ Уставовъ о надзорѣ за судебнымъ вѣдомствомъ и о дисциплинарной отвѣтственности судебныхъ чиновъ. Согласно этому проекту, въ составѣ Правительствующаго Сената было предположено образованіе Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія для разсмотрѣнія возбуждаемыхъ Министромъ Юстиціи дѣлъ объ увольненіи отъ должности судей въ порядкѣ дисциплинарнаго производства. Къ числу дисциплинарныхъ мѣръ, которыя могутъ быть примѣняемы означеннымъ Присутствіемъ, отнесено, между прочимъ, и перемѣщеніе судей на другую равную должность.

Всѣ упомянутыя предположенія были одобрены Государственнымъ Совѣтомъ и удостоились въ главныхъ своихъ основаніяхъ Высочайшаго утвержденія 14 и 20 мая 1885 г.

Одновременно съ усиленіемъ надзора за судебнымъ вѣдомствомъ, Министерство Юстиціи признало необходимымъ внести въ Судебные Уставы нѣкоторыя дальнѣйшія поправки въ видахъ большаго обезпеченія правильной дѣятельности суда. Къ числу важнѣйшихъ изъ предпринятыхъ съ этою цѣлью мѣръ надлежитъ отнести измѣненіе закона, касающагося отвода присяжныхъ засѣдателей. Практика выяснила, что лица прокурорскаго надзора пользовались правомъ отвода лишь въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ далеко не въ полномъ объемѣ, тогда какъ защита по большинству дѣлъ широко пользовалась этимъ правомъ, дабы путемъ искусственнаго подбора состава присяжныхъ изъ тѣхъ элементовъ общества, отъ которыхъ возможно ожидать болѣе снисходительнаго отношенія къ совершенному преступленію, достигнуть благопріятнаго для подсудимаго приговора. Цѣль эта и достигалась нерѣдко въ ущербъ правосудію, благодаря недостаточному еще сознанію въ массѣ народа вреда и преступности нѣкоторыхъ дѣяній, вызывающихъ уголовную отвѣтственность. Признавая вслѣдствіе этого необходимымъ умѣрить право отвода, предоставленное сторонамъ, Министерство Юстиціи вошло по этому предмету съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ, и закономъ 12 іюня 1884 г. каждой изъ сторонъ предоставлено право отвода не болѣе трехъ присяжныхъ засѣдателей, вмѣсто шести, какъ было ранѣе.

Тѣмъ же закономъ были введены весьма существенныя улучшенія въ постановленія Судебныхъ Уставовъ, относящіяся къ порядку составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ первое время дѣйствія Судебныхъ Уставовъ бывали нерѣдко случаи, когда въ составѣ присяжныхъ засѣдателей не оказывалось ни одного грамотнаго, тогда какъ по мысли закона къ участію въ отправленіи правосудія, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, должны быть призываемы лучшіе и вполнѣ надежные элементы общества. Неудовлетворительность состава присяжныхъ, отражавшаяся на существѣ постановле-

мыхъ при ихъ участіи приговоровъ, не могла не обратить на себя вниманія Министерства Юстиціи. Признавая вообще необходимымъ повысить установленный закономъ цензъ для присяжныхъ засѣдателей, Д. Н. Набоковъ нашелъ однако возможнымъ впредь до разработки соотвѣтственныхъ по этому предмету предположеній ограничиться принятіемъ безотлагательныхъ мѣръ къ скорѣйшему улучшенію состава присяжныхъ путемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ организаціи коммисій, на которыя возложено составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей. Съ этою цѣлью въ составъ упомянутыхъ коммисій были между прочимъ введены предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей и мѣстный товарищъ прокурора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы дать упомянутымъ коммисіямъ возможность включить въ списки присяжныхъ засѣдателей лишь наиболѣе достойныхъ представителей общества, общее число лицъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, было сокращено въ значительной мѣрѣ.

Выяснившіеся на практикѣ недостатки въ дѣятельности суда присяжныхъ, вызвавшіе рѣзкія на него нареканія въ извѣстной части общества, обусловливались однако не столько неудовлетворительностью состава присяжныхъ засѣдателей, сколько несовершенствомъ нашего уголовнаго законодательства. На недостатки нашей карательной системы было давно уже обращено вниманіе правительства, при чемъ въ семидесятыхъ годахъ былъ образованъ рядъ коммисій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Министерствѣ Юстиціи и Государственномъ Совѣтѣ для пересмотра установленной у насъ лѣстницы наказаній. При обсужденіи въ 1879 году выработанныхъ по этому предмету предположеній Государственный Совѣтъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе на необходимость въ возможно скорѣйшемъ времени приступить къ пересмотру уложенія о наказаніяхъ. Вслѣдствіе этого въ Министерствѣ Юстиціи и во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи были предприняты подготовительныя по пересмотру работы, и затѣмъ по всеподданнѣйшему докладу статсъ секретаря князя Урусова и Министра Юстиціи Набокова было испрошено Высочайшее повелѣніе

объ образованіи особаго комитета для начертанія проекта новаго уголовнаго уложенія, подъ ближайшимъ руководствомъ Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министра Юстиціи, изъ 14 лицъ.

Въ упомянутомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ выражено, между прочимъ, что „многолѣтній опытъ судебной практики самымъ нагляднымъ образомъ показываетъ, что дѣйствующее уложеніе не только не соотвѣтствуетъ требованіямъ новыхъ Судебныхъ Уставовъ, но и является препятствіемъ, со стороны своей технической обработки, правильному отправленію правосудія, въ особенности на судѣ съ присяжными. Не достигая цѣли предусмотрѣть всѣ проявленія преступной воли и оставляя безъ вниманія даже такія дѣянія, которыя несомнѣнно надлежало бы подвергнуть преслѣдованію уголовнымъ закономъ, уложеніе облагаетъ весьма тяжкими карами такіе проступки, кои являются нынѣ въ общемъ сознаніи вовсе непреступными или крайне маловажными, а потому или совершенно не преслѣдуются по иностраннымъ законодательствамъ, или же влекутъ за собою для виновныхъ въ нихъ сравнительно легкія наказанія. Съ другой стороны, дѣянія вполнѣ однородныя наказываются по уложенію въ такой степени различно, что превращаются иногда изъ маловажныхъ проступковъ въ тяжкія уголовныя преступленія".

Вслѣдъ за образованіемъ комитета, изъ среды его съ Высочайшаго соизволенія была избрана редакціонная коммисія въ составѣ 5 лицъ, а именно Э. В. Фриша, Е. Н. Розина, Н. С. Таганцева, Н. А. Неклюдова и И. Я. Фойницкаго, которая и приступила, подъ руководствомъ статсъ секретаря Фриша, къ изготовленію первоначальнаго проекта уголовнаго уложенія и объяснительной къ нему записки.

Независимо отъ этихъ общихъ мѣропріятій, направленныхъ къ усовершенствованію нашего уголовнаго законодательства, Министерствомъ Юстиціи былъ разработанъ рядъ законопроектовъ, имѣвшихъ цѣлью внести тѣ дополненія, поправки и улучшенія въ дѣйствовавшія постановленія уложенія о наказаніяхъ, безотлагательное осуществленіе которыхъ вызывалось требованіями жизни.

Къ числу важнѣйшихъ работъ въ этой области надлежитъ прежде всего отнести составленныя Министерствомъ Юстиціи предположенія объ измѣненіи наказаній для несовершеннолѣтнихъ въ смыслѣ замѣны ссылки на житье, назначаемой несовершеннолѣтнимъ привилегированныхъ состояній, срочнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Законъ по этому предмету послѣдовалъ 27 октября 1881 г. Далѣе закономъ 16 іюня 1884 г. усилены нѣсколько наказанія за присвоенія и растраты, не соотвѣтствовавшія значенію и важности этого преступнаго дѣянія. Мѣра эта вызвана была ближайшимъ образомъ часто повторявшимися случаями растраты и хищенія значительныхъ суммъ лицами, служащими въ общественныхъ и кредитныхъ установленіяхъ.

На ряду съ приведенными измѣненіями нашихъ карательныхъ постановленій нельзя также не упомянуть о весьма важномъ законѣ 26 мая 1881 г., измѣнившемъ порядокъ исполненія приговоровъ о смертной казни. Въ прежнее время приговоры эти исполнялись всегда публично. Между тѣмъ публичность казни не только не производила устрашающаго впечатлѣнія, но напротивъ, давая лишь пищу для удовлетворенія празднаго и грубаго любопытства толпы, имѣла на нее глубоко развращающее вліяніе. Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія въ Министерствѣ Юстиціи выработаны были правила, въ силу которыхъ всѣ приговоры о смертной казни, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда съ Высочайшаго соизволенія смертная казнь замѣняется такъ называемою политическою смертью, приводятся въ исполненіе въ оградѣ тюрьмы въ присутствіи нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и 10 мѣстныхъ обывателей изъ заслуживающихъ общественнаго довѣрія домохозяевъ.

Что касается законодательныхъ работъ, предпринятыхъ Министерствомъ Юстиціи въ области гражданскаго права, то главнѣйшія изъ нихъ, въ періодъ управленія Министерствомъ статсъ секретаря Набокова, заключались въ составленіи проекта правилъ о порядкѣ укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества. Дѣйствующія по этому предмету постановленія закона, обусловливая переходъ права собственности на не-

движимыя имущества соблюденіемъ тягостныхъ и совершенно излишнихъ формальностей, безполезно затрудняющихъ совершеніе сдѣлокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются крайнею неполнотою, порождающею неопредѣленность правъ поземельной собственности, а нерѣдко и совершенную неизвѣстность въ теченіе весьма продолжительнаго времени, кому принадлежитъ право собственности на имѣніе и чѣмъ ограничены права собственника. Неудобства такого порядка, оказывающія крайне вредное вліяніе на развитіе земельнаго кредита и на самую цѣнность земельныхъ имуществъ, давно уже обратили на себя вниманіе правительства, при чемъ единственнымъ средствомъ для устраненія недостатковъ существующаго у насъ порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества признавалось всегда введеніе ипотечной системы, примѣняемой съ полнымъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы, а также и у насъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и Прибалтійскихъ. Разработка предположеній по этому предмету была первоначально сосредоточена во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а съ 1867 года по Высочайшему повелѣнію была возложена на Министерство Юстиціи. По окончаніи этихъ работъ, Государственный Совѣтъ, приступивъ съ 1877 и 1878 г.г. къ обсужденію составленнаго проекта, призналъ необходимымъ, въ виду обширности проектированныхъ правилъ, возложить на Министерство Юстиціи извлеченіе изъ проекта наиболѣе существенныхъ постановленій, требующихъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ, съ тѣмъ, чтобы по утвержденіи этихъ основныхъ положеній Высочайшею властью обсудить всѣ остальныя правила въ особой коммисіи изъ членовъ Государственнаго Совѣта. Во исполненіе этого порученія Министерствомъ Юстиціи былъ составленъ и внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ главныхъ основаній предположеннаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, и этотъ проектъ съ нѣкоторыми измѣненіями, коимъ онъ подвергся въ Государственномъ Совѣтѣ, удостоился Высочайшаго утвержденія 19 мая 1881 г.

Между тѣмъ 12 мая 1882 г. послѣдовало Высочайшее

повелѣніе объ учрежденіи, для кореннаго пересмотра дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и составленія проекта новаго гражданскаго уложенія, особаго комитета изъ 12 лицъ.

Мѣра эта была вызвана крайнимъ несовершенствомъ нашего матеріальнаго гражданскаго законодательства, заключающимся въ отсутствіи общихъ руководящихъ опредѣленій въ гражданскихъ законахъ, въ невыдержанности ихъ терминологіи, въ неудовлетворительности системы, казуистичности, противорѣчивости отдѣльныхъ постановленій и наконецъ въ значительномъ несоотвѣтствіи этихъ постановленій современнымъ правовымъ воззрѣніямъ народа, а также условіямъ его быта и новѣйшимъ научнымъ требованіямъ. Предсѣдательствованіе въ комитетѣ было возложено на Министра Юстиціи; для составленія же первоначальнаго проекта гражданскаго уложенія и объяснительной къ нему записки въ составѣ комитета была учреждена редакціонная коммисія изъ Е. П. Старицкаго, А. А. Книрима, С. В. Пахмана, С. И. Лукьянова, И. Я. Голубева, В. И. Голевинскаго и І. И. Карницкаго, подъ предсѣдательствомъ Е. П. Старицкаго. Съ 1883 года предсѣдательство въ этой коммисіи было возложено на статсъ секретаря Стояновскаго, а затѣмъ послѣ кончины его, послѣдовавшей въ 1900 году, на А. А. Книрима. Вслѣдъ за учрежденіемъ редакціонной коммисіи ей поручено было и составленіе проектовъ относительно порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, согласно съ тѣми основными положеніями, которыя удостоились Высочайшаго утвержденія 19 мая 1881 г.

Въ ряду общихъ законодательныхъ работъ, предпринятыхъ Министерствомъ Юстиціи въ періодъ управленія имъ статсъ секретаря Набокова, первенствующее значеніе для судебнаго вѣдомства принадлежитъ, безспорно, законопроекту объ учрежденіи эмеритальной кассы вѣдомства сего Министерства.

Еще при начертаніи основныхъ положеній новаго судоустройства было признано необходимымъ предоставить надлежащее обезпеченіе судебнымъ чинамъ не только во время прохожденія ими службы, но и при выходѣ ихъ въ отставку.

Съ этою цѣлью въ виду скудости общихъ пенсіонныхъ окладовъ, не могущихъ обезпечить средствъ къ существованію, было положено образовать эмеритальную кассу судебнаго вѣдомства. Вскорѣ по утвержденіи уставовъ и было приступлено къ производству вычета въ размѣрѣ 6% изъ жалованья лицъ, назначаемыхъ на новыя судебныя должности, и Министерство Юстиціи еще до введенія судебной реформы въ округахъ С.-Петербургской и Московской судебныхъ палатъ обратилось къ обсужденію основаній, на коихъ могла бы быть учреждена эмеритальная касса судебнаго вѣдомства, но непреодолимымъ препятствіемъ къ успѣшному окончанію предпринятыхъ работъ служилъ недостатокъ денежныхъ средствъ, долженствовавшихъ составить основной фондъ кассы. Такимъ образомъ открытіе дѣйствія ея замедлилось на многіе годы.

Сознавая вполнѣ всю важность скорѣйшаго обезпеченія участи заслуженныхъ судебныхъ чиновъ на случай оставленія ими скудно оплачиваемой службы, Министръ Юстиціи, статсъ секретарь Набоковъ, твердо рѣшился принять, съ своей стороны, всѣ мѣры для удовлетворенія этой важной потребности, невзирая на тѣ не вполнѣ благопріятныя условія, при которыхъ приходилось создавать судебную эмеритуру. Трудная эта задача составила предметъ обширныхъ работъ и изысканій, производившихся какъ въ самомъ Министерствѣ Юстиціи, такъ и въ особой образованной при немъ коммисіи. Результатомъ этихъ работъ былъ проектъ устава эмеритальной кассы судебнаго вѣдомства, Высочайше утвержденный 3 іюня 1885 г.

Независимо отъ законодательныхъ работъ, выполняемыхъ съ цѣлью улучшенія судоустройства и судопроизводства, а также матеріальнаго права гражданскаго и уголовнаго, Министерство Юстиціи всегда принимало широкое участіе въ работахъ законодательнаго свойства, возникающихъ въ другихъ вѣдомствахъ. Такъ какъ сфера законодательной дѣятельности близко соприкасается съ юридическою, то во всѣхъ случаяхъ, когда возникшія законодательныя предположенія такъ или иначе затрогиваютъ вопросы права, предположенія

эти до внесенія ихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта сообщаются на заключеніе Министерства Юстиціи. До 1881 года обязанности этого Министерства по разсмотрѣнію вносимыхъ на уваженіе Государственнаго Совѣта законопроектовъ для соображенія ихъ съ юридической точки зрѣнія раздѣляло съ нимъ спеціально учрежденное съ этою цѣлью Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ которомъ было прежде сосредоточено предварительное обсужденіе всѣхъ возникающихъ въ разныхъ вѣдомствахъ законодательныхъ предположеній. Съ упраздненіемъ же въ этомъ году названнаго Отдѣленія обязанности Министерства Юстиціи по законодательной части значительно расширились и усложнились, такъ какъ законопроекты другихъ вѣдомствъ стали поступать на заключеніе этого Министерства не только для соображенія ихъ съ юридической стороны, но и для согласованія съ существующими законами.

6 ноября 1885 года, послѣ семилѣтняго пребыванія на посту Министра Юстиціи, статсъ секретарь Д. Н. Набоковъ былъ уволенъ отъ этой должности, и управленіе Министерствомъ Юстиціи было ввѣрено сенатору *Николаю Авксентьевичу Манасеину*, незадолго передъ тѣмъ выполнившему весьма важное порученіе по обревизованію Лифляндской и Курляндской губерній по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія.

Призванный по Высочайшей волѣ на постъ Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, Н. А. Манасеинъ обратилъ прежде всего вниманіе на необходимость дальнѣйшаго распространенія судебнаго преобразованія на тѣ мѣстности Имперіи, которыхъ не коснулась еще реформа. Предметомъ особыхъ заботъ его въ этомъ отношеніи было введеніе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствовалъ судебный строй, рѣзко отличавшійся отъ устройства суда въ остальныхъ частяхъ Имперіи.

Сложившись исторически подъ вліяніемъ политическаго прошлаго Балтійскаго побережья, этотъ судебный строй не представлялъ собою цѣльной системы судоустройства, дѣй-

ствіе коей распространялось бы на всѣ Прибалтійскія губерніи. Напротивъ того, каждая изъ нихъ имѣла свои особыя судебныя установленія, существенно отличавшіяся отъ учрежденій, дѣйствовавшихъ въ другихъ губерніяхъ. При всемъ разнообразіи въ организаціи судебныхъ мѣстъ Прибалтійскаго края, всѣ они отличались однако общими присущими имъ недостатками, заключавшимися въ замѣщеніи судебныхъ должностей по выбору дворянства, въ разграниченіи подсудности между судами въ зависимости отъ принадлежности участвующихъ въ дѣлѣ лицъ къ тому или иному сословію, въ чрезвычайномъ разнообразіи и неопредѣленности примѣнявшихся въ судахъ процессуальныхъ правилъ и наконецъ въ крайней сложности и медленности судебной процедуры. Убѣдившись лично еще во время сенаторской ревизіи въ крупныхъ недостаткахъ существовавшаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ судебнаго устройства, Министръ Юстиціи Манасеинъ, въ виду обнаруженныхъ этою ревизіею данныхъ, пришелъ къ заключенію, что введеніе въ этомъ краѣ выборнаго института на началахъ, которыя были указаны въ законѣ 28 мая 1880 г., состоявшемся по представленію графа Палена, не достигало бы цѣли существеннаго улучшенія дѣйствовавшихъ тамъ судебныхъ порядковъ. По его мнѣнію, представлялось настоятельно необходимымъ приступить къ безотлагательному переустройству всей судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и съ этою цѣлью выработать предположенія о введеніи въ этихъ губерніяхъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. въ полномъ объемѣ съ тѣми лишь измѣненіями, какія вызывались бытовыми и политическими условіями края. Работы, предпринятыя Министерствомъ Юстиціи по этому предмету, представлялись въ высшей степени сложными и трудными. Трудность ихъ заключалась не только въ особенностяхъ мѣстнаго матеріальнаго права, вызывавшихъ необходимость согласованія съ нормами этого права судопроизводственныхъ правилъ, но и въ томъ, между прочимъ, обстоятельствѣ, что на мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ Прибалтійскихъ губерній, независимо отъ судебныхъ функцій, лежали также разнообразныя обя-

занности административныя, сословныя, полицейскія, опекунскія и по надзору за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, которыя, конечно, не могли быть перенесены на новыя судебныя мѣста.

Благодаря неутомимой энергіи Министра Юстиціи, сложный трудъ разработки проекта о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ былъ законченъ менѣе чѣмъ въ два года. Главнѣйшія особенности проектированной организаціи суда въ Прибалтійскомъ краѣ заключались въ опредѣленіи мировыхъ судей къ должности не по выбору, а по назначенію отъ правительства, и въ неучрежденіи института присяжныхъ засѣдателей. Независимо отъ того при устройствѣ судебныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ предполагалось также, въ связи съ дѣйствовавшею въ краѣ ипотечною системою, учредить при окружныхъ судахъ, вмѣсто нотаріальныхъ архивовъ, особыя крѣпостныя отдѣленія для завѣдыванія поземельно-ипотечною частью. Наконецъ постановленія Судебныхъ Уставовъ, касающіяся гражданскаго судопроизводства, подверглись весьма тщательному пересмотру въ видахъ приспособленія дѣйствующаго у насъ гражданскаго процесса къ чуждымъ нашему законодательству правовымъ нормамъ, примѣняемымъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ связи съ предположенною судебною реформою Министерство Юстиціи выработало также предположеніе о преобразованіи крестьянскихъ установленій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ частности, составленъ былъ проектъ правилъ объ устройствѣ крестьянскихъ судовъ, а также о порядкѣ производства ими дѣлъ—примѣнительно къ началамъ, содержащимся въ общихъ уставахъ 20 ноября 1864 г.,—и о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами. Всѣ эти правила соединены были въ одинъ волостной судебный уставъ. Кромѣ того въ Министерствѣ Юстиціи былъ разработанъ проектъ временныхъ правилъ о передачѣ лежавшихъ на приходскихъ и уѣздныхъ судахъ обязанностей по надзору за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ единоличнымъ органамъ, назначаемымъ отъ правительства. Наконецъ тѣмъ же Министерствомъ проектировано на одинаковыхъ съ Имперіею основаніяхъ устройство опекунской части Прибалтійскаго края.

Всѣ эти предположенія, которыя, по мысли Министра Юстиціи Манасеина, должны были не только оказать благотворное вліяніе на отправленіе правосудія въ Остзейскомъ краѣ, но и послужить къ достиженію политическихъ цѣлей первостепеннаго государственнаго значенія, были внесены 31 декабря 1887 г. на уваженіе Государственнаго Совѣта. Въ теченіе всей сессіи 1888—1889 г. разсматривалъ Государственный Совѣтъ этотъ проектъ, и затѣмъ предположенія Министерства Юстиціи были одобрены и 9 іюля 1889 г. удостоились Высочайшаго утвержденія.

Послѣ осуществленія судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, было приступлено къ разработкѣ предположеній о введеніи Судебныхъ Уставовъ въ полномъ объемѣ въ губерніяхъ: Олонецкой, Оренбургской, Уфимской и Астраханской. Въ виду разноплеменности населенія этихъ губерній и недостаточной распространенности въ средѣ его грамотности и знанія русскаго языка и, наконецъ, обширности разстояній между отдѣльными населенными пунктами, Министръ Юстиціи Манасеинъ признавалъ преждевременнымъ вводить въ этихъ губерніяхъ судъ присяжныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ нужнымъ, при примѣненіи къ нимъ Судебныхъ Уставовъ, допустить рядъ изъятій изъ общихъ процессуальныхъ правилъ въ цѣляхъ облегченія сношеній суда съ населеніемъ. Проектированное на этихъ началахъ судебное преобразованіе удостоилось Высочайшаго утвержденія и затѣмъ было осуществлено въ названныхъ губерніяхъ въ теченіе 1894 года.

На ряду съ распространеніемъ судебной реформы въ полномъ объемѣ на упомянутыя выше губерніи, въ періодъ управленія Министерствомъ Юстиціи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Манасеина были введены мировыя судебныя установленія отдѣльно отъ общихъ въ Туркестанскомъ краѣ, въ Архангельской губерніи и въ Степныхъ областяхъ. Въ виду громаднаго протяженія упомянутыхъ окраинъ и рѣдкаго ихъ населенія, при осуществленіи этого частичнаго судебнаго преобразованія были допущены весьма существенныя отступленія отъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. Главнѣйшія

изъ нихъ заключались въ соединеніи въ лицѣ мироваго судьи судейскихъ функцій съ обязанностями судебнаго слѣдователя, въ значительномъ расширеніи подсудности мировыхъ судей какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ и, наконецъ, въ предоставленіи обязанностей второй инстанціи по дѣламъ мировой подсудности не мировымъ съѣздамъ, а соединенной палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда въ Архангельской губерніи и областнымъ судамъ въ прочихъ мѣстностяхъ.

Озабочиваясь введеніемъ болѣе совершенныхъ формъ суда на окраинахъ, Министерство Юстиціи слѣдило вмѣстѣ съ тѣмъ за дѣятельностью новыхъ судебныхъ мѣстъ во внутреннихъ губерніяхъ и соотвѣтственно указаніямъ опыта стремилось внести въ организацію судебныхъ установленій тѣ поправки, которыя, по его мнѣнію, могли обезпечить болѣе правильное отправленіе правосудія. Особое вниманіе Н. А. Манасеина было обращено на дѣятельность суда присяжныхъ, вызывавшаго въ извѣстной части общества постоянныя и рѣзкія на нее нападки. Не раздѣляя въ этомъ отношеніи мнѣнія принципіальныхъ противниковъ суда присяжныхъ и признавая, съ своей стороны, эту форму суда наиболѣе совершенною и наиболѣе отвѣчающею интересамъ правосудія, Министерство Юстиціи не могло однако не убѣдиться въ томъ, что нерѣдко вердикты присяжныхъ, вызывавшіе нареканія въ обществѣ, обусловливались несовершенствомъ процессуальныхъ правилъ, лишавшихъ присяжныхъ засѣдателей возможности высказывать дѣйствительное ихъ мнѣніе о виновности подсудимаго. Вслѣдствіе этого, по представленію Министерства, послѣдовало нѣсколько законовъ, внесшихъ необходимыя измѣненія въ упомянутыя правила.

Такъ, прежде всего, закономъ 15 мая 1886 г., присяжнымъ засѣдателямъ предоставлено право дѣлать суду заявленія объ исправленіи или дополненіи проектированныхъ судомъ вопросовъ.

Далѣе Министръ Юстиціи Манасеинъ признавалъ желательнымъ повысить въ значительной мѣрѣ подоходный цензъ, необходимый для избранія въ присяжные засѣдатели, и, на-

противъ того, понизить размѣръ ценза для владѣльцевъ недвижимой собственности. Сверхъ того предположенія Министерства Юстиціи коснулись самаго порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, при чемъ въ основаніе проектированныхъ по этому предмету правилъ были приняты временныя правила 12 іюня 1884 г., введенныя въ дѣйствіе еще при бывшемъ Министрѣ Юстиціи Набоковѣ и давшія на практикѣ вполнѣ удовлетворительные результаты.

Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта отнеслись съ полнымъ и единодушнымъ сочувствіемъ къ упомянутымъ предположеніямъ Министра Юстиціи Манасеина. Признавая первостепенное значеніе законодательныхъ мѣръ, проектированныхъ имъ съ цѣлью улучшенія состава присяжныхъ засѣдателей, Соединенные Департаменты выразили увѣренность, что съ осуществленіемъ предположеній сенатора Манасеина въ дальнѣйшей дѣятельности суда присяжныхъ будутъ устранены тѣ преграды ея успѣху, которыя не дозволяли оцѣнить въ полной мѣрѣ достоинства этой формы суда, обезпечивающей независимость и нелицепріятіе судебныхъ приговоровъ. Предположенія Министерства Юстиціи по этому предмету утверждены 28 апрѣля 1887 г.

Подвергнувъ тщательному и подробному изслѣдованію результаты двадцатилѣтней дѣятельности суда присяжныхъ, Министръ Юстиціи Манасеинъ пришелъ, между прочимъ, къ заключенію объ отсутствіи у насъ правильнаго соотношенія между кругомъ компетенціи этого суда и свойствами, присущими той части общества, изъ коей, главнымъ образомъ, призываются присяжные засѣдатели. При начертаніи въ 1862 году основныхъ положеній судебной реформы было признано необходимымъ отнести къ вѣдѣнію суда присяжныхъ всѣ дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою наказанія, соединенныя съ потерею или ограниченіемъ правъ состоянія. Единственное исключеніе изъ этого общаго правила было допущено лишь въ отношеніи государственныхъ преступленій. Дѣла объ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ были изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ на томъ основаніи, что для правильнаго сужденія о государственныхъ преступленіяхъ,

направленныхъ не противъ отдѣльныхъ лицъ, а всего государства и охраняющей его власти, необходимо обладать яснымъ представленіемъ о государственномъ строѣ и его задачахъ, а этимъ условіямъ не всегда могутъ удовлетворять лица, избираемыя въ присяжные засѣдатели. Практика судебныхъ учрежденій, образованныхъ на основаніи уставовъ Императора Александра II, не замедлила однако показать, что упомянутыя особенности посягательствъ, направленныхъ не противъ частныхъ лицъ, а противъ государства, затрудняющія присяжнымъ засѣдателямъ правильное сужденіе о свойствѣ дѣянія подсудимаго, принадлежатъ не исключительно однимъ лишь государственнымъ преступленіямъ, но одинаково свойственны и другимъ преступнымъ дѣяніямъ, какъ, напримѣръ, преступленіямъ противъ порядка управленія, заключающимся въ сопротивленіи власти, нанесеніи оскорбленія ея органамъ и посягательствѣ на личную неприкосновенность должностныхъ лицъ въ сферѣ ихъ служебной дѣятельности. Значительное число оправдательныхъ по этимъ дѣламъ приговоровъ, въ связи съ усилившеюся въ концѣ 1870-хъ годовъ дѣятельностью революціонной партіи, выразившеюся, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ посягательствъ противъ должностныхъ лицъ, вызвали, какъ сказано было ранѣе, подчиненіе цѣлаго ряда такихъ дѣлъ, по закону 9 мая 1878 г., вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей; но по закону 11 мая 1882 г. большая часть этихъ дѣлъ была снова подчинена общему порядку суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Съ своей стороны, Министръ Юстиціи Манасеинъ признавалъ необходимымъ устранить присяжныхъ засѣдателей отъ участія въ разрѣшеніи дѣлъ о всѣхъ видахъ сопротивленія властямъ, о насильственныхъ посягательствахъ на представителей власти при исполненіи или по поводу исполненія ими обязанностей службы, о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной и о цѣломъ рядѣ такихъ правонарушеній, которыя имѣютъ характеръ, сродный съ указанными группами преступныхъ дѣяній.

Кромѣ этихъ категорій дѣлъ, которыя въ силу прису-

щихъ имъ особенностей, по мнѣнію сенатора Манасеина, недоступны правильному пониманію присяжныхъ засѣдателей, признавалось необходимымъ изъять изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей всѣ дѣла о такихъ преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя въ видѣ высшей карательной мѣры установлены въ законѣ наказанія, соединенныя съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія, какъ сравнительно маловажныя. Наконецъ, согласно настоянію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, въ число дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ, отнесены и дѣла о многобрачіи.

Опредѣливъ такимъ образомъ кругъ дѣлъ, подлежавшихъ изъятію изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, Н. А. Манасеинъ полагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ передать всѣ дѣла о преступленіяхъ противъ порядка управленія, о преступленіяхъ должности, подвѣдомыхъ окружному суду, и нѣкоторыя другія на разсмотрѣніе усиленнаго присутствія окружнаго суда, состоящаго изъ предсѣдателя и двухъ членовъ суда, мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства, мѣстнаго городскаго головы и одного изъ волостныхъ старшинъ мѣстнаго уѣзда.

Государственный Совѣтъ, одобривъ въ общемъ проектъ Министра Юстиціи, не нашелъ, однако, возможнымъ подчинить дѣла, подлежащія изъятію изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, вѣдомству особаго присутствія окружнаго суда, а призналъ болѣе соотвѣтственнымъ передать эти дѣла въ судебную палату съ участіемъ въ ней такихъ сословныхъ представителей, которые занимаютъ сравнительно болѣе высокое и независимое отъ мѣстныхъ вліяній общественное положеніе. Измѣненный такимъ образомъ проектъ Министерства Юстиціи удостоился Высочайшаго утвержденія 7 іюля 1889 г.

Независимо отъ приведенныхъ законоположеній, направленныхъ къ упорядоченію и улучшенію дѣятельности суда присяжныхъ, Министерствомъ Юстиціи въ періодъ съ 1885 по 1894 годъ былъ разработанъ цѣлый рядъ законопроектовъ, повлекшихъ за собою болѣе или менѣе существенныя измѣненія первоначальныхъ постановленій Судебныхъ Уставовъ.

Въ области судопроизводства Министръ Юстиціи Мана-

сеинъ обратилъ вниманіе на неполноту и недостатки законодательныхъ постановленій, относящихся къ судебной кандидатурѣ. Институтъ кандидатовъ на судебныя должности имѣетъ весьма важное у насъ значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, онъ служитъ источникомъ для пополненія судебнаго сословія, а съ другой стороны—даетъ возможность, въ случаѣ чрезмѣрнаго обремененія дѣлами судебныхъ слѣдователей и нѣкоторыхъ другихъ судебныхъ дѣятелей, быстро приходить къ нимъ на помощь, не прибѣгая къ увеличенію штатовъ. Для того, чтобы этотъ институтъ удовлетворялъ своему назначенію, необходимо, однако, чтобы кандидаты на судебныя должности были поставлены въ условія, обезпечивающія надлежащую ихъ подготовку къ предстоящей имъ дѣятельности, и чтобы они были болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлены между судебными округами, въ которыхъ можетъ оказаться потребность въ ихъ содѣйствіи. Между тѣмъ, съ этой точки зрѣнія, дѣйствовавшій законъ страдалъ крайними недостатками, устраненіе коихъ составило задачу закона 24 декабря 1891 г. Закономъ этимъ кандидаты при прокурорскомъ надзорѣ упразднены; кандидаты при судебныхъ мѣстахъ раздѣлены на старшихъ и младшихъ, съ присвоеніемъ нѣкоторымъ изъ первыхъ штатныхъ окладовъ.

Одна изъ важнѣйшихъ поправокъ, внесенныхъ въ уставъ уголовнаго судопроизводства по представленію Министра Юстиціи Манасеина, заключается въ ограниченіи публичности судебныхъ засѣданій по уголовнымъ дѣламъ. При начертаніи упомянутаго устава изъятіе изъ общаго правила о публичномъ разсмотрѣніи дѣлъ было допущено для нѣкоторыхъ исчисленныхъ въ немъ дѣлъ въ интересахъ религіи и нравственности. Перечень этотъ оказался, однако, далеко не полнымъ. Сверхъ того судебная практика указала на необходимость еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ оградить судъ отъ воздѣйствія публики, которое при извѣстныхъ условіяхъ можетъ оказывать невыгодное вліяніе на правильный ходъ судебнаго разбирательства и даже на произнесеніе вполнѣ безпристрастнаго приговора. Равнымъ образомъ опытъ выяснилъ неудобство публичнаго разбирательства дѣлъ, хотя не оскорбляю-

щихъ по своему содержанію религіозныхъ и нравственныхъ чувствъ, но непосредственно связанныхъ съ такими обстоятельствами, оглашеніе коихъ воспрещено закономъ или противно интересамъ общественнымъ.

Независимо отъ изложенныхъ недостатковъ въ постановленіяхъ дѣйствовавшаго закона относительно изъятій изъ правила о публичномъ отправленіи уголовнаго правосудія, весьма существеннымъ неудобствомъ представлялось отсутствіе въ уставѣ уголовнаго судопроизводства указанія на возможность устраненія изъ состава публики нѣкоторыхъ лицъ, нахожденіе коихъ въ залѣ засѣданія не всегда можетъ быть допущено въ виду требованій нравственнаго порядка (таковы малолѣтніе, воспитанники учебныхъ заведеній и женщины).

Предположивъ на приведенныхъ основаніяхъ расширить число случаевъ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ, Н. А. Манасеинъ полагалъ, что соотвѣтствующее постановленіе, по общему правилу, должно исходить отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу; но въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда закрытіе дверей засѣданія оказывается необходимымъ для огражденія достоинства государственной власти или въ интересахъ общественнаго порядка, право принятія упомянутой мѣры предполагалось предоставить Министру Юстиціи.

Съ этимъ послѣднимъ предположеніемъ не согласилось большинство членовъ Государственнаго Совѣта, но Государь Императоръ 12 февраля 1887 г. изволилъ утвердить мнѣніе меньшинства, и такимъ образомъ выработанныя Министерствомъ Юстиціи предположенія получили силу закона.

Въ числѣ другихъ болѣе существенныхъ поправокъ, внесенныхъ въ уставъ уголовнаго судопроизводства по представленію Министра Юстиціи Манасеина, надлежитъ упомянуть лишь о допущеніи заочнаго разбирательства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, не влекущихъ лишенія или ограниченія правъ состоянія, въ видахъ упрощенія и ускоренія процесса. Выработанныя по этому предмету предположенія, а также проектъ нѣкоторыхъ измѣненій въ порядкѣ заочнаго разби-

рательства по дѣламъ, подвѣдомственнымъ мировому суду, были представлены на уваженіе Государственнаго Совѣта и 15 февраля 1888 года удостоились Высочайшаго утвержденія.

Въ области гражданскаго судопроизводства, по представленію Министра Юстиціи Манасеина, послѣдовалъ также рядъ законодательныхъ измѣненій, внесшихъ болѣе или менѣе существенныя улучшенія въ процессуальныя правила, содержащіяся въ Судебныхъ Уставахъ 20 ноября 1864 г.

Въ ряду этихъ измѣненій необходимо упомянуть о законѣ 12 іюня 1890 г., установившемъ новыя правила заочнаго разбирательства. Для устраненія того вреда, который при помощи заочнаго разбирательства наносился интересамъ истца, число случаевъ, когда допускается предварительное исполненіе заочнаго рѣшенія, было расширено, и вмѣстѣ съ тѣмъ было отмѣнено правило, по которому съ принятіемъ отзыва пріостанавливалось предварительное исполненіе заочнаго рѣшенія.

Независимо отъ того, такъ какъ обязательное присутствіе истцовъ на судѣ при разбирательствѣ дѣла ставило ихъ нерѣдко въ крайне тягостныя условія, въ особенности при отдаленности мѣста ихъ жительства отъ мѣста нахожденія суда, то тѣмъ же закономъ допущено разсмотрѣніе гражданскихъ дѣлъ въ отсутствіи истца, если въ самомъ исковомъ прошеніи имъ было заявлено ходатайство по этому предмету.

Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію гражданскаго процесса, состоявшихся въ періодъ управленія Министерствомъ Юстиціи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Манасеина, заслуживаютъ также вниманія правила объ упрощенномъ порядкѣ производства дѣлъ, установленныя закономъ 3 іюня 1891 г. На основаніи Судебныхъ Уставовъ, при разсмотрѣніи исковъ о взысканіяхъ по безспорнымъ письменнымъ обязательствамъ, примѣнялись крайне сложныя процессуальныя правила, которыя, не оправдываясь существомъ дѣла, вели лишь къ излишнему и совершенно напрасному обремененію взыскателя. Вслѣдствіе этого упомянутымъ закономъ было установлено, что дѣла: 1) о платежѣ опредѣлен-

ной денежной суммы по векселямъ, закладнымъ, заемнымъ письмамъ и вообще письменнымъ обязательствамъ, а также о платежѣ наемныхъ денегъ по договорамъ найма недвижимаго имущества, если исполненіе обязательства не поставлено въ самомъ актѣ въ зависимость отъ такихъ условій, наступленіе коихъ должно быть предварительно доказано истцомъ, и 2) о сдачѣ, за истеченіемъ договорнаго срока, состоявшаго въ наймѣ имущества, по просьбѣ истца могутъ быть разрѣшены единоличнымъ судьею въ особомъ упрощенномъ порядкѣ, при которомъ всѣ сроки на процессуальныя дѣйствія значительно сокращены, представленіе какихъ-либо иныхъ доказательствъ, кромѣ письменныхъ, не допускается, и явка истца и отвѣтчика къ разбирательству дѣла необязательна.

По представленію сенатора Манасеина, внесены также весьма существенныя измѣненія въ постановленія Судебныхъ Уставовъ, касающіяся исполненія окончательныхъ судебныхъ рѣшеній. На основаніи устава гражданскаго судопроизводства 1864 года, принесеніе просьбы объ отмѣнѣ рѣшенія не пріостанавливало его исполненія, доколѣ не послѣдуетъ опредѣленіе Сената объ обращеніи дѣла къ новому разбирательству. Такой порядокъ, обезпечивая интересы стороны, выигравшей дѣло, создавалъ крайне тягостныя послѣдствія для стороны осужденной, такъ какъ отвѣтчикъ, удовлетворившій исковыя требованія по рѣшенію, отмѣненному впослѣдствіи по его жалобѣ Правительствующимъ Сенатомъ, нерѣдко былъ лишенъ всякой возможности получить обратно взысканную сумму. Подвергнувъ вслѣдствіе этого пересмотру законоположенія, относящіяся къ исполненію судебныхъ рѣшеній, Министерство Юстиціи выработало правила, въ силу которыхъ для нѣкоторыхъ дѣлъ не допускалось бы вовсе приведеніе рѣшенія въ исполненіе до истеченія срока на подачу кассаціонной жалобы, а если она подана,—то до ея разрѣшенія. Независимо отъ того, суду, разсматривавшему дѣло въ послѣдней инстанціи, предоставлялось право пріостанавливать, по просьбѣ отвѣтчика, исполненіе рѣшенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе этого рѣшенія можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ такія измѣненія въ иму-

ществѣ отвѣтчика, послѣ которыхъ приведеніе имущества въ прежнее состояніе становится затруднительнымъ или невозможнымъ. Наконецъ, по всѣмъ другимъ дѣламъ отвѣтчику предоставлялось право требовать отъ суда принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ обезпеченія въ видахъ отвращенія того вреда, который можетъ повлечь для отвѣтчика приведеніе рѣшенія въ окончательное исполненіе въ случаѣ отмѣны его Правительствующимъ Сенатомъ. Выработанный на этихъ главныхъ основаніяхъ законопроектъ, по разсмотрѣніи его въ Государственномъ Совѣтѣ, Высочайше утвержденъ 8 іюня 1893 г.

Бѣглый очеркъ главнѣйшихъ измѣненій Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, послѣдовавшихъ въ періодъ времени съ 1885 по 1894 годъ, далеко не исчерпываетъ тѣхъ крупныхъ вопросовъ судоустройства и судопроизводства, которые въ этотъ періодъ времени были предметомъ подробной разработки Министерства Юстиціи, но по тѣмъ или инымъ причинамъ не получили дальнѣйшаго движенія. Въ ряду такихъ работъ нельзя не отмѣтить прежде всего проекта Н. А. Манасеина объ установленіи предѣльнаго возраста службы по судебному вѣдомству. Проектъ этотъ былъ внесенъ на уваженіе Государственнаго Совѣта въ 1888 году, но представленіе было возвращено Министру для дополненія новыми свѣдѣніями; затѣмъ представленный вновь законопроектъ былъ въ 1894 году снова возвращенъ въ Министерство Юстиціи въ виду послѣдовавшей перемѣны въ личномъ составѣ послѣдняго.

Кромѣ того надлежитъ упомянуть еще о предположеніяхъ сенатора Манасеина относительно преобразованія кассаціоннаго Сената и объ учрежденіи въ составѣ Сената Высшаго Совѣстнаго Суда. Предположенія эти по Высочайшему повелѣнію были переданы на обсужденіе особаго совѣщанія, образованнаго подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта Стояновскаго и, въ виду существенныхъ возраженій, высказанныхъ въ этомъ совѣщаніи, не получили окончательнаго направленія.

Помимо упомянутыхъ выше измѣненій и поправокъ, вне-

сенныхъ въ Судебные Уставы Императора Александра II въ періодъ времени съ 1885 по 1894 годъ, наиболѣе существенныя измѣненія какъ въ судопроизводственныхъ правилахъ, такъ и въ организаціи всего нашего судебнаго строя послѣдовали не по инициативѣ Министерства Юстиціи, а вслѣдствіе необходимости согласованія Судебныхъ Уставовъ съ выработаннымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ положеніемъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ, получившимъ силу закона 12 іюля 1889 г.

Для устраненія замѣчавшейся въ крестьянской средѣ безурядицы, обусловленной фактическимъ безвластіемъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и отсутствіемъ надлежащаго надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Толстой остановился на мысли о необходимости образовать на мѣстахъ, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, особые органы управленія, которые сосредоточивали бы въ своемъ вѣдѣніи всѣ важнѣйшіе интересы сельскаго населенія и были бы снабжены необходимыми полномочіями для огражденія порядка и спокойствія въ предѣлахъ подвѣдомственной каждому изъ нихъ территоріи. Съ этою цѣлью предположеннымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ проектировалось предоставить смѣшанную судебно-административную компетенцію, распространяющуюся какъ на всѣ дѣла крестьянскаго управленія, такъ и на тѣ судебныя дѣла, которыя возникаютъ изъ ежедневныхъ бытовыхъ отношеній сельскихъ жителей и носятъ на себѣ характеръ судебно-полицейскихъ производствъ и малоцѣнныхъ тяжбъ. Въ частности Министерство Внутреннихъ Дѣлъ проектировало отнести къ предметамъ вѣдѣнія земскихъ начальниковъ большую часть дѣлъ о такихъ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, за которые опредѣлены въ законѣ наказанія, ограничивающіяся выговорами, денежными штрафами до трехсотъ рублей и арестомъ до трехъ мѣсяцевъ. Что же касается дѣлъ о кражахъ и другихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою тюремное заключеніе, то этого рода дѣла, за немногими исключеніями, предполагалось оставить въ вѣдѣніи мировыхъ судей,

такъ какъ въ виду сравнительно тяжкаго характера наказанія, угрожающаго за эти преступленія обвиняемому, признавалось неудобнымъ примѣнять къ разбору подобныхъ дѣлъ упрощенный процессуальный порядокъ.

Столь же обширныя судебныя полномочія предполагалось предоставить земскимъ начальникамъ и по гражданскимъ дѣламъ. Къ предметамъ ихъ вѣдѣнія проектировалось отнести всѣ иски на сумму до 300 р., за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые основаны на формальныхъ актахъ.

Очертивъ такимъ образомъ кругъ судебныхъ полномочій земскихъ начальниковъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ полагало совершенно невозможнымъ примѣнить къ судебнымъ дѣламъ, передаваемымъ въ вѣдѣніе названныхъ должностныхъ лицъ и ихъ съѣздовъ, тѣ процессуальныя правила, которыя преподаны судебно-мировымъ учрежденіямъ въ уставахъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ. Для означенныхъ дѣлъ признавалось необходимымъ установить менѣе сложный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе согласованный съ дѣйствительными потребностями населенія порядокъ производства.

Разработанный на изложенныхъ выше началахъ проектъ положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ, съѣздахъ сихъ начальниковъ и губернскихъ по сельскимъ дѣламъ присутствіяхъ въ началѣ февраля мѣсяца 1887 г. былъ представленъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ на уваженіе Государственнаго Совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщенъ на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ.

Подвергнувъ означенный законопроектъ всестороннему обсужденію, Министръ Юстиціи, сенаторъ Манасеинъ остановился прежде всего на томъ соображеніи, что осуществленіе предположенной реформы не могло бы не отразиться на судьбѣ мироваго института. Съ передачею земскимъ начальникамъ большей части дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, число этихъ судей должно уменьшиться настолько, что самое образованіе второй, апелляціонной инстанціи для разрѣшаемыхъ ими дѣлъ сдѣлалось бы невозможнымъ безъ кореннаго измѣненія дѣйствовавшихъ въ этомъ отношеніи постановленій. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію Н. А. Манасеина, одновре-

менно съ проектомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ надлежало бы подвергнуть серьезному обсужденію вопросъ о томъ, насколько вызываемая этимъ проектомъ реорганизація мироваго института соотвѣтствуетъ потребностямъ населенія и интересамъ правосудія. Всестороннее освѣщеніе этого вопроса представлялось тѣмъ болѣе важнымъ, что для признанія цѣлесообразности проектированной реформы недостаточно констатировать только, что она можетъ внести нѣкоторыя улучшенія въ дѣло надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, но необходимо выяснить также, не повредитъ ли эта реформа дѣятельности учрежденій, хотя и принадлежащихъ другимъ вѣдомствамъ, но дѣйствующихъ именемъ одной и той же Верховной Власти и преслѣдующихъ общую всѣмъ вѣдомствамъ цѣль—благо государства.

Обратившись затѣмъ къ соображеніямъ, вызвавшимъ предположеніе относительно передачи въ вѣдѣніе земскихъ начальниковъ большей части подвѣдомственныхъ мировымъ судьямъ дѣлъ, Министръ Юстиціи Манасеинъ нашелъ, что главнѣйшее изъ нихъ, заключающееся въ стремленіи возвысить авторитетъ земскихъ начальниковъ и обаяніе присвоенной имъ власти, едва ли могло бы служить достаточнымъ основаніемъ для кореннаго измѣненія существующаго судебнаго строя. Правильное отправленіе правосудія въ государствѣ составляетъ одну изъ первостепенныхъ государственныхъ потребностей, а потому организація въ немъ суда должна быть построена исключительно на такихъ началахъ, которыя обезпечивали бы въ наибольшей мѣрѣ возможность успѣшнаго выполненія возложенной на него задачи. На этомъ основаніи передача обширныхъ судебныхъ полномочій земскимъ начальникамъ съ единственною цѣлью возвысить и упрочить ихъ авторитетъ едва ли соотвѣтствовала бы интересамъ государства, не допускающимъ обращенія судебной власти въ орудіе для достиженія цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ цѣлями правосудія. Столь же неосновательными, по мнѣнію сенатора Манасеина, представлялись и другія соображенія, приведенныя въ подтвержденіе необходимости присвоенія земскимъ начальникамъ судебныхъ полно-

мочій. Въ виду того, что само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признавало совершенно невозможнымъ предоставить вѣдѣнію земскихъ начальниковъ всѣ дѣла мировой подсудности, не исключая и тѣхъ, которыя для правильнаго ихъ разрѣшенія требуютъ юридическихъ познаній, осуществленіе предположеній проекта вызвало бы необходимость распредѣленія дѣлъ, сосредоточенныхъ нынѣ въ вѣдѣніи одного мироваго судьи, между этимъ должностнымъ лицомъ и земскимъ начальникомъ. Такимъ образомъ то многоначаліе, которое, по удостовѣренію графа Толстого, составляетъ больное мѣсто существующей системы мѣстнаго управленія, не только не было бы устранено, но, напротивъ того, усилилось бы въ значительной мѣрѣ. На ряду съ этимъ не была бы достигнута и цѣль приближенія суда къ населенію, такъ какъ съ присвоеніемъ судебныхъ полномочій земскимъ начальникамъ, которые по самому свойству возложенныхъ на нихъ административныхъ обязанностей должны находиться въ постоянныхъ разъѣздахъ, лица, желающія обратиться къ ихъ суду, нерѣдко лишены были бы даже возможности получить точныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ они могутъ найти судью. Наконецъ указанія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на формализмъ и сложность судебнаго разбирательства у мировыхъ судей могли бы послужить основаніемъ для разработки предположеній относительно возможныхъ упрощеній дѣйствующихъ процессуальныхъ правилъ, но не къ передачѣ изъ вѣдѣнія суда въ вѣдѣніе администраціи обширной категоріи дѣлъ, правильное разрѣшеніе которыхъ имѣетъ огромное значеніе для населенія. Не отрицая возможности нѣкоторыхъ упрощеній въ порядкѣ производства дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, и указавъ на то, что отдѣльныя предположенія по этому предмету разрабатываются уже въ Министерствѣ Юстиціи, сенаторъ Манасеинъ замѣтилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что выработанныя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ правила судебнаго разбирательства у земскихъ начальниковъ идутъ гораздо далѣе тѣхъ желательныхъ измѣненій, которыя было бы возможно ввести въ существующій порядокъ производства маловажныхъ гражданскихъ и

уголовныхъ дѣлъ безъ ущерба для интересовъ правосудія. Нѣкоторая сложность формъ и обрядовъ судопроизводства представляется совершенно неизбѣжною въ видахъ обезпеченія равноправности сторонъ въ процессѣ и для облегченія возможности дѣйствительнаго надзора за дѣятельностью судьи. Вслѣдствіе этого чрезмѣрное упрощеніе процессуальныхъ правилъ при производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ, на ряду съ предположеннымъ ограниченіемъ права обжалованія рѣшеній, постановленныхъ этими должностными лицами и ихъ съѣздами, по мнѣнію сенатора Манасеина, лишило бы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ необходимыхъ гарантій и открыло бы широкій просторъ для произвола и всякаго рода злоупотребленій.

Нѣкоторыя другія вѣдомства, на заключеніе которыхъ былъ сообщенъ проектъ положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ, высказали также рядъ возраженій противъ тѣхъ началъ, которыя были положены въ основу этого проекта. Вслѣдствіе этого, во исполненіе Высочайшей воли, наиболѣе существенные вопросы, вызвавшіе разномысліе, были подвергнуты обсужденію въ особомъ совѣщаніи, образованномъ изъ Члена Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Побѣдоносцева, и Министровъ Государственныхъ Имуществъ, Юстиціи, Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Въ виду сдѣланныхъ въ средѣ этого совѣщанія замѣчаній, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ, что возложеніе на проектированные органы разсмотрѣнія и разрѣшенія такихъ дѣлъ, которыя принадлежатъ къ разряду чисто судебныхъ исковъ, не вполнѣ соотвѣтствовало бы административному значенію этихъ органовъ. Вслѣдствіе этого 8 марта 1888 г., въ измѣненіе первоначальнаго его представленія, имъ былъ внесенъ на уваженіе Государственнаго Совѣта новый проектъ правилъ, опредѣляющихъ предѣлы судебныхъ полномочій земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ и порядокъ разсмотрѣнія подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ.

При первоначальномъ обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ проекта положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ, ихъ съѣздахъ и губернскихъ по сельскимъ дѣламъ

присутствіяхъ, возникло разномысліе по общему вопросу о томъ, слѣдуетъ ли предположенное учрежденіе земскихъ начальниковъ образовать съ характеромъ спеціальнаго органа крестьянскаго управленія, или же представлялось бы болѣе цѣлесообразнымъ и отвѣчающимъ обнаружившейся на практикѣ потребности присвоить названнымъ должностямъ значеніе органа, входящаго въ общую систему мѣстныхъ административныхъ установленій. При этомъ 13 членовъ признавали необходимымъ въ основаніе предположеннаго преобразованія положить то начало, что земскіе начальники должны быть учреждены въ видѣ органа, завѣдывающаго крестьянскимъ управленіемъ, а 39 членовъ полагали, что должностямъ участковыхъ начальниковъ надлежитъ присвоить значеніе органа обще-административнаго, со введеніемъ его въ общій строй мѣстныхъ правительственныхъ установленій. Мнѣнія эти были повергнуты въ меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта на Высочайшее благоусмотрѣніе, при чемъ Государю Императору благоугодно было, въ 28 день января 1889 года, собственноручно начертать:

„Соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ, желаю, чтобы мировые судьи въ уѣздахъ были упразднены, для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей.— Часть дѣлъ мировыхъ судей можетъ перейти къ земскимъ начальникамъ и въ волостные суды, а меньшая часть, болѣе важныя дѣла, могли бы отойти къ окружнымъ судамъ. Во всякомъ случаѣ, непремѣнно желаю, чтобы эти измѣненія не помѣшали окончанію разсмотрѣнія проекта до лѣтнихъ вакацій“.

По объявленіи Высочайшей резолюціи Государственному Совѣту, Его Императорское Высочество Августѣйшій Предсѣдатель Совѣта призналъ необходимымъ для выясненія наилучшихъ средствъ къ осуществленію выраженной въ ней Высочайшей воли созвать, въ присутствіи Великихъ Князей Владиміра и Алексѣя Александровичей, совѣщаніе изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: графа Толстого, барона Николаи, Старицкаго, Побѣдоносцева и Островскаго, тай-

ныхъ совѣтниковъ: Манасеина и Вышнеградскаго и Государственнаго Секретаря. Въ этомъ совѣщаніи Министръ Юстиціи Манасеинъ заявилъ, между прочимъ, что съ осуществленіемъ предположеній проекта, выработаннаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, къ земскимъ начальникамъ перейдетъ не болѣе одной четвертой части всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, находившихся въ то время въ вѣдѣніи мировыхъ судебныхъ установленій. Возникала такимъ образомъ необходимость разрѣшить вопросъ о томъ, въ чье вѣдѣніе должны перейти остальныя три четверти дѣлъ и, сверхъ того, всѣ охранительныя производства, а также цѣлый рядъ обязанностей по завѣдыванію нотаріальною, опекунскою и ипотечною частью, которыя, согласно выработаннымъ въ то время предположеніямъ, признавалось полезнымъ и необходимымъ возложить на мировыхъ судей. Совѣщаніе пришло къ заключенію въ безусловной необходимости, для успѣшнаго осуществленія Высочайшей воли, предоставить соглашенію Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Финансовъ выработать главныя основанія предстоявшей реформы судебнаго устройства. Заключеніе это удостоилось Высочайшаго утвержденія, и 13 мая 1889 г. на уваженіе Государственнаго Совѣта были внесены Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ проекты законоположеній, опредѣляющихъ предметы вѣдомства участковыхъ начальниковъ по дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства, о составѣ съѣздовъ сихъ начальниковъ и губернскихъ по сельскимъ дѣламъ присутствій и о порядкѣ производства подчиняемыхъ ихъ вѣдомству дѣлъ судебно-полицейскаго разбирательства, а также проектъ временныхъ правилъ для волостнаго суда; Министромъ же Юстиціи — проектъ правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ.

Хотя по новому проекту Министерства Внутреннихъ Дѣлъ судебная компетенція земскихъ начальниковъ была значительно расширена сравнительно съ первоначальными предположеніями, но тѣмъ не менѣе въ вѣдѣніи собственно судебныхъ органовъ должны были оставаться нѣкоторыя ка-

теrоріи подвѣдомственныхъ мировой юстиціи дѣлъ въ уѣздахъ, а также всѣ разрѣшавшіяся мировыми судьями дѣла въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, которыя не вошли бы въ составъ участковыхъ земскихъ начальниковъ. Вслѣдствіе этого Министерство Юстиціи проектировало сохранить дожности участковыхъ мировыхъ судей во всѣхъ губернскихъ городахъ и въ наиболѣе населенныхъ изъ числа уѣздныхъ и безуѣздныхъ, а разсмотрѣніе дѣлъ мировой подсудности, не подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ начальниковъ, поручить судебнымъ слѣдователямъ на правахъ мировыхъ судей. Для исполненія лежавшихъ на мировыхъ съѣздахъ обязанностей по дѣламъ, подвѣдомственнымъ мировымъ судьямъ въ городахъ и судебнымъ слѣдователямъ въ уѣздахъ, предполагалось учредить особыя уѣздныя отдѣленія окружнаго суда, въ которыхъ должны были предсѣдательствовать особо для того назначенные члены окружныхъ судовъ, а въ качествѣ членовъ засѣдали бы мѣстные судебные слѣдователи и почетные, участковые и добавочные мировые судьи.

При разсмотрѣніи этихъ дополнительныхъ представленій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Министерства Юстиціи, Государственный Совѣтъ, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли о сохраненіи должности мировыхъ судей въ городахъ, не нашелъ однако возможнымъ одобрить выработанный проектъ устройства судебной части въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, такъ какъ съ осуществленіемъ этого проекта низшая судебная инстанція представляла бы собою четыре различныхъ типа судебныхъ установленій, руководствующихся различными процессуальными правилами при разрѣшеніи подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ и подчиненныхъ въ апелляціонномъ отношеніи двумъ учрежденіямъ, существенно различнымъ по своей организаціи. Въ видахъ установленія большаго единства въ отправленіи правосудія по менѣе важнымъ дѣламъ, Высочайше утвержденнымъ 12 іюля 1889 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ представленные проекты внесены слѣдующія главнѣйшія измѣненія. Судебная компетенція земскихъ начальниковъ значительно расширена, сравнительно даже съ окон-

чательными предположеніями Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, при чемъ вѣдѣнію ихъ подчинены всѣ дѣла мировой подсудности въ уѣздѣ, за исключеніемъ лишь гражданскихъ исковъ на сумму отъ 300 до 500 р. и болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ о квалифицированныхъ кражахъ, влекущихъ за собою тюремное заключеніе на срокъ отъ 1 года до 1 года и 6 мѣсяцевъ. Въ городахъ, не вошедшихъ въ составъ земскихъ участковъ, созданы новые единоличные судебные органы съ такою же судебною компетенціею, какъ и земскіе начальники, при чемъ въ отличіе отъ мировыхъ судей, сохраненіе которыхъ въ прежнемъ видѣ признано было необходимымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Имперіи, означеннымъ должностнымъ лицамъ присвоено наименованіе городскихъ судей. Вторую инстанцію для дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, составляетъ уѣздный съѣздъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, а за отсутствіемъ его — уѣзднаго члена окружнаго суда, изъ земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и почетныхъ мировыхъ судей; исполненіе же обязанностей кассаціонной инстанціи по этого рода дѣламъ возложено на губернское присутствіе. Что касается тѣхъ дѣлъ мировыхъ судебныхъ установленій, которыя превышаютъ подсудность земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, то они подчинены вѣдѣнію уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, а обязанности апелляціонной инстанціи по этимъ дѣламъ возложены на окружный судъ на правахъ мироваго съѣзда. Въ отношеніи порядка производства дѣлъ уѣзднымъ членамъ окружнаго суда вмѣнено въ обязанность руководствоваться судопроизводственными правилами, установленными для мировыхъ судей; для земскихъ же начальниковъ и городскихъ судей были начертаны Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ по соглашенію съ Министерствомъ Юстиціи особыя правила, по разсмотрѣніи и исправленіи Государственнымъ Совѣтомъ, Высочайше утвержденныя 29 декабря 1889 г. Въ этихъ правилахъ были воспроизведены соотвѣтствующія постановленія Судебныхъ Уставовъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями и упрощеніями, польза и необходимость кото-

рыхъ была выяснена 25-лѣтнимъ примѣненіемъ къ жизни упомянутыхъ Уставовъ. Эти отступленія сводятся, главнѣйшимъ образомъ, къ введенію понудительнаго исполненія по безспорнымъ актамъ, крѣпостнымъ, нотаріальнымъ или засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ, безъ вызова должника; допущенію отмѣны рѣшенія или приговора лишь въ случаѣ совершенія при производствѣ или рѣшеніи дѣла столь существеннаго нарушенія закона, что вслѣдствіе сего приговоръ невозможно признать въ силѣ судебнаго рѣшенія; внесенію, согласно указаніямъ практики, нѣкоторыхъ измѣненій въ порядкѣ производства по спорамъ о подлогѣ актовъ; допущенію прекращенія уголовнаго производства по всѣмъ мелкимъ проступкамъ за уплатою обвиняемымъ денежнаго взысканія, къ коему онъ можетъ быть присужденъ, и вознагражденіемъ потерпѣвшаго.

Въ періодъ времени съ 1889 до 1894 года преобразованіе судебной части на началахъ, указанныхъ закономъ 12 іюля 1889 г., послѣдовало въ 32 губерніяхъ изъ числа 36, въ которыхъ, согласно Высочайшему указу, надлежало ввести положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ.

Какъ упомянуто выше, въ 1881 и 1882 годахъ предпринятъ былъ общій пересмотръ нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Тѣмъ не менѣе Министерство Юстиціи почитало себя обязаннымъ разрабатывать отдѣльные законопроекты, относящіеся къ области матеріальнаго права, съ цѣлью введенія въ наше законодательство такихъ улучшеній, скорѣйшее осуществленіе которыхъ вызывалось настоятельными требованіями жизни.

Въ ряду законопроектовъ изъ области гражданскаго права выработанныхъ въ Министерствѣ Юстиціи въ періодъ времени съ 1885 по 1894 г., особаго вниманія заслуживаютъ предположенія, касающіяся узаконенія и усыновленія.

Совершенно безправное положеніе, въ которое были поставлены незаконнорожденныя дѣти единственно въ видѣ наказанія за вину ихъ родителей, обратило на себя вниманіе Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи въ 1880 году вопроса о порядкѣ усыновленія лицами, пользующимися пра-

вами почетнаго гражданства. Приступивъ вслѣдствіе этого къ разработкѣ предположеній объ облегченіи участи незаконныхъ дѣтей, Министерство Юстиціи пришло къ заключенію, что хотя существовавшія въ законѣ постановленія относительно внѣбрачныхъ дѣтей и оправдываются необходимостью поддержать въ общественномъ сознаніи важное значеніе брака, но нѣтъ причинъ удерживать печать незаконности на тѣхъ дѣтяхъ, родители коихъ соединились законнымъ бракомъ. Дозволеніе узаконенія дѣтей черезъ послѣдующій бракъ не только не можетъ привести къ какимъ-либо вреднымъ послѣдствіямъ, но, напротивъ того, должно оказать благотворное вліяніе на общественную нравственность, такъ какъ оно создастъ новое побужденіе къ устройству семейной жизни съ цѣлью дать прижитымъ внѣ брака дѣтямъ семью и родной кровъ и сдѣлать ихъ членами общества. Въ виду этихъ соображеній Министерство Юстиціи проектировало установить въ видѣ общаго начала, что рожденныя внѣ брака дѣти, кромѣ происшедшихъ отъ прелюбодѣянія, узаконяются послѣдующимъ бракомъ ихъ родителей. На ряду съ этимъ выработанъ также проектъ правилъ, по которымъ, въ устраненіе прежнихъ стѣснительныхъ формальностей, лицамъ привилегированныхъ состояній, не имѣющимъ собственнаго потомства, дозволено усыновлять подкидышей, пріемышей и чужихъ дѣтей съ утвержденія окружнаго суда. Всѣ эти предположенія вошли въ законъ 12 марта 1891 г.

Къ числу важнѣйшихъ мѣропріятій въ области уголовнаго законодательства, послѣдовавшихъ въ тотъ же періодъ времени съ 1885 по 1894 годъ, надлежитъ отнести отмѣну тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ.

Еще въ 1868 году, при обсужденіи предположеній объ отмѣнѣ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній за преступленія, совершенныя ссыльными, Государственный Совѣтъ остановился, между прочимъ, на вопросѣ о необходимости отмѣнить всякія вообще тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ женщинъ. Вслѣдствіе этого, во исполненіе возложеннаго на Министерство Юстиціи порученія, въ 1872 году была образована особая, подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря Сабурова, ком-

мисія, которая, окончивъ свои занятія въ 1874 году, признала необходимымъ замѣнить наказанія плетьми и розгами для ссыльныхъ женщинъ заключеніемъ въ особо устроенныя при тюрьмахъ одиночныя камеры. Предположеніе это, не встрѣтившее по существу возраженій, не получило однако въ то время осуществленія вслѣдствіе недостатка и тѣсноты существовавшихъ въ Сибири мѣстъ заключенія. Въ виду послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованій въ тюремномъ дѣлѣ, Министръ Юстиціи Манасеинъ счелъ нужнымъ подвергнуть вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ новому обсужденію въ особой коммисіи, образованной, съ Высочайшаго соизволенія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Шрейбера. Коммисія эта, принявъ во вниманіе, что по уставу о ссыльныхъ тѣлесное наказаніе допускается по большей части въ качествѣ придаточнаго или добавочнаго наказанія къ другому главному, нашла возможнымъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній для женщинъ, не замѣнять его вовсе какими-либо другими взысканіями. Въ тѣхъ же сравнительно немногихъ случаяхъ, когда тѣлесныя наказанія имѣютъ характеръ самостоятельной кары, коммисія проектировала установить для ссыльныхъ женщинъ, взамѣнъ упомянутыхъ наказаній, нѣкоторыя другія репрессивныя мѣры, какъ-то: содержаніе на хлѣбѣ и водѣ въ особомъ отдѣленіи тюрьмы, наложеніе оковъ и т. п. Выработанный по этому предмету проектъ правилъ, коимъ завершалась отмѣна у насъ тѣлесныхъ наказаній для женщинъ, по внесеніи его на уваженіе Государственнаго Совѣта, удостоился Высочайшаго утвержденія 29 марта 1893 г.

На ряду съ приведеннымъ закономъ, составляющимъ одно изъ гуманнѣйшихъ мѣропріятій минувшаго царствованія, по представленію сенатора Манасеина послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ постановленій, разработанныхъ въ Министерствѣ Юстиціи подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій жизни.

Такъ: 1) закономъ 5 іюня 1884 г. установлены карательныя правила за нарушеніе предписанныхъ надлежащимъ порядкомъ правилъ о работѣ малолѣтнихъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ и о обязательномъ ихъ обученіи.

2) Въ виду того, что въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ не была вовсе опредѣлена отвѣтственность раскольничьихъ лжесвященниковъ и священнослужителей иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій за совершеніе требъ для православныхъ по обрядамъ своего вѣрованія, изданы были законы 10 января 1889 г. и 17 апрѣля 1893 г., восполнившіе этотъ существенный пробѣлъ нашего уголовнаго законодательства. 3) Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ на югѣ Россіи послѣдовалъ цѣлый рядъ еврейскихъ безпорядковъ, а въ фабричныхъ мѣстностяхъ многочисленные фабричные безпорядки; между тѣмъ наши уголовные законы не предусматривали вовсе подобнаго рода преступныхъ дѣяній, совершенныхъ скопищемъ на почвѣ экономическихъ отношеній и племенной или религіозной вражды. Вслѣдствіе этого, по представленію Министерства Юстиціи, послѣдовалъ законъ 9 декабря 1891 г., устранившій этотъ недостатокъ нашихъ карательныхъ постановленій. 4) При изслѣдованіи причинъ, вызывавшихъ еврейскіе погромы, выяснилось, между прочимъ, что вражда къ евреямъ со стороны христіанскаго населенія обусловливалась по преимуществу ростовщическими ихъ дѣйствіями, за которыя въ законѣ не было вовсе установлено уголовной кары. Въ виду сего закономъ 24 мая 1893 г. была установлена наказуемость ростовщичества, и пр.

Въ связи съ распространеніемъ судебной реформы на большую часть Европейской Россіи выяснилась потребность нѣкоторыхъ измѣненій въ организаціи центральнаго управленія Министерства Юстиціи. До 1865 года управленіе это было образовано по штату, Высочайше утвержденному 4 ноября 1831 г. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ дѣйствіе этого штата было отмѣнено, такъ какъ въ виду предпринятаго преобразованія судебной части по уставамъ Императора Александра II онъ оказался совершенно несоотвѣтствующимъ требованіямъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, съ отмѣною прежняго, не было установлено новаго постояннаго штата за невозможностью опредѣлить нормальный кругъ дѣятельности центральнаго управленія министерства впредь до повсемѣстнаго введенія судебнаго преобразованія. Съ тѣхъ поръ

означенное управленіе, на содержаніе коего кредиты отпускались періодически въ распоряженіе Министра Юстиціи, состояло изъ консультаціи, канцеляріи и департамента. Консультація, пользующаяся правами министерскихъ совѣтовъ, разсматривала дѣла, поступающія изъ Правительствующаго Сената за разногласіемъ сенаторовъ, и сверхъ того исполняла нѣкоторыя другія обязанности, возложенныя на нее спеціальными узаконеніями. Канцелярія завѣдывала дѣлами, касающимися личнаго состава вѣдомства, и дѣлами по ревизіи судебныхъ установленій. Наконецъ къ предметамъ вѣдѣнія департамента относились всѣ остальныя производства по части законодательной, судебной, распорядительной, хозяйственной, бухгалтерской и статистической. Съ постепеннымъ развитіемъ и осложненіемъ дѣятельности центральнаго управленія, соединеніе въ одномъ департаментѣ столь разнообразныхъ производствъ оказалось крайне неудобнымъ, и потому закономъ 27 марта 1890 г. департаментъ Министерства Юстиціи былъ раздѣленъ на два, съ возложеніемъ на первый департаментъ завѣдыванія дѣлами законодательнаго, распорядительнаго, счетнаго, бухгалтерскаго и статистическаго характера, а на второй—производства дѣлъ судебныхъ, по судебному надзору и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ 1892 году былъ установленъ постоянный штатъ Министерства, при чемъ въ организацію центральнаго управленія были внесены нѣкоторыя дальнѣйшія измѣненія.

Одною изъ наиболѣе важныхъ обязанностей Министра Юстиціи, въ качествѣ генералъ-прокурора, а вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ главнѣйшихъ задачъ центральнаго управленія Министерства, является надзоръ за правильностью дѣйствій какъ судебныхъ установленій, такъ и отдѣльныхъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Между тѣмъ осуществленіе этой задачи при существовавшей организаціи центральнаго управленія, когда дѣлопроизводство по надзору за судебными мѣстами распредѣлялось между двумя неподчиненными одна другой частями этого управленія—канцеляріею и вторымъ департаментомъ—представлялось весьма затруднительнымъ и практически неудобнымъ. Поэтому, въ видахъ объединенія

дѣятельности центральнаго управленія по надзору за судебными установленіями, было признано необходимымъ слить канцелярію со вторымъ департаментомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ вѣдѣнія этого департамента были выдѣлены дѣла по государственнымъ преступленіямъ, въ виду особой важности этихъ дѣлъ, и все дѣлопроизводство по нимъ направлялось, безъ участія директора, особымъ товарищемъ оберъ-прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, пользовавшимся правами вице-директора. За невозможностью установленія неизмѣннаго состава учрежденія, вѣдающаго дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, такъ какъ силы этого учрежденія очевидно должны соотвѣтствовать потребностямъ борьбы съ противоправительственною пропагандою въ каждое данное время,—упомянутыя дѣла были сосредоточены въ особой временной канцеляріи при Министерствѣ Юстиціи. Завѣдываніе этою канцеляріею было возложено по прежнему на особаго товарища оберъ-прокурора Правительствующаго Сената, а для исполненія обязанностей дѣлопроизводителей Министру Юстиціи предоставлено командировать потребное, по условіямъ даннаго времени, число товарищей прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда.

Наконецъ, въ виду значительнаго усиленія и постепеннаго осложненія дѣятельности Министерства Юстиціи по разработкѣ проектовъ новыхъ законовъ, а также по составленію заключеній по законопроектамъ другихъ вѣдомствъ, въ составѣ центральнаго управленія, взамѣнъ прежняго законодательнаго отдѣленія, была образована особая юрисконсультская часть, при чемъ законодательныя работы по различнымъ частямъ дѣйствующаго законодательства возложены на нѣсколькихъ юрисконсультовъ и ихъ помощниковъ подъ общимъ руководствомъ старшаго юрисконсульта консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, управляющаго юрисконсультскою частью на правахъ вице-директора.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 1 день января 1894 года, Н. А. Манасеинъ Всемилостивѣйше уволенъ, согласно прошенію, отъ должности Министра Юстиціи, съ оставленіемъ его Членомъ Государствен-

наго Совѣта и въ званіи сенатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе Министерствомъ Юстиціи было ввѣрено бывшему Государственному Секретарю Николаю Валеріановичу Муравьеву.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія Н. В. Муравьева Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи, съ Высочайшаго соизволенія, было возобновлено изданіе „Журнала Министерства Юстиціи", и съ этого времени свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни Министерства печатаются въ оффиціальной части „Журнала" [1]). Такимъ образомъ наши читатели уже освѣдомлены о дѣятельности Министерства за послѣднія 8 лѣтъ его вѣковаго существованія. Тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ интересахъ надлежащей полноты настоящаго обзора отмѣчаются вкратцѣ главнѣйшія изъ многихъ важныхъ мѣропріятій, послѣдовавшихъ по Министерству Юстиціи съ 1894—1902 годъ.

Въ виду точныхъ указаній, преподанныхъ Министру Юсти-

---

[1]) См. въ особенности „Работы по улучшенію судебной части въ 1894—1896 г.г." (1897 г., № I, стр. 46) и „Всеподданнѣйшій докладъ Министра Юстиціи о ходѣ работъ по улучшенію судебной части за 1894—1899 годы" (1899 г., № VII, стр. 116), а также свѣдѣнія о дѣятельности коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части (1894—1895 г., № I, стр. 23, 26; № II, стр. 31, 37, 41, 42; № III, стр. 44, 46; № IV, стр. 28, 32; № V, стр. 43; № VI, стр. 58, 65; № VIII, стр. 65; № X, стр. 37; № XI, стр. 37, 46; № XII, стр. 33; 1896 г., № IV, стр. 40; № X, стр. 29; 1897 г., № IV, стр. 37; 1898 г., № I, стр. 64; № IV, стр. 39; № IX, стр. 37; 1899 г., № VI, стр. 49); о начертаніи новаго уголовнаго уложенія (1894—1895 г., № VII, стр. 43; 1898 г., № IV, стр. 38); объ открытіи благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства (1894—1895 г., № VI, стр. 44; № XII, стр. 40); Высочайшіе рескрипты Министру Юстиціи, статсъ секретарю Н. В. Муравьеву (1896 г., № VI, стр. 28; 1899 г., № VII, стр. 3); о судебной реформѣ въ Сибири (1896 г., № VI, стр. 145; 1897 г., № III, стр. 44; № IV, стр. 115; № VII, стр. 121), въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ (1899 г. № II, стр. 63; № V, стр. 73); объ устройствѣ тюремной части въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи (1896 г., № III, стр. 47; 1897 г. № I, стр. 41; объ образованіи добавочныхъ окладовъ жалованья членамъ окружныхъ судовъ (1896 г. № V, стр. 46; 1899 г., № I, стр. 57); объ отмѣнѣ ссылки (1900 г., № VII, стр. 81; 1902 г., № I, стр. 56); объ отмѣнѣ тягчайшихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ (1902 г., № I, стр. 63); наказъ Министра Юстиціи, генералъ-прокурора чинамъ прокурорскаго надзора судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ (1896 г., № VI, стр. 161); циркуляры Министра Юстиціи о сокращеніи переписки (1894/5 г., № XI, стр. 30) и о производствѣ уголовныхъ дѣлъ (1901 г., № I, стр. 65).

ціи Императоромъ Александромъ III относительно того общаго направленія, въ которомъ надлежитъ вести дѣла ввѣреннаго ему вѣдомства, въ самомъ началѣ дѣятельности новаго Министра былъ намѣченъ систематическій планъ дѣйствій по судебной части съ цѣлью объединенія и усовершенствованія суда на всемъ обширномъ пространствѣ нашего отечества. Согласно съ этимъ планомъ надлежало безотлагательно приступить къ введенію Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, которыхъ не коснулась еще судебная реформа, и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуть всестороннему пересмотру какъ упомянутые Уставы, такъ и всѣ дополняющія и измѣняющія ихъ узаконенія, изданныя въ теченіе предшествовавшихъ тридцати лѣтъ.

Въ 1894 году исполнилось тридцатилѣтіе со времени обнародованія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, но несмотря на то, при вступленіи Н. В. Муравьева въ управленіе Министерствомъ Юстиціи, благами судебной реформы пользовались далеко еше не всѣ мѣстности въ Имперіи. Двадцать три губерніи и области, а въ томъ числѣ обширная Сибирь, Степной и Туркестанскій края, оставались еще подъ режимомъ прежнихъ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ, полная несостоятельность которыхъ давно уже признана нашею законодательною властью. Прежде всего реформированныя судебныя установленія были введены въ губерніяхъ Олонецкой, Оренбургской, Уфимской и Астраханской, въ маѣ и іюнѣ 1894 г. (судъ присяжныхъ въ этихъ губерніяхъ введенъ нѣсколько позднѣе на основаніи закона 2 февраля 1898 г.).

Немедленно послѣ того было приступлено къ разработкѣ предположеній объ улучшеніи судебной части въ Сибири. Печальное положеніе сибирской юстиціи не ускользнуло отъ зоркаго вниманія Императора Александра III, и на одномъ изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ главнаго сибирскаго начальства, въ которомъ указывалось, между прочимъ, на неустройство судебной части Сибири, Его Императорское Величество изволилъ начертать слѣдующія слова: *„Долженъ съ грустью и стыдомъ сознаться, что правительство до сихъ поръ ничего*

еще не сдѣлало для удовлетворенія надобностей этого богатаго, но запущеннаго края. А пора! давно пора!"

Для разработки подробностей предположенной реформы въ Сибири, осенью 1894 года Министромъ Юстиціи была образована особая коммисія подъ предсѣдательствомъ товарища его, сенатора Бутовскаго, при участіи представителей отъ всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ. Въ виду послѣдовавшей кончины Императора Александра III къ этимъ работамъ коммисія приступила лишь въ новое царствованіе.

На ряду съ разработкою предположеній относительно распространенія судебнаго преобразованія на тѣ мѣстности Имперіи, которыхъ не коснулась еще реформа, Министръ Юстиціи въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ изложилъ подробно развитыя и обоснованныя соображенія, въ силу которыхъ онъ признавалъ необходимымъ приступить къ систематическому пересмотру законоположеній по судебной части для объединенія послѣдовавшихъ частныхъ измѣненій въ Судебныхъ Уставахъ и дальнѣйшаго улучшенія нашей юстиціи, съ сохраненіемъ однако и развитіемъ всего дѣйствительно полезнаго.

Всеподданнѣйшій докладъ Министра Юстиціи удостоился Высочайшаго утвержденія 7 апрѣля 1894 г., при чемъ Императоръ Александръ III соизволилъ начертать на немъ слѣдующія слова: „*Твердо увѣренъ въ необходимости всесторонняго пересмотра нашихъ судебныхъ уставовъ, чтобы наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи.—Итакъ, съ Божьею помощью начинайте эту трудную работу*".

Во исполненіе воспослѣдовавшаго въ тотъ же день Высочайшаго повелѣнія была учреждена, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части. Въ составъ этой коммисіи вошли чины Министерства, выдающіеся судебные дѣятели, представители всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ и наконецъ лица, пользующіяся извѣстностью своими научными трудами въ области права. Открытіе засѣданій коммисіи послѣдовало 30 апрѣля 1894 г., еще при жизни Императора Александра III, но главнѣйшая часть ея сложныхъ трудовъ выполнена была въ теченіе настоящаго царствованія.

V. Министерство Юстиціи въ царствованіе Императора Николая II.

По вступленіи на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II, Министерство Юстиціи продолжало развивать свою дѣятельность въ томъ же направленіи, какъ и въ минувшее царствованіе. 29 января 1896 г. состоялся законъ о введеніи судебной реформы въ Архангельской губерніи, съ тѣми лишь измѣненіями въ организаціи и порядкѣ дѣйствій новаго суда, которыя вызывались малолюдностью края, обширностью его и отсутствіемъ въ немъ удобныхъ путей сообщенія. Въ 1895 году Министръ Юстиціи представилъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ высказывалъ предположеніе о введеніи судебной реформы въ Сибири по истеченіи двухлѣтняго срока. Государь Императоръ изволилъ начертать на этомъ докладѣ: *„Дай Богъ, чтобы Сибирь черезъ два года получила столь необходимое ей правосудіе, наравнѣ съ остальной Россіей“*. По предположеніямъ Министерства Юстиціи, въ названномъ краѣ надлежало ввести Судебные Уставы Императора Александра II въ полномъ объемѣ съ тѣми лишь измѣненіями, какія вызываются дѣйствительною въ томъ необходимостью. Законъ о введеніи судебной реформы въ Сибири послѣдовалъ 13 мая 1896 г., а 15 того же мая статсъ секретарю Муравьеву данъ былъ по этому поводу Высочайшій рескриптъ, заканчивающійся слѣдующими знаменательными словами:

„Питая твердую надежду, что преобразованіе суда въ Сибири, способствуя незыблемости закона и господству правды, послужитъ къ вящшему улученію гражданскаго тамъ быта, правомѣрная прочность коего возможна лишь при скорой и доступной населенію судебной защитѣ его личныхъ и имущественныхъ правъ, поручаю особливой вашей заботливости принятіе всѣхъ нужныхъ мѣръ для успѣшнаго открытія новыхъ судебныхъ установленій и для обезпеченія ихъ подготовленнымъ и надежнымъ составомъ должностныхъ лицъ. Я увѣренъ, что благомыслящіе и преданные долгу судебные дѣятели не преминутъ отвѣтить на призывъ власти и съ полною готовностью посвятятъ свои силы и знанія дѣлу устроенія

правосудія на далекой Сибирской окраинѣ. Да наставитъ и подкрѣпитъ ихъ Провидѣніе въ предстоящей имъ плодотворной дѣятельности, и да будетъ имъ извѣстно, что труды ихъ на новомъ поприщѣ служенія пріобрѣтутъ имъ право на особое вниманіе Правительства.

„Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный".

Обширныя и сложныя подготовительныя работы по осуществленію реформы были закончены въ началѣ 1897 года, а 2 іюля того же года въ г. Иркутскѣ послѣдовало торжественное открытіе Иркутской судебной палаты и окружнаго суда, въ присутствіи Министра Юстиціи, произнесшаго рѣчь о значеніи реформы и задачахъ новыхъ судебныхъ дѣятелей въ Сибири. Въ тотъ же день Государю Императору благоугодно было удостоить статсъ секретаря Муравьева слѣдующею телеграммою: *„Съ живѣйшею радостью получилъ ваше донесеніе объ одновременномъ введеніи новыхъ судебныхъ установленій во всей Сибири. Убѣжденъ, что новые дѣятели правосудія приложатъ все свое умѣніе и стараніе къ честному исполненію лежащихъ на нихъ долга и отвѣтственности. Радъ, что вамъ лично удалось быть свидѣтелемъ этого важнаго для Сибири событія"*.

По введеніи судебной реформы въ Сибири Министерство Юстиціи приступило въ разработкѣ предположеній относительно распространенія судебнаго преобразованія на Туркестанскій край и Степныя области, по образцу Архангельской губерніи и Сибири. Предварительно внесенія выработаннаго по этому предмету законопроекта на уваженіе законодательной власти, Министръ Юстиціи имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Его Императорскому Величеству о существѣ предположеннаго преобразованія, при чемъ Государю Императору на упомянутомъ докладѣ благоугодно было собственноручно начертать: *„Буду счастливъ, когда наша матушка Россія станетъ благоустроенною по крайней мѣрѣ въ правосудіи скоромъ, безпристрастномъ и близкомъ народу, почти по всей ея необъятной площади. Согласенъ съ вашимъ заключеніемъ и желаю отъ души успѣха"*.

По воспослѣдованіи 2 іюня 1898 г. закона объ устрой-

ствѣ судебной части въ Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ, разработаны были предположенія о введеніи судебнаго преобразованія въ Закаспійской области и въ 5 сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи (въ послѣднихъ дѣйствовали мировыя судебныя установленія).

Государственный Совѣтъ вполнѣ одобрилъ предначертанія Министерства Юстиціи по обоимъ вопросамъ. Закончивъ разсмотрѣніе проектированныхъ постановленій, касающихся Закаспійской области, Соединенные Департаменты остановились, между прочимъ, на томъ обстоятельствѣ, что, съ введеніемъ судебнаго преобразованія въ Закаспійской области, не будетъ уже ни одной губерніи или области, гдѣ подданные Россійской Державы не могли бы получить „суда скораго, праваго, милостиваго, равнаго для всѣхъ“. Съ особымъ благоговѣніемъ возстановляя въ памяти по этому случаю царственные труды и заботы Императора Александра II, вдохнувшаго новую жизнь въ нашъ судебный строй, Департаменты съ столь же глубокимъ чувствомъ преклоняются предъ Державною волею Преемниковъ Его, постоянно и неуклонно стремившихся къ насажденію правды и законности на всемъ необъятномъ пространствѣ земли Русской, вплоть до того дня, когда вся Россія, по великодушно выраженному Государемъ Императоромъ пожеланію, окажется „благоустроенною въ правосудіи скоромъ, безпристрастномъ и близкомъ народу“.

Мнѣнія Государственнаго Совѣта о введеніи судебнаго преобразованія въ Закаспійской области и въ 5 сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи удостоились Высочайшаго утвержденія въ 15 день февраля 1899 года, а 14 мая того же года, въ годовщину Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, послѣдовало торжественное открытіе Ташкентской и Омской судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ: Ташкентскаго, Самаркандскаго, Новомаргеланскаго, Вѣрненскаго, Омскаго, Семипалатинскаго и Уральскаго, и, наконецъ, 1 іюля 1899 г. Судебные Уставы введены въ полномъ объемѣ въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи.

Въ тотъ же день на имя статсъ секретаря Муравьева данъ былъ Высочайшій рескриптъ такого содержанія:

„Николай Валеріановичъ. По вступленіи Моемъ на Престолъ, Я обратилъ особое вниманіе на необходимость распространенія области примѣненія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра Втораго, дабы во всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, дѣйствовало скорое, безпристрастное и близкое къ народу правосудіе. При этомъ Я призналъ возможнымъ допустить преобразованіе суда и на восточныхъ окраинахъ Имперіи въ томъ убѣжденіи, что замѣчаемое въ послѣдніе годы развитіе въ нихъ гражданственности будетъ дѣйствительно прочнымъ лишь по обезпеченіи всѣмъ и каждому надежной судебной охраны.

„Въ васъ, какъ въ Министрѣ Юстиціи, Я нашелъ отмѣнно дѣятельнаго, даровитаго и всесторонне подготовленнаго исполнителя Моихъ предначертаній.

„Сегодня, когда, за введеніемъ Судебныхъ Уставовъ въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи, на пространствѣ Россіи нѣтъ уже болѣе мѣстности, которая бы не пользовалась благами присущихъ симъ Уставамъ вѣчныхъ началъ правды, милости и равенства всѣхъ передъ закономъ, Я съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія выражаю вамъ душевную Мою признательность за оказанное вами многополезное сотрудничество. Мнѣ это тѣмъ отраднѣе, что завершеніе судебнаго преобразованія совпадаетъ съ временемъ окончанія занятій состоявшей подъ личнымъ вашимъ предсѣдательствомъ коммисіи, на которую въ 1894 году Моимъ Незабвеннымъ Родителемъ возложенъ былъ пересмотръ всего судебнаго законодательства въ видахъ его объединенія и усовершенствованія. Вашему выдающемуся рвенію и чуткому пониманію истинныхъ потребностей судебной части приписываю Я спѣшное выполненіе этого важнаго дѣла, при дружномъ содѣйствіи лучшихъ отечественныхъ силъ.

„Повторяя вамъ сердечное спасибо за вашу плодотворную и преданную службу, Я вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ передать Мою искреннюю благодарность всему судебному вѣдомству, которое ревностно и честно, нерѣдко при тяжелыхъ

условіяхъ, выполняетъ свое высокое призваніе стоять на стражѣ закона.

„Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

и благодарный

„НИКОЛАЙ“.

Весною 1899 года окончила свои труды коммисія по пересмотру судебныхъ законоположеній. Результаты ея работъ, направленіе которыхъ ярко очерчено было ея предсѣдателемъ въ послѣднемъ засѣданіи, выразились въ составленіи проектовъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ, заключающихъ въ себѣ около четырехъ съ половиною тысячъ статей, а также волостнаго судебнаго устава для губерній Прибалтійскихъ. Въ обширныхъ объяснительныхъ запискахъ къ этимъ проектамъ изложены не только точные мотивы каждаго предположеннаго въ уставахъ измѣненія или дополненія, но и тѣ соображенія, которыми руководствовалась коммисія, сохраняя нѣкоторыя изъ прежнихъ постановленій Судебныхъ Уставовъ безъ измѣненія.

Высочайше повелѣвъ 19 мая 1899 года о закрытіи коммисіи, Государь Императоръ соизволилъ изъявить Свое совершенное удовольствіе по поводу окончанія коммисіею возложеннаго на нее въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III пересмотра законоположеній по судебной части и повелѣть Министру Юстиціи выразить коммисіи въ полномъ ея составѣ искреннюю признательность Его Императорскаго Величества за исполненіе сего обширнаго и важнаго труда.

Выработанные коммисіею законопроекты, по полученіи отзывовъ вѣдомствъ и окончательномъ исправленіи, внесены Министромъ Юстиціи на уваженіе Государственнаго Совѣта 31 декабря 1901 г.

Затѣмъ въ Министерствѣ Юстиціи былъ выработанъ дополнительный проектъ закона о введеніи въ дѣйствіе предположеннаго судебнаго преобразованія, между прочимъ, проектъ

штатовъ новыхъ судебныхъ установленій. Проектъ этотъ сообщенъ былъ на заключеніе Министерства Финансовъ и Государственнаго Контроля весною 1902 г. Наконецъ, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему при закрытіи коммисіи, въ Министерствѣ Юстиціи предпринятъ былъ пересмотръ положенія о нотаріальной части. По просьбѣ статсъ секретаря Муравьева, сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ А. Г. Гасманомъ былъ составленъ предварительный проектъ новой редакціи этого положенія, а затѣмъ, по окончаніи имъ этого труда, для его разсмотрѣнія было образовано весною 1902 г. особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника С. И. Лукьянова, изъ сенатора А. Г. Гасмана, одного товарища оберъ-прокурора Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, двухъ товарищей предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда, двухъ нотаріусовъ города С.-Петербурга, а также представителей отъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ и Государственной Канцеляріи. Занятія этой коммисіи еще не завершены.

Несмотря на то, что, начиная съ 1894 года, на Министерствѣ Юстиціи лежалъ колоссальный трудъ повсемѣстнаго завершенія судебной реформы и полнаго пересмотра Судебныхъ Уставовъ, въ этотъ же періодъ времени былъ разработанъ и внесенъ на разсмотрѣніе законодательной власти цѣлый рядъ предположеній относительно отдѣльныхъ улучшеній въ области судоустройства, судопроизводства и матеріальнаго права.

Въ ряду мѣръ, проектированныхъ Министерствомъ Юстиціи и получившихъ уже силу закона, надлежитъ прежде всего упомянуть объ отмѣнѣ въ Закавказьѣ и Привислинскомъ краѣ ограниченій судейской несмѣняемости (законъ 16 февраля 1898 г.).

Одна изъ главнѣйшихъ заботъ статсъ секретаря Муравьева заключалась въ улучшеніи матеріальнаго положенія чиновъ судебнаго вѣдомства. По его представленію въ 1897 году было образовано 250 новыхъ добавочныхъ окладовъ членамъ

окружныхъ судовъ, а въ 1899 и 1900 году эта мѣра была распространена на всѣхъ прочихъ членовъ судовъ.

Изъ отдѣльныхъ улучшеній въ области судопроизводства, послѣдовавшихъ за тотъ же періодъ времени, можно отмѣтить нѣсколько мѣропріятій, направленныхъ къ упрощенію процесса, какъ-то: 1) о приводѣ присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ не особо по каждому дѣлу, а единожды на всю сессію (законъ 3 іюня 1894 г.); 2) о допущеніи вызова, согласно ходатайству частныхъ лицъ, свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, лишь если обстоятельства, подлежащія разъясненію показаніями этихъ свидѣтелей, имѣютъ значеніе для дѣла (законъ 18 марта 1896 г.), и 3) о разрѣшеніи возлагать производство мѣстныхъ дѣйствій (т. е. допросъ свидѣтелей, осмотра и т. д.) по гражданскимъ дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, на мѣстныхъ участковыхъ мировыхъ судей (законъ 23 декабря 1896 г.).

Въ ряду отдѣльныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ по представленію Министра Юстиціи въ области уголовнаго права, надлежитъ отмѣтить законъ объ измѣненіи наказуемости и судопроизводства по преступленіямъ несовершеннолѣтнихъ.

Въ основаніе работъ по этому предмету было принято личное высокогуманное указаніе Государя Императора Александра III, заключавшееся въ собственноручно начертанныхъ имъ въ 1893 году на всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Юстиціи, сенатора Манасеина, по дѣлу 15-лѣтняго мальчика Евгенія Жванія, признаннаго виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ, посредствомъ отравленія, но дѣйствовавшимъ при этомъ безъ полнаго разумѣнія, слѣдующихъ приснопамятныхъ словахъ: „*Какимъ образомъ мальчика присудили въ Сибирь? Это пропащій человѣкъ въ такомъ случаѣ*“.

Въ дѣйствительности, опытъ показалъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ лица, не достигшія совершеннолѣтія, впадаютъ въ преступленія вслѣдствіе недостаточности своего умственнаго и нравственнаго развитія; тѣмъ не менѣе къ нимъ примѣнялись такія наказанія, которыя по своему ха-

рактеру не только не могли содѣйствовать ихъ исправленію, но нерѣдко, какъ, напримѣръ, въ случаѣ заключенія ихъ въ тюрьму, оказывали даже прямо развращающее на нихъ вліяніе. Съ другой стороны, и самый порядокъ суда съ его торжественностью, публичностью и сложными формами, недоступными пониманію подростковъ и несоотвѣтствовавшими свойствамъ возраста малолѣтнихъ, требовали также существенныхъ измѣненій въ интересахъ нравственности и исправленія обвиняемыхъ. Вслѣдствіе этого въ Министерствѣ Юстиціи былъ выработанъ рядъ правилъ, направленныхъ къ устраненію указанныхъ несовершенствъ нашего законодательства. На ряду съ этими измѣненіями процессуальныхъ правилъ проектировалось также измѣнить и карательныя о несовершеннолѣтнихъ постановленія въ смыслѣ смягченія отвѣтственности малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ за совершенныя ими преступныя дѣянія путемъ замѣны для нихъ большей части наказаній мѣрами воспитательно-исправительными, какъ-то помѣщеніемъ обвиняемыхъ въ исправительные пріюты или колоніи, отдачею ихъ подъ отвѣтственный присмотръ благонадежныхъ людей, заключеніемъ въ монастырь и т. п.

По разсмотрѣніи проектированныхъ правилъ, Соединенное Присутствіе Государственнаго Совѣта одобрило предположенія Министерства Юстиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Департаменты не могли не выразить одушевляющаго ихъ чувства благодарности, вызваннаго дѣятельностью тѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства, при помощи которыхъ во многихъ мѣстностяхъ созданы исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ и колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Теплое сердечное участіе означенныхъ лицъ въ этомъ благомъ дѣлѣ, связанное для нихъ не только съ трудами и заботами, но и съ матеріальными пожертвованіями, получаетъ тѣмъ большую цѣну и заслуживаетъ тѣмъ большей признательности, что судебные дѣятели несутъ тяжкій трудъ по исполненію своихъ служебныхъ обязанностей и, какъ извѣстно, при скудости присвоенныхъ имъ окладовъ содержанія, далеко не достаточно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Вслѣдствіе этого Департаменты, съ своей стороны, почли долгомъ справедли-

вости уполномочить Министра Юстиціи о такомъ признаніи общественной заслуги должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства довести до ихъ свѣдѣнія.

Проектированныя Министерствомъ Юстиціи правила объ измѣненіи судопроизводства и наказуемости по преступленіямъ несовершеннолѣтнихъ получили силу закона 2 іюня 1897 г.

Изъ числа отдѣльныхъ законодательныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ въ измѣненіе дѣйствовавшихъ ранѣе постановленій нашего уголовнаго кодекса, надлежитъ также упомянуть о законѣ 10 мая 1899 г., усилившемъ въ значительной мѣрѣ наказаніе за конокрадство въ виду того вреда, который причиняетъ чрезвычайная распространенность означеннаго преступленія для сельскихъ мѣстностей Имперіи.

Наконецъ наиболѣе крупнымъ закономъ въ области уголовнаго права, послѣдовавшимъ въ настоящій періодъ, является безъ сомнѣнія законъ 10 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки. Многолѣтній опытъ показалъ ея полную несостоятельность во всѣхъ отношеніяхъ, а тѣ мѣстности, куда высылались ссыльные, не переставали настойчиво ходатайствовать передъ правительствомъ объ избавленіи ихъ отъ этого бѣдствія.

По докладу Министра Юстиціи Государь Императоръ 3 марта 1899 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи возбужденныхъ по этому предмету предположеній обсудить въ особомъ совѣщаніи, подъ личнымъ Его Императорскаго Величества предсѣдательствомъ, въ составѣ Предсѣдателя Комитета Министровъ, Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Путей Сообщенія, Императорскаго Двора, Военнаго и Юстиціи, Управляющаго Морскимъ Министерствомъ и статсъ секретарей Фриша и Куломзина, при участіи Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія.

Совѣщаніе это состоялось 5 мая 1899 г., а 6 числа того же мѣсяца было объявлено Высочайшее повелѣніе объ образованіи, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, коммисіи изъ чиновъ Министерства Юстиціи и представителей подлежащихъ вѣдомствъ для разработки предположеній:

о замѣнѣ ссылки, назначаемой по суду, другими соотвѣтственными наказаніями; объ отмѣнѣ или ограниченіи административной ссылки по приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ, о переустройствѣ каторги и послѣдующаго за нею поселенія; объ упорядоченіи участи ссыльныхъ, находящихся нынѣ въ Сибири; о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ пересыльную часть и распредѣленіе ссыльныхъ; объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и рабочихъ домовъ, какъ мѣръ предупредительныхъ и карательныхъ, и о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для осуществленія мѣропріятій, вызываемыхъ отмѣною или ограниченіемъ ссылки и преобразованіемъ карательныхъ учрежденій.

Въ результатѣ работъ по данному вопросу послѣдовалъ законъ 10 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки на житье и ограниченіи ссылки на поселеніе по суду (исключительными случаями совершенія нѣкоторыхъ религіозныхъ и политическихъ преступленій), а также по приговорамъ общественнымъ.

Работы по дѣлу объ отмѣнѣ ссылки сосредоточены были въ Главномъ Тюремномъ Управленіи, которое незадолго передъ тѣмъ было выдѣлено изъ состава Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и присоединено къ Министерству Юстиціи. Согласно Высочайшему указу 13 декабря 1895 года всѣ права и обязанности по частямъ тюремной гражданскаго вѣдомства и арестантской пересыльной, присвоенныя Министру Внутреннихъ Дѣлъ и совѣту этого Министра, возложены на Министра Юстиціи, вмѣстѣ съ званіемъ Президента Общества Попечительнаго о тюрьмахъ. Мѣстное завѣдываніе тюремною частью и пересылкою арестантовъ, впредь до пересмотра относящихся до этого предмета узаконеній, временно сохранено на прежнихъ основаніяхъ, но Министру Юстиціи предоставлено войти безотлагательно въ соображеніе тѣхъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ, которыя вызываются сосредоточеніемъ главнаго завѣдыванія тюремною частью въ Министерствѣ Юстиціи. Работы по устройству тюремной части въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи еще не завершены.

Съ отмѣною 10 іюня 1900 г. ссылки на житье и ограниченіемъ ссылки на поселеніе по суду и по общественнымъ приговорамъ Министерству Юстиціи, для приведенія въ дѣйствіе этого закона, предстоялъ цѣлый рядъ мѣропріятій по Главному Тюремному Управленію, изъ коихъ наиболѣе существенныя и неотложныя заключались въ переустройствѣ казарменныхъ зданій нѣкоторыхъ изъ существующихъ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій и сооруженіи новыхъ строеній по системѣ исправительныхъ домовъ. Независимо отъ того, въ виду предстоявшаго содержанія въ мѣстахъ заключенія болѣе значительнаго числа лицъ, въ томъ числѣ и изъятыхъ до осужденія отъ тѣлесныхъ наказаній, надлежало озаботиться изданіемъ новыхъ правилъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на арестантовъ, и о распредѣленіи заключенныхъ по исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ сообразно съ ихъ личными и сословными особенностями.

При начертаніи правилъ о дисциплинарной отвѣтственности арестантовъ было принято во вниманіе, чтобы замѣна ссылки лишеніемъ свободы не повела за собою для привилегированныхъ лицъ нежелательнаго отягченія ихъ участи. Вслѣдствіе этого рѣшено совсѣмъ отмѣнить бритье головы у арестантовъ, ограничить число случаевъ наложенія оковъ и сократить предѣльное число ударовъ розогъ со 100 до 50. Правила эти утверждены 23 мая 1901 г.

Далѣе въ связи съ вопросомъ объ отмѣнѣ ссылки статсъ секретарь Муравьевъ остановился на предположеніи объ отмѣнѣ тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ. Наказанія эти существуютъ, какъ печальный пережитокъ прошлаго, только въ отношеніи лицъ мужскаго пола. Законопроектъ по этому вопросу внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ концѣ 1902 года.

Наконецъ съ вопросомъ объ отмѣнѣ ссылки тѣсно связанъ вопросъ о переустройствѣ каторги и послѣдующаго за нею поселенія и въ частности объ упорядоченіи постановки дѣла каторги и поселенія на о. Сахалинѣ. Работы по этому предмету ведутся въ особой коммисіи подъ предсѣдатель-

ствомъ Управляющаго межевою частью, на правахъ Товарища Министра, сенатора Шмемана, изъ высшихъ чиновъ Главнаго Тюремнаго Управленія, перваго департамента Министерства Юстиціи и представителей другихъ вѣдомствъ.

На ряду съ вышеприведенными мѣрами, направленными къ частичному улучшенію нашего уголовнаго законодательства, закончила свои труды Высочайше учрежденная, подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря Фриша, редакціонная коммисія для составленія проекта новаго уголовнаго уложенія. Во исполненіе возложеннаго на нее порученія, названная коммисія выработала проектъ уголовнаго уложенія съ обширною объяснительною къ нему запискою въ 8 томахъ.

По завершеніи упомянутыхъ работъ, редакціонная коммисія въ маѣ мѣсяцѣ 1895 года препроводила въ Министерство Юстиціи проектъ уголовнаго уложенія, а въ іюнѣ того же года означенный проектъ былъ сообщенъ на заключеніе всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ. Поступившія отъ нихъ замѣчанія были подвергнуты тщательному разсмотрѣнію въ Министерствѣ Юстиціи, и 14 марта 1898 г. Министръ Юстиціи статсъ секретаръ Муравьевъ и предсѣдатель редакціонной коммисіи статсъ секретарь Фришъ внесли проектъ новаго уголовнаго уложенія, по окочательномъ его исправленіи, на уваженіе Государственнаго Совѣта, гдѣ разсмотрѣніе его близится къ концу.

При самомъ образованіи редакціонной коммисіи для начертанія проекта уголовнаго уложенія состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ указано не включать въ означенный проектъ тѣхъ изъ проступковъ по службѣ государственной и общественной, которые заключаются въ нарушеніи исключительно служебныхъ обязанностей и, по маловажности своей, не подлежатъ внесенію въ общее уложеніе, а должны войти въ особый дисциплинарный уставъ. Вслѣдствіе этого редакціонною коммисіею составлены проектъ особаго устава о служебныхъ провинностяхъ и объяснительная къ нему записка, которые въ мартѣ мѣсяцѣ 1898 г. были сообщены Министромъ Юстиціи на заключеніе вѣдомствъ. По полученіи

отзывовъ министерствъ и главныхъ управленій, проектъ редакціонной коммисіи и сдѣланныя на него замѣчанія были подвергнуты всестороннему разсмотрѣнію въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря Н. В. Муравьева, а, по завершеніи этого труда, 15 декабря 1901 г., проектъ устава о служебныхъ провинностяхъ былъ внесенъ Министерствомъ Юстиціи на уваженіе Государственнаго Совѣта которымъ онъ еще не разсмотрѣнъ.

Кромѣ того внесенію въ Государственный Совѣтъ подлежитъ составленный особой коммисіей, подъ предсѣдательствомъ сенатора Таганцева, проектъ дополнительныхъ къ уголовному уложенію узаконеній.

Въ ряду законодательныхъ работъ по гражданскому праву, законченныхъ въ настоящее царствованіе, необходимо упомянуть о сложномъ трудѣ по начертанію новаго устава о векселяхъ. Постановленія вексельнаго устава 1832 г. уже вскорѣ послѣ его изданія оказались не удовлетворяющими практическимъ нуждамъ и требованіямъ, и съ 1847 г. начались работы по составленію новаго устава; сначала эти работы были сосредоточены во Второмъ Отдѣленіи Канцеляріи Его Императорскаго Величества, а затѣмъ въ Министерствѣ Юстиціи. Послѣдній проектъ составленъ былъ сенаторомъ С. В. Пахманомъ, обсужденъ въ особой коммисіи изъ представителей Министерствъ Юстиціи и Финансовъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго Товарища Министра Юстиціи П. М. Бутовскаго, и внесенъ въ Государственный Совѣтъ за совмѣстнымъ подписаніемъ статсъ секретарей Витте и Муравьева. Новый уставъ Высочайше утвержденъ 27 мая 1902 г.

Какъ указано было Его Императорскимъ Высочествомъ, Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта при слушаніи дѣла по проекту устава о векселяхъ въ Общемъ Собраніи Совѣта, означенный законъ „составляетъ плодъ долголѣтняго труда, тщательная и всесторонняя разработка коего позволяетъ надѣяться, что новый вексельный уставъ установитъ правильныя основанія вексельнаго оборота и тѣмъ самымъ поведетъ къ вящшей устойчивости вексельнаго кредита, а эти послѣдствія, въ свою очередь, благотворнымъ

образомъ отразятся на развитіи отечественной торговопромышленной дѣятельности".

Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ непрерывно происходятъ занятія редакціонной коммисіи по составленію гражданскаго уложенія, нынѣ весьма близкія къ окончанію. Болѣе продолжительный, сравнительно съ трудомъ по начертанію уголовнаго уложенія, срокъ работъ по выработкѣ уложенія гражданскаго находитъ себѣ оправданіе въ чрезвычайной сложности возложенной на коммисію задачи. Вообще созданіе гражданскаго уложенія требуетъ весьма долгаго времени и обширнаго труда, какъ свидѣтельствуетъ исторія всѣхъ гражданскихъ кодексовъ, а въ новѣйшее время примѣръ германскаго проекта уложенія, къ составленію коего было приступлено въ 1874 г. и который былъ внесенъ на разсмотрѣніе рейхстага лишь въ 1896 г. Въ Россіи же начертаніе новыхъ гражданскихъ законовъ встрѣчаетъ еще большія затрудненія вслѣдствіе громаднаго разнообразія мѣстныхъ и бытовыхъ условій и существенныхъ несовершенствъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ. Сверхъ того надлежитъ замѣтить, что трудъ редакціонной коммисіи былъ осложненъ возложеніемъ на нее, согласно Высочайшему повелѣнію 3 ноября 1882 г. и Высочайше утвержденному 11 декабря 1884 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, разработки двухъ самостоятельныхъ проектовъ (объ укрѣпленіи правъ на недвижимое имущество и о переустройствѣ опекунской части), хотя и связанныхъ съ соотвѣтствующими отдѣлами гражданскаго уложенія, но обнимающихъ цѣлый рядъ постановленій, относящихся къ охранительному судопроизводству и устройству вотчинныхъ и опекунскихъ установленій.

Прежде всего коммисіею были изданы весьма обширные подготовительные матеріалы (въ 35 томахъ). Засимъ были изготовлены частью первоначальные, частью окончательные проекты многихъ частей уложенія вмѣстѣ съ подробными объяснительными записками, при чемъ проекты вотчиннаго и семейственнаго права разосланы на замѣчанія подлежащихъ лицъ и учрежденій, проекты же обязательственнаго права,

о литературной, музыкальной и художественной собственности, объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ и о разлученіи супруговъ уже внесены въ Государственный Совѣтъ.

Изъ числа этихъ послѣднихъ проектовъ одинъ—объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ—разсмотрѣнъ, въ связи съ заключеніемъ Министерства Юстиціи, Государственнымъ Совѣтомъ, мнѣніе котораго по настоящему предмету удостоилось Высочайшаго утвержденія 3 іюня 1902 г. Какъ указано выше, облегченіе печальной участи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, составило задачу закона 12 марта 1891 г. о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ. Однако и послѣ изданія этого закона осталось не мало несчастныхъ дѣтей, которыя не могли воспользоваться проведенными имъ въ жизнь благодѣтельными началами единственно потому, что или слѣпой случай устранялъ необходимое событіе, служащее основаніемъ къ узаконенію, или роковое стеченіе обстоятельствъ создавало предусмотрѣнное закономъ препятствіе. Къ числу такихъ обездоленныхъ дѣтей относились всѣ дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія, дѣти отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными, о которыхъ не было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, а также въ тѣхъ же случаяхъ всѣ рожденныя отъ брачныхъ сопряженій въ недозволенныхъ степеняхъ родства и свойства, и, наконецъ, всѣ тѣ несчастныя, внѣбрачныя дѣти, которыхъ родители оставляютъ безъ призора и содержанія, не понуждаемые къ исполненію своего долга, вытекающаго изъ ихъ естественной кровной съ ними связи. Находя необходимымъ особо опредѣлить ихъ права, личныя и по имуществу, Императоръ Александръ III, согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, одновременно съ изданіемъ означеннаго закона Высочайше повелѣлъ Министру Юстиціи войти въ обсужденіе этого вопроса, не ожидая окончанія работъ по составленію гражданскаго уложенія. Во исполненіе этого порученія и былъ разработанъ редакціонною коммисіею упомянутый проектъ, въ разрѣшеніе котораго послѣдовалъ законъ 3 іюня 1902 г.

Согласно этому закону, наименованіе „незаконныя дѣти“

подлежитъ совершенному устраненію. Засимъ новыми правилами различаются дѣти отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными, и дѣти внѣбрачныя. Первыя сохраняютъ всѣ права дѣтей законныхъ, при чемъ отъ соглашенія родителей или, въ случаѣ отсутствія таковаго, отъ опекунскаго установленія зависитъ опредѣлить, у кого изъ нихъ должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти. Нѣсколько болѣе ограниченными представляются права дѣтей внѣбрачныхъ, къ числу которыхъ относятся дѣти, рожденныя незамужнею, происшедшія отъ прелюбодѣянія и рожденныя по истеченіи извѣстнаго срока послѣ смерти мужа матери или послѣ расторженія брака, или же послѣ признанія его недѣйствительнымъ. Такія дѣти могутъ, съ согласія матери и ея отца, если онъ находится въ живыхъ, именоваться фамиліею матери, которая вообще пользуется по отношенію къ своему ребенку правами родительской власти и несетъ соединенныя съ этою властью обязанности; кромѣ того такія дѣти пользуются правомъ на содержаніе отъ отца и на наслѣдованіе въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ матери. Наконецъ правилами 3 іюня 1902 г. установлены нѣкоторыя облегченія въ отношеніи условій усыновленія собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей.

Что касается указанныхъ выше особыхъ порученій, возложенныхъ Монаршею волею на редакціонную коммисію по составленію новаго гражданскаго уложенія, то коммисіею былъ составленъ проектъ новаго устава объ опекахъ и попечительствахъ съ объяснительною къ нему запискою, на который были получены замѣчанія со стороны разныхъ лицъ и учрежденій; по окончательномъ исправленіи, проектъ этотъ представленъ на уваженіе Государственнаго Совѣта, но еще не получилъ силы закона. Равнымъ образомъ выработаны были коммисіею предположенія объ укрѣпленіи правъ на недвижимое имущество. По сему предмету составлено было, собственно, четыре законопроекта: главный, названный проектомъ вотчиннаго устава, и находящіеся съ нимъ въ тѣсной связи проекты: 1) учрежденія вотчинныхъ установленій; 2) правилъ объ обезпеченіи недвижимымъ имѣніемъ договоровъ съ казною и съ кредитными установленіями, и 3) поло-

женія о порядкѣ взысканія съ недвижимыхъ имѣній. Всѣ четыре проекта, съ объяснительными къ нимъ записками въ 5 томахъ, были своевременно разосланы подлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ на замѣчанія и затѣмъ, въ исправленномъ видѣ, внесены въ Государственный Совѣтъ, на разсмотрѣніи котораго находятся понынѣ.

Наконецъ нельзя не отмѣтить предпринятаго въ самое послѣднее время труда по пересмотру дѣйствующихъ въ отношеніи лицъ православнаго исповѣданія правилъ производства дѣлъ о расторженіи брака вслѣдствіе прелюбодѣянія одного изъ супруговъ и о подсудности этихъ дѣлъ. Разбирательство ихъ нынѣ, какъ извѣстно, сосредоточивается въ духовныхъ консисторіяхъ и покоится на тѣхъ же приблизительно основаніяхъ, на которыхъ построено было судопроизводство по гражданскому вѣдомству до преобразованія 20 ноября 1864 г. Въ виду присущихъ этому порядку серьезныхъ недостатковъ правительство неоднократно останавливалось на мысли о необходимости участія свѣтскаго суда въ дѣлахъ о расторженіи брака по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ, но вопросъ этотъ еще не получилъ разрѣшенія. 6 марта 1902 г. статсъ секретаремъ Муравьевымъ, согласно предложенію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, статсъ секретаря Побѣдоносцева, было испрошено Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Министерствѣ Юстиціи особой коммисіи для новаго всесторонняго обсужденія всѣхъ возникающихъ по этому предмету разнообразныхъ и сложныхъ вопросовъ и для составленія по нему подробнаго законопроекта. Коммисія эта образована была подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Юстиціи, сенатора, тайнаго совѣтника С. С. Манухина, изъ сенаторовъ, тайныхъ совѣтниковъ А. Н. Щербачева и П. Н. Огарева и представителей вѣдомствъ Министерства Юстиціи, православнаго исповѣданія и Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній. Занятія ея еще продолжаются.

На ряду съ законодательными работами, направленными къ улучшенію судебной части, надлежитъ упомянуть также о болѣе важныхъ общихъ распоряженіяхъ по вѣдомству Ми-

нистерства Юстиціи, имѣвшихъ цѣлью обезпечить правильную и успѣшную дѣятельность судебныхъ установленій.

Желая придать надлежащую стройность и единообразіе практикѣ многообразной прокурорской службы, статсъ секретарь Муравьевъ, въ качествѣ генералъ-прокурора, издалъ обязательный для чиновъ прокуратуры всѣхъ ранговъ „Наказъ" этимъ чинамъ, въ которомъ изложены общій порядокъ и пріемы дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора при исполненіи ими обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ.

Стремясь всемѣрно, для сбереженія труда и времени, къ упрощенію сложнаго дѣлопроизводства, къ сокращенію слишкомъ обширной переписки и къ возможному исправленію и очищенію тяжелаго дѣловаго языка, Министръ Юстиціи счелъ нужнымъ, съ одной стороны, предъявить въ особомъ циркулярѣ всѣмъ чинамъ вѣдомства Министерства Юстиціи подробныя и настоятельныя по этому предмету требованія, а съ другой—внести и поддерживать всюду, гдѣ возможно, порядокъ не письменныхъ, а преимущественно личныхъ и устныхъ сношеній и докладовъ, съ устраненіемъ всѣхъ лишнихъ формальностей и проволочекъ.

Озабочиваясь поддержаніемъ закономѣрнаго единства совмѣстной дѣятельности судебныхъ органовъ съ представителями административной власти въ судебно-административныхъ установленіяхъ, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г., Министръ Юстиціи еще въ 1894 году, въ особомъ циркулярномъ предложеніи, обратился по этому поводу къ судебнымъ чинамъ съ надлежащими разъясненіями и указаніями, подтвержденными впослѣдствіи на соотвѣтствующихъ примѣрахъ.

Слѣдя за ходомъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или сословсловныхъ представителей, Министерство Юстиціи замѣтило, между прочимъ, что къ числу причинъ, вредно отзывающихся на характерѣ и результатахъ судебной дѣятельности, надлежитъ отнести также и такія, допускаемыя иногда судебными установленіями, уклоненія отъ правильнаго производства означенныхъ дѣлъ, которыя могли бы быть избѣгнуты или устра-

нены при болѣе бдительномъ и строгомъ соблюденіи всего того, чѣмъ обезпечивается успѣшное выполненіе конечнаго призванія уголовнаго суда—изобличить и покарать виновнаго, съ полнымъ огражденіемъ невиннаго и наименьшимъ стѣсненіемъ законныхъ правъ и интересовъ. Вслѣдствіе этого статсъ секретарь Муравьевъ, въ силу лежащей на немъ въ качествѣ генералъ-прокурора обязанности общаго надзора за всѣми судебными установленіями и должностными лицами Имперіи, въ 1900 году призналъ полезнымъ, посредствомъ сопоставленія нѣкоторыхъ поучительныхъ уроковъ опыта последнихъ лѣтъ, напомнить судебнымъ чинамъ въ особомъ циркулярѣ о томъ, къ чему именно имъ слѣдуетъ приложить особыя старанія, чтобы по возможности всегда стоять на высотѣ предъявляемыхъ къ суду справедливыхъ требованій и ожиданій. Съ этою цѣлью въ упомянутомъ циркулярѣ Министръ Юстиціи подробно разсмотрѣлъ всѣ главнѣйшіе моменты въ производствѣ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и преподалъ надлежащія указанія относительно свойства и характера обязанностей отдѣльныхъ судебныхъ органовъ, участвующихъ въ производствѣ означенныхъ дѣлъ.

Входя въ нужды и потребности судебныхъ чиновъ, Министерство Юстиціи, въ видахъ предоставленія имъ болѣе удобной и дешевой форменной одежды, отвѣчающей вмѣстѣ съ тѣмъ характеру ихъ занятій, составило проектъ правилъ о новой судебной формѣ, которыя, по утвержденіи ихъ Высочайшею властью, послужили затѣмъ образцомъ для другихъ вѣдомствъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ 1895 году съ Высочайшаго одобренія было учреждено, согласно мысли, возникшей среди дѣятелей Министерства Юстиціи и столичныхъ судебныхъ установленій, особое благотворительное общество судебнаго вѣдомства. Съ 27 мая 1897 г. общество это состоитъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны [1]).

---

[1]) Историческій очеркъ дѣятельности Министерства Юстиціи по межевой части будетъ помѣщенъ въ „Журналѣ“ особо.

ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ [1]).

С. П. Мокринскаго.

Уголовное право, подобно всякому другому праву, можетъ быть изучаемо съ двоякой точки зрѣнія: какъ право, какимъ оно есть или было, или какъ право, какимъ оно должно быть,—право, какъ внѣшне установленный порядокъ, и право, какъ содержаніе воли, какъ внутреннее представленіе о долженствующемъ. Первая отправная точка зрѣнія лежитъ въ основѣ историческаго и догматическаго изслѣдованія права, вторая—въ основѣ его политическаго и философскаго изученія. Не касаясь исторіи и догмы, сосредоточимъ вниманіе на основныхъ проблемахъ политики и философіи уголовнаго права. Та и другая имѣютъ отвѣтить на вопросъ о томъ, правильно ли функціонируетъ мѣстное уголовное законодательство, и, если нѣтъ, то какъ должно оно функціонировать. Та и другая изслѣдуютъ критически право существующее и даютъ построенія новаго усовершенствованнаго права. Критика и реформа—два основныя образованія философской и политической мысли.

Идея долженствованія, какъ содержанія воли, предполагаетъ понятіе цѣли, поставляемой этой волѣ. Право, какъ

[1]) Рѣчь передъ диспутомъ 8-го октября въ Московскомъ университетѣ.

совокупность нормъ, есть вмѣстѣ совокупность цѣлей. Но среди этихъ цѣлей есть ближайшія и подчиненныя, и есть отдаленныя, доминирующія надъ первыми. Въ этомъ смыслѣ право есть не только совокупность, но и іерархія цѣлей.

Уголовная политика указываетъ законодателю пути къ достиженію ближайшей и вмѣстѣ подчиненной цѣли—желательнаго сокращенія преступности; уголовная этика [1]) требуетъ бо̀льшаго—соотвѣтствія уголовнаго законодательства конечной идеальной цѣли правопорядка.

Мы отвѣтимъ на вопросъ о соотношеніи существующихъ школъ уголовнаго права, если дадимъ себѣ трудъ провѣрить, что̀ каждая изъ нихъ дала цѣннаго политикѣ, и что̀—этикѣ уголовнаго права.

Уголовная политика есть самое слабое и больное мѣсто *классической* школы. Отдѣльные представители школы намѣчали и комбинировали различныя цѣли наказанія, но они не могли или не хотѣли провести и согласовать эти цѣли ни въ предположеніяхъ наказанія, т. е. условіяхъ, съ которыми оно связано гипотетически, ни въ системѣ самихъ карательныхъ мѣръ. Въ результатѣ усилій классической школы мы имѣемъ современный уголовный кодексъ, далекій отъ жизни и ея сложныхъ запросовъ, жестокій по отношенію къ преходящей, безсильный по отношенію къ устойчивой преступности.

Свои главныя силы классическая школа отдала на служеніе не политикѣ, но философіи уголовнаго права, т. е. критикѣ и реформѣ дѣйствующаго уголовнаго права въ соотвѣтствіи съ сложившимся представленіемъ о конечной цѣли права вообще.

Во имя правъ человѣческой личности, которая не можетъ быть отрицаема и въ самомъ преступникѣ, классическая школа потребовала отъ уголовной репрессіи смягченія ка-

---

[1]) Этика, въ широкомъ смыслѣ слова, распадается на этику поведенія и этику настроеній, или иначе, на идеальное право и мораль. Мы говоримъ, конечно, о первой—объ этикѣ поведенія или идеальномъ правѣ. Ср. R. Stammler, Die Lehre von dem richtigen Rechte, 1902, стр. 70—83.

рательныхъ мѣръ и гарантій личной свободы. Современный уголовный кодексъ съ его рѣзко очерченными составами отдѣльныхъ преступленій и категоріей процессуальныхъ правъ, открывающихъ обвиняемому возможность судебной борьбы съ несправедливымъ или преувеличеннымъ обвиненіемъ,—созданіе рукъ классической школы.

Но, установивъ правильную критическую оцѣнку унаслѣдованнаго положительнаго права, справедливо осудивъ традиціонныя начала оффиціальнаго сыска и обезвреженія лихаго человѣка, классическая школа оказалась не въ состояніи разрѣшить положительную реформативную сторону задачи, отвѣтить на вопросъ о нравственномъ оправданіи наказанія, какимъ оно должно быть. Классики исходили здѣсь изъ понятій нравственной отвѣтственности и справедливаго возмездія. Усвоеніе этихъ понятій имѣло благимъ послѣдствіемъ усиленное изученіе субъективной, въ частности, этической стороны преступнаго дѣянія, дало толчокъ къ развитію ученій о вмѣняемости и формахъ виновности, но основная проблема философскаго изученія права, нравственное оправданіе наказанія,—этотъ старый вопросъ наболѣвшей общественной совѣсти,—была поставлена и отнюдь не разрѣшена.

Противъ принятія начала нравственной отвѣтственности обычнымъ аргументомъ служитъ указаніе на его обусловленность допущеніемъ свободы воли. И дѣйствительно индетерминизмъ составляетъ communis opinio doctorum классической школы. Въ новѣйшее время было, однако, доказано, что въ понятіи нравственной отвѣтственности нѣтъ ничего, кромѣ констатированія нравственной вины, несоотвѣтствія внутренняго настроенія и внѣшняго дѣйствія субъекта требованіямъ признаваемой имъ нравственной нормы, что принятіе нравственной отвѣтственности какъ нельзя болѣе примиримо и съ детерминистическимъ истолкованіемъ волевыхъ процессовъ. За то остается во всей своей силѣ вопросъ о связи, существующей между фактомъ нравственной отвѣтственности и нравственной необходимостью возмездія, тѣмъ болѣе, если послѣднее облечено въ форму уголовнаго наказанія.

Я согрѣшилъ, я нравственно виновенъ, но откуда слѣдуетъ, что я *обязанъ* отстрадать свой грѣхъ, что общество *имѣетъ право* принудить меня къ страданію? Справедливое возмездіе есть не что иное, какъ индивидуальная или коллективная реакція на нарушеніе нравственнаго закона, осуществляемая во исполненіе достаточно авторитетной нравственной нормы. Для разрѣшенія вопроса о правѣ наказанія классическая школа должна была бы установить, во-первыхъ, нравственную цѣнность самаго закона возмездія, опредѣлить которую можно было бы только изъ соотношенія этого закона съ конечной цѣлью права вообще, во-вторыхъ, выяснить въ точности постулаты возмездія, въ - третьихъ, сопоставить найденный законъ возмездія съ тѣмъ опредѣленнымъ, подвергаемымъ нравственной пробѣ, уголовнымъ наказаніемъ, примѣненіе котораго въ данный моментъ признается практически нужнымъ. Классическая школа въ своемъ стремленіи найти оправданіе самой идеѣ наказанія, наказанія вообще, какъ таковаго, имѣла слабое представленіе о первой половинѣ своей философско-критической задачи, тѣмъ менѣе она была въ состояніи совладать со второю. Труды классической школы были осуждены на безплодіе уже по одному тому, что этико-философская мысль еще не находила объекта, достойнаго ея приложенія, что репрессивныя системы, которыя ей приходилось оправдывать, были или проникнуты духомъ неосмысленной жестокости, или являлись плодомъ далекихъ отъ жизни мечтательныхъ настроеній. Плодотворная работа этико-философской мысли возможна лишь на почвѣ предварительной работы политической мысли [1]).

[1]) Теоретически казалось бы болѣе удобнымъ прямое выведеніе правилъ политики изъ основныхъ началъ этики, разумѣется, не путемъ логическаго разложенія понятій равенства или свободы, но посредствомъ послѣдовательнаго обращенія этихъ началъ къ урегулированію все болѣе и болѣе тѣсныхъ сферъ отношеній. Но этотъ путь имѣетъ одно весьма важное неудобство. Отправляясь отъ общихъ началъ, мы рискуемъ оставить безъ должнаго вниманія цѣлый рядъ болѣе узкихъ цѣлей, относительныхъ и преходящихъ, но тѣмъ настоятельнѣе требующихъ принятія ихъ къ разсмотрѣнію въ данномъ случаѣ. Мы рискуемъ прійти къ выводамъ болѣе или менѣе апріорнымъ, носящимъ на себѣ печать

Грѣхи и прочеты классической школы взяла на себя исправить новая школа уголовнаго права, которую я назвалъ бы школой *соціальной обороны* [1]).

Неотъемлемая заслуга этой школы—покоящееся на положительномъ знаніи данныхъ уголовной соціологіи и антропологіи изысканіе способовъ цѣлесообразной борьбы съ пре-

---

отвлеченной доктрины, чрезмѣрно широкаго обобщенія и уже по одному этому нежизнепригоднымъ. Общія начала продуктивны только при условіи, если къ нимъ восходятъ, берутъ ихъ для повѣрки, но отправляются не отъ нихъ, а отъ конкретной дѣйствительности. Изъ принципа, что личность самоцѣльна и должна быть уважаема въ самомъ преступникѣ, мы можемъ умозаключить о неправомѣрности смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, но отнюдь не получить отвѣта на вопросъ о томъ, какъ *должно* быть организовано наказаніе. Понятіе высшей цѣли правопорядка пригодно для предъявленія къ наказанію отрицательныхъ требованій, но отнюдь не положительныхъ.

[1]) Эта новая школа, противополагаемая классической, до сихъ поръ не получила общепризнаннаго наименованія. Обычно даже и въ спеціальной литературѣ отдѣлываются пока глухимъ упоминаніемъ о новыхъ направленіяхъ или „вѣяніяхъ" въ наукѣ уголовнаго права. И лишь въ отдѣльности эти направленія получаютъ болѣе точныя наименованія: общепринято различать школы соціологическую и антропологическую. Существованіе чистыхъ наукъ—уголовной антропологіи, или науки о преступленіи, какъ продуктѣ психо-физической природы индивида, и уголовной соціологіи, или науки о преступленіи, какъ явленіи соціальной жизни, не подлежитъ сомнѣнію. Кто изучаетъ индивидуальные факторы преступности, тотъ, безспорно, имѣетъ право называть себя уголовнымъ антропологомъ; кто посвящаетъ свои труды изслѣдованію соціальныхъ условій преступности, несомнѣнно,—уголовный соціологъ. Притязаніе на титулъ уголовнаго антрополога, еще чаще соціолога, предъявляютъ, однако, не одни дѣятели чистыхъ наукъ—антропологіи и соціологіи, но и криминалисты-политики. Быть антропологомъ или соціологомъ спеціально въ области уголовной политики значитъ использовать данныя или конечные выводы той или другой изъ названныхъ чистыхъ наукъ для цѣлей уголовной политики. Но можетъ ли въ самомъ дѣлѣ для данной сферы прикладнаго знанія источникъ используемаго чистаго знанія служить критеріемъ разграниченія школъ? Еще могли бы, пожалуй, заявить преимущественную претензію на званіе соціологовъ криминалисты, считающіе уголовную политику ученіемъ, прежде всего, о соціальной реформѣ, какъ средствѣ борьбы съ преступленіемъ, но эта точка зрѣнія не можетъ быть уважена уже по одному тому, что соціальная реформа есть дѣло соціальной и отнюдь не уголовной политики. Послѣдняя есть ученіе о цѣлесообразномъ наказаніи и мѣрахъ, къ нему примыкающихъ или его замѣняющихъ. Дѣленіе школъ на антропологическую и соціологическую, какъ на обособленныя *политическія* направленія, несостоятельно уже потому, что нѣтъ и быть не можетъ криминалиста-политика, который бы эксплоатировалъ *только* данныя антропологіи или *только* соціологіи;—по мѣрѣ надобности, онъ используетъ тѣ и другія.

ступленіемъ. Новая школа впервые поставила уголовную политику на подобающую ей научную высоту [1]).

Силою контраста, который представляютъ явленія научности и диллетантизма, школа соціальной обороны рѣзко отдѣлилась отъ старой классической, отмежевала себя отъ послѣдней достаточно ясной демаркаціонной линіей. И, если бы рѣчь шла единственно о признакахъ *отличія* старой и новой школъ, притомъ исключительно въ рамкахъ политики, указаніе на этотъ контрастъ могло бы имѣть значеніе исчерпывающаго предметъ опредѣленія. Напротивъ, оно недостаточно, если вопросъ ставится шире. Подчеркивая превосходство методологіи новой школы, мы характеризуемъ послѣднюю только отрицательно, скорѣе отмѣчаемъ недостатки старой школы, избѣжать которыхъ поставила своей задачей новая. Остается открытымъ вопросъ о томъ, какъ и въ какомъ направленіи новая школа использовала свои новые матеріалы и пріемы изслѣдованія, что̀ цѣннаго она дала политикѣ, и что̀—этикѣ уголовнаго права.

Начнемъ съ разсмотрѣнія *политическаго* курса новой школы. Одинъ и тотъ же научный матеріалъ, однѣ и тѣ же данныя чистыхъ наукъ могутъ быть использованы различнымъ образомъ. Въ уголовной политикѣ, служитъ ли она проявленіемъ научнаго диллетантизма или покоится на проч-

---

[1]) Это простое и ясное разграниченіе школъ классической и соціальной обороны въ области уголовной политики восполняется ниже разграниченіемъ ихъ же въ области уголовной этики. Ходячее мнѣніе опредѣляетъ различіе школъ иначе: говорятъ, что для классиковъ преступленіе и наказаніе были не болѣе, какъ отвлеченными юридическими понятіями; лишь новая школа открыла, что преступленіе и наказаніе суть факты соціальной жизни; что, наказывая, мы имѣемъ дѣло съ живымъ человѣкомъ, а не съ абстрактнымъ понятіемъ, и пр. Въ основѣ всѣхъ подобныхъ разсужденій лежитъ элементарное смѣшеніе точекъ зрѣнія догмы и политики. Пока наказаніе, какъ средство борьбы съ преступленіемъ, будетъ обставлено извѣстной суммой формально юридическихъ предположеній, до тѣхъ поръ криминалисты, къ какой бы школѣ они ни принадлежали, будутъ изучать преступленіе также и догматически, т. е., какъ отвлеченное юридическое понятіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ труды классиковъ по уголовной политикѣ достаточно убѣждаютъ, что и они прекрасно понимали, что преступленіе есть нарушеніе не только нормы, но и жизненнаго интереса, и что въ тюрьму сажаютъ живаго человѣка, а не абстрактное понятіе.

номъ базисѣ чистаго знанія, мыслимы два направленія: общее предупрежденіе преступленій—путемъ воздѣйствія угрозой наказанія на цѣлое общество или скрывающагося въ немъ готоваго преступника, и спеціальное—посредствомъ обезвреженія опредѣленнаго соціально-опаснаго индивида. Новая школа признаетъ единственно раціональными мѣры спеціальнаго предупрежденія: она учитъ, что наказаніе должно опредѣляться не преступленіемъ, но той соціальной опасностью, которая заключается въ личности наказываемаго. Преступленіе получаетъ здѣсь значеніе чисто симптоматическое, конкурируя, какъ симптомъ, со всѣми другими возможными проявленіями общеопасности даннаго субъекта. Наказаніе становится такою же предупредительною мѣрой, какою, напр., служитъ мѣра изолированія сумасшедшаго [1]). Осуществимость и самая раціональность столь односторонне построенной системы репрессіи для меня является подверженной сомнѣнію. Изолируя сумасшедшаго, мы, разумѣется, не ждемъ, чтобы онъ дѣйствительно покусился на поджогъ или убійство, мы довольствуемся научно обоснованнымъ заключеніемъ врача-эксперта, что посягательства этого типа возможны, вѣроятны. Ни уголовная антропологія, ни соціологія не даютъ, однако, настолько ясныхъ, уже in concreto распознаваемыхъ клеймъ соціально-опаснаго индивида, чтобы ихъ

---

[1]) Проповѣдь спеціальнаго предупрежденія, какъ исключительно рекомендуемой системы репрессіи, настолько идетъ въ разрѣзъ съ нуждами практической жизни, что и сами апостолы этого крайняго направленія отказываются отъ послѣдовательнаго проведенія своихъ принциповъ. Ср., напр., Ferri, La justice pénale, 1898, p. 81: „Lorsque les crimes ne sont pas graves et lorsque les criminels ne sont pas dangereux (criminels d'occasion), la seule sanction doit être le dédommagement des victimes". Съ точки зрѣнія спеціальнаго предупрежденія, очевидно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія ограничивать уголовную безнаказанность неопаснаго на будущее время (случайнаго) преступника сферою *нетяжкихъ* преступленій. Тѣмъ крѣпче держатся почвы компромисса главари и основатели Международнаго союза уголовнаго права, не говоря уже о подавляющемъ большинствѣ его членовъ. И все-же только весьма немногіе представители направленія соціальной обороны находятъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы уже принципіально признать цѣлесообразность системы общаго предупрежденія преступленій. Къ числу таковыхъ принадлежатъ, однако, Тардъ, Леффлеръ и отчасти (за послѣдніе годы) Листъ.

можно было использовать, не компрометируя въ высшей мѣрѣ блага личной свободы. Поэтому въ практическихъ desiderata школы спеціальное предупрежденіе пока сводится исключительно къ мѣрамъ предупрежденія рецидива, или иначе—обезвреженія лицъ, *уже* совершившихъ преступленія. Борьба съ рецидивомъ—вопросъ первенствующей важности; недостатокъ вниманія къ ней—существенный грѣхъ классической школы, увлеченіе ею—естественно, уже какъ простая реакція противъ обратной односторонности старой школы. Едва ли, однако, задача уголовной репрессіи можетъ быть разумно ограничена одною борьбой съ повторной преступностью. Мало предупреждать *повтореніе* преступленій, система наказаній должна, по возможности, служить средствомъ предупрежденія ихъ уже по первому разу. Но дебютанты преступленія—не одни люди, отмѣченные антропологосоціологическими клеймами, нуждающіеся въ примѣненіи мѣръ индивидуальнаго обезвреженія: устрашеніи, исправленіи или изолированіи; въ мірѣ страстей, борьбы, соблазновъ и моментовъ преходящаго отчаянія только немногіе могутъ считать себя абсолютно застрахованными отъ паденія, тѣмъ менѣе отъ конфликтовъ съ велѣніями уголовнаго законодателя, морально безразличными. По отношенію ко всѣмъ этимъ лицамъ единственно цѣлесообразными являются средства общаго предупрежденія. Мѣры индивидуальнаго воздѣйствія, психическаго или физическаго, на преступника изъ боязни самого преступника умѣстны лишь по отношенію къ тѣмъ, кто дѣйствительно опасенъ на будущее время. Только такихъ есть политическій смыслъ исправлять или обезвреживать механически [1]). На вопросъ о томъ, какъ практически согласовать начала общаго и спеціальнаго предупрежденія,

---

[1]) Сторонники исключительнаго примѣненія мѣръ спеціальнаго предупрежденія относятъ къ числу таковыхъ, кромѣ направленныхъ къ цѣли исправленія и механическаго обезвреженія, еще и мѣры индивидуальнаго устрашенія. Объ отличіи индивидуальнаго устрашенія отъ общаго психологическаго принужденія см. мою книгу,—„Наказаніе, его цѣли и предположенія", 1902. ч. I, стр. 75—76, прим. 2. Тамъ же—о недостижимости цѣли индивидуальнаго устрашенія.

мой отвѣтъ содержится въ представленной работѣ [1]); здѣсь я устанавливаю только невозможность признанія за идеей спеціальнаго предупрежденія права на уголовно-политическую монополію [2]).

Еще важнѣе другой упрекъ, котораго нельзя не сдѣлать школѣ соціальной обороны. Съ ней повторилось явленіе, можно сказать, обычное въ исторіи человѣческой мысли. Строго осудивъ „вины отцовъ", она вмѣстѣ отвергла и то, что составляло безспорное ихъ достоинство. Новая школа правильно ставитъ критеріемъ цѣлесообразнаго наказанія бо́льшіе или меньшіе шансы достиженія элементарной практической цѣли репрессіи—подавленія преступности, но она недостаточно ясно сознаетъ относительность этой цѣли, необходимость ея послѣдующаго восполненія и повѣрки съ точки зрѣнія идеальныхъ цѣлей права. Недостаточно, если наказаніе цѣлесообразно, въ узкомъ значеніи этого слова, если оно фактически приводитъ къ сокращенію преступности,—нужно, чтобы оно сверхъ того отвѣчало правильному представленію о должномъ складѣ внѣшнихъ человѣческихъ отношеній. Обычный аргументъ сторонниковъ новаго направленія,—что высшее оправданіе наказанія заключается въ его необходимости для самаго существованія правового порядка,—не убѣдителенъ. Узурпаторы власти, какъ Марій и Сулла, также примѣняли наказанія, какъ средство охраненія установленнаго ими правопорядка; допустимъ, что

[1]) См. мою книгу, ч. I. стр. 97—110. Въ частности, о причинахъ, почему система строго-индивидуализированныхъ мѣръ общественной безопасности не можетъ одновременно имѣть и общерепрессивное значеніе, см. стр. 98—100.

[2]) Преобладаніе идеи общаго предупрежденія въ политическихъ системахъ классической школы и идеи спеціальнаго предупрежденія въ системахъ школы соціальной обороны ведетъ къ нерѣдкому смѣшенію первой *политической идеи* со *школой* классической, второй—со школой соціальной обороны (или, какъ принято говорить, со школами антропологической и соціологической). Но эти понятія не совпадаютъ уже потому, что какъ въ рядахъ классической школы встрѣчались сторонники спеціальнаго предупрежденія (Грольманъ, Релеръ и др.), такъ въ школѣ общественной самообороны имѣются друзья идеи общаго предупрежденія. Школа опредѣляется не направленіемъ уголовной политики, не соотношеніемъ *политическихъ* цѣлей, ближайшихъ и конечной, но соотношеніемъ *этихъ* цѣлей и цѣли, лежащей *внѣ* политики,—началъ идеальнаго права.

ихъ репрессивныя мѣры были въ указанномъ смыслѣ вполнѣ цѣлесообразны,—слѣдуетъ ли отсюда, что эти мѣры должны быть оправданы? Довольно уже поверхностнаго знакомства съ любымъ уголовнымъ кодексомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что уголовная репрессія служитъ нерѣдко простымъ орудіемъ общественной борьбы, тѣмъ средствомъ, съ помощью котораго одна общественная группа закрѣпляетъ свое господство надъ другою, т. е. не средствомъ охраненія общественнаго порядка, какъ таковаго, но только *даннаго* общественнаго порядка.

Далѣе,—если и допустить, что тотъ или другой общественный порядокъ выдерживаетъ нравственную пробу, слѣдуетъ ли отсюда, что онъ можетъ и долженъ быть охраняемъ во что бы то ни стало, всѣми возможными способами? „Мы не наказываемъ"—возражаетъ французскій криминалистъ Cuche графу Льву Толстому по поводу его романа „Воскресенье",—„мы защищаемся" [1]). Прекрасно, но кто далъ вамъ право защищаться такъ, какъ вы защищаетесь? Совершенно такъ же, какъ право индивидуальной обороны тѣсно ограничено нормами юридическаго порядка, такъ же точно и право соціальной самозащиты подлежитъ ограниченію нормами этическаго порядка. Какъ индивидуальная необходимая оборона можетъ быть юридически оправдана лишь постольку, поскольку она согласуется съ идеей положительнаго права, такъ же точно общественная самооборона находитъ свое нравственное оправданіе лишь въ предѣлахъ своего согласованія съ нравственно идеальною цѣлью права. Выраженіе „цѣль не оправдываетъ средства" слѣдуетъ понимать именно въ томъ смыслѣ, что *ближайшая* цѣль, взятая сама по себѣ, еще не оправдываетъ средства [2]). Сожженіе еретиковъ вполнѣ отвѣ-

---

[1]) Cuche, Tolstoi criminaliste, Paris, 1901.

[2]) Замѣчу кстати, что эта „ближайшая" цѣль не имѣетъ никакого отношенія къ цѣлому ряду преступленій и въ особенности такъ называемыхъ полицейскихъ проступковъ, наказуемыхъ отнюдь не потому, что ихъ совершеніе *гибельно* для правоваго порядка (вообще или только даннаго), но лишь потому, что они нарушаютъ спокойное, комфортабельное теченіе общественной жизни или же просто усложняютъ работу администраціи.

чало ближайшей цѣли, которую преслѣдовала католическая церковь,—укрѣпленію католицизма, но оно противорѣчило высшей цѣли, служительницей которой объявляла себя та же церковь,—проведенію въ жизнь нравственныхъ истинъ евангелія.

Таковы сравнительные достоинства и недостатки обѣихъ школъ уголовнаго права. Легко убѣдиться, что обѣ онѣ, по своимъ основнымъ тенденціямъ, не отрицаютъ, а лишь восполняютъ другъ друга. Послѣднее время на западѣ и у насъ охотно говорятъ о желательномъ и возможномъ компромиссѣ обѣихъ школъ на законодательной почвѣ. Проще и естественнѣе было бы повести рѣчь не о компромиссѣ, но о синтезѣ обоихъ направленій, и не только на законодательной, но и на научной почвѣ.

Этотъ синтезъ и есть та задача, разрѣшить которую надлежитъ въ дальнѣйшемъ наукѣ уголовнаго права, тому нарождающемуся ея направленію, которое я позволю себѣ назвать *этико-политическимъ*. Одинаково чуждое односторонностей школы классической и школы соціальной обороны, оно ставитъ своею задачею связать разрѣшеніе нравственныхъ проблемъ первой съ политическими второй, примирить враждующія мнѣнія въ идеѣ высшей этически просвѣтленной цѣлесообразности наказанія [1]).

---

[1]) Опредѣляемый въ этомъ смыслѣ этицизмъ въ уголовной политикѣ сводится къ подчиненію послѣдней категорическимъ императивамъ этики, какъ *субъективнаго* представленія о долженствующемъ. Напротивъ, запреты и приказы *объективной* этики, нравственныя нормы, исповѣдуемыя даннымъ обществомъ, номинально—всѣми или почти всѣми его членами, дѣятельно—немногими праведниками, этой „солью земли", по образному выраженію Писанія, далеко не безусловно связываютъ политика. Дѣло законодательнаго произвола согласовать, или нѣтъ, съ ними направленіе уголовной политики. Уже не велѣнія этики выступаютъ здѣсь въ качествѣ активнаго агента по отношенію къ пассивной сторонѣ—политикѣ, наоборотъ, политикъ даетъ свою оцѣнку нравственнымъ началамъ, какъ фактически функціонирующей силѣ, взвѣшиваетъ помощь, которую могла бы эта сила оказать репрессіи въ качествѣ союзницы, или ущербъ, который она же могла бы нанесть ей, какъ сила противодѣйствующая. Умѣлое использованіе нравственныхъ силъ мѣстнаго общества является, и въ наши дни,—особенно, однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ цѣлесообразной политики. Отвѣтить на вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи и мѣрѣ эти силы могли бы

Новая точка зрѣнія всего менѣе предполагаетъ сліяніе политики и этики въ нераздѣльный объектъ изученія. Суммарное разсмотрѣніе вопросовъ политики и этики было кореннымъ методологическимъ недостаткомъ классической школы. Изученіе той и другой отрасли науки уголовнаго права должно сохранить свою полную самостоятельность. Но мы требуемъ установленія между ними ясно и точно опредѣленнаго соотношенія на почвѣ обоюднаго признанія правъ на существованіе [1]).

быть использованы для нуждъ уголовной политики, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ послѣдней, какъ науки. Признаніе этихъ силъ, изслѣдованіе ихъ и изысканіе средствъ использованія могутъ быть также подводимы подъ понятіе этицизма въ уголовной политикѣ, но совпаденіе названій не должно вести къ смѣшенію понятій. Понятіе этицизма въ уголовной политикѣ такъ же двойственно, какъ двойственны понятіе самой этики и ея значенія для политики.

[1]) Въ Жур. Мин. Нар. Пр. за сентябрь 1902 года (стр. 188—207) появилась рецензія на мою книгу „Наказаніе, его цѣли и предположенія", подписанная иниціалами „Н. Т." Я чрезвычайно признателенъ автору статьи за принятый имъ на себя серьезный и методическій трудъ по разбору моей диссертаціи. Въ послѣдующихъ выпускахъ своей работы еще не разъ я буду имѣть случай вернуться къ этой рецензіи, а пока отмѣчу интересную попытку почтеннаго рецензента дать самостоятельную схему должнаго развитія моей темы. Провѣрка раціональности карательной дѣятельности государства *съ точки зрѣнія уголовной политики*, говоритъ онъ, предполагаетъ анализъ слѣдующихъ четырехъ отдѣльныхъ моментовъ: 1) что̀ вызываетъ государственное принужденіе къ страданію,—преступное дѣяніе или преступникъ? 2) почему преступное дѣяніе вызываетъ карательную дѣятельность государства: потому ли, что оно вредно, или потому, что указываетъ на существованіе преступно насыщенной личности? 3) зачѣмъ караетъ государство: потому ли, что зло должно влечь зло, или для достиженія полезныхъ цѣлей? 4) къ какимъ средствамъ государство можетъ прибѣгнуть ради этихъ цѣлей: слѣдуетъ ли признавать права человѣка также и въ преступникѣ или руководствоваться правиломъ „дурную траву изъ поля вонъ"? Первый и второй вопросы представляютъ собою, какъ мнѣ кажется, частное развитіе третьяго, поскольку этотъ третій составляетъ вопросъ уголовной политики, четвертый принадлежитъ всецѣло уголовной этикѣ, и, наконецъ, третій охватываетъ разомъ двѣ проблемы: одну—политики и другую—этики. Если на вопросъ „зачѣмъ караетъ государство?" одни отвѣчаютъ: „потому, что зло должно влечь зло", а другіе: „ради достиженія полезныхъ цѣлей", то тѣ и другіе отвѣчаютъ не на одинъ, а на два вопроса, первые—на вопросъ уголовной этики—о нравственномъ оправданіи наказанія, вторые—на вопросъ уголовной политики о ближайшихъ промежуточныхъ цѣляхъ уголовной репрессіи. И если всѣ попытки построеній раціональной системы репрессіи я свелъ къ двумъ системамъ—спеціальнаго и общаго предупрежденія преступленій, то это было

Въ сферѣ политики названное направленіе стремится дать сравнительную оцѣнку тѣхъ ближайшихъ, посредствующихъ цѣлей, которыя могутъ быть полагаемы наказанію; опредѣлить, въ какомъ порядкѣ и въ какомъ объемѣ каждая изъ нихъ можетъ разсчитывать на удовлетвореніе; найти для нихъ практически осуществимый компромиссъ, наиболѣе соотвѣтствующій условіямъ данной страны и даннаго историческаго момента. Разъ установлены цѣли, является возможнымъ: 1) изыскать средства достиженія этихъ цѣлей, 2) выяснить условія эксплоатаціи найденныхъ средствъ. Найти средства,—это значитъ выработать цѣлесообразную систему наказаній и мѣръ, къ нему примыкающихъ или его замѣняющихъ; опредѣлить условія—значитъ формулировать предположенія наказанія, т. е. обстоятельства, съ наступленіемъ которыхъ оно имѣетъ быть связано гипотетически.

Въ сферѣ уголовной этики задача этого же направленія сводится къ повѣркѣ только что найденныхъ цѣлей, средствъ и условій репрессіи съ точки зрѣнія принциповъ идеальнаго права, къ устраненію изъ первыхъ всего того, что̀ не согласуется со вторыми.

Уголовная политика приводитъ къ наказанію соціально-утилитарному, уголовная этика—къ нравственно-допустимому.

съ моей стороны не „упрощеніе" взятой на себя задачи, какъ полагаетъ уважаемый рецензентъ, но лишь введеніе этой задачи въ ея естественныя границы, отграниченіе вопросовъ политики отъ вопросовъ этики наказанія. Рецензентъ находитъ, что, вслѣдствіе помянутаго упрощенія и обусловленнаго имъ распредѣленія матеріала, мнѣ пришлось „возсоединить представителей разнородныхъ школъ и разъединить однородныхъ", именно,—отнести „нѣсколько неожиданно" къ уголовно-политическимъ системамъ общаго предупрежденія преступленій теоріи возмездія, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, „которыя обыкновенно включаются въ группу смѣшанныхъ или переходныхъ". Это было бы тѣмъ для меня непріятнѣе, что „смѣшанныя" теоріи о правѣ наказанія служатъ типичнѣйшими представительницами смѣшенія вопросовъ политики и этики. Но здѣсь очевидное недоразумѣніе: на стр. 51—58 моей книги говорится не о теоріяхъ, но о *политическихъ системахъ* возмездія, или иначе, о способахъ эксплоатаціи идеи возмездія въ интересахъ уголовной политики.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТЪ.

Г. В. Демченко.

I.

Всякое рѣшеніе или приговоръ суда имѣетъ двоякое значеніе: съ одной стороны, онъ разрѣшаетъ частное дѣло и получаетъ силу закона для того случая, по которому онъ состоялся; съ другой стороны, являясь однимъ изъ проявленій примѣненія права, приговоръ суда становится прецедентомъ (*лат.* praejudicium, *фр.* précédent, *нѣм.* Präjudiz, Präjudicat, Präcedent, *англ.* precedent, *итал.* precedênte), который въ частномъ случаѣ закрѣпляетъ извѣстный смыслъ за общей нормой и сообщаетъ тотъ или иной оттѣнокъ ея содержанію [1]).

---

[1]) Въ болѣе обширномъ смыслѣ *судебнымъ прецедентомъ* называютъ всякій актъ судебной дѣятельности, который можетъ служить образцомъ или примѣромъ на будущее время. Поэтому, какъ говорятъ иногда, значеніе судебнаго прецедента имѣютъ не только рѣшенія или приговоры судовъ, но и частныя опредѣленія или постановленія органовъ судебной власти, а также всѣ вообще дѣйствія, осуществляемыя въ теченіе процесса.

Можно различать *прецеденты формальные* (процессуальные) и *прецеденты матеріальные*. Первые состоятъ въ дѣйствіяхъ или рѣшеніяхъ, закрѣпляющихъ соблюденіе тѣхъ или другихъ обрядовъ (формъ) процесса и правилъ внутренняго распорядка и дѣлопроизводства судовъ. Вторые входятъ въ сферу матеріальнаго права (гражданскаго, уголовнаго и т. д.) и всегда выражаются въ формѣ судебныхъ рѣшеній (res judicatae). И тѣ, и другіе прецеденты при повтореніи обра-

Въ обоихъ отношеніяхъ судебный приговоръ имѣетъ важное значеніе—какъ съ точки зрѣнія юридической (матеріальной и процессуальной), такъ и съ точки зрѣнія политической. Но вопросъ о силѣ судебныхъ рѣшеній въ тѣсномъ смыслѣ (законная сила рѣшенія для даннаго дѣла) разработанъ болѣе, нежели вопросъ о силѣ прецедентовъ. Въ русской литературѣ судебными рѣшеніями, какъ прецедентами, интересовались главнымъ образомъ по поводу кассаціонныхъ рѣшеній Сената въ связи съ толкованіемъ 815 ст. устава гражданскаго судопроизводства и 933 ст. устава уголовнаго судопроизводства. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется конечно и то, что вопросъ этотъ у насъ почти не вызываетъ разногласій и что разрѣшается онъ почти исключительно методомъ интерпретативнымъ, т. е. съ помощью изъясненія (толкованія) тѣхъ или другихъ постановленій нашихъ законовъ.

Между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ и общее значеніе, а въ исторіи права сила прецедентовъ, подобно силѣ обычая, опредѣляется не столько категорическими предписаніями закона, сколько общими условіями эпохи, состояніемъ законодательства и права, организаціей процесса, качествами личнаго состава судовъ и общимъ состояніемъ нравовъ. Подобно тому, какъ законодатель однимъ почеркомъ пера не можетъ создать или уничтожить творческой силы обычая, не можетъ онъ, исключительно опираясь на собственную власть, опредѣлить и силу прецедентовъ. Поэтому и значеніе ихъ выясняется не столько изъ точныхъ нормъ закона (у насъ уже въ XVIII вѣкѣ

зуютъ *судебную практику* по данному вопросу, которая съ теченіемъ времени можетъ превратиться въ практику постоянную или устойчивую, если суды не нарушаютъ ея (res perpetuo similiter judicatae).

Въ зависимости отъ отношенія судебнаго прецедента къ закону (или къ правиламъ внутренняго распорядка и дѣлопроизводства судовъ) различаютъ *прецеденты креативные*, которые восполняютъ пробѣлы законодательства, и *прецеденты декларативные*. Послѣдніе могутъ только подтверждать существованіе данной нормы или же могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъяснять ея смыслъ. Это даетъ основаніе для отличія *прецедентовъ конфирмативныхъ* и *прецедентовъ интерпретативныхъ*. Совокупность послѣднихъ мало по малу образуетъ судебную практику, въ которой выражается такъ называемое *узуальное толкованіе* права.

было провозглашено положеніе, что законъ—единственный источникъ права), сколько въ измѣнчивыхъ очертаніяхъ практической дѣятельности судовъ, зависящей отъ того, какъ въ дѣйствительности опредѣляется существо судебной власти, отношеніе ея къ власти законодательной и административной, степень предоставленной ей свободы толкованія законовъ, творческая роль ея въ установленіи права и т. п. Всѣ эти условія силы прецедентовъ нельзя не признать достаточно сложными и измѣнчивыми. А въ связи съ этимъ, конечно, находится и фактъ значительнаго разнообразія и различія въ воззрѣніяхъ на существо судебнаго рѣшенія, какъ прецедента, въ разныя времена, у разныхъ народовъ и у разныхъ ученыхъ.

Историческое значеніе прецедентовъ громадно. Вездѣ и у всѣхъ народовъ созданіе права существенно зависѣло отъ накопленія судебныхъ приговоровъ, которые имѣли значеніе источниковъ общихъ юридическихъ нормъ не только въ первоначальныя времена исторіи, но даже и въ эпохи сильнаго развитія спеціальныхъ органовъ законодательной власти. Со второй половины XVIII вѣка и особенно въ XIX вѣкѣ роль судебныхъ прецедентовъ постепенно умаляется, такъ что и ученые-теоретики, и судьи-практики, и законодатели мало по малу становятся къ нимъ въ совершенно отрицательное отношеніе. Однакоже и въ настоящее время на этотъ счетъ не установилось полнаго единогласія ни въ законодательствахъ, ни въ наукѣ.

II.

Въ современной обработкѣ теоріи прецедентовъ могутъ быть отмѣчены двѣ противоположныя точки зрѣнія: англійская и континентальная.

Наибольшее значеніе за судебными прецедентами признается въ Англіи [1]). Огромная область неписаннаго права

[1]) Въ Англіи и въ Америкѣ право судебной практики (case law) занимаетъ выдающееся, а во многихъ областяхъ даже преобладающее положеніе. Это имѣетъ свои дурныя стороны, и потому въ англійской литературѣ иногда раздаются кри-

(common law) всецѣло почти является продуктомъ судебныхъ рѣшеній, накоплявшихся въ теченіе столѣтій (начиная отъ конца XVIII вѣка) и имѣющихъ значеніе высшаго авторитета, которому суды обязаны слѣдовать и подчиняться.

Сила судебнаго рѣшенія, какъ прецедента, оправдывается въ Англіи соображеніями двоякаго рода—формальными и матеріальными.

Съ формальной стороны, въ качествѣ общепризнанной фикціи, считается, что рѣшеніе суда всегда только примѣняетъ ту или иную норму существующаго права и потому является непререкаемымъ доказательствомъ ея дѣйствительности. Самъ по себѣ прецедентъ не имѣетъ особаго значенія; обязателенъ, собственно, не онъ, а та норма, на которой онъ основывается и доказательствомъ которой онъ является. Поэтому судебное право (case law), какъ одна изъ составныхъ частей права неписаннаго (common law), обязательно только какъ внѣшнее обнаруженіе или закона (statute law), или обычая (customary law).

Съ матеріальной стороны сила прецедента оправдывается требованіями имѣть опредѣленное право и устойчивый гражданскій порядокъ. Обязательность прецедента не можетъ зависѣть только отъ того, дурнымъ или хорошимъ признаетъ его судъ. Въ массѣ случаевъ сила прецедента должна сохраняться

тическіе голоса неодобренія и порицанія, требующіе реформы. „Лѣсъ прецедентовъ",—восклицаетъ Кетли,—„составляетъ язву нашего права, система котораго содержитъ массу непримиримыхъ рѣшеній и обращаетъ взглядъ юристовъ на мелочи, на детали, закрывая отъ нихъ общія научныя начала"! Однакоже отдѣльныя замѣчанія критики не измѣняютъ общей картины, и потому объ англійской теоріи прецедентовъ можно говорить, какъ о теоріи цѣльной и реальной, противопоставляя ее теоріямъ континента Европы. См. I. Salmond, The theory of judicial precedents, L. Q. R., 1900. Этой работой мы и пользуемся при изложеніи англійскаго ученія о прецедентахъ. Изъ болѣе старыхъ сочиненій имѣютъ значеніе: Hale, History of the Common Law, 1820, Blackstone, Commentaires sur les lois anglaises, 1822, t. I, p. 96—148, Stephen, New Commentaries on the laws of England, 1848, t. I. Кромѣ того много очень интересныхъ фактовъ относительно силы рѣшеній англійскихъ судовъ соообщаетъ Franqueville, Le système judiciaire de la Grande Bretagne, 1893, t. I, p. 209—210, 211—214, t. II, p. 336 и др.,—и объ этомъ же вопросѣ говоритъ Morelli, La funzione legislativa 1893, p. 177—178 и др.

и охраняться, несмотря на субъективное мнѣніе суда. Разъ установленный прецедентъ не подлежитъ измѣненію только потому, что онъ не настолько совершененъ и раціоналенъ, насколько долженъ былъ бы быть по мнѣнію суда. Часто гораздо важнѣе для права быть точно извѣстнымъ, чѣмъ идеально совершеннымъ. Во многихъ случаяхъ не столько значитъ содержаніе правила, сколько то, что вообще существуетъ какое-нибудь правило. Если новое рѣшеніе отступаетъ отъ своего прецедента, то точность и опредѣленность права приносится въ жертву его раціональному развитію. Право становится неточнымъ и неопредѣленнымъ—ненадежнымъ правомъ, на которое положиться можетъ быть даже рискованно. Проистекающее отсюда зло можетъ значительно перевѣшивать выгоды исправленія прецедента. Прецедентъ, еще не отвергнутый, могъ послужить нормой для многихъ частныхъ случаевъ. Довѣряя силѣ такой нормы, многіе могли связать съ ней свои цѣнныя имущественныя права. Важные договоры могли возникнуть, опираясь на такую норму. Она могла лечь въ основаніе разсчетовъ и взаимныхъ коммерческихъ отношеній. Вотъ, почему правосудіе имѣетъ основаніе требовать, чтобы даже ошибочное рѣшеніе, ставшее прецедентомъ, оставалось безъ измѣненій. Communis error facit jus! А, разумѣется, съ теченіемъ времени всякое рѣшеніе пріобрѣтаетъ особенный авторитетъ. Чѣмъ дольше оставалось оно непоколебимымъ, тѣмъ большій вредъ причиняетъ его отмѣна самымъ разнообразнымъ интересамъ и отношеніямъ. Прецедентъ новый, отмѣна котораго не произвела бы еще большаго замѣшательства, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ пріобрѣтаетъ силу почти безусловной непререкаемости.

Всѣ эти формальныя и матеріальныя соображенія, которыми оправдывается сила прецедентовъ въ Англіи, не въ одинаковой степени приложимы къ каждому приговору суда. Фактически далеко не всякое судебное рѣшеніе является только примѣненіемъ уже существующей нормы права и далеко не всякое имѣетъ равное значеніе съ точки зрѣнія устойчивости правового порядка. Вслѣдствіе этого и сила судебнаго рѣшенія, какъ прецедента, бываетъ различная.

Прежде всего, естественно, сила прецедента обусловливается тѣмъ, въ какой степени судъ примѣняетъ именно національное англійское право и въ какой степени онъ дѣйствуетъ именно какъ органъ правосудія. Обязательными прецедентами (authoritative precedents) признаются только приговоры англійскихъ судовъ и притомъ только въ той мѣрѣ, въ какой ими разрѣшаются отдѣльные частные случаи, подлежащіе судебному разбирательству. Этимъ прецедентамъ суды должны повиноваться, какъ общимъ нормамъ права, которыя не зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія примѣняющаго ихъ судьи. Напротивъ, прецеденты необязательные (persuasive precedents) вліяютъ только силой своей внутренней основательности и убѣдительности; они дѣйствительны настолько, насколько суды считаютъ необходимымъ принимать ихъ во вниманіе. Значеніе необязательныхъ прецедентовъ имѣютъ рѣшенія иностранныхъ и, особенно, американскихъ судовъ, рѣшенія высшихъ судовъ отдѣльныхъ частей Британской монархіи (напр., Ирландіи), рѣшенія тайнаго совѣта въ качествѣ высшей апелляціонной инстанціи для судовъ колоніальныхъ и, наконецъ, всякіе вообще приговоры англійскихъ судовъ, насколько въ нихъ высказываются общія положенія, не имѣющія непосредственнаго примѣненія къ разрѣшенному дѣлу (такъ называемые obiter dicta).

Обязательные прецеденты имѣютъ разное значеніе какъ по степени принадлежащей имъ юридической силы, такъ и по содержанію устанавливаемыхъ ими нормъ.

Такъ, прежде всего, они могутъ быть обязательными или безусловно, или только условно,—смотря по степени ихъ вліянія на дальнѣйшую дѣятельность судовъ. Безусловно-обязательнымъ (absolutely authoritative precedent) признается то рѣшеніе, которому суды должны слѣдовать во всякомъ случаѣ, какъ бы оно ни казалось неразумнымъ или ошибочнымъ. Оно требуетъ повиновенія слѣпаго и безотчетнаго. Напротивъ, если рѣшеніе является только условно-обязательнымъ (conditionally authoritative precedent), суды могутъ въ извѣстныхъ предѣлахъ отступать отъ него и не принимать его во вниманіе. Во всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ оно обязательно;

по по поводу того или другаго частнаго дѣла авторитетъ его можетъ быть и не признаваемъ.

Какія же рѣшенія судовъ считаются въ Англіи безусловно-обязательными и какія имѣютъ только условно-обязательную силу?

Безусловно-обязательная сила рѣшенія опредѣляется слѣдующими правилами. а) Всякій судъ безусловно связанъ рѣшеніями высшей инстанціи. Судъ первой инстанціи не можетъ подвергать сомнѣнію силу рѣшеній апелляціоннаго суда, а апелляціонный судъ обязанъ слѣдовать рѣшеніямъ палаты лордовъ. Въ свою очередь, б) палата лордовъ абсолютно связана своими собственными рѣшеніями. Разъ состоявшееся рѣшеніе палаты лордовъ, какъ законъ, имѣетъ обязательное значеніе и на будущее время, а потому невозможно, при разрѣшеніи новыхъ дѣлъ, отвергать установленную въ немъ и при его посредствѣ норму. в) Апелляціонный судъ безусловно связанъ своими собственными рѣшеніями и рѣшеніями прежнихъ судовъ равной степени (напр., казначейскаго суда—court of exchequer chamber).

Кромѣ этихъ трехъ случаевъ за рѣшеніями судовъ всегда признается только условно-обязательная сила. Другими словами, всякій судъ только условно связанъ своими собственными рѣшеніями и рѣшеніями низшихъ или равныхъ ему судовъ. Отсюда очевидно, что значеніе прецедента опредѣляется не только по суду, его установившему, но и по суду, въ которомъ ссылаются на прецедентъ. Его сила можетъ быть безусловной въ одномъ судѣ и только условной въ другомъ. Рѣшеніе апелляціоннаго суда безусловно-обязательно для суда первой инстанціи и только условно-обязательно для палаты лордовъ.

Для того, чтобы судъ могъ оставить безъ вниманія условно-обязательный прецедентъ, необходимо нѣсколько поводовъ.

Прежде всего то рѣшеніе, на которое ссылаются, какъ на прецедентъ, должно быть, по мнѣнію суда, дурнымъ рѣшеніемъ (a wrong decision). Рѣшеніе же считается дурнымъ или тогда, когда оно противорѣчитъ дѣйствующему праву, или тогда, когда оно вообще неразумно. Противорѣчитъ дѣйствую-

щему праву то рѣшеніе, которое несмотря на существованіе данной нормы уклонилось отъ нея или не примѣнило ея. Неразумнымъ признается то рѣшеніе, которое устанавливаетъ принципы и правила, несогласныя съ требованіями здравой логики и нормальнаго порядка вещей.

Во всякомъ случаѣ незаконность и неразумность рѣшенія сами по себѣ еще не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отвергать его значеніе, какъ прецедента. Если бы судъ долженъ былъ считаться только съ такими свойствами прецедента, то всякое условно-обязательное рѣшеніе низводилось бы на степень простаго примѣра, голаго теоретическаго положенія, которое обладаетъ только тѣмъ значеніемъ, какое принадлежитъ его внутренней основательности и убѣдительности; всякій условно-обязательный прецедентъ въ сущности превращался бы въ прецедентъ необязательный. Но такое превращеніе отнюдь не допускается. Судья обязанъ подчиниться и дурному рѣшенію, если кромѣ своего личнаго мнѣнія онъ не имѣетъ объективныхъ основаній, доказывающихъ непригодность такого рѣшенія. Эти объективныя основанія заключаются въ общемъ состояніи права или въ устарѣлости самого прецедента. Слишкомъ старое рѣшеніе постепенно теряетъ свою силу не путемъ прямой его отмѣны, но косвенно, благодаря случайному конфликту стараго и, быть можетъ, уже отчасти забытаго принципа съ позднѣйшими рѣшеніями судовъ. Старый прецедентъ, не будучи отмѣненъ, оказывается несовмѣстимымъ съ нынѣшнимъ состояніемъ судебной практики. Такимъ образомъ разрушающая сила старости подтачиваетъ значеніе прецедента и, наконецъ, отнимаетъ у него всякій авторитетъ. Право проникается инымъ духомъ и усвоиваетъ иныя идеи; старыя рѣшенія выходятъ изъ употребленія и становятся недѣйствительными.

Такимъ образомъ нарушеніе судомъ нормы, установленной въ условно-обязательномъ рѣшеніи, должно оправдываться не только тѣмъ, что это рѣшеніе плохо (т. е. незаконно или неразумно), но также и общимъ характеромъ существующаго и дѣйствующаго права: ошибочный принципъ

рѣшенія не выражаетъ общей ошибки, общаго заблужденія, и потому рѣшеніе не допускаетъ уже оправданія ссылкой на положеніе „communis error facit jus". Прецедентъ признается недѣйствительнымъ, потому что онъ не только плохъ, но такъ явно и серьезно плохъ, что уничтоженіе его требуется въ интересахъ здраваго отправленія правосудія (a precedent may be overruled or dissented from, when it is not merely wrong, but so clearly and seriously wrong that its reversal is demanded by the interests of the sound administration of justice).

Обнаружить недѣйствительность такого рѣшенія, какъ прецедента, возможно въ двоякой формѣ: судъ или отвергаетъ его (overrule), или просто не принимаетъ во вниманіе (dissent). Отвергнуть прецедентъ можетъ только высшая инстанція суда; въ такомъ случаѣ онъ признается ничтожнымъ и теряетъ всякую силу. Не принять во вниманіе существующаго прецедента можетъ и судъ равной степени, и тогда сила старой нормы не уничтожается: старое рѣшеніе и новое рѣшеніе признаются равно дѣйствующими, хотя и противорѣчащими одно другому.

По различію нормъ, которыя устанавливаются въ приговорахъ судовъ, прецеденты бываютъ или деклараторными (declaratory precedents), или креативными (creative precedents). Деклараторный прецедентъ есть тотъ, который только примѣняетъ уже существующую норму права. Креативный прецедентъ самъ творитъ и примѣняетъ новую норму. Въ первомъ случаѣ норма примѣняется потому, что она уже признана правомъ; въ послѣднемъ случаѣ норма становится правоположеніемъ на будущее время потому, что она уже примѣнена. Въ развитой системѣ права, какъ современная, деклараторные прецеденты являются самыми многочисленными; въ большинствѣ случаевъ имѣются уже установленныя нормы, и потому судебныя рѣшенія обычно провозглашаютъ только положенія, уже признанныя раньше. Однако креативные прецеденты, хотя и менѣе многочисленные, имѣютъ громадное значеніе. Только они развиваютъ право, въ то время какъ другіе приговоры судовъ оставляютъ его въ томъ положеніи, въ какомъ оно существовало раньше, доказывая только фактъ его существованія.

Подъ прикрытіемъ фикціи, которая служитъ формальнымъ оправданіемъ силы всякаго прецедента, и креативные, и декларaторные приговоры судовъ признаются въ равной мѣрѣ источниками права. Авторитетъ и тѣхъ, и другихъ одинъ и тотъ же, потому что авторитетъ всякаго рѣшенія не зависитъ отъ того, восполняется ли имъ пробѣлъ въ существующемъ правѣ или примѣняется норма уже готовая. Существуетъ ли въ правѣ искомая норма или не существуетъ,— безразлично: судъ можетъ установить въ качествѣ юридической нормы на будущее время то, что̀ онъ теперь объявляетъ и примѣняетъ, какъ право. Различіе между обоими видами прецедентовъ состоитъ въ ихъ отношеніи къ прежде существовавшему праву, но вовсе не тому, которое создается. Креативный прецедентъ создаетъ новыя нормы, которыя только фиктивно считаются не новыми. Декларaторный прецедентъ равнымъ образомъ провозглашаетъ нормы и потому признается источникомъ права, хотя онъ и не является источникомъ новаго права.

Креативные прецеденты по отношенію къ существующему и дѣйствующему праву могутъ имѣть различное значеніе. Они могутъ или только восполнять его, развивать его несовершенныя положенія, или же, измѣняя и отмѣняя его, они могутъ вносить нововведенія болѣе существенныя. Такъ возникаетъ понятіе прецедентовъ, восполняющихъ право (suppletory precedents), и прецедентовъ, отмѣняющихъ его (abrogative precedents). Послѣдніе, очевидно, не соотвѣтствуютъ основнымъ задачамъ судебной дѣятельности и потому въ принципѣ совершенно отвергаются. Всякій судъ только примѣняетъ право, но ни подъ какимъ видомъ не можетъ отмѣнять или измѣнять его. Однакоже въ нѣкоторыхъ случаяхъ и за прецедентами, отмѣняющими право, признается полный авторитетъ нормъ, обязательныхъ для судовъ.

Прежде всего, несомнѣнно, отмѣняющее значеніе имѣютъ рѣшенія, въ которыхъ отвергаются прецеденты условно-обязательные. Впрочемъ и въ этихъ случаяхъ англичане прибѣгаютъ къ оригинальной фикціи: считается, что даже высшая инстанція суда, отвергая старый прецедентъ, не отмѣ-

няетъ дѣйствующаго права, а только авторитетно заявляетъ, что той нормы, на какую опирается прецедентъ, въ дѣйствительности не существуетъ. Прецедентъ отвергается не потому, что въ немъ установлена плохая норма, а потому, что въ немъ нѣтъ никакой нормы. Поэтому отверженіе прецедента получаетъ обратную силу дѣйствія, что̀ вовсе не допускается при отмѣнѣ или измѣненіи какого-нибудь статута въ законодательномъ порядкѣ.

Другой случай, когда допускаются прецеденты, отмѣняющіе право, оправдывается тѣмъ, что часто бываетъ лучше признать юридическую силу за фактомъ, противорѣчащимъ праву, нежели уничтожать его: quod fieri non debet, factum valeat! Судъ, осуществляя задачи правосудія, можетъ допустить ту или иную ошибку, фактически даже можетъ дать рѣшеніе, противное требованіямъ дѣйствующаго права. Въ такомъ случаѣ англійская теорія за состоявшимся рѣшеніемъ признаетъ полную силу прецедента, считая болѣе удобнымъ слѣдовать дѣйствительному правилу, которое не должно бы было возникнуть, нежели возстановлять утраченную норму, которую не слѣдовало бы отмѣнять. Поэтому и сила условно-обязательныхъ рѣшеній не колеблется отъ того только, что они бываютъ противозаконными; тѣмъ болѣе непоколебимымъ остается тотъ противозаконный приговоръ, который имѣетъ значеніе безусловно-обязательнаго прецедента. Ни одинъ судъ не позволитъ себѣ на этомъ основаніи критиковать рѣшеніе палаты лордовъ или высшаго уголовнаго суда (общее собраніе судей отдѣленія королевской скамьи). Ихъ приговоры непререкаемы, и только законъ можетъ уничтожить созданную ими норму. Фактически приговоры этихъ судовъ имѣютъ огромное значеніе въ дѣлѣ созданія права, и очень часто при ихъ посредствѣ вполнѣ сознательно измѣняются и отмѣняются несовершенныя постановленія законовъ, и вводятся новыя нормы, имѣющія общеобязательную силу [1]).

[1]) Напр., извѣстныя рѣшенія по дѣламъ: Leveson w. Queen 11 мая 1869 г., Annie Frost case 2 и 7 августа 1888 г., Tolson w. Queen 12 мая 1889 г., Smith case 27 ноября 1897 г. и др. Когда по дѣлу Толсонъ въ палатѣ лордовъ былъ

III.

Изложенная нами англійская теорія о силѣ судебныхъ рѣшеній не находитъ признанія на континентѣ Европы и въ частности въ Россіи. Установилось одно общераспространенное, традиціонное положеніе, по которому судебнымъ прецедентамъ не присвоивается никакого *юридическаго* значенія [1]). Положеніе это оправдывается недостатками самой

возбужденъ вопросъ о томъ, что высшій уголовный судъ явно измѣняетъ законы, то лордъ канцлеръ отвѣтилъ: „приговоръ суда не подлежитъ обсужденію парламента, а судей нельзя обвинять въ нарушеніи закона, такъ какъ только они могутъ сказать, что такое законъ" (протоколъ засѣданія 16 мая 1889 года).

[1]) Въ русской литературѣ эта точка зрѣнія раздѣляется почти всѣми, кто только касался вопроса о прецедентахъ (главнымъ образомъ по отношенію къ рѣшеніямъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената). См. Побѣдоносцевъ, Судебное руководство, 1866 г., тезисъ 1024; Неклюдовъ, Руководство для мировыхъ судей, 1872 г., т. I; фонъ-Резонъ, О силѣ кассаціонныхъ рѣшеній, 1873 г. (Судебный Журналъ); Градовскій, О судебномъ толкованіи законовъ, 1874 г.; Буцковскій, Очерки судебныхъ порядковъ, 1874 г.; Малышевъ, Курсъ гражданскаго судопроизводства, 1876 г., т. I, стр. 7—11, 67—71; Фальковскій, Гражданское судопроизводство, 1876 г. (Юридическій Вѣстникъ, кн. 6-7, стр. 70); Володимировъ, Злополучный судья, 1881 г. (Жур. гражд. и угол. права, № 1, стр. 124); Джаншіевъ, О старомъ и новомъ направленіи гражданской кассаціонной практики, 1881 г. (Юрид. В. кн. 4, стр. 773); Гольмстенъ, Практика гражданскаго суда, 1881 г. (Жур. гражд. и угол. права, № 2, стр. 29); Малининъ, Теорія гражданскаго процесса, в. I, стр. 83; Таганцевъ, Лекціи по русскому уголовному праву, в. I, 1887 г.; Анненковъ, Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства, 1888 г., т. IV, стр. 494 и сл.; Ренненкампфъ, Юридическая энциклопедія, 1889 г.; Макалинскій, Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей, 1894 г., т. I, стр. 93-96; Случевскій, Учебникъ русскаго уголовнаго процесса, 1895 г., стр. 91; Вербловскій, Гражданское судопроизводство, 1895 г. (Жур. Мин. Юст. № 10, стр. 158 и сл.); Фойницкій, Курсъ уголовнаго судопроизводства, 1896 г., т. I; Лазаревскій, Толкованіе законовъ, 1901 г. (Энциклопедическій Словарь Брокгауза); Таганцевъ, Правополагающіе источники и ихъ взаимное отношеніе въ уголовномъ правѣ, 1902 г. (Право, № 4 и 5).

Отрицательное отношеніе къ судебнымъ прецедентамъ является господствующимъ и во Франціи, а равно и въ Бельгіи, какъ отзвукъ блестящихъ идей XVIII столѣтія (Монтескьё) и эпохи наполеоновской кодификаціи. И только въ послѣднее время раздаются единичные голоса, нарушающіе общее единомысліе по этому вопросу. Впрочемъ новые писатели, въ лицѣ болѣе авторитетныхъ представителей науки, признавая фактическое значеніе прецедентовъ, по прежнему оспариваютъ ихъ юридическую силу въ качествѣ возможныхъ источниковъ

судебной практики и опирается на постановленія дѣйствующихъ законовъ.

Извѣстно, какое значеніе имѣла судебная практика въ средніе вѣка и позднѣе—даже въ теченіе XVII и большей части XVIII столѣтій. Приговоры парламентовъ во Франціи (такъ называемые arrêts de réglement), рѣшенія извѣстнѣйшихъ или высшихъ судовъ въ Германіи (Schöffenstühle и Facultäten, Reichshofgericht и Reichskammergericht, obere Landesgerichte и т. д.), указы Сената въ Россіи—по справедливости сопоставлялись съ законами и имѣли полную силу законовъ. Съ этимъ положеніемъ вещей мирился законодатель и даже санкціонировалъ его въ рядѣ своихъ постановленій [1]).

Однакоже, начиная со второй половины XVIII столѣтія, вмѣстѣ съ принятіемъ теоріи раздѣленія властей и вмѣстѣ съ ученіемъ объ исключительномъ господствѣ закона, мало по малу утверждается въ отдѣльныхъ законодательствахъ рядъ правилъ, которыя стремятся ограничить или даже и совсѣмъ устранить значеніе другихъ источниковъ права (обычая, судебной практики). Прежде всего во Франціи (законъ 24 августа 1790 г. и конституція 14 сентября

права какъ de lege lata, такъ и de lege ferenda. См. Geny, Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif, 1899, p. 392—456. Beudant, Cours de drot civil français, 1896, p. 33—34, 114—121.

Нѣсколько иначе относятся къ этому вопросу въ Италіи и особенно въ Германіи, гдѣ у всѣхъ еще живо воспоминаніе о созидающей роли судовъ и огромномъ историческомъ значеніи ихъ въ дѣлѣ рецепціи римскаго и въ развитіи національнаго нѣмецкаго права. Но и здѣсь, даже у болѣе старыхъ писателей, очень замѣтное мѣсто занимаетъ совершенно отрицательное отношеніе къ судебнымъ прецедентамъ и даже къ такъ называемой установившейся судебной практикѣ. См. Haus, Versuch über den rechtlichen Werth des Gerichtsgebrauchs, 1798; Gensler, Anleitung zur gerichtlichen Praxis, 1821, Th. I. Martin, Lehrbuch des deutschen gem. bürg. Processes, 1824, Jordan, Bemerkungen über den Gerichtsgebrauch, 1825 (Archiv für die civilistische Praxis, B. VIII, S. 191—260); Wächter, Beitrag zu der Lehre von Gerichtsgebrauche, 1840 (Archiv für die civil. Praxis, S. 432 ff.); Keller, Pandekten, 1861.

[1]) Stobbe, Geschichte der deutschen Rechtsquellen, 1864, Ab. II u. Handbuch des deutschen Privatrechts, 1871, B. I, S. 143—146; Gierke, Deutsches Privatrecht, 1895, B. I, S. 177—178; Градовскій, О судебномъ толкованіи законовъ, 1874 (Журн. гражд. и угол. права, № 1, стр. 45).

1791 г.), а затѣмъ и въ нѣмецкихъ государствахъ (прусское земское право 1794 г., вюртембергскій законъ 1820 г., баварское уложеніе 1813 г. и судебный уставъ 1869 г., австрійскій законъ 1811 г. и специальный законъ о прецедентахъ—Präjudizienordnung 7 августа 1872 г.), постепенно не только высшіе суды лишаются своихъ старыхъ полномочій, но законодатель даже общимъ образомъ старается отнять у прецедентовъ какое бы то ни было вліяніе на отправленіе правосудія, на дѣятельность судей, подчиненныхъ закону и только одному закону. „Auf Meinungen der Rechtslehren oder ältere Aussprüche der Richter soll bei künftigen Entscheidungen keine Rücksicht genommen werden“,—говоритъ уже прусское земское право (Einl. § 6). Во Франціи законодательство Наполеона общимъ образомъ запрещаетъ судамъ при рѣшеніи частныхъ дѣлъ давать какія-нибудь общія заключенія и предписанія, а равно ограничиваетъ силу всякаго рѣшенія тѣсными предѣлами одного только даннаго случая (c. civ. art. 5, c. pén. art. 127). Въ Россіи въ составъ основныхъ государственныхъ законовъ вводится рядъ подобныхъ же статей, повидимому не оставляющихъ мѣста для какихъ бы то ни было сомнѣній. Прежде всего 47 ст. и 51 ст. о томъ, что Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ, и что никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія Самодержавной Власти. Затѣмъ извѣстныя статьи, касающіяся значенія судебныхъ рѣшеній: окончательное судебное рѣшеніе частнаго дѣла имѣетъ силу закона для того дѣла, по коему оно состоялось (ст. 68); судебныя рѣшенія дѣлъ частныхъ, хотя могутъ быть приводимы въ поясненіе въ докладахъ, но не могутъ быть признаваемы закономъ общимъ, для всѣхъ обязательнымъ, ниже служить основаніемъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ подобнымъ (ст. 69).

Опираясь на такія постановленія законодательствъ, теорія права и судебная практика дѣлаютъ выводы и построенія не

только de lege lata, но даже и de lege ferenda. Идеи закона возводятся въ принципы, въ основы процесса и государственнаго права. Фактъ освящается и возводится въ идеалъ, существующее оправдывается и объявляется истинно разумнымъ и желательнымъ. Съ одной стороны, указываютъ—въ противоположность англійской точкѣ зрѣнія—на полную возможность обезпечить устойчивость судебной практики, даже не считаясь съ прецедентами; съ другой стороны, выдвигаютъ тѣ неустранимыя, повидимому, противорѣчія, къ какимъ должно привести примѣненіе англійскихъ воззрѣній въ современной обстановкѣ юридической жизни государствъ континента Европы.

Только несовершенное законодательство неизбѣжно открываетъ просторъ для произвола судовъ. Хорошіе законы, напротивъ, даютъ прочныя основанія для однообразной и устойчивой судебной практики, потому что содержатъ въ себѣ твердыя правила для разрѣшенія всевозможныхъ случаевъ жизни. Нужно только желать и умѣть найти въ законѣ эти правила, желать и умѣть примѣнить ихъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, говорятъ [1]), устойчивость судебной практики и опредѣленность права достигаются установленіемъ точныхъ и тѣсныхъ предѣловъ судейскаго усмотрѣнія при примѣненіи юридическихъ нормъ. Прежде всего необходимо обставить дѣятельность судовъ такими условіями, такими гарантіями, которыми бы обезпечивалось правильное и безпристрастное разрѣшеніе дѣлъ. Эти гарантіи заключаются въ надлежащей организаціи судебныхъ учрежденій и судопроизводства, именно, главнымъ образомъ, въ независимости, матеріальной обезпеченности и высокомъ нравственномъ уровнѣ судейскаго персонала, въ коллегіальномъ устройствѣ

---

[1]) Васьковскій, Судейское усмотрѣніе при толкованіи законовъ, 1901 г. (Право, № 50) и Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ, 1901 г., стр. 121—130, 289—315. При изложеніи взглядовъ г. Васьковскаго такъ же, какъ и другихъ авторовъ, мы стараемся по возможности передавать ихъ буквально, приводя собственныя слова цитируемаго ученаго. Однакоже нѣкоторыя перестановки и сокращенія неизбѣжны, чтобы не загромождать текста лишними подробностями.

судовъ, въ возможности перевершенія дѣлъ высшей инстанціей, въ существованіи единаго верховнаго кассаціоннаго суда, наблюдающаго за правильнымъ и однообразнымъ толкованіемъ законовъ, въ участіи хорошо подготовленной адвокатуры и, самое главное, въ гласности производства, благодаря которой дѣятельность судовъ можетъ быть контролируема обществомъ. Однако всѣ эти гарантіи, обезпечивая добросовѣстность и безпристрастіе судей, предотвращаютъ только умышленное искаженіе ими смысла законовъ по какимъ-либо постороннимъ, болѣе или менѣе предосудительнымъ мотивамъ, но не могутъ избавить судей отъ добросовѣстныхъ ошибокъ, являющихся результатомъ примѣненія неправильныхъ пріемовъ толкованія законовъ или ложнаго пониманія судейскихъ обязанностей. Оградить судей отъ этихъ невольныхъ прегрѣшеній можетъ лишь знакомство съ раціональной теоріей толкованія законовъ. Задача послѣдней въ томъ именно и состоитъ, чтобы выработать рядъ общихъ правилъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться, выясняя смыслъ законодательныхъ нормъ, уясняя ихъ недостатки и дѣлая изъ нихъ логическіе выводы. *Если судья опирается на законъ и руководствуется строгими правилами его толкованія, то въ дѣятельности его не остается ни малѣйшаго мѣста личному усмотрѣнію и произволу.* И только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, несмотря на всѣ старанія, несмотря на самое тщательное соблюденіе всѣхъ правилъ толкованія, судъ не въ состояніи установить съ полною достовѣрностью норму, необходимую при разрѣшеніи дѣла, ему приходится предоставить выборъ между нѣсколькими рѣшеніями вопроса, которыя всѣ одинаково возможны. Въ интересахъ наиболѣе полнаго достиженія идеаловъ правосудія онъ долженъ предпочесть то рѣшеніе, которое лучше, т. е. при которомъ толкуемые законы оказываются наиболѣе совершенными. Для этого судъ долженъ подвергнуть всестороннему изслѣдованію тѣ жизненныя отношенія, о которыхъ идетъ рѣчь, и опредѣлить, какой изъ возможныхъ по закону способовъ ихъ нормированія лучше, т. е. справедливѣе, цѣлесообразнѣе, гуманнѣе, милостивѣе и т. д. Во всякомъ случаѣ подобная

свобода судейскаго усмотрѣнія стоитъ въ зависимости отъ несовершенствъ законодательства, такъ какъ ясные законы исключаютъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ не даютъ мѣста для произвола со стороны судовъ. Такъ какъ въ мірѣ все совершенствуется, то и законы, несомнѣнно, становятся все лучше и лучше, какъ со стороны своего внутренняго содержанія, такъ и со стороны формы выраженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ суживается и сфера судейскаго усмотрѣнія при толкованіи законовъ, и дѣятельность всякаго судьи постепенно сводится къ строго логической работѣ полученія выводовъ изъ закона путемъ построенія дедуктивнаго силлогизма. Такимъ образомъ совершенное законодательство и ученая теорія его толкованія—вотъ два средства, обезпечивающія устойчивость въ отправленіи правосудія; а судья, подчиненный закону и только одному закону,—вотъ идеалъ политики. Для прецедентовъ нѣтъ мѣста, потому что „дать намъ свободу можетъ лишь законъ“.

Къ такого рода соображеніямъ общаго характера о предѣлахъ судейскаго усмотрѣнія при толкованіи законовъ присоединяются спеціальныя соображенія о существѣ судебной власти и объ юридическомъ значеніи судебныхъ рѣшеній.

Прежде всего указываютъ [1]) на необходимость раздѣленія властей, которая *вытекаетъ не только изъ политическихъ соображеній (основное условіе гарантіи гражданской свободы), но и зависитъ отъ различій въ самой природѣ дѣятельности законодательной и судебной* (les peuples auxquels la liberté est chère doivent veiller à ce que les pouvoirs ne soient pas confondus dans une seule main; mais la séparation du pouvoir législatif et du pouvoir judiciaire résulte de leur nature même et de leur essence). Законодатель всегда дѣйствуетъ по собственной инициативѣ и имѣетъ въ виду не частные интересы, а интересы цѣлаго общества, при нормированіи которыхъ онъ руководствуется потребностями времени. Судья, напротивъ, привлекается къ рѣшенію дѣлъ только по инициативѣ сторонъ, всегда имѣетъ въ виду частные интересы и руководствуется твердыми нор-

---

[1]) Laurent, Principes de droit civil, t. I, 1869, p. 322—339, 357—360.

мами закона. Дѣйствуя въ общихъ интересахъ, законодатель можетъ пренебрегать интересами отдѣльныхъ лицъ, потому что право индивида уступаетъ предъ правомъ общества. Существенный признакъ закона именно тотъ, что онъ обязываетъ всѣхъ гражданъ; онъ связываетъ даже власть исполнительную или судебную. Законъ устанавливается не въ пользу индивида и не противъ него; онъ нуженъ всѣмъ и онъ обязываетъ всѣхъ; если онъ абсолютенъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и безпристрастенъ. Судья поступаетъ не такъ, какъ законодатель. Онъ разсматриваетъ интересы, которые пришли въ столкновеніе; одного онъ оправдываетъ, другаго обвиняетъ; но его рѣшеніе не выходитъ за предѣлы спора, имъ разрѣшеннаго; оно не приноситъ выгоды тѣмъ, кто не участвовалъ въ дѣлѣ, и оно не вредитъ имъ. Если бы приговоръ имѣлъ общее значеніе, какъ законъ, онъ внесъ бы смятеніе въ частные интересы, потому что онъ затронулъ бы и тѣхъ, кто не могъ добиваться признанія своихъ правъ при разсмотрѣніи дѣла въ судѣ. Случается, что законодатель нарушаетъ интересы частныхъ лицъ; но это зло въ вину ему поставлено быть не можетъ, потому что существенное условіе соединенія людей въ общество именно и заключается въ необходимости приносить въ жертву индивидуальные интересы интересамъ общимъ. Но никто не обязанъ жертвовать своими интересами ради интереса другаго частнаго лица. Вотъ, почему рѣшеніе суда можетъ имѣть значеніе только для сторонъ дѣла. Кромѣ того законодатель, дѣйствуя въ общихъ интересахъ, долженъ имѣть право измѣнять и отмѣнять законы, имъ создаваемые; это его обязанность, если того требуютъ общественные интересы. Судья же не можетъ перерѣшать дѣла. Пересмотръ рѣшеній допускается въ ограниченныхъ предѣлахъ, и, когда онъ исчерпанъ, окончательное рѣшеніе признается непоколебимой истиной. Законодатель даетъ нормы для будущаго; ему запрещено нормировать прошедшее. Судья же разрѣшаетъ и опредѣляетъ прошедшее, но не имѣетъ права вмѣшиваться въ будущее.

Далѣе говорятъ [1]), что юридическая природа судебнаго

[1]) Градовскій. О судебномъ толкованіи законовъ по русскому праву,

рѣшенія опредѣляется тѣмъ, что оно содержитъ въ себѣ примѣненіе общаго закона къ отдѣльному случаю. Поэтому *сила его исчерпывается его примѣненіемъ къ дѣлу, по которому оно состоялось. Способъ разрѣшенія дѣла, принятый судомъ въ данномъ случаѣ, не обязываетъ юридически другой судъ (или даже тотъ же самый судъ) по другому однородному дѣлу держаться того же способа* (darum hat keine gerichtliche Entscheidung jenseits ihres prozessualen Machtgebiets bindende Kraft; jedes Gericht kann in einem anderen gleichartigen Falle von seiner früheren Ansicht abweichen, jedes nieder Gericht kann sich mit Entscheidungen des ihm übergeordneten Gerichts in Widerspruch setzen). Сообщить обязательную юридическую силу прецеденту значило бы (не говоря уже о смѣшеніи законодательной и судебной власти) связать свободу судейскаго рѣшенія, необходимую въ виду индивидуальнаго разнообразія отдѣльныхъ случаевъ, и уничтожить возможность реакціи противъ невѣрнаго истолкованія закона въ томъ или другомъ дѣлѣ, реакціи противъ дурныхъ прецедентовъ.

Наконецъ замѣчаютъ [1]), что дѣятельность законодателя носитъ творческій характеръ; но судъ не творитъ юридическихъ нормъ, а примѣняетъ нормы готовыя, другимъ органомъ созданныя. Примѣненіе нормы необходимо предполагаетъ существованіе ея. Поэтому, существенно отличаясь отъ творческой дѣятельности законодателя, дѣятельность судебной власти примѣняетъ законъ въ границахъ конкретно-опредѣленнаго дѣла, разрѣшенію ея подлежащаго. Положенія, ею высказанныя, обязательны для дѣла, по которому они даны. Для другихъ дѣлъ, хотя и аналогичныхъ, обязательнаго значенія они не имѣютъ: *по каждому дѣлу, къ суду поступающему, судебная дѣятельность начинается вновь, какъ бы прежнихъ дѣлъ вовсе не существовало.* Стремленіе привить судебнымъ разъясненіямъ законовъ общеобязательное для всѣхъ судебныхъ мѣстъ значеніе стоитъ въ глубокомъ про-

1874 г., и Начала русскаго государственнаго права, 1901 г., т. I. Gierke, Deutsches Privatrecht, 1895, B. I, S. 177.

[1]) Фойницкій. Курсъ уголовнаго судопроизводства, 1896, т. I, стр. 175 и сл.

тиворѣчіи съ природой и задачами судебной практики. Существенное качество ея состоитъ въ ея подвижности, измѣнчивости. Съ вопросами права она встрѣчается не въ общей ихъ постановкѣ, а въ очертаніяхъ, конкретными обстоятельствами отдѣльнаго дѣла предлагаемыхъ. Въ другомъ дѣлѣ тотъ же вопросъ можетъ представиться въ совершенно иномъ видѣ, благодаря инымъ его обстоятельствамъ. Сила судебной практики—въ опытѣ, въ обширности и значительности матеріала, ею разработаннаго. Взглядъ, ею высказанный по одному дѣлу, долженъ быть провѣренъ по другимъ дѣламъ. Оттого-то судебнымъ мѣстамъ, прежде установленія прочныхъ положеній, приходится долго колебаться, отступать отъ мнѣній, разъ высказанныхъ, замѣняя ихъ новыми, порою діаметрально противоположными. Добросовѣстныя колебанія и даже противорѣчія составляютъ необходимое качество всякой судебной практики, непремѣнное условіе ея процвѣтанія и развитія. Застой во что бы то ни стало, упорство судовъ въ поддержаніи ошибокъ доказанныхъ были бы крайне опасны для гражданскаго общества.

IV.

Точка зрѣнія ученыхъ континента Европы, поскольку она имѣетъ въ виду основные принципы процесса, вызываетъ значительныя сомнѣнія. Принципіальное заключеніе о юридической необязательности судебныхъ рѣшеній, какъ прецедентовъ, покоится въ сущности на весьма извѣстныхъ соображеніяхъ, которыя, мы видимъ, отчасти выводятся изъ юридической природы суда и судебной дѣятельности, отчасти же оправдываются съ точки зрѣнія политики права. Опираясь на доводы юридическіе, указываютъ на принципъ раздѣленія властей и на подзаконность судебнаго рѣшенія; ссылаясь на мотивы политическіе, говорятъ о гарантіяхъ гражданскихъ правъ и свободы, о борьбѣ прогресса съ застоемъ и рутиной.

Прежде всего выдвигается извѣстная теорія раздѣленія властей.

Во имя этой теоріи потребовали, чтобы не только судъ былъ обезпеченъ отъ вторженія въ его область со стороны администраціи и законодателя, но также чтобы администрація и законодатель заняли положеніе, при которомъ они могутъ не опасаться судебнаго вмѣшательства въ сферу ихъ дѣйствія. Въ интересахъ обезпеченія самостоятельности административной власти возникли институты административной юстиціи (французскій типъ ея) и административной гарантіи (garantie administrative); въ интересахъ обезпеченія правъ законодательной власти выдвинули принципъ исключительнаго подчиненія суда закону.

Принципъ этотъ выразился въ трехъ положеніяхъ: во-первыхъ, судъ не можетъ толковать закона, а обязанъ примѣнять его буквально, въ сомнительныхъ случаяхъ обращаясь за указаніемъ къ законодателю (декретъ 24 августа 1790 г. во Франціи, общее земское право 1794 г. въ Пруссіи, уложеніе 1786 г. въ Австріи, уложеніе 1813 г. въ Баваріи, 52 и 65 ст. нашихъ основныхъ законовъ, ст. 474, 475, 476 общ. губ. учр. и ст. 200, 201, 206 учр. Сената); во-вторыхъ, судъ никоимъ образомъ не можетъ восполнять пробѣлы и пропуски закона, да и вообще творческій элементъ вовсе исключается изъ судебной дѣятельности (у насъ ст. 201 учр. Сената и ст. 7 учр. мѣст. суд. установ. прежняго устройства); въ-третьихъ, судебное рѣшеніе не можетъ имѣть никакой общей силы или общаго значенія, такъ какъ право аутентическаго толкованія составляетъ исключительную принадлежность верховной законодательной власти (конституція бельгійская, итальянская, греческая и др., у насъ ст. 49, 52, 55, 61 и 69 основ. законовъ).

Первыя два положенія оказались неосуществимыми, и потому нынѣ или устранены изъ текста законовъ, или остаются мертвой буквой, которая не имѣетъ никакого примѣненія.

Но послѣднее положеніе по прежнему сохраняется и защищается.

Говорятъ: судья—не законодатель, судебное рѣшеніе—не законъ и не можетъ получить силы общаго закона, по-

тому что это привело бы къ смѣшенію властей (законодательной и судебной). Отсюда выводъ: судебное рѣшеніе не можетъ превратиться въ общеобязательный юридическій прецедентъ. Но очевидно, что такой выводъ покоится на простомъ недоразумѣніи, такъ какъ онъ вытекаетъ не только изъ указанной безспорной посылки, но и изъ подразумѣваемаго положенія: „только законъ создаетъ общеобязательныя юридическія нормы". А между тѣмъ это положеніе безусловно невѣрно.

Къ числу крупныхъ завоеваній науки прошлаго XIX вѣка принадлежитъ разработка ученія объ источникахъ права. Въ наслѣдіе отъ восемнадцатаго вѣка девятнадцатый вѣкъ получилъ теорію объ исключительномъ и всемогущемъ дѣйствіи закона, все охватывающаго, все опредѣляющаго и повсюду полновластнаго. Первая половина XIX вѣка, трудами исторической школы юристовъ, разработала вопросъ объ обычномъ правѣ. Рядомъ съ закономъ—это было доказано и признано всѣми—сталъ обычай, какъ особый самостоятельный источникъ общеобязательныхъ юридическихъ нормъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ выдвинутъ на сцену вопросъ о такъ называемомъ правѣ юристовъ (Juristenrecht, wissenschatliches Recht). Труды Іордана и Вехтера, Пухты и Савиньи, Безелера и Шталя положили прочныя основы къ уясненію того взаимодѣйствія, которое существуетъ между закономъ и обычаемъ, и наукой и судебной практикой. Вторая половина XIX вѣка, продолжая и развивая положенія исторической школы юристовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и критикуя, и очищая, и углубляя ихъ, разработала и оформила ученіе о творческой, созидающей силѣ суда и судебныхъ рѣшеній (Іерингъ, Бюловъ, Адикесъ, Жени, Ланглуа, Муромцевъ) [1]). Конецъ столѣтія принесъ съ собой

---

[1]) Adikes, Zur Lehre von den Rechtsquellen, 1872, Муромцевъ, Судъ и законъ въ гражданскомъ правѣ, 1880 (Юридическій вѣстникъ, т. V, стр. 377 и сл.), Іерингъ, Цѣль въ правѣ, 1881, Bülow, Gesetz und Richteramt, 1885, Danz, Gesetzes-Auslegung und das Leben, 1897 (Zeitschrift für das privat-und öffentliche Recht, B. XXIV, S. 611 ff.), Langlois, Essai sur le pouvoir prétorien de la jurisprudence, 1897. Гредескулъ, Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права, 1900. Въ особенности заслуживаетъ вни-

даже рядъ крайнихъ увлеченій въ этомъ направленіи, рядъ крайнихъ теорій, которыя настаиваютъ на надѣленіи судовъ частичными прерогативами законодателя и на признаніи за ними творческихъ правъ власти римскаго претора [1]).

Поэтому теперь прежде, чѣмъ отрицать въ принципѣ общеобязательную силу судебныхъ рѣшеній, казалось бы, необходимо доказать какъ то, что судебная практика не въ силахъ выработать общеобязательнаго судебнаго обычая, такъ и то, что она никоимъ образомъ не можетъ быть признана самостоятельнымъ источникомъ права. Вмѣсто ссылки на формальное и никѣмъ не оспариваемое положеніе: „судья—не законодатель", необходимо вникнуть въ самое содержаніе судебной дѣятельности.

манія превосходная работа Geny, Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif, 1899.

[1]) Бартэнъ, Ламберъ и др.—во Франціи, Педро Дорадо—въ Испаніи, Майорана—въ Италіи. Отдаленнымъ предшественникомъ этихъ ученыхъ въ Германіи является Герштекеръ съ его теоріей о законодательной власти судовъ. Очень любопытна работа Майораны, разсматривающаго вопросъ объ отношеніяхъ суда къ законодательству съ точки зрѣнія тѣхъ историческихъ условій, которыя опредѣляютъ реальную форму этихъ отношеній. Принципъ раздѣленія властей судебной и законодательной, по его мнѣнію, не имѣетъ значенія безусловнаго идеала, а измѣняется съ измѣненіемъ жизни народовъ; въ частности можно утверждать, что и теперь уже имѣются зачатки разложенія этого принципа, которые неизбѣжно приведутъ къ передачѣ въ руки суда частичной власти законодателя (ed affido, sovratutto, queste due idee, che sembranmi capitali, nell'ordine logico del sistema: 1° il probabile ricorso delle giurisdizione; nel senso di una parziale e profilata confusione, in essa, della legislazione; 2° la trasformazione di questa; nel senso di dare elasticita alle figure di diritto, di fronte alle grandi possibili varieta del fatto). Majorana, L'evoluzione storica dei rapporti fra la legislazione e la giurisdizione, A. G., 1889, v. XLIII, p. 568 sq. Педро Дорадо возстаетъ противъ „культа формулы закона" и приписываетъ этому культу то, что самые несправедливые приговоры часто бываютъ самыми законными—Pedro Dorado, Fonction de la loi et de l'autorité dans l'évolution sociale, 1899 (Revue du droit public, № 4 и въ особенности № 5, стр. 219 и сл.). Gerstäker, Darf das allgemeine deutsche Criminalrecht jetzt blos nach dem Gesetzen, oder muss es nach der durch die Praxis und den Gerichtsgebrauch erhaltenen Umgestaltung dargestellt werden? (Neues Archiv des Criminalrechts, 1822, B. VI, № 19, S. 463 ff.), О „законодательномъ характерѣ дѣятельности суда" говорятъ и въ русской литературѣ; изъ болѣе новыхъ работъ можемъ указать на статью г. Гессена. Творческая роль суда, 1897 г. (Журналъ М. Ю., № 6, стр. 204 и сл.).

Содержаніе судебной дѣятельности опредѣляется ея подзаконностью. Судебное разбирательство, говорятъ, это—логическая операція, умозаключеніе, гдѣ законъ является большей посылкой, разрѣшаемое дѣло—меньшей, а рѣшеніе—логическимъ заключеніемъ, которое съ необходимостью вытекаетъ изъ установленныхъ посылокъ.

Такимъ образомъ судебное рѣшеніе можетъ имѣть смыслъ только для даннаго случая, потому что выводъ въ умозаключеніи самъ по себѣ не даетъ возможности возстановить тѣхъ посылокъ, на которыхъ онъ основанъ, да къ тому же всякое новое дѣло вводитъ въ разсужденіе и новую меньшую посылку, а съ измѣненіемъ посылки должно измѣняться и заключеніе. Что же касается закона—этой большей посылки разсматриваемаго умозаключенія, которая всегда остается неизмѣнной,—то вліяніе ея очевидно: *или* рѣшеніе суда согласно съ закономъ и тогда безполезно въ качествѣ прецедента, потому что судъ долженъ руководствоваться именно закономъ, *или* рѣшеніе противорѣчитъ закону и тогда негодно въ качествѣ прецедента, потому что юридически должно быть признано несуществующимъ или ничтожнымъ.

Эти соображенія, правильныя, поскольку они даютъ общую схему судопроизводства, имѣютъ только формальное значеніе, не опредѣляя реальнаго, жизненнаго смысла дѣятельности судьи и дѣйствительнаго содержанія судебнаго приговора. Съ одной стороны, рѣшеніе должно получить опредѣленную полноту и опредѣленное не только логическое, но и юридическое содержаніе. Съ другой стороны, судья долженъ совершить подготовительную работу: установить норму права (эту большую посылку нашего умозаключенія) и опредѣлить дѣйствительный составъ даннаго дѣла.

Юридическое содержаніе судебнаго рѣшенія и логическое содержаніе вывода въ умозаключеніи—двѣ вещи, изъ которыхъ каждая представляетъ свои значительныя особенности. Выводъ умозаключенія не даетъ возможности возстановить тѣхъ посылокъ, на которыхъ онъ основывается.

Посылки:

„Законъ наказываетъ за кражу тюремнымъ заключеніемъ;

„Ивановъ совершилъ кражу";

Выводъ:

„Ивановъ приговаривается къ заключенію въ тюрьмѣ".

Вотъ примѣръ судебнаго рѣшенія, облеченнаго въ строгую форму логическаго вывода. Очевидно, что въ такомъ видѣ рѣшеніе суда дѣйствительно никакого общаго значенія имѣть не можетъ. „Ивановъ приговаривается къ заключенію въ тюрьмѣ"—это важно только для самого Иванова и для исполнителя судебнаго приговора!

Юридическое содержаніе и форма судебнаго приговора опредѣляется иначе. Въ самомъ рѣшеніи судъ долженъ показать, что онъ дѣйствительно поступаетъ по закону, а не по собственному произволу. А потому въ рѣшеніи отмѣчаются и факты, установленные судомъ, и нормы, въ томъ видѣ, какъ ихъ понимаетъ и примѣняетъ судъ [1]), и выводы, естественные для даннаго дѣла при данномъ пониманіи и примѣненіи закона. Напримѣръ, въ приговорѣ уголовнаго суда означаются: 1) предметы обвиненія, выведенные въ обвинительномъ актѣ или въ жалобѣ частнаго обвинителя и въ заключительныхъ по судебному слѣдствію преніяхъ; 2) соображеніе обвиненія, какъ съ представленными по дѣлу доказательствами и уликами, такъ и съ законами; 3) подробное изложеніе, согласно съ разумомъ и словами закона, сущности приговора (уст. угол. суд. ст. 797 и уст. гражд. суд. ст. 711). Поэтому въ рѣшеніи суда всегда возможно на частномъ случаѣ, какъ въ зеркалѣ, увидѣть отраженіе общихъ требованій и нормъ права. Конкретное и специальное рѣшеніе суда всегда можетъ установить существованіе или несуществованіе тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ и общихъ юридическихъ правилъ и положеній.

Такимъ образомъ весь вопросъ въ сущности сводится къ тому, какое значеніе могутъ имѣть подобныя правила и положенія.

Приговоръ суда, говоритъ Монтескьё, представляетъ изъ

---

[1]) Въ данномъ примѣрѣ—составъ кражи, который мало и неточно уясняется въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ (ст. 1644).

себя только буквальный текстъ закона [1]). Но судъ долженъ руководствоваться оригиналомъ, не прибѣгая къ излишней и по тому самому безполезной его копіи. Законъ должно знать изъ самого закона, а не изъ сборника судебныхъ рѣшеній.

Итакъ посмотримъ, въ какой мѣрѣ всякій приговоръ суда является *только* повтореніемъ закона. Другими словами, что такое представляетъ изъ себя въ дѣйствительности та большая посылка всякаго судебнаго рѣшенія, на которой оно основывается и которую судъ долженъ найти и установить во всякомъ дѣлѣ?

Установить норму права, раскрыть ея истинное значеніе, опредѣлить объемъ и предѣлы дѣйствія—вотъ задачи, которыя только для поверхностнаго наблюдателя представляются простыми. Нерѣдкая ошибка заключается въ подразумѣваемомъ представленіи о законѣ, какъ о совокупности нормъ, которыя могутъ дать точный отвѣтъ на всякій случай дѣйствительной жизни. Стоитъ только уяснить себѣ содержаніе закона,—и навѣрно искомый отвѣтъ получится, и притомъ отвѣтъ не новый, потому что разъясненіе закона въ концѣ-концовъ все-же ничего новаго не вноситъ (разъясняется только то, что̀ изначала, какъ зерно, заложено въ законѣ при самомъ его порожденіи) и во всякомъ случаѣ не создаетъ новаго правила, новой нормы. Судья не творитъ, а безстрастно примѣняетъ существующія уже нормы права: спереди—по извѣстному сравненію Іеринга—въ машину для постановленія приговоровъ и рѣшеній вкладывается отдѣльный случай, который сзади, безъ всякой самостоятельной дѣятельности судьи, выбрасывается въ видѣ приговора или рѣшенія, совершенно какъ у утки Вокансона, пытавшагося посредствомъ автомата разрѣшить вопросъ о пищевареніи.

Какое жалкое представленіе о судьѣ! Какъ будто бы все существующее право заключено въ законѣ, и какъ будто бы законъ не содержитъ недостатковъ, неполноты, неясности, противорѣчія!

---

[1]) „Mais, si les tribunaux ne doivent pas être fixes, les jugements doivent l'être á un tel point, qu'ils ne foient jamais, qu'un texte précis de la loi". Montesquieu, De l'esprit des lois, 1764, t. I, p. 273.

Судьѣ постоянно приходится *или* толковать законъ, примѣняя его, *или* создавать норму, разрѣшая вопросы, о которыхъ законодатель вовсе и не думалъ и для которыхъ поэтому никакого рѣшенія не предлагалъ и даже не желалъ предложить. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣятельность судьи носитъ творческій характеръ. Приговоръ его не есть только повтореніе текста закона. Отвлеченной нормѣ онъ сообщаетъ опредѣленное содержаніе, онъ устанавливаетъ истинный смыслъ, объемъ и предѣлы ея дѣйствія. Общія понятія и правила закона представляютъ изъ себя только сосудъ, который сама жизнь наполняетъ извѣстнымъ содержаніемъ; законодатель даетъ только остовъ или скелетъ, который судьею облекается въ плоть и въ кровь живой дѣйствительности. И если говорить, что этимъ путемъ въ сущности только раскрывается мысль самого закона или законодателя, то все-же слѣдуетъ добавить: мысль эта скрыта въ законѣ, и судья является первымъ ея провозгласителемъ или вѣщателемъ.

Вотъ, почему истинное пониманіе закона немыслимо безъ знакомства съ его практическимъ примѣненіемъ. И судебная практика имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что „скрытая“ въ законѣ мысль часто представляется весьма условной. Законъ не стоитъ изолированно, а связанъ со всей совокупностью дѣйствующихъ нормъ права, и потому измѣненія въ одной области законодательства отражаются неизбѣжно на другихъ, заставляя примѣнителя такъ или иначе приводить ихъ въ согласіе со всей системой современнаго права. Къ тому же законъ не выражаетъ въ себѣ мысли и воли одного лица. Въ созданіи закона принимаютъ участіе многія лица, законъ является результатомъ борьбы мнѣній и взглядовъ, борьбы классовъ, партій, интересовъ, вѣрованій. Форма закона не указываетъ, какое мнѣніе, какая мысль должна быть признана единственно правильной изъ числа всѣхъ тѣхъ мнѣній и мыслей, которыя сошлись на данной формѣ, какъ на компромиссѣ. Эту мысль долженъ отыскать и установить судья такъ, какъ онъ ее понимаетъ. На это законодатель заранѣе уполномочиваетъ судью и заранѣе соглашается признать законную силу за его рѣшеніемъ.

Еще значительнѣе и еще самостоятельнѣе творческая роль судьи въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится восполнять пропуски и пробѣлы права, которые всегда существовали и всегда будутъ существовать, какъ бы ни совершенствовались законы. Жизнь ежедневно выдвигаетъ тысячи новыхъ потребностей и новыхъ случаевъ, требующихъ того или другаго разрѣшенія. Законодатель всѣхъ ихъ предвидѣть не можетъ тѣмъ болѣе, что законъ создается не только для настоящаго, но и для будущаго времени, часто весьма и весьма отдаленнаго: нерѣдко законы дѣйствуютъ въ теченіе десятковъ и даже сотенъ лѣтъ, въ обстановкѣ и при такихъ условіяхъ жизни, о которыхъ даже мудрѣйшій законодатель не могъ и мечтать и которыхъ онъ во всякомъ случаѣ не могъ предвидѣть. Sapientissima autem res tempus, et novorum casuum quotidie auctor et inventor! [1]).

Такимъ образомъ, примѣняя законъ, судья дѣйствуетъ не какъ рабъ и не какъ бездушный автоматъ, но какъ сознательный и свободный посредникъ между мертвой нормой закона и многообразіемъ бурнаго потока жизни человѣческаго общества. Законодатель даетъ нѣмое и отвлеченное правило; судья превращаетъ его въ живую дѣйствительность и при посредствѣ своего приговора воплощаетъ въ реальныя формы человѣческихъ отношеній. А потому приговоръ суда не есть текстъ закона и не можетъ быть замѣненъ закономъ. Приговоръ суда имѣетъ самостоятельное значеніе.

Но это значеніе не ограничивается тѣсными предѣлами даннаго случая. Нельзя сказать, что творчество суда имѣетъ въ виду только отдѣльный случай примѣненія права и по-

---

[1]) Недавно А. Ѳ. Кони въ художественной лекціи своей напомнилъ о цѣломъ рядѣ актовъ творческой дѣятельности судьи и привелъ „рядъ примѣровъ толкованія мотивовъ закона и вкладыванія въ его сжатую форму жизненнаго содержанія",—примѣровъ общеизвѣстныхъ, но тѣмъ болѣе поучительныхъ, какъ иллюстрація процесса, какимъ постепенно (даже въ области права уголовнаго) въ жизнь вводятся правила, созданныя не законодателемъ, а практикой судовъ, не составителемъ уголовнаго уложенія, а мыслящимъ и разумнымъ примѣнителемъ его. Кони, Нравственныя начала въ уголовномъ процессѣ, 1902 г. (Жур. Мин. Юст., № 1).

тому необходимо исчерпывается этимъ случаемъ и въ этомъ случаѣ. Дѣло не только въ томъ, что судъ надѣленъ творческими правами, но и въ томъ, какъ онъ творитъ, чѣмъ руководствуется, толкуя законы и восполняя пробѣлы законодательства. Разрѣшая частный случай, судъ становится на общую точку зрѣнія и старается установить норму такъ, какъ бы ее установилъ самъ законодатель, имѣющій въ виду общіе интересы, общее состояніе права и общій характеръ всѣхъ аналогичныхъ случаевъ, имъ нормируемыхъ. Нѣтъ бо̀льшаго заблужденія, какъ ограничивать кругозоръ судьи узкимъ горизонтомъ даннаго дѣла, его рѣшенію подлежащаго. Чтобы быть справедливымъ и законнымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, рѣшеніе судьи должно явиться результатомъ оцѣнки фактическихъ обстоятельствъ даннаго дѣла съ общей точки зрѣнія и должно быть именно только частнымъ примѣненіемъ нормы, пригоднымъ стать общимъ правиломъ для разрѣшенія всѣхъ тождественныхъ случаевъ. Выводъ судебнаго рѣшенія всегда долженъ покоиться на бо̀льшей посылкѣ, которая не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только общей нормой права, всегда пригодной для регулированія всѣхъ однородныхъ дѣлъ.

Въ этой пригодности, въ этой возможности и заключается общая сила всякаго конкретно выраженнаго правила, которое при этомъ не теряетъ и не можетъ потерять своей всеобщности. Отвлеченная норма не утрачивается, а получаетъ только то выраженіе, какое въ прежнія времена было обычнымъ выраженіемъ всякаго права (казуистическая форма законовъ). Поэтому, если приговоръ суда во всемъ его объемѣ ограничивается только предѣлами частнаго случая, имъ разрѣшеннаго, то это можетъ зависѣть отъ какихъ угодно причинъ, но только не отъ юридической сущности дѣятельности судьи: всякій приговоръ есть только казуистически выраженная общая норма права, и всякій судья есть говорящій по частному поводу законодатель. За предѣлы разрѣшеннаго дѣла не можетъ выйти конкретное регулированіе приговоромъ именно даннаго единичнаго отношенія. Но этимъ не исчерпывается все содержаніе приговора, который является

не только разрѣшеніемъ частнаго случая на основаніи общей нормы права, но и частнымъ примѣненіемъ такой общей нормы къ отдѣльному случаю, не только источникомъ правъ субъективныхъ, но и актомъ признанія права, симптомомъ существующихъ объективныхъ нормъ.

Вотъ, почему рѣшеніе суда всегда можетъ получить общее значеніе и получаетъ его, если тому не препятствуютъ какія-либо внѣшнія обстоятельства; вотъ, почему въ исторіи приговоры судовъ безспорно являлись источниками общаго права, да и теперь накопленіе однородныхъ прецедентовъ представляетъ изъ себя далеко не безплодное суммированіе нулей, въ результатѣ всегда дающее тотъ же нуль, а нѣчто болѣе серьезное и останавливающее вниманіе даже тѣхъ, кто относится къ судебнымъ прецедентамъ вполнѣ отрицательно.

Стало быть, существо судебной дѣятельности и природа примѣненія закона сами по себѣ не могутъ еще обосновать положенія, отрицающаго общее юридическое значеніе за частнымъ судебнымъ рѣшеніемъ. Тогда на помощь выдвигается увлекательная сила доказательствъ, заимствуемыхъ изъ области политики права.

Конечно, говорятъ, судебное рѣшеніе, какъ прецедентъ, разъясняетъ смыслъ закона, такъ сказать, иллюстрируетъ его наглядными примѣрами. Но отъ разъясненія существующей нормы до созданія новой—шагъ громадный, и сдѣлать этотъ шагъ судъ не можетъ: cum non exemplis, sed legibus judicandum est. Иной взглядъ неминуемо приведетъ насъ къ положенію, невыносимому съ точки зрѣнія гражданской свободы и обезпеченности правъ; дѣло станетъ рѣшаться не на основаніи существующей уже нормы, но самая норма установится судомъ для даннаго дѣла и въ виду даннаго дѣла. Сколько поводовъ для произвола, какая возможность злоупотребленій, какой просторъ для вліяній, съ задачами правосудія ничего общаго не имѣющихъ! Wehe dem armen Opfer, wenn derselbe Mund, der das Gesetz gab, auch das Urteil spricht!

Но дѣло въ томъ, что именно въ Англіи, этой странѣ классической законности, такого рода соображенія приводятся какъ разъ для доказательства положенія, діаметрально

противоположнаго—положенія о строгой обязательности всякаго судебнаго рѣшенія, какъ прецедента. И англійская точка зрѣнія, думается намъ, имѣетъ свои вѣскія основанія.

Прежде всего свобода и права гражданъ здѣсь не при чемъ. Сколько бы мы ни разсуждали о томъ, что судъ только примѣняетъ законы, неоспоримый фактъ творческой силы судебной практики останется фактомъ. Общія и твердыя нормы закона, обезпечивающія порядокъ государства и права гражданъ, устраняющія произволъ администраціи и суда,—желательное и необходимое условіе современной жизни. Но нельзя же требовать отъ общей нормы того, чего она дать не въ состояніи; нельзя требовать, чтобы она охватила всю правовую жизнь общества въ ея мельчайшихъ подробностяхъ, чтобы она успѣвала слѣдить за живымъ разнообразіемъ и вѣчной измѣнчивостью движущейся дѣйствительности. Дать общее руководство, ввести въ необходимые предѣлы дѣятельность суда, указать ему пути и средства дѣйствія—вотъ, что̀ подъ силу законодателю. А затѣмъ, какъ неизбѣжный и необходимый фактъ, остается широкое поле самостоятельной и плодотворной работы примѣненія права въ жизни, установленія права.

А разъ неоспоримъ фактъ и потребность въ творческой дѣятельности суда, то всѣ вышеизложенныя соображенія политики теряютъ свою силу. Положимъ, сегодня, въ виду 9 и 10 ст. уст. гражд. суд., судъ создалъ новую норму, вынуждаемый къ тому обстоятельствами даннаго дѣла. Почему эта норма не обязательна для суда завтра, при разрѣшеніи совершенно аналогичнаго случая? Вѣдь, съ политической точки зрѣнія можно было возражать именно въ началѣ, именно при первичномъ установленіи правила по поводу и въ виду даннаго дѣла. Для всѣхъ слѣдующихъ дѣлъ это правило будетъ уже правиломъ не новымъ, не спеціально ad hoc составленнымъ. И придерживаться этого правила—во всякомъ случаѣ послѣдовательнѣе съ точки зрѣнія интересовъ законности и порядка, чѣмъ создавать опять новую норму.

Но какъ же быть съ дурными прецедентами?—Въ этомъ вопросѣ заключается послѣднее возраженіе, которое—опять-

таки съ точки зрѣнія политики права—приводится противъ общеобязательнаго значенія судебныхъ рѣшеній. При этомъ самое понятіе дурнаго прецедента расширяется до крайнихъ предѣловъ: „всякое рѣшеніе, которое, по личному мнѣнію того или иного судьи, заслуживаетъ исправленія, обрекается на такое исправленіе въ томъ предположеніи, что добросовѣстное и неоднократное перекраиваніе разъ установленной нормы по примѣркѣ ея на рядѣ дѣлъ дастъ въ результатѣ не Тришкинъ кафтанъ, а костюмъ, достойный Ѳемиды. Гибкость, подвижность, измѣнчивость судебной практики выставляется почти какъ идеалъ, желательный и необходимый! Такая точка зрѣнія покоится на основаніяхъ трояكаго рода.

Предполагается, что судъ, только многократно повторяя примѣненіе одной и той же нормы, многократно провѣряя и исправляя ее, можетъ установить положенія, дѣйствительно важныя и цѣнныя. Къ дѣятельности суда, такъ сказать, примѣняется старое правило: repetitio est mater studiorum. Но, вѣдь, судъ—не школа; имущественныя и личныя блага гражданъ, семья, жизнь, здоровье и честь—все это не тотъ сырой матеріалъ, на которомъ слѣдуетъ учиться и упражняться. *Фактически*, конечно, судебная практика учитъ; но не въ этомъ заключается ея *юридическая* природа и задачи. Фактически на отвѣтственныя мѣста судебныхъ слѣдователей, земскихъ начальниковъ или городскихъ судей могутъ быть назначаемы лица, молодость, неопытность и незнаніе которыхъ превосходятъ подъ-часъ границы дозволеннаго. Но эти обстоятельства, эти историческія, фактическія, мѣстныя, національныя условія вліяютъ только на опредѣленіе силы судебныхъ рѣшеній съ точки зрѣнія положительнаго права данной страны и данной эпохи и отнюдь не могутъ и не должны затемнять принциповъ правосудія и идеаловъ судебной политики. Всякое исправленіе раньше установившагося въ судебной практикѣ взгляда совершается на счетъ устойчивости и опредѣленности права. А между тѣмъ гораздо лучше имѣть опредѣленное право, чѣмъ допустить всякаго судью заниматься его улучшеніемъ! Къ тому же, какъ бы ни былъ въ началѣ незначителенъ запасъ прак-

тическаго опыта и сумма накопленныхъ судебныхъ рѣшеній, всегда наступаетъ наконецъ моментъ, когда груды матеріала, итоги многолѣтней дѣятельности тысячи судовъ, приведенные въ систему, разработанные, разъясненные — получаютъ значеніе, какого не имѣетъ и не можетъ имѣть самая продолжительная и самая кипучая судебная работа отдѣльнаго человѣка. Главнымъ учителемъ становится не настоящая, а бывшая практика судовъ.

Далѣе, указывая на неудобство связывать себя дурнымъ прецедентомъ, выставляютъ на видъ возможность судебныхъ ошибокъ: самый лучшій и самый добросовѣстный судъ не гарантированъ отъ постановленія ошибочнаго судебнаго рѣшенія. Однакоже, повидимому, страхъ передъ судебной ошибкой значительно преувеличивается,—по крайней мѣрѣ поскольку такая ошибка можетъ имѣть значеніе для силы судебнаго рѣшенія. Сила прецедента не въ фактахъ, установленныхъ судомъ для даннаго дѣла, не въ конкретномъ составѣ спорнаго случая, а въ примѣненныхъ къ нему общихъ взглядахъ и положеніяхъ суда о томъ, что̀ онъ считаетъ правомъ. Поэтому наиболѣе частая и возможная ошибка судебнаго приговора — ошибка фактическая—вполнѣ безразлична.

Наконецъ, въ случаяхъ дѣйствительнаго установленія судомъ плохой нормы не слѣдуетъ преувеличивать предполагаемой косности и неподвижности судебной практики, которая опутана пудовыми веригами вѣковыхъ прецедентовъ. Гибкость и подвижность свободной отъ прецедентовъ судебной практики противопоставляется застою во что бы то ни стало, окаменѣлому упорству въ поддержаніи доказанныхъ ошибокъ. Тезису: судебное рѣшеніе—не законъ, соотвѣтствуетъ антитезисъ: обязательный прецедентъ получаетъ силу закона. Однакоже здѣсь заключается простое недоразумѣніе: каждый источникъ права имѣетъ свою особую природу, свои особыя условія возникновенія, развитія и прекращенія. Созданіе закона обставлено особыми сложными формальными условіями; законъ отмѣняется только закономъ (рѣже—обычаемъ), и потому отмѣна эта тоже соединена съ

значительными затрудненіями. Однакоже возможность плохихъ законовъ не выставляется, какъ доказательство противъ законодательной дѣятельности вообще. Возникновеніе судебнаго прецедента проще и легче; значеніе прецедента устраняется путемъ всегда возможнаго пересмотра вопроса въ порядкѣ инстанцій; норма, установленная практикой судовъ, можетъ быть отмѣнена и силой обычая, и силой закона, а потому реакція противъ дурныхъ рѣшеній всегда возможна и во всякомъ случаѣ легче осуществима, чѣмъ реакція противъ дурныхъ законовъ. Часто она достигается путемъ простаго сопоставленія прецедента съ закономъ (обычаемъ): „явное нарушеніе прямаго смысла закона" можетъ повлечь за собой не только отвѣтственность судьи за неправосудіе и кассацію приговора, но и вообще, если даже кассація не состоялась, можетъ отнять у прецедента всякую силу.

V.

Мы разсмотрѣли соображенія, какія приводятся для доказательства, что ни одно судебное рѣшеніе не можетъ получить общаго юридическаго значенія. Результаты, нами полученные, пока еще имѣютъ только отрицательное значеніе. Именно ясно, что изъ юридической природы и задачъ судебной дѣятельности нельзя вывести, будто судебное рѣшеніе *необходимо ограничивается* даннымъ дѣломъ, а съ точки зрѣнія политики права нельзя утверждать, будто оно и *должно ограничиваться* такими тѣсными предѣлами.

Отрицательнымъ заключеніямъ, къ которымъ привела насъ критика господствующей теоріи о силѣ судебныхъ прецедентовъ, соотвѣтствуютъ не только факты историческіе, но и обычныя явленія современной жизни, вездѣ наблюдаемыя и всѣми признаваемыя. Это — огромное вліяніе прецедентовъ на отправленіе правосудія.

Посмотримъ же, изъ чего слагаются всѣ эти такъ называемыя практическія руководства для судей разныхъ разрядовъ, всѣ эти справочныя изданія и пособія, которыя рас-

ходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и, какъ настольныя книги, встрѣчаются у всякаго судебнаго дѣятеля — у судьи и слѣдователя, у прокурора и адвоката; проникнемъ въ камеру или въ кабинетъ, когда подготовляется докладъ или производится предварительное изученіе дѣла; войдемъ въ судъ и послушаемъ, какъ во время разбирательства стороны состязуются въ приведеніи доказательствъ, заимствуемыхъ изъ прежней практики судовъ и Сената; попытаемся, наконецъ, пробраться въ совѣщательную комнату судей, гдѣ обсуждается и формулируется самый приговоръ по дѣлу; — вездѣ мы можемъ наблюдать одно и то же изученіе прецедентовъ, вниканіе въ ихъ сущность и серьезное отношеніе къ установленнымъ ими положеніямъ. Неужели же станемъ мы утверждать, что новое рѣшеніе суда не обусловливается старыми прецедентами? И неужели не скажемъ мы, вмѣстѣ съ Градовскимъ, что de facto приговоры судовъ (въ особенности высшихъ) конкурируютъ съ закономъ и сдерживаютъ произволъ судей едва ли не больше, чѣмъ законодательныя мѣры противъ него? [1])

И это явленіе наблюдаемъ не только мы и не только у себя дома. Посторонніе наблюдатели, англичане, говорятъ объ усиливающемся вліяніи прецедентовъ на практику судовъ французскихъ и нѣмецкихъ (in point of fact the importance of reported decisions has been on the increase in both France and Germany for some time [2]). И сами нѣмцы или французы охотно соглашаются съ этимъ.

Въ Германіи высказываются даже опасенія за упадокъ уровня юридическихъ знаній вслѣдствіе предъявляемаго юристами-практиками и публикою спроса на комментаріи законовъ, да и вообще, какъ замѣчаетъ Гирке, въ нашемъ вѣкѣ прецеденты оказываютъ на практику нѣмецкихъ судовъ не малое, но скорѣе даже слишкомъ большое вліяніе, и самое бѣглое обозрѣніе исторіи и современной практики нѣмецкихъ судовъ

---

[1]) Градовскій, О судебномъ толкованіи законовъ, 1874 г. (Журналъ гражд. и уг. права, № 1, стр. 37). Вербловскій, Гражданское судопроизводство, 1895 г. (Жур. Мин. Юст. № 10, стр. 161—163).

[2]) The Law Quarterly Review, 1900, october, p. 376.

свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно подчиняются они руководству прецедентовъ, установленныхъ рѣшеніями наиболѣе авторитетныхъ органовъ правосудія (und auch in unserem Jahrhundert haben die Präjudizien eher zu viel als zu wenig Macht über das Rechtsleben behauptet; ein Blick auf die deutsche Rechtsgeschichte und auf die Praxis der Gegenwart belehrt uns, in welchem Masse die Rechtsprechung sich durch das Beispiel angesehener Gerichte stets hat leiten lassen und heute noch leiten lässt! [1]). Іорданъ, критикуя теоріи обязательной силы прецедентовъ, въ свою очередь не можетъ не признать отчасти и за нѣмецкой судебной практикой, даже при отрицательномъ отношеніи къ ней доктрины, почти законодательнаго значенія (auf diese Weise kann mancher Gerichtsgebrauch allmälig zu einem eben so grossen Ansehen, wie die Gesetze selbst, gelangen und praktisch bleiben, ungeachtet er von der Doktrin gemissbilligt wird) [2]).

Что касается Франціи, то Лоранъ, этотъ принципіальный и блестящій противникъ прецедентовъ, исчерпавъ всѣ свои доказательства и de lege lata, и de lege ferenda, не безъ грусти замѣчаетъ: наши положенія ясны и просты; однакоже, если мы настаиваемъ на принципѣ, который въ сущности является аксіомой, то потому только, что практика вовсе не соотвѣтствуетъ теоріи (si nous insistons sur un principe qui est un axiome, c'est que la pratique n'est guère d'accord avec la théorie): отъ вліянія

---

[1]) Gierke, Deutsches Privatrecht, 1895, B, I, S. 178. О болѣе ранней эпохѣ иного мнѣнія Baseler, Volksrecht und Juristenrecht, 1843, S. 310—311. Случевскій. Объ отношеніи судебной уголовной практики къ законодательству и наукѣ права, 1883 г. (Журналъ гр. и уг. права, № 4, стр. 145—166). Въ Германіи извѣстная связывающая сила за прецедентами высшаго имперскаго суда (Reichsgericht) признается впрочемъ и въ самомъ законѣ (D. Ger. — V. G. § 137 u. R. Ges. v. 17 März 1886). Если отдѣльный сенатъ имперскаго суда считаетъ необходимымъ отступить отъ прецедента, установленнаго въ рѣшеніи другаго сената или общаго собранія, то самостоятельно онъ это сдѣлать не можетъ, а обязанъ передать дѣло на усмотрѣніе общаго собранія; въ свою очередь и общее собраніе имперскаго суда можетъ отступать только отъ собственныхъ прецедентовъ, а не отъ прецедентовъ общаго собранія иного состава (напр., общее собраніе гражданскихъ сенатовъ не имѣетъ права отступать отъ прецедентовъ, установленныхъ общимъ собраніемъ уголовныхъ сенатовъ).

[2]) Jordan. Bemerkungen über den Gerichtsgebrauch, 1825 (Archiv für die civilistische Praxis, B. VIII, S. 240).

писателей освобождаются легко, противопоставляя одинъ авторитетъ другому, но иначе относятся къ судебнымъ рѣшеніямъ: адвокаты ихъ цитируютъ съ угодливостью, писатели оказываютъ имъ часто чрезмѣрное уваженіе [1]). Наблюденія Бёдана въ свою очередь приводятъ его къ убѣжденію, что именно практикой судовъ разрѣшаются юридическія контроверзы, соглашаются противоположныя мнѣнія, заполняются пробѣлы законодательства; судебные прецеденты обсуждаются подобно тексту законовъ; ни одинъ юридическій споръ не обходится безъ обозрѣнія судебныхъ рѣшеній, касающихся даннаго вопроса, а приговоры соединенныхъ палатъ кассаціоннаго суда закрѣпляютъ судебную практику и сами почти равняются законамъ (ils fixent la jurisprudence et équivalent presque à des lois [2]). Съ этимъ соглашается и Жени, указывающій на огромное значеніе прецедентовъ всякаго рода въ практикѣ судовъ гражданскихъ и торговыхъ, называющій французскій кассаціонный судъ суверённымъ истолкователемъ нынѣ дѣйствующаго права въ его полномъ объемѣ и признающій за рѣшеніями этого суда такой авторитетъ, съ которымъ не можетъ равняться авторитетъ какихъ бы то ни было иныхъ рѣшеній (une autorité de fait, avec laquelle nulle autre ne saurait rivaliser) [3]). Наконецъ, Фостэнъ Эли прямо говоритъ, что кассаціонному суду принадлежатъ отчасти функціи законодательныя и что, подобно отвѣтамъ римскихъ юристовъ, его рѣшенія становятся общими правилами, которыя отчасти имѣютъ характеръ закона и сливаются съ нимъ (la cour de cassation exerce en réalité une portion du pouvoir législatif, puisque l'interprétation souveraine de la loi lui a été déléguée; elle répond, comme les anciens prudents, aux cas qui lui sont proposés, et ses réponses, comme celles des jurisconsultes de Rome, sont des règles générales qui participent du caractère de la loi et se confondent en quelque sorte avec elle) [4]).

Итакъ, общія наблюденія самыхъ разнообразныхъ писа-

---

[1]) Laurent. Principes de droit civil, 1869, t. 1, p. 357, 359—360.

[2]) Beudant. Cours de droit civil français, 1896, p. 120—121.

[3]) Geny. Méthode d'interprétation, 1899, p. 77—78, 400, 420.

[4]) F. Hélie. Traité de l'instruction criminelle, 1860, t. IX, p. 356.

телей (государствовѣдовъ, цивилистовъ и криминалистовъ) сходятся въ признаніи факта огромной силы судебныхъ прецедентовъ.

Проще всего, конечно, отнестись къ этому факту вполнѣ отрицательно, критикуя его съ высоты теоріи и философскихъ принциповъ. Проще всего въ объясненіе дѣйствительности, которая не можетъ быть втиснута въ рамки предвзятой теоріи, сослаться на несовершенства суда и судебнаго разбирательства, на злоупотребленія судебной практики, которая—вопреки даже аксіомамъ теоріи—не желаетъ быть принципіальной. Суды злоупотребляютъ прецедентами. Въ этомъ злоупотребленіи (l'abus que l'on fait des décisions judiciaires) виноваты высшіе суды, которые требуютъ, чтобы ихъ практикой руководствовались суды низшіе; въ этомъ повинны и суды низшіе, которые слишкомъ заняты или неискусны, чтобы углубляться въ тонкія матеріи права, и для которыхъ удобнѣе ставить тезисы практики на мѣсто принциповъ, нежели изъ принциповъ выводить такіе тезисы (il est plus convenable de ramener la jurisprudence des arrêts aux principes, que de réduire les principes à la jurisprudence des arrêts) [1]; виноватъ, наконецъ, и законодатель, если онъ требуетъ отъ судьи рабскаго подчиненія буквѣ закона, которое въ концѣ концовъ всегда приводитъ къ преклоненію предъ прецедентами [2].

Но это объясненіе фактической силы судебныхъ прецедентовъ, отмѣчая частныя и случайныя стороны явленія, въ дѣйствительности ничего не поясняетъ и никого не удовлетворяетъ. Да это и понятно, если вникнуть въ сущность самаго явленія, которое имѣетъ болѣе общія и глубокія основанія.

Будемъ ли мы вмѣстѣ съ Савиньи объяснять силу прецедентовъ общимъ закономъ постоянства человѣческихъ мыслей, дѣйствій и состояній (das Gesetz der Continuität menschlicher Gesinnungen, Handlungen und Zustände) [3], станемъ ли мы вмѣстѣ

---

[1]) Bouhier. Observations sur la coutume de Bourgogne, t. I, 655, 656, 681.

[2]) Stein. Die Kunst der Rechtsprechung, 1900, S. 21—24.

[3]) Savigny. System des heutigen römischen Rechts, 1840, B. I, S. 36, 96.

съ Тардомъ говорить о законахъ подражанія [1]), въ конечномъ результатѣ сущность вліянія судебныхъ прецедентовъ сведется къ тому же, къ чему сводится вліяніе всякихъ вообще прецедентовъ и авторитетовъ въ различныхъ сферахъ человѣческой мысли и человѣческаго поведенія. Какъ раньше дѣлали и поступали, какъ прежде говорили, чѣмъ уже нѣкогда руководствовались, такъ продолжаютъ дѣлать, поступать, говорить и руководствоваться нынѣ—въ силу извѣстныхъ законовъ психической и соціальной жизни индивида, а не по свободному выбору и усмотрѣнію, въ силу традиціи и привычки, а не по высшимъ требованіямъ гордаго ума. „Не слѣдуетъ забывать",—говоритъ Бальфуръ,—„что именно авторитету и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ разуму, мы обязаны не только нашей религіей, но и моралью и политикой; что тотъ же авторитетъ далъ намъ существенные элементы первыхъ основаній науки; что авторитетъ гораздо тверже, чѣмъ разумъ, положилъ основы соціальной жизни; что авторитетъ болѣе разума скрѣпилъ, наконецъ, и цѣлое зданіе. И хотя это можетъ имѣть оттѣнокъ парадокса, однако не будетъ преувеличеніемъ утверждать, что если мы желаемъ найти свойство, которое въ особенности возвышаетъ насъ надъ животнымъ, то это свойство слѣдуетъ искать не только въ нашей способности убѣждать и убѣждаться доводами разума, но и въ нашей способности вліять и поддаваться вліянію авторитета". Дѣйствіе авторитета прецедентовъ подобно дѣйствію силы мельчайшихъ частицъ воды, которыя просачиваются сквозь почву, собираются въ источники, образуютъ ручейки и ручьи, сливаются въ потоки и, наконецъ, представляютъ величественную и стихійную мощь огромной водной массы рѣкъ и морей.

Въ области права сила прецедентовъ, естественно, получаетъ особенное значеніе, потому что здѣсь сама жизнь стре-

---

Ср. изъ болѣе новыхъ писателей Stobbe. Handbuch des deutschen Privatrechts, 1871, B. I, S. 142—144 („Continuität in der Rechtssprechung"). Франкенъ употребляетъ выраженіе „Stabilitätstrieb". Franken. Vom Juristenrecht, 1889, S. 6.

[1]) Tarde. Les transformations du droit, 1893, p. 187—189.

мится къ установленію возможнаго единства и однообразія въ явленіяхъ. И это естественное слѣдствіе самаго существа права и правомѣрнаго общежитія человѣчества: общая норма допускаетъ колебанія и отступленія отъ средняго типа только въ извѣстныхъ предѣлахъ, за которыми уже утрачивается и самое представленіе о нормѣ, о томъ, гдѣ право и гдѣ неправо, что̀ такое законъ и что̀ беззаконіе, въ чемъ справедливость и въ чемъ произволъ.

Изслѣдованіе психологическихъ и соціальныхъ законовъ дѣйствія авторитетовъ и силы прецедентовъ не входитъ въ нашу задачу. Но, утверждая, что сила судебнаго рѣшенія выходитъ за предѣлы того дѣла, по которому оно состоялось и получаетъ общее значеніе, мы естественно—въ тѣсныхъ рамкахъ спеціально юридическаго изслѣдованія—выдвигаемъ вопросъ о томъ, что̀ это за значеніе? Какая общая сила присуща всякому приговору суда?

VI.

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно.

Одни признаютъ за прецедентами только нравственный авторитетъ. Другіе отмѣчаютъ сверхъ того и особое фактическое вліяніе ихъ на дальнѣйшую практику судовъ. Третьи, наконецъ, приписываютъ прецедентамъ своеобразную юридическую силу.

Говорятъ, что судебное рѣшеніе, какъ прецедентъ, имѣетъ этическое, нравственное значеніе. Но это объясненіе силы судебныхъ рѣшеній не отличается опредѣленностью. Подъ неяснымъ словомъ „этическій“, „нравственный“ удобно скрываются довольно разнообразныя воззрѣнія.

Наименьшее значеніе придаютъ силѣ судебныхъ приговоровъ тѣ, которые „нравственный авторитетъ“ рѣшенія сводятъ къ его внутренней, логической убѣдительности [1]). Мнѣ-

---

[1]) Эту мысль находимъ уже у Бэкона. Bacon. Tractatus de dignitate et augmentis scientiarum, 1694 (opera omnia v. I, стр. 524—527). Изъ новѣйшихъ

ніе суда или судьи есть въ сущности только личный взглядъ отдѣльнаго человѣка, которому свойственно ошибаться такъ часто и такъ грубо. „Когда вечеркомъ“,—говоритъ Штейнъ,— ,,адвокатъ съ судьей поспорятъ за кружкой пива относительно какого-либо вопроса, всѣ признаютъ, что правъ адвокатъ. Однакоже, когда на другое утро сядетъ судья на свое высокое кресло, надѣнетъ свою судейскую цѣпь и теперь настоитъ на своемъ мнѣніи, то это будетъ мнѣніе государства“. Понятно, что, какъ частное рѣшеніе отдѣльнаго случая, оно обязательно. Но, какъ общее правило, оно имѣетъ не большее значеніе, чѣмъ всякая теорія, всякое воззрѣніе любаго юриста. А между тѣмъ со временъ Бэкона и Декарта, вслѣдъ за всѣмъ движеніемъ современной науки, всѣ мы привыкли относиться нѣсколько свысока къ *такимъ* теоріямъ и воззрѣніямъ, придерживаясь раціоналистическаго положенія: nullius addictus jurare in verba magistri. При такой точкѣ зрѣнія очевидно, что и взгляды, ранѣе высказанные судомъ, не могутъ быть признаны обязательными по другимъ дѣламъ; ими только позволяютъ пользоваться въ видахъ дальнѣйшаго разъясненія закона. Тогда они становятся прецедентами или примѣрными рѣшеніями, способными оказывать вліяніе и на дальнѣйшую практику, которая не освобождается, однако, отъ обязанности провѣрять ихъ законость. Раздѣляя взгляды прецедента, судебныя мѣста могутъ приводить ихъ въ своихъ рѣшеніяхъ, какъ поясненія законовъ; не раздѣляя, они властны и обязаны толковать законъ по своему разумѣнію, потому что авторитетъ прецедентовъ долженъ опираться на нравственную ихъ силу, на ихъ логическую убѣдительность, на эрудицію ихъ авторовъ, а не на

авторовъ см. фонъ-Резонъ. О силѣ кассаціонныхъ рѣшеній, 1873 г. (Судебный Журналъ, іюль—августъ, стр. 1—31). Буцковскій. Очерки судебныхъ порядковъ, 1874 г., стр. 471 и сл. Думашевскій. Сводъ, т. II, стр. 920. Вербловскій. Гражданское судопроизводство, 1895 г. (Жур. Мин. Юст. № 10, стр. 164). Фойницкій. Курсъ уголовнаго судопроизводства, 1896 г., т. I, стр. 175 и сл. Eschbach, Introduction générale à l'étude du droit, 1856, p. 37, 40. Laurent, указ. соч. т. I, стр. 357—360. Picard, Le droit pur, 1899, p. 321. Keller, Pandecten, 1861, § 4, S. 12—13. Регельсбергеръ, Общее ученіе о правѣ, 1897, стр. 52.

силу внѣшняго принужденія. Alors même que les arrêts seraient fondés sur les vrais principes ils n'auraient encore qu'une autorité de raison, et on ne peut les invoquer qu'avec une extrême réserve. Такимъ образомъ, авторитетъ судебнаго рѣшенія тотъ же, что принадлежитъ каждому теоретическому положенію, безразлично, установлено ли оно наукой права или практикой судовъ. Это—авторитетъ логики, убѣдительности, основательности, научности (eine wissenschaftliche Autorität, по выраженію Келлера). Это—авторитетъ, который имѣетъ для суда значеніе только rationis imperio, а вовсе не ratione imperii. Valeant praejudicia, nisi ratione et jure nitantur! И такое значеніе должно принадлежать всякаго рода прецедентамъ—безразлично, установлены ли они практикой низшихъ судовъ или выражены въ рѣшеніяхъ высшаго кассаціоннаго трибунала („La cour suprême est pour ainsi dire un tribunal de doctrine",—говоритъ Лоранъ; „доктринальныя разъясненія законовъ, исходящія отъ Верховнаго Суда",—замѣчаетъ Буцковскій).

Другіе ученые [1]) идутъ не такъ далеко и съ представленіемъ о нравственномъ авторитетѣ судебнаго рѣшенія соединяютъ, дѣйствительно, элементъ этическій, который можетъ и не соотвѣтствовать логическому значенію приговора. Съ юридической точки зрѣнія различные виды толкованія, по степени ихъ обязательности, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) толкованіе научное, не имѣющее никакой обязательной силы; 2) толкованіе судебное, имѣющее обязательную силу для того случая, при разсмотрѣніи котораго оно постановлено, но необязательное для другихъ дѣлъ; 3) толкованіе законодательное или аутентическое, имѣющее общеобязательное значеніе. Судебное толкованіе занимаетъ среднее мѣсто между толкованіемъ научнымъ и законодательнымъ. Подобно закону, оно, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ даннаго дѣла, получаетъ обязательную силу: подобно наукѣ, оно вліяетъ свободно силою

---

[1]) Градовскій, Начала русскаго государственнаго права, 1901, т. I, Таганцевъ, Лекціи по русскому уголовному праву, 1887, в. I, стр. 368 и сл. Dalloz, Jurisprudence générale, 1892, t. X, № 46. Послѣдній авторъ даже за установившимся въ обычаѣ толкованіемъ закона (узуальная интерпретація) признаетъ только нравственное значеніе (la valeur d'une autorité morale).

своего внутренняго авторитета, хотя ему и не чуждъ элементъ принудительности, потому что здравыя начала справедливости и общественной нравственности требуютъ, чтобы къ каждому случаю, подлежащему разсмотрѣнію суда, общій законъ былъ примѣненъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ былъ уже примѣненъ къ другому однородному дѣлу; каждый тяжущійся въ правѣ ожидать, что его дѣло будетъ разрѣшено судомъ такъ же, какъ уже разрѣшено было другое, представлявшее однородныя обстоятельства. Такимъ образомъ, кромѣ логическаго авторитета убѣдительности и, быть можетъ, даже вопреки ему, состоявшійся приговоръ суда пріобрѣтаетъ нравственное значеніе. Оно связывается не съ содержаніемъ приговора—это содержаніе съ этической точки зрѣнія можетъ быть вполнѣ безразличнымъ,—а съ отношеніемъ приговора къ ряду послѣдующихъ рѣшеній суда. Это отношеніе должно свидѣтельствовать о постоянствѣ, съ какимъ судъ примѣняетъ одни и тѣ же законы въ одномъ и томъ же смыслѣ, невзирая на случайности отдѣльныхъ дѣлъ и лицъ, что̀ и выражаетъ собою этическій принципъ судебнаго безпристрастія и отсутствія произвола.

Еще бо́льшую силу придаютъ авторитету судебныхъ рѣшеній тѣ ученые, которые кромѣ нравственнаго значенія ихъ признаютъ за ними также своеобразную фактическую или практическую принудительность и своеобразную силу убѣдительности (une force de conviction). Съ этой точки зрѣнія юридическіе прецеденты, особенно если они образуютъ рядъ многочисленныхъ рѣшеній (rerum perpetuo similiter judicatarum auctoritas), связываютъ судью не только своимъ нравственнымъ вліяніемъ, которое всегда довольно субъективно, но и внѣшнимъ авторитетомъ, внѣшнимъ давленіемъ факта или правила, которое, хотя и не можетъ быть сопоставлено съ закономъ или обычаемъ, но отступать отъ котораго считается безразсуднымъ (q'on ne peut méconnaitre sans témérité). Нарушить такое правило можно только въ виду особенно важныхъ соображеній. Поэтому прецедентъ, выражающій установившуюся и твердую судебную практику по тому или другому вопросу, руководитъ судьей, иногда избавляетъ его отъ необходимости но-

ваго разслѣдованія юридической природы дѣла и во всякомъ случаѣ разрѣшаетъ его личныя сомнѣнія. Прецедентъ представляетъ серьезную силу, которая можетъ и даже должна обуздывать колебанія и капризы личныхъ воззрѣній [1]). Отсюда для суда понятная обязанность—знать прецеденты, тщательно взвѣшивать ихъ основанія и только съ трудомъ (nicht leichterdings) отклоняться отъ установившейся практики [2]).

Оцѣнивая такое „фактическое" вліяніе судебныхъ прецедентовъ на практику и тщательно анализируя отдѣльные элементы этого вліянія, иногда приходятъ къ выводу, что въ прецедентахъ заключается источникъ внѣшне-обязательныхъ нормъ, источникъ права въ техническомъ смыслѣ этого слова. Такая точка зрѣнія раздѣляется довольно многими писателями, но съ различными оттѣнками и модификаціями,—въ зависимости отъ того, какъ каждый изъ нихъ понимаетъ значеніе источника права и какъ оцѣниваетъ силу судебныхъ рѣшеній. Одни (наиболѣе многочисленная группа ученыхъ) считаютъ источникомъ права только твердо установившуюся и постоянную практику судовъ (usus fori, Gerichtsgebrauch, jurisprudence des arrêts) [3]). Другіе склонны признавать источникомъ права и

---

[1]) Geny, указ. соч. стр. 403, 405, 409, 435, Knitschky, Gewohnheitsrecht und Gerichtsgebrauch, 1898 (Archiv für öffentliches Recht, B. XIII, S. 245). Ср. Регельсбергеръ, указ. соч. стр. 86.

[2]) Glaser, Handbuch des Strafprozesses, 1883, B. I, S. 323—324 и Ueber das Verhältniss von Theorie und Praxis im Strafrecht, 1868 (gesammelte kleine Schriften, B. I, S. 69).

[3]) Ср. нѣкоторые афоризмы Бэкона—Bacon, Tractatus de dignitate et augmentis scientiarum, 1694 (opera omnia, v. I, p. 519—549). Изъ болѣе новыхъ работъ назовемъ: Mühlenbruch, Lehrbuch des Pandektenrechts, 1835, § 40. Savigny, System des heutigen römischen Rechts, 1840, B. I, S. 83—100, 173—174, 192, 208—209, Göschen, Vorlesungen über das Civilrecht, 1843, B. I, § 27, S. 97—99, Thibaut, System des Pandekten-Rechts, 1846, B. I, S. 14—15, Dernburg, Pandekten, 1884, B. I, S. 51, 62—65, 82, Баронъ, Система римскаго гражданскаго права, 1888, в. I, стр. 18—20, Gierke, Deutsches Privatrecht, 1895. B. I, S, 125—182, Регельсбергеръ, Общее ученіе о правѣ, 1897, стр. 42 и сл., 83—87, Bierling, Juristische Prinzipienlehre, 1898, B. II, S. 298—312, 330, 333—335, 339—340, Knitschky, Gewohnheitsrecht und Gerichtsgebrauch, 1898 (Archiv für öffentliches Recht, B. XIII, S. 239—252), Windscheid, Lehrbuch des Pandektenrechts, 1900, B. I, S. 73—74, Merkel, Juristische Encyclopedie, 1900, S. 53—55, 127—129, Eschbach, Introduction générale à l'etude du droit, 1856, p. 36—41.

отдѣльныя судебныя рѣшенія—всякихъ судовъ вообще или только одной высшей инстанціи [1]). Каждое изъ этихъ воззрѣ-

---

[1]) Въ этой послѣдней группѣ писателей первую точку зрѣнія развиваетъ Тёль, представителемъ второй является Мауренбрехеръ.

Тёль разсуждаетъ такъ.

Практика, т. е. примѣненіе юридической нормы въ судебномъ рѣшеніи, иногда имѣетъ значеніе, какъ доказательство существованія права обычнаго. Но кромѣ того практика можетъ быть и самостоятельнымъ источникомъ права. Отдѣльное судебное рѣшеніе получаетъ силу общей нормы благодаря правилу обычнаго права нѣмцевъ выраженному въ извѣстномъ афоризмѣ: то, что является правомъ для однихъ; справедливо и для другихъ. Это правило имѣетъ двоякое приложеніе: а) Во-первыхъ, оно примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда судья рѣшаетъ дѣло по своему усмотрѣнію, основываясь на соображеніяхъ справедливости. Но субъективныя воззрѣнія судьи всегда вносятъ извѣстный элементъ произвола въ оцѣнку того, что̀ справедливо и что̀ несправедливо, а потому въ этихъ случаяхъ самый приговоръ былъ бы вполнѣ произвольнымъ и слѣдовательно юридически немыслимымъ, если бы положенія его не переносились на другіе однородные случаи по правилу: то, что справедливо для однихъ, справедливо и для другихъ, т. е. то, что признано справедливымъ правомъ для однихъ, должно быть признано такимъ же и для другихъ. б) Во-вторыхъ, независимо отъ содержанія приговора судьи, означенное правило предполагаетъ, что юридическая норма, примѣненная уже въ одномъ судебномъ рѣшеніи, не можетъ быть отвергнута въ другихъ тождественныхъ случаяхъ. Эта норма имѣетъ силу не потому, что признается единственно справедливой и вѣрной, а потому, что такое значеніе придается внѣшнему однообразію права, не подлежащему перемѣнѣ безъ серьезныхъ соображеній. в) Оба вида нормъ (и тѣ, которыя опираются на внутреннюю справедливость содержанія, и тѣ, которыя вызываются потребностью внѣшняго однообразія отношеній) образуютъ право, порождаемое ихъ примѣненіемъ—единичнымъ или многократно повторяемымъ. Но во всякомъ случаѣ судья можетъ и даже долженъ отступать отъ прежняго своего рѣшенія, если оно оказывается неправильнымъ и несправедливымъ, потому что прецедентъ, противорѣчащій праву, не создаетъ никакой юридической нормы (Thöl, Einleitung in das deutsche Privatrecht, 1851, § 54, Das Handelsrecht, 1847, B. I, S. 30 ff. и Trattato di diritto commerciale, 1881, v. I, p. 36—54. У насъ подъ руками былъ только итальянскій переводъ книги Тёля).

Старѣйшій и, повидимому, единственный представитель теоріи безусловной обязательности рѣшеній всякаго высшаго суда, Мауренбрехеръ, своей точки зрѣнія не мотивируетъ, а ограничивается рядомъ афоризмовъ.

Право юристовъ, говоритъ онъ, основывается на дѣятельности двоякаго рода, теоретической (теорія) и практической (практика). Практикой называется дѣятельность судебная (Gerichtsgebrauch), которая проявляется въ рѣшеніяхъ судовъ (приговоры, прецеденты): не существуетъ никакой практики безъ рѣшеній (ohne Judicate). Впрочемъ не всякій судъ дастъ практику, имѣющую нормирующее значеніе (eine normirende Praxis). За то всякій приговоръ суда высшей инстанціи долженъ разсматриваться какъ источникъ права. И это въ особенности слѣдуетъ

ній у отдѣльныхъ авторовъ представляетъ свои частныя особенности и получаетъ иногда совершенно своеобразную конструкцію.

Не останавливаясь на обозрѣніи личныхъ взглядовъ тѣхъ или другихъ менѣе значительныхъ или оригинальныхъ авторовъ, отмѣтимъ двѣ теоріи, возлѣ которыхъ группируются всѣ остальныя, нынѣ существующія. Одна связана съ именемъ Пухты—она разсматриваетъ юридическую силу прецедентовъ, какъ нѣчто производное, не вытекающее изъ существа судебнаго рѣшенія, а опирающееся на посторонніе ему правотворящіе факторы; другая принадлежитъ Шталю и признаетъ за прецедентами вполнѣ самостоятельное юридическое значеніе.

Первая теорія разработана на страницахъ „Обычнаго права" [1]). Она заключается въ слѣдующемъ.

сказать о высшихъ судахъ государства, хотя въ извѣстной мѣрѣ такое же значеніе принадлежитъ также приговорамъ высшихъ судовъ отдѣльныхъ земель нѣмецкихъ (Maurenbrecher, Lehrbuch des gemeinen deutschen Rechts, 1832, B. I, S. 11—25).

Взглядъ Мауренбрехера и другихъ ученыхъ видоизмѣняется или въ томъ смыслѣ, что обязательной признается только установившаяся практика всякой высшей инстанціи (Thibaut, указ. соч. стр. 15, Göschen, указ. соч. стр. 99), или въ томъ смыслѣ, что за рѣшеніями только одного верховнаго суда признается безусловно обязательная сила.

Какъ извѣстно, послѣдней точки зрѣнія придерживается и нашъ Сенатъ въ отношеніи къ силѣ собственныхъ рѣшеній. А съ этимъ согласенъ и нашъ извѣстный государствовѣдъ, проф. А. В. Романовичъ-Славатинскій. Приведя 69 ст. основныхъ законовъ, онъ замѣчаетъ: „Это значеніе судебныхъ рѣшеній по нашимъ основнымъ законамъ видоизмѣняется новыми Судебными Уставами относительно кассаціонныхъ рѣшеній Сената, пріобрѣтающихъ значеніе обязательнаго прецедента. На основаніи Судебныхъ Уставовъ, кассаціонныя рѣшенія Сената печатаются во всеобщее свѣдѣніе для *руководства* къ единообразному исполненію—примѣненію закона. Въ силу этого они пріобрѣтаютъ безусловно обязательную силу для всѣхъ судовъ Имперіи". Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права, 1886, ч. I, стр. 235. Къ такому же выводу приходитъ и г. Валерштейнъ въ своихъ замѣчаніяхъ на статью г. фонъ-Резона „О силѣ кассаціонныхъ рѣшеній" (см. Судебный Вѣстникъ, 1873 г., № 208), а также и г. Есиповичъ О толкованіи законовъ, 1894 г. (Жур. Мин. Юст. № 2, стр. 108—119).

[1]) Puchta, Das Gewohnheitsrecht, 1828, B. I, S. 161—167; 1837, B. II, S. 14—21, 105—114, 254—263.

Отдѣльное судебное рѣшеніе и даже установившаяся практика судовъ (Gerichtsgebrauch) не имѣютъ и не должны имѣть общеобязательнаго значенія, если онѣ не являются только внѣшней формой того, что̀ называется правомъ практики (das Recht der Praxis). Право практики—не самостоятельный источникъ права; это только проявленіе или права юристовъ (Juristenrecht), или права обычнаго (Gewonheitsrecht), или судебной автономіи (Observanz). Судебная практика прежде всего является важнымъ средствомъ распознаванія права юристовъ. Мнѣніе юриста становится правомъ тогда, когда оно научно обосновано, т. е. истинно. Для этого оно должно не только опираться на свою внутреннюю основательность, но и быть въ соотвѣтствіи съ духомъ народа. Но какъ же опредѣлить эту послѣднюю, матеріальную сторону того или иного взгляда, той или иной теоріи? Пособіемъ для этого служитъ наблюденіе, устанавливающее, что взглядъ этотъ или теорія дѣйствительно пріобрѣли силу частью въ убѣжденіи юристовъ, частью въ примѣненіи на судѣ. Въ этомъ именно смыслѣ и слѣдуетъ признавать авторитетъ юристовъ и прецедентовъ, которые, не являясь источниками права, служатъ только средствомъ его распознаванія (nicht Rechtsquellen, sondern Erkenntnissquellen). Поэтому право юристовъ называется иногда правомъ практики. Но существуетъ еще другой видъ практики. Въ судебномъ примѣненіи встрѣчаются положенія, которыя не опираются на законъ, но и не основываются на соображеніяхъ внутренней силы, представляя по своей природѣ нѣчто внѣшнее и произвольное. Мѣсто подписи свидѣтеля на завѣщаніи, скрѣпа завѣщанія печатью свидѣтеля и т. п.,—все это не опредѣляется внутренними причинами, не вытекаетъ изъ научныхъ соображеній, а потому и не является правомъ юристовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Подобная практика опирается на внѣшній авторитетъ; она имѣетъ силу не своей истинностью или убѣдительностью, а своимъ примѣненіемъ, въ которомъ выражаются извѣстныя воззрѣнія юристовъ, какъ свѣдущихъ въ правѣ представителей не науки, а цѣлаго народа. Въ этомъ видѣ судебная практика является только одной изъ формъ

обычнаго права и потому имѣетъ присущую ему силу и значеніе. Особенно важна судебная практика въ сферѣ уголовнаго права, такъ какъ уголовно-обычное право по природѣ своей мыслимо только въ формѣ судебнаго его осуществленія: народное убѣжденіе находитъ здѣсь свое выраженіе только въ судахъ и въ судебной практикѣ. Наконецъ, судебная практика (особенно практика высшихъ судовъ) можетъ устанавливать извѣстныя формы, формальныя правила дѣлопроизводства и внутренняго распорядка—то, что обозначается словами stylus curiae. Такъ какъ установленіе такихъ правилъ входитъ въ область автономной дѣятельности судовъ, то и практика—иногда даже въ видѣ единичнаго судебнаго рѣшенія—получаетъ здѣсь значеніе источника права. Такимъ образомъ судебный прецедентъ (чаще всего въ видѣ установившейся судебной практики) пріобрѣтаетъ юридически-обязательное значеніе только въ трехъ случаяхъ: а) когда въ немъ выражается право юристовъ, б) когда онъ служитъ проявленіемъ обычая, в) когда онъ закрѣпляетъ ту или другую норму судебной автономіи.

Изъ другихъ положеній исходитъ теорія Шталя, которая въ лицѣ римскихъ юристовъ имѣетъ своихъ отдаленныхъ предшественниковъ.

Еще римскій юристъ Каллистратъ нѣкогда сказалъ: „nam imperator noster Severus rescripsit in ambiguitatibus, quae ex legibus proficiscuntur, consuetudinem aut rerum perpetuo similiter judicatarum auctoritatem vim legis optinere debere“ (l. 38 D. de legibus 1, 3),—признавая тѣмъ самымъ силу закона за сложившейся практикой судовъ.

Теорія Шталя разработана въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія на страницахъ извѣстной „Философіи права“ [1]).

По мнѣнію Шталя, элементами правообразованія являются народное сознаніе (Volksbewusstsein), воля власти (obrigkeitliche Absicht) и наука права (Rechtswissenschaft). Источниками же права въ техническомъ смыслѣ слѣдуетъ признать обычай (Gewohnheit), законодательство (Gesetzgebung) и судебную прак-

---

[1]) Stahl, Die Philosophie des Rechts, 1854, B. II, S. 233—260.

тику (Gerichtsgebrauch). Невѣрно называть науку права источникомъ права. Наука права имѣетъ задачей дать полное и систематическое пониманіе права въ цѣляхъ его примѣненія—безразлично, создаетъ ли она правило только для будущаго (теорія), или получаетъ ихъ при разрѣшеніи частныхъ случаевъ (практика). Она раскрываетъ и развиваетъ содержаніе права и такимъ образомъ является продуктивной, дѣйствуетъ, какъ элементъ правообразованія не менѣе плодотворный, чѣмъ законъ или обычай, но все-же не первоначальный и самостоятельный, подобно имъ, а всегда опирающійся на существующія уже нормы права. Результаты, добытые наукой права, получаютъ жизненное значеніе или посредственно, черезъ обычай и законодательство, опредѣляя воззрѣнія народа и законодателя, или непосредственно, черезъ практику судовъ (Gerichtsgebrauch), т. е. черезъ однообразное примѣненіе какой-нибудь нормы судами. Такимъ образомъ судебная практика является органомъ науки права, т. е. средствомъ фиксированія ея положеній или выводовъ подобно тому, какъ обычай является органомъ народнаго сознанія, а законъ—органомъ правящей воли (obrigkeitliche Wille). Какъ постоянное соблюденіе нормы, соединенное съ сознаніемъ ея обязательности, судебная практика можетъ быть названа обычаемъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Но она имѣетъ черты, отличающія ее отъ обычая: обычай основывается на общенародномъ сознаніи, судебная практика—на выводахъ науки (der Gerichtsgebrauch ist Ausfluss eines rechtswissenschaftlichen Urtheils). И вотъ потому именно, что такіе выводы всегда опираются на существующее уже право, они допускаютъ провѣрку, которой и опредѣляется самая сила судебной практики. Судебная практика получаетъ безусловно обязательную силу (unbedingt bindende Kraft) только тогда, когда она отдѣляется отъ той юридической операціи, на которой она основывается, и забываетъ о ней, такъ что повторное примѣненіе установившагося на практикѣ взгляда пріобрѣтаетъ вполнѣ самостоятельное значеніе и не допускаетъ уже никакой провѣрки. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи судебная практика существенно отличается отъ обычая, ко-

торый всегда имѣетъ безусловную силу по той причинѣ, что народное сознаніе, котораго органомъ онъ является, представляетъ изъ себя непосредственный элементъ правообразованія, не подлежащій никакой дальнѣйшей провѣркѣ. Дѣйствіе судебной практики находитъ подкрѣпленіе въ томъ требованіи постоянства, которое предъявляется ко всякому суду какъ ради устойчивости права, такъ и въ виду достоинства правосудія. Вслѣдствіе этого судебная практика пріобрѣтаетъ извѣстную степень силы уже тогда, когда она еще только создается; обычай же, напротивъ, не имѣетъ никакой силы, пока вполнѣ не сложится и не опредѣлится. Такимъ образомъ, отличаясь отъ обычая какъ по органамъ, такъ и по условіямъ своего возникновенія, судебная практика въ ряду источниковъ права занимаетъ вполнѣ самостоятельное положеніе.

VII.

Выясняя различныя стороны вліянія судебныхъ прецедентовъ, указанныя теоріи не даютъ однакоже полнаго объясненія тому явленію, которое наблюдается въ дѣйствительности.

Прежде всего ясно, что придавать судебному прецеденту только то значеніе, какое вытекаетъ изъ его логической убѣдительности, и низводить его на уровень простаго теоретическаго положенія,—не оправдывается ролью, которая принадлежитъ всякому приговору суда. Положеніе (тезисъ) теоріи есть теорія и только теорія; положеніе (тезисъ) прецедента есть теорія уже осуществленная, теорія, не только высказанная судомъ, но и утвержденная исполненіемъ приговора. Несомнѣнно, что эта черта сообщаетъ прецеденту силу не только логическую, но и нравственную: ибо какимъ судомъ однихъ судите, такимъ судите и другихъ, и какою мѣрою однихъ мѣрите, такою мѣрьте и другихъ.

Но и нравственная точка зрѣнія сама по себѣ не охватываетъ всѣхъ сторонъ явленія. Конечно, судебная дѣятельность проникнута нравственными началами. Уже древнѣйшіе памят-

ники законодательства народовъ Востока и Запада (напр., законы Ману, Литовскій Статутъ и пр.) рисуютъ высокій идеалъ судьи, какъ земнаго представителя небесной, божественной справедливости. И въ современной жизни многіе моменты судебной дѣятельности имѣютъ высокое не только юридическое, но и этическое значеніе. Однакоже не слѣдуетъ при юридическомъ изученіи институтовъ процесса сосредоточивать все вниманіе на ихъ этической сторонѣ, хотя и небезполезно помнить, что нормы права часто черпаютъ свою силу въ требованіяхъ нравственности и пріобрѣтаютъ тѣмъ большую устойчивость, чѣмъ полнѣе совпаденіе ихъ съ такими требованіями. Поэтому, если разсмотрѣніе юридической природы судебнаго рѣшенія приводитъ къ заключенію о присущей ему силѣ общеобязательной нормы, то это заключеніе, согласное съ требованіями этики, пріобрѣтаетъ, такъ сказать, удвоенный авторитетъ. Напротивъ, если юридическая природа судебнаго рѣшенія ограничиваетъ его силу только предѣлами даннаго дѣла, то это противорѣчитъ нравственнымъ началамъ процесса и потому въ самомъ себѣ, въ своей сущности содержитъ уже элементы собственнаго разложенія.

Во всякомъ случаѣ нравственная обязательность представляетъ изъ себя нѣчто вполнѣ и исключительно субъективное, потому что нормы этики и вообще имѣютъ только субъективное значеніе, соотвѣтствующее убѣжденіямъ и уровню нравственнаго развитія того, кто дѣйствуетъ. Если нравственное требованіе получаетъ внѣшнюю, объективную принудительность, то это зависитъ и отъ внѣшнихъ же причинъ: въ такихъ случаяхъ нравственная норма давитъ не силою своего внутренняго авторитета, а въ виду или религіозной санкціи, или общественнаго мнѣнія, или существующихъ нравовъ, или требованій права.

Итакъ неоспоримый фактъ силы прецедентовъ не разъясняется вполнѣ ссылками на требованія этики. Кромѣ нравственнаго и вполнѣ субъективнаго значенія каждому прецеденту принадлежитъ еще нѣкоторый плюсъ внѣшняго авторитета, нѣчто внѣшне связывающее, внѣшне принудительное. Сказавши, что это „нѣчто“ и есть своеобразная сила фак-

тической или практической принудительности, мы въ сущности только отмѣчаемъ явленіе, не углубляясь въ разъясненіе его природы. А между тѣмъ въ этомъ собственно и заключается весь вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію.

Имѣетъ ли сила судебнаго рѣшенія, какъ прецедента, какое-нибудь юридическое значеніе? И если имѣетъ, то какое именно?

Какъ видимъ, вліяніе судебнаго прецедента сводится къ тому, что разъ установленная судомъ норма въ одномъ и томъ же смыслѣ примѣняется и при послѣдующемъ разрѣшеніи дѣлъ. Иными словами, въ этомъ явленіи обнаруживаются три частныхъ факта:

а) юридическая норма не измѣняется, приспособляясь къ особенностямъ отдѣльныхъ случаевъ,

б) судебное рѣшеніе даетъ спеціальное правило примѣненія юридической нормы,

в) судъ подчиняется этому правилу при разсмотрѣніи вновь возникающихъ однородныхъ дѣлъ.

Всѣ три положенія опираются на основные элементы юридической природы нормы права и обусловливаются юридическимъ содержаніемъ всякаго судебнаго рѣшенія.

Норма права есть прежде всего общее правило, дѣйствующее неизмѣнно въ теченіе опредѣленнаго времени и на извѣстномъ пространствѣ. Какъ общее правило, она обнимаетъ всѣ однородные случаи, соотвѣтствующіе данному типу отношеній. Это не значитъ, конечно, что одинъ случай является во всѣхъ частностяхъ точной копіей другаго. Однородными являются только тѣ типическіе признаки, которыми характеризуется юридическій составъ правила, установленнаго нормой. Всѣ случаи, обладающіе такими признаками, объемлются нормой. Напротивъ, измѣненіе хотя бы одного существеннаго признака исключаетъ примѣненіе нормы и вводитъ случай въ разрядъ иныхъ отношеній, подчиненныхъ дѣйствію иныхъ нормъ. Норма не измѣняется, приспособляясь къ особенностямъ и модификаціямъ частныхъ случаевъ, а просто замѣняется другой нормой, тождественной или даже и совершенно новой. Допустить возможность измѣненія нормы

въ виду ея приспособленія къ отдѣльнымъ случаямъ—это значитъ уничтожить самую норму, создавши вмѣсто одного общаго правила безчисленное множество частныхъ положеній, пригодныхъ только для единичнаго ихъ примѣненія. При этомъ мотивы измѣненія нормы вполнѣ безразличны; будетъ ли это преступное пристрастіе судьи или его благороднѣйшее стремленіе дать наилучшее рѣшеніе для отдѣльнаго случая,—все равно норма нарушается и разрушается, будучи видоизмѣняема при примѣненіи. Поэтому и въ законодательствахъ требованіе о неизмѣнности разъ установленной нормы права возводится въ твердое и опредѣленное положеніе, предписывающее практикѣ судовъ быть устойчивой и единообразной. Положеніе это не только имѣетъ значеніе общаго юридическаго правила, но и служитъ основаніемъ для возникновенія цѣлаго ряда юридическихъ институтовъ, обезпечивающихъ такое единство и такую устойчивость (кассаціонный судъ). Legis tantum interest ut certa sit, ut absque hoc nec justa esse possit!

Неизмѣнность общей нормы обозначаетъ, что одно правило можетъ имѣть только одинъ же общій смыслъ. Можно спорить при теоретическомъ розысканіи и установленіи этого смысла. Но, разъ этотъ смыслъ установленъ въ рѣшеніи суда, онъ становится несомнѣннымъ. Таковъ по крайней мѣрѣ основной принципъ правосудія. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое судебный приговоръ по своему содержанію и по идеѣ? Не является ли онъ только частнымъ случаемъ примѣненія нормы? Не служитъ ли онъ только конкретнымъ примѣромъ признанія права? Никто не скажетъ, что судъ постановляетъ приговоръ, руководствуясь не правомъ, а собственнымъ произволомъ. И даже фактическія несовершенства въ дѣятельности суда не даютъ основанія видѣть въ судебномъ приговорѣ *или* актъ примѣненія права, *или* актъ примѣненія не-права. Самая идея судебнаго приговора не допускаетъ такой альтернативы. Правосудіе есть *правосудіе*, и потому фактическіе недочеты суда никогда не имѣютъ и не могутъ имѣть принципіальнаго значенія. Они вліяютъ, какъ фактъ, съ которымъ приходится неизбѣжно считаться при построеніи любаго института про-

цесса и который—мы это сейчасъ увидимъ—оказываетъ свое дѣйствіе на силу прецедентовъ. Но самое существо судебной дѣятельности и идея суда никогда не опредѣляются такими отрицательными признаками, и ни одного камня въ величественномъ зданіи храма Ѳемиды не положить правильно тому, кто въ такихъ случайныхъ отклоненіяхъ усматриваетъ непреложное существо правосудія. Въ принципѣ признается, что судъ надѣленъ всѣми необходимыми познаніями (jura novit curia) и всѣми средствами для установленія правильнаго приговора. Лучше суда и внѣ суда никто этого достигнуть не можетъ. Лучше судебнаго рѣшенія и внѣ судебнаго рѣшенія ничто не можетъ внести спокойствія и устойчивости въ жизнь общества, волнуемую постоянными актами неправа и неправды. Судъ есть спеціальный органъ установленія права, судебное рѣшеніе—спеціальный актъ его признанія. Въ этомъ актѣ выражается юридическое мнѣніе или убѣжденіе суда какъ въ томъ, что данные факты имѣютъ такую-то юридическую квалификацію, такъ и въ томъ, что данная норма охватываетъ такіе-то признаки или элементы состава дѣйствій, событій или отношеній, ею опредѣляемыхъ. Въ своемъ приговорѣ судъ указываетъ не только права и обязанности сторонъ процесса, но и авторитетно заявляетъ, гдѣ право и гдѣ не-право, что̀ такое законъ, въ чемъ его требованія и гдѣ его нарушенія.

Такое заявленіе суда, облеченное въ форму судебнаго приговора и освященное его исполненіемъ, связываетъ судью. При всякомъ новомъ разсмотрѣніи вопроса, уже однажды разрѣшеннаго, судья не можетъ, устанавливая право, дѣйствовать съ той свободой, съ какой онъ дѣйствовалъ въ первый разъ. Самый фактъ существованія перваго рѣшенія измѣняетъ существенно его отношеніе къ дѣлу, вновь возникшему, потому что судья дѣйствуетъ не какъ частное лицо, но, какъ органъ государства, высказываетъ не свое личное мнѣніе, но безличный приговоръ суда, который всегда остается однимъ и тѣмъ же, какъ бы ни мѣнялся его личный составъ. Но по идеѣ судъ самъ себѣ противорѣчить не можетъ и не долженъ. Допустить въ принципѣ такое противорѣчіе—это

значитъ признать или то, что каждая норма можетъ измѣняться по волѣ суда, или то, что каждый приговоръ можетъ и не быть осуществленіемъ права. Очевидно, что ни первое, ни второе положеніе не можетъ имѣть руководящаго значенія для правосудія, не можетъ быть тѣмъ основаніемъ, на какомъ зиждутся институты процесса. Очевидно, что тотъ составъ преступленія, который названъ грабежомъ въ одномъ приговорѣ, не можетъ считаться разбоемъ въ другомъ; и одни и тѣ же факты, квалифицированные кражей въ одномъ случаѣ, не становятся присвоеніемъ только отъ того, что дѣло разсматривается инымъ судомъ или въ другое время. Словомъ, судъ не можетъ въ одинаковыхъ дѣйствіяхъ одинъ разъ усматривать преступленіе, заслуживающее кары, а другой разъ—поступокъ, не предусмотрѣнный уголовными законами или даже и вполнѣ безразличный. Этого не допускаетъ не только этическая или логическая, но и юридическая послѣдовательность. Взглядъ суда на право, принципъ правосудія, установленный въ одномъ случаѣ, долженъ быть также признаваемъ и для другихъ случаевъ. Иначе будетъ противорѣчіе, которое въ каждомъ приговорѣ заставитъ видѣть не истину, а ложь, не право, а произволъ. Но если юридическій приговоръ суда мыслимъ только какъ актъ примѣненія права и только права, то ясно, что за рѣшеніемъ должно признать, съ одной стороны, силу закона по данному дѣлу и, съ другой стороны, силу прецедента для другихъ дѣлъ. Judicia enim anchorae legum sunt, ut leges reipublicae!

Такимъ образомъ приговоръ суда имѣетъ извѣстное юридическое значеніе не только спеціальное (res judicata), но и общее (res praejudicata), и всякій судъ юридически обязанъ считаться съ прежними рѣшеніями и толкованіями права. А такъ какъ эти рѣшенія и толкованія не повторяютъ только букву закона и не являются результатомъ только механической дѣятельности судовъ, то и оказывается, что при посредствѣ судебной практики въ жизнь общества вводятся правила, которыя получаютъ общее значеніе, отливаются въ своеобразную и по внѣшности точно различаемую форму прецедентовъ и имѣютъ внѣшнюю силу юридической прину-

дительности. Такое явленіе есть *явленіе правообразованія*, а самая форма, въ которую облекаются и которой закрѣпляются такъ возникающія нормы, носитъ техническое названіе *источника права*. Съ помощью прецедентовъ образуются юридическія нормы, а судебная практика ихъ фиксируетъ и потому является, въ подлинномъ и истинномъ смыслѣ этихъ словъ, источникомъ права (Rechtsquelle, source du droit).

Отсюда никоимъ образомъ нельзя и не слѣдуетъ дѣлать преувеличеннаго вывода о безусловно-связующей силѣ всякаго прецедента, такъ какъ судебная практика есть не единичное рѣшеніе, а совокупность приговоровъ, выражающихъ извѣстный взглядъ суда, отдѣльный же приговоръ или прецедентъ, какъ составной элементъ судебной практики, хотя и обладаетъ юридической силой, хотя и имѣетъ значеніе нормы, но эта сила и это значеніе не всегда достаточно опредѣленны и часто весьма условны. Конечно, если бы имѣть въ виду ту лишь идеальную или прицыпіальную сторону судебной дѣятельности, о которой мы только-что говорили, то за приговоромъ суда пришлось бы признать во всѣхъ отношеніяхъ безусловное значеніе. Но всѣ институты процесса должны считаться съ фактическими условіями дѣятельности суда и съ реальными несовершенствами правосудія, которое отправляется не небеснымъ представителемъ божественной справедливости, а обыкновеннымъ смертнымъ судьею. Вотъ, почему обязательное значеніе судебнаго рѣшенія—и какъ сепаратнаго закона, и какъ прецедента—условно настолько, насколько условна и самая правильность или истинность его. Силу закона получаетъ рѣшеніе не тотчасъ послѣ постановленія его судомъ (процессуальные сроки); эта сила сообщается далеко не всякому рѣшенію суда (возможность обжалованія приговора и отмѣны его въ высшей инстанціи), а вступившій въ законную силу приговоръ сохраняетъ ее только при извѣстныхъ условіяхъ (отмѣна приговора въ порядкѣ возобновленія дѣла, или по давности неисполненія судебнаго рѣшенія, или въ виду помилованія осужденнаго). Подобно этому обязательность прецедента принадлежитъ не всякому прежнему рѣшенію суда, и степень ея зависитъ отъ

многихъ условій. Да и самая судебная практика, въ качествѣ источника права, допускаетъ различныя степени опредѣленности и обязательности (примѣръ—Англія). Поэтому, называя судебную практику источникомъ права, не слѣдуетъ упускать изъ виду извѣстныхъ свойствъ и особенностей юридическихъ нормъ разнаго типа.

Во-первыхъ, каждый источникъ права закрѣпляетъ (фиксируетъ) нормы, степень принудительности которыхъ далеко не одинакова. Рядомъ съ нормами, имѣющими безусловно обязательную силу велѣній авторитетной воли, отъ требованій которой невозможно никакое уклоненіе, встрѣчаются нормы съ характеромъ или условнымъ, или альтернативнымъ, или дозволительнымъ; рядомъ съ велѣніями, отлившимися въ форму такъ называемыхъ leges perfectae или leges plus quam perfectae, имѣются и leges imperfectae, юридическаго значенія которыхъ никто не отрицаетъ только потому, что въ правѣ не существуетъ силы, которая бы могла санкціонировать ихъ исполненіе (таковы всѣ нормы, опредѣляющія обязанности верховной власти). Поэтому безусловная принудительность или обязательность нормы отнюдь не входятъ въ число существенныхъ признаковъ ея юридическаго значенія. Юридическими могутъ быть и нормы небезусловно обязательныя.

Во-вторыхъ, каждый источникъ права имѣетъ свою особую природу, свои особыя условія возникновенія, развитія и прекращенія. Законъ *создается* и *отмѣняется* въ одномъ порядкѣ; обычай *возникаетъ* и *вымираетъ*—въ другомъ; судебная практика *слагается* и *измѣняется*—въ третьемъ. Законъ смѣняется закономъ, обычай—обычаемъ, прецедентъ—прецедентомъ. Сверхъ того каждый источникъ права оказываетъ давленіе и вліяніе на смежныя области иныхъ источниковъ, потому что соціальныя силы, творящія право (правотворящіе элементы или факторы въ матеріальномъ смыслѣ), однѣ и тѣ же для всякихъ нормъ, въ какую бы форму эти послѣднія ни отливались, какимъ бы источникомъ права онѣ ни фиксировались. Отсюда—въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ историческихъ условій—возможность оправданія закона обы-

чаемъ или обычая закономъ [1]), возможность отмѣны закона въ судебной практикѣ или въ обычаѣ, возможность уничтоженія закономъ возникшаго обычая или прецедента. Словомъ сказать, каждый источникъ права въ своихъ дѣйствіяхъ укрѣпляется, контролируется и ограничивается дѣйствіями другихъ источниковъ. Это явленіе общее и постоянное, хотя многообразно измѣняющееся въ зависимости отъ спеціальныхъ условій эпохи.

Въ-третьихъ, наконецъ, и самая опредѣленность нормъ, отлившихся въ ту или другую форму, допускаетъ разные оттѣнки и степени: между кристаллизованной формой установившагося обычая или отлично редактированнаго закона, съ одной стороны, и неясными очертаніями только-что созданнаго и еще не вполнѣ закрѣпленнаго правоположенія—съ другой, существуетъ безконечный рядъ нормъ, степень опредѣленности которыхъ можетъ быть весьма и весьма различной. Эпохи, предшествовавшія первымъ попыткамъ законодательной кодификаціи права (напр., передъ изданіемъ Судебниковъ или передъ изданіемъ Литовскаго Статута), вездѣ характеризовались хаотическимъ состояніемъ обычаевъ, при которомъ и самое право становилось трудно распознаваемымъ; напротивъ, въ другія времена (какъ у насъ въ XVIII столѣтіи) крайнее несовершенство законодательнаго аппарата приводило къ созданію и законовъ несовершенныхъ—неясныхъ, неточныхъ, противорѣчивыхъ, необдуманныхъ и въ своей необдуманности крайне многочисленныхъ, такъ что подъ-часъ трудно было сказать даже, гдѣ же тотъ законъ, который нормируетъ данный случай, и какое собственно имѣетъ онъ

[1]) Теперь, при преобладающемъ значеніи законодательства, часто замѣчаютъ, что въ той или иной области народной жизни обычай дѣйствуетъ только въ тѣхъ предѣлахъ, какіе для этого установлены закономъ (ст. 129 и 130 уст. гражд. суд. и объясненія къ этимъ статьямъ въ Судебныхъ Уставахъ изд. Госуд. Канц. 1867 г., т. I, стр. 68—73). Напротивъ, въ прежнія времена самъ законодатель считалъ необходимымъ оправдывать свои постановленія ссылками на обычай, которому принадлежало главное значеніе („мы старины не рушаемъ, а новины не вводимъ, хочемъ все по тому мѣти, какъ будетъ было“, говорилъ часто законодатель, вводя какія-нибудь новыя правила).

значеніе (въ виду противорѣчій) или содержаніе (въ виду неясности). Несмотря на то, и въ эти смутныя времена обычай оставался обычаемъ, законъ—закономъ, хотя и несовершеннымъ, необразцовымъ по своей формѣ.

Вотъ, почему, признавая судебную практику источникомъ права, мы этимъ еще не опредѣляемъ въ точности ни степени ея обязательности, ни степени ея неподвижности, ни степени ея опредѣленности. Крайніе предѣлы возможныхъ колебаній, при которыхъ утрачивается и самое представленіе о правѣ, все-же довольно далеко отстоятъ другъ отъ друга; между этими предѣлами возможны свои модификаціи, которыя не уничтожаютъ за практикой силы источника права, но придаютъ ей различную внѣшнюю форму. Судебная практика является источникомъ права въ Англіи; но, разумѣется, источникомъ права является и практика судовъ Европы, хотя формы дѣйствія англійской судебной практики однѣ, континентальной—другія.

Трудность теоретическаго опредѣленія формъ дѣйствія судебной практики (теорія прецедентовъ) зависитъ отъ двухъ равно важныхъ, хотя и противоположныхъ положеній. Съ одной стороны, каждый судъ признается равноправнымъ съ другими судами органомъ правосудія, который въ примѣненіи права руководствуется собственнымъ убѣжденіемъ, а потому никакія указанія другихъ судовъ для него не могутъ имѣть обязательной силы, и по сравненію со своими предшественниками, оставившими въ наслѣдство несмѣтную массу прецедентовъ, новый судья не имѣетъ повода восклицать, перефразируя слова поэта: „Weh mir, dass ich ein Enkel bin"! Съ другой стороны, какъ органъ справедливости, какъ представитель законности, какъ охранитель устойчивости правового порядка, всякій судъ не долженъ дѣйствовать произвольно, толкуя одни и тѣ же законы въ разныхъ смыслахъ и давая имъ разнообразное примѣненіе. Оба эти требованія равно законны, каждое соединяется со своими, ему только присущими выгодами и достоинствами, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно не можетъ получить безграничнаго признанія. Поэтому въ теоріи, при оцѣнкѣ силы прецедентовъ, необходимо согла-

ситься, что истина лежитъ посрединѣ: равно невѣрно и полное отрицаніе какого бы то ни было юридическаго значенія за практикой судовъ, и полное подчиненіе судейскаго убѣжденія взглядамъ, прежде высказаннымъ въ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ.

Свобода судейскаго убѣжденія—это есть свобода изслѣдованія, свобода мысли, свобода критики, та свобода, которая предотвращаетъ рутину и застой, которая изъ отправленія правосудія дѣлаетъ живой актъ справедливости, а не мертвое нагроможденіе приказнаго крючкотворства. Ей мы обязаны расширеніемъ кругозора въ пониманіи и примѣненіи законовъ, ей принадлежитъ заслуга уясненія истиннаго смысла и глубокаго содержанія многихъ положеній права и юридическихъ институтовъ. Она есть факторъ прогресса и раціональнаго развитія права въ предѣлахъ закона и собственныхъ законныхъ полномочій.

Однакоже свобода убѣжденія судьи представляетъ и свои опасности.

Прежде всего, конечно, всякій въ правѣ самостоятельно изслѣдовать и толковать смыслъ закона; однакоже судья неопытный лучше сдѣлаетъ, послѣдовавъ примѣру своихъ болѣе опытныхъ товарищей. Дѣло не въ томъ, что это будетъ для него самого удобнѣе: *правосудіе* избѣгнетъ рѣшеній случайныхъ и легкомысленныхъ.

Затѣмъ нѣтъ физической возможности, чтобы судья опытный и даже широко надѣленный творческими способностями *всѣ* возникающіе вопросы сумѣлъ разрѣшить вполнѣ самостоятельно и свободно, довѣряя только силѣ своихъ знаній и силѣ своего ума. Даже ученый изслѣдователь вопросовъ права, который не стѣсненъ требованіями быстраго ихъ разрѣшенія, не всегда можетъ получить лучшіе результаты, пренебрегши работами своихъ предшественниковъ. Что̀ же сказать о судьѣ, который часто заваленъ дѣлами, не терпящими отлагательства? Не окажется ли его собственное и поверхностное сужденіе *свободнымъ* шагомъ назадъ отъ того, что̀ уже успѣли выработать другіе путемъ продолжи-

тельнаго и глубокаго размышленія, изученія, примѣненія? Не даромъ, уже римскіе юристы говорили: обычай есть лучшій истолкователь законовъ—optima enim est legum interpres consuetudo!

Наконецъ свобода убѣжденія иногда грозитъ перейти въ свободу увлеченія какими-нибудь новыми теоріями, часто слабыми и поверхностными. Такого рода увлеченія въ особенности опасны теперь, когда развитіе гласности и сила общественнаго мнѣнія очень благопріятны распространенію различныхъ „модъ“ не только въ костюмахъ, но и въ идеяхъ. Вѣянія времени отражаются на правосудіи, и оно даетъ намъ не одинъ образецъ рѣшеній и толкованій закона вполнѣ „модныхъ“, но за то вполнѣ несправедливыхъ и неосновательныхъ.

Такимъ образомъ устойчивость во взглядахъ, уже высказанныхъ и примѣненныхъ судомъ, оправдывается съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ юстиціи и во многихъ случаяхъ является выраженіемъ не судебной рутины, но справедливости и осторожной осмотрительности, которая бережно относится къ жалобамъ, обидамъ и страданіямъ людей, прибѣгающихъ къ защитѣ суда, и воздерживается отъ рискованныхъ экспериментовъ надъ тѣмъ, что̀ связано съ жизнью и честью, съ семьей и имуществомъ человѣка, хотя бы даже и преступнаго.

Очевидно, требованіе постоянства судебной практики имѣетъ прежде всего безусловное оправданіе для тѣхъ случаевъ, когда важно не столько то, что̀ заключается въ правилѣ, сколько то, что именно существуетъ уже опредѣленное правило. Сюда относятся всѣ тѣ формальныя и условныя положенія, которыя касаются частностей и мелочей права (процесса); ихъ внутреннее значеніе не опирается на тѣхъ или иныхъ соображеніяхъ, болѣе или менѣе глубокихъ и основательныхъ, а объясняется тѣмъ, что такъ принято, такъ раньше дѣлали. Сюда же относятся и всѣ сомнительныя, двусмысленныя положенія, для твердаго разрѣшенія которыхъ въ томъ или иномъ смыслѣ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Въ другихъ случаяхъ устойчивость судеб-

ной практики имѣетъ меньшее значеніе, такъ какъ обыкновенно важно не только внѣшнее однообразіе примѣненія нормы судомъ, но и правильность или основательность такого примѣненія. Однакоже всякій судья—даже при основательномъ стремленіи измѣнить ранѣе высказанный взглядъ—невольно останавливается въ раздумьѣ надъ допущенной уже ошибкой и потому особенно осторожно исправляетъ ее, помня, что нѣтъ почти закона, который бы не могъ быть толкуемъ въ нѣсколькихъ смыслахъ не только въ зависимости отъ своей формы, но и отъ качествъ его истолкователя (большая или меньшая опытность судьи, его знанія, внимательность, добросовѣстность и т. д.). Доказательство тому—хотя бы современная практика нашихъ судовъ, которая для многихъ статей закона даетъ рядъ примѣровъ ихъ примѣненія въ различныхъ и часто противоположныхъ смыслахъ. Не даромъ старая русская поговорка, умудренная печальнымъ опытомъ вѣковъ, гласитъ: „законъ—что конь, куда хочешь—туда и поворотишь". Не даромъ лучшіе представители науки хотѣли нѣкогда видѣть въ судьѣ только механическаго примѣнителя законовъ. Извѣстныя соображенія Беккаріи, высказанныя по поводу опасностей чрезмѣрной свободы толкованія, имѣютъ полное значеніе, если не для отрицанія самаго права судебной интерпретаціи, то во всякомъ случаѣ для выясненія огромной дисциплинарной роли судебныхъ прецедентовъ и судебной традиціи. Безъ такой традиціи немыслима устойчивая, однообразная и постоянная практика судовъ. Освободить суды отъ вліянія прецедентовъ, говоря словами Наказа Екатерины II, сіе не что иное значитъ, какъ сломити преграду, противящуюся стремительному людскихъ мнѣній теченію, а такъ какъ всякій человѣкъ имѣетъ свой собственный ото всѣхъ отличный способъ смотрѣть на вещи, его мыслямъ представляющіяся, то мы бы увидѣли судьбу гражданина, премѣняемую переносомъ дѣла его изъ одного правительства въ другое, а жизнь его и вольность на удачу, зависящую отъ ложнаго какого разсужденія или отъ дурного расположенія его судей (гл. X, п. 154).

Слѣдуетъ ли отсюда, что судья безусловно связанъ разъ

даннымъ имъ рѣшеніемъ, какъ прецедентомъ?—Этого никто не говоритъ, да и вообще нѣтъ основаній опасаться, чтобы во имя устойчивости и единообразія судебной практики кто-нибудь сталъ придавать всякому рѣшенію силу общаго закона. Этого не допускаютъ даже крайніе защитники обязательности прецедентовъ. Невозможность такого положенія очевидна: потому что судъ скорый далеко не всегда бываетъ судомъ правымъ и основательнымъ; потому что въ одностороннемъ освѣщеніи разрѣшаемаго дѣла прецедентъ часто утрачиваетъ общее значеніе; потому что во всякомъ случаѣ свобода судейскаго убѣжденія не можетъ быть замѣнена раболѣпными ссылками на прежнія рѣшенія, хотя бы и верховнаго кассаціоннаго суда; потому что, наконецъ, всѣ прецеденты не могутъ быть закрѣплены ихъ публикаціей, не могутъ сдѣлаться общеизвѣстными, и множество ихъ по текущимъ дѣламъ мелочей обыденной жизни скоро забывается и, такъ сказать, умираетъ естественной смертью.

Этими общими теоретическими соображеніями выясняются только основныя черты, движущія пружины дѣйствія прецедентовъ. Конкретныя формы этого дѣйствія (практика прецедентовъ) осложняются множествомъ привходящихъ обстоятельствъ. Прежде всего онѣ опредѣляются тѣмъ сочетаніемъ, въ какомъ приняты, въ той или другой странѣ, начало свободы судейскаго убѣжденія—съ одной стороны, и принципъ законности судебной дѣятельности—съ другой. А это сочетаніе всецѣло зависитъ отъ историческихъ условій мѣста и времени. Можно только общимъ образомъ замѣтить, что судебная практика получаетъ бо̀льшее вліяніе тамъ, гдѣ слаба продуктивность другихъ источниковъ права, гдѣ свобода судейскаго убѣжденія достаточно обезпечена общими условіями (такъ что не требуется обезпечивать ее еще спеціально на счетъ силы предентовъ) и гдѣ начало законности настолько вошло во всеобщее сознаніе, что малѣйшій произволъ вызываетъ уже ощутительную реакцію. Напротивъ, сила судебной практики уменьшается по мѣрѣ усиленія другихъ источниковъ права и по мѣрѣ развитія всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ условій, которыми можетъ опредѣляться однородность судеб-

ныхъ рѣшеній (даже помимо спеціальнаго вліянія со стороны прецедентовъ). Къ такимъ условіямъ принадлежать: ясность законовъ, выработанность научныхъ теорій, одинаковость судейскаго образованія, однородность состава судовъ, тождество внѣшнихъ условій судебной дѣятельности и т. д.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

РОЗЫСКНОЕ И СОСТЯЗАТЕЛЬНОЕ НАЧАЛА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМЪ СЛѢДСТВІИ.

Н. А. Елачича.

Однимъ изъ существенныхъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію IX международнаго съѣзда криминалистовъ, былъ вопросъ о желательныхъ реформахъ въ области предварительнаго слѣдствія и преданія суду съ цѣлью возможно лучшаго обезпеченія интересовъ личной свободы и раскрытія истины. Вопросъ этотъ, помимо высокаго теоретическаго интереса, имѣетъ для насъ тѣмъ большее практическое значеніе, что мы стоимъ наканунѣ коренныхъ реформъ въ области нашего уголовнаго процесса, недостатки котораго, къ сожалѣнію, всѣмъ очевидны и настоятельно требуютъ измѣненія къ лучшему. Прогрессивный ростъ преступности вообще и рецидива въ особенности все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто интересуется задачами уголовной политики. Грозныя цифры уголовной статистики, регистрирующей ничтожный процентъ (обнаруженныхъ) преступныхъ дѣяній, повлекшихъ за собою для виновныхъ примѣненіе уголовной кары закона, взываютъ къ необходимости усиленія репрессіи во имя принципа соціальной защиты, о которой слишкомъ мало и неопредѣленно говорилось на С.-Петербургскомъ конгрессѣ криминалистовъ. Блестящіе представители новой антрополого-соціальной школы уголовнаго права обратили все свое вниманіе не столько на изы-

сканіе средствъ для успѣшной борьбы съ преступностью путемъ уголовной репрессіи, видимо отчаявшись въ осуществимости такой задачи, а старались, главнымъ образомъ, выработать способы, чтобы сдѣлать эту борьбу по возможности безошибочной и, такъ сказать, корректной, мягкой. Охраненіе интересовъ потерпѣвшаго отъ преступленія вмѣнялось въ обязанность власти административной, полицейской; что же касается до власти судебной, то задачи и цѣли ея, по мнѣнію криминалистовъ новой школы, обусловливаются изученіемъ личности преступника, юридическаго его исправленія, а въ процессуальномъ отношеніи—такими пріемами розысканія истины, при которыхъ преступнику предоставлялись бы всѣ мыслимые способы доказать свою невинность или выяснить смягчающія вину обстоятельства. Преступнику должны быть даны всѣ гарантіи правосудія, дабы охранить его отъ самой возможности судебной ошибки—вотъ благородный лозунгъ новой школы криминалистовъ. Чтò въ томъ, если эти гарантіи инымъ обвиняемымъ дадутъ возможность избѣжать кары закона, если они иногда затянутъ слѣдствіе, удорожатъ его? За то обличенный при наличности всѣхъ желаемыхъ гарантій преступникъ будетъ лишенъ всякой возможности взывать къ правосудію и жаловаться на пристрастіе и несправедливость его гуманныхъ представителей. Какъ извѣстно, по интересующему насъ вопросу, мнѣніе большинства членовъ С.-Петербургскаго конгресса выразилось въ нижеслѣдующихъ двухъ положеніяхъ:

1) Основная реформа предварительнаго слѣдствія должна состоять въ полномъ отдѣленіи полицейскихъ функцій отъ судебныхъ и въ организаціи состязательности слѣдствія.

2) Прокурорскій надзоръ долженъ быть вполнѣ отвѣтственный и облеченъ всѣми функціями судебной полиціи подъ контролемъ судьи.

Таковы общія соображенія IX съѣзда криминалистовъ, его desiderata, которыя, по авторитетному замѣчанію почетнаго предсѣдателя союза Н. В. Муравьева [1]), подлежатъ

---

[1]) Bulletin du IX Congrès de l'union internationale des criminalistes, № 4, стр. 2.

дальнѣйшему развитію и испытанію, не будучи окончательными заключеніями по данному вопросу. Когда идетъ рѣчь о постановленіяхъ конгресса, нельзя упускать изъ виду его международный характеръ; постановленія эти должны быть настолько общи и широки, чтобы не встрѣтить противорѣчія въ особенностяхъ судебныхъ порядковъ, присущихъ отдѣльнымъ государствамъ; они должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ растяжимы, дабы, не утрачивая своего смысла, уложиться въ соотвѣтственныя процессуальныя рамки разнородныхъ, по своему быту, пространству и культурѣ, государствъ. Потому desiderata конгресса должно разсматривать, какъ алгебраическія формулы, преобразуемыя въ опредѣленныя цифровыя данныя въ зависимости отъ того значенія, какое будетъ придано буквамъ, входящимъ въ составъ этихъ формулъ.

Обращаясь къ содержанію двухъ вышеприведенныхъ пожеланій конгресса, надлежитъ замѣтить, что они, въ сжатомъ видѣ, заключаютъ въ себѣ сводъ, конспектъ мнѣній, соотвѣтствующихъ представленнымъ въ конгрессъ рефератамъ профессоровъ E. Garçon [1]) и M. D. Simons [2]), которые высказались въ смыслѣ желательности самаго широкаго примѣненія состязательнаго начала при производствѣ предварительнаго слѣдствія. Значительно осторожнѣе высказалось о принципѣ состязательности соединенное собраніе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества и русской группы Международнаго союза уголовнаго права, признавшее [3]), что предварительное слѣдствіе должно, *насколько возможно*, приблизиться къ типу состязательному, почему надлежитъ дать защитѣ пользоваться тѣми правами, которыя законъ предоставляетъ обвиняемому. Ниже мы еще вернемся къ приведенному положенію соединеннаго собранія. Въ настоящее же время постараемся, взявъ исходнымъ пунктомъ два desiderata С.-Петербургскаго конгресса, раскрыть скобки, заключающіяся въ этихъ формулахъ, подставить вмѣсто буквъ численныя величины и посмотримъ, насколько полученные резуль-

[1]) Drucksachen für den IX Kongress, стр. 284 и слѣд.
[2]) Bulletin de l'union internationale de droit pénal, Vol. X, livr. 1, стр. 81.
[3]) Bulletin du IX Congrès, № 5, стр. 1.

таты приложимы къ процессуальной дѣйствительности вообще и къ русской жизни въ частности.

Первою существенною особенностью реформированнаго предварительнаго слѣдствія, по мнѣнію конгресса, является полное отдѣленіе полицейскихъ функцій отъ судебныхъ, второю—организація состязательности слѣдствія. Другими словами, слѣдователь долженъ быть избавленъ отъ обязанностей розыскнаго характера; онъ долженъ быть только судьею, свободно и безпристрастно разрѣшающимъ споръ между потерпѣвшими, судебною полиціею и его главою прокуроромъ, съ одной стороны, и обвиняемымъ и его представителемъ, защитникомъ—съ другой. Слѣдственный судья не ищетъ самъ доказательствъ вины, онъ не розыскиваетъ виновника преступнаго событія, не собираетъ противъ него уликъ, а разслѣдуетъ, насколько правъ обвинитель, выставляя противъ опредѣленнаго лица извѣстную совокупность добытыхъ имъ ранѣе уликъ, образуютъ ли таковыя законный составъ наказуемаго дѣянія и не уничтожаются ли, не парализируются ли онѣ соображеніями, выставляемыми защитою. Розыскное начало на предварительномъ слѣдствіи, какъ послѣдній остатокъ стараго, средневѣковаго инквизиціоннаго процесса, долженъ уступить мѣсто началу состязательному, которое успѣло пустить уже глубокіе корни въ процедуру судебнаго слѣдствія, являясь однимъ изъ основныхъ ненарушимыхъ принциповъ правоваго порядка, наравнѣ съ гласностью, непосредственностью и равноправностью сторонъ.

Таково мнѣніе большинства членовъ конгресса, мнѣніе, которое, однако, не является безспорнымъ, но вызвало со стороны нѣкоторыхъ ораторовъ серьезныя возраженія, съ которыми нельзя не считаться и которыя посему нуждаются въ подробномъ обсужденіи. Въ этомъ отношеніи свободный обмѣнъ мыслей, имѣвшій мѣсто на конгрессѣ, избавилъ его, по выраженію проф. ванъ-Гамеля, отъ „удручающей скуки единогласія“. Поэтому не лишне будетъ вкратцѣ привести доводы и соображенія, высказанные въ названномъ ученомъ собраніи за и противъ допущенія розыскнаго, инквизиціоннаго начала въ область предварительнаго слѣдствія.

Слѣдственный судья, высказалъ г. Энгеленъ, долженъ быть лицомъ, облеченнымъ полнымъ довѣріемъ [1]), иныхъ лицъ на должность эту и назначать нельзя; необходимо твердо вѣрить, что слѣдователь въ своемъ рабочемъ кабинетѣ ничего предосудительнаго не сдѣлаетъ. Ему надо быть наединѣ съ обвиняемымъ, дабы составить себѣ убѣжденіе въ его винѣ или невиновности, дабы, наконецъ, умѣлыми разспросами склонить обвиняемаго къ признанію своей вины—лучшему изъ судебныхъ доказательствъ. Никакихъ посредниковъ между обвиняемымъ и слѣдователемъ не надо; адвокатъ будетъ только мѣшать, если заговоритъ, будетъ безполезнымъ тормазомъ, если молчитъ [2]). Задача слѣдственнаго судьи найти истину, одну только истину, въ чемъ бы она ни заключалась. Будетъ ли и можетъ ли содѣйствовать правосудію въ дѣлѣ раскрытія истины адвокатъ, приглашенный семьею обвиняемаго съ цѣлью избавленія его отъ кары закона? Какимъ образомъ возможно изучить психологію преступника, какъ понять личность обвиняемаго, спрашиваетъ М. Бертелеми [3]), если слѣдователь не можетъ пользоваться непосредственнымъ наблюденіемъ?

По мнѣнію профессора Ковіэра [4]), противъ злоупотребленій слѣдователями своей властью есть мѣра—они могутъ быть строго наказаны.

Назначайте хорошихъ слѣдственныхъ судей, но не дѣлайте изъ нихъ счетныхъ машинъ. Законъ 1897 года, который во имя состязательнаго начала ввелъ защитника въ камеру слѣдственнаго судьи, послужилъ во вредъ уголовной репрессіи. По замѣчанію проф. Garçon [5]), нельзя отрицать, что со введеніемъ этого закона, упразднившаго тайну производства предварительнаго слѣдствія во Франціи, розысканіе злоумышленниковъ становится все болѣе труднымъ и случайнымъ. Улучшится ли положеніе обвиняемаго съ проведеніемъ принципа

[1]) Bulletin, № 5, стр. 2.
[2]) Мнѣніе Тановичеану, Bulletin, № 5, стр. 4.
[3]) Bulletin, № 5, стр. 3.
[4]) Bulletin, № 5, стр. 3.
[5]) Drucksachen, стр. 292.

контрадикторнаго слѣдственнаго производства; не будетъ ли оно привилегіею одних людей богатыхъ, которые найдутъ совѣтниковъ и защитниковъ своихъ интересовъ, тогда какъ несостоятельные обвиняемые лишатся и того законнаго защитника, котораго они имѣютъ въ лицѣ современнаго судебнаго слѣдователя, хотя и облеченнаго розыскными функціями?

Вотъ одинъ изъ существеннѣйшихъ спорныхъ вопросовъ, выставляемыхъ принципіальными противниками проведенія въ область всего предварительнаго слѣдствія состязательнаго начала. Защитники послѣдняго отвѣчаютъ на этотъ вопросъ тѣмъ, что матеріальная неравноправность существовала и будетъ существовать независимо отъ того, явится ли процессъ построеннымъ на розыскномъ или на состязательномъ началѣ. И теперь состоятельный обвиняемый, находящійся на свободѣ, имѣетъ возможность затребовать себѣ копіи слѣдственнаго производства и воспользоваться дорогими совѣтами юрисконсульта, что̀ не доступно человѣку бѣдному. Послѣдній и на судебномъ слѣдствіи, гдѣ господствуетъ во всѣхъ законодательствахъ принципъ состязательности, нерѣдко лишенъ возможности имѣть представителя своихъ интересовъ, если судъ не могъ назначить ему казеннаго защитника, а самъ подсудимый не имѣлъ средствъ пригласить таковаго на свой счетъ. Отсутствіе представителя защиты у нѣкоторыхъ обвиняемыхъ и подсудимыхъ не можетъ и не должно служить аргументомъ въ пользу запрещенія пользоваться благами защиты всѣмъ обвиняемымъ, по закону. Нельзя забывать психологическую трудность совмѣщенія въ одномъ лицѣ обвинителя и защитника, нельзя допускать изъ виду психическихъ факторовъ, присущихъ личности слѣдственнаго судьи. Если, замѣчаетъ г. Пржевальскій, судья долженъ [1]) разслѣдывать и судить, мы имѣемъ или хорошаго слѣдователя, или хорошаго судью. Аргументы, приводимые противъ публичности предварительнаго слѣдствія, тѣ же самые, что были нѣкогда провозглашаемы противъ публичности окончательныхъ преній сторонъ. Недовѣріе, высказываемое противъ образа дѣйствій

---

[1]) Bulletin, № 5, стр. 5.

адвокатуры на предварительномъ производствѣ, ничѣмъ не заслужено.

По утвержденію профессора Г. Гросса, одними принципами слѣдствія не произведешь, какъ не выстроишь посредствомъ морали желѣзной дороги; да и кто доказалъ, что принципы судопроизводства въ послѣдней его стадіи должны быть тѣми же самыми, что и принципы, полагаемые въ основу предварительнаго слѣдствія, которое есть дѣло первостепенной важности. Роль слѣдственнаго судьи одна изъ самыхъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ—онъ устанавливаетъ и фиксируетъ тотъ фактическій матеріалъ, часто пропадающій, выдыхающійся отъ времени, изъ котораго затѣмъ только и можетъ быть построена процессуальная истина. Необходимо вѣрить въ добросовѣстность такого судьи и, во имя этой вѣры, надлежитъ именно судьѣ поручить производство розысковъ, разслѣдованій. Собираніе уликъ—дѣло большой трудности; какъ часто то, что своевременно явилось установленнымъ, не могло быть затѣмъ опровергнуто никакими данными; наоборотъ, разъ упущенное, нерѣдко затѣмъ являлось невозстановимымъ, и доказательство истины для правосудія пропадало. Нельзя, по мнѣнію Гросса, поручать собираніе уликъ полицейскимъ чинамъ—это дѣло судьи; если судья человѣкъ культурный, честный, хорошо вознаграждаемый за свой трудъ, то онъ явится лучшимъ оплотомъ и лучшимъ защитникомъ обвиняемаго. Для чего слѣдователю присутствіе адвоката? Въ Австріи законъ допускаетъ его, но этимъ правомъ въ общемъ не пользуются, и осязательной пользы оно не принесло.

Мы привели въ краткихъ чертахъ сущность тѣхъ разнорѣчивыхъ мнѣній, которыми обмѣнивались въ С.-Петербургѣ члены союза криминалистовъ. Смѣемъ думать, что по интересующему насъ вопросу едва ли найдется какой-либо аргументъ или соображеніе, которые не могли бы быть сведены къ однимъ изъ вышеприведенныхъ вопросовъ, затронутыхъ на съѣздѣ; да оно и понятно: теорія и практика, сталкиваясь съ принципами розыскнаго и состязательнаго начала на предварительномъ слѣдствіи, можно сказать, исчерпали всѣ

доводы, которые выставлялись за и противъ того или иного начала. Въ чемъ правда, каковы практическіе выводы, гдѣ желательныя задачи уголовной политики?

Намъ думается, что искреннія, горячія и продуманныя рѣчи участниковъ международнаго съѣзда заключаютъ въ себѣ, каждая порознь, значительную долю непререкаемой истины, несмотря на всю взаимную противорѣчивость высказанныхъ мнѣній и пожеланій. Вѣдь важны общіе выводы, необходимы положенія, исполнимыя повсемѣстно, желательны такія послѣдствія рѣшенія *международнаго конгресса*, которыя могли бы стать обязательными для всѣхъ законодательствъ цивилизованныхъ народовъ. Исходя изъ этого, зададимся вопросомъ, имѣетъ ли такой международный характеръ первое изъ положеній, постановленныхъ конгрессомъ, каковы могутъ быть его послѣдствія логическія и практическія и каково можетъ быть отношеніе русскаго законодателя къ этому послѣднему слову, высказанному большинствомъ криминалистовъ.

Обращаясь къ существу спора, завязавшагося на съѣздѣ между представителями двухъ противоположныхъ лагерей и окончившагося, послѣ голосованія, видимою побѣдою одного лагеря, нельзя не признать, что споръ этотъ не былъ поставленъ въ опредѣленныя рамки, предметы выясненія не были точно указаны и, такъ сказать, противникъ сторонамъ не былъ обозначенъ. Поэтому нерѣдко спорящіе, исходя изъ разныхъ основаній, побѣдоносно сражались не другъ съ другомъ, а съ разными противниками, и оба были правы. Одни стояли на почвѣ повсемѣстно (почти) дѣйствующаго розыскнаго предварительнаго слѣдствія и, будучи одушевлены самыми благими намѣреніями, во имя справедливости и интересовъ соціальной защиты, указывали, что̀ и какъ на предварительномъ слѣдствіи можетъ усложнить, затруднить розыскъ виновнаго и помѣшать правильной организаціи этого розыска судебною властью, вѣрной группировкѣ уликъ и оправданій, точной установкѣ и фиксаціи доказательствъ въ ту или иную сторону. И, разумѣется, представители этого мнѣнія были глубоко правы, утверждая, что при неизвѣстности вины по-

дозрѣваемаго, при невыясненности состава преступленія, словомъ, до разслѣдованія, все и всякій, по праву вмѣшивающійся въ него, препятствуетъ судьѣ въ его созидательной работѣ. Ему будетъ мѣшать гласность допросовъ, присутствіе защитника, возможность преждевременнаго раскрытія уликъ, сокрытія слѣдовъ преступленія.

Сторонники противоположнаго мнѣнія направили всю силу и убѣдительность своихъ доводовъ не на то, чтобы опровергнуть возможность указанныхъ препятствій, влекущихъ затруднительность розыска виновнаго и выясненія уликъ. Они не пытались и не могли возразить противъ того, что проведеніе состязательности въ область предварительнаго производства способно повлечь уменьшеніе интенсивности уголовной репрессіи (на что̀ опытъ закона 1897 года во Франціи уже и указываетъ); они исходили изъ того положенія, что слѣдственный судья долженъ быть только судьею, а не слѣдователемъ, и заключали отсюда совершенно правильно, что тогда необходимо проведеніе послѣдовательнаго состязательнаго начала. Сторонники этого начала были вполнѣ правы, утверждая, что предъ лицомъ судьи, взвѣшивающаго объективно улики и рѣшающаго, кто правъ, потерпѣвшій или обвиняемый, должна имѣть мѣсто равноправность сторонъ, и что если за потерпѣвшимъ стоитъ представитель прокуратуры, то рядомъ съ обвиняемымъ долженъ, во имя справедливости, быть допущенъ защитникъ. Сторонники состязательнаго начала, какъ сказано уже выше, не отвѣчали на вопросъ, не опасно ли для правосудія у судебнаго слѣдователя, во время хода розысковъ, провести начало состязательности; они говорили, что слѣдователь не долженъ самъ розыскивать, что слѣдственный судья не долженъ быть слѣдственнымъ, что его надо лишить обязанностей розыска и тогда построить предварительное слѣдствіе на состязательномъ началѣ. Отсюда ясно, что на международномъ съѣздѣ противники могли бы аргументами своими попасть другъ въ друга въ томъ только случаѣ, если бы постановлены и обсуждались бы слѣдующіе вопросы:

1) Допустимо ли при существующей постановкѣ розыск-

наго предварительнаго производства проведеніе начала состязательности, и

2) допустимо ли, во имя справедливости и интересовъ соціальной защиты, ввести въ область предварительнаго слѣдствія состязательное начало, лишивъ судебнаго слѣдователя розыскныхъ функцій?

При такой постановкѣ предметъ и предѣлы спора были бы ясно очерчены, и результатъ голосованія не склонился бы столь быстро въ одну сторону. Было бы ясно, что надлежитъ рѣшить не процессуальный вопросъ о реформѣ предварительнаго слѣдствія, какъ то было поставлено на программѣ съѣзда, а вопросъ судоустройственный о бытіи судебныхъ слѣдователей, о существованіи самого предварительнаго слѣдствія. Необходимо замѣтить, что недоумѣнія, вытекающія изъ указаннаго совмѣстнаго обсужденія двухъ разнородныхъ процессуальныхъ началъ, выяснились отчасти уже во время происходившихъ на конгрессѣ преній. Такъ, г. Бертелеми, намѣчая эволюцію [1]) въ развитіи системы предварительнаго слѣдствія, замѣтилъ, что старая система имѣетъ только цѣлью подготовить судебное разбирательство; здѣсь вопросъ о необходимости преданія суду ограничивается одною лишь заботою о розысканіи матеріальной истины—все, что осложняетъ, затемняетъ. Но защитники, сталкиваясь съ этою системою, добились права присутствовать при предварительномъ слѣдствіи; говорятъ, что это несовершенно; эволюція идетъ дальше; хотятъ теперь, чтобы прокурорскій надзоръ, какъ сторона, былъ также допущенъ, чтобы публичность была во всѣхъ стадіяхъ слѣдствія. Но тогда, спрашиваетъ Бертелеми, какая разница будетъ между предварительнымъ слѣдствіемъ и судомъ первой инстанціи? Въ сущности, создаютъ лишнюю процессуальную ступень; не поведетъ ли это къ безполезному увеличенію формальностей, расходовъ, къ медленности производства и къ риску судебныхъ ошибокъ.

Ораторъ не рѣшился дѣлать заключеній, но выводъ

---

[1]) Bulletin, № 5, стр. 4.

изъ его посылокъ напрашивается самъ собою. Современное предварительное слѣдствіе обнимаетъ собою дѣятельность слѣдователя, клонящуюся къ всестороннему выясненію преступнаго событія и его послѣдствій; при этомъ слѣдователь собираетъ и устанавливаетъ данныя, клонящіяся или къ тому, чтобы извѣстное лицо было предано суду по опредѣленной статьѣ уголовнаго закона, или чтобы слѣдственное производство было прекращено и дѣло, возникшее по поводу преступнаго событія, сдано въ архивъ. Публичность, гласность и состязательность—вотъ коренныя начала судебнаго слѣдствія во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Всѣ ли эти начала признаются основными въ моментъ перехода дѣла изъ предварительной стадіи въ судъ, при преданіи суду, вопросъ спорный; нужна ли публичность и гласность тамъ, гдѣ еще обвиняемый не сталъ подсудимымъ? Чѣмъ можетъ разниться процедура преданія суду отъ судебнаго слѣдствія, если и тамъ, и здѣсь будетъ вестись публично борьба равноправныхъ сторонъ?

Наконецъ, если до заключенія предварительнаго слѣдствія, до собранія всѣхъ уликъ, до выясненія состава преступнаго дѣянія на предварительномъ слѣдствіи передъ слѣдственнымъ судьею будетъ происходить борьба равноправныхъ сторонъ на началахъ состязательности, то въ чемъ и какъ уловить разницу между разбирательствомъ предварительнымъ и окончательнымъ? Думается, что моментъ преданія суду долженъ при этихъ условіяхъ пропасть или обратиться въ судъ первой степени. Но если считать доказаннымъ, что начала, обязательныя для производства окончательнаго, обязательны и для слѣдствія предварительнаго, то не лучше ли признать прямо, что все предварительное слѣдствіе должно быть вычеркнуто изъ уголовнаго процесса. Кто будетъ розыскивать улики, устанавливать ихъ; кто станетъ уличать не сознавшагося преступника; кто приведетъ его на судъ? На континентѣ эта сложная, тяжелая и отвѣтственная работа лежитъ на судебныхъ слѣдователяхъ, слѣдственныхъ судьяхъ, которые въ общемъ принесли и приносятъ огромную пользу правосудію, вынося на своихъ плечахъ всю черновую подготови-

тельную работу. Трудъ этотъ огроменъ и всегда неблагодаренъ, причемъ отвѣтственность всецѣло лежитъ на слѣдователѣ. Если же сдѣлать его созерцателемъ борьбы сторонъ, судьею, рѣшающимъ или закрѣпляющимъ результаты спора между потерпѣвшимъ, судебною полиціею и его главою—прокуроромъ, съ одной стороны, и обвиняемымъ и его защитникомъ, съ другой, то конечно этотъ судебный слѣдователь не долженъ носить имя слѣдователя. Это—судья существа дѣла, пассивный свидѣтель розысканія процессуальной истины. Значитъ, весь споръ сводится къ судоустройственному вопросу о необходимости упраздненія института судебныхъ слѣдователей и о замѣнѣ ихъ такою организаціею, при которой могли бы быть полностью проведены начала состязательности, равноправности сторонъ. Но кто же будетъ тогда производить нынѣшнее предварительное слѣдствіе, кто станетъ розыскивать виновныхъ, собирать и группировать улики, устанавливать доказательства? Отвѣтъ сторонниковъ состязательнаго начала, большинства членовъ конгресса, таковъ: это дѣло судебной полиціи и органовъ публичнаго обвиненія, т. е. прокуратуры. Мы еще вернемся къ этому отвѣту, когда будемъ обсуждать второе положеніе съѣзда, а теперь отмѣтимъ, что справедливость высказанныхъ нами положеній подтверждается нижеслѣдующею историческою справкою.

Вопросъ о реформѣ предварительнаго слѣдствія подлежалъ уже обсужденію на съѣздѣ криминалистовъ въ Будапештѣ 1899 года, при чемъ тогда уже мнѣнія раздѣлились, и вопросъ этотъ, не получивъ окончательнаго разрѣшенія, былъ отложенъ до слѣдующаго конгресса. На конгрессѣ въ Будапештѣ встрѣтило уже себѣ поддержку мнѣніе профессора фонъ-Криса о томъ, что все предварительное производство должно быть передано органамъ публичнаго обвиненія и судебной полиціи; названный профессоръ находилъ при этомъ нужнымъ предоставить прокурорскому надзору и его агентамъ право требовать къ себѣ и допрашивать какъ свидѣтелей, такъ и обвиняемыхъ, и подвергать даже послѣднихъ приводу. По высказанному на томъ же съѣздѣ профессоромъ Принсомъ мнѣнію, желательно сдѣлать слѣдственнаго судью

дѣйствительнымъ судьей между сторонами процесса и лишить его розыскныхъ функцій. Система инквизиціонная должна, по словамъ Принса, уступить мѣсто системѣ обвинительной. Состязательное же предварительное слѣдствіе есть contradictio in adjecto. Вопросъ, не разрѣшенный въ Будапештѣ, былъ поставленъ на обсужденіе въ Бременскомъ съѣздѣ членовъ нѣмецкой группы криминалистовъ. По удостовѣренію представителя этой группы г. Кулемана, на съѣздѣ этомъ не было постановлено резолюціи, въ виду принципіальнаго разномыслія [1]), обнаружившагося между участниками съѣзда. Референтъ, профессоръ Розенфельдъ, требовалъ не улучшенія, а упраздненія всего предварительнаго слѣдствія. Кулеманъ на это возражалъ, что если предварительное производство попадетъ въ руки прокурорскаго надзора, то прокуратурѣ должно быть предоставлено право допрашивать свидѣтелей и ссылаться на нихъ. т. е. присвоены судейскія обязанности.

Такой выводъ однако не встрѣтилъ себѣ поддержки и, какъ ранѣе въ Будапештѣ, такъ затѣмъ и въ Бременѣ криминалисты рѣшили отложить резолюцію по вопросу о реформѣ предварительнаго слѣдствія. Въ настоящее время, когда С.-Петербургскій съѣздъ разрѣшилъ этотъ вопросъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, позволительно и умѣстно разсмотрѣть логическія послѣдствія принятой на конгрессѣ формулы.

Послѣдствія эти могутъ быть выражены въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ. Розыски производитъ не судья, не слѣдователь, а общая полиція, судебная полиція, гдѣ она есть, и прокурорскій надзоръ. Для осуществленія этой цѣли органамъ розыска должны быть предоставлены права допроса свидѣтелей, подозрѣваемыхъ, охраненіе слѣдовъ преступленія, осмотръ вещественныхъ доказательствъ и проч., безъ чего обвинительный матеріалъ не можетъ быть собранъ. Въ этой стадіи защиты нѣтъ, процессъ ведется въ тайнѣ, онъ пока одностороненъ. Лишь когда всѣ улики собраны, виновный намѣченъ, опредѣленъ, розысканъ прокуратурою, она форму-

[1]) Bulletin № 5, стр. 2.

лируетъ противъ даннаго лица, по извѣстной статьѣ уложенія, опредѣленное обвиненіе и передаетъ собранный матеріалъ судьѣ, у котораго затѣмъ продолжаетъ поддерживать свое обвиненіе и бороться, на равныхъ правахъ стороны, съ обвиняемымъ и его защитникомъ. Результатъ этой предварительной борьбы опредѣлится преданіемъ обвиняемаго суду или прекращеніемъ уголовнаго преслѣдованія. Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ назначеніе судебнаго слѣдствія также, разумѣется, на началахъ состязательности. Таковъ долженъ быть скелетъ уголовнаго процесса. Въ чемъ его преимущества? Дастъ ли онъ достаточныя гарантіи лицу, на которое падаетъ подозрѣніе въ совершеніи преступнаго дѣянія? Допустимъ, что чины полиціи и прокурорскій надзоръ добросовѣстно и тщательно будутъ, въ интересахъ соціальной защиты, преслѣдовать преступниковъ, раскрывать преступленія, собирать улики, фиксировать доказательства обвиненія, словомъ, подготовлять обвинительный матеріалъ, достаточный для предъявленія точнаго и опредѣленнаго обвиненія; не окажется ли такое розыскное прокурорское производство, до его завершенія и передачи судьѣ тѣмъ самымъ, что̀ нынѣ именуется предварительнымъ слѣдствіемъ и что̀ входитъ въ кругъ обязанностей судебнаго слѣдователя? Въ существенныхъ частяхъ—да; но разслѣдованіе это будетъ чисто одностороннее, чисто инквизиторское, гдѣ всѣ данныя, клонящіяся въ пользу подозрѣваемаго, естественно останутся въ тѣни. Хорошо, если данныя эти возстановимы, а, если нѣтъ, если онѣ улетучились, кто въ стадіи прокурорскаго тайнаго разслѣдованія вступится за обвиняемаго, кто постарается войти въ его положеніе, сохранитъ и найдетъ нужный для него оправдательный матеріалъ? Конечно,—не прокуратура; это не ея дѣло; она знаетъ, что потомъ, на состязательномъ предварительномъ разбирательствѣ, обвиняемый получитъ равныя съ прокуроромъ права. По нашему глубокому убѣжденію, лишеніе слѣдственнаго судьи правъ и обязанностей, сопряженныхъ съ розыскомъ, равносильно ухудшенію положенія обвиняемаго, хотя, можетъ быть, и увеличитъ уголовную репрессію. Мы не касаемся затѣмъ вопроса о томъ, насколько

при проектируемомъ процессуальномъ порядкѣ интересы обвиняемаго будутъ въ дѣйствительности охранены защитою на предварительномъ слѣдствіи. При отсутствіи коронной защиты [1]), при малочисленности въ нѣкоторыхъ странахъ адвокатскаго персонала, можно съ увѣренностью сказать, что благами состязательнаго начала воспользуются на предварительномъ слѣдствіи немногіе обвиняемые, а подавляющее большинство ихъ будетъ во время процесса всецѣло предоставлено своей судьбѣ и милости или произволу прокурорскаго надзора. Въ настоящее время хорошій, вдумчивый судебный слѣдователь, по справедливому замѣчанію профессора Гросса,—лучшій защитникъ обвиняемаго. При организаціи предварительнаго слѣдствія на постановленныхъ конгрессомъ началахъ, обвиняемые этого нормальнаго защитника имѣть не будутъ, а хватитъ ли и явится ли достаточно защитниковъ добровольцевъ,—болѣе чѣмъ сомнительно. Мы далеки отъ мысли, что современные порядки хороши, что предварительное слѣдствіе не нуждается въ коренныхъ улучшеніяхъ и что гарантіи, предоставленныя нынѣ обвиняемымъ, достаточны. Совершенно напротивъ; но не упразднять надо судебно-розыскныхъ органовъ правосудія, судебныхъ слѣдователей, а обставить ихъ условіями, гдѣ бы ихъ дѣятельность была и могла быть плодотворна и полезна; къ чему уничтожать органы правосудія, которые, розыскивая при содѣйствіи прокуратуры и полиціи виновниковъ преступленія, въ то же время, какъ судьи, рѣшаютъ въ каждомъ данномъ случаѣ, дѣйствительно ли виновенъ и въ чемъ именно можетъ быть виновенъ тотъ человѣкъ, на котораго падаетъ подозрѣніе?

Крайне опасно отнимать у правосудія носителей этихъ

---

[1]) Напомнимъ, что уже на Будапештскомъ конгрессѣ въ своемъ обширномъ и возбудившемъ большія пренія докладѣ, помѣщенномъ въ 8 томѣ Bulletins de l'union internationale de droit pénal (стр. 109—123), г. de-Balogh доказывалъ, что единственная возможность устранить коренную несправедливость въ процессѣ— это учредить институтъ публичныхъ защитниковъ, назначаемыхъ не отъ правительства, которые при дознаніи и предварительномъ слѣдствіи пользовались бы всѣми матеріальными и формальными правами защиты и тѣмъ самымъ содѣйствовали бы раскрытію истины.

драгоцѣнныхъ правъ во имя гарантій обвиняемыхъ, которымъ и при современномъ строѣ можетъ быть предоставлено право побудить слѣдователя принять своевременно мѣры къ защитѣ ихъ интересовъ.

Съ какого же момента состязательное начало можетъ быть проведено въ процессъ?—Намъ думается, что только съ момента заключенія слѣдствія, предъ разрѣшеніемъ вопроса и преданіи суду, какъ общее правило, и, какъ исключительное,—съ момента принятія противъ допрошеннаго слѣдователемъ обвиняемаго мѣры пресѣченія—содержанія подъ стражею. При заключеніи слѣдствія и предъявленіи его обвиняемому почитаются собранными всѣ улики, клонящіяся къ обвиненію, но при этомъ самому обвиняемому можетъ показаться, что не все, клонящееся къ его оправданію, установлено съ надлежащею ясностью и полнотою. Въ этомъ случаѣ юридическая помощь защитника справедлива, умѣстна и вполнѣ безопасна для интересовъ правосудія. До предъявленія слѣдствія, обвиняемый, находящійся на свободѣ, и нынѣ не лишенъ права затребовать (ст. 475—477 уст. угол. суд.) отъ судебнаго слѣдователя копіи слѣдственнаго производства, предъявить таковыя избранному имъ юрисконсульту и затѣмъ, по совѣту его, требовать отъ себя дополненія слѣдствія, въ желательномъ направленіи, съ правомъ обжалованія отказа судебнаго слѣдователя исполнить его ходатайство; въ другомъ положеніи обвиняемый, взятый подъ стражу:—онъ лишенъ этого цѣннаго права имѣть совѣтника, почему оно, во имя справедливости, и должно быть ему предоставлено. Подслѣдственный арестантъ для обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій естественно нуждается болѣе въ совѣтникѣ, чѣмъ находящійся на свободѣ. Желательно установить правило о назначеніи такому арестанту, въ случаѣ неимѣнія защитника по соглашенію, по его просьбѣ, казеннаго защитника, который затѣмъ поддерживалъ бы интересы обвиняемаго на судебномъ слѣдствіи. Въ нашу задачу, впрочемъ, не входитъ подробное разсмотрѣніе, по существу, тѣхъ реформъ въ области предварительнаго слѣдствія, которыя были намѣчены въ программѣ IX съѣзда, такъ какъ задачею своей мы поставили лишь

обсужденіе тѣхъ desiderata, которыя явились результатомъ голосованія поставленныхъ на IX съѣздѣ вопросовъ [1]). Намъ остается поэтому перейти къ разсмотрѣнію логическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ втораго положенія С.-Петербургскаго конгресса криминалистовъ по интересующему насъ вопросу, касающагося прокурорскаго надзора.

Прокуратура должна быть, по мнѣнію большинства членовъ конгресса:

1) вполнѣ отвѣтственна,

2) снабжена всѣми функціями судебной полиціи и

3) поставлена подъ контроль судьи.

Разсмотримъ эти выводы порознь и сдѣлаемъ сперва небольшое замѣчаніе, съ точки зрѣнія ихъ международности Примѣнимо ли заключеніе съѣзда къ Англіи, порядки которой отразились въ первомъ изъ положеній конгресса, къ Англіи, гдѣ, по заявленію полковника Винсента, [2]) нѣтъ ни судебныхъ слѣдователей, ни прокурорскаго надзора, ни того, что̀ мы называемъ дѣломъ, слѣдственнымъ производствомъ. Можетъ ли англійское законодательство принять положеніе конгресса, основанное на реформѣ несуществующаго института прокурорскаго надзора?—Очевидно нѣтъ.

Отвѣтственность лицъ прокурорскаго надзора сама по себѣ принципъ не новый, а всецѣло присущій этому институту съ самаго начала его возникновенія. Неясно, передъ кѣмъ должна отвѣчать прокуратура и за что именно отвѣчать: за мнѣніе свое, если оно ошибочно, или за дѣйствія, предпринятыя при розыскахъ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и недоумѣній не стояло на программѣ съѣзда и относилось къ области судоустройства. Къ той же области относилось и второе положеніе конгресса о снабженіи прокуратуры всѣми функціями судебной полиціи. Здѣсь въ смыслѣ процессуальномъ вызываетъ рядъ недоумѣній вопросъ о предѣлахъ поль-

---

[1]) Не можемъ не отмѣтить крайне интересныхъ соображеній, приведенныхъ въ докладѣ проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, „Пресѣченіе способовъ уклоненія отъ слѣдствія и отъ суда“. См. Журналъ Министерства Юстиціи, Сентябрь 1902 г.

[2]) См. Bulletin du IX Congrès, № 5, стр. 2.

зованія на судебномъ слѣдствіи тѣми матеріалами, которые прокуроръ добылъ при розыскахъ. Насколько эти данныя являются судебными доказательствами, могутъ ли онѣ быть оглашены на судѣ, требуютъ ли повторенія при производствѣ судьею предварительнаго разслѣдованія, какъ это имѣетъ мѣсто съ полицейскимъ дознаніемъ? Всѣ эти вопросы допускаютъ разныя рѣшенія и являются не безспорными, почему и положеніе конгресса требуетъ обстоятельной мотивировки. Третій пунктъ—контроль судьи также нуждается въ обстоятельномъ разъясненіи. Какъ органъ разслѣдованія, глава судебной полиціи, прокуроръ долженъ быть вполнѣ самостоятеленъ, его дѣйствія покрыты тайною, ихъ не знаетъ и судья. Когда же оконченное разслѣдованіе передано судьѣ, когда онъ начинаетъ производить предварительное слѣдствіе на намѣченныхъ состязательныхъ началахъ, при чемъ прокуроръ является уже равноправною съ защитою стороною, то въ чемъ именно можетъ и долженъ состоять контроль надъ прокуроромъ со стороны судьи? Въ надзорѣ за производствомъ формальныхъ обысковъ, выемокъ, арестованій?—Но вѣдь всѣ эти дѣйствія производятся въ этой стадіи процесса не прокуратурою, а, по ея ходатайству, самимъ судьею. Въ чемъ же и по поводу чего же можетъ быть осуществляемъ контроль судьи? Отвѣтить на это мы не беремся за неимѣніемъ какихъ-либо данныхъ, которыя выяснили бы мотивы къ вышеприведенному постановленію конгресса. Въ частности, относительно Россіи нельзя не замѣтить, что положеніе прокурорскаго надзора, пользующагося полнымъ довѣріемъ населенія, можетъ только ухудшиться, если единоличный слѣдственный судья будетъ поставленъ іерархически выше органа публичнаго обвиненія. Русскій прокуроръ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ своимъ начальствомъ въ порядкѣ постепенности и совершенно самостоятеленъ въ предѣлахъ предоставленныхъ ему правъ. Какъ органъ публичнаго обвиненія, прокуроръ наблюдаетъ и руководитъ розыскомъ не только на дознаніи, но и на предварительномъ слѣдствіи, при чемъ нѣкоторыя предложенія его являются для слѣдователя обязательными, а иныя могутъ не быть приводимы въ исполненіе только послѣ

состоявшагося опредѣленія суда, признавшаго данное предложеніе подлежащимъ отмѣнѣ. Мы думаемъ, что современное положеніе русской прокуратуры настолько удовлетворяетъ потребностямъ правосудія, что не нуждается въ измѣненіяхъ, особенно въ смыслѣ умаленія власти прокурорскаго надзора. Пора признать непреложность того положенія, что русскій прокуроръ менѣе обвинитель, чѣмъ сторонникъ раскрытія одной только истины, что онъ настолько же представитель интересовъ потерпѣвшаго, насколько является и хранителемъ гарантій обвиняемаго, защитникомъ подозрѣваемаго до момента составленія противъ него обвинительнаго акта. Здѣсь невольно сталкиваешься съ разсмотрѣннымъ уже вопросомъ о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи, о состязательномъ началѣ. Отмѣтимъ принципіальное внутреннее различіе между сторонами въ процессѣ, которое даже и на судебномъ слѣдствіи нисколько не умаляется господствомъ состязательнаго начала. Роль публичнаго обвинителя—не всегда обвинять, роль защитника—защищать *всякаго* обвиняемаго. Прокуроръ, только будучи убѣжденъ въ виновности, *можетъ* поддерживать обвиненіе и *обязанъ* отказаться отъ него, если признаетъ, по совѣсти, виновность не доказанною; защитникъ не можетъ, а *долженъ* всегда защищать обвиняемаго, даже признаваемаго имъ виновнымъ, и не имѣетъ права отказаться отъ защиты. Указанныя коренныя черты различія между публичнымъ обвиненіемъ и защитою на судебномъ слѣдствіи уравновѣшиваются лишь отчасти предоставленною сторонамъ закономъ равноправностью. Но, спрашивается, нуженъ ли особенно противовѣсъ прокурорскимъ домогательствамъ на предварительномъ слѣдствіи въ лицѣ адвоката?—Мы думаемъ, что нѣтъ. Пока тянется слѣдствіе и неизвѣстно, можетъ ли быть посаженъ подозрѣваемый на скамью подсудимыхъ, интересы подозрѣваемаго не нуждаются въ защитѣ. Развѣ прокуроръ, составляющій письменное заключеніе о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія, не выполняетъ функцій защитника? Во всякомъ случаѣ, по всѣмъ дѣламъ, прекращаемымъ самимъ слѣдователемъ въ порядкѣ 277 ст. уст. угол. суд., а также по письменнымъ заключеніямъ прокурора,—появленіе защитника по меньшей мѣрѣ безполезно.

По дѣламъ же, гдѣ составляются обвинительные акты, дѣйствительно можетъ возникнуть вопросъ о неполнотѣ слѣдственнаго производства въ смыслѣ его односторонности, а также преувеличенія силы и значенія добытыхъ уликъ. Поэтому, до составленія обвинительнаго акта, послѣ заключенія слѣдствія и умѣстно вступленіе въ процессъ представителя защиты, дѣятельность которой и можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, измѣненіе составившагося у прокурора односторонняго мнѣнія и направленіе имъ дѣла съ заключеніемъ о прекращеніи слѣдствія.

Выше было замѣчено, что по вопросу о состязательномъ началѣ соединенное собраніе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества и русской группы союза криминалистовъ далеко не столь категорически высказалось въ смыслѣ необходимости построенія предварительнаго слѣдствія всецѣло на началахъ состязательности, какъ это признало большинство членовъ IX конгресса. Изъ заключенія, доложеннаго въ конгрессѣ г. Сліозбергомъ [1]) отъ имени названнаго соединеннаго собранія, видно, что, по мнѣнію русскихъ криминалистовъ, состязательный порядокъ производства предварительнаго слѣдствія, хотя и даетъ наибольшія гарантіи какъ обвиняемому, такъ и для раскрытія истины (гарантіи—задача, поставленная въ програму съѣзда), но неприложимъ, однако, нынѣ къ предварительному слѣдствію (пунктъ I). Мы не имѣемъ подробнаго доклада, откуда могли бы почерпнуть свѣдѣнія, чѣмъ именно мотивировало ученое собраніе свои соображенія о предоставленіи состязательности наибольшихъ гарантій не только обвиняемому, но и въ интересахъ раскрытія истины, и поэтому не станемъ оспаривать этого положенія. Думается, что значительно менѣе сомнѣній вызываетъ другое постановленіе того же соединеннаго собранія, помѣщенное въ матеріалахъ къ IX конгрессу [2]) и гласящее, что въ отношеніи собиранія доказательствъ состязательный принципъ не можетъ быть выдержанъ на предварительномъ слѣдствіи въ виду

[1]) Bulletin, № 5, стр. 1.

[2]) Drucksachen für den IX Kongress, № 13, п. 4., стр. 350 и 351.

крайней фактической неравномѣрности въ положеніи обвиняемаго и обвинителя. И дѣйствительно, неравномѣрность эту не устранятъ и не въ состояніи измѣнить никакія реформы, произведенныя въ области процесса въ видахъ „возможно большаго приближенія слѣдствія къ состязательному началу". Если даже и допустить, какъ это высказалъ С.-Петербургскій съѣздъ, что первоначальное собраніе уликъ и розыскъ виновника преступнаго событія будетъ производиться главою судебной полиціи, прокурорскимъ надзоромъ, то и послѣ передачи добытаго обвинительнаго матеріала судьѣ-слѣдователю положеніе обвиняемаго и обвинителя остается крайне неравномѣрнымъ. Никакое присутствіе защиты и предоставленіе ей равноправности и состязательности не устранитъ этой неравномѣрности, такъ какъ опредѣлить моментъ, *когда* именно прокуратура пожелаетъ изъ хозяина дѣла, иниціатора односторонняго розыска, обратиться въ процессуальную сторону и подпасть подъ контроль судьи, зависѣть будетъ отъ самой прокуратуры. Мы уже указали, насколько невыгоднымъ подобное построеніе окажется для обвиняемаго, а теперь замѣтимъ, что, по мнѣнію соединеннаго собранія (п. 3), моментъ обязательнаго открытія предварительнаго слѣдствія ни по существу, ни съ формальной стороны, не можетъ быть съ точностью установленъ закономъ. Нельзя, напримѣръ, установить, что съ подачею жалобы потерпѣвшаго должно открываться предварительное слѣдствіе. Положеніе это является совершенно правильнымъ; не даромъ требованіе 303 ст. устава уголовнаго судопроизводства вызывало на практикѣ не мало затрудненій и служило къ излишнему обремененію судебнаго вѣдомства [1]). Между тѣмъ съ точки зрѣнія принципа состязательности слѣдствія, столь желательнаго, по мнѣнію большинства членовъ конгресса, моментъ перехода разслѣдованія преступнаго событія изъ вѣдѣнія прокуратуры въ распоряженіе судьи и является наиболѣе важнымъ въ смыслѣ предоставленія нужныхъ гарантій обвиняемому; до

---

[1]) Ст. 303 уст. угол. суд. исключена изъ проекта новаго устава уголовнаго судопроизводства.

этого момента господствуетъ принципъ розыскной, разслѣдованіе преступленія часто односторонне, фиксируются лишь однѣ улики, все, что можетъ говорить за подозрѣваемаго или въ его пользу, оставляется безъ вниманія. При невозможности же указать точно въ законѣ, когда именно этотъ беззащитный подозрѣваемый становится стороною, равноправною съ прокуратурою, неизвѣстно и то, когда наступаютъ для обвиняемаго благодѣтельныя послѣдствія правъ состязательнаго производства. Отсюда ясно, что формулированныя большинствомъ конгресса положенія, будучи приложены къ процессуальной дѣйствительности, способны даровать лишь крайне сомнительныя, въ смыслѣ своевременности, гарантіи обвиняемому и вмѣстѣ съ тѣмъ не улучшатъ способовъ раскрытія истины.

Намъ остается, въ заключеніе, разсмотрѣть, насколько соотвѣтствуютъ разбираемыя нами desiderata IX конгресса тѣмъ процессуальнымъ нормамъ, которыя проектируются Министерствомъ Юстиціи и внесены нынѣ на уваженіе Государственнаго Совѣта. Какъ извѣстно, проектъ устава уголовнаго судопроизводства поручаетъ предварительное слѣдствіе о преступныхъ дѣяніяхъ производить слѣдственнымъ судьямъ при содѣйствіи полиціи и, въ опредѣленныхъ случаяхъ, чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, при наблюденіи прокуроровъ и ихъ товарищей (ст. 151). При производствѣ слѣдствія судья, какъ и по дѣйствующимъ Судебнымъ Уставамъ, обязанъ съ полнымъ безпристрастіемъ приводить въ извѣстность какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства его оправдывающія (ст. 157). Предварительное слѣдствіе производится негласно (ст. 178), и обстоятельства, обнаруживаемыя имъ, а равно и дознаніемъ, не подлежатъ ни оглашенію, ни опубликованію. Но если прокуроръ окружнаго суда или судья, производящій слѣдствіе, признаетъ необходимымъ, въ интересахъ обнаруженія преступнаго дѣянія или виновнаго предать гласности нѣкоторыя изъ обстоятельствъ дѣла, то можетъ сдѣлать распоряженіе объ ихъ оглашеніи и опубликованіи. Во все время производства предварительнаго слѣдствія защита во всѣхъ дѣйствіяхъ, направлен-

ныхъ къ установленію внѣшнихъ признаковъ преступленія (осмотры, освидѣтельствованія, экспертизы), никакого участія не принимаетъ. Лишь послѣ допроса судьею лица, привлеченнаго имъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, и заключенія таковаго (въ видѣ мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда) подъ стражу, обвиняемый (ст. 351) имѣетъ право уполномочить на обжалованіе отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій защитника. Свиданія обвиняемаго съ защитникомъ допускаются не иначе, какъ подъ надлежащимъ присмотромъ (ст. 413) и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда судья по ходу слѣдствія признаетъ это возможнымъ. Когда предварительное слѣдствіе окончено и всѣ улики, собранныя противъ обвиняемаго, закрѣплены судебными дѣйствіями, судья вызываетъ обвиняемаго и предъявляетъ ему, если онъ о томъ просить будетъ, все производство (ст. 411), а затѣмъ спрашиваетъ его: не желаетъ ли онъ еще что-нибудь представить въ свое оправданіе. При этомъ обвиняемый имѣетъ право (ст. 412) просить о предъявленіи слѣдственнаго производства защитнику. Въ послѣднемъ случаѣ судья вызываетъ избраннаго обвиняемымъ защитника, предъявляетъ ему все производство и спрашиваетъ его, не желаетъ ли онъ дополненія слѣдствія. Неявка защитника, впрочемъ, не останавливаетъ заключенія слѣдствія. Въ томъ случаѣ, если обвиняемый или его защитникъ укажутъ на какія-либо новыя обстоятельства, судья обязанъ провѣрить тѣ изъ нихъ, которыя могутъ имѣть вліяніе на рѣшеніе дѣла. Основанія къ отказу въ удовлетвореніи сего ходатайства (ст. 415) судья излагаетъ въ особомъ постановленіи, которое наравнѣ со всѣми иными дѣйствіями, нарушающими или стѣсняющими права обвиняемаго, можетъ быть обжаловано окружному суду (ст. 429). Дополнительныя слѣдственныя дѣйствія производятся во всякомъ случаѣ не въ присутствіи защитника обвиняемаго.

Таковы въ существенныхъ чертахъ всѣ тѣ процессуальныя правила, которыя въ проектируемомъ процессуальномъ уставѣ опредѣляютъ взаимныя отношенія между розыскнымъ и состязательнымъ началами на предварительномъ слѣдствіи.

Насколько будутъ обезпечены этими правилами, въ случаѣ проведенія ихъ въ жизнь, интересы уголовнаго правосудія, интересы соціальной защиты, покажетъ, конечно, будущее. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что препятствовать, парализировать раскрытіе матеріальной истины приведенныя правила не могутъ и что успѣхъ слѣдственнаго дѣла будетъ, какъ и нынѣ, главнымъ образомъ, зависѣть отъ свойства и качества судебнаго персонала и той обстановки, въ которой ему придется производить свою трудную и отвѣтственную работу. Что же касается до вопроса о тѣхъ гарантіяхъ, которыя проектъ устава уголовнаго судопроизводства предоставляетъ обвиняемымъ въ видахъ обезпеченія интереса свободы личности, то въ этомъ отношеніи, по нашему глубокому убѣжденію, предположенныя правила едва ли нуждаются въ какихъ-либо коренныхъ измѣненіяхъ. То обстоятельство, что вся созидательная часть предварительнаго слѣдствія поручена судьѣ, снабженному всѣми розыскными функціями, влечетъ за собою, по приведеннымъ выше основаніямъ, необходимость устраненія состязательнаго начала въ этой стадіи процесса. Однако права подозрѣваемаго этимъ не стѣснены; каждое слѣдственное дѣйствіе можетъ быть обжаловано обвиняемымъ или его повѣреннымъ (ст. 429). Лишенный свободы обвиняемый можетъ имѣть съ избраннымъ имъ защитникомъ свиданіе и пользоваться его руководствомъ и совѣтами. Всѣ мѣры, необходимыя въ видахъ выясненія данныхъ въ пользу обвиняемаго, могутъ быть своевременно указаны слѣдователю не только самимъ привлеченнымъ къ слѣдствію, но и его защитникомъ, и притомъ до заключенія слѣдствія, до разрѣшенія вопроса о преданіи суду или прекращеніи уголовнаго преслѣдованія. Остается только пожелать, чтобы эти благодѣтельныя права, предоставляемыя новымъ законопроектомъ обвиняемому, не остались въ жизни мертвою буквою, не сдѣлались привилегіею однихъ богатыхъ и чтобы присутствіе добровольцевъ-защитниковъ при заключеніи предварительнаго слѣдствія въ камерахъ русскихъ слѣдственныхъ судей сдѣлалось не исключительнымъ, а обычнымъ и повседневнымъ явленіемъ.

ПРАВО НА НѢДРА ЗЕМЛИ.

П. Н. Гуссаковскаго.

При современныхъ экономическихъ условіяхъ широкое развитіе горной промышленности пріобрѣтаетъ у насъ особо важное значеніе. Не говоря уже о томъ, что разработка заключающихся въ нѣдрахъ земли минеральныхъ богатствъ повышаетъ общую производительность страны и предоставляетъ крупные заработки значительной части нуждающагося въ нихъ населенія, широкая эксплоатація богатыхъ мѣсторожденій такихъ ископаемыхъ, какъ каменный уголь и желѣзная руда, понижая ихъ стоимость, даетъ вообще сильный толчокъ всей промышленной жизни государства. Извѣстно, что количество потребляемаго въ странѣ угля и желѣза можетъ служить мѣриломъ промышленнаго ея развитія и степени ея благосостоянія. Вслѣдствіе этого одна изъ важнѣйшихъ задачъ горнаго законодательства должна заключаться въ томъ, чтобы путемъ надлежащей нормировки горныхъ промысловъ устранить искусственныя преграды для свободнаго ихъ развитія и обезпечить правильную и соотвѣтствующую интересамъ страны эксплоатацію минеральныхъ богатствъ.

Всякое горное предпріятіе для правильной его постановки и успѣшной эксплоатаціи требуетъ крупныхъ затратъ на предварительныя развѣдки и изслѣдованія мѣсторожденій ископаемыхъ и на извлеченіе ихъ изъ земли. Землевладѣльцы,

эксплоатирующіе принадлежащія имъ имѣнія для сельскохозяйственныхъ цѣлей, лишь въ исключительныхъ случаяхъ разрабатываютъ непосредственно заключающіяся въ нѣдрахъ земли минеральныя богатства, такъ какъ для этого они не обладаютъ обыкновенно ни достаточными денежными средствами, ни необходимыми техническими знаніями. Съ другой стороны лица, совмѣщающія въ себѣ необходимыя условія для правильной и широкой постановки горнаго предпріятія, могутъ приступить къ развѣдкамъ и самой разработкѣ ископаемыхъ на чужихъ земляхъ только при наличности достаточныхъ гарантій въ томъ, что открытое ими мѣсторожденіе поступитъ въ ихъ эксплоатацію на все время, необходимое для его выработки и покрытія сдѣланныхъ затратъ на предпріятіе. Такихъ гарантій не находятъ однако горнопромышленники въ тѣхъ государствахъ, гдѣ право эксплоатаціи нѣдръ земли неразрывно связано съ правомъ собственности на ея поверхность, и потому въ этихъ государствахъ замѣчается обыкновенно крайне слабое развитіе горной промышленности, при чемъ нерѣдко богатѣйшія даже мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ надолго остаются безъ всякой разработки.

Для огражденія народно-хозяйственныхъ интересовъ, коимъ наносится крупный ущербъ вслѣдствіе оставленія втуне заключающихся въ нѣдрахъ земли минеральныхъ богатствъ, большинство законодательствъ Западной Европы устанавливаетъ рядъ ограниченій правъ собственника на нѣдра земли. Въ силу усвоеннаго этими законодательствами принципа горной свободы развѣдка горныхъ мѣсторожденій на чужихъ земляхъ, а затѣмъ и разработка открытыхъ ископаемыхъ, имѣющихъ особо важное значеніе въ экономической жизни страны, могутъ быть предоставлены, при соблюденіи извѣстныхъ условій, всякому предпринимателю, независимо отъ согласія на то собственника. Этотъ же принципъ горной свободы былъ положенъ въ основу горнаго законодательства, дѣйствующаго и у насъ съ 1870 года въ губерніяхъ Царства Польскаго. На основаніи горнаго устава 1892 г., представляющаго собою дальнѣйшее развитіе тѣхъ началъ, на

которыхъ было построено горное положеніе 16 іюня 1870 года, собственнику земли принадлежитъ право собственности и на ея нѣдра, но онъ не можетъ отказать предпринимателю въ производствѣ горныхъ развѣдокъ въ его имѣніи, а затѣмъ и въ самой эксплоатаціи открытыхъ мѣсторожденій такихъ ископаемыхъ, которыя имѣютъ особо важное значеніе для экономической жизни страны. Къ числу этихъ ископаемыхъ отнесены желѣзныя, цинковыя и свинцовыя руды, а также каменный уголь. Въ случаѣ отказа собственника въ разрѣшеніи на производство развѣдокъ упомянутыхъ ископаемыхъ, такое разрѣшеніе дается окружнымъ инженеромъ; отводъ же площадей для добычи этихъ ископаемыхъ, при отсутствіи соглашенія между собственникомъ и предпринимателемъ, производится въ порядкѣ, установленномъ для принудительнаго отчужденія недвижимыхъ имуществъ на государственную или общественную пользу. Устанавливая такія ограниченія правъ собственника на нѣдра, горный уставъ обезпечиваетъ ему соотвѣтственное вознагражденіе за утрачиваемыя имъ права. За пользованіе поверхностью земли, занятой для горной разработки, горнопромышленникъ обязанъ уплачивать собственнику ежегодное вознагражденіе въ размѣрѣ двойной суммы того чистаго дохода, который онъ получалъ съ занятаго участка; вознагражденіе же за пользованіе нѣдрами земли устанавливается въ размѣрѣ 1% съ цинковой руды и ½% съ остальныхъ ископаемыхъ, ежегодно добываемыхъ на отведенной площади. Независимо отъ обязанности вознагражденія собственника за пользованіе поверхностью земли и ея нѣдрами, на предпринимателя, получившаго отводъ на чужихъ земляхъ, налагается цѣлый рядъ обязанностей въ видахъ огражденія общихъ народно-хозяйственныхъ интересовъ. Въ этихъ видахъ онъ обязывается приступить къ добычѣ ископаемыхъ на отведенной ему площади въ теченіе опредѣленнаго срока и затѣмъ вести эту разработку, въ размѣрѣ не менѣе установленной закономъ нормы, соблюдая при этомъ всѣ требованія горной техники, дабы не затруднять въ будущемъ возможности разработки того же или сосѣдняго мѣсторожденія. Въ случаѣ несоблюденія этихъ обязанностей от-

веденная площадь можетъ быть отобрана отъ предпринимателя и назначена въ публичную продажу.

Построенный на такихъ началахъ горный уставъ, дѣйствующій въ губерніяхъ Царства Польскаго, далъ могучій толчокъ развитію горнаго промысла въ краѣ. Въ теченіе сравнительно короткаго времени, прошедшаго съ изданія горнаго положенія 1870 г., на частновладѣльческихъ земляхъ возникло множество новыхъ горныхъ предпріятій, упрочившихъ въ значительной мѣрѣ благосостояніе собственниковъ земли и давшихъ крупные заработки мѣстному населенію.

Несмотря на столь благопріятные результаты примѣненія принципа горной свободы въ губерніяхъ Царства Польскаго, наше правительство не признало однако возможнымъ распространить начала, на которыхъ построено горное законодательство въ названныхъ губерніяхъ, и на другія мѣстности Имперіи. Наши гражданскіе законы и общій горный уставъ предоставляютъ до сихъ поръ собственнику земли исключительное право разработки ея нѣдръ, при чемъ нежеланіе колебать это право, дарованное земледѣльцамъ еще въ 1782 году, служитъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ осуществленію кореннаго преобразованія нашего устарѣвшаго горнаго законодательства, не отвѣчающаго ни требованіями жизни, ни государственнымъ и общественнымъ интересамъ.

Между тѣмъ мотивы, приводимые въ подтвержденіе необходимости сохраненія тѣхъ началъ, на которыхъ построено наше дѣйствующее горное законодательство, едва ли могутъ быть признаны достаточно вѣскими. При столкновеніи противоположныхъ интересовъ, интересы частные должны всегда уступать мѣсто интересамъ государственнымъ и общественнымъ. Вслѣдствіе этого, коль скоро признается безспорнымъ, что сохраненіе за собственникомъ земли исключительныхъ правъ на разработку ея нѣдръ задерживаетъ промышленное развитіе государства и наноситъ тяжкій ущербъ народно-хозяйственнымъ интересамъ, то едва ли могутъ возникнуть какія-либо сомнѣнія въ томъ, что эти исключительныя права должны быть ограничены въ той мѣрѣ, въ какой это представляется необходимымъ въ видахъ государственной и общественной

пользы. Въ настоящее время экспропріація чужихъ земель для проложенія желѣзнодорожныхъ путей или же для другихъ государственныхъ и общественныхъ надобностей представляетъ собою обычное повседневное явленіе, при чемъ въ такомъ нарушеніи правъ собственника никто уже не усматриваетъ акта неправомѣрнаго. Еще недавно состоялся законъ, предоставляющій собственнику имѣнія провести воду, необходимую для орошенія его полей, черезъ земли сосѣднихъ владѣльцевъ, хотя бы они и не изъявили на то своего согласія. Казалось бы поэтому, что принципы права и справедливости нисколько не были бы нарушены и въ томъ случаѣ, если бы въ государственныхъ интересахъ и интересахъ народнаго хозяйства въ наше законодательство были введены такія же постановленія, ограничивающія права землевладѣльцевъ по распоряженію нѣдрами ихъ земель, какія установлены почти повсемѣстно на континентѣ западной Европы и съ 1870 года примѣняются и у насъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что осуществленіе подобной мѣры не только не нанесло бы никакого ущерба землевладѣльцамъ, но напротивъ того вполнѣ соотвѣтствовало бы ихъ правильно понятымъ интересамъ. Какъ извѣстно, громадное большинство нашихъ частновладѣльческихъ земель не изслѣдовано вовсе въ горномъ отношеніи. Ежегодно совершается большое число сдѣлокъ о продажѣ такихъ земель цѣлыми имѣніями или же отдѣльными участками, при чемъ, устанавливая цѣну за продаваемую землю, ни продавецъ, ни покупатель не принимаютъ вовсе въ разсчетъ принадлежащаго землевладѣльцу права эксплоатаціи содержащихся въ нѣдрахъ земли минеральныхъ богатствъ, самое существованіе которыхъ впредь до ихъ открытія представляется проблематичнымъ. Такимъ образомъ собственники всѣхъ тѣхъ земель, нѣдра которыхъ остаются до сихъ поръ неизслѣдованными, ничего не потеряютъ въ случаѣ лишенія ихъ исключительнаго права разработки ископаемыхъ, коими они до сихъ поръ фактически не пользовались, такъ какъ осуществленіе подобной мѣры нисколько не отразится на цѣнности принадлежащей имъ земли, опредѣ-

ляемой нынѣ безъ всякаго соображенія съ тѣми минеральными богатствами, которыя, быть можетъ, заключаются въ ея нѣдрахъ. Напротивъ того, предоставленіе всякому желающему искать и затѣмъ разрабатывать открытыя мѣсторожденія важнѣйшихъ ископаемыхъ, подъ условіемъ вознагражденія землевладѣльцевъ, несомнѣнно оживило бы предпріимчивость въ горномъ дѣлѣ и въ конечномъ результатѣ создало бы для многихъ собственниковъ новые источники дохода отъ эксплоатаціи такихъ минеральныхъ богатствъ, найденныхъ горнопромышленниками въ ихъ имѣніяхъ, которыя при существующихъ условіяхъ оставались бы надолго въ нѣдрахъ земли безъ всякой пользы для ея собственника и въ явный ущербъ интересамъ народнаго хозяйства.

Ограниченіе исключительныхъ правъ землевладѣльцевъ на распоряженіе нѣдрами земли не нанесло бы имъ существеннаго ущерба и въ тѣхъ случаяхъ, когда принадлежащія имъ земли находятся въ раіонѣ, завѣдомо содержащемъ въ себѣ тѣ или иныя цѣнныя ископаемыя, или же когда наличность такихъ ископаемыхъ точно установлена произведенными уже развѣдками. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что современная цѣнность такихъ земель обусловливается въ значительной мѣрѣ предполагаемыми или же въ дѣйствительности содержащимися въ нихъ минеральными богатствами. Тѣмъ не менѣе предоставленіе всякому желающему разрабатывать открытыя имъ ископаемыя на чужихъ земляхъ не можетъ привести къ обезцѣненію этихъ земель, такъ какъ отводъ необходимыхъ площадей для горной разработки можетъ послѣдовать не иначе, какъ на условіи вознагражденія собственника земли въ размѣрѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ богатству мѣсторожденія и доходности горнаго предпріятія. Такимъ образомъ разсматриваемая мѣра не нанесетъ дѣйствительнаго вреда землевладѣльцу, но лишитъ его только возможности задерживать на неопредѣленное время разработку принадлежащаго ему мѣсторожденія въ надеждѣ выждать благопріятный случай для уступки права эксплоатаціи этого мѣсторожденія на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ.

Не рѣшаясь приступить къ коренной реформѣ нашего горнаго права изъ опасенія нарушить при этомъ имущественные интересы многочисленнаго класса землевладѣльцевъ, наше правительство въ виду настойчивыхъ требованій жизни, было однако поставлено въ необходимость ради упорядоченія горныхъ промысловъ на частныхъ земляхъ допустить нѣкоторыя, хотя и незначительныя, ограниченія правъ собственниковъ на распоряженіе нѣдрами земли. Еще въ 1878 г. Комитетъ Министровъ призналъ необходимымъ нормировать разработку мѣсторожденій важнѣйшихъ ископаемыхъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и потому возложилъ на Министра Государственныхъ Имуществъ обязанность выработать соотвѣтственныя по этому предмету правила для внесенія ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта. При выполненіи этого порученія Министерство Государственныхъ Имуществъ обратило прежде всего вниманіе на отсутствіе въ нашихъ законахъ спеціальныхъ постановленій объ арендѣ земель для горныхъ и горнозаводскихъ цѣлей, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ, желающій уступить право разработки ископаемыхъ постороннему лицу, поставленъ въ необходимость руководствоваться общими законами о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, опредѣляющими нормальный срокъ аренды въ 12 лѣтъ. Такъ какъ при столь короткомъ срокѣ не могутъ окупиться затраты на сколько-нибудь правильную постановку горнаго предпріятія, то Министерство Государственныхъ Имуществъ признало прежде всего необходимымъ допустить сдачу частныхъ земель въ наемъ для добычи ископаемыхъ на срокъ до 90 лѣтъ. При этомъ, дабы предотвратить возможность заключенія такихъ долгосрочныхъ контрактовъ для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ горнымъ промысломъ, предполагалось обусловить право заключенія этихъ договоровъ предварительнымъ удостовѣреніемъ правительственной власти въ существованіи на данномъ земельномъ участкѣ мѣсторожденія ископаемыхъ, требующаго долгосрочной разработки, и сверхъ того ограничить пространство отдаваемой для разработки земли съ такимъ мѣсторожденіемъ извѣстною предѣльною нормою, достаточною для правильной постановки

самостоятельнаго горнаго предпріятія. Независимо отъ того, такъ какъ заключеніе долгосрочныхъ арендныхъ контрактовъ на земли, содержащія въ себѣ мѣсторожденія ископаемыхъ, не для эксплоатаціи этихъ мѣсторожденій, а для переуступки права разработки ихъ другимъ лицамъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, могло бы нанести существенный ущербъ народному хозяйству, то Министерство Государственныхъ Имуществъ признавало необходимымъ вмѣнить сторонамъ въ обязанность включать въ договоръ условіе, въ силу котораго арендаторъ послѣ заключенія договора долженъ приступить не позже опредѣленнаго срока въ разработкѣ ископаемыхъ и затѣмъ не прерывать ея до истеченія срока аренды. Въ случаѣ нарушенія арендаторомъ этой обязанности, землевладѣльцу предполагалось предоставить право требовать въ законномъ порядкѣ уничтоженія заключеннаго договора. Выработанный на указанныхъ основаніяхъ проектъ правилъ объ арендѣ частныхъ земель для горныхъ или горнозаводскихъ цѣлей былъ внесенъ въ 1882 году на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Отнесясь съ полнымъ сочувствіемъ къ стремленію Министерства Государственныхъ Имуществъ создать условія, благопріятствующія правильному развитію частной горнопромышленности, Соединенные Департаменты Законовъ и Государственной Экономіи нашли однако, что проектированныя правила не отвѣчаютъ намѣченной цѣли. Разрѣшеніе заключать сдѣлки о наймѣ земель для разработки минеральныхъ богатствъ на сроки до девяноста лѣтъ безъ установленія правительственнаго надзора за дѣятельностью арендатора, нанявшаго землю для горнозаводскихъ цѣлей, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, открыло бы самый широкій просторъ для совершенія фиктивныхъ договоровъ, которыми подъ предлогомъ разработки минеральныхъ мѣсторожденій земельная собственность обременялась бы долгосрочными арендами съ цѣлями, не имѣющими ничего общаго съ горною промышленностью. Такимъ образомъ утвержденіе проектированныхъ правилъ было бы равносильно косвенной отмѣнѣ кореннаго закона, воспрещающаго отдавать недвижимыя иму-

щества въ аренду на срокъ свыше двѣнадцати лѣтъ, а между тѣмъ точное соблюденіе этого закона имѣетъ весьма важное значеніе какъ въ видахъ огражденія собственности отъ искусственнаго обезцѣненія, такъ и въ фискальномъ отношеніи.

Руководствуясь этими соображеніями и имѣя сверхъ того въ виду, что нѣкоторая отсрочка въ разработкѣ ископаемыхъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ представляется съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ несравненно менѣе вредною, нежели хищническая эксплоатація минеральныхъ богатствъ, вполнѣ возможная при отсутствіи надлежащаго за нею надзора,—Государственный Совѣтъ возвратилъ Министру Государственныхъ Имуществъ представленный имъ проектъ для переработки его въ связи съ вопросомъ о правительственномъ надзорѣ за производствомъ горнаго промысла частными предпринимателями. При этомъ Министру Государственныхъ Имуществъ предоставлено право впредь до изданія законоположенія о горной промышленности на частныхъ земляхъ, повергать въ уважительныхъ случаяхъ на Высочайшее разрѣшеніе возникающія ходатайства о дозволеніи заключать долгосрочные договоры на наемъ частныхъ земель для горныхъ и горнозаводскихъ цѣлей.

По воспослѣдованіи вышеприведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта Министерство Государственныхъ Имуществъ не сочло нужнымъ выработывать какія-либо новыя правила о долгосрочной арендѣ частныхъ земель для разработки ископаемыхъ. Оставаясь при прежнемъ мнѣніи, что въ общегосударственныхъ интересахъ надлежало бы допустить отдачу въ аренду мѣсторожденій ископаемыхъ на частныхъ земляхъ не иначе, какъ на время до выработки ископаемаго, или по крайней мѣрѣ на весьма долгіе сроки, Министерство Государственныхъ Имуществъ признало однако нежелательнымъ вводить подобное постановленіе въ законъ, такъ какъ такое постановленіе, стѣсняя землевладѣльца въ распоряженіи нѣдрами его земли, могло бы только повести къ остановкѣ горнаго дѣла на частныхъ земляхъ, а не къ его развитію. Основаніемъ къ такимъ опасеніямъ послужило между про-

чимъ то обстоятельство, что законъ 1885 года, предоставившій право возбуждать ходатайство о разрѣшеніи долгосрочныхъ арендъ для горныхъ цѣлей, остался мертвою буквою, ибо землевладѣльцы вовсе не проявили стремленія воспользоваться подобнымъ разрѣшеніемъ.

Отказавшись такимъ образомъ отъ составленія спеціальныхъ правилъ о наймѣ частныхъ земель для разработки ископаемыхъ, Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, въ виду упомянутаго выше порученія Государственнаго Совѣта, выработало рядъ предположеній объ установленіи правительственнаго надзора за горнымъ промысломъ на частныхъ земляхъ, и эти предположенія получили силу закона въ 1892 и 1895 гг. На основаніи этихъ законоположеній разработка рудниковъ и пріисковъ, хотя бы они находились и на частновладѣльческихъ земляхъ, должна производиться по правиламъ горнаго искусства, дабы не затруднять физически или экономически дальнѣйшей разработки того же или сосѣдняго мѣсторожденія. Вслѣдствіе этого горнопромышленникъ можетъ приступить къ разработкѣ не иначе, какъ по предварительно составленному проекту работъ, одобренному окружнымъ инженеромъ, на котораго и возлагается наблюденіе за точнымъ соблюденіемъ утвержденнаго проекта разработки. Въ случаѣ нарушенія этихъ требованій закона горнопромышленникъ повергается административному взысканію, и самая разработка можетъ быть пріостановлена. Независимо отъ того, если собственникъ земли желаетъ отдать разработку рудника другому лицу, то онъ непремѣнно долженъ сдѣлать отводъ рудника по договору. Отводъ этотъ долженъ быть сдѣланъ въ натурѣ, при чемъ владѣлецъ земли обязанъ представить горному управленію или Горному Департаменту по принадлежности какъ планъ отвода, такъ и засвидѣтельствованную копію договора объ арендѣ. Въ случаѣ неисполненія этихъ требованій виновные подвергаются денежному взысканію въ размѣрѣ не свыше пятидесяти рублей.

Такимъ образомъ несмотря на нежеланіе колебать предоставленное собственнику исключительное право распоряже-

нія нѣдрами земли, наше правительство, для огражденія интересовъ будущихъ поколѣній, было поставлено въ необходимость допустить нѣкоторыя ограниченія этого права, дабы предотвратить хищническую разработку полезныхъ ископаемыхъ, не возобновляющихся въ природѣ ни при какихъ условіяхъ. Въ ряду этихъ ограничительныхъ постановленій заслуживаютъ особаго вниманія правила объ отводѣ рудниковъ въ натурѣ, такъ какъ они опредѣляютъ тѣ обязательныя условія, которыя должны быть соблюдены землевладѣльцемъ, при уступкѣ имъ права добычи постороннему предпринимателю на принадлежащихъ ему земляхъ.

Для выясненія значенія этихъ постановленій необходимо имѣть въ виду, что подъ отводомъ разумѣется площадь земли, предоставленной горнопромышленнику для устройства жилыхъ и другихъ хозяйственныхъ и техническихъ сооруженій, для склада добытой руды, для отваловъ пустой породы и для другихъ надобностей предпріятія. Вертикальными плоскостями, проведенными по межѣ отвода въ глубь земли, опредѣляются границы подземныхъ работъ, которыя можетъ производить горнопромышленникъ въ отведенномъ ему рудникѣ. Такъ какъ правильная разработка ископаемыхъ возможна лишь въ томъ случаѣ, когда горнопромышленникъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи данное мѣсторожденіе въ его цѣломъ или же, по крайней мѣрѣ, въ такой его части, самостоятельная разработка которой можетъ окупить съ избыткомъ затраты предпріятія, то для предотвращенія хищническаго пользованія минеральными богатствами, портящаго лишь мѣсторожденіе и затрудняющаго разработку его въ будущемъ представляется безусловно необходимымъ установить минимальные размѣры площади отвода, на которомъ можетъ быть допущена самостоятельная разработка. Съ другой стороны для предотвращенія захвата отдѣльными предпринимателями слишкомъ большихъ площадей, разработка которыхъ превышаетъ находящіяся въ ихъ распоряженіи средства, весьма важно установленіе также и максимальныхъ размѣровъ площади отвода, такъ какъ при отсутствіи въ этомъ отношеніи всякихъ ограниченій обширныя и богатыя мѣсторожденія, сосредото-

ченныя въ рукахъ предпринимателей, не располагающихъ достаточными для эксплоатаціи ихъ средствами, оставались бы въ большей ихъ части безъ разработки въ явный ущербъ народно-хозяйственнымъ интересамъ. Въ виду этихъ соображеній размѣръ площади отвода, который можетъ быть предоставленъ горнопромышленникамъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ, точно установленъ въ нашемъ горномъ уставѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ горный уставъ опредѣляетъ также и наибольшій размѣръ площади отвода въ губерніяхъ Царства Польскаго; установленіе же минимальныхъ размѣровъ отводныхъ площадей въ этихъ губерніяхъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и рода ископаемыхъ, предоставлено Министру Государственныхъ Имуществъ.

Что касается частновладѣльческихъ земель въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи, то въ виду исключительныхъ правъ на нѣдра, принадлежащихъ въ этихъ мѣстностяхъ землевладѣльцу, было бы совершенно безцѣльно устанавливать въ законѣ наибольшій размѣръ площади отвода рудника, который можетъ быть отданъ имъ въ разработку другому лицу. Коль скоро собственнику земли предоставлено право не допускать вовсе разработки ископаемыхъ въ принадлежащемъ ему имѣніи, то само собою разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи къ частновладѣльческимъ землямъ тѣхъ ограничительныхъ постановленій, которыя имѣютъ исключительно въ виду обезпечить возможно широкую эксплоатацію рудныхъ мѣсторожденій. Совершенно иначе разрѣшается вопросъ о минимальныхъ размѣрахъ площади отвода на частновладѣльческихъ земляхъ. Не желая нарушать право собственниковъ на нѣдра, предоставленныя имъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ при совершенно иномъ экономическомъ строѣ государства, законъ можетъ безучастно относиться къ тѣмъ случаямъ, когда землевладѣлецъ, въ ущербъ народно-хозяйственнымъ интересамъ, не допускаетъ разработки полезныхъ ископаемыхъ на принадлежащихъ ему земляхъ, такъ какъ вслѣдствіе этого отдаляется лишь моментъ пользованія содержащимися въ нѣдрахъ земли минеральными богатствами. Коль скоро однако землевладѣлецъ, желая из-

влекать выгоды изъ принадлежащихъ ему нѣдръ, уступаетъ право разработки ихъ постороннему лицу, то онъ обязанъ поставить предпринимателя въ такія условія, которыя допускали бы возможность правильной эксплоатаціи руднаго мѣсторожденія, такъ какъ хищническая его разработка наноситъ непоправимый ущербъ народному хозяйству, безплодно разрушая извѣстную часть минеральныхъ богатствъ и приводя ихъ въ негодность для дальнѣйшей эксплоатаціи. Вслѣдствіе этого, въ силу дѣйствующаго закона, землевладѣлецъ не можетъ уступить горнопромышленнику права разработки руднаго мѣсторожденія, не предоставивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и права пользованія соотвѣтственною площадью поверхности земли, при чемъ наименьшій размѣръ площади отвода рудника, отдаваемаго владѣльцемъ въ аренду, опредѣляется согласно инструкціи, составляемой горнымъ ученымъ комитетомъ съ утвержденія Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Таковы постановленія дѣйствующаго законодательства, опредѣляющія права собственника на нѣдра земли. Резюмируя эти законоположенія, оказывается, что землевладѣльцу принадлежитъ нынѣ исключительное право распоряженія заключающимися въ нѣдрахъ земли минеральными богатствами. Безъ его согласія никто не можетъ приступить ни къ развѣдкамъ рудныхъ мѣсторожденій, ни къ ихъ разработкѣ. Если собственникъ земли желаетъ непосредственно эксплоатировать принадлежащія ему минеральныя богатства, то онъ обязанъ вести разработку соотвѣтственно требованіямъ горной техники на основаніи предварительно составленнаго проекта, утвержденнаго горною администраціею. Въ случаѣ же уступки права эксплоатаціи рудника или копей постороннему предпринимателю онъ можетъ передать это право или на двѣнадцатилѣтній срокъ, установленный общими гражданскими законами для найма недвижимыхъ имуществъ, или же испросить разрѣшеніе на заключеніе аренднаго договора на болѣе продолжительный срокъ. Во всякомъ случаѣ, уступая горнопромышленнику право добычи ископаемыхъ, землевладѣлецъ безусловно обязанъ отвести также въ натурѣ и опре-

дѣленную площадь земли, необходимую для правильнаго устройства горнаго предпріятія, при чемъ размѣръ этой площади не можетъ быть меньше тѣхъ предѣльныхъ нормъ, которыя опредѣлены распубликованною въ установленномъ порядкѣ инструкціей Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Приведенныя постановленія далеко не отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ современному горному законодательству, но тѣмъ не менѣе въ ряду другихъ недостатковъ, присущихъ нашему горному уставу, ему не можетъ быть поставленъ упрекъ въ томъ, что въ немъ недостаточно опредѣленно выраженъ основной принципъ нашего горнаго права, въ силу котораго право собственности на нѣдра нераздѣльно соединено съ правомъ собственности на поверхность земли.

Между тѣмъ въ послѣднее время на почвѣ толкованія закона судебною практикою установлены два положенія, идущія совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ основнымъ началомъ, на которомъ построено наше горное законодательство. Двумя недавними рѣшеніями Правительствующаго Сената разъяснено, что право разработки всѣхъ заключающихся въ нѣдрахъ земли ископаемыхъ можетъ быть объектомъ продажи, въ качествѣ движимаго имущества, и что собственникъ земли при продажѣ по купчей крѣпости своего имѣнія можетъ сохранить за собою на вѣчныя времена исключительное право разработки содержащихся въ нѣдрахъ его минеральныхъ богатствъ. Такимъ образомъ по авторитетному толкованію Правительствующаго Сената у насъ возможно существованіе права собственности на землю безъ правъ собственности на ея нѣдра и самостоятельное право собственности на нѣдра земли безъ права собственности на ея поверхность.

Сущность соображеній, на основаніи которыхъ Правительствующій Сенатъ пришелъ къ упомянутымъ выводамъ, заключается въ слѣдующемъ. Всякій собственникъ имущества въ силу принадлежащаго ему права собственности можетъ уступить отдѣльныя составныя части своего права другому лицу въ произвольномъ объемѣ, если только такая

уступка прямо не воспрещена закономъ. Хотя въ 194, 195 и 196 ст. уст. горн. и выражено, что собственникъ земли можетъ передать другому лицу право разработки ископаемыхъ въ принадлежащемъ ему имѣніи посредствомъ арендпаго договора, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ передать своего права на ископаемыя посредствомъ акта купли-продажи, такъ какъ такого запрещенія въ горномъ уставѣ не содержится. Вслѣдствіе этого, если землевладѣлецъ уступаетъ навсегда своему контрагенту право разработки заключающихся въ нѣдрахъ земли ископаемыхъ, то такая сдѣлка, какъ не противная закону, должна быть признана дозволенной и по своему содержанію должна быть разсматриваема какъ договоръ о куплѣ-продажѣ движимости. То обстоятельство, что по договору покупщику ископаемыхъ, для извлеченія ихъ изъ нѣдръ, предоставляется право пользованія не только нѣдрами, но и поверхностью земли, не измѣняетъ сущности и характера договора, такъ какъ главнѣйшая его цѣль заключается въ передачѣ правъ собственности на ископаемыя, а право пользованія землею является лишь неимѣющимъ значенія придаткомъ.

Соображенія, на основаніи которыхъ Правительствующій Сенатъ пришелъ къ заключенію, что содержащіяся въ нѣдрахъ земли минеральныя богатства могутъ быть объектомъ отдѣльнаго права собственности, совершенно независимаго отъ права собственности на поверхность земли, представляются мало убѣдительными. Если въ нашемъ горномъ уставѣ нѣтъ особаго постановленія, прямо воспрещающаго передачу права собственности на содержащіяся въ нѣдрахъ земли ископаемыя, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что такая продажа можетъ быть признана дозволенною. И въ горномъ уставѣ, и въ нашихъ общихъ гражданскихъ законахъ выражено съ полною категоричностью, что „право полной частной собственности въ имуществахъ недвижимыхъ объемлетъ не одну поверхность земли, но и самое ея нѣдро, и потому оно распространяется на всѣ сокровенные минералы и на всѣ металлы, изъ нихъ происходящіе“. Точный смыслъ этого основнаго положенія нашего горнаго права не оставляетъ

сомнѣнія въ томъ, что по дѣйствующему законодательству право на нѣдра составляетъ нераздѣльную часть права земельной собственности. Собственникъ земли признается всегда и собственникомъ всѣхъ содержащихся въ нѣдрахъ ея ископаемыхъ. Эти ископаемыя по отдѣленіи ихъ отъ земли получаютъ значеніе отдѣльнаго движимаго имущества, могущаго быть объектомъ имущественныхъ сдѣлокъ, но до тѣхъ поръ, пока они находятся въ нѣдрахъ земли, они составляютъ ея принадлежность и могутъ принадлежать на правѣ собственности только землевладѣльцу, а не какому-либо другому лицу. Въ виду столь категорично установленнаго общаго начала нашего горнаго права, представлялось вполнѣ излишнимъ вводить въ наши горные законы особое постановленіе, воспрещающее отчужденіе нѣдръ земли отдѣльно отъ ея поверхности, такъ какъ такое воспрещеніе является неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ основнаго положенія нашего горнаго законодательства о нераздѣльности права собственности на поверхность земли и на ея нѣдра.

Въ силу принципа нераздѣльности этихъ правъ землевладѣлецъ можетъ уступить другому лицу не право собственности на находящіяся въ нѣдрахъ земли ископаемыя, а только право разработки ихъ, т. е. право пользованія землею для совершенія болѣе или менѣе сложныхъ операціи, направленныхъ къ извлеченію ископаемыхъ изъ нѣдръ земли. Такое пользованіе, какъ это и указано въ горномъ уставѣ, можетъ быть уступлено только путемъ арендпаго контракта, такъ какъ въ силу дѣйствующаго закона всѣ вообще договоры объ уступкѣ права пользованія землею должны быть облечены въ форму договора аренды совершенно независимо отъ того, уступается ли пользованіе землею для горныхъ или же для какихъ-либо иныхъ цѣлей.

Не отрицая того, что содержащіяся въ нѣдрахъ земли ископаемыя до отдѣленія ихъ отъ земли могутъ принадлежать только землевладѣльцу, Правительствующій Сенатъ находитъ однако, что послѣдній не лишенъ возможности уступить другому лицу на вѣчныя времена право разработки и добычи ископаемыхъ на принадлежащихъ ему земляхъ, такъ какъ

уступка такого права, имѣя ближайшею своею цѣлью передачу права собственности на всѣ содержащіяся въ нѣдрахъ земли ископаемыя, а не права пользованія землею, должна быть признана договоромъ продажи ископаемыхъ, а не договоромъ аренды. Такая аргументація страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ и построена на совершенно невѣрномъ положеніи. Коль скоро признается безспорнымъ, что ископаемыя до отдѣленія ихъ отъ земли могутъ принадлежать, въ силу закона, только землевладѣльцу, то очевидно, что не можетъ быть и рѣчи о возможности заключенія такого договора, въ силу котораго землевладѣлецъ уступаетъ своему контрагенту на вѣчныя времена право владѣнія, пользованія и распоряженія содержащимися въ нѣдрахъ земли ископаемыми, такъ какъ предоставленіе ему подобныхъ правъ было бы равносильно недозволенному закономъ отчужденію нѣдръ земли отдѣльно отъ ея поверхности. Независимо отъ того установленное Сенатомъ положеніе, что значеніе и характеръ сдѣлки опредѣляются тѣми цѣлями, которыя имѣли въ виду контрагенты при ея заключеніи, представляется совершенно невѣрнымъ.

При разрѣшеніи вопроса о томъ, къ какой категоріи договоровъ должна быть отнесена та или иная юридическая сдѣлка, надлежитъ принимать во вниманіе не цѣли, которыя имѣютъ въ виду контрагенты при ея заключеніи, а сущность и объемъ тѣхъ правъ, которыя составляютъ предметъ договора. При уступкѣ права эксплоатаціи нѣдръ земли одна изъ договаривающихся сторонъ имѣетъ несомнѣнно въ виду передать, а другая пріобрѣсти право собственности на заключающіяся въ нихъ ископаемыя, но такая цѣль сдѣлки недостаточна однако для отнесенія ея къ категоріи договоровъ о прадажѣ движимости. Заключая договоръ о наймѣ луга для сѣнокошенія, собственникъ земли имѣетъ также въ виду уступить, а наниматель пріобрѣсти право собственности на все то сѣно, которое въ теченіе срока найма можетъ быть собрано на отданномъ въ наймы участкѣ. Тѣмъ не менѣе такая сдѣлка очевидно не можетъ быть разсматриваема какъ договоръ о продажѣ сѣна. Какъ при уступкѣ права эксплоатаціи нѣдръ земли, такъ и при

наймѣ сѣнокоснаго луга, собственникъ земли не принимаетъ на себя обязанности передать непосредственно своему контрагенту то имущество, которое послѣдній стремится пріобрѣсти путемъ заключеннаго имъ договора, а обязывается лишь отвести въ его владѣніе опредѣленную часть своего имѣнія и предоставить ему произвести на отведенномъ участкѣ всѣ тѣ работы, которыя онъ признаетъ необходимыми для того, чтобы вступить въ обладаніе движимымъ имуществомъ, составляющимъ конечную цѣль сдѣлки. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ предметомъ договора служитъ не право собственности на то или иное имущество, а уступка права пользованія землею для опредѣленныхъ цѣлей. Лицо, пріобрѣвшее право эксплоатаціи нѣдръ земли, можетъ требовать отъ собственника не передачи заключающихся въ нихъ ископаемыхъ, а только предоставленія ему права пользованія опредѣленнымъ земельнымъ участкомъ для исполненія необходимыхъ работъ, направленныхъ къ извлеченію ископаемыхъ изъ земли. Такимъ образомъ сущность тѣхъ правъ и обязанностей, которыя порождаетъ договоръ объ уступкѣ права эксплоатаціи нѣдръ земли, устраняетъ всякую возможность смѣшенія его съ договоромъ о продажѣ движимости.

Нельзя отрицать, конечно, того обстоятельства, что договоромъ объ уступкѣ права добычи ископаемыхъ собственникъ земли передаетъ своему контрагенту нѣсколько большія права, чѣмъ обычнымъ арендномъ договоромъ. Арендное пользованіе домомъ для жилья или эксплоатація нанятой земли для сельскохозяйственныхъ цѣлей вовсе не влечетъ за собою неизбѣжнаго уничтоженія или разрушенія нанятаго имущества. Подъ вліяніемъ времени нанятый домъ можетъ прійти въ ветхость и сдѣлаться негоднымъ для жилья, но при заботливомъ къ нему отношеніи хозяина или нанимателя домъ этотъ и по истеченіи аренднаго срока можетъ сохраниться въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ находился до заключенія договора найма. Точно такъ же и правильное пользованіе землею для сельскохозяйственныхъ цѣлей не только не влечетъ за собою разрушенія полезныхъ ея свойствъ, но нерѣдко, при соотвѣтственномъ веденіи хозяйства, приводитъ

къ значительному увеличенію цѣнности ея и производительности. Совершенно иные результаты даетъ однако эксплоатація нѣдръ земли. Сущность пользованія ими заключается въ извлеченіи изъ нихъ полезныхъ ископаемыхъ. Продолжительная эксплоатація нѣдръ влечетъ за собою полное истощеніе заключавшихся въ нихъ минеральныхъ богатствъ, а слѣдовательно и значительное пониженіе цѣнности того имѣнія, изъ нѣдръ котораго извлечены уже всѣ полезныя ископаемыя. Такіе результаты пользованія нѣдрами земли не могутъ однако имѣть существеннаго значенія при опредѣленіи свойства и характера сдѣлки, въ силу которой землевладѣлецъ, сохраняя за собою право собственности на землю, предоставляетъ своему контрагенту лишь право добычи на ней ископаемыхъ. Свалка мусора, щебня и фабричныхъ отбросовъ на нанятомъ для этого земельномъ участкѣ несомнѣнно можетъ также обезцѣнить этотъ участокъ, но отъ этого наемъ земли для свалокъ не теряетъ значенія аренднаго договора. Лицо, нанявшее усадьбу для жилья или другихъ цѣлей, можетъ выговорить себѣ право снести или разрушить часть или даже всѣ находящіяся въ ней постройки, но то обстоятельство, что съ осуществленіемъ правъ нанимателя часть нанятаго имущества будетъ уничтожена, не лишаетъ заключеннаго договора значенія договора аренды. Наконецъ, значительное обезцѣненіе имѣнія вслѣдствіе полной выработки содержавшихся въ немъ гнѣздовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ возможно и при уступкѣ права добычи ихъ на короткій срокъ, а между тѣмъ въ силу дѣйствующаго законодательства договоръ о срочномъ наймѣ земли для эксплоатаціи минеральныхъ богатствъ безспорно долженъ быть признанъ арендңымъ договоромъ.

Для выясненія значенія сдѣлки объ уступкѣ правъ на ископаемыя, въ разсматриваемомъ рѣшеніи Правительствующаго Сената проводится параллель между подобнаго рода договорами и договоромъ продажи лѣса на срубъ. Растущій на корню лѣсъ точно такъ же какъ и ископаемыя, составляютъ принадлежность земли. Вырубка деревьевъ требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго пользованія тою землею, на ко-

торой они произрастаютъ, подобно тому какъ добыча ископаемыхъ вызываетъ необходимость пользованія тою землею, изъ нѣдръ которой они извлекаются. Между тѣмъ сенатскою практикою прочно установлено то положеніе, что продажа лѣса на срубъ составляетъ договоръ продажи, а не аренды. Отсюда выводъ, что и договоръ объ уступкѣ права добычи ископаемыхъ долженъ быть признанъ договоромъ продажи.

По этому поводу нельзя однако не замѣтить, что сравниваемые между собою договоры далеко не аналогичны. Распространять на договоры объ уступкѣ права добычи ископаемыхъ тѣ положенія, которыя выработаны сенатскою практикою относительно договоровъ о продажѣ лѣса на срубъ, не представляется возможнымъ уже въ силу того соображенія, что о послѣдней категоріи договоровъ въ дѣйствующемъ законѣ не имѣется особыхъ постановленій, тогда какъ договоры объ уступкѣ права эксплоатаціи нѣдръ земли въ общегосударственныхъ интересахъ нормируются спеціальными узаконеніями.

Но независимо отъ того и по самому существу своему договоры эти представляютъ рѣзкія другъ отъ друга отличія. При продажѣ лѣса на срубъ покупщику уступается опредѣленное имущество, которымъ онъ немедленно можетъ вступить въ обладаніе. Для осуществленія предоставленныхъ ему правъ по вырубкѣ и вывозу опредѣленнаго числа деревьевъ не представляется вовсе надобности въ отводѣ въ его исключительное владѣніе и пользованіе какой-либо площади земли и въ изъятіи таковой изъ владѣнія собственника. Въ теченіе всего періода времени, пока производится рубка лѣса, отношеніе собственника къ той земельной площади, на которой произрастаютъ проданныя имъ деревья, ни въ чемъ не измѣняется. Онъ остается такимъ же ея владѣльцемъ, какимъ онъ былъ и до заключенія лѣсорубочнаго контракта, и если вырубка и вывозъ лѣса и ограничиваетъ въ извѣстной мѣрѣ собственника земли въ его пользованіи земельною площадью, на которой находятся подлежащія вырубкѣ или же вырубленныя уже деревья, то эти ограниченія обусловливаются всецѣло тѣмъ временнымъ состояніемъ, въ какомъ

находится эта земельная площадь въ періодъ рубки, а не какими-либо самостоятельными правами на землю, предоставленными покупщику лѣса.

Напротивъ того, при уступкѣ права на содержащіяся въ нѣдрахъ земли минеральныя богатства не можетъ быть и рѣчи о непосредственной ихъ передачѣ собственникомъ земли своему контрагенту, такъ какъ при богатствѣ мѣсторожденія для извлеченія ихъ изъ земли могутъ потребоваться цѣлые вѣка и рядъ сложныхъ операцій, возможность осуществленія которыхъ зависитъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ технических и экономическихъ условій. Дабы поставить покупщика ископаемыхъ въ положеніе, допускающее возможность осуществленія предоставленныхъ ему правъ по разработкѣ минеральныхъ богатствъ, ему безусловно должна быть предоставлена въ безсрочное пользованіе опредѣленная площадь земли, соотвѣтствующая по своимъ размѣрамъ площади залеганія уступленныхъ ископаемыхъ. Отведенный ему земельный участокъ поступаетъ во владѣніе горнопромышленника для возведенія на немъ различнаго рода сооруженій и другихъ надобностей предпріятія, при чемъ землевладѣлецъ на долгіе годы или совершенно утрачиваетъ право пользованія тѣмъ же участкомъ, или же въ значительной мѣрѣ ограничивается въ этомъ правѣ какъ въ отношеніи пространства, такъ и самыхъ способовъ пользованія землею.

Такимъ образомъ по существу и объему правъ на землю, предоставляемыхъ собственникомъ земли своему контрагенту, договоръ объ уступкѣ права разработки ископаемыхъ рѣзко отличается отъ тѣхъ обычныхъ договоровъ о продажѣ лѣса на срубъ, которые имѣлъ въ виду Правительствующій Сенатъ, разъясняя, что они не имѣютъ ничего общаго съ арендою. Если бы однако землевладѣлецъ уступилъ своему контрагенту не одно лишь право вырубки опредѣленнаго числа деревьевъ въ теченіе опредѣленнаго срока, а безсрочное право рубки лѣса на опредѣленной площади впредь до полнаго истощенія лѣсныхъ насажденій; если бы сверхъ того покупщику вмѣстѣ съ правомъ собственности на весь лѣсной матеріалъ было предоставлено и право пользованія землею, на-

ходящеюся подъ лѣсными насажденіями для возведенія жилыхъ, хозяйственныхъ и техническихъ сооруженій и для другихъ надобностей лѣсопромышленнаго предпріятія, то едва ли даже съ точки зрѣнія сенатской практики такой договоръ могъ бы быть отнесенъ къ категоріи договоровъ о продажѣ движимости.

Приведенныя соображенія въ достаточной мѣрѣ указываютъ на крайнюю шаткость аргументаціи, на которой построено установленное Правительствующимъ Сенатомъ положеніе о правѣ собственника земли отчуждать содержащіяся въ нѣдрахъ ея ископаемыя на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всякое иное движимое имущество. Между тѣмъ разъясненіе это имѣетъ громадное значеніе, и нынѣ едва ли даже возможно предусмотрѣть всѣ тѣ послѣдствія, къ которымъ можетъ привести практическое его примѣненіе.

Еще въ 1885 году, отвергая проектированныя правила о долгосрочной арендѣ частныхъ земель для горныхъ цѣлей, Государственный Совѣтъ выразилъ опасеніе, что осуществленіе этихъ правилъ открыло бы широкій просторъ для совершенія фиктивныхъ сдѣлокъ въ видахъ обремененія недвижимой собственности долгосрочными арендами и въ конечномъ результатѣ привело бы лишь къ косвенной отмѣнѣ весьма важнаго закона о предѣльныхъ арендныхъ срокахъ. Тѣ же опасенія, но съ большимъ еще основаніемъ, могутъ быть выражены и въ настоящее время по поводу возможныхъ послѣдствій практическаго примѣненія установленнаго Правительствующимъ Сенатомъ положенія. По разъясненіямъ Правительствующаго Сената, включеніе въ договоръ объ уступкѣ ископаемыхъ особаго условія, предоставляющаго покупщику право безсрочнаго пользованія поверхностью земли,—не лишаетъ сдѣлки значенія договора о продажѣ движимости, а потому она можетъ быть совершена и въ формѣ домашняго акта. Вслѣдствіе этого нынѣ отъ соглашенія сторонъ вполнѣ зависитъ подъ прикрытіемъ сдѣлки о куплѣ-продажѣ ископаемыхъ установить безсрочное владѣніе и пользованіе недвижимымъ имѣніемъ въ любой мѣстности. Для установленія такого владѣнія не требуется вовсе ни фак-

тической разработки какихъ-либо минеральныхъ богатствъ тѣмъ лицомъ, коему уступлено это право, ни даже дѣйствительнаго существованія какихъ-либо полезныхъ ископаемыхъ въ томъ имѣніи, которое передано въ безсрочное пользованіе. Для этого достаточно простаго лишь указанія въ домашней сдѣлкѣ, что право безсрочнаго пользованія имѣніемъ предоставляется покупщику въ видѣ придатка къ уступленному ему праву собственности на содержащіяся въ нѣдрахъ земли ископаемыя. Едва ли нужно доказывать, что практическое примѣненіе преподанныхъ по этому поводу разъясненій Правительствующаго Сената повело бы къ фактической отмѣнѣ какъ общихъ законовъ, воспрещающихъ передачу недвижимыхъ имуществъ въ безсрочное владѣніе и пользованіе, такъ и спеціальныхъ узаконеній, ограничивающихъ нѣкоторыя категоріи лицъ въ правѣ владѣнія земельными имуществами въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ.

Независимо отъ того допущеніе возможности отчужденія содержащихся въ нѣдрахъ земли ископаемыхъ открываетъ широкій просторъ для искусственнаго обезцѣненія земельныхъ имуществъ въ ущербъ общественнымъ интересамъ и интересамъ кредита. Для выясненія тѣхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ привести предоставленіе собственнику такого права, достаточно представить себѣ какое-либо имѣніе совершенно непригодное для пользованія имъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, но содержащее въ себѣ весьма цѣнныя мѣсторожденія каменнаго угля или иныхъ ископаемыхъ. Если собственники подобныхъ имѣній воспользуются открывшеюся имъ возможностью отчужденія принадлежащихъ имъ минеральныхъ богатствъ на основаніяхъ, установленныхъ для продажи движимыхъ имуществъ, то право недвижимой собственности сдѣлается простою фикціей, такъ какъ съ отчужденіемъ единственно цѣнной составной части имѣнія на собственникѣ будутъ лежать лишь обязанности платежа повинностей и долговъ, обременяющихъ это имѣніе, и никакихъ правъ на извлеченіе изъ него какихъ-либо выгодъ. Между тѣмъ съ обладаніемъ недвижимою собственностью связаны нынѣ и извѣстныя общественныя права и обязанности, и кредитоспо-

собность, а потому установленіе столь легкой возможности обращенія правъ недвижимой собственности въ пустой звукъ, не имѣющій реальнаго значенія, несомнѣнно отразится крайне неблагопріятно и на общественныхъ интересахъ, и на интересахъ кредита.

Посмотримъ, однако, какое вліяніе можетъ оказать разрѣшеніе отчужденія ископаемыхъ на успѣхи горнаго дѣла, правильное развитіе котораго имѣетъ столь важное значеніе съ точки зрѣнія общегосударственныхъ и народно-хозяйственныхъ интересовъ. Предоставленіе горнопромышленнику права добычи ископаемыхъ впредь до полной выработки мѣсторожденія составляетъ одно изъ необходимѣйшихъ условій для широкаго и правильнаго развитія горныхъ промысловъ. Такое право и предоставляетъ нашъ горный уставъ въ интересахъ горнаго дѣла при отводѣ рудниковъ горнопромышленнику на всѣхъ вообще земляхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и на свободныхъ казенныхъ земляхъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Необходимо однако замѣтить, что это право предоставляется горнопромышленнику не путемъ отчужденія въ его пользу всѣхъ ископаемыхъ, содержащихся въ предѣлахъ отведенной площади, а путемъ предоставленія ему хотя и безсрочнаго, но условнаго права добычи ископаемыхъ. Получившій отводъ не становится собственникомъ отведеннаго ему мѣсторожденія, но онъ можетъ сохранить за собою право разработки его впредь до полнаго его истощенія, если только онъ своевременно приступитъ въ такой разработкѣ и будетъ вести ее въ опредѣленномъ размѣрѣ съ соблюденіемъ установленныхъ для этого техническихъ правилъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что только обставленное такими условіями безсрочное право добычи ископаемыхъ можетъ служить залогомъ успѣшнаго развитія горныхъ промысловъ. Разрѣшеніе же покупки содержащихся въ нѣдрахъ земли ископаемыхъ безъ возложенія на покупщика какихъ-либо обязанностей относительно ихъ разработки неизбѣжно приведетъ лишь къ задержкѣ естественнаго развитія горной промышленности. Коль скоро ископаемыя становятся нынѣ предметомъ свободнаго имущественнаго оборота, то тѣмъ самымъ открывается широкій просторъ для

покупки ихъ въ ущербъ народно-хозяйственнымъ интересамъ не съ цѣлью разработки, а для перепродажи ихъ по болѣе высокой цѣнѣ при наступленіи благопріятныхъ для этого условій.

Независимо отъ того, такъ какъ по разъясненіямъ Правительствующаго Сената землевладѣлецъ можетъ передать право собственности на принадлежащія ему ископаемыя въ произвольномъ объемѣ, то вполнѣ возможны случаи, когда въ актѣ о такой уступкѣ не будетъ вовсе упомянуто о предоставленіи покупщику права пользоваться поверхностью земли для горныхъ разработокъ, или же для эксплоатаціи обширныхъ и богатыхъ мѣсторожденій ему будетъ предоставленъ такой участокъ земли, на которомъ невозможно устройство правильнаго горнаго предпріятія. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, въ ущербъ успѣшному развитію горнаго дѣла, создалось бы такое положеніе, при которомъ ни собственникъ земли, ни покупщикъ ископаемыхъ не могли бы приступить къ ихъ эксплоатаціи, а такимъ образомъ богатыя и обширныя рудныя мѣсторожденія надолго оставались бы безъ всякой разработки.

Указанными послѣдствіями не исчерпывается однако весь тотъ вредъ, который можетъ быть причиненъ горному дѣлу предоставленіемъ землевладѣльцу столь широкаго права распоряженія принадлежащими ему минеральными богатствами. Если для уступки права разработки ихъ онъ не обязанъ совершать арендный договоръ на основаніяхъ, указанныхъ въ горномъ уставѣ, а можетъ продать содержащіяся въ нѣдрахъ земли ископаемыя какъ движимость, то вполнѣ возможны случаи, когда въ предѣлахъ одной и той же площади онъ продастъ опредѣленныя ископаемыя одному лицу, а остальныя другимъ лицамъ. Въ той сдѣлкѣ, которую имѣлъ въ виду Правительствующій Сенатъ, устанавливая положеніе о допустимости по нашимъ законамъ продажи ископаемыхъ подъ видомъ движимаго имущества, землевладѣлецъ и распорядился такимъ образомъ принадлежащими ему минеральными богатствами. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ продалъ горнопромышленному предпріятію; право же добычи остальныхъ

рудъ на всей площади того же имѣнія онъ сохранилъ за собою. Создается такимъ образомъ возможность такого положенія, когда при производствѣ подземныхъ работъ, направленныхъ къ разработкѣ различнаго рода ископаемыхъ, на одной и той же площади столкнутся два или нѣсколько горнопромышленниковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ самостоятельное право на добычу купленныхъ имъ рудъ и ни одинъ не имѣетъ права собственности на поверхность земли. Подобные случаи возможны нынѣ и въ губерніяхъ Царства Польскаго, гдѣ разрѣшеніе дается на добычу опредѣленной лишь руды и гдѣ площадь отвода, предоставленнаго одному горнопромышленнику для добычи тѣхъ или иныхъ ископаемыхъ, можетъ покрывать вполнѣ или отчасти площадь рудника, отведеннаго другому горнопромышленнику для добычи другихъ ископаемыхъ. Такое совмѣщеніе нѣсколькихъ самостоятельныхъ горныхъ предпріятій на одной и той же площади предусмотрѣно однако горнымъ законодательствомъ для губерній Царства Польскаго, а потому на случай возникновенія неизбѣжныхъ при этомъ между горнопромышленниками недоразумѣній относительно права на добытую руду, обязанности возвести водоотливныя или иныя сооруженія и по другимъ поводамъ, горный уставъ указываетъ и порядокъ разрѣшенія этихъ недоразумѣній, и совершенно опредѣленныя основанія для ихъ разрѣшенія. Между тѣмъ постановленія устава о горнопромышленности на частновладѣльческихъ земляхъ внѣ губерніи Царства Польскаго не заключаютъ въ себѣ никакихъ постановленій, могущихъ служить основаніемъ для разрѣшенія подобныхъ споровъ, такъ какъ подобныя постановленія представлялись излишними при томъ порядкѣ эксплоатаціи минеральныхъ богатствъ, какой дѣйствовалъ до сихъ поръ въ означенныхъ мѣстностяхъ. Не трудно поэтому представить себѣ тотъ хаосъ, который возникнетъ въ горномъ дѣлѣ съ предоставленіемъ возможности отчужденія на одной и той же площади различными лицами различныхъ ископаемыхъ при отсутствіи въ нашемъ горномъ уставѣ какихъ-либо постановленій, регулирующихъ въ подобныхъ случаяхъ взаимныя отношенія между горнопромышленниками.

Приведенными соображеніями въ достаточной мѣрѣ обрисовываются тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыя вызоветъ у насъ примѣненіе установленнаго въ порядкѣ толкованія законоположенія о возможности раздѣльнаго существованія права собственности на нѣдра земли и на ея поверхность. Если до сихъ поръ естественное развитіе горной промышленности тормозилось у насъ въ значительной мѣрѣ недостатками нашего горнаго законодательства, то съ введеніемъ въ наше горное право новыхъ началъ, не только не вытекающихъ изъ дѣйствующихъ узаконеній, но находящихся въ полномъ съ ними противорѣчіи, создадутся лишь новыя преграды для успѣховъ горнаго дѣла.

Казалось бы поэтому, что въ обще-государственныхъ интересахъ и интересахъ народнаго хозяйства настоитъ неотложная необходимость въ коренномъ пересмотрѣ дѣйствующихъ законоположеній о правѣ на нѣдра на частно-владѣльческихъ земляхъ, какъ для приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ требованіями жизни, такъ и для устраненія тѣхъ крупныхъ недоразумѣній, которыя порождаетъ практическое ихъ примѣненіе.

ХРОНИКА.

I.

О ЗАОЧНОМЪ РАЗБИРАТЕЛЬСТВѢ ВЪ УГОЛОВНОМЪ СУДѢ (ПО ПРОЕКТУ НОВОЙ РЕДАКЦІИ).

Проектъ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства внесъ весьма существенныя измѣненія въ отдѣлъ о постановленіи заочныхъ приговоровъ. Одни изъ этихъ измѣненій направлены къ устраненію медленности въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, а другія—къ сокращенію самыхъ случаевъ заочнаго разбирательства. Остановимся сначала на измѣненіяхъ перваго рода.

I.

Для устраненія медленности въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, въ проектъ новой редакціи включены 827 и 828 статьи, согласно коимъ обвиняемый, принося отзывъ о новомъ разсмотрѣніи дѣла, обязанъ указать въ отзывѣ и причину своей неявки къ назначенному сроку, при чемъ, если судъ по разсмотрѣніи отзыва признаетъ причину неявки уважительною, то назначаетъ день для новаго разбирательства, о чемъ извѣщаетъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; въ противномъ же случаѣ, отзывъ оставляется безъ послѣдствій, а состоявшійся заочный приговоръ—въ силѣ, о чемъ обвиняемый увѣдомляется немедленно повѣсткою. Если ко времени полученія этого увѣдомленія срокъ на обжалованіе заочнаго приговора обвиняемымъ уже истекъ, то ему предоставляются для этой надобности еще три дня по полученіи указаннаго выше извѣщенія. Затѣмъ, самый срокъ

на подачу отзыва, согласно 827 ст. проекта, сокращенъ съ двухъ недѣль до семи дней.

Спрашивается, насколько цѣлесообразными представляются эти измѣненія. При обсужденіи этого вопроса необходимо имѣть въ виду, что существующій нынѣ порядокъ заочнаго разбирательства, согласно которому обвиняемый, не явившійся въ судъ (безразлично—по уважительной причинѣ или просто по капризу), имѣетъ право подачею отзыва по каждому дѣлу вызвать вновь судебное разбирательство, представляется далеко не удовлетворяющимъ задачамъ уголовнаго правосудія. Помимо медленности въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ вообще, порядокъ этотъ открываетъ широкій просторъ различнымъ неблагопріятнымъ вліяніямъ обвиняемаго не только на движеніе, но даже на исходъ уголовнаго процесса. На существованіе этихъ же отрицательныхъ сторонъ заочнаго разбирательства даютъ указанія и ревизіонные отчеты, по удостовѣренію которыхъ обвиняемые въ большинствѣ случаевъ не являются въ судъ по первому вызову исключительно съ цѣлью затянуть процессъ или подыскать ложныхъ свидѣтелей, при чемъ по дѣламъ о самоуправствѣ и причиненіи насилій и побоевъ проволочкою времени они обыкновенно стремятся утомить своего противника и сдѣлать его болѣе податливымъ на мировую сдѣлку (объяснительная записка къ проекту новой редакціи уст. угол. суд. т. III, стр. 385 и 386). Помимо сказаннаго, не слѣдуетъ забывать, что производство новаго разбирательства по каждому отзыву непроизводительно увеличиваетъ и работу судей. Въ виду этого можно признать несомнѣннымъ, что включеніе въ проектъ новой редакціи правила, установляющаго вторичное разбирательство лишь при наличности извѣстныхъ условій, поведетъ къ ускоренію въ производствѣ дѣлъ вообще и лишитъ обвиняемыхъ возможности затягивать уголовный процессъ съ разными неблаговидными цѣлями.

Но, признавая вполнѣ целѣсообразнымъ включеніе указаннаго выше правила въ проектъ новой редакціи, мы не можемъ сказать того же относительно сокращенія срока на подачу отзыва съ двухъ недѣль до семи дней и назначенія трехдневнаго срока на обжалованіе заочнаго приговора обвиняемымъ въ случаѣ, указанномъ въ 828 ст. проекта. Сроки эти представляются намъ слишкомъ краткими и недостаточно обезпечивающими интересы обвиняемыхъ. При назначеніи сроковъ на подачу отзыва и на обжалованіе заочнаго приговора необходимо имѣть въ виду, что если заочное разбирательство вызываетъ у насъ медленность въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ,

то причина этой медленности коренится вовсе не въ томъ, что существующій нынѣ двухнедѣльный срокъ на подачу отзыва представляется слишкомъ продолжительнымъ. Медленность въ производствѣ происходитъ отъ необходимости для суда при назначеніи дѣлъ къ вторичному разбирательству сообразоваться съ цѣлымъ рядомъ условій, соблюденіемъ которыхъ опредѣляется возможность разсмотрѣнія дѣла въ судебномъ засѣданіи. Такъ, по дѣламъ, подсуднымъ окружному суду и рѣшеннымъ на уѣздныхъ сессіяхъ, для вторичнаго разсмотрѣнія приходится выжидать наступленія очередныхъ сессій (которыя бываютъ, въ общемъ, раза 2—3 въ годъ); по дѣламъ мировой юстиціи, гдѣ мировые судьи выѣзжаютъ для разбора дѣлъ изъ мѣстонахожденія камеры,—откладывать вторичное разсмотрѣніе до ближайшаго выѣзда; при проживаніи обвинителя или обвиняемаго на далекомъ разстояніи отъ камеры,—назначать достаточно продолжительные сроки на явку ихъ, и проч. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, при опредѣленіи всякаго рода сроковъ необходимо имѣть въ виду бытовыя условія большинства населенія Имперіи, а не меньшинства. Для городскихъ жителей, имѣющихъ возможность ежедневно приносить въ судъ лично отзывы и жалобы или сдавать ихъ на почту, быть можетъ, окажутся достаточными и предположенные сроки, тѣмъ болѣе, что къ услугамъ ихъ имѣются въ каждомъ городѣ, если не присяжные, то частные повѣренные и другія свѣдущія въ составленіи бумагъ лица, но совершенно въ иномъ положеніи находится преобладающее большинство населенія Имперіи—сельскіе жители. Если для жителя города не составитъ особеннаго затрудненія въ семидневный срокъ принести въ судъ отзывъ о новомъ разсмотрѣніи дѣла и въ трехдневный срокъ подать жалобу на заочный приговоръ, то для сельскаго жителя сдѣлать то и другое въ указанные сроки будетъ уже очень затруднительно, а иногда и совсѣмъ невозможно, такъ какъ въ эти короткіе сроки ему необходимо пріискать свѣдущее лицо для написанія жалобы или отзыва и затѣмъ успѣть отвезти или отослать ихъ на почту въ ближайшее почтовое отдѣленіе, нерѣдко отстоящее, однако, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Вотъ, почему мы думаемъ, что было бы осмотрительнѣе оставить прежній (двухнедѣльный) срокъ на подачу отзыва о новомъ разсмотрѣніи дѣла и такой же двухнедѣльный срокъ назначить на обжалованіе заочнаго приговора обвиняемымъ въ случаѣ, указанномъ въ 828 ст. проекта, тѣмъ болѣе, что назначеніе въ послѣднемъ случаѣ болѣе продолжительнаго срока не будетъ представлять собою даже нововведенія въ нашемъ

законодательствѣ, такъ какъ правилами 29 декабря 1889 года о производствѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, уже установленъ въ подобныхъ случаяхъ двухнедѣльный срокъ на обжалованіе заочныхъ приговоровъ (220 ст.). Наконецъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что съ установленіемъ трехдневнаго срока на обжалованіе заочныхъ приговоровъ, постановленныхъ окружными судами и участковыми судьями, и при сохраненіи въ то же время двухнедѣльнаго срока на обжалованіе заочныхъ приговоровъ земскихъ начальниковъ, получилась бы явная непослѣдовательность въ законодательствѣ, такъ какъ по маловажнымъ проступкамъ, подсуднымъ земскимъ начальникамъ, интересы обвиняемыхъ будутъ болѣе обезпечены, чѣмъ по преступнымъ дѣяніямъ болѣе важнымъ и подсуднымъ окружному суду.

II.

Выше было замѣчено, что проектъ новой редакціи, кромѣ устраненія медленности въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, имѣетъ въ виду сократить самые случаи заочнаго разбирательства. Для достиженія этой цѣли заочное разбирательство допускается въ окружныхъ судахъ лишь по дѣламъ о проступкахъ, влекущихъ наказаніе не свыше ареста (821, 536 и 544 ст. проекта); по преступнымъ же дѣяніямъ, угрожающимъ обвиняемымъ тюремнымъ заключеніемъ безъ лишенія или ограниченія правъ, по коимъ нынѣ постановляются окружными судами заочные приговоры (583 и 592 ст. уст. угол. суд.), по проекту, обязательна личная явка обвиняемыхъ въ судъ. Дѣлъ же этихъ къ вѣдомству окружныхъ судовъ отнесено довольно много, какъ это видно изъ перечисленія ихъ въ 4 п. 1041 ст. проекта. Что касается участковыхъ судей, то у нихъ заочное разбирательство остается, по проекту, въ тѣхъ же предѣлахъ (1067 ст.), въ которыхъ оно существуетъ теперь у мировыхъ судей (133 ст. уст. угол. суд.), т. е. по дѣламъ о проступкахъ, за которые въ законѣ опредѣлены наказанія не свыше ареста. Такимъ образомъ проектъ новой редакціи уравниваетъ права участковыхъ судей и окружныхъ судовъ по заочному разбирательству, значительно ограничивая при этомъ компетенцію послѣднихъ.

Представляется ли, однако желательнымъ ограниченіе заочнаго разбирательства въ окружныхъ судахъ, предположенное проектомъ новой редакціи? На этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, правильнѣе отвѣтить отрицательно.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что разсмотрѣніе дѣлъ въ присутствіи обвиняемыхъ въ большинствѣ случаевъ даетъ возможность скорѣе достигнуть матеріальной (а не формальной) истины, но еще составители Судебныхъ Уставовъ признавали, что „могутъ быть случаи, въ которыхъ по отдаленности мѣстопребыванія обвиняемаго непремѣнное требованіе личной его явки или присылки вмѣсто себя повѣреннаго было бы иногда крайне затруднительно какъ потому, что самый проѣздъ на дальнее разстояніе можетъ потребовать издержекъ, далеко превышающихъ строгость положеннаго за проступокъ взысканія, такъ и по той причинѣ, что обвиняемый можетъ не имѣть на мѣстѣ разбирательства ни одного довѣреннаго или знакомаго лица, которому бы онъ рѣшился поручить свою защиту“ (Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны, 2-ое изд. 1867 г. т. II, стр. 74). Въ виду этого составители Судебныхъ Уставовъ, придерживаясь требованія о разборѣ уголовныхъ дѣлъ въ присутствіи обвиняемаго, какъ общаго правила, допустили, однако, заочное разбирательство по дѣламъ мировой юстиціи, по коимъ обвиняемымъ угрожаетъ наказаніе не свыше ареста. Затѣмъ указанія опыта привели къ сознанію необходимости допустить заочное разбирательство и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, при чемъ заслуживаютъ вниманія соображенія по этому предмету, изложенныя въ представленіи Министерства Юстиціи въ Государственный Совѣтъ отъ 2 декабря 1887 года. Сущность этихъ соображеній сводится къ тому, что въ дѣлахъ о маловажныхъ проступкахъ „необходимость явиться къ судебному разбирательству весьма нерѣдко можетъ оказаться болѣе существеннымъ стѣсненіемъ личности обвиняемаго, чѣмъ самое наказаніе, коимъ законъ обложилъ его проступокъ, и притомъ степень тяжести этого стѣсненія является совершенно случайною, находясь въ зависимости отъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тяжестью совершеннаго обвиняемымъ преступнаго дѣянія, напр., отъ отдаленности мѣстожительства обвиняемаго отъ мѣста его судимости, и т. п. Кромѣ того, требованіе личнаго присутствія обвиняемаго влечетъ за собою необходимость откладывать разсмотрѣніе дѣлъ, какъ только обвиняемый не явился или находится въ такомъ состояніи, которое препятствуетъ ему лично принять участіе въ судебномъ разбирательствѣ (напр., нездоровъ, нетрезвъ и т. п.), между тѣмъ съ такою отсрочкою судебнаго засѣданія соединена необходимость новой явки въ судъ всѣхъ лицъ, вызванныхъ къ разбирательству, что̀ значительно

увеличиваетъ тягости, выпадающія на долю всѣхъ участвующихъ въ уголовномъ процессѣ, какъ свидѣтелей, экспертовъ, переводчиковъ, гражданскихъ истцовъ, частныхъ обвинителей и, наконецъ, чиновъ судебнаго вѣдомства. Въ дѣлахъ, представляющихъ большой общественный интересъ, когда подлежитъ суду тяжкое преступленіе, удобства и спокойствіе упомянутыхъ лицъ должны быть принесены въ жертву возможной тщательности изслѣдованія вины подсудимаго, но въ дѣлахъ маловажныхъ такое пожертвованіе трудами и издержками столь многихъ лицъ иногда несоотвѣтствовало бы важности тѣхъ интересовъ, ради которыхъ приносится эта жертва". Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ былъ изданъ законъ 15 февраля 1888 года, коимъ предоставлено окружнымъ судамъ постановлять заочные приговоры по всѣмъ дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя опредѣлены наказанія, не соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія.

Если такимъ образомъ, несмотря на преимущества, доставляемыя рѣшеніемъ дѣлъ въ присутствіи обвиняемыхъ, заочное разбирательство (допущенное сначала въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ) не только не было отмѣнено или ограничено въ своемъ примѣненіи, а, наоборотъ, было введено въ общихъ судебныхъ установленіяхъ и распространено на значительный кругъ преступныхъ дѣяній, то необходимы очень важныя причины, чтобы въ настоящее время отступить отъ этого направленія въ нашемъ законодательствѣ и вернуться назадъ. Какія же основанія приводятся къ этому въ объяснительной запискѣ? Такихъ основаній приведено нѣсколько, но, по нашему мнѣнію, только одно изъ нихъ имѣетъ существенное значеніе, а именно большая возможность для суда при разсмотрѣніи дѣла въ присутствіи обвиняемаго достигнуть матеріальной (а не формальной) истины (т. III, стр. 192). Къ сожалѣнію, безусловное требованіе личной явки обвиняемыхъ по всѣмъ дѣламъ, поступающимъ въ судъ, представляется невозможнымъ, и потому указанное выше основаніе, несмотря на его важность, не можетъ въ данномъ случаѣ имѣть рѣшающаго значенія. Что же касается остальныхъ основаній къ ограниченію заочнаго разбирательства, то они сводятся къ слѣдующему. Во-первыхъ, постановляемые судомъ „приговоры, касаясь личности обвиняемаго, имѣютъ для сего послѣдняго столь важное значеніе, что лишить его возможности представить свои объясненія суду, во время самого разбирательства и при всякомъ отдѣльномъ дѣйствіи судебнаго слѣдствія, было бы несправедливо" (т. III, стр. 192). По

поводу этого соображенія слѣдуетъ сказать, что оно имѣло бы значеніе, если бы по дѣламъ, рѣшаемымъ заочно, обвиняемый былъ не въ правѣ являться въ судъ; въ такомъ случаѣ дѣйствительно можно было бы говорить о лишеніи обвиняемаго возможности представить объясненія суду, какъ о невыгодной сторонѣ заочнаго разбирательства. Но неявка въ судъ по дѣламъ, рѣшаемымъ заочно, составляетъ право, а не обязанность обвиняемаго; посему, если обвиняемый желаетъ представить свои объясненія суду, то ему стоитъ только явиться къ разбору дѣла въ судъ, и онъ осуществитъ свое намѣреніе. Во-вторыхъ, „постановленіе приговоровъ о лицѣ отсутствующемъ нерѣдко оказывалось бы безполезнымъ, въ виду невозможности исполнить постановленный приговоръ, за уклоненіемъ обвиняемаго отъ суда“ (т. III, стр. 192). Это соображеніе представляется намъ также не имѣющимъ существеннаго значенія. Дѣло въ томъ, что заочный приговоръ можетъ быть постановленъ въ отношеніи обвиняемаго, который, хотя и не явился въ судебное засѣданіе, но получилъ своевременно повѣстку о явкѣ въ судъ и вообще не уклоняется отъ суда; поэтому нельзя сказать, что постановленіе заочныхъ приговоровъ безполезно въ виду невозможности исполнить ихъ. Если же обвиняемый уклоняется отъ суда, то о немъ не можетъ быть постановлено и заочнаго приговора, и такой обвиняемый подлежитъ розыску въ порядкѣ, установленномъ 846—852 ст. уст. угол. суд. Наконецъ, третьимъ основаніемъ къ ограниченію заочнаго разбирательства въ объяснительной запискѣ приводится несоотвѣтствіе правилъ о заочномъ разбирательствѣ въ окружныхъ судахъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ (въ коихъ лицо, обвиняющееся въ проступкѣ, караемомъ тюрьмою, не можетъ не являться въ судъ), при чемъ „несоотвѣтствіе это обнаружится особенно рѣзко при дѣйствіи новаго уголовнаго уложенія, въ коемъ тюрьмою обложены преимущественно преступныя дѣянія корыстнаго свойства“ (т. III, стр. 195). Не останавливаясь здѣсь на несоотвѣтствіи правилъ о заочномъ разбирательствѣ въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ (такъ какъ о заочныхъ приговорахъ единоличныхъ судей ниже будетъ сказано особо), мы замѣтимъ лишь, что, если даже согласовать правила о заочномъ разбирательствѣ съ будущимъ уголовнымъ кодексомъ, то и въ такомъ случаѣ не представляется основаній къ его ограниченію, такъ какъ у суда остается право требовать личной явки обвиняемаго по каждому дѣлу, которое дозволено рѣшать заочно (486 ст. проекта), и по-

тому, когда въ интересахъ раскрытія матеріальной истины окажется необходимымъ выслушать на судѣ словесныя объясненія подсудимаго, судъ не лишенъ возможности потребовать личной явки обвиняемаго и, въ случаѣ неисполненія сего, подвергнуть его приводу (544 ст. проекта).

Таковы основанія къ ограниченію заочнаго разбирательства, приведенныя въ объяснительной запискѣ. Сравнивая съ ними причины, побудившія законодателя ввести заочное разбирательство въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, мы должны отдать несомнѣнное преимущество послѣднимъ.

Къ изложенному необходимо дополнить, что условія, вызвавшія изданіе закона 15 февраля 1888 года о заочномъ разбирательствѣ, сохранили всецѣло свою силу и для настоящаго времени. Хотя по проекту новой редакціи подсудность участковыхъ судей по уголовнымъ дѣламъ значительно расширена по сравненію съ компетенціей нынѣшнихъ городскихъ судей, уѣздныхъ членовъ и мировыхъ судей (кромѣ Сибири, Закавказья и Архангельской губерніи), тѣмъ не менѣе остается обширный кругъ преступныхъ дѣяній, караемыхъ тюрьмою безъ ограниченія правъ, которыя и по новому закону останутся подсудными окружному суду. Таковы наиболѣе часто встрѣчающіяся въ практикѣ судовъ дѣла по преступленіямъ, предусмотрѣннымъ 286, 286[1], 287, 1 и 3 ч. 282 ст. улож. наказ., и проч. Обязательность личной явки по всѣмъ этимъ дѣламъ, по коимъ судъ часто приговариваетъ виновныхъ къ незначительному аресту или небольшому денежному штрафу (по 2 ч. 286 ст. улож. наказ.), представляется требованіемъ весьма обременительнымъ и, безъ сомнѣнія, скоро поведетъ къ тѣмъ же неудобствамъ, которыя послужили основаніемъ къ введенію заочнаго разбирательства въ общихъ судебныхъ установленіяхъ и сущность которыхъ изложена выше. Вотъ, почему мы думаемъ, что было бы осмотрительнѣе сохранить въ окружныхъ судахъ заочное разбирательство въ томъ же объемѣ, въ которомъ оно примѣняется теперь, а не ограничивать его, какъ это предположено въ проектѣ новой редакціи.

III.

Что касается участковыхъ судей, то заочное разбирательство у нихъ, по проекту, остается въ тѣхъ же предѣлахъ, въ которыхъ оно существуетъ теперь у мировыхъ судей, т. е. когда обвиняемымъ угрожаетъ наказаніе не свыше ареста. Но, намъ кажется, пере-

смотромъ Судебныхъ Уставовъ слѣдовало бы воспользоваться, чтобы расширить примѣненіе заочнаго разбирательства у единоличныхъ судей и этимъ путемъ сдѣлать невозможными тѣ печальныя явленія, которыя нерѣдко встрѣчаются теперь, когда по совершенно неосновательному обвиненію въ проступкѣ, караемомъ тюрьмою, обвиняемому приходится тащиться иногда за нѣсколько тысячъ верстъ только для того, чтобы выслушать оправдательный приговоръ. Какъ извѣстно, въ настоящее время мировой судья имѣетъ право безъ вызова обвиняемаго постановить оправдательный приговоръ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣяніе, въ совершеніи котораго предъявляется обвиненіе, не заключаетъ въ себѣ признаковъ уголовно-наказуемаго преступленія или проступка (рѣш. Сената 1872 г. № 520, 1873 г. № 882 и др.). Если же обвиняемому приписывается совершеніе дѣянія, заключающаго въ себѣ законные признаки уголовно-наказуемаго проступка, то достаточность уликъ не составляетъ необходимаго условія для того, чтобы очутиться въ положеніи обвиняемаго у мироваго судьи. Въ этомъ отношеніи дѣла, подсудныя единоличнымъ судьямъ, существенно отличаются отъ дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ установленіямъ (за исключеніемъ производящихся въ порядкѣ частнаго обвиненія безъ участія присяжныхъ засѣдателей). По общему правилу, судебному производству въ окружномъ судѣ предшествуетъ предварительное слѣдствіе, и отступленіе отъ этого правила допускается въ видѣ исключенія по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, не влекущихъ за собою лишенія или ограниченія правъ состоянія, если прокуроръ, по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ и доказательствамъ, признаетъ возможнымъ предложить суду обвинительный актъ и если судъ съ своей стороны не усмотритъ надобности въ предварительномъ слѣдствіи (544 и 545 ст. уст. угол. суд.). Такимъ образомъ по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, извѣстная совокупность уликъ предполагается по каждому дѣлу, которое вносится въ судъ съ обвинительнымъ актомъ, и, хотя впослѣдствіи на судѣ нерѣдко постановляются приговоры, несогласные съ обвинительными актами, но во всякомъ случаѣ преданіе суду въ общихъ судебныхъ установленіяхъ едва ли мыслимо при полномъ отсутствіи уликъ противъ обвиняемаго. Совсѣмъ другое явленіе мы видимъ у единоличныхъ судей: здѣсь достаточно, чтобы принесена была жалоба мировому судьѣ или городскому съ указаніемъ обвиняемаго и свидѣтелей и обстоятельствъ, заключающихъ въ себѣ законные признаки уголовно-наказуемаго проступка, чтобы судья вынужденъ

былъ вызвать въ судъ лицо, на которое принесена жалоба, въ качествѣ обвиняемаго. Впослѣдствіи, при разсмотрѣніи дѣла въ судебномъ засѣданіи, можетъ выясниться полная неосновательность, даже вымышленность жалобы, самое обвиненіе можетъ быть признано недобросовѣстнымъ, но прежде этого обвиняемый обязанъ явиться въ судъ, какъ бы далеко онъ ни проживалъ, и, въ случаѣ привода, испытать всѣ тяжести и лишенія, сопряженныя съ доставленіемъ по этапу. Подобные случаи повторяются нерѣдко, и, кто былъ единоличнымъ судьею, тому, навѣрное, они извѣстны. Въ печати также встрѣчается не мало сообщеній о приводѣ обвиняемыхъ этапнымъ порядкомъ по такимъ дѣламъ, по которымъ впослѣдствіи выяснялось на судѣ, что не только обвиняемый не виновенъ, но и самаго преступленія не было, и обстоятельства дѣла были или измышлены, или завѣдомо извращены въ жалобѣ обвинителя. Въ этомъ отношеніи выдающіеся случаи привода обвиняемыхъ по этапу изъ Сибири и отдаленныхъ губерній собраны въ статьѣ г. А. Бутовскаго „Приводъ обвиняемыхъ“, помѣщенной въ № 38 „Права“ за 1901 годъ, къ которой мы и отсылаемъ желающихъ подробнѣе познакомиться съ оборотною стороною постановки заочнаго разбирательства у единоличныхъ судей въ настоящее время.

Для устраненія стѣсненій, вытекающихъ для обвиняемаго, обыкновенно рекомендуютъ въ подобныхъ случаяхъ переносъ дѣла въ округъ того суда, гдѣ проживаетъ обвиняемый во время разбора дѣла, но въ настоящее время испросить разрѣшеніе на переносъ далеко не всегда возможно. Согласно разъясненію Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената 1869 г. № 519, для переноса дѣла необходимо, чтобы въ округѣ, куда передается дѣло, проживали не только обвиняемый, но обвинитель и бо̀льшая часть свидѣтелей, т. е. требуется наличность такихъ условій, которыя трудно встрѣтить, вслѣдствіе чего и самые случаи переноса дѣлъ бываютъ довольно рѣдко. Такъ, напр., изъ отчета Правительствующаго Сената по кассаціоннымъ департаментамъ за 1900 годъ видно, что всѣхъ ходатайствъ о переносѣ дѣлъ изъ округовъ разныхъ судебныхъ палатъ разсмотрѣно по Имперіи 48. Если же измѣнить условія переноса дѣлъ и разрѣшить передавать дѣла по мѣсту жительства обвиняемаго, не принимая въ разсчетъ мѣста жительства обвинителя и свидѣтелей, тогда пострадаютъ интересы обвинителя. Хотя бываютъ случаи, что при самомъ полученіи мировымъ судьею жалобы обвинителя не остается сомнѣній въ оправдательномъ приговорѣ, но чаще всего неосновательность обвиненія выясняется только на судѣ, во

время разбора дѣла, и потому, если установлять переносъ дѣлъ, то придется допускать его всякій разъ, какъ только окажется, что обвиняемый проживаетъ на значительномъ разстояніи отъ мѣста совершенія проступка. Въ этомъ случаѣ положенія обвинителя и обвиняемаго существеннымъ образомъ измѣняются, и всѣ невыгоды переносятся на сторону перваго. Правда, явка обвинителя въ судъ по закону не обязательна, но не представляется достаточныхъ основаній ставить въ невыгодное положеніе частнаго обвинителя, т. е. лицо, въ большинствѣ случаевъ уже и безъ того понесшее матеріальный или нравственный вредъ отъ проступка, лишая его возможности лично поддерживать обвиненіе на судѣ или заставляя нести расходы по приглашенію повѣреннаго. Кромѣ того, неявка въ судъ обвинителя по дѣламъ, которыя могутъ оканчиваться примиреніемъ, влечетъ за собою отказъ въ жалобѣ какъ по дѣйствующему нынѣ устава уголовнаго судопроизводства (135 ст.), такъ и по проекту новой редакціи (1081 ст.), почему переносъ дѣлъ по мѣсту жительства обвиняемыхъ во многихъ случаяхъ имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ безнаказанность преступныхъ дѣяній, а это, конечно, не согласуется съ задачами правосудія.

При подобномъ положеніи дѣла единственно правильнымъ исходомъ было бы ввести заочное разбирательство у единоличныхъ судей по всѣмъ дѣламъ, имъ подсуднымъ. Только расширеніемъ предѣловъ заочнаго разбирательства у единоличныхъ судей, по нашему мнѣнію, и можно устранить тѣ стѣсненія для обвиняемыхъ, которыя происходятъ отъ привлеченія ихъ къ суду по жалобамъ потерпѣвшихъ, безъ предварительной провѣрки основательности этихъ жалобъ. При этомъ, однако, въ интересахъ возможно полнаго достиженія на судѣ матеріальной правды, слѣдуетъ предоставить участковымъ судьямъ право требовать личной явки обвиняемыхъ въ судъ всякій разъ, когда по обстоятельствамъ дѣла это окажется необходимымъ, подобно тому, какъ такое право принадлежитъ мировымъ судьямъ и теперь по дѣламъ о проступкахъ, влекущихъ наказаніе не свыше ареста (60 ст. уст. угол. суд.).

IV.

Въ заключеніе необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ исчисленіи срока на обжалованіе заочныхъ приговоровъ, по проекту новой редакціи. Въ дѣйствующемъ нынѣ уставѣ уголовнаго судопроизводства не содержится особыхъ правилъ, опредѣляющихъ порядокъ

исчисленія срока въ этихъ случаяхъ. Въ виду этого Правительствующій Сенатъ въ своихъ руководящихъ рѣшеніяхъ (1890 г. № 1 и др.) придерживался общаго правила объ исчисленіи сроковъ, установленнаго для мировыхъ судей въ 147 ст. уст. угол. суд., а для окружныхъ судовъ въ 865 ст. того же устава, согласно коему срокъ на обжалованіе исчисляется со времени объявленія приговора въ судѣ. Подобный порядокъ исчисленія срока на практикѣ велъ къ тому, что обвиняемые, проживающіе на значительномъ разстояніи отъ мѣста разбора дѣла, даже при немедленной высылкѣ копій съ приговоровъ, нерѣдко получали ихъ по истеченіи установленныхъ сроковъ на обжалованіе, и имъ волей-неволей приходилось приносить отзывы о новомъ разсмотрѣніи дѣла, чтобы воспрепятствовать вступленію приговоровъ въ законную силу. Крайнія неудобства, проистекающія отсюда для обвиняемыхъ, обратили на себя вниманіе коммисіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, и теперь для устраненія ихъ въ проектъ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства внесена 826 ст., согласно коей срокъ на обжалованіе заочнаго приговора для осужденнаго исчисляется со времени врученія ему копіи съ приговора. Включеніе въ проектъ новой редакціи этого правила вызоветъ, безспорно, общее одобреніе со стороны юристовъ-практиковъ.

А. Голубцовъ.

II.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧАСТНОЕ ОБВИНЕНІЕ ПО ПРОЕКТУ НОВОЙ РЕДАКЦІИ УСТАВА УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Большинство членовъ Высочайше утвержденной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части предполагаетъ допустить въ качествѣ обвинителей и по дѣламъ, производящимся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, лицъ потерпѣвшихъ отъ преступленія, хотя бы дѣла эти были публичнаго порядка. Мотивами для такого нововведенія, какъ видно изъ объясненій коммисіи (т. I стр. 13—15), послужили соображенія троякаго рода: во-первыхъ, стремленіе „обезпечить закономѣрность въ дѣятельности представителей публичнаго обвиненія“ путемъ устраненія принадлежащей имъ монополіи уголовнаго обвиненія; во-вторыхъ, желаніе оградить нарушенные преступленіемъ и нерѣдко затронутые самымъ судебнымъ раз-

бирательствомъ частные интересы потерпѣвшихъ, хотя бы и не понесшихъ матеріальнаго вреда, и въ-третьихъ, упорядочить положеніе гражданскаго иска въ уголовномъ процессѣ.

Коммисія при этомъ исходила изъ того положенія, раздѣляемаго и новѣйшими западно-европейскими процессуальными кодексами (напримѣръ, австрійскимъ и германскимъ), что, хотя уголовный процессъ имѣетъ публичный характеръ, ибо цѣль его—осуществленіе принадлежащаго государству права наказанія, но что это не исключаетъ и другихъ частныхъ интересовъ, соединенныхъ съ наказаніемъ виновныхъ и заслуживающихъ признанія со стороны государства. А если это такъ, то и эти частные интересы должны получить въ процессуальныхъ постановленіяхъ законныя средства для своего осуществленія, ибо въ жизни и общественномъ правосознаніи они несомнѣнно существуютъ и, если законъ ихъ игнорируетъ, они пробиваются на поверхность правовой жизни помимо или даже вопреки закону, уродуя и себя, и существующіе процессуальные институты. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этой мысли является то извращеніе, которому подвергся въ нашей судебной практикѣ институтъ гражданскаго иска; потерпѣвшіе, домогающіеся наказанія своихъ обидчиковъ, за неимѣніемъ другаго законнаго средства, стали имъ пользоваться, дабы проникнуть на закрытую для нихъ арену судебной борьбы; появился особый типъ гражданскихъ истцовъ, никакого вознагражденія не домогающихся и лишь прикрывающихся до заключительныхъ преній маской копѣечнаго гражданскаго иска [1]), что̀, конечно, не соотвѣтствуетъ достоинству и прямодушію, приличествующему дѣлу правосудія. Съ другой стороны, уступая требованіямъ жизни, и Правительствующій Сенатъ принужденъ былъ, вопреки точному смыслу закона, признать, что основаніемъ для вступленія въ дѣло въ качествѣ гражданскаго истца можетъ служить не только вредъ матеріальный, понесенный лицомъ, но и вредъ моральный (напр., рѣшеніе Угол. Касс. Деп. по дѣлу Мироновичъ, 1885 г., № 5 заключеніе оберъ-прокурора А. Ѳ. Кони по д. Назарова. Судебныя Рѣчи, стр. 657). Наконецъ потерпѣвшіе, не догадавшіеся вступить въ дѣло въ качествѣ гражданскихъ истцовъ и явившіеся въ судъ въ пассивной роли свидѣтелей, умѣютъ и въ

---

[1]) Напр., по дѣлу объ убійствѣ Изюмскаго предводителя Бантыша Евгеніемъ Лесевицкимъ; отецъ убитаго вступилъ въ дѣло съ искомъ о вознагражденіи за погребеніе сына.

нее вложить совершенно несоотвѣтствующее обвинительное содержаніе [1]).

Всѣ эти опытныя данныя приводятъ къ тому заключенію, что принципъ публичности уголовнаго процесса нельзя проводить съ абстрактной послѣдовательностью, игнорируя жизненныя требованія, и что фразы теоретиковъ о томъ, что право не должно покровительствовать инстинктамъ мести и дѣлать изъ процесса арену сталкивающихся страстей, а должно преслѣдовать только безстрастные государственные интересы, остаются неисполнимыми pia desideria. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, предоставить ли этимъ частнымъ интересамъ и стремленіямъ опредѣленныя напередъ законныя средства для своего проявленія и осуществленія (что неминуемо окажетъ на нихъ свое умиротворяющее вліяніе) или обречь ихъ на подпольную, ожесточенную и безконечно изобрѣтательную въ своихъ средствахъ борьбу съ стѣсняющимъ ихъ закономъ.

Уголовный процессъ въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени изъ одной крайности впадалъ въ другую: будучи нѣкогда дѣломъ совершенно частнымъ, споромъ и борьбою между обидчикомъ и обиженнымъ (остаткомъ этихъ воззрѣній донынѣ служатъ дѣла частнаго обвиненія), онъ съ постепеннымъ выясненіемъ заинтересованности государства въ томъ, чтобы преступленія не совершались, сталъ перестраиваться по типу дѣла государственнаго, публичнаго и, наконецъ, въ увлеченіи этими реорганизаціонными работами дошелъ до полнаго забвенія живыхъ людей, для которыхъ въ концѣ концовъ дѣлается всякое государственное дѣло. Въ его обширномъ и многоэтажномъ зданіи, гдѣ были просторныя помѣщенія для всякихъ dossiers, дѣлъ, нарядовъ, входящихъ и исходящихъ, вещественныхъ и иныхъ доказательствъ, не оказалось мѣста для человѣка, который также сталъ разсматриваться какъ одно изъ доказательствъ по дѣлу, какъ объектъ изслѣдованія на ряду съ поличнымъ, слѣдами преступленій и проч. Таковъ былъ инквизиціонный процессъ въ періодъ своего расцвѣта. Но мало по малу идея свободной человѣческой личности, развиваясь и противопоставляясь идеѣ государства, стала настойчиво стучаться въ двери уголовнаго процесса, и ее впустили—сначала въ самую темную камеру,

---

[1]) Напр., при второмъ разборѣ дѣла Скитскихъ такой свидѣтельницей-обвинительницей явилась вдова убитаго Комарова. Ср. засѣданіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 11 ноября 1900 года, „Право“ № 47.

въ ту, гдѣ помѣщался обвиняемый. Обвиняемаго перестали разсматривать, какъ уголовный препаратъ, какъ объектъ всякихъ слѣдственныхъ экспериментовъ—его возвели въ степень стороны, имѣющей свои самостоятельныя права, независимыя отъ правъ государства. Пора то же самое сдѣлать и относительно потерпѣвшаго, пора и за нимъ признать право самостоятельной процессуальной личности, отстаивающей своими силами свои интересы. Пусть нѣкоторые изъ потерпѣвшихъ, какъ это говорилось [1]), внесутъ въ дѣло сплетни улицы, личныя страсти, пусть это не всегда гарантируетъ публичный интересъ,—все это не такъ важно, а важно то, что это будетъ способствовать развитію въ нашемъ обществѣ правовой самодѣятельности, подниметъ сознаніе въ немъ своихъ правъ, и это важнѣе всего, ибо сильно только то государство, граждане котораго умѣютъ сами грудью отстаивать свои права. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать въ принципѣ вводимаго коммисіей института дополнительнаго обвиненія потерпѣвшихъ.

Коммисія распространяетъ этотъ институтъ и на дѣла частнаго порядка, подсудныя общимъ судебнымъ установленіямъ, въ которыхъ по проекту будетъ принимать обязательное участіе прокурорскій надзоръ (ст. 5). Это нововведеніе также заслуживаетъ полнаго сочувствія, ибо самодѣятельности потерпѣвшаго открывается достаточный просторъ и институтомъ дополнительнаго обвиненія, а между тѣмъ, при безграмотности нашего населенія, незнакомствѣ его съ законами и, въ частности, со своими процессуальными правами, обязательная помощь потерпѣвшему, въ случаѣ принесенія имъ жалобы, со стороны прокурорскаго надзора является поистинѣ необходимой. Предоставленіе частнаго обвинителя всецѣло собственнымъ силамъ часто является, по выраженію одного ревизіоннаго отчета, фактическимъ отказомъ въ правосудіи. По причинѣ той же невѣжественности населенія и незнанія имъ своихъ правъ не достигало бы своей цѣли факультативное, въ зависимости отъ желанія потерпѣвшаго, участіе въ дѣлѣ прокуратуры [2]). Притомъ едва ли бы соотвѣтствовало публичному характеру этого института—отдавать его въ распоряженіе частныхъ лицъ. Нельзя кромѣ того забывать, что съ преслѣдованіемъ преступленій уголовно-

---

[1]) Засѣданіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 28 октября 1900 года „Право“ № 45.

[2]) Сліозбергъ, Засѣданіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 10 марта 1901 года. „Право“, № 16.

частныхъ соединенъ также и публичный интересъ, которымъ государство лишь поступается, не возбуждая преслѣдованія по собственной инициативѣ, въ виду извѣстныхъ частныхъ интересовъ, требующихъ неоглашенія преступленія, устраненія того обостренія отношеній между сторонами, которое неминуемо вытекаетъ изъ судебной тяжбы, и проч. Но такой отказъ государства при неподачѣ потерпѣвшимъ жалобы отъ своего права наказанія вовсе не доказываетъ отсутствія такого права, а, напротивъ, его подтверждаетъ. Поэтому, разъ потерпѣвшій изъявилъ свое желаніе преслѣдовать виновныхъ, государство вступаетъ въ свои права, и нѣтъ никакого теоретическаго основанія создавать для этихъ дѣлъ особый порядокъ производства, кромѣ права потерпѣвшаго по нѣкоторымъ изъ нихъ путемъ примиренія съ обвиняемымъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе, ибо таковое, какъ и самое возбужденіе дѣла, можетъ вредить его интересамъ, которые въ данномъ случаѣ государство ставитъ выше своего права наказанія. Но, разъ дѣло идетъ своимъ порядкомъ, разъ предвидится его окончаніе наказаніемъ предполагаемаго виновнаго, нѣтъ никакого основанія (вопреки мнѣнію двухъ членовъ коммисіи, В. Р. Завадскаго и И. Я. Фойницкаго) предѣлы изслѣдованія на судѣ, характеръ и объемъ доказательствъ, а, слѣдовательно, и самый исходъ дѣла ставить въ зависимость отъ воли обвиняемаго и потерпѣвшаго. Уголовный процессъ по всякомъ дѣлѣ долженъ по мѣрѣ возможности преслѣдовать матеріальную истину, и соотвѣтствіе приговора дѣйствительности имѣетъ такое огромное публичное значеніе, что поступаться имъ ради интересовъ частныхъ лицъ не представляется возможнымъ. Потерпѣвшій прежде, чѣмъ возбудить преслѣдованіе по дѣлу, касающемуся интимныхъ сторонъ его личной жизни, долженъ хорошо взвѣсить, не причинитъ ли ему всестороннее изслѣдованіе событія больше вреда, чѣмъ безнаказанность обидчика, и разъ онъ рѣшился на этотъ шагъ, то онъ не можетъ уже претендовать на непримѣненіе въ его личныхъ интересахъ процессуальныхъ формъ, установленныхъ для осуществленія публичнаго интереса, соединеннаго не только съ наказаніемъ виновныхъ, но и съ неосужденіемъ невинныхъ. Поэтому нельзя согласиться съ двумя членами коммисіи, В. Р. Завадскимъ и И. Я. Фойницкимъ, что нежелательно участіе публичныхъ обвинителей въ дѣлахъ уголовно-частныхъ, ибо этимъ можетъ быть нарушена неприкосновенность тѣхъ личныхъ интересовъ потерпѣвшихъ, ради охраны коихъ законодатель призналъ нужнымъ поставить самое возбужденіе пре-

слѣдованія въ зависимость отъ воли потерпѣвшаго [1]). Это—не такъ, ибо, если государство можетъ ради частныхъ интересовъ поступиться осуществленіемъ своего права наказанія, оно не можетъ ради нихъ поступиться матеріальной истиной приговора. Противъ этого, правда, могутъ возразить, что истина эта достигается и при самостоятельномъ частномъ обвиненіи, но это—вопросъ факта, и если это положеніе можетъ считаться доказаннымъ, то нѣтъ основанія не допустить, хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., въ случаѣ желанія прокурорскаго надзора прекратить дѣло и несогласія съ нимъ потерпѣвшаго и обвинительной камеры), самостоятельнаго частнаго обвиненія, на подобіе австрійскаго процесса, и по дѣламъ публичнаго порядка. Но, разъ коммисія этого не дѣлаетъ, разъ она признаетъ, что только участіе въ дѣлѣ прокурорскаго надзора гарантируетъ въ достаточной мѣрѣ публичный интересъ, она послѣдовательно должна распространить это начало и на дѣла уголовно-частныя, ибо они не въ этомъ отношеніи отличаются отъ дѣлъ, возбуждаемыхъ безъ жалобы потерпѣвшаго. Точно такъ же нельзя согласиться съ доводами другихъ трехъ членовъ коммисіи, А. Г. Гасмана, В. К. Случевскаго и В. Д. Спасовича, предлагающихъ поставить участіе прокуратуры въ дѣлахъ этого рода въ зависимость отъ желанія потерпѣвшаго, ибо въ нихъ направленіе судебнаго преслѣдованія и самые пріемы обвинителя, способъ обращенія его съ доказательствами получаютъ исключительную важность. Что-нибудь изъ двухъ [2]): или эти пріемы направлены къ выясненію истины и неизбѣжны для этой цѣли,—тогда, хотя бы они затрогивали интересы потерпѣвшаго, въ силу изложенныхъ выше соображеній ихъ устранить нельзя; или они являются лишь средствомъ судебной диффамаціи (чего менѣе можно ожидать отъ прокурорскаго надзора, нежели отъ обвиняемаго),—тогда они будутъ устранены предсѣдателемъ. Наконецъ, соображенія тѣхъ же трехъ членовъ о томъ, что потерпѣвшіе не могутъ ожидать отъ прокурорскаго обвиненія по дѣламъ этого рода должной энергіи въ охранѣ ихъ интересовъ, парализуются тѣмъ, что потерпѣвшіе могутъ всегда явиться въ роли дополнительныхъ обвинителей и своею дѣятельностью восполнить дефекты прокурорскаго обвиненія. Остается наконецъ послѣднее возраженіе—о маловажности, съ точки зрѣнія государства, дѣлъ частнаго порядка,

---

[1]) Объясненія, I, стр. 73.

[2]) Объясненія, II, стр. 74.

почему возложеніе дѣлъ этого рода на прокурорскій надзоръ является безцѣльнымъ его обремененіемъ. Но въ дѣйствительности публичный или частный порядокъ возбужденія преслѣдованія не служитъ критеріемъ большей или меньшей важности дѣла съ точки зрѣнія публичнаго интереса. Въ установленіи того или иного порядка сказывается скорѣе большая или меньшая цѣнность тѣхъ частныхъ интересовъ, которые могутъ требовать въ извѣстныхъ случаяхъ невозбужденія преслѣдованія. Напротивъ, тяжесть грозящаго обвиняемому наказанія и подсудность дѣла общимъ или мѣстнымъ судамъ служитъ болѣе или менѣе точнымъ указателемъ ихъ сравнительной важности, и поэтому вполнѣ права коммисія, ставя участіе въ дѣлѣ прокурорскаго надзора въ зависимость не отъ порядка возбужденія преслѣдованія, а отъ подсудности дѣла.

Такимъ образомъ, изложеннымъ устанавливается, что участіе въ дѣлѣ потерпѣвшаго въ качествѣ стороны не противорѣчитъ публичному началу уголовнаго процесса и настоятельно требуется его справедливыми и заслуживающими признанія со стороны права интересами.

Слѣдующій возникающій при обсужденіи предположеній коммисіи относительно расширенія процессуальныхъ правъ потерпѣвшаго вопросъ заключается въ томъ, въ какой формѣ допустить это участіе. Въ виду коммисіи были два образца—дополнительное обвиненіе германскаго процесса, характеризуемое тѣмъ, что, начиная съ приготовительныхъ къ суду распоряженій, потерпѣвшій лишь сопровождаетъ прокурора, дополняя его должностныя дѣйствія своею дѣятельностью, и не въ силахъ одинъ представить обвиненіе,—и субсидіарное обвиненіе австрійскаго процесса, отличающееся самостоятельною ролью потерпѣвшаго, вступающаго въ дѣло вмѣсто прокурора, когда тотъ отъ преслѣдованія отказывается, и представляющаго собою всю обвинительную сторону. Коммисія отвергла послѣднюю форму, находя, что участіе прокурорскаго надзора въ дѣлахъ, производящихся въ общихъ установленіяхъ, представляется во всѣхъ отношеніяхъ весьма полезнымъ, и послѣдовала въ своихъ постановленіяхъ за германскимъ образцомъ. Результатомъ этого явилось то, что только двѣ изъ намѣченныхъ коммисіей цѣлей, а именно огражденіе частныхъ интересовъ потерпѣвшихъ и упорядоченіе гражданскаго иска, могли быть достигнуты. Напротивъ, ожидать обезпеченія закономѣрности въ дѣятельности прокурорскаго надзора отъ участія дополнительныхъ обвинителей нельзя. Закономѣрность эта можетъ быть нарушена или тѣмъ, что прокурорскій надзоръ

изъ какихъ-либо политическихъ или даже личныхъ видовъ не будетъ возбуждать уголовнаго преслѣдованія или, возбудивъ, будетъ стараться таковое прекратить, или же въ томъ, что онъ будетъ возбуждать преслѣдованіе и предавать суду безъ достаточнаго къ тому фактическаго и юридическаго основанія. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ нарушеніе начала законности *бездѣйствіемъ прокурорской власти*, во второмъ—*превышеніе таковой*. Дѣятельность потерпѣвшихъ, очевидно, никогда не можетъ служить гарантіей противъ превышенія обвинительной власти, ибо они заинтересованы именно въ возбужденіи преслѣдованія и преданіи суду, хотя бы къ тому и не было достаточнаго основанія. Въ этихъ случаяхъ интересы справедливости и обвиняемыхъ могутъ быть гарантированы лишь извѣстнымъ предварительнымъ контролемъ суда надъ обвиненіемъ, который можетъ осуществляться или ex officio, въ порядкѣ ревизіонномъ, или вслѣдствіе требованія обвиняемаго, въ порядкѣ обжалованія дѣйствій прокуратуры. Что же касается бездѣйствія обвинительной власти, то таковое можетъ опять-таки быть парализовано или контролемъ суда, осуществляемымъ ex officio или же по жалобѣ потерпѣвшаго, или наконецъ самостоятельной обвинительной дѣятельностью потерпѣвшаго, принимающаго на себя оставленное прокуратурой бремя уголовнаго преслѣдованія. Лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно говорить, что именно въ дѣятельности потерпѣвшаго, а не въ контролѣ суда, заключается коррективъ монополіи прокурорскаго обвиненія, ибо, хотя и здѣсь преданіе суду или даже возбужденіе прослѣдованія имѣетъ мѣсто лишь послѣ провѣрки судомъ достаточности къ тому основанія, но эта провѣрка имѣетъ цѣлью не контролировать законность дѣйствій прокуратуры, а оградить обвиняемаго отъ недобросовѣстнаго или легкомысленнаго преслѣдованія. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ потерпѣвшему предоставлено лишь путемъ жалобы вызывать проявленіе контроля суда надъ дѣятельностью обвинительной власти и дополнять своими дѣйствіями послѣднюю, онъ является только служебнымъ колесомъ въ механизмѣ судебнаго контроля. Конечно, онъ можетъ до извѣстной степени способствовать водворенію закономѣрности въ дѣятельности прокурорскаго надзора, вызывая лишній разъ и безъ того дѣйствующій контроль суда, можетъ своимъ дополнительнымъ на судѣ обвиненіемъ парализовать вредныя для правосудія послѣдствія вялости и апатіи прокурора, но нельзя, очевидно, сказать, что его участіемъ устраняется такъ называемая Anklage-Monopol, ибо все-же главныя нити уголовнаго преслѣдованія

остаются въ рукахъ прокуратуры, дѣйствующей по собственной инициативѣ или вынуждаемой къ тому судомъ. Такимъ образомъ при дополнительномъ обвиненіи (принятомъ германскимъ уставомъ и вводимомъ проектомъ), какъ и при его отсутствіи (нашъ дѣйствующій уставъ), закономѣрность въ отправленіи правосудія обезпечивается, вопреки мнѣнію коммисіи, не дѣятельностью потерпѣвшаго, а контролемъ суда. Иное дѣло—субсидіарное обвиненіе. Тамъ дѣйствительно потерпѣвшій составляетъ *самостоятельную* процессуальную силу, мѣшающую виновнымъ ускользнуть отъ руки правосудія. Итакъ, если коммисія хотѣла найти въ частномъ обвиненіи коррективъ монополіи обвиненія публичнаго, нужно было не ограничиваться дополнительнымъ обвиненіемъ, но ввести и институтъ субсидіарнаго обвиненія по образцу австрійскаго, установивъ, что при участіи прокурора въ дѣлѣ потерпѣвшій его дополняетъ, а при отказѣ отъ преслѣдованія—замѣняетъ.

Но, если при такой организаціи въ дѣятельности потерпѣвшаго лежитъ дѣйствительная гарантія соблюденія начала законности, то дальнѣйшія гарантіи противъ бездѣйствія прокурорской власти уже излишни, и открывается возможность упростить конструкцію преданія суду. Нѣтъ надобности, чтобы судъ прекращалъ дѣла по предложенію прокурора,—прокуроръ самъ можетъ это сдѣлать, увѣдомивъ объ этомъ потерпѣвшаго, съ тѣмъ, чтобы послѣднему было предоставлено въ извѣстный срокъ продолжать покинутое прокуроромъ преслѣдованіе. То же самое должно имѣть мѣсто и при отказѣ прокурора послѣ преданія суду отъ обвиненія. Этимъ достигалось бы, съ одной стороны, облегченіе судовъ отъ обязанности разсматривать рядъ слѣдствій, подлежащихъ прекращенію, а съ другой—освобожденіе прокурорскаго надзора отъ обвиненія и вообще отъ участія вопреки своему убѣжденію въ дѣлѣ, которое, по его мнѣнію, подлежало прекращенію. Такимъ образомъ институтъ субсидіарнаго обвиненія, разсматриваемый теоретически, представляетъ большія преимущества, но это конечно не рѣшаетъ вопроса о желательности его включенія въ проектъ, ибо кромѣ того существуетъ еще другая сторона дѣла—вопросъ о томъ, насколько наше населеніе проникнуто сознаніемъ своихъ правъ и готовностью ихъ отстаивать, насколько оно способно внесть живое содержаніе въ мертвыя опредѣленія закона о субсидіарномъ обвиненіи и сдѣлать излишней на практикѣ ту гарантію начала законности, которую мы имѣемъ въ контролѣ суда надъ дѣятельностью публичнаго обвиненія. Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ приходится дать тотъ же отвѣтъ,

какой данъ былъ по поводу самостоятельнаго обвиненія по дѣламъ частнаго порядка, т. е. отрицательный, и слѣдовательно прійти къ выводу, что коммисія избрала вполнѣ правильный путь при введеніи въ нашъ процессуальный кодексъ дополнительнаго обвиненія по германскому образцу. Посмотримъ же, какъ этотъ путь пройденъ коммисіей.

Необходимо отличать постановленія проекта, касающіяся правъ потерпѣвшаго въ періодъ предварительнаго производства и судебнаго разбирательства, и помнить, что они одинаково обнимаютъ какъ дѣла публичныя, такъ и оканчиваемыя примиреніемъ.

Разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ статей проекта и сравненіе ихъ съ постановленіями дѣйствующаго устава приводитъ къ заключенію, что, вопреки намѣченной коммисіей цѣли, права потерпѣвшаго въ періодъ предварительнаго производства оказываются умаленными сравнительно съ дѣйствующимъ уставомъ.

Дѣйствительно, по дѣламъ, превышающимъ подсудность единоличныхъ судей, въ силу ст. 303 уст. угол. суд., потерпѣвшему принадлежитъ абсолютное право возбужденія уголовнаго преслѣдованія, ибо жалоба потерпѣвшаго составляетъ достаточное основаніе для производства предварительнаго слѣдствія, по проекту же (ст. 114) жалоба потерпѣвшаго лишь служитъ обязательнымъ поводомъ для производства дознанія, которое въ случаѣ необнаруженія признаковъ преступленія или виновнаго прекращается властью прокурора (ст. 137), при чемъ такое постановленіе прокуратуры можетъ быть обжаловано лишь въ порядкѣ іерархической подчиненности высшимъ чинамъ прокурорскаго надзора (стр. 230 т. II объяснительной записки). Такимъ образомъ выходитъ, что по дѣламъ, по коимъ производство предварительнаго слѣдствія зависитъ отъ усмотрѣнія прокурорскаго надзора (п. 2 ст. 140), дознаніе, возбуждаемое потерпѣвшимъ, можетъ быть прекращено безъ всякаго судебнаго постановленія, и потерпѣвшему закрывается доступъ къ судебной или къ слѣдственной власти, полнымъ же хозяиномъ уголовнаго преслѣдованія остается прокурорскій надзоръ. Очевидно, что такое нововведеніе не соотвѣтствуетъ ни цѣли обезпеченія закономѣрности въ дѣятельности публичныхъ обвинителей, ни цѣли огражденія частныхъ интересовъ потерпѣвшихъ (т. I, стр. 13—15). Поэтому понятно, что въ средѣ самой коммисіи это постановленіе проекта не осталось безъ возраженій, клонящихся къ ограниченію власти прокурора по прекращенію дознаній: членъ коммисіи А. Ѳ. Кони полагалъ ограничить право прокуратуры прекращать дозна-

нія лишь случаями необнаруженія признаковъ преступленія, а членъ коммисіи Н. Н. Шрейберъ—допустить обжалованіе потерпѣвшими распоряженія прокуратуры о прекращеніи дознаній въ окружный судъ. Послѣднее предположеніе, къ которому нельзя всецѣло не присоединиться, отвергнуто большинствомъ коммисіи, „такъ какъ упомянутая мѣра поставила бы прокурорскій надзоръ въ подчиненное положеніе по отношенію къ суду“ (т. II стр. 230).

Однако это неудобство могло бы быть избѣгнуто, если бы было постановлено, примѣнительно къ ст. 454 проекта, что судъ въ случаѣ несогласія съ распоряженіемъ прокуратуры представляетъ дѣло на разрѣшеніе палаты, по отношенію къ которой подчиненное положеніе прокуратуры проектъ не считаетъ нежелательнымъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что и принимаемый проектомъ за образецъ германскій уставъ уголовнаго судопроизводства предоставляетъ потерпѣвшему обжаловать постановленіе прокуратуры, отклоняющее просьбу о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, сначала въ порядкѣ іерархической подчиненности, а затѣмъ Oberlandesgericht'у или Reichsgericht'у, по принадлежности (§ 170).

Нѣсколько лучшимъ въ отношеніи возбужденія уголовнаго преслѣдованія является положеніе потерпѣвшихъ по дѣламъ, по коимъ предварительное слѣдствіе обязательно, въ связи съ измѣненіями, внесенными въ окончательную редакцію (ст. 145 и п. 1 ст. 146). Здѣсь по крайней мѣрѣ жалоба потерпѣвшаго должна быть обсуждена слѣдователемъ, т. е. органомъ судебнымъ, отказъ котораго въ производствѣ предварительнаго слѣдствія можетъ быть обжалованъ суду (ст. 420).

Такимъ образомъ проектъ отнимаетъ у потерпѣвшихъ безусловное право на возбужденіе предварительнаго слѣдствія, предоставленное имъ ст. 303 дѣйствующаго устава. Но если, вообще говоря, эти мѣры оправдываются злоупотребленіемъ своимъ правомъ со стороны потерпѣвшихъ, возбуждающихъ предварительныя слѣдствія изъ видовъ совершенно постороннихъ цѣлямъ правосудія, на что указываютъ ревизіонные отчеты (объясненія, II стр. 243), то все-же въ виду отдачи всего предварительнаго производства по цѣлому ряду дѣлъ въ руки полиціи мѣра эта должна допускать нѣкоторыя изъятія. Дѣйствительно, принадлежащее потерпѣвшему право обжалованія прокурору дѣйствій полиціи по производству дознанія (418 и 420 ст.) можетъ оказаться не ограждающимъ его правъ, если прокуратура будетъ ограничиваться (а это будетъ въ большинствѣ случаевъ) разсмотрѣніемъ самыхъ актовъ дознанія безъ фак-

тической ихъ провѣрки. Между тѣмъ права потерпѣвшаго могутъ быть нарушены именно неправильнымъ изложеніемъ въ актахъ дознанія свидѣтельскихъ показаній или результатовъ осмотра или иного изслѣдованія, неправильнымъ изложеніемъ, вызываемымъ или недостаточной подготовкой и развитіемъ чиновъ полиціи, производящихъ дознаніе, или даже прямымъ злоупотребленіемъ, всегда возможнымъ при невысокомъ нравственномъ уровнѣ нашего полицейскаго персонала и безграмотности населенія. Поэтому, казалось бы, слѣдовало предоставить потерпѣвшимъ право требовать отъ слѣдователей производства отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, примѣнительно къ ст. 146, съ цѣлью провѣрки невѣрно изложенныхъ актовъ дознанія, при которыхъ потерпѣвшій присутствовалъ, при чемъ условіемъ обязательности такого требованія должно быть признано категорическое утвержденіе о невѣрности изложенія акта дознанія, основанное на личномъ присутствіи при дѣйствіяхъ полиціи. Далѣе, такъ какъ присутствіе потерпѣвшаго при дознаніи является существенной гарантіей противъ небрежности полиціи или пристрастія къ обвиняемому, право, предоставляемое ст. 193 судьѣ воспрещать потерпѣвшему присутствовать при извѣстныхъ дѣйствіяхъ, не должно быть распространяемо на полицейскихъ чиновниковъ, производящихъ дознаніе, почему и примѣчаніе къ этой статьѣ должно подвергнуться соотвѣтственному измѣненію. Вредное вліяніе, иногда оказываемое присутствующимъ потерпѣвшимъ на ходъ слѣдствія, о которомъ говоритъ большинство коммисіи, (II стр. 246), не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, особенно при дознаніи, которое во всякомъ случаѣ провѣряется на судебномъ слѣдствіи, а въ важнѣйшихъ дѣлахъ подвергается даже двойной провѣркѣ путемъ предварительнаго и судебнаго слѣдствій [1]).

Что касается правъ потерпѣвшаго во время предварительнаго слѣдствія [2]), то они опредѣляются ст. 193 проекта, которая сравнительно съ 304 ст. дѣйствующаго устава содержитъ слѣдующіе ново-

---

[1]) Значеніе этихъ соображеній уменьшено, но не уничтожено вполнѣ возвращеніемъ окончательной редакціи проекта къ системѣ дѣйствующаго устава по вопросу о случаяхъ обязательности предварительнаго слѣдствія (Щегловитовъ „Пересмотрѣнные Судебные Уставы“ Жур. Мин. Юст. 1902 г. см. № 1), ибо все-же останется рядъ дѣлъ, по которымъ прекращеніе преслѣдованія будетъ имѣть мѣсто на основаніи актовъ дознанія.

[2]) О правахъ его при дознаніи отдѣльно говорить не приходится, ибо эти права тождественны съ правами его на предварительномъ слѣдствіи (ст. 107 и прим. къ ст. 193).

введенія: во-первыхъ, законъ категорически предоставляетъ потерпѣвшему дѣйствовать во время предварительнаго слѣдствія чрезъ повѣреннаго, чѣмъ устраняется толкованіе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената 1884 г. № 11, коимъ въ интересахъ равноправности сторонъ воспрещалось участіе повѣренныхъ потерпѣвшихъ вообще и гражданскихъ истцовъ въ частности въ предварительномъ производствѣ. Нельзя не привѣтствовать этого нововведенія, ибо равноправность сторонъ можетъ быть установлена не стѣсненіемъ правъ потерпѣвшаго, а допущеніемъ защиты обвиняемыхъ [1]), говорить же о равноправности тамъ, гдѣ вся полнота власти принадлежитъ публичному обвинителю, обвиняемый же является скорѣе объектомъ изслѣдованія, чѣмъ субъектомъ процессуальныхъ правъ, конечно нельзя. Къ тому же въ томъ разъясненіи скорѣе проглядываетъ недовѣріе къ сословію повѣренныхъ, чѣмъ забота о принципѣ равноправности, да и едва ли оно находитъ опору въ текстѣ ст. 304 уст. угол. суд.

Во-вторыхъ, потерпѣвшему предоставляется право просить о производствѣ слѣдственныхъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлью подтвердить основательность его жалобы; но это право, казалось бы, принадлежитъ ему и по дѣйствующему уставу по общему смыслу ст. 304, такъ что ст. 193 въ этомъ отношеніи содержитъ лишь редакціонное улучшеніе.

Въ-третьихъ, право потерпѣвшаго присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, какъ это установлено уже и дѣйствующимъ уставомъ для обвиняемыхъ, ограничено разрѣшеніемъ лица, производящаго слѣдствіе.

Въ-четвертыхъ, потерпѣвшему разрѣшено обозрѣвать съ согласія слѣдователя слѣдственное производство, что̀ во многихъ случаяхъ можетъ замѣнить затруднительную для слѣдователя выдачу копій. Кромѣ того проектъ и въ другихъ статьяхъ касается правъ потерпѣвшаго на предварительномъ слѣдствіи. Сюда относится ст. 153, устанавливающая новыя мѣры для огражденія имущественныхъ интересовъ потерпѣвшаго: именно, въ случаяхъ неотложности она возлагаетъ на лицо, производящее слѣдствіе, принятіе и безъ просьбы потерпѣвшаго мѣръ обезпеченія могущаго пасть на обвиняемаго денежнаго взысканія, въ настоящее же время судебная практика этого не допускаетъ, толкуя рестриктивно ст. 268 уст. угол.

---

[1]) Что̀ въ извѣстной степени и сдѣлано въ окончательной редакціи проекта, ср. Щегловитовъ l. c., стр. 49.

суд. въ смыслѣ относимости ея лишь къ дѣламъ казенныхъ управленій (Объясненія II, ст. 269). Принятая такимъ образомъ мѣра снимается, если въ теченіе мѣсяца потерпѣвшій не заявитъ гражданскаго иска. Вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается измѣненію и мало подвижный, тяжеловатый порядокъ принятія мѣръ обезпеченія чрезъ судъ: по проекту, самъ слѣдователь принимаетъ мѣры обезпеченія гражданскаго иска, что̀ является тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что и въ настоящее время въ порядкѣ гражданскаго процесса искъ можетъ быть обезпеченъ единоличной властью предсѣдателя по дѣламъ, разсматриваемымъ коллегіально. Сюда же должны быть отнесены ст. 266 и 267 проекта, вносящія впрочемъ лишь редакціонныя улучшенія и устраняющія колебанія старой практики по вопросу о возвращеніи потерпѣвшему вещей, добытыхъ преступленіемъ.

Въ важный вопросъ объ обжалованіи слѣдственныхъ дѣйствій проектъ не вноситъ измѣненій (Объясненія II, стр. 399). Но, въ виду допущенія повѣренныхъ потерпѣвшихъ къ участію въ предварительномъ слѣдствіи и по дѣламъ публичнаго обвиненія, послѣдніе не лишены возможности поддерживать свою жалобу въ распорядительномъ засѣданіи суда чрезъ повѣреннаго (ст. 430 проекта). Въ слѣдующій періодъ движенія уголовнаго дѣла, въ *періодъ преданія суду*, проектъ вноситъ слѣдующія измѣненія въ права потерпѣвшаго.

За нимъ сохраняется право обжалованія въ палату опредѣленій окружнаго суда о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія (528^2 уст. угол. судопр.), но право это распространяется и на случаи пріостановленія преслѣдованія, а самый срокъ обжалованія исчисляется съ момента дѣйствительнаго объявленія потерпѣвшему судебнаго опредѣленія (ст. 470 проекта). Такимъ образомъ проектъ вноситъ несомнѣнное улучшеніе, такъ какъ нынѣшняя система вывѣшиванія объявленій о состоявшемся опредѣленіи, какъ правильно указывается коммисіей, дѣлаетъ самое право обжалованія потерпѣвшаго въ большинствѣ случаевъ мнимымъ, за фактической для него невозможностью услѣдить за началомъ теченія срока. Дальнѣйшимъ расширеніемъ правъ потерпѣвшаго является вновь устанавливаемый порядокъ обжалованія опредѣленій обвинительной камеры о прекращеніи или пріостановленіи преслѣдованія въ кассаціонномъ порядкѣ по предмету толкованія законнаго состава преступленія или признанія наличности вопроса, требующаго предварительнаго разрѣшенія гражданскаго суда (ст. 472). По дѣйствующему уставу такія опредѣленія признаются неподлежащими обжа-

лованію, вслѣдствіе чего, вопреки основному началу нашего процесса, обвинительныя камеры являются окончательными вершителями цѣлаго ряда весьма важныхъ юридическихъ вопросовъ и создаютъ разнообразіе въ практикѣ въ отношеніи толкованія состава различныхъ преступленій. Интересы единства толкованія законовъ, равно какъ и интересы потерпѣвшихъ, настоятельно требуютъ этого нововведенія.

Жаль, что коммисія не пошла дальше на пути огражденія интересовъ потерпѣвшихъ и развитія состязательнаго начала въ этой стадіи процесса и не приняла предложенія 8 своихъ членовъ о допущеніи къ словеснымъ объясненіямъ въ засѣданіе суда, обсуждающаго вопросъ о прекращеніи преслѣдованія, и въ засѣданіе обвинительной камеры потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ, равно какъ и ихъ повѣренныхъ [1]). Указаніе коммисіи на то, что эта мѣра повела бы къ излишнему обремененію судовъ и палатъ (II, стр. 25), едва ли рѣшаетъ вопросъ: что-нибудь изъ двухъ: или дѣла въ распорядительномъ засѣданіи суда и въ обвинительной камерѣ разсматриваются и безъ сторонъ съ достаточнымъ вниманіемъ и послѣ обстоятельнаго доклада, — тогда словесныя объясненія сторонъ, являющихся далеко не по каждому дѣлу, немного удлинятъ время, необходимое для разсмотрѣнія дѣлъ, или, какъ это бываетъ зачастую на практикѣ, коллегія лишь подписываетъ заготовленную докладчикомъ резолюцію, въ рѣдкихъ только случаяхъ поднимая вопросы и возбуждая дебаты,—но тогда самое разсмотрѣніе дѣлъ въ судѣ или палатѣ является сомнительной гарантіей правосудія и обвиняемыхъ, которую въ интересахъ быстроты было бы лучше вовсе уничтожить. Другое замѣчаніе коммисіи о необходимости въ такихъ случаяхъ заблаговременно увѣдомить о днѣ засѣданія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, что̀ поведетъ къ чрезвычайной медленности въ производствѣ въ обвинительныхъ камерахъ, также съ одной стороны преувеличиваетъ трудность исполненія этого обряда, а съ другой—не считается съ тѣмъ положеніемъ, что лучше дать извѣстную гарантію хоть болѣе бдительнымъ, которые сами будутъ слѣдить за назначеніемъ дѣлъ, чѣмъ отказать въ ней всѣмъ.

Въ параллель можно привести установленное самой коммисіей объявленіе потерпѣвшимъ о прекращеніи судомъ или палатой уго-

---

[1]) Въ окончательномъ проектѣ допущены словесныя объясненія обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ лично или чрезъ повѣренныхъ въ обвинительной камерѣ, см. Щегловитовъ l. с. стр. 54.

ловнаго преслѣдованія; вѣдь не остановилась же коммисія предъ этимъ несомнѣннымъ увеличеніемъ работы канцелярій судебныхъ мѣстъ, находя, что оно вызывается существенными интересами потерпѣвшихъ.

Такимъ образомъ проектъ, если не считать ограниченія правъ потерпѣвшаго по возбужденію уголовнаго преслѣдованія, не вноситъ существенныхъ измѣненій въ его положеніе въ періодъ предварительнаго слѣдствія и преданія суду.

Напротивъ, съ начала приготовительныхъ къ суду распоряженій проектъ рѣзко расходится съ дѣйствующимъ уставомъ, который послѣ преданія суду за потерпѣвшимъ, не заявившимъ гражданскаго иска, никакихъ процессуальныхъ правъ не признаетъ, если не считать указанное въ ст. 599 уст. уг. судопр. право отводить судей (являющееся аномаліей при существующемъ порядкѣ, при которомъ потерпѣвшій—не сторона, а лишь свидѣтель) и предоставляемое ст. 622 право требовать допущенія въ залъ засѣданія, въ случаѣ закрытія дверей, трехъ родственниковъ или знакомыхъ. Проектъ, развивая въ рядѣ отдѣльныхъ постановленій основное свое положеніе, что на участіе въ дѣлѣ въ качествѣ стороны даетъ право не только матеріальный ущербъ, но и вредъ нематеріальный, понесенный отъ преступленія, начиная съ періода приготовительныхъ къ суду распоряженій, уравниваетъ положеніе потерпѣвшаго съ положеніемъ гражданскаго истца.

Такъ, ст. 500 возлагаетъ на предсѣдателя обязанность извѣстить потерпѣвшаго о вступленіи въ судъ обвинительнаго акта, копію коего онъ можетъ получить на свой счетъ. До открытія судебнаго засѣданія онъ можетъ ходатайствовать о допущеніи его къ участію въ дѣлѣ на правахъ обвинителя (ст. 501). Будучи признанъ таковымъ опредѣленіемъ суда, онъ получаетъ право знакомиться съ дѣломъ въ канцеляріи (ст. 515) и ходатайствовать о дополненіи списка лицъ, вызываемыхъ въ судъ (ст. 502—527). Потерпѣвшій, по усмотрѣнію суда, можетъ быть выслушанъ до постановленія опредѣленія по вопросамъ о приготовительныхъ дѣйствіяхъ (ст. 494). Наконецъ, потерпѣвшій, пользующійся правами обвинителя, о днѣ слушанія дѣла увѣдомляется повѣсткой (ст. 546).

Предъ открытіемъ судебнаго засѣданія и во время судебнаго слѣдствія и преній дополнительный частный обвинитель, по проекту, пользуется правами стороны, почему часто онъ не поименовывается особо, а подразумѣвается подъ общими выраженіями „стороны“, „участвующія въ дѣлѣ лица“ (напр., ст. 576, 631, 666 и друг.).

Главныя права дополнительнаго обвинителя перечисляются въ ст. 599 и 714 и сводятся къ праву представлять доказательства, отводить и допрашивать свидѣтелей, дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему на судѣ, возражать противъ свидѣтельскихъ показаніи, опровергать доводы противной стороны и, наконецъ, участвовать въ заключительныхъ преніяхъ. Эти права по поводу отдѣльныхъ моментовъ процесса подтверждаются рядомъ статей (668, 673, 691, 700, 720 и друг.).

Въ общемъ, роль дополнительнаго обвинителя по формѣ приближается къ роли гражданскаго истца: онъ допрашивается, какъ и гражданскій истецъ, въ качествѣ свидѣтеля, если въ томъ оказывается надобность (620), не пользуется правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей (642) и вообще занимаетъ, такъ сказать, второе мѣсто на сторонѣ обвиненія, уступая первое прокурору, но оставаясь самостоятельнымъ въ томъ смыслѣ, что доводы прокурора и даже отказъ его отъ обвиненія не связываютъ свободы его требованій и объясненій. Напротивъ, дѣятельность дополнительнаго обвинителя по содержанію своему тождественна съ тою частью дѣятельности прокурора, въ которой онъ является стороной. Преслѣдуя одну и ту же цѣль—наказаніе виновнаго, дополнительный обвинитель пользуется всею полнотою правъ, которая необходима для установленія на судѣ виновности во всемъ ея объемѣ и наказуемости, что̀ не принадлежитъ гражданскому истцу (ст. 710—714 и 716). Но потерпѣвшій, конечно, не пользуется тѣми правами, которыя вытекаютъ изъ законоохранительной функціи прокуратуры: правомъ наблюденія за правильнымъ теченіемъ процесса и дачи заключенія по всѣмъ вопросамъ не только въ интересахъ обвиненія, но и въ интересахъ правильности производства вообще (напр., по вопросу о послѣдствіяхъ неявки свидѣтеля и проч.), хотя и ему повидимому воспрещается слишкомъ увлекаться обвинительнымъ пыломъ и представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ (ст. 712 и 714). Это различіе въ положеніи потерпѣвшаго, прокурорскаго надзора и гражданскаго истца съ особой рельефностью сказывается въ порядкѣ обжалованія приговоровъ. Прокурорскому надзору принадлежитъ право приносить кассаціонные протесты (апелляціонное обжалованіе проектомъ вовсе устраняется), какъ въ интересахъ обвиненія, такъ и въ интересахъ подсудимаго. Послѣднее право не принадлежитъ ни частному обвинителю, ни гражданскому истцу (ст. 869). Но частный обвинитель въ своихъ интересахъ можетъ обжаловать приговоръ суда, хотя бы прокуроръ и не подалъ протеста. Напротивъ, гражданскій истецъ

не можетъ обжаловать оправдательный приговоръ, если онъ не обжалованъ публичнымъ или частнымъ обвинителемъ (ст. 870 и 871), ему остается въ этомъ случаѣ лишь обратиться въ судъ гражданскій, такъ какъ въ судѣ уголовномъ искъ его останется не разсмотрѣннымъ (798). Въ этомъ отношеніи проектъ вноситъ существенныя измѣненія въ дѣйствующія правила, предоставляющія гражданскому истцу неограниченное право обжалованія оправдательныхъ приговоровъ (859 и 906 ст. уст. угол. судопр.), и устраняетъ тотъ ненормальный порядокъ, въ силу котораго приговоръ, вошедшій въ законную силу въ отношеніи наказанія, все-же пересматривается въ отношеніи гражданскаго иска въ судѣ уголовномъ при участіи прокурорскаго надзора, ему подчинившагося. Впрочемъ, подобная ненормальность сохраняется проектомъ въ случаяхъ отмѣны приговора по жалобѣ дополнительнаго обвинителя: въ новомъ разсмотрѣніи, какъ и по германскому уставу (§ 441), участвуетъ прокурорскій надзоръ, какъ сторона обвинительная, хотя бы онъ и подчинился первому приговору. Дальнѣйшее отличіе дополнительнаго обвинителя отъ прокурора, вытекающее изъ законоохранительныхъ функцій послѣдняго, заключается въ томъ, что при разсмотрѣніи частныхъ и кассаціонныхъ жалобъ присутствіе перваго и дача имъ объясненій факультативны (863 и 907), заключенія же прокурорскаго надзора—обязательны. Изъ должностнаго характера прокурорскаго надзора вытекаетъ освобожденіе его отъ представленія кассаціоннаго залога, который для обезпеченія основательности подаваемыхъ жалобъ требуется отъ дополнительныхъ обвинителей, гражданскихъ истцовъ и нѣкоторыхъ обвиняемыхъ (ст. 887).

Таковы постановленія проекта, касающіяся дополнительнаго частнаго обвиненія. Сопоставляя ихъ съ развитыми раньше общими положеніями, нельзя не сказать, что въ общемъ постановка этого института въ проектѣ является удачной, если не считать тѣхъ частныхъ дефектовъ, на которые указывалось при разборѣ отдѣльныхъ постановленій.

Л. Тауберъ.

III.

ПОДСУДНОСТЬ ДѢЛЪ ОБЪ ОСКОРБЛЕНІЯХЪ ВОЛОСТНЫХЪ СУДОВЪ.

Вопросъ о томъ, какимъ карательнымъ закономъ предусмотрѣно оскорбленіе волостныхъ судовъ и какому суду подсудны дѣла объ оскорбленіи этихъ судовъ, весьма спорный и разрѣшается судебною практикою неправильно. Громадное большинство юристовъ-практиковъ, девять десятыхъ и даже больше того, полагаетъ, что оскорбленіе волостныхъ судовъ составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 282 ст. улож. наказ., а потому дѣла о такихъ оскорбленіяхъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 2 частью этой статьи, согласно 201[1] ст. уст. угол. суд., подсудны особому присутствію судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Такого же взгляда, если не ошибаемся, держатся всѣ судебныя палаты, руководствуясь рѣшеніемъ Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената 1896 года № 24, признавшимъ, что оскорбленіе волостныхъ судовъ предусмотрѣно 282 ст. улож. наказ.

Но съ такимъ взглядомъ согласиться невозможно. Оскорбленіе волостныхъ судовъ не можетъ быть признано преступленіемъ, предусмотрѣннымъ 282 ст. улож. наказ., а потому такія дѣла ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть подсудны особому присутствію судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Для выясненія занимающаго насъ вопроса обратимся прежде всего къ тексту 282 ст. улож. наказ. Эта статья говоритъ слѣдующее:

Кто въ присутственномъ мѣстѣ, во время засѣданія и въ самой онаго камерѣ, осмѣлится неприличными словами или какимъ-либо дѣйствіемъ оказать явное къ сему мѣсту неуваженіе, или же въ поданной въ оное бумагѣ помѣстить съ намѣреніемъ выраженія, прямо для онаго оскорбительныя, тотъ за сіе приговаривается:

> или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ; или же къ аресту на время отъ семи дней до трехъ недѣль.

Если, однакоже, дерзость его дойдетъ до такой степени, что онъ дозволитъ себѣ самыя ругательства на присутствіе или составляющихъ оное членовъ или даже осмѣлится поднять на нихъ или одного изъ нихъ руку, тотъ за сіе подвергается:

> или лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія отъ четырехъ до пяти лѣтъ, или по пятой степени статьи 31 сего уложенія (законъ 10 іюня 1900 года объ отмѣнѣ ссылки).

Но волостной судъ ни по внѣшнему своему устройству, ни по

своему назначенію и функціямъ не можетъ быть признанъ присутственнымъ мѣстомъ.

Согласно 37—39 ст. II т. Свод. зак. общ. учрежд. губ. изд. 1902 года, для присутственныхъ мѣстъ установлены особыя камеры, устройство которыхъ точно и подробно опредѣлено въ этихъ статьяхъ: въ присутственныхъ камерахъ должно быть зерцало, извѣстнаго рода мебель и т. п. Для волостныхъ судовъ такихъ камеръ не полагается.

По своему назначенію и функціямъ волостные суды представляютъ собою не судебныя учрежденія въ строгомъ смыслѣ слова, а сословныя установленія, назначеніе которыхъ—исполненіе неформальной домашней расправы. Такъ, за важнѣйшія изъ подлежащихъ вѣдѣнію волостныхъ судовъ преступленія—кражи, мошенничества и растраты—волостные суды приговариваютъ виновныхъ къ аресту отъ 7 до 15 дней или къ наказанію розгами (148 ст. общ. полож. о кр., особ. прилож. къ IX т. Св. зак., изд. 1902 года); вызовъ свидѣтелей для волостныхъ судовъ необязателенъ; свидѣтели не только никогда не допрашиваются подъ присягой, но даже съ предупрежденіемъ о присягѣ; въ извѣстныхъ случаяхъ волостной судъ обязанъ разрѣшать дѣла на основаніи письменныхъ показаній свидѣтелей, отобранныхъ полицейскими чинами (ст. 134 того же прилож. къ IX т. Свод. зак.). Далѣе, закономъ 15 апрѣля 1896 года (ст. уст. наказ. 181 п. 3, 175 п. 1 и 171 п. 8) признано, что судимость въ волостныхъ судахъ за кражи и мошенничества не можетъ считаться рецидивомъ для признанія этихъ преступленій совершенными въ третій разъ.

Изъ всего этого нельзя не прійти къ заключенію, что волостные суды не составляютъ судебныхъ установленій и не могутъ быть признаны присутственными мѣстами;—это упорядоченная законодательнымъ порядкомъ сословная домашняя расправа.

Правительствующій Сенатъ по вопросу о значеніи волостныхъ судовъ и порядкѣ преслѣдованія за оскорбленіе послѣднихъ высказалъ два діаметрально противоположныхъ взгляда, гранью между которыми служитъ законъ 12 іюля 1889 года, положеніе о земскихъ начальникахъ и о преобразованіи волостныхъ судовъ.

До 12 іюля 1889 года Правительствующій Сенатъ неоднократно, особенно въ рѣшеніяхъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 1869 года, № 241, по дѣлу Амчанинова, и 1882 года № 51, по дѣлу Копьева, признавалъ, что волостные суды, послѣ преобразованія судебной части въ Имперіи, введенія Судебныхъ Уставовъ

20 ноября 1864 года, оставлены не въ видѣ самостоятельныхъ судовъ, а въ видѣ предварительной мѣстной расправы, почему приговоры этихъ судовъ, какъ сказано въ рѣшеніи по дѣлу Амчанинова, не должны быть принимаемы въ соображеніе при опредѣленіи повторенія преступленія; а оскорбленіе волостнаго суда признано рѣшеніемъ по дѣлу Копьева предусмотрѣннымъ 31 ст. уст. наказ., а не 282 ст. улож. наказ., такъ какъ,—говоритъ Правительствующій Сенатъ въ этомъ рѣшеніи,—„волостной судъ, по самому его учрежденію и устройству, вовсе не имѣетъ значенія упоминаемаго въ этомъ законѣ присутственнаго мѣста".

Съ изданіемъ упомянутаго закона 12 іюля 1889 года взглядъ Правительствующаго Сената на эти вопросы совершенно измѣнился.

Рѣшеніемъ Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ, 1894 года № 5, признано, что законъ 12 іюля 1889 года, хотя сохранилъ за волостнымъ судомъ сословный характеръ, но измѣнилъ объемъ его дѣятельности и юридическое значеніе постановленныхъ имъ приговоровъ; такимъ образомъ волостной судъ пріобрѣлъ значеніе дѣйствительнаго судебнаго установленія, почему нельзя отрицать за ихъ приговорами силы судебнаго рѣшенія, и дѣла о третьей кражѣ, послѣ двукратнаго наказанія за двѣ кражи волостнымъ судомъ, подсудны окружному суду.

Затѣмъ, въ рѣшеніи Общаго Собранія 1896 года № 24, состоявшемся 15 октября этого года, въ силу вышеприведенныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ призналъ, что дѣла объ оскорбленіи волостныхъ судовъ, примѣняясь къ 282 ст. улож. наказ., подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ.

Но того же 15 апрѣля 1896 года воспослѣдовалъ вышеупомянутый законъ, которымъ признано, что правило п. 2 ст. 181 уст. наказ. объ опредѣленіи по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ наказанія виновнымъ въ кражѣ или мошенничествѣ, учиненныхъ въ третій разъ, не примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе за означенныя дѣянія было понесено обвиняемымъ въ первый либо во второй разъ или оба раза по приговору волостнаго суда.

Такой взглядъ законодателя на волостной судъ долженъ былъ совершенно измѣнить высказанныя Правительствующимъ Сенатомъ въ вышеприведенныхъ рѣшеніяхъ его по Общему Собранію, 1894 г. № 5 и 1896 года № 24, соображенія относительно характера и значенія волостныхъ судовъ.

И дѣйствительно, Уголовный Кассаціонный Департаментъ въ своемъ рѣшеніи 1897 года № 1, по дѣлу Пѣева, совершенно от-

ступилъ отъ высказанныхъ въ упомянутыхъ рѣшеніяхъ Общаго Собранія взглядовъ и призналъ, что законъ 12 іюля 1889 года, преобразуя волостные суды, измѣнилъ лишь порядокъ разсмотрѣнія въ нихъ дѣлъ, расширилъ кругъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію проступковъ, но сохранилъ однако за этими судами характеръ неформальной домашней расправы, почему судимость въ волостныхъ судахъ не можетъ имѣть никакого значенія, при повторяемости кражъ и мошенничествъ, для опредѣленія понятія о повтореніи преступленій.

Такимъ образомъ, сопоставляя всѣ приведенныя соображенія, нельзя не прійти къ заключенію, что оскорбленіе волостныхъ судовъ не можетъ быть подведено подъ преступленіе, предусмотрѣнное 282 ст. улож. наказ., какъ это было сдѣлано Правительствующимъ Сенатомъ въ упомянутомъ его рѣшеніи, до изданія закона 15 апрѣля 1896 года. Основанія, послужившія поводомъ для Правительствующаго Сената признать оскорбленіе волостнаго суда предусмотрѣннымъ 282 ст. улож. наказ., отвергнуты имъ самимъ.

Какимъ же уголовнымъ закономъ предусмотрѣно оскорбленіе волостныхъ судовъ?

Для выясненія этого вопроса нужно войти въ обсужденіе оффиціальнаго положенія волостныхъ судей.

Закономъ 12 іюля 1889 года о преобразованіи волостныхъ судовъ волостные судьи сравнены съ волостными старшинами относительно порядка отвѣтственности, временнаго устраненія и удаленія отъ должности (ст. 3—6 времен. прав. о волост. судѣ), почему нельзя не признать волостныхъ судей за лицъ, занимающихъ должности, соотвѣтствующія волостнымъ старшинамъ, какъ это и высказано Правительствующимъ Сенатомъ въ вышеупомянутомъ рѣшеніи Общаго Собранія 1896 года, № 24. Въ виду этого оскорбленіе волостнаго суда слѣдуетъ признать предусмотрѣннымъ не 31 ст. уст. наказ., преслѣдующей за оскорбленіе полицейскихъ стражей, служителей правительственныхъ мѣстъ и т. п., такъ какъ къ числу ихъ волостныхъ судей причислить, очевидно, невозможно, и не 282 ст. улож. наказ., карающей за оскорбленіе присутственныхъ мѣстъ, а 288 ст. того же уложенія, преслѣдующей оскорбленія волостныхъ старшинъ и лицъ, занимающихъ соотвѣтственныя этому должности, а слѣдовательно и волостныхъ судей.

Невозможность преслѣдованія за оскорбленіе волостныхъ судовъ по 282 ст. улож. наказ. сдѣлается еще болѣе ясной, если сравнить наказанія по 282 и 288 ст. улож. наказ.

За оскорбленіе волостнаго старшины словами виновные подвергаются аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ, а за такое же оскорбленіе волостныхъ судей, занимающихъ соотвѣтствующую должность, они подлежали бы, согласно 2 части 282 ст. улож. наказ., лишенію всѣхъ особыхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ исправительное арестантское отдѣленіе на время отъ 4 до 5 лѣтъ, и притомъ судиться въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Возвратиться къ прежней практикѣ Правительствующаго Сената и признать согласно высказанному имъ въ рѣшеніи 1882 года № 51, по дѣлу Копьева, взгляду, что оскорбленіе волостнаго суда предусмотрѣно 31 ст. уст. наказ., представляется невозможнымъ не только въ силу измѣнившагося положенія волостныхъ судей закономъ 12 іюля 1889 года, но и по практическимъ соображеніямъ.

На основаніи 1 ст. временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, уѣздный съѣздъ назначаетъ предсѣдателемъ волостнаго суда одного изъ четырехъ, выбранныхъ и утвержденныхъ установленнымъ порядкомъ, волостныхъ судей, а если признаетъ нужнымъ, то можетъ возложить обязанности предсѣдателя волостнаго суда на волостнаго старшину. Въ послѣднемъ случаѣ, оскорбленіе волостнаго суда, очевидно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано предусмотрѣннымъ 31 ст. уст. наказ., такъ какъ оскорбленіе волостныхъ старшинъ при отправленіи ими служебныхъ обязанностей прямо предусмотрѣнно 288 ст. улож. наказ. Слѣдовательно, оскорбленіе волостныхъ судовъ подлежало бы разсмотрѣнію то окружнаго суда, если предсѣдательствуетъ въ немъ волостной старшина, то мироваго судьи, земскаго начальника или городскаго судьи, если въ волостномъ судѣ предсѣдательствовалъ особо назначенный предсѣдатель.

Такимъ образомъ, въ конечномъ выводѣ, нельзя не признать, что оскорбленіе волостныхъ судовъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, т. е., будетъ ли это оскорбленіе словами или дѣйствіемъ, представляется предусмотрѣннымъ, если не по буквальному смыслу, то по аналогіи, 288 ст. улож. наказ., а потому дѣла объ оскорбленіи волостныхъ судовъ, за силою 200 и 201 ст. уст. угол. суд., подсудны окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

В. Губанинъ.

IV.

ЧТО ТАКОЕ ИМЕННАЯ АКЦІЯ И МОЖЕТЪ ЛИ ОНА БЫТЬ ПРІОБРѢТЕНА ПО ДАВНОСТИ ВЛАДѢНІЯ?

Теоретически весьма любопытный и практически важный вопросъ гражданскаго права возбудило разрѣшенное, 8 января, Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ дѣло Родственныхъ съ Москвинымъ.

Послѣ того какъ еще только въ истекшемъ году прекратился, наконецъ, почти десятилѣтній споръ о примѣнимости правилъ пріобрѣтательной давности къ церковнымъ землямъ,—вопросъ, собственно въ наукѣ почти и не возбуждавшій сомнѣнія и поднятый лишь кассаціоннымъ рѣшеніемъ 1893 года № 2, установленный коимъ принципъ рѣшеніемъ Сената же 1902 года по дѣлу Рудницкой нынѣ уже отвергнутъ,—судебная практика возбуждаетъ, по примѣненію той же пріобрѣтательной давности, все новые вопросы и недоумѣнія. Такъ, 13 ноября, по дѣлу города Эривани, разрѣшенъ Сенатомъ вопросъ о пріобрѣтеніи по давности городскихъ выгонныхъ земель,—каковой вопросъ, возникшій въ дѣлѣ подъ прямымъ вліяніемъ только что названнаго рѣшенія Сената 1893 года № 2, совершенно правильно разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ [1]). Названное же выше дѣло возбудило нынѣ еще болѣе важный для гражданскаго оборота, въ особенности же для промышленнаго міра, вопросъ—о примѣненіи пріобрѣтательной давности къ именнымъ акціямъ.

Обстоятельства дѣла заключались въ слѣдующемъ.

Наслѣдники поручика Павла Родственнаго предъявили въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ къ почетному гражданину Дмитрію Москвину искъ, въ суммѣ 2346 руб., требуя возвращенія пяти именныхъ акцій С.-Петербургскаго общества водопроводовъ, выданныхъ на имя наслѣдодателя истцовъ Павла Родственнаго и находящихся у отвѣтчика. Москвинъ возразилъ, что акціи получены имъ отъ самого Родственнаго болѣе 20 лѣтъ тому назадъ въ уплату долга, при чемъ Родственный тогда же обѣщалъ сдѣлать переводъ акцій на имя Москвина, но этого не исполнилъ; а потому, ссылаясь на свидѣтелей въ подтвержденіе состоявшейся сдѣлки передачи акцій, Москвинъ предъявилъ къ Родственнымъ встрѣчный искъ о признаніи

[1]) См. объ этомъ статью С. Б. Гомолицкаго въ „Вѣстникѣ Права“, кн. за ноябрь.

вышеупомянутыхъ акцій собственностью его, Москвина, и обязаніи Родственныхъ сдѣлать формальный переводъ этихъ акцій на его имя. Повѣренный первоначальныхъ истцовъ въ отвѣтѣ на встрѣчный искъ, въ свою очередь, возразилъ, что словесная сдѣлка передачи акцій отъ Родственнаго къ Москвину, если бы таковая и была доказана, не можетъ имѣть силы, такъ какъ законъ для подобной передачи требуетъ письменной формы, а также указалъ на то, что право Москвина требовать исполненія этой сдѣлки (т. е. право требовать перевода акцій на его имя) погашено давностью. Повѣренный же Москвина въ объясненіяхъ на судѣ ссылался на то, что его довѣритель *владѣетъ* акціями болѣе 20 лѣтъ и пріобрѣлъ на нихъ право по давности.

Окружный судъ, установивъ тотъ фактъ, что Павелъ Родственный въ 60-хъ годахъ передалъ спорныя акціи Москвину въ собственность въ уплату долга, призналъ, что акціи должны считаться собственностью Москвина, отказалъ въ искѣ Родственнымъ, а встрѣчный искъ Москвина удовлетворилъ полностью, назначивъ отвѣтчикамъ мѣсячный срокъ для совершенія передаточной надписи на акціяхъ.

По апелляціи повѣреннаго Родственныхъ дѣло перешло въ С.-Петербургскую судебную палату, которая, разсмотрѣвъ дѣло, нашла, что разрѣшеніе настоящаго дѣла зависитъ отъ того, можно ли признать доказаннымъ, что спорныя акціи поступили въ полное обладаніе Москвина и оставались у него до дня предъявленія наслѣдниками Павла Родственнаго настоящаго иска въ спокойномъ непрерывномъ владѣніи, въ видѣ собственности, въ теченіе болѣе 10 лѣтъ.

Со стороны истцовъ нѣтъ возраженія противъ того, что акціи были переданы Павломъ Родственнымъ Москвину въ 1860 году и все время находились у него и что онъ получалъ по купонамъ дивидендъ на нихъ до того времени, когда, съ переходомъ водопроводовъ въ собственность города, положено акціи уничтожить и выдать за нихъ акціонерамъ ихъ стоимость. Не имѣя формальнаго удостовѣренія въ томъ, что акціи, числящіяся за Павломъ Родственнымъ, принадлежатъ ему, Москвинъ не могъ воспользоваться правами акціонера и обратился къ матери Павла Родственнаго съ письмомъ, прося ее содѣйствовать переводу акцій на его имя. Вмѣсто удовлетворенія этой просьбы наслѣдники Павла Родственнаго предъявили настоящій искъ. Москвинъ, конечно, несмотря на нежеланіе истцовъ соблюсти необходимыя для добровольнаго перевода формальности, не лишенъ права, для того, чтобы получить всѣ права ак-

ціонера, доказывать, что онѣ принадлежатъ ему, судебнымъ порядкомъ, точно такъ же, какъ давностный владѣлецъ не лишенъ права доказывать судомъ свое право собственности на недвижимое имущество для того, чтобы имѣть возможность продать или заложить его.

По 534 ст. 1 ч. X т. движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано. Составляющими предметъ настоящаго спора акціями владѣетъ Москвинъ, а потому на обязанности противной стороны лежитъ доказать, что онѣ не составляютъ его собственности. Истцы не объясняютъ нахожденія акцій у Москвина какими-либо такими опредѣленными правоотношеніями между Павломъ Родственнымъ и Москвинымъ, которыя устанавливали бы зависимость владѣнія Москвина отъ права на нихъ Павла Родственнаго. Напротивъ, они не отрицаютъ, что ни Павелъ Родственный, ни они сами, какъ его наслѣдники, во все время владѣнія Москвина акціями, не проявляли никакихъ, въ отношеніи къ нимъ, правъ. При такихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ признать, что въ силу 535, 558, 559, 567 и 694 ст. 1 ч. X т., всѣ права на полученныя Москвинымъ отъ Павла Родственнаго спорныя пять акцій симъ послѣднимъ и его наслѣдниками утрачены и перешли къ Москвину. Этому не могло препятствовать то, что акціи именныя и значатся по книгамъ за Павломъ Родственнымъ. Самый фактъ нахожденія ихъ въ рукахъ Москвина и давностное владѣніе ими Москвина устанавливаетъ за симъ послѣднимъ право собственности на нихъ, если истцы не могутъ доказать, что акціи находились у него при такихъ условіяхъ, которыя исключали возможность для Москвина владѣть ими въ видѣ собственности.

На основаніи всего вышеизложеннаго С.-Петербургская судебная палата утвердила рѣшеніе С.-Петербургскаго окружнаго суда съ отмѣною только его части о возложеніи на наслѣдниковъ Родственнаго обязанности сдѣлать на акціяхъ надписи о передачѣ ихъ Москвину.

Въ поданной на это рѣшеніе кассаціонной жалобѣ повѣренный Родственныхъ указалъ слѣдующіе поводы къ отмѣнѣ рѣшенія палаты.

I. Судебная палата пишетъ: „разрѣшеніе настоящаго дѣла зависитъ отъ того, можно ли признать доказаннымъ, что спорныя акціи поступили въ полное обладаніе Москвина и оставались въ спокойномъ непрерывномъ владѣніи, *въ видѣ собственности*, въ теченіе болѣе десяти лѣтъ“. А далѣе палата устанавливаетъ: не

имѣя формальнаго удостовѣренія въ томъ, что акціи, числящіяся за Павломъ Родственнымъ, принадлежатъ ему, Москвинъ не могъ воспользоваться правами акціонера". Очевидно, коль скоро, по убѣжденію самой палаты, Москвинъ, несмотря на нахожденіе у него акцій, не могъ осуществлять правъ акціонера, то ни о какомъ владѣніи акціями въ видѣ собственности не могло быть и рѣчи, ибо нельзя называть владѣніемъ въ видѣ собственности такое держаніе вещи, при которомъ для держателя немыслимо господство надъ вещью, т. е. осуществленіе по отношенію къ вещи какихъ-либо правъ.

II. Коренной вопросъ, возбужденный въ семъ дѣлѣ палатою, сводится къ тому: можно ли примѣнять давность владѣнія къ именнымъ акціямъ? Полагаю, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Правительствующимъ Сенатомъ уже разъяснено (рѣш. № 81—78 г.), что именная акція *не представляется самостоятельнымъ имуществомъ*, а есть лишь письменное удостовѣреніе извѣстной доли участія въ предпріятіи. Отсюда ясно, что фактъ нахожденія именной акціи у того или другаго лица не можетъ имѣть никакого значенія для перехода къ сему лицу удостовѣряемыхъ акціей правъ, ибо держаніе акціи само по себѣ не дѣлаетъ держателя акціонеромъ. Если же держатель, несмотря на нахожденіе у него именныхъ акцій, остается лицомъ къ предпріятію постороннимъ, то, очевидно, давность не оказываетъ никакого вліянія на пріобрѣтеніе правъ акціонера, и, сколько бы времени именныя акціи ни находились въ рукахъ даннаго лица, онѣ никогда не сдѣлаются его собственностью.

Если слѣдовать сужденіямъ палаты, то надо будетъ признать, что фактъ держанія у себя всякаго чужаго именнаго документа передаетъ держателю по прошествіи десяти лѣтъ всѣ удостовѣряемыя документомъ права, напр., давностное держаніе чужой купчей крѣпости дѣлаетъ держателя собственникомъ показаннаго въ купчей имѣнія, держаніе векселя даетъ право на полученіе долга, держаніе арендпаго договора даетъ права арендатора и т. под. Между тѣмъ, очевидно, всякаго рода акты укрѣпленія правъ, къ числу коихъ относятся и именныя акціи, являются лишь однимъ изъ доказательствъ права, а не самымъ правомъ, и потому ненахожденіе у собственника права акта укрѣпленія не влечетъ за собою потери или перехода права въ пользу держателя акта укрѣпленія. Въ виду сего, основное сужденіе, на которомъ покоится все рѣшеніе палаты, явно противорѣчитъ ст. 533 т. X ч. 1.

III. Палата пишетъ: по ст. 534 т. X ч. I движимыя вещи считаются собственностью того, кто ими владѣетъ, а потому въ данномъ дѣлѣ не Москвинъ, а Родственные должны доказать, что акціи эти не составляютъ собственности Москвина.

Такое примѣненіе ст. 534 совершенно неправильно. Правительствующій Сенатъ уже разъяснялъ (рѣш. № 81—78 г.), что право собственности на именные билеты, акціи и паи считается принадлежащимъ лицу, на имя котораго они выданы, пока нѣтъ удостовѣренія о переходѣ права на нихъ къ другому лицу: одно же владѣніе такими билетами не обязываетъ предполагать право на нихъ за владѣльцемъ.

IV. Въ виду полной невозможности примѣнить къ настоящему дѣлу пріобрѣтательную давность, рѣшеніе палаты могло бы имѣть силу лишь въ томъ случаѣ, если бы палата признала, что право Москвина на акціи удостовѣрено другими доказательствами. Между тѣмъ въ рѣшеніи палаты не имѣется никакихъ указаній на то, чтобы внѣ давности палата считала возможнымъ признать за Москвинымъ право собственности на спорныя акціи. Въ виду сего рѣшеніе палаты должно быть отмѣнено на основаніи 366 и 711 ст. уст. гр. суд.

Такимъ образомъ, кассаціонная жалоба возбудила вопросъ о томъ, *могутъ ли именныя акціи быть пріобрѣтены по давности.*

Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо, однако, прежде всего выяснить, что̀, собственно, представляетъ собою именная акція и каковы могутъ быть вообще способы ея пріобрѣтенія.

Обращаясь, для разрѣшенія этихъ вопросовъ, къ нашимъ спеціалистамъ торговаго права, мы, къ сожалѣнію, не находимъ у нихъ для понятія акціи *точнаго* опредѣленія. Тѣмъ не менѣе, по указаніямъ проф. Цитовича (въ Учебникѣ торговаго права, § 15 и др.), проф. Нерсесова (Торговое право, стр. 115, слѣд.), а также и Побѣдоносцева (Курсъ гражданскаго права, т. III стр. 520, слѣд. и друг.), можемъ заключить, что акція есть документъ, свидѣтельствующій о взносѣ въ капиталъ акціонерной компаніи опредѣленной его наименьшей доли и, съ одной стороны, дающій указанныя въ уставѣ компаніи права участія въ предпріятіи, а именно—право голоса въ постановленіяхъ общаго собранія, право участія въ прибыляхъ предпріятія и право участія въ складочномъ капиталѣ, а съ другой стороны возлагающій извѣстныя обязанности,—въ особенности не требовать обратно свой взносъ и отвѣчать имъ въ случаѣ ликвидаціи акціонерной компаніи. *Именная* акція,—въ противоположность акціи

на предъявителя, принадлежащей наличному ея обладателю,— принадлежитъ лицу, въ ней (а также въ книгѣ правленія компаніи) означенному, которое только и можетъ осуществлять права акціонера [1]). Затѣмъ, если акціи на предъявителя могутъ переходить отъ одного лица къ другому безъ всякихъ формальностей подобно переходу другихъ движимыхъ цѣнностей, то именная акція переходитъ по формѣ, указанной уставомъ компаніи и дающей возможность повѣрки законной принадлежности акцій при ея предъявленіи, каковая форма можетъ быть троякая: или, во-первыхъ, передача происходитъ при участіи самого правленія, именно посредствомъ индоссамента, т. е. надписи на акціи о передачѣ, вмѣстѣ съ трансфертомъ по книгамъ правленія, или, во-вторыхъ, передача производится по надписи безъ трансферта, или, наконецъ, въ-третьихъ, именная акція можетъ быть передаваема по бланковой надписи, показывающей лишь, что означенный въ ней акціонеръ отъ нея отказался, превративъ ее изъ именной въ акцію на предъявителя [2]).

Переходя, засимъ, отъ теоріи къ положительному нашему праву, ст. 2139—2198 ч. 1 т. X Св. зак., находимъ, что, по 2139 ст., подъ акціей разумѣется „частный вкладъ опредѣленнаго и единообразнаго размѣра въ одинъ общій складочный капиталъ“, а, согласно дальнѣйшимъ статьямъ 1 ч. X т., акція имѣетъ всѣ указанные въ вышеприведенномъ общемъ опредѣленіи признаки, именно 2160 ст. говоритъ объ именной акціи, 2163—требуетъ полной оплаты акціи, 2169—говоритъ о дивидендѣ, 2171—о правѣ голоса, 2188—о правѣ на складочный капиталъ (ср. Цитовичъ, стр. 150), 2173, а также 2188 о неприкосновенности складочнаго капитала, 2172 (и 2188)—объ отвѣтственности въ предѣлахъ вклада; наконецъ, согласно 2167 ст., акціями каждый владѣлецъ можетъ свободно распоряжаться по своему усмотрѣнію, наравнѣ со всякимъ другимъ движимымъ имуществомъ, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что акція, при жизни ея владѣльца, можетъ быть переводима имъ въ другія руки не иначе, какъ посредствомъ передаточной надписи, отмѣчаемой каждый разъ въ правленіи компаніи, а если акціи достались кому-либо по завѣщанію или по наслѣдству, то, по представленіи на сіе законныхъ доказательствъ, передаточная надпись дѣлается самимъ правленіемъ. Это послѣднее законоположеніе разъ-

---

[1]) Ср., напр., Нерсесовъ, Торговое право, 1896 г. стр. 117.

[2]) Ср. Цитовичъ, Учебникъ торговаго права, 1891 г., стр. 154.

яснено было тремя кассаціонными рѣшеніями. Изъ нихъ рѣшеніемъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1878 года № 81 было, совершенно правильно, указано, что именныя акціи и паи представляютъ собою особый родъ движимаго имущества, въ отношеніи котораго общія правила о движимости, передаваемой безъ всякихъ письменныхъ документовъ, не примѣнимы: именная акція или пай представляются *не самостоятельнымъ имуществомъ, а лишь письменнымъ формальнымъ удостовѣреніемъ извѣстной доли участія въ предпріятіи*, передача коего, какъ и всякаго *письменнаго акта*, выданнаго на имя извѣстнаго лица, можетъ быть совершена *не иначе, какъ на письмѣ*; подобнаго рода передача, по принятому и узаконенному уставами обществъ обычаю, совершается посредствомъ объявленій, а также *передаточныхъ бланковыхъ надписей* лица, на имя коего выдана акція, а утвержденіе права собственности пріобрѣтателя облекается въ окончательную форму предъявленіемъ объявленія или надписи въ правленіе общества для отмѣтки въ книгахъ и удостовѣренія послѣдовавшаго перехода, посредствомъ надписи на самой акціи.

Затѣмъ въ рѣшеніи 1880 года № 161 Сенатъ разъяснилъ (на что, впрочемъ, указывалось и въ предыдущемъ рѣшеніи), что трансфертъ, дѣйствительность котораго обусловлена извѣстными формальностями, требуется только какъ средство для сообщенія пріобрѣтателю акцій правъ акціонера, слѣдовательно является не чѣмъ инымъ, какъ отмѣткой о совершившемся уже переходѣ акцій, а не какъ утвержденіе правъ на нихъ; и что *акціи*, составляя письменное удостовѣреніе *о правѣ лица на участіе въ извѣстномъ предпріятіи* и, слѣдовательно, *принадлежа къ такого же рода движимому имуществу, какъ заемныя обязательства и векселя, подобно симъ послѣднимъ*, для перехода своего или для установленія права на оныя, ничего болѣе не требуютъ, какъ одного только письменнаго акта (каковымъ, напр., по уставу Общества Царскосельской желѣзной дороги, является или бланковая надпись на самой акціи, или объявленіе на имя правленія).

Если нельзя не согласиться съ положеніями Сената, установленными въ двухъ вышеприведенныхъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, то, однако, едва ли можно признать правильнымъ толкованіе, данное Сенатомъ по тому же вопросу въ недавнемъ рѣшеніи 1901 года № 8. Въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи признана дѣйствительною передача именной акціи, совершенная на письмѣ, но не въ формѣ, опредѣленной уставомъ акціонернаго товарищества,—именно пере-

дача по домашней роспискѣ; выводъ этотъ обоснованъ въ рѣшеніи тѣми соображеніями, что, во-первыхъ, наше законодательство не устанавливаетъ общаго правила, по которому форма сдѣлки обусловливала бы ея дѣйствительность, а, напротивъ, точно опредѣляетъ тѣ случаи, въ коихъ несоблюденіе установленной формы поражаетъ дѣйствительность самой сдѣлки, а, во-вторыхъ, что какъ общая 2167 статья 1 ч. X т., такъ и, въ частности, § 17 устава товарищества Гаврило-Ямской мануфактуры, „*хотя и требуютъ для передачи именныхъ паевъ передаточной надписи на самихъ паяхъ, но не содержатъ того правила, чтобы передача, совершенная въ иной письменной формѣ, была недѣйствительна*: вслѣдствіе чего слѣдуетъ прійти къ заключенію, что передача этихъ паевъ можетъ быть совершена и въ формѣ домашней росписки“. Однако заключеніе это едва ли вѣрно уже по тому простому соображенію, что *требованіе* закона для совершенія сдѣлки *извѣстной*, *точно опредѣленной формы* само по себѣ *равносильно запрету* совершать ту же сдѣлку въ *иной* формѣ; если законодателю вообще слишкомъ трудно предусмотрѣть всѣ случаи возможныхъ столкновеній интересовъ того или другаго рода, то можно ли ожидать, чтобы законъ, установивъ то или иное повелѣніе, или требованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ оговаривалъ бы запретъ дѣйствія, съ тѣмъ повелѣніемъ несогласнаго,—другими словами, чтобы одно и то же правило излагалось въ законѣ и въ положительной, и въ отрицательной формѣ? Очевидно, въ законѣ никогда нельзя ожидать такого многословія, и выводъ, на такомъ предположеніи основанный, есть выводъ безъ основанія. Идя по тому же пути толкованія, вполнѣ возможно было бы, напримѣръ по изложенному выше дѣлу, признать, что и словесная сдѣлка (какъ и домашняя расписка), хотя не представляется формою, указанною въ законѣ для передачи именной акціи, но, какъ особливо тѣмъ же закономъ не воспрещенная, вполнѣ дѣйствительна....

Если, однако, изъ вышеизложеннаго видно, что именная акція представляетъ собою документъ, свидѣтельствующій о взносѣ лицомъ, въ ней означеннымъ, въ капиталъ акціонерной компаніи опредѣленной его доли, и съ одной стороны, дающій опредѣленныя уставомъ компаніи права, а съ другой стороны, возлагающій извѣстныя обязанности (2139—2198 ст. 1 ч. X т.); что, вообще, она является не чѣмъ инымъ, какъ „письменнымъ актомъ“ (касс. рѣш 1878 г. № 81), удостовѣряющимъ право участія лица въ предпріятіи, и „принадлежитъ къ такого же рода движимому имуществу,

какъ заемныя обязательства и векселя“ (рѣш. 1880 г. № 161); и что, наконецъ, подобно симъ послѣднимъ, для перехода своего, она требуетъ индоссамента, т. е. передаточной надписи (рѣш. 1878 г., а также 1901 г. № 8),—то можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что именная акція въ существѣ своемъ,—прежде всего и во всякомъ случаѣ, есть актъ *обязательственнаго* права? [1]) Если же именная акція представляетъ собою видъ обязательства,—то, конечно, тѣмъ самымъ разрѣшается и вопросъ о возможности пріобрѣтенія ея по давности: теорія, какъ извѣстно, никогда еще не допускала мысли, *чтобы обязательственныя права могли быть пріобрѣтаемы по давности.* Это положеніе вполнѣ подтверждается не только справкою съ учебникомъ римскаго или гражданскаго права (см., напр., Догму римскаго права проф. В. В. Ефимова, ч. 1, стр. 134) но и спеціальными монографіями извѣстныхъ нѣмецкихъ и русскихъ писателей. Такъ, *Унгеръ*, въ книгѣ „Система австрійскаго гражданскаго права“ [2]), между прочимъ, признаетъ безспорнымъ, что давностью владѣнія могутъ быть пріобрѣтаемы только право собственности и сервитуты, но не другія права. *Ферстеръ*, по отношенію къ прусскому уложенію [3]), прямо указываетъ, что цѣлыя области права не подлежатъ дѣйствію давности, а именно—права семейственныя, наслѣдственныя и всѣ права, записанныя въ ипотечныя книги, и что *давность пріобрѣтательная* примѣнима только къ праву собственности и къ сервитутамъ, но *не примѣнима къ правамъ по обязательствамъ.* Точно такъ же и по французскому праву [4]) давность владѣнія (l'usucapion) распространяется только на право собственности на вещи и на сервитуты. Наконецъ, что касается *русскаго* права, то *Энгельманъ*, въ недавно напечатанномъ прекрасно изложенномъ сочиненіи своемъ о давности [5]), доказывая, что русскому праву совершенно чуждо понятіе общей отвлеченной давности, по которому все то, что можетъ быть пріобрѣтаемо, можетъ быть пріобрѣтено и давностью владѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ и на то, что дѣйстіе давности владѣнія (usucapio),—во-

---

[1]) Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ акціи на предъявителя, имѣющія болѣе сложную юридическую природу.

[2]) Unger, System des österr. Privatrechts, II, § 104.

[3]) Theorie und Praxis des heutigen gemeinen preussischen Privatrechts auf der Grundlage des gemeinen deutschen Rechts, I, § 46.

[4]) Aubry et Rau, Cours de droit civil français, II, стр. 290 и сл.

[5]) См. прил. къ „Вѣстнику Права“ 1900 г. И. Энгельманъ, Давность, стр. 131.

обще неразвитой въ русскомъ правѣ,—„во всякомъ случаѣ распространяется *только по отношенію къ праву собственности: не могутъ быть пріобрѣтаемы давностью не только права, основанныя на государственномъ правѣ, но и права семейственныя, наслѣдственныя и всѣ остальныя имущественныя права, какъ, напримѣръ, сервитуты, право по залогу, права по обязательствамъ и прочія*".

Не трудно объяснить эту непримѣнимость пріобрѣтательной давности къ обязательственному праву. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе пріобрѣтательной давности уже по существу своему является институтомъ вещнаго права, ибо существо ея заключается въ томъ, что *владѣніе вещью*, по истеченіи времени, при извѣстныхъ условіяхъ, превращается въ *право собственности на вещь*, т. е. неполное вещное право получаетъ абсолютную силу самаго широкаго права вещнаго же. Въ основаніи этого института лежитъ, такимъ образомъ, *владѣніе вещью*,—а посему очевидно, что не можетъ быть и рѣчи о пріобрѣтеніи по давности права собственности тамъ, гдѣ не можетъ быть владѣнія вещью въ смыслѣ вещнаго права, т. е. въ смыслѣ *непосредственнаго* правомочія на вещь *въ отношеніи всѣхъ*, обязанныхъ лишь къ *отрицательному воздержанію* отъ нарушенія такого правомочія (jura in rem, или jura absoluta). Отсюда понятно, что обязательственное право не можетъ быть пріобрѣтено по давности, какъ потому, во-первыхъ, что пріобрѣтательною давностью можетъ быть пріобрѣтено,—и по теоріи, и по закону,—лишь право собственности, а не обязательственное право,—такъ и потому, во-вторыхъ, что право по обязательству, хотя бы оно и соединялось съ владѣніемъ вещью, никогда не заключаетъ въ себѣ непосредственнаго владѣнія вещью, какъ права вещнаго: владѣніе вещью по обязательству является лишь правомъ по отношенію къ *опредѣленному* лицу, на *предоставленіе* имъ владѣнія вещью, т. е. является правомъ на вещь посредственнымъ, или зависимымъ. Существо всякаго права по обязательству заключается именно въ правѣ на *дѣйствіе* лица, но, сколько бы времени кто кому ни оказывалъ извѣстной услуги, нѣтъ закона о пріобрѣтеніи по давности права на дальнѣйшее такое же поведеніе того же лица [1]); поэтому, въ частности, если бы извѣстное лицо и предоставляло по обязательству другому лицу владѣніе вещью,—такое владѣніе, все-таки, не является владѣніемъ по отношенію ко

---

[1]) Ср. Ефимовъ, Догма римскаго права, I, стр. 134.

всѣмъ, непосредственнымъ владѣніемъ, владѣніемъ вещнаго права, могущимъ превратиться, по давности, въ право собственности [1]).

Мы намѣренно остановились на довольно подробномъ выясненіи вопросовъ о томъ, что̀ такое представляетъ собою именная акція и можетъ ли обязательственное право быть пріобрѣтено по давности, для того, чтобы не ощупью, основываясь на отрывочныхъ и казуистичныхъ (хотя бы и правильныхъ) кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, но вполнѣ сознательно подойти къ разрѣшенію вопроса вытекающаго изъ обстоятельствъ этого дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, палата, не останавливаясь вовсе на этихъ вопросахъ, а также и на томъ, точно ли владѣніе одною или нѣсколькими именными акціями можетъ быть трактуемо такъ же свободно, какъ владѣніе любымъ предметомъ внѣшняго міра,—разрѣшила вопросъ о пріобрѣтеніи по давности именныхъ акцій въ смыслѣ утвердительномъ, съ каковымъ выводомъ нельзя согласиться. При этомъ, однако, и представленныя противъ рѣшенія палаты возраженія кассаціонной жалобы не совсѣмъ удачны.

Конечно, справедливо указаніе жалобы на то, что владѣніе актомъ укрѣпленія права, или доказательствомъ права, не есть еще владѣніе самымъ правомъ, а потому и не можетъ влечь за собою пріобрѣтенія по давности этого послѣдняго, т. е. права. Однакоже суть вопроса заключается не въ этомъ, а въ томъ, что *даже осуществленіе правъ по именной акціи* не можетъ сообщить владѣльцу по давности, правъ акціонера. Указывая на противорѣчіе вывода палаты о владѣніи Москвинымъ именными акціями въ видѣ собственности признанію ея же, что Москвинъ не могъ воспользоваться правами акціонера, кассаціонная жалоба упускаетъ, однакоже, изъ виду, что Москвинъ все-таки *не только „держалъ у себя“* именныя акціи, какъ доказательства права, но и *осуществлялъ права по этимъ акціямъ*, ибо, какъ установлено въ рѣшеніи палаты, „онъ, Москвинъ, *получалъ по купонамъ дивидендъ на нихъ* до того времени, когда, съ переходомъ водопроводовъ въ собственность города, положено акціи уничтожить и выдать за нихъ акціонерамъ ихъ стоимость“. Итакъ кассаціонной жалобѣ необходимо было считаться съ этимъ фактомъ, ибо, если бы осуществленіе Москвинымъ правъ по именной акціи, *а не владѣніе только доказа-*

---

[1]) Къ этому именно сводится, съ юридической точки зрѣнія, требованіе одного изъ условій пріобрѣтательной давности—владѣть „въ видѣ собственности“, объясняемое иногда довольно неопредѣленно.

тельствомъ права въ теченіе 20 лѣтъ, могло бы сообщить Москвину по давности права акціонера, тогда бы рѣшеніе палаты слѣдовало признать въ конечномъ выводѣ правильнымъ: послѣ того какъ въ теченіе двадцати лѣтъ Москвинъ фактически осуществлялъ права акціонера, явившееся, черезъ двадцать лѣтъ, препятствіе къ дальнѣйшему осуществленію правъ акціонера, конечно, *именно ссылкою на давность и могло бы быть устранено*,—подобно тому какъ многолѣтній владѣлецъ недвижимаго имѣнія пользуется давностью тогда, когда ему, владѣльцу, не имѣющему законныхъ документовъ о принадлежности владѣемой недвижимости, является затрудненіе при ея продажѣ, залогѣ и тому подобныхъ обстоятельствахъ. Итакъ кассаціонная жалоба проходитъ совершенно *мимо главнаго*, центральнаго для дѣла, вопроса о томъ, *можетъ ли полученіе дивиденда по именной акціи или вообще фактическое пользованіе правами акціонера дать по давности всѣ права законнаго акціонера?*

Примѣняя вышеизложенныя соображенія о непримѣнимости пріобрѣтательной давности къ правамъ по обязательствамъ, не трудно на поставленный вопросъ отвѣтить, что, сколь бы долго акціонерное общество ни выдавало, по ошибкѣ или по какой-либо другой причинѣ, дивидендъ по именнымъ акціямъ незаконному ихъ акціонеру, въ этихъ акціяхъ означенному, а фактическому ихъ обладателю,—этотъ послѣдній не можетъ пріобрѣсти никакихъ правъ по отношенію къ акціонерному обществу, *не можетъ по давности обязать* акціонерное общество *ни выдавать ему дивидендъ далѣе, ни къ какому-либо другому дѣйствію, ни къ признанію его вообще акціонеромъ*; къ этому не можетъ обязать акціонерное общество обладатель именной акціи и въ случаяхъ фактическаго пользованія какими-либо другими правами акціонера, а не только правомъ полученія дивиденда: нельзя фактическимъ вмѣшательствомъ въ заключенное двумя лицами обязательство пріобрѣсти по давности какія-либо права, получить по давности на того или другаго контрагента какое-либо обязательство.

Мало, однако, того, что невозможно обязать акціонерное общество къ признанію себя законнымъ акціонеромъ только въ силу давностнаго пользованія правами акціонера. Непримѣнимость пріобрѣтательной давности къ владѣнію именными акціями видна еще и изъ того, что это послѣднее вовсе не представляетъ собою *владѣнія вещью* въ смыслѣ вещнаго права. Конечно, владѣніе именною акціею не есть такое же владѣніе *вещью*, какъ, напримѣръ, владѣніе недвижимымъ имѣніемъ: владѣя именною акціею, Мо-

сквинъ владѣлъ *бумагою*, на которой было прописано обязательство акціонернаго общества и на которую только онъ и могъ бы, пожалуй, пріобрѣсти право по давности,—однакоже самая акція, въ этой бумагѣ означенная, могла бы быть тѣмъ временемъ амортизована для другаго, законнаго ея собственника. Конечно, акція представляетъ собою не самостоятельную, обособленную, цѣльную вещь, но только *знакъ*, или удостовѣреніе обязательства. Гдѣ же *вещь* въ этомъ обязательствѣ? Вещью могъ бы быть развѣ только *капиталъ*, о взносѣ котораго свидѣтельствуетъ самая акція, но капиталъ этотъ никогда и не бываетъ во владѣніи акціонера, а всегда находится во владѣніи акціонернаго общества, которое и выдаетъ взамѣнъ капитала акцію. Слѣдовательно только и можно было бы говорить еще о давностномъ владѣніи акціонернаго общества капиталомъ, внесеннымъ по акціи, поскольку, по какимъ-либо обстоятельствамъ, утратился бы обязательственный характеръ этого владѣнія. Истецъ же по дѣлу, Москвинъ, на самомъ дѣлѣ вовсе и не владѣлъ вещью, капиталомъ, а только развѣ домогался этого владѣнія, ссылаясь на давность, а, значитъ. онъ домогался ссылкою на давность не удержать установившійся порядокъ вещей,—въ чемъ, какъ извѣстно, и заключается цѣль этого юридическаго института,—но, по существу фактическихъ отношеній, домогался нарушить и измѣнить то распредѣленіе имуществъ, которое давно уже уложилось: этому давность, конечно, не служитъ.

Итакъ, ни полученіе Москвинымъ дивиденда не могло по давности сообщить ему права на дальнѣйшее полученіе дивиденда или другихъ правъ акціонера, ни владѣніе именными акціями, какъ документами, не можетъ быть признано владѣніемъ, способнымъ превратиться по давности въ право собственности; законная принадлежность именной акціи, которая должна была бы въ данномъ случаѣ явиться конечнымъ результатомъ давностнаго владѣнія, вовсе и не есть право собственности, а право обязательственное,—подобно тому какъ правомъ собственности не является и принадлежность договора аренды или векселя.

Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе С.-Петербургской судебной палаты по нарушенію 533 ст. 1 ч. X т. Св. зак..

С. Б. Гомолицкій.

V.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНІЯ ОБВИНЯЕМАГО ВЪ ПРОЦЕССѢ О ДИФФАМАЦІИ.

Законъ, карающій диффамацію, изданъ въ 1865 году. До того времени, наше уложеніе о наказаніяхъ знало только клевету въ печати, какъ завѣдомую ложь, позорящую честь, достоинство и доброе имя кого-либо, за каковую клевету, смотря по роду и важности оной и другимъ увеличивающимъ и уменьшающимъ вину обстоятельствамъ, полагалось заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, при чемъ виновный обязанъ былъ, на основаніи правилъ, въ ст. 62 уложенія постановленныхъ, испросить у обиженнаго имъ прощеніе, а буде обиженный пожелаетъ, и заплатить ему опредѣленное въ законахъ гражданскихъ безчестіе (ст. 2095 улож. о наказ. изд. 1857 г.). Съ изданіемъ же закона о диффамаціи, наказаніе за клевету въ печати было ограничено заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ, а за диффамацію положено, кромѣ денежнаго взысканія не свыше пятисотъ рублей, заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, или же, по усмотрѣнію суда, одно изъ сихъ наказаній (ст. 1039 и 1535 улож. о наказ.).

Изъ закона, карающаго диффамацію, видно, что подъ диффамаціею законъ разумѣетъ опозореніе, заключающееся въ оглашеніи въ печати такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ повредить чести, достоинству и доброму имени частнаго или должностнаго лица, общества или установленія, при чемъ то, будетъ ли справедливо или нѣтъ напечатанное,—безразлично для состава преступленія диффамаціи (ст. 1039 улож. о наказ.).

Наличность въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ, до изданія закона о диффамаціи, одной только статьи, карающей клевету въ печати, какъ завѣдомую ложь, позорящую честь, достоинство и доброе имя, не можетъ не указывать на то, что законъ этимъ самымъ безмолвно допускалъ правдивое оглашеніе въ печати обстоятельствъ, хотя позорящихъ чью-либо честь и доброе имя, но дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто,—очевидно, признавая за таковымъ оглашеніемъ цѣлесообразность въ интересахъ общества и въ виду пользы государственной. Съ изданіемъ же закона о диффамаціи, допускавшееся раньше правдивое оглашеніе въ печати таковыхъ обстоятельствъ

составило преступленіе, караемое болѣе строго, чѣмъ преступленіе клеветы въ печати.

Изъ послѣдовавшихъ разъясненій Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената законовъ, карающихъ клевету въ печати и диффамацію, видно, что законъ, преслѣдуя клеветника, защищаетъ священное достояніе нравственно-развитаго человѣка—честь, а, карая диффаматора, законъ ограждаетъ отъ посторонняго вторженія въ область частной жизни,—чтобы таковая не дѣлалась достояніемъ общественнаго любопытства и чтобы оглашеніемъ ея не вносились въ общество смута, раздраженіе и безпокойство (рѣш. Угол. Касс. Д-та по дѣлу Соболевскаго 1885 г., напечатанное въ Правительственномъ Вѣстникѣ №№ 257 и 258).

Ограждая частную жизнь отъ посторонняго въ область ея вторженія, законъ обставилъ преступленіе диффамаціи особыми процессуальными условіями. При обвиненіи въ диффамаціи относительно частныхъ лицъ, обвиняемому ни въ какомъ случаѣ не предоставляется права приводить доказательства справедливости напечатаннаго имъ, и, если онъ не докажетъ, что это не имъ сдѣлано, то ему нѣтъ оправданія,—онъ понесетъ кару за одно оглашеніе въ печати позорящихъ чью-либо честь и доброе имя обстоятельствъ, внѣ всякой зависимости отъ того, будутъ ли эти обстоятельства правдивы или вымышлены (ст. 1213^{12} уст. угол. суд.). Исключеніе допускается, когда опозореніе относится къ должностнымъ лицамъ, но и въ этомъ случаѣ право обвиняемаго приводить доказательства справедливости напечатаннаго ограничено представленіемъ только находящихся въ его рукахъ письменныхъ доказательствъ, т. е. такихъ доказательствъ, которыми обвиняемый въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ располагать,—свидѣтельскія показанія не допускаются (ст. 1213^{13} уст. угол. суд.). По дѣламъ о диффамаціи пренія, въ судѣ происходившія, не могутъ быть печатаемы, хотя бы они происходили въ присутствіи публики, а печатается одинъ только приговоръ суда, съ особаго притомъ его разрѣшенія (ст. 1213^{15} уст. угол. суд.).

Законъ о диффамаціи, ставя обвиняемаго въ такое безотрадное по беззащитности положеніе, въ то же время предоставляетъ обвинителю право какъ опровергать всѣми способами силу представленныхъ обвиняемымъ, на основаніи 1213^{13} ст. уст. угол. суд., письменныхъ доказательствъ, такъ и выставлять свидѣтелей въ подтвержденіе своихъ нравственныхъ качествъ, но обвиняемому запрещается выставлять свидѣтелей въ опроверженіе нравственныхъ ка-

чествъ обвинителя (ст. 1213[14] уст. угол. суд.), чѣмъ создается анормальность положенія обвиняемаго въ процессѣ о диффамаціи, нарушающая равноправность сторонъ на судѣ,—основное процессуальное положеніе.

Эта обособленная исключительность положенія обвиняемаго въ процессѣ о диффамаціи по своей беззащитности особо рѣзко выдѣляется, оттѣняясь тѣмъ, что, при обвиненіяхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, свидѣтельскія показанія пріемлются, какъ предустановленное доказательство, въ силу тѣхъ общихъ законовъ, какіе существуютъ для судебныхъ доказательствъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, и обвиняемый не лишенъ права ссылаться на свидѣтельскія показанія въ свое оправданіе.

По дѣлу Аристова оберъ-прокуроръ въ своемъ заключеніи приводитъ слѣдующія соображенія въ доказательство правильности недопущенія въ разсматриваемомъ случаѣ свидѣтелей; онъ говоритъ: „Законъ вовсе не думаетъ путемъ уголовныхъ каръ создать вокругъ вопіющаго о житейской и служебной неправдѣ голоса искусственную и неизбѣжную пустыню. Допуская доказывать существованіе позорящихъ обстоятельствъ, послужившихъ точкой опоры для оскорбительнаго отзыва, законъ дѣлаетъ лишь одно ограниченіе,—онъ устраняетъ показанія живыхъ свидѣтелей и сводитъ доказательства виновности къ письменнымъ документамъ. Гласное оскорбленіе, нанесенное кому-либо, неизбѣжно пробуждаетъ и волнуетъ страсти, вызываетъ на сцену острую воспріимчивость и впечатлительность сторонниковъ и противниковъ, которые, по уровню своего развитія и положенія, могли бы окрашивать подлежащія обсужденію обстоятельства въ односторонній и ложный свѣтъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ непониманія служебныхъ отношеній и должностныхъ задачъ. Поэтому законъ желаетъ имѣть безспорныя свидѣтельства, усматривая ихъ въ письменныхъ доказательствахъ“.

То, что свидѣтели могутъ терять въ своихъ показаніяхъ объективную почву вслѣдствіе пристрастнаго отношенія къ дѣлу, какъ сторонники и противники участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, это наблюдается не только въ процессѣ о диффамація, но вообще во всякомъ болѣе или менѣе выходящемъ изъ ряда обыденности уголовномъ процессѣ; но таковое отношеніе свидѣтелей къ дѣлу не служитъ однако поводомъ къ устраненію ихъ отъ свидѣтельства по той простой причинѣ, что оцѣнка свидѣтельскихъ показаній въ смыслѣ ихъ достовѣрности входитъ въ задачи суда, который въ правѣ принять таковыя свидѣтельскія показанія, какъ доказательства досто-

вѣрныя, или отвергнуть ихъ. То же обстоятельство, что свидѣтели, не понимая, по уровню своего развитія и положенія, служебныхъ отношеній и должностныхъ задачъ, могутъ окрашивать подлежащія обсужденію обстоятельства въ односторонній и ложный свѣтъ,— едва ли можетъ служить серьезнымъ препятствіемъ къ недопущенію свидѣтелей въ оправданіе обвиняемаго, ибо за судомъ остается право оцѣнки таковыхъ показаній, и недопустимо думать, чтобы судъ не сумѣлъ найти истину среди засвидѣтельствованныхъ предъ нимъ фактовъ, освѣщенныхъ односторонне и ложно вслѣдствіе непониманія свидѣтелями служебныхъ отношеній и должностныхъ задачъ. Большинству свидѣтелей, по уровню ихъ развитія и положенія, неизвѣстны служебныя отношенія и должностныя задачи, но таковыя извѣстны суду,—да и знать ихъ свидѣтелямъ нѣтъ существенной необходимости, такъ какъ свидѣтели входятъ въ процессъ засвидѣтельствовать извѣстное, опредѣленное событіе и сопровождавшія его обстоятельства, а опредѣленіе, насколько удостовѣряемыя обстоятельства оправдываются съ точки зрѣнія служебныхъ отношеній и должностныхъ задачъ или съ точки зрѣнія исключительныхъ условій служебной дѣятельности,—это задача суда, разсматривающаго дѣло. Но если согласиться съ указанными соображеніями, то въ такомъ случаѣ по тѣмъ же соображеніямъ слѣдовало бы не допускать и свидѣтелей со стороны обвинителя, однако обвинитель этого права не лишенъ (ст. 1213[14] уст. угол. судопр.).

Поэтому мы позволяемъ себѣ не согласиться съ означенными доводами и склонны думать, что законъ о диффамаціи, лишая обвиняемаго права оправдываться всѣми способами, какіе существуютъ для судебныхъ доказательствъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, дѣйствительно создаетъ вокругъ вопіющаго о житейской и служебной неправдѣ голоса пустыню.

Вслѣдствіе указаннаго нами анормальнаго положенія обвиняемаго въ процессѣ о диффамаціи многое въ таковомъ процессѣ, по своей недосказанности и невыясненности, заволакивается туманомъ, сквозь дымку котораго какъ бы слышится голосъ обвиняемаго, изъ за правды во имя общественнаго интереса страдающаго....

При обвиненіи въ диффамаціи обвинительный приговоръ несомнѣненъ, но таковой приговоръ не можетъ снять пятно съ чести обвинителя, такъ какъ всегда остается достаточное основаніе предполагать, что оглашенныя о немъ позорящія обстоятельства не ложны, ибо иначе преслѣдованіе было бы возбуждено за клевету.

Казалось бы поэтому, что простая порядочность должна бы удерживать человѣка отъ защиты себя путемъ обвиненія въ диффамаціи. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ возникающія у насъ, въ обращающемъ на себя вниманіе количествѣ, дѣла о диффамаціи, изъ каковыхъ дѣлъ нельзя не видѣть, что къ обвиненію въ диффамаціи прибѣгаютъ лица, не защищающія священное достояніе нравственно-развитаго человѣка—честь, а лица, желающія, чтобы ихъ не безпокоили оглашеніемъ ихъ нравственно нечистыхъ дѣлишекъ,—и вотъ эти-то лица и пользуются пустынею съ окутывающимъ ее туманомъ, каковую пустыню законъ о диффамаціи создаетъ вокругъ вопіющаго о житейской или служебной неправдѣ.

Частная жизнь, отъ посторонняго вторженія въ область которой законъ о диффамаціи охраняетъ, не можетъ отличаться такой обособленностью, чтобы въ своихъ проявленіяхъ теряла всякую связь съ общественною жизнью, а при наличности таковой связи всякое анормальное проявленіе частной жизни неизбѣжно задѣваетъ общественные интересы въ той или другой степени, и посему естественно возникаетъ вопросъ: къ чему служитъ пустыня, которую законъ о диффамаціи создаетъ вокругъ вопіющаго о темныхъ сторонахъ частной жизни или служебной неправдѣ голоса, и для чего создается этимъ закономъ своеобразная китайская стѣна вокругъ частной жизни, заграждающая доступъ въ нее? Не лежитъ ли въ этомъ та же ошибка, которая побуждаетъ родителей показывать своимъ дѣтямъ жизнь съ казоваго конца, старательно умалчивая объ ея темныхъ сторонахъ?!.... Такое блаженное невѣдѣніе жизни, какъ показываетъ опытъ, опасно для дитяти,—и едва ли будетъ полезно для общества скрывать отъ него житейскую или служебную неправду изъ за боязни внести въ общество оглашеніемъ таковыхъ въ печати смуту, раздраженіе и безпокойство..... Намъ приходилось встрѣчаться въ періодической печати съ такимъ мнѣніемъ: „не скрывать наши раны будетъ актомъ государственной мудрости, а обнажать ихъ и предъ большими, и предъ малыми и воспитывать молодежь въ сознаніи нашихъ немощей и въ пониманіи средствъ для борьбы съ ними",—и это мнѣніе, по своему глубокому смыслу, заслуживаетъ, на нашъ взглядъ, серьезнаго вниманія.

Общественная совѣсть заинтересована въ правдивомъ отношеніи печати къ жизни и, возмущаясь клеветою, требуетъ строгой кары клеветника и торжественнаго снятія съ чести невиннаго пятна клеветы и поэтому не можетъ удовлетворяться такими судебными

приговорами, какъ по дѣламъ о диффамаціи, гдѣ всегда есть достаточное основаніе предполагать, что напечатанное справедливо, и вслѣдствіе этого самое наказаніе напечатавшаго, хотя является согласнымъ съ формальною правдою, не можетъ удовлетворять требованіямъ святой правды совѣсти.

По изложеннымъ соображеніямъ намъ представляется дальнѣйшее существованіе въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ закона о диффамаціи нежелательнымъ тѣмъ болѣе, что, по разъясненію Правительствующаго Сената, должностныя лица общественной и государственной службы, будучи оклеветаны въ печати, въ правѣ преслѣдовать своего обидчика за клевету по 2 ч. ст. 1535 улож. о наказ. (рѣш. Угол. Касс. Деп. 1878 г. № 4 и 1883 г. № 1), и если одновременно съ отмѣною закона о диффамаціи будетъ усилено наказаніе за клевету, то общественная совѣсть получитъ должное удовлетвореніе, ибо въ строгой карѣ будетъ достаточная мѣра къ загражденію позорящихъ устъ клеветника, такъ какъ только страхъ наказанія для клеветника, какъ человѣка, лишеннаго нравственнаго воспитанія, сдѣлаетъ страшнымъ и самое преступленіе клеветы.

М. А. Горановскій.

VI.

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ПРИ ДОПУЩЕНІИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО ИСПОЛНЕНІЯ РѢШЕНІЙ.

Предварительное исполненіе рѣшенія допускается нашимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства лишь въ исключительныхъ случаяхъ. На основаніи 138 ст. уст. гражд. суд. предварительное исполненіе можетъ быть допущено: 1) когда взысканіе присуждено по акту, засвидѣтельствованному нотаріальнымъ порядкомъ, или хотя и домашнему, но признанному противной стороной; 2) когда наниматель обязанъ очистить состоявшее въ наймѣ имущество или отпустить состоявшаго у него въ услуженіи рабочаго, а также когда присуждена передача имущества, состоявшаго въ незаконномъ владѣніи,—и наконецъ 3) въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ въ обезпеченіе исполненія рѣшенія представляетъ благонадежный залогъ, если притомъ можно полагать, что отъ замедленія исполненіе сдѣлается впослѣдствіи невозможнымъ.

Въ судебной практикѣ далеко нерѣдки случаи, когда отвѣтчикъ никакихъ возраженій противъ иска не заявляетъ и охотно признаетъ искъ подлежащимъ удовлетворенію. Предъявляется ли искъ о взысканіи долга за взятый въ кредитъ товаръ или о возвратѣ полученнаго задатка,—отвѣтчику, признающему правильность иска, представляется болѣе выгоднымъ заявить свое признаніе на судѣ, въ той надеждѣ, что при такихъ условіяхъ съ него будетъ взыскано въ пользу истца гораздо меньше издержекъ производства, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло затягивается провѣркой доказательствъ, подачею отзыва и другихъ состязательныхъ бумагъ. Примиреніе по такимъ дѣламъ для сторонъ по многимъ причинамъ является неудобнымъ. Истецъ—не желаетъ мириться изъ боязни, что, на случай неисполненія мировой сдѣлки, ему вновь придется вести дѣло въ судѣ; для отвѣтчика—погашеніе долга по исполнительному листу представляется наиболѣе вѣрной гарантіей того, что по исполненію рѣшенія не произойдетъ никакихъ недоразумѣній. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ, т. е. въ случаѣ признанія иска отвѣтчикомъ, не можетъ встрѣтиться препятствій въ допущеніи предварительнаго исполненія рѣшенія. Отвѣтчикъ искъ призналъ подлежащимъ удовлетворенію; признаніе это скрѣплено его же собственноручной подписью, или кѣмъ-либо другимъ;—какіе же тутъ могутъ быть споры? Если бы отвѣтчикъ и вздумалъ обжаловать рѣшеніе въ апелляціонномъ порядкѣ,—то онъ рискуетъ только увеличеніемъ взысканія съ него въ пользу истца издержекъ производства. Къ записанному въ протоколѣ мироваго судьи признанію отвѣтчика судъ навѣрное отнесется съ не меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ домашней распискѣ, или векселю. И тѣмъ не менѣе 138-ая статья, исчисляя всѣ условія допущенія предварительнаго исполненія, о признаніи иска отвѣтчикомъ совершенно умалчиваетъ. Знакомясь ближе съ рѣшеніями Сената по вопросу о значеніи признанія въ гражданскомъ процессѣ, не трудно догадаться о причинахъ такого пробѣла. Нужно различать признаніе *иска* отъ признанія *факта*. Отвѣтчикъ можетъ признать событіе, служащее основаніемъ иска, можетъ признать полученіе отъ истца товаровъ или производство имъ какихъ-либо работъ, но если онъ все-таки отрицаетъ самое право истца на искъ, то во всѣхъ этихъ объясненіяхъ отвѣтчика нельзя усмотрѣть признанія иска въ точномъ смыслѣ; только положительное заявленіе тяжущагося о признаніи правоваго отношенія, приводимаго противной стороной въ свою пользу, имѣетъ значеніе такого признанія, которое исключаетъ всѣ

другія доказательства (рѣш. Сената 1871 г. № 1015; 1874 г. № 428, 721; 1878 г. № 191 и др.). Очевидно, опасенія, что судъ можетъ впасть въ ошибку при толкованіи признанія, можетъ признаніе факта смѣшать съ признаніемъ иска, очевидно предположенія, что признаніе иска, какъ исключающее само собою всякій споръ о правѣ гражданскомъ, можетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ быть предметомъ судебнаго разсмотрѣнія, и побудили законодателя не включать признанія въ число такихъ безспорныхъ доказательствъ, при коихъ допускается предварительное исполненіе. Что однако можно возразить противъ признанія абсолютнаго, противъ признанія отвѣтчикомъ самаго иска подлежащимъ удовлетворенію, признанія, засвидѣтельствованнаго не только судомъ, но и самой подписью отвѣтчика? Если, по разъясненію Сената, то же признаніе, но записанное въ формѣ мировой сдѣлки, придаетъ послѣдней значеніе документа, подлежащаго разсмотрѣнію въ упрощенномъ порядкѣ, то нѣтъ основаній лишать этого значенія такое признаніе иска, которое закончилось постановленіемъ рѣшенія по существу.

Проектъ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства восполняетъ этотъ существенный пробѣлъ въ 138-й статьѣ и допускаетъ предварительное исполненіе рѣшенія также въ тѣхъ случаяхъ, „когда взысканіе присуждено на основаніи признанія отвѣтчика“ (655 ст.).

При заочномъ производствѣ предварительное исполненіе рѣшеній допускается въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Ограниченія, установленныя 138 ст. уст. гражд. суд., здѣсь не имѣютъ примѣненія. Предварительное исполненіе можетъ быть допущено по всякому рѣшенію, постановленному заочно или хотя и не заочно, но вслѣдствіе отзыва на первое заочное рѣшеніе, по коему было допущено предварительное исполненіе (138^1 ст. уст. гражд. суд.).

Однако и въ этихъ случаяхъ законодатель не оставляетъ безъ вниманія интересовъ отвѣтчика: при допущеніи предварительнаго исполненія по заочнымъ рѣшеніямъ *обязательно обезпеченіе*, заключающееся въ пріостановленіи передачи истцу или продажи арестованнаго или описаннаго имущества. Въ судебной практикѣ встрѣчается однако цѣлая категорія дѣлъ, гдѣ предварительное исполненіе, подъ условіемъ пріостановленія передачи истцу имущества, не можетъ имѣть мѣста и гдѣ, говоря другими словами, не

можетъ быть допущено предварительное исполненіе по заочнымъ рѣшеніямъ въ томъ видѣ, какъ это обусловлено 138^3 ст. уст. гражд. суд. Такими являются всѣ дѣла, по коимъ отыскивается передача имущества натурою. Допустимъ, истецъ предъявилъ искъ или о возстановленіи владѣнія землею, или о выселеніи отвѣтчика изъ квартиры.

Отвѣтчикъ къ разбору не явился; заочнымъ рѣшеніемъ искъ удовлетворенъ, т. е. участокъ земли или квартира признаны подлежащими передачѣ истцу. При заочномъ рѣшеніи предварительное исполненіе можетъ быть допущено только подъ условіемъ пріостановленія передачи истцу спорнаго имущества, т. е. судья долженъ пріостановить исполненіе того, что̀ само по себѣ составляетъ предметъ иска.

При такихъ условіяхъ истцу съ предварительнымъ исполненіемъ нечего и дѣлать. По дѣлу, напр., о выселеніи изъ квартиры судья въ заочномъ рѣшеніи можетъ допустить немедленное удаленіе жильца изъ квартиры, но допустить передачу квартиры въ распоряженіе хозяина онъ не можетъ, и слѣдовательно имущество на время должно остаться безхозяйнымъ. То же самое наблюдается и при постановленіи рѣшеній о правѣ собственности на имущество, описанное за чужіе долги. Если въ пользу третьяго лица присуждены какія-либо вещи, включенныя въ опись судебнаго пристава, то, при допущеніи по заочному рѣшенію предварительнаго исполненія, судья долженъ пріостановить передачу этихъ вещей истцу; другими словами, оставить вещи въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ были до суда, а при такихъ условіяхъ предварительное исполненіе теряетъ всякое значеніе. Правда, для истца имѣетъ не маловажное значеніе пріостановленіе продажи виндицируемыхъ вещей, но такое пріостановленіе должно быть разсматриваемо, какъ одинъ изъ видовъ обезпеченія иска, а не обращенія рѣшенія къ предварительному исполненію. Итакъ для вышеозначенной категоріи дѣлъ пріостановленіе передачи имущества, какъ мѣра обезпеченія, не можетъ имѣть значенія. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы въ такихъ случаяхъ предоставленіе суду права требовать отъ истца въ видѣ обезпеченія благонадежный залогъ, какъ гарантію тѣхъ убытковъ, которые могутъ быть понесены отвѣтчикомъ въ случаѣ отмѣны рѣшенія апелляціонной инстанціей, подобно тому, какъ это допускается по дѣламъ, рѣшаемымъ не въ заочномъ порядкѣ (4 п. 138 ст.).

А. Н. Бутовскій.

VII.

ДѢЛО КРОЛЯ.

Приговоромъ Херсонскаго окружнаго суда отъ 20 іюня 1902 года мѣщанинъ Іосифъ Хаимовъ Кроль, обвинявшійся въ мошенничествѣ, былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ и шесть мѣсяцевъ. Процессъ Кроля является не лишеннымъ интереса въ виду принимаемыхъ въ послѣднее время по распоряженію г. Министра Финансовъ мѣръ къ упорядоченію нашей обширной заграничной хлѣбной торговли, такъ какъ знакомитъ съ существовавшими въ ней злоупотребленіями.

Мѣстомъ дѣятельности Кроля былъ Николаевскій портъ на Черномъ морѣ. Здѣсь Кроль въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ спекулировалъ по хлѣбной части: занимался скупкой хлѣба по мелочамъ и перепродажей небольшихъ партій заграничнымъ экспортерамъ. Торговля шла неудачно, и въ результатѣ Кроль потерялъ почти весь свой капиталъ въ 15000 руб.

Казалось бы, что, находясь въ такомъ положеніи, Кроль долженъ былъ прекратить торговлю. А между тѣмъ вскорѣ послѣ краха, въ декабрѣ 1898 года, Кроль оказывается уже въ числѣ заграничныхъ экспортеровъ хлѣба и состоитъ „шефомъ“ собственной экспортной конторы. Явленіе поистинѣ изумительное, но ставшее, по словамъ свидѣтелей, обычнымъ въ нашихъ черноморскихъ портахъ, гдѣ раззорившійся спекулянтъ дѣлается экспортеромъ, потому что послѣдній можетъ вести торговлю, не имѣя своихъ денегъ.

Кроль, какъ и многіе другіе, сдѣлался экспортеромъ при содѣйствіи владѣльца банкирской конторы въ г. Николаевѣ Абрама Купермана, который за солидное вознагражденіе открылъ Кролю кредитъ для покупки и отправки хлѣба и разрѣшилъ ему производить погрузку хлѣба отъ его имени, что также было необходимо Кролю, не имѣвшему свидѣтельства на веденіе заграничной торговли. Тогда Кроль завелъ себѣ агента для продажи хлѣба за границей купца Эрнста Бергмана, жителя г. Дюссельдорфа въ Германіи, и приступилъ къ производству операцій, которыя сводились къ слѣдующему.

Бергманъ, по полученнымъ отъ Кроля пробамъ хлѣба, пріискивалъ покупателей и сообщалъ ему объ условіяхъ продажи. Если

Кроль находилъ условія подходящими, то заключалъ контракты съ покупателями. Затѣмъ Кроль зафрахтовывалъ у агента заграничныхъ пароходчиковъ въ г. Николаевѣ мѣста подъ хлѣбъ, а Куперманъ подавалъ въ таможню заявленія о предстоявшей погрузкѣ. Когда производилась погрузка хлѣба, приказчики Кроля составляли по каждой партіи пробу и доставляли Кролю свѣдѣнія о количествѣ погруженнаго за день хлѣба. Эти свѣдѣнія Кроль сообщалъ пароходному агенту для составленія коносаментовъ, которые пишутся всегда со словъ экспортера безъ всякой провѣрки количества погруженнаго хлѣба. Въ коносаментахъ, по просьбѣ Кроля, грузителемъ хлѣба выставлялся Куперманъ, получателемъ же груза онъ, Кроль. Пароходный агентъ препровождалъ коносаменты Куперману, у котораго Кроль дѣлалъ на коносаментахъ бланковыя надписи—жиро—для полученія по нимъ хлѣба заграничными покупателями, и выдавалъ Куперману чеки для полученія слѣдовавшихъ за хлѣбъ денегъ. Эти документы Куперманъ посылалъ своему одесскому банкиру, который пересылалъ ихъ заграничному банкиру для врученія покупателямъ коносаментовъ и полученія съ нихъ денегъ по чекамъ. Одновременно Кроль высылалъ покупателямъ фактуры, въ суммѣ равной чекамъ, и пробы погруженнаго хлѣба. Слѣдуетъ замѣтить, что отъ Кроля вполнѣ зависѣло, выслать ли обѣ пробы того именно хлѣба, который онъ экспортировалъ, или лучшаго качества. Не позже, какъ на десятый день послѣ погрузки хлѣба на пароходъ, Куперманъ получалъ извѣщеніе отъ одесскаго банкира объ уплатѣ за него денегъ. Когда поступали свѣдѣнія объ уплатѣ денегъ за всѣ партіи хлѣба, отправленныя Кролемъ на данномъ пароходѣ, Куперманъ производилъ съ нимъ разсчетъ. Между тѣмъ пароходъ прибывалъ въ Роттердамъ, куда Кроль отправлялъ Бергману хлѣбъ, обыкновенно черезъ три недѣли. Такимъ образомъ заграничные покупатели платили деньги за хлѣбъ, когда онъ еще находился въ пути.

За погрузкой хлѣба на пароходы наблюдали приказчики Кроля. Куперманъ и его судовой приказчикъ посѣщали пароходы только съ цѣлью убѣдиться, что заявленныя къ погрузкѣ партіи дѣйствительно грузятся, и не считали нужнымъ постоянно слѣдить за качествомъ и количествомъ хлѣба. Никакого другаго контроля надъ качествомъ и количествомъ грузимаго зерна не было.

При описанныхъ условіяхъ Кроль продалъ черезъ Бергмана съ декабря 1898 года до половины февраля 1899 года нѣсколько партій хлѣба на сумму около 60000 рублей и выполнилъ поставки

добросовѣстно. Вслѣдстіе этого Кроль пріобрѣлъ довѣріе Бергмана и покупателей, которые считали себя вполнѣ обезпеченными въ сношеніяхъ съ Кролемъ, полагая, что отвѣтственнымъ лицомъ за покупаемый хлѣбъ является и грузитель его, Куперманъ.

Въ концѣ февраля и перваго марта 1899 года Кроль погрузилъ на англійскій пароходъ „Фанаръ", какъ было означено въ коносаментахъ, 77925 пуд. пшеницы, 6230 пуд. ржи и 12500 пуд. льна для шести фирмъ. Продажа была совершена черезъ Бергмана по контрактамъ и пробамъ, согласно которымъ Кроль долженъ былъ доставить пшеницу крупнозернистую и почти безъ всякихъ примѣсей, а рожь и ленъ обычнаго качества. На этотъ разъ Куперманъ уплатилъ деньги за Кроля мѣстнымъ продавцамъ всего за 72150 пуд. пшеницы, 5900 пуд. ржи и 11507 пуд. льна. Относительно остальнаго хлѣба, а именно 5775 пуд. пшеницы, 330 пуд. ржи и 993 пуд. льна, Кроль заявилъ Куперману, что купилъ его самъ. При разсчетѣ по этой продажѣ хлѣба Кроль получилъ отъ Купермана за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, 18300 рублей. Вслѣдъ за тѣмъ Кроль прекратилъ свою экспортную торговлю, продолжавшуюся менѣе 4-хъ мѣсяцевъ, и покинулъ г. Николаевъ.

Причины, побудившія Кроля къ такимъ дѣйствіямъ, не замедлили обнаружиться.

При выгрузкѣ съ парохода „Фанаръ" пшеницы и ржи „Отдѣленіемъ ассоціаціи анонимнаго общества Фризевенъ присяжныхъ мѣрильщиковъ и вѣсовщиковъ въ г. Роттердамѣ" и при изслѣдованіи этихъ хлѣбовъ „Контролемъ зерна и другихъ грузовъ во всѣхъ портахъ Европы Абрамсонъ и К° въ Роттердамѣ" былъ установленъ „курьезный вѣсъ": недостача 6451 пуда пшеницы и 335 пуд. ржи. Въ то же время оффиціальное учрежденіе „Биржевой арбитражный комитетъ зерновой торговли въ Роттердамѣ" нашелъ, что пшеница, присланная на пробу, хорошая, крупнозернистая и почти безъ всякихъ примѣсей, а доставленная на пароходѣ „Фанаръ"—низкаго качества и съ примѣсью куколя и другихъ безцѣнныхъ сорныхъ травъ въ количествѣ отъ 25 до 30%. Не лучше дѣло обстояло и со льномъ, который былъ изслѣдованъ „Соединенной ассоціацiей масляничныхъ сѣмянъ въ Лондонѣ": оказалась недостача въ вѣсѣ въ 1078 пудовъ, а при анализѣ льна въ немъ было найдено 65% льна, 27% другихъ дешевыхъ масляничныхъ веществъ и до 8% безцѣнныхъ примѣсей.

При сравненіи количества полученнаго покупателями хлѣба съ коносаментами усматривается, что Кроль не только не экспорти-

ровалъ своего хлѣба, но даже погрузилъ не весь тотъ хлѣбъ, за который Куперманъ уплатилъ деньги. Что же касается засоренности пшеницы и льна, то въ виду удостовѣренія свидѣтелей и экспертовъ, что на Николаевскомъ рынкѣ не бываетъ въ обращеніи хлѣбовъ съ такимъ количествомъ примѣсей, явствуетъ, что Кроль умышленно засорилъ эти хлѣба.

Своими обманными дѣйствіями Кроль причинилъ заграничнымъ покупателямъ убытка слишкомъ на 21000 руб. Сверхъ того Бергманъ не получилъ отъ Кроля условленнаго вознагражденія за посредничество около 1000 руб. Тотъ же Бергманъ, считая Кроля благонадежнымъ лицомъ, былъ увѣренъ, что онъ разсчитается съ покупателями, и потому поручился за него передъ нѣкоторыми фирмами. Вслѣдствіе этого Бергману пришлось уплатить за недостачу хлѣба болѣе 4000 рублей, и къ нему были предъявлены иски по поводу низкаго качества и засоренности хлѣба.

Въ своихъ письмахъ къ Куперману и Городецкому, который велъ заграничную переписку въ экспортной конторѣ Кроля, Бергманъ называлъ поступокъ Кроля „гнуснѣйшимъ обманомъ", а въ адресованномъ въ Херсонскій окружный судъ заявленіи жаловался, что Кроль своими мошенническими дѣйствіями совсѣмъ разорилъ его.

Въ свою очередь заграничныя фирмы въ письмахъ къ Бергману тоже высказали негодованіе по поводу доставленнаго Кролемъ хлѣба; такъ, напр.: „качество хлѣба такое низкое, что мы потерпѣли посрамленіе за него отъ своихъ покупателей", „продажа такого хлѣба совершенно не въ порядкѣ вещей", „мы еще никогда не были такъ обмануты", „манипуляціи такихъ индивидуумовъ не могутъ остаться безнаказанными", „громадная недостача въ вѣсѣ и зерно такого качества, что едва ли можно придумать подлѣе", „надо положить конецъ нечистому ремеслу обманщиковъ" и т. п.

Ни Бергману, ни заграничнымъ покупателямъ не удалось вернуть съ Кроля и Купермана своихъ убытковъ, хотя одинъ изъ нихъ Сименсъ изъ Нейса на Рейнѣ даже пріѣзжалъ съ этой цѣлью въ г. Николаевъ. Оказалось, что Кроль жилъ въ г. Одессѣ и въ такой будто бы бѣдности, что закладывалъ свои послѣднія вещи. Куперманъ же доказалъ своими торговыми книгами, что онъ былъ только банкиромъ Кроля.

На судѣ, между прочимъ, выяснилось, что 15—20 лѣтъ тому назадъ экспортная хлѣбная торговля въ Николаевскомъ портѣ находилась въ рукахъ крупныхъ фирмъ, дорожившихъ своей репутаціей, и что тогда бывали лишь случайныя недоразумѣнія по ис-

полненію контрактовъ съ заграничными покупателями и то весьма рѣдко. Затѣмъ появились мелкіе экспортеры, и число ихъ быстро возрасло. Дѣятельность этихъ лицъ, не имѣвшихъ зачастую капитала и даже права на веденіе заграничной торговли и производившихъ „подъименную“ торговлю при посредствѣ владѣльцевъ банкирскихъ конторъ, неблагопріятно отразилась на нашемъ экспортѣ, такъ какъ они прибѣгали съ цѣлью наживы или для покрытія своихъ убытковъ ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Несмотря на это, настоящій процессъ чуть ли не первый, что̀ объясняется установившимся у заграничныхъ покупателей обыкновеніемъ ограничиваться предъявленіемъ исковъ къ импортерамъ въ арбитражныхъ судахъ. Такъ они поступили и въ отношеніи Кроля, и лишь раззоренный имъ Бергманъ обратился съ жалобой на него къ прусскому министру юстиціи, которымъ было возбуждено настоящее дѣло.

Въ 1901 году для Николаевскаго порта установлены биржевыя правила относительно размѣра постороннихъ примѣсей и нормъ натурнаго вѣса зерновыхъ хлѣбовъ и надзоръ за экспортомъ ихъ. Результатомъ этихъ мѣръ явилось нѣсколько случаевъ обнаруженія въ пшеницѣ и ячменѣ мелкихъ экспортеровъ, кліентовъ банкирскихъ конторъ, крупнаго песку, сходнаго съ зерномъ. Однако наблюденіе за громаднымъ экспортомъ хлѣба представляется очень затруднительнымъ, почему его нельзя признать достаточнымъ средствомъ для борьбы съ практикующимся засореніемъ хлѣба.—Въ видахъ дальнѣйшаго упорядоченія нашей хлѣбной торговли было бы желательно, чтобы владѣльцы банкирскихъ конторъ несли денежную отвѣтственность передъ заграничными покупателями за качество и количество хлѣба, экспортируемаго ихъ кліентами.

Ѳ. К.

VIII.

НОВЫЙ СПОСОБЪ РАСПОЗНАВАНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КРОВИ.

Военнымъ врачемъ, докторомъ *Уленгутомъ*, въ Грейфсвальдѣ, въ Германіи, сдѣлано весьма важное открытіе въ области судебной медицины. До сихъ поръ медицина не знала надежныхъ средствъ для различенія человѣческой крови отъ крови животныхъ, исключая тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда объектомъ изслѣдованія явля-

лась сравнительно свѣжая кровь. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ наличность человѣческой крови могла быть установлена съ нѣкоторою вѣроятностью помощью измѣренія кровяныхъ шариковъ. Въ отношеніи же присохшей крови способъ этотъ являлся крайне ненадежнымъ, даже невозможнымъ. Между тѣмъ каждому судебному слѣдователю, которому пришлось вести дѣла объ убійствахъ, извѣстно, какое пагубное вліяніе часто оказывало на ходъ слѣдствія то обстоятельство, что медицина оказывалась безсильной предъ рѣшеніемъ вопроса, какого происхожденія кровяныя пятна на платьѣ или вещахъ подозрѣваемаго въ убійствѣ, человѣческая ли это кровь или кровь какого-нибудь животнаго.

Открытіе доктора Уленгута имѣетъ поэтому громадное значеніе для криминалистики. Постараемся вкратцѣ передать методъ его на основаніи данныхъ, сообщенныхъ имъ самимъ въ книжкахъ 3 и 4 тома 6 „Архива уголовной антропологіи и криминалистики". Мы не будемъ при этомъ касаться спеціально медицинской стороны открытія. Интересующіеся этой стороной дѣла найдутъ подробности въ Deutsch. med. Wochenschrift, 1900, № 46, 1901, № 6 и № 17, равнымъ образомъ, какъ въ работахъ врачей Вассермана и Шютце, помѣщенныхъ въ Berliner klinische Wochenschrift, 1901, № 7.

Докторъ Уленгутъ пришелъ къ своему открытію слѣдующимъ путемъ. Производя опыты надъ бѣлками птичьихъ яицъ, онъ обнаружилъ, что сыворотка кроликовъ, которымъ вспрыскивали въ полость живота бѣлокъ куриныхъ яицъ, производитъ осадокъ въ растворѣ бѣлка тѣхъ же куриныхъ яицъ. Желая установить, существуетъ ли разница между бѣлковымъ тѣломъ куриныхъ яицъ и тѣмъ же тѣломъ въ куриной крови, онъ сталъ вспрыскивать кроликамъ сыворотку куриной крови. Оказалось, что кровяная сыворотка кроликовъ, подвергшихся этому опыту, производитъ осадокъ только въ растворѣ куриной крови, на растворъ же бѣлка куриныхъ яицъ онъ никакого вліянія не имѣетъ. Точно такъ же эта сыворотка не производила никакихъ измѣненій въ растворахъ крови другихъ животныхъ. Уленгутъ взялъ тогда вмѣсто куриной крови для своихъ опытовъ кровь быка, при чемъ оказалось, что кровяная сыворотка кроликовъ, которымъ вспрыскивали сыворотку бычачьей крови, производитъ осадокъ въ одномъ только растворѣ той же бычачьей крови, на растворы же крови другихъ животныхъ она никакого вліянія не имѣетъ. Уже послѣ этого Уленгутъ сталъ вспрыскивать кроликамъ сыворотку человѣческой крови и приготовилъ, затѣмъ, растворы крови болѣе 20 разныхъ животныхъ, какъ-то:

быка, лошади, осла, кабана, барана, оленя, козы, собаки, лисицы, кошки, зайца, крысы, мыши, курицы, гуся, индюка и др. Къ этимъ разнымъ растворамъ прибавилось отъ 10—12 капель кровяной сыворотки кролика, подвергшагося дѣйствію сыворотки человѣческой крови, и результатомъ этого опыта явилось открытіе, что эта сыворотка производитъ сначала помутнѣніе, а затѣмъ и значительный осадокъ въ одномъ только растворѣ человѣческой крови, на растворы же крови другихъ животныхъ она не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія.

Такимъ образомъ, при помощи изложенной процедуры, представляется возможнымъ отличить человѣческую кровь отъ крови, нужно думать, всѣхъ вообще животныхъ. Точно такъ же этимъ способомъ можетъ быть установлено происхожденіе всякой вообще крови, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы служащіе для опытовъ кролики предварительно были подвергнуты дѣйствію кровяной сыворотки этихъ животныхъ. Особенно цѣннымъ открытіе Уленгута является въ виду того, что обнаруженная имъ реакція кровяной сыворотки кроликовъ столь сильна, что самое незначительное количество крови достаточно, чтобы установить родъ ея.

Понявъ сейчасъ же важное значеніе своего открытія для судебной медицины, Уленгутъ продолжалъ свои опыты, при чемъ обнаружилъ, что этимъ способомъ можетъ быть распознаваема и очень давняя человѣческая кровь. Ему удалось, напр., въ 1900 году, когда было сдѣлано описанное открытіе, установить наличность человѣческой крови въ пескѣ, сохранившемся отъ случившагося въ 1896 году убійства. Даже кровь, перешедшая уже въ разложеніе и издававшая сильное зловоніе, давала ту же реакцію, пришлось только профильтрировать составленный изъ нея растворъ. И морозъ не оказываетъ вліянія на положительный результатъ опытовъ, ибо Уленгутъ нашелъ человѣческую кровь въ примерзшихъ къ снѣгу слѣдахъ, подвергшихся въ теченіе двухъ недѣль дѣйствію 10-ти градуснаго мороза. Даже въ мыльной водѣ, въ которой умыли окровавленныя руки, можно было установить присутствіе человѣческой крови.

Уленгутъ не сообщаетъ, на какомъ научномъ явленіи основывается его открытіе, т. е. чѣмъ слѣдуетъ объяснить, что кровяная сыворотка кроликовъ, которымъ вспрыскивали сыворотку человѣческой крови, даетъ помутнѣніе и осадокъ только въ растворѣ той же человѣческой крови. Для юристовъ этотъ вопросъ безразличенъ, и способъ Уленгута для распознаванія человѣческой крови можетъ

быть примѣняемъ на практикѣ, хотя медицинская наука и не дала еще объясненія его.

Въ Германіи и примѣнили уже способъ Уленгута съ блестящимъ результатомъ по одному дѣлу о покушеніи на убійство. 12 марта 1902 года въ м. Эрштейнѣ, въ Эльзасѣ, было совершено покушеніе на убійство съ цѣлью ограбленія содержателей питейнаго заведенія супруговъ Марцовъ. У самого Марца оказались лишь незначительныя поврежденія, но онъ не могъ дать никакихъ объясненій по поводу случившагося, потому что уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ размягченіемъ мозга. Жена его была найдена въ безсознательномъ состояніи; у нея оказались болѣе серьезныя поврежденія, какъ-то переломъ лобной кости, переломъ челюсти и т. п., такъ что она могла быть допрошена лишь 7 недѣль спустя послѣ происшествія. Однако и она не могла дать никакихъ указаній на личность преступника, ибо она помнила лишь обстоятельства, предшествовавшія нападенію, все остальное же изгладилось изъ ея памяти, такъ что она даже не могла сказать, мужчина ли или женщина покушался на ихъ жизнь. Между тѣмъ, еще до этого подозрѣніе въ покушеніи на убійство супруговъ Марцовъ имѣли на пріемнаго сына послѣднихъ Карла Марца, который раньше проживалъ у Марцовъ, но послѣ совершенія имъ нѣсколькихъ мелкихъ кражъ былъ удаленъ ими изъ своего дома. При обыскѣ нашли у Карла Марца брюки, забрызганныя сверху до низу кровью. Спрошенные по поводу кровяныхъ пятенъ на этихъ брюкахъ, родители Карла Марца объяснили, что сынъ ихъ запачкалъ эти брюки кровью, когда онъ перевязывалъ корову, потерявшую рогъ. Пятна на брюкахъ Карла Марца были подвергнуты химико-микроскопическому изслѣдованію, и хотя эксперты и дали заключеніе, что пятна эти происходятъ отъ крови, но отъ человѣческой ли крови или крови какого-нибудь животнаго,—того они рѣшить не могли. Тогда потребовали заключенія отъ доктора Уленгута, и послѣдній призналъ, что пятна эти безусловно происходятъ отъ человѣческой крови. Впослѣдствіи Карлъ Марцъ сознался въ покушеніи на убійство супруговъ Марцовъ, при чемъ оказалось, что онъ запачкалъ себѣ эти брюки въ то время, когда онъ наносилъ потерпѣвшимъ удары топоромъ.

Помимо приведеннаго примѣра, значеніе открытія доктора Уленгута для судебной медицины столь очевидно, что по этому поводу не стоитъ тратить словъ.

На это открытіе уже обращалъ вниманіе юристовъ профессоръ

К. М. Леонтьевъ въ краткой замѣткѣ, помѣщенной имъ въ № 33 отъ 12 августа 1901 года газеты „Право“. Къ сожалѣнію, замѣтка эта повидимому прошла незамѣченною, вслѣдствіе чего мы и рѣшились повѣтствовать объ этомъ на страницахъ „Журнала Министерства Юстиціи“.

Изъ замѣтки профессора Леонтьева видно, что открытіе Уленгута провѣрено прозекторомъ при каѳедрѣ судебной медицины Казанскаго университета, докторомъ М. А. Широкихъ, коимъ также найденъ способъ сохраненія требуемой для экспертизы специфической сыворотки. Поэтому нашимъ судебнымъ слѣдователямъ слѣдуетъ обращаться съ требованіями о производствѣ экспертизъ для распознаванія человѣческой крови по способу Уленгута къ названному прозектору Казанскаго университета Широкихъ.

И. И. Ганъ.

IX.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

13 января въ засѣданіи административнаго отдѣленія Г. С. Вольтке прочиталъ докладъ „Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы“.

Неудовлетворительность существующей организаціи нашего уѣзднаго управленія представляется въ настоящее время безспорной; существеннѣйшими недостатками этой организаціи являются, во 1-хъ, смѣшеніе въ компетенціи низшихъ органовъ уѣзднаго управленія, волостныхъ и сельскихъ правленій, функцій административныхъ и общественно-хозяйственныхъ; далѣе, кругъ дѣйствій названныхъ правленій ограниченъ территоріей крестьянскихъ земель и лицами, принадлежащими къ сельскимъ обществамъ. Земскія учрежденія, въ свою очередь, представляются поэтому висящими въ воздухѣ, такъ какъ не имѣютъ на мѣстахъ своихъ собственныхъ исполнительныхъ органовъ и вынуждены прибѣгать къ содѣйствію общей администраціи, нерѣдко проявляющей недостаточно внимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ въ этой области. Наконецъ, территорія уѣзда въ громадномъ большинствѣ губерній слишкомъ велика для правильнаго отправленія какъ административныхъ, такъ и общественно-хозяйственныхъ дѣлъ всего населенія. Обусловленная этимъ необходимость дальнѣйшей децентрализаціи, т. е. созданія „мелкой земской единицы“, которая явилась бы посредникомъ между населеніемъ и земствомъ, а равно необходимость

организовать эти посредствующіе органы на всесословномъ началѣ—не вызываетъ споровъ. Но относительно деталей этой организаціи возникаютъ слѣдующіе важнѣйшіе, нерѣдко весьма спорные вопросы: 1) слѣдуетъ ли сохранить волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, только распространивъ право избранія ихъ на все населеніе, или же необходимо создать новые органы, 2) предоставить ли этимъ органамъ всю власть или же отдѣлить функціи административныя отъ общественно-хозяйственныхъ; 3) сохранить ли границы теперешнихъ подраздѣленій уѣзда или построить это раздѣленіе на другихъ основаніяхъ; 4) на кого распространить право участія въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи; 5) ввести ли новую организацію въ сѣть существующихъ земскихъ учрежденій, и, наконецъ, 6) построить ли новые органы на началѣ коллегіальномъ или единоличной власти.—Всего менѣе спорнымъ представляется первый вопросъ. Крайняя неудовлетворительность состава старшинъ и старостъ и фактическое сосредоточеніе въ виду этого власти въ рукахъ волостныхъ и сельскихъ писарей—не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что необходимо установленіе новыхъ органовъ, независимыхъ отъ органовъ сословно-крестьянскаго управленія. Нообходимо также отдѣлить административную организацію уѣзднаго управленія отъ основанной на началахъ самоуправленія организаціи общественно-хозяйственной, такъ какъ при сосредоточеніи и тѣхъ, и другихъ дѣлъ въ одномъ волостномъ правленіи, неизбѣжно зависимомъ отъ высшей администраціи, хозяйственныя дѣла всегда будутъ на второмъ планѣ. Исходя изъ этихъ началъ, можно построить слѣдующую схему желательнаго мѣстнаго управленія: для дѣлъ административныхъ должны быть устроены въ уѣздахъ два новыхъ коллегіальныхъ органа—участковое правленіе и волостное правленіе, и третій единоличный—сельскій начальникъ; параллельно съ этими административными органами должны быть устроены какъ органы общественнаго самоуправленія, участковое собраніе съ участковой управой волостное собраніе съ волостной управой и сельскій сходъ съ сельскимъ старостой, при чемъ низшія земскія единицы—собранія волостное и участковое—должны быть неразрывно связаны съ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Право принимать участіе въ общественномъ самоуправленіи и обязанность участвовать въ самообложеніи для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ присваивается всѣмъ лицамъ, постоянно проживающимъ въ данной мѣстности, т. е. владѣющимъ въ ней недвижимымъ имуществомъ, торговымъ или промышленнымъ заведеніемъ, или пребывающимъ въ мѣстности непрерывно въ теченіе 3 лѣтъ, независимо отъ приписки къ тому или иному обществу и отъ сословнаго положенія лица. Но и волость представляется единицей слишкомъ крупной. Основною ячейкой административной и общественно-хозяйственной организаціи въ уѣздахъ долженъ стать сельскій округъ, образуемый изъ одного или нѣсколькихъ селеній и изъ опредѣленной территоріи вокругъ нихъ. Адмистративныя функціи вѣдаютъ въ округѣ назначенный правительствомъ сельскій начальникъ, а общественно-хозяйственныя дѣла—сельскій сходъ съ выборнымъ сельскимъ старостою. Выборные отъ всѣхъ сельскихъ сходовъ волости составляютъ волостное собраніе. Правленія участковое и волостное составляются изъ представителей разныхъ вѣдомствъ—участковаго или волостнаго начальника, судьи, податнаго и фабричнаго инспектора и проч., и также непремѣннаго члена соотвѣт-

ственнаго правленія. Коллегіальные органы рѣшаютъ важнѣйшія дѣла съ правомъ обжалованія въ порядкѣ инстанцій, во главѣ которыхъ стоитъ Правительствующій Сенатъ. Для улучшенія личнаго состава мѣстнаго управленія необходимо, какъ это указывалъ уже К. Д. Кавелинъ, привлечь къ этому дѣлу интеллигентныя молодыя силы, которыя нерѣдко не находятъ себѣ приложенія въ крупныхъ центрахъ и для которыхъ участіе въ мѣстномъ управленіи открыло бы широкое поле плодотворной общественной дѣятельности.

Въ преніяхъ приняли участіе И. М. Страховскій, П. Н. Исаковъ, А. А. Леонтьевъ и предсѣдательствовавшій въ собраніи проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ *(Право).*

Въ засѣданіи 11 февраля гласный думы Е. И. Кедринъ сдѣлалъ сообщеніе „О проектѣ новаго городоваго положенія для города Петербурга“. Предстоящая въ близкомъ будущемъ реформа городового положенія нашей столицы имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ она какъ бы намѣчаетъ подобную же реформу и по отношенію къ другимъ городамъ Россіи, реформу—общую. Нельзя забывать, что Петербургъ играетъ немаловажную роль въ государственной жизни нашего государства: казна, какъ указываютъ оффиціальныя данныя, имѣетъ ежегоднаго дохода отъ Петербурга 644 милліона въ годъ, что составитъ до 33 процентовъ всего бюджета, а тратитъ на столицу казна—561 милліонъ, т. е. 35 процентовъ всей суммы расхода. Далѣе, докладчикъ перешелъ къ исчисленію причинъ, вызвавшихъ реформу городоваго положенія: на первомъ мѣстѣ онъ ставитъ постоянные упреки нашей печати, которая постоянно, касаясь дѣятельности городскихъ учрежденій, отмѣчая ихъ недостатки, не могла въ то же время сравнить ихъ съ другими казенными учрежденіями. Отсюда получалось впечатлѣніе, что хуже городскихъ учрежденій и ихъ порядковъ—ничего не существуетъ. Указываютъ, напримѣръ, что въ городскихъ больницахъ не достаетъ законнаго числа футовъ воздуха на каждаго больнаго, но упускаютъ изъ вида, сколько воздуха приходится хотя бы въ пріемныхъ покояхъ полицейскихъ частей. Выставляютъ на видъ отсутствіе канализаціи и не говорятъ при этомъ, что дума не могла тратить 40 милліоновъ на канализацію, не имѣя даже хорошей системы, и, кромѣ того, забываютъ, что частичную канализацію дума устроила хотя бы на скотобойнѣ. Сколько упрековъ сыпалось по поводу переполненія больницы св. Николая Чудотворца, что на каждаго больного въ ней приходится вдвое меньше обычной нормы, но опять упускаютъ изъ вида, что больница эта создана была первоначально на 500 человѣкъ, но затѣмъ приходилось принимать душевно-больныхъ со всей Россіи, согласно приказу С.-Петербургскаго градоначальника и отдѣльнымъ требованіямъ полиціи. Не мудрено, конечно, что число больныхъ при такомъ положеніи увеличилось вдвое, а затѣмъ и втрое. Переходя къ вопросу о благоустройствѣ кладбищъ, докладчикъ указываетъ, что дума неоднократно ходатайствовала о запрещеніи хоронить въ чертѣ города, ждала разрѣшенія этого ходатайства и потому считала безцѣльнымъ тратить громадныя суммы на благоустройство кладбищъ. Затѣмъ, самое главное, больше всего петербургскую думу укоряютъ за ея

домовладѣльческій составъ, и здѣсь совершенно забываютъ, что законъ 1892 года предоставляетъ право быть гласнымъ почти исключительно только домовладѣльцамъ. Во второй части своего доклада Е. И. Кедринъ остановился на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ статей новаго городоваго положенія, ссылаясь здѣсь, впрочемъ, иногда на предположенія. Новое положеніе устанавливаетъ прежде всего весьма низкій образовательный цензъ—окончаніе курса городскаго училища; затѣмъ, допуская къ участію въ думѣ квартиронанимателей, платящихъ 1,080 руб. въ годъ за квартиры, забываетъ, что въ число ихъ входятъ опять тѣ же домовладѣльцы, слѣдовательно, это нововведеніе врядъ ли измѣнитъ составъ думы, а если и измѣнитъ, то слишкомъ незначительно. Въ общемъ докладчикъ высказался рѣшительно противъ проекта новаго городоваго положенія для города Петербурга. По мнѣнію Е. И. Кедрина, положеніе это сохранитъ только внѣшнія формы самоуправленія и лишитъ городское общественное управленіе всякой самостоятельности, такъ какъ окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ городского управленія и хозяйства ввѣряется не избранникамъ населенія, а особому административному органу—столичному присутствію. Докладъ вызвалъ живѣйшій интересъ многочисленнаго собранія. Пренія за позднимъ временемъ отложены до слѣдующаго засѣданія *(С.-Петербургскія Вѣдомости).*

Харьковское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи 25 января былъ прочитанъ докладъ И. П. Бѣлоконскаго „О мелкой земской единицѣ“.

Отмѣтивъ все увеличивающійся интересъ общества къ вопросу о мелкой земской единицѣ, докладчикъ далъ краткій очеркъ нынѣ существующихъ земскихъ учрежденій, отмѣтивъ различіе положеній о земскихъ учрежденіяхъ 1864 и 1890 годовъ. При новомъ положеніи количество уѣздныхъ гласныхъ уменьшилось съ 13.329 до 10.229, количество губернскихъ съ 2274 до 1576. Земство сдѣлалось болѣе сословнымъ и дворянскимъ. Количество гласныхъ отъ дворянъ возрасло на 15%, количество гласныхъ отъ крестьянъ уменьшилось на 8%. При новомъ положеніи по даннымъ 1897 года 1 представитель въ уѣздномъ земствѣ приходится на 7.000 человѣкъ населенія и на 22.306 кв. верстъ территоріи. Поправить этотъ недостатокъ представительства интересовъ можно было бы двояко: или увеличеніемъ количества гласныхъ, или учрежденіемъ низшаго органа земства мелкой земской единицы, которая бы была меньше уѣзда и на которыя бы этотъ уѣздъ расчленялся.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ впервые серьезно былъ поставленъ на съѣздъ агрономовъ въ Москвѣ въ 1901 году, но особенно полное развитіе этотъ вопросъ получилъ благодаря дѣятельности курской земской управы. Возраженія противъ введенія земской единицы сводятся къ слѣдующему. 1. Населеніе наше недостаточно культурно и грамотно: оно не будетъ въ состояніи справиться съ этимъ органомъ самоуправленія. 2. При современномъ правопорядкѣ въ деревнѣ всякая земская единица въ деревнѣ не

будетъ самостоятельна. 3. Введеніе мелкой земской единицы увеличитъ и безъ того непосильное обложеніе. Докладчикъ опровергаетъ всѣ эти возраженія. 1) Наше населеніе будетъ въ состояніи справиться съ мелкою земскою единицею, не надо преувеличивать значенія школы въ ущербъ значенія практическаго воспитательнаго значенія организаціи. 2) Самостоятельность мѣстной самоуправляющейся единицы надо отстаивать, и мелкая земская единица дастъ возможность для этой борьбы. 3) Величину земскаго обложенія обыкновенно преувеличиваютъ. Изъ пришедшихся въ Курской губерніи въ 1807 г. на десятину 2 руб. 81 коп. земскихъ сборовъ было всего только 44 к. Эта цифра сравнительно значительно уменьшится, если принять во вниманіе, что при посредствѣ косвенныхъ налоговъ государство собрало съ десятины болѣе чѣмъ 2 руб. 81 коп.

Затѣмъ, указавъ на своевременность введенія мелкой земской единицы, на то, что какъ почти всѣ земства, такъ и наиболѣе выдающіеся представители науки высказались за ея введеніе, докладчикъ выражаетъ пожеланіе скорѣйшаго ея введенія.

Докладъ вызвалъ обширные дебаты. Всѣми оппонентами была единогласна высказана референту благодарность за его докладъ, и отмѣчены его достоинства (*Харьковскія Губернскія Вѣдомости*).

Кіевское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи 8 февраля былъ прочитанъ докладъ М. Ратнера „Хозяйство и мораль".

Докладчикъ началъ съ исторіи взаимоотношенія между моралью, съ одной стороны, и политической экономіей и хозяйствомъ—съ другой. Сказавъ нѣсколько словъ о классической и исторической школахъ, референтъ остановился подробнѣе на марксистской школѣ и, соглашаясь съ Штаммлеромъ, выяснилъ невѣрное представленіе марксистовъ о морали, какъ надстройкѣ экономики. По мнѣнію Штаммлера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и г. Ратнера, мораль и форма хозяйства—двѣ стороны одного процесса, сосуществующія и находящіяся въ функціональной связи, а не въ причинной. Затѣмъ докладчикъ обратилъ вниманіе на то, что нынѣшніе эволюціонировавшіе марксисты въ политической экономіи держатся въ философіи и морали большей частью кантовскихъ воззрѣній. Мораль Канта, которую онъ сначала пробуетъ обосновать безъ сверхчувственнаго міра съ помощью лишь метафизики, впослѣдствіи утверждается имъ же на началахъ близкихъ религіи, а у его нынѣшнихъ продолжателей-идеалистовъ вся основа морали держится и подтверждается нѣкоторыми религіозными вѣрованіями. И вотъ г. Ратнеръ желаетъ слить во-едино теорію морали и самаго цѣннаго, по его мнѣнію, что осталось въ политической экономіи отъ Маркса,—теорію трудовой цѣнности.

Для слiянія этихъ двухъ теорій г. Ратнеръ заставляетъ каждую изъ нихъ дорого платиться: кантовская теорія теряетъ свой религіозный характеръ, трудовая—почти себя самое. Кантъ объявилъ высшимъ нравственнымъ принципомъ, что всякій человѣкъ долженъ быть самоцѣлью и не можетъ упо-

требляться, какъ средство для достиженія какой-либо цѣли; Марксъ же блестяще показалъ, что цѣлый классъ рабочихъ употребляется, какъ средство въ производствѣ и при томъ не получаетъ полностью слѣдуемаго эквивалента за затраченную энергію. Вотъ въ чемъ заключается близость этихъ двухъ философовъ и синтезъ ихъ теорій долженъ показать идеалъ, къ которому должна стремиться соціальная политика.

Г. Ратнеру возражали гг. Булгаковъ, Билимовичъ и друг., отнесшіеся къ докладу довольно сурово. Г. Булгаковъ говорилъ, что синтезъ морали и трудовой теоріи, намѣченный г. Ратнеромъ,—насильственъ и произведенъ механически, а не органически. Другой оппонентъ говорилъ, что одна изъ основъ синтеза—трудовая теорія—далеко не доказана и даже, по мнѣнію оппонента, не вѣрна (*Кіевское Слово*).

14-го февраля засѣданіе Юридическаго Общества было посвящено выясненію вопроса объ участіи Общества на предстоящемъ съѣздѣ русской секціи Международнаго союза криминалистовъ. Профессоръ Московскаго университета М. В. Духовской сообщилъ въ засѣданіи объ организаціи и задачахъ союза, а также о программѣ предполагаемаго съѣзда въ Кіевѣ.

М. В. Духовской выразилъ пожеланіе, чтобы Юридическое Общество приняло на себя ближайшія заботы по организаціи съѣзда, а также чтобы оно собрало матеріалъ по мѣстнымъ вопросамъ, намѣтило темы и выставило докладчиковъ. Предполагается въ виду краткости времени для съѣзда прочесть всего 3—4 доклада съ дебатами, по остальнымъ же темамъ предполагается прочесть сообщенія безъ дебатовъ. Въ распоряженіи организаціоннаго комитета имѣются доклады, которые могутъ быть частью прочитаны на кіевскомъ съѣздѣ, частью на послѣдующихъ съѣздахъ. На съѣздѣ желательно участіе не только юридическихъ обществъ, но и всѣхъ другихъ обществъ и учрежденій, имѣющихъ связь съ уголовной практикой (тюремныхъ комитетовъ и проч.). Участіе это можетъ выразиться въ посылкѣ делегатовъ. Доклады для прочтенія на съѣздѣ могутъ представлять только члены группы криминалистовъ. Доклады должны быть представлены въ организаціонный комитетъ, въ Петербургъ, съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы ихъ можно было до съѣзда напечатать и разослать членамъ группы, при чемъ преимущественно желательны доклады по вопросамъ мѣстнаго характера. Юридическое Общество выразило свою полную готовность принять на себя всѣ хлопоты по содѣйствію организаціи съѣзда и обѣщало въ своихъ ближайшихъ собраніяхъ остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе, пока же предсѣдатель Юридическаго Общества проф. В. Г. Демченко и деканъ юридическаго факультета проф. Н. М. Цытовичъ выразили свою готовность войти въ составъ организаціоннаго по устройству съѣзда комитета [1] (*Кіевская Газета*).

---

[1]) Для выясненія вопроса, возможно ли и при какихъ условіяхъ устроить въ Кіевѣ ближайшій съѣздъ гг. членовъ группы старшій предсѣдатель судебной палаты Ѳ. Ѳ. Арнольдъ организовалъ совѣщаніе въ четвергъ, 13 февраля; на со—

Казанское Юридическое Общество.

На дняхъ вышли въ свѣтъ „Труды Юридическаго Общества при Казанскомъ университетѣ" за 1901 г. и 1902 г. Своимъ разнообразнымъ и интереснымъ матеріаломъ сборникъ производитъ чрезвычайно выгодное впечатлѣніе и, несомнѣнно, вызоветъ къ себѣ интересъ въ кругахъ интеллигентныхъ читателей. Въ сборникъ вошли слѣдующіе доклады: 1) Г. Ф. Шершеневичъ. Утилитарное ученіе о нравственности; 2) А. А. Овчинниковъ. Объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими; 3) И. М. Хомяковъ. О вліяніи экономическаго фактора на крестьянскую землю—обычай примачества; 4) В. В. Сергіевскій. Право мастеровыхъ уральскихъ казенныхъ и посессіонныхъ горныхъ заводовъ на ихъ усадьбы; 5) Н. И. Миролюбовъ. Реабилитація, какъ спеціальный правовой институтъ; 6) І. А. Вацуро. Народно-хозяйственныя предположенія податнаго устройства; 7) Н. В. Рейнгардтъ. Романъ „Воскресеніе" гр. Л. Н. Толстого и вопросы уголовнаго права. Къ нѣкоторымъ докладамъ присовокуплены возникавшія по нимъ пренія *(Волжскій Вѣстникъ)*.

Екатеринославское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи 13 февраля присяжный повѣренный С. И. Гальперинъ прочиталъ докладъ на тему: „Юридическая природа договора коллективнаго страхованія рабочихъ въ Россіи". Наше общество, находясь въ центрѣ цѣлаго круга фабрикъ и заводовъ, окруженное цѣлой арміей рабочихъ, необходимо должно существеннымъ образомъ заняться вопросами, касающимися правоваго положенія рабочихъ. Нашъ югъ все болѣе и болѣе становится фабрично-промышленнымъ центромъ; если въ 1867 году было всего на югѣ выплавлено чугуна едва 0,3 процента всего количества выплавленнаго чугуна въ Россійской имперіи, то въ 1887 году на долю юга пришлось уже 6,5%, въ 1890 году—23,7%, 1896—39,7%, 1897—40.6% и т. д. Такимъ образомъ, видно, что югъ, какъ промышленный центръ, все болѣе расширяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается армія рабочихъ, которая заключаетъ въ себѣ, приблизительно, на югѣ Россіи 132,000 человѣкъ. Само собой разумѣется, что съ ростомъ крупной промыш-

---

вѣщаніи участвовалъ прокуроръ судебной палаты С. А. Лопухинъ, предсѣдатель Кіевскаго окружнаго суда К. К. Александровъ-Дольникъ, деканъ юридическаго факультета Н. М. Цытовичъ, профессора Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, кн. Е. Н. Трубецкой и О. О. Эйхельманъ, прив.-доц. К. В. Шатровъ и присяжный повѣренный А. С. Гольденвейзеръ. Проф. Духовской сообщилъ, что мысль о созывѣ съѣзда группы въ Кіевѣ принадлежитъ гг. членамъ группы, живущимъ въ южныхъ городахъ Россіи, которые просили объ этомъ на послѣднемъ съѣздѣ въ Петербургѣ. Совѣщаніе просило съѣздъ пожаловать въ Кіевъ и полагало наиболѣе удобнымъ срокомъ для собранія съѣзда группы въ Кіевѣ апрѣль мѣсяцъ 1904 года *(Кіевская Газета)*.

ленности должны и начали учащаться случаи увѣчій съ смертельнымъ исходомъ и полной или неполной инвалидностью. Въ этомъ отношеніи наиболѣе статистическаго матеріала собрано въ Пруссіи. При разсмотрѣніи цифръ этого рода въ отношеніи Россіи видно, что число смертельныхъ случаевъ ежегодно повторяется, иначе сказать,—всякое промышленное предпріятіе связано съ извѣстнымъ количествомъ увѣчій, и это количество не зависитъ въ дѣйствительности отъ случайностей. Само собою разумѣется, что эта законномѣрность вызвала къ жизни институтъ страхованія рабочихъ въ частныхъ страховыхъ обществахъ, каковымъ страхованіемъ особенно занялись у насъ: „Россія", „Помощь", „Заботливость" и друг. (всего 8 обществъ).

Докладчикъ привелъ рядъ цифръ, указывающихъ на громадный ростъ коллективныхъ страхованій, количество собранныхъ премій по такимъ страхованіямъ и, наконецъ, прибыль обществъ. Такъ, напримѣръ, въ 1899 году всѣми обществами собрано премій 3.020,388 руб., а въ 1900—3.507,444 руб.

Далѣе докладчикъ указалъ, что онъ пользовался цифрами, опубликованными страховыми обществами, и пытался добиться точныхъ цифръ отъ страховыхъ обществъ, но таковыхъ не получилъ. Будучи предпріятіями коммерческими, страховыя общества принимаютъ цѣлый рядъ мѣръ къ повышенію взноса за страхованіе и къ пониженію и даже лишенію причитающихся рабочимъ страховыхъ премій. Хорошо характеризуетъ эту сторону дѣятельности страховыхъ обществъ статья Л. Б. Бертенсона, помѣщенная въ январьской книжкѣ журнала „Промышленность и здоровье", изъ которой нѣсколькими выдержками докладчикъ ознакомилъ собраніе. Оканчивая эту часть своего доклада, С. И. отмѣтилъ, что настоящимъ своимъ докладомъ онъ не имѣлъ цѣлью указать дефекты коммерческаго страхованія и необходимость перехода къ другому виду страхованія (по какому вопросу С. И. выразилъ надежду прочитать особый докладъ); его интересуютъ слѣдующіе два вопроса, къ которымъ онъ переходитъ.

Можетъ ли рабочій, получившій увѣчье, обратиться съ искомъ непосредственно къ страховому обществу помимо завода, и можетъ ли заводоуправленіе, находя выдачу помощи потерпѣвшему справедливой, выдать таковую и потомъ требовать уплаты выданной суммы съ страховаго общества. Для рѣшенія этого вопроса необходимо остановиться на юридическомъ характерѣ договора коллективнаго страхованія. Это есть, несомнѣнно, договоръ въ пользу третьихъ лицъ, и, судя по проекту будущаго гражданскаго уложенія, эти третьи лица имѣютъ право домогаться непосредственно отъ своего имени своихъ правъ. Практика Сената держится того же взгляда. Въ виду этого, докладчикъ приходитъ къ заключенію, что рабочій имѣетъ право предъявлять искъ непосредственно къ страховому обществу. Это имѣетъ громадное значеніе. Дѣло въ томъ, что заводъ или фабрика отвѣчаетъ за понесенное рабочимъ увѣчье только въ томъ случаѣ, если будетъ наличность вины завода. Между тѣмъ, извѣстно, что огромное количество несчастій происходитъ отъ неосторожности самихъ рабочихъ, каковое количество несчастныхъ случаевъ точно и закономѣрно требуетъ то или иное промышленное предпріятіе, какъ мы это видѣли выше. А между тѣмъ, рабочій, понесшій увѣчье по своей неосторожности, не получаетъ по закону никакого вознагражденія. Страхованіе въ теоріи уничтожаетъ эту несправедливость,

такъ какъ по полиснымъ условіямъ страховыя общества отвѣчаютъ за всякій „несчастный случай“, подъ каковымъ условились понимать рѣшительно всякій случай, за исключеніемъ того, когда увѣчье произошло по преднамѣренному желанію рабочаго.

Это въ теоріи. На практикѣ происходитъ нѣчто иное. Рабочій предъявляетъ искъ къ заводоуправленію, которое привлекаетъ къ этому иску страховое общество. Послѣднее фигурируетъ въ этомъ искѣ въ лицѣ своего повѣреннаго, выступающаго по довѣренности заводоуправленія, а потому и защищается всѣми правами завода, т. е. требуетъ, чтобы истецъ доказалъ наличность вины заводоуправленія, и, если прійти къ заключенію, что рабочій въ правѣ предъявить искъ къ страховому обществу, то права его сильно увеличились бы, такъ какъ онъ имѣлъ бы право отыскивать вознагражденіе за увѣчье даже и въ томъ случаѣ, когда безъ вины завода была бы только его собственная неосторожность. По второму вопросу докладчикъ указалъ, что ему изъ практики извѣстно, какъ часто заводоуправленіе хочетъ помочь своему рабочему, признавая полную необходимость въ немедленной помощи. И что же? Оно не въ правѣ это сдѣлать, а можетъ только сказать—„предъяви къ намъ искъ“. На судѣ же повѣренный страховаго общества по довѣренности этого завода будетъ отрицать право рабочаго на искъ, вопреки желанію своего формальнаго довѣрителя. Докладчикъ подтвердилъ сказанное примѣромъ. Во время работы отъ удара молота отщербился кусочекъ желѣза и попалъ въ глазъ рабочему. Боль отъ удара скоро прошла, и рабочій не обратилъ на это вниманія, но черезъ мѣсяцъ глазъ началъ мутнѣть, и рабочій ослѣпъ. Провѣривъ все сказанное, заводоуправленіе нашло, что въ дѣйствительности это было такъ, и рабочему слѣдуетъ выдать вознагражденіе, а страховое общество, пользуясь отсутствіемъ своевременнаго извѣщенія о несчастномъ случаѣ, совершенно отказало въ пособіи. Въ силу этого, по мнѣнію докладчика, необходимо прійти къ заключенію, что при отсутствіи въ полисныхъ условіяхъ особаго соглашенія по этому поводу заводъ имѣетъ право или, по крайней мѣрѣ, долженъ имѣть право выдать пособіе рабочему и потомъ требовать возвращенія его отъ страховаго общества. *(Приднѣпровскій Край).*

Томское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи 7-го февраля И. И. Тыжновъ прочиталъ докладъ, посвященный вопросу о поземельномъ устройствѣ Алтайскаго округа. Главныя положенія доклада слѣдующія:

I. Законъ 31 мая 1899 г. о поземельномъ устройствѣ недостаточно ограждаетъ права постороннихъ лицъ (ст. 10 п. 2 правилъ) на надѣлъ. Посему необходимо установить, чтобы, для предоставленія такимъ лицамъ надѣла, достаточно было желанія ихъ получить землю.

II. Законъ 31 мая 1899 г., при опредѣленіи нормы земельнаго надѣла, совершенно не принимаетъ во вниманіе сельско-хозяйственныхъ условій края. Необходимо, при опредѣленіи нормы надѣла, принимать эти условія и норму надѣла опредѣлять въ зависимости этихъ условій. На практикѣ это

требованіе сводится къ оставленію за даннымъ обществомъ всей площади отъ фактическаго землепользованія.

III. Сокращеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ нормы лѣснаго надѣла и совершенный неотводъ лѣсныхъ надѣловъ причиняетъ населенію матеріальный ущербъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ его вознагражденія за существовавшій до сего времени сервитутъ. Поэтому необходимо открыть всѣ лѣса округа для отвода изъ нихъ лѣсныхъ надѣловъ. Гдѣ же лѣсной надѣлъ совершенно не можетъ быть отведенъ, тамъ должно дать населенію вознагражденіе на существующій сервитутъ.

IV. Всѣ арендные статьи, въ чертѣ крестьянскаго землепользованія, должно, въ общемъ порядкѣ, включать въ составъ надѣловъ, если только нѣтъ крестьянскихъ приговоровъ съ выраженнымъ ясно и точно отказомъ крестьянъ отъ сихъ участковъ.

V. Изъ занадѣльныхъ земель округа должно образовать переселенческіе участки, какъ это уже сдѣлано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ округа, въ виду колонизаціоннаго движенія въ Алтайскій округъ и въ виду того, что законъ 31 мая 1899 года, какъ это выяснилось на практикѣ, мало обезпечиваетъ за пришлымъ населеніемъ право на земельный надѣлъ.

VI. Участіе самого населенія въ рѣшеніи поземельно-устроительныхъ вопросовъ представлено закономъ 31 мая весьма слабо. Необходимо ввести въ составъ поземельно-устроительной коммисіи уполномоченнаго отъ крестьянъ или инородцевъ по избранію схода, съ правомъ голоса, наравнѣ съ прочими членами коммисіи.

VII. Такъ какъ поземельное устройство имѣетъ временный характеръ, то всѣ указанныя въ предыдущихъ пунктахъ мѣры необходимо принять какъ можно скорѣе. *(Сибирская Жизнь).*

Общество исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ университетѣ

26 января, состоялось годичное торжественное засѣданіе общества исторіи, филологіи и права подъ предсѣдательствомъ профессора Н. Н. Любовича.

Засѣданіе началось рѣчью проф. О. Θ. Базинера на тему: „Идеи древнихъ о прогрессѣ человѣчества“. Рѣчь свою проф. Базинеръ закончилъ слѣдующими словами: „Идея о прогрессѣ человѣчества не можетъ не служить намъ путеводной звѣздой, при лучезарномъ сіяніи которой каждый изъ насъ долженъ стремиться развивать всѣ полученныя имъ отъ природы силы и способности, чтобы содѣйствовать общему благу. Въ этомъ смыслѣ я позволю себѣ заключить свою рѣчь пожеланіемъ: да проявится такой прогрессъ и въ дѣятельности нашего общества, да проявится онъ во всей жизни нашего университета, да проявится онъ, наконецъ, во всей жизни нашего дорогаго отечества“.

Рѣчь была выслушана съ большимъ вниманіемъ многочисленной публикой и вызвала единодушные аплодисменты.

По прочтеніи рѣчи секретаремъ общества Г. В. Демченко былъ сообщенъ отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ въ такомъ порядкѣ:

I) Личный составъ Общества. Къ 1 января 1902 г. общество состояло изъ 20 членовъ-учредителей и 100 дѣйствительныхъ. Въ теченіе 1902 года вступило новыхъ членовъ 61, такъ что въ настоящее время въ немъ числится 161 членъ, которые по занятіямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: профессоровъ и преподавателей университета 37, лицъ судебнаго вѣдомства 56, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній 44, лицъ другихъ профессій 24. *II) Состояніе библіотеки, имущества и денежныхъ средствъ общества.* Въ библіотекѣ къ 1 января 1903 года числилось нынѣ, поступившимъ въ обмѣнъ на „Записки Общества", 113 названій въ 432 томахъ. Первый выпускъ „Записокъ" былъ изданъ въ количествѣ 400 экземпляровъ. Средства Общества слагались къ 1 января 1903 года изъ: остатка отъ 1901 года—301 р.; прихода 1902 г.—712 р., расхода въ 1902 году—419 р.; всего было въ кассѣ—1,013 руб. Въ остаткѣ къ 1 января 1903 г. было 594 р., изъ которыхъ 566 р. хранятся въ государственной сберегательной кассѣ. *III) Дѣятельность Общества* выразилась въ ученыхъ собраніяхъ, которыхъ въ теченіе года состоялось 19. Отдѣленіе историко-филологическихъ наукъ имѣло 9 собраній и выслушало 29 докладовъ, отдѣленіе юридическихъ наукъ имѣло 8 собраній и выслушало 12 докладовъ. Кромѣ того распорядительныхъ собраній было 10, торжественныхъ 2 и засѣданій совѣта 10. Всего общество собиралось въ теченіе года 39 разъ и выслушало 35 рѣчей, рефератовъ и сообщеній. Между прочимъ памяти Гоголя и Жуковскаго было посвящено 4 засѣданія торжественныхъ и нѣсколько особыхъ на каждомъ изъ двухъ отдѣленій Общества. Такимъ образомъ, сравнительно съ первымъ годомъ существованія, въ истекшемъ году общество увеличилось—въ составѣ членовъ почти въ $1^{1}/_{2}$ раза, въ составѣ библіотеки и въ наличности денежныхъ средствъ—вдвое. Такіе свѣтлые результаты, закончилъ Г. В. Демченко, даютъ основаніе надѣяться, что Общество и впредь съ неугасаемой энергіей будетъ продолжать свою благотворную работу на поприщѣ науки. Чтеніемъ отчета закончилось засѣданіе. (*Варшавскій Дневникъ*).

---

5 Февраля состоялось засѣданіе юридическаго отдѣленія общества. Предметъ засѣданія составилъ докладъ М. Д. Скрябина: „О мѣрахъ къ устраненію и ограниченію черезполосности крестьянскихъ земель въ губерніяхъ Царства Польскаго".

Приступая къ обсужденію весьма спеціальнаго вопроса, докладчикъ счелъ нужнымъ сообщить собранію нѣкоторыя предварительныя общія опредѣленія и замѣчанія, которыя необходимы для оріентированія во всѣхъ деталяхъ доклада. Прежде всего докладчику пришлось опредѣлить, что онъ понимаетъ подъ крестьянскимъ землевладѣніемъ въ Царствѣ Польскомъ? При отсутствіи столь рѣзкаго сословнаго дѣленія, какъ въ Имперіи, мелкое землевладѣніе не совпадаетъ въ Царствѣ Польскомъ съ крестьянскимъ, но является шире послѣдняго. Въ составъ мелкаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ входятъ нѣсколько элементовъ, каковы: 1) такъ называемые указовые (т. е. надѣленные землей по указу 19 февр. 1864 г.) крестьяне; 2) мѣщане—рольники; 3) мелкая шляхта; 4) бытовое крестьянство (de jure мелкіе помѣщики на парцеллированныхъ земляхъ) и 5) банковое крестьянство (созданное

дѣятельностью Крестьянскаго банка). Для своего доклада авторъ избираетъ спеціально имъ изученное указовое крестьянство, которое къ тому же составляетъ наиболѣе значительную часть мелкаго землевладѣнія въ краѣ (25758 селеній съ 8,843,914 моргами земли изъ общаго числа 32,959 селеній съ 12,271,940 моргами земли).

Юридическимъ актомъ, закрѣплявшимъ указовые надѣлы, были ликвидаціонныя табели или данныя. Указовыя крестьянскія земли подраздѣляются на: 1) селенія—населенныя мѣста, которымъ соотвѣтствуютъ отдѣльныя табели или данныя, и 2) усадьбы—земельные участки, которые внесены въ табель или данную подъ отдѣльнымъ нумеромъ.

Предварительныя замѣчанія докладчикъ закончилъ опредѣленіемъ различныхъ видовъ черезполосности крестьянскихъ земель. Докладчикъ различалъ прежде всего внутреннюю черезполосность и внѣшнюю; первая имѣетъ мѣсто внутри селенія, вторая представляетъ собою черезполосность всего селенія съ посторонними землями, въ составъ селенія не входящими. Внѣшнюю черезполосность докладчикъ подраздѣлилъ въ свою очередь на два вида: 1) черезполосность съ землями „пана“, бывшаго вотчинника селенія, и 2) черезполосность со всякими другими землями. Особенный вредъ для крестьянскаго хозяйства представляетъ внутренняя черезполосность, на которой и сосредоточивается вниманіе докладчика.

Раціональная борьба съ общественнымъ зломъ должна поражать причины зла, и, слѣдовательно, нужно прежде всего знать ихъ. Поэтому, изыскивая мѣры къ устраненію и ограниченію черезполосности, докладчикъ прежде всего установляетъ причины послѣдней. Черезполосность была велика и до 1864 года, но за этотъ періодъ времени причины ея мало изучены. Что же касается причинъ черезполосности послѣ указа 1864 г. (когда чрезполосность обнаружила тенденцію къ увеличенію), то онѣ слѣдующія: 1) самый принципъ надѣленія землей, принятый въ указѣ, который закрѣпилъ за крестьяниномъ то, на чемъ тотъ сидѣлъ въ моментъ 19 февраля 1864 г., закрѣпилъ, значитъ,—и старую черезполосность; 2) порядокъ гражданскаго наслѣдованія, ведущій къ дробленію крестьянскихъ участковъ и при разнокачественности земли—къ дальнѣйшей черезполосности; 3) то, что правительство не принимало никакихъ серьезныхъ мѣръ къ упорядоченію крестьянскаго землевладѣнія въ отношеніи къ чрезполосности; 4) то, что законъ не закрѣплялъ колоніальнаго устройства, гдѣ оно было сдѣлано, и не пресѣкалъ путей къ возвратной, такъ сказать, черезполосности, которая имѣла мѣсто въ многихъ случаяхъ.

Мѣры борьбы съ черезполосностью, хотя и не вполнѣ дѣйствительныя, предпринимались правительствомъ. По принципіальному характеру правительственнаго воздѣйствія, докладчикъ различаетъ мѣропріятія, имѣвшія мѣсто до и послѣ 1864 года. Въ первый періодъ правительственныя мѣры носили принудительный характеръ, во второй—устраненіе черезполосности предоставлялось всецѣло добровольнымъ сдѣлкамъ самихъ крестьянъ. Послѣдній способъ оказался гораздо менѣе дѣйствительнымъ для борьбы со зломъ. Вытекающій отсюда поучительный урокъ докладчикъ принимаетъ въ соображеніе при опредѣленіи тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало бы принять, по его мнѣнію, основанному на многолѣтнемъ и разностороннемъ изученіи крестьянскаго дѣла въ краѣ.

Проектируемыя мѣры къ устраненію черезполосности авторъ дѣлитъ на: *предупредительныя* и *мѣры воздѣйствія.* Первыя должны пресѣкать пути къ водворенію дальнѣйшей черезполосности, вторыя—устранять и ограничивать существующую черезполосность.

Предупредительныя мѣры докладчикъ свелъ къ требованію категорическаго запрещенія закономъ черезполоснаго дробленія существующихъ крестьянскихъ участковъ. Такой запретъ не ввелъ бы ограниченія принципіально новаго: онъ явился бы лишь дальнѣйшимъ развитіемъ существующей уже законной охраны шестиморговаго надѣла. Практическое осуществленіе предложенной мѣры докладчикъ проектируетъ слѣдующимъ образомъ: для нотаріальнаго заключенія сдѣлки, дробящей участокъ, необходимо требовать предварительное свидѣтельство коммисара по крестьянскимъ дѣламъ о томъ, что сдѣлка не вводитъ запретной черезполосицы; если требованія закона въ этомъ отношеніи окажутся всеже нарушенными, коммисару предоставляется съ цѣлью расторженія сдѣлки коронный искъ въ порядкѣ закона отъ 11 іюня 1891 года.

Мѣры воздѣйствія направлены къ заведенію колоніальнаго устройства. Опираясь на урокъ исторіи, докладчикъ основываетъ эти мѣры на сочетаніи свободной иниціативы крестьянъ съ принудительнымъ воздѣйствіемъ правительства: сходъ рѣшаетъ вопросъ о переходѣ къ колоніальному устройству, но безповоротное осуществленіе такого рѣшенія беретъ подъ свое прямое и частью принудительное руководство—правительство. Съ точки зрѣнія этого принципа докладчикъ развиваетъ цѣлую систему соотвѣтственныхъ мѣропріятій, которыя послѣдовательно и разсматриваетъ.

Наиболѣе совершенной мѣрой является *коммассація*, т. е. объединеніе разрозненныхъ чрезполосицей земельныхъ участковъ. Коммассація принимаетъ два вида: 1) отведенія усадьбъ къ одному мѣсту, и 2) отведенія ихъ къ нѣсколькимъ мѣстамъ по угодьямъ. Въ первомъ случаѣ получается такъ называемое колоніальное (хуторное) устройство, и черезполосность совершенно устраняется; во второмъ случаѣ заводится упорядоченное сельское устройство, и черезполосность существенно ограничивается. Въ виду дробной разнокачественности земли и косности крестьянъ нельзя всегда требовать колоніальнаго устройства; въ иныхъ случаяхъ придется довольствоваться и сельскимъ устройствомъ, какъ приготовительнымъ состояніемъ. За районъ коммассаціи слѣдуетъ принять селеніе, за единицу ея—не усадьбу, имѣющую въ настоящее время только формально-юридическое значеніе, но земельный участокъ, находящійся въ фактическомъ владѣніи одного лица.

Для проведенія коммассаціи необходимо предварительное разрѣшеніе всѣхъ споровъ о границахъ, пріостановка по отношенію къ крестьянскому лѣсу закона о лѣсной охранѣ (за исключеніемъ защитныхъ лѣсовъ), разверстка общихъ между селеніями земель и сервитутовъ. Въ дѣлѣ разрѣшенія споровъ о границахъ докладчикъ считаетъ необходимымъ для ускоренія процесса расширить компетенцію крестьянскихъ учрежденій на счетъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что проведеніе коммассаціи онъ оставляетъ въ вѣдѣніи крестьянскихъ учрежденій.

Ближайшій порядокъ устройства докладчикъ предлагаетъ слѣдующій. Для рѣшенія вопроса о приступленіи къ коммассаціи требуется простое большинство голосовъ, а не единогласіе схода, какъ въ настоящее время. Это

большинство голосовъ должно, однако, представлять собою не менѣе половины земельнаго надѣла всего селенія. Въ силу такого рѣшенія вступаетъ въ дѣйствіе комиссаръ и ведетъ все дѣло. Въ краткомъ отчетѣ мы не имѣемъ возможности прослѣдить дальнѣйшій порядокъ, который былъ изложенъ докладчикомъ во всѣхъ подробностяхъ въ высшей степени мастерской технической разработки.

Для поощренія населенія къ колоніальному устройству докладчикъ проектировалъ рядъ отвѣтственныхъ льготъ, каковы: 1) даровая землемѣрная помощь; 2) освобожденіе соотвѣтственныхъ документовъ отъ гербоваго сбора; 3) освобожденіе на три—пять лѣтъ отъ поземельнаго налога и подымной подати; 4) выдача долгосрочныхъ ссудъ изъ казны.

Докладъ М. Д. Скрябина былъ выслушанъ собраніемъ съ большимъ интересомъ и вызвалъ оживленные дебаты. *(Варшавскій Дневникъ).*

Кавказское Юридическое Общество.

18-го января состоялось засѣданіе по возбужденному тифлисскимъ губернскимъ комитетомъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности вопросу о желательности изъятія изъ дѣйствія давности владѣнія земель, обмежеванныхъ судебно-мировымъ порядкомъ.

Такъ какъ отъ этой давности владѣнія давно уже страдаетъ кавказское землевладѣніе, о чемъ неоднократно возбуждались вопросы въ печати и разныхъ учрежденіяхъ, то не удивительно, что губернскій комитетъ, обсудивъ экономическую сторону вопроса, пожелалъ услышать его оцѣнку съ правовой точки зрѣнія.

Въ Юридическомъ Обществѣ большинство членовъ признало ненужнымъ ограничивать примѣненія давности къ обмежеваннымъ землямъ. Меньшинство же было иного мнѣнія, полагая, что разъ установлено межеваніе, то необходимо признать незыблемость правъ, укрѣпляемыхъ межеваніемъ; допущеніе же давности завладѣнія обмежеванными землями въ самомъ скоромъ времени упразднитъ значеніе дорого стоившаго казнѣ межеванія. *(Кавказъ).*

Екатеринодарское Юридическое Обществ.

Въ засѣданіяхъ 28-го сентября и 21-го декабря 1902 г., состоявшихся подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Общества О. А. Ювжикъ-Компанейца, происходило чтеніе и обсужденіе доклада члена Общества П. С. Ширскаго «Поземельныя права станичныхъ обществъ въ Кубанской области». Основныя положенія доклада сводятся къ слѣдующему:

По положенію 1-го іюля 1842 года о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ поземельныя довольствія отводятся каждой станицѣ по числу чиновни

ковъ и казаковъ, при чемъ мѣра довольствія опредѣляется согласно положенію войска Донскаго.

21-го апрѣля 1869 года было издано положеніе о поземельномъ устройствѣ станицъ и войсковыхъ запасныхъ земляхъ, опредѣляющее права станичныхъ обществъ, но и съ изданіемъ этого положенія земли продолжали оставаться собственностью войска, и станичныя общества пріобрѣтали лишь право быть надѣленными землей, которая по 7 ст. должна была состоять въ общественномъ владѣніи общества каждой станицы. Положеніе это, а также и положеніе 1870 г., объ обезпеченіи генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, имѣли характеръ лишь раздѣла на вѣчныя времена войсковыхъ земель между отдѣльными членами войска.

Употребляемыя въ положеніяхъ этихъ выраженія „отводъ", „надѣлъ" станицъ землею не имѣютъ техническаго значенія, чтобы имъ опредѣлять право станичныхъ обществъ на землю, но изъ сопоставленія законоположеній объ устройствѣ сельскаго состоянія съ положеніями 1869 и 1870 гг. и ходомъ развитія гражданственности на Сѣверномъ Кавказѣ нельзя не прійти къ заключенію, что было бы совершенно противорѣчащимъ всей законодательной политикѣ, если бы станичнымъ обществомъ не было предоставлено права собственности на отведенную имъ землю, на которую имъ, какъ офицерамъ и чиновникамъ, получившимъ участки въ потомственную собственность, выдаются копіи формальныхъ плановъ.

Право собственности станицъ Кубанской области на отведенныя имъ земли подвергается однако сомнѣнію при обсужденіи вопроса объ изъятіи земель изъ формально отмежеванныхъ станичныхъ юртовъ для войсковыхъ надобностей и подъ добычу нефти.

Обсуждая неоднократно подобный вопросъ, Военный совѣтъ нашелъ, что отводимыя станицамъ земли остаются собственностью войска; станицамъ же предоставляется право безсрочнаго пользованія, и войско, какъ собственникъ земли, сохраняетъ за собою право на землю и на все, что заключается въ ея нѣдрахъ; а 5 ст. правилъ о нефтяныхъ промыслахъ говоритъ, что въ случаѣ отвода подъ добычу нефти участка изъ земли, состоящей въ надѣлѣ станицы, послѣдняя вознаграждается соотвѣтствующимъ количествомъ десятинъ изъ смежныхъ земель войскового запаса, при невозможности же такой замѣны, станица получаетъ за поверхность денежное вознагражденіе.

Послѣднее законное ограниченіе не лишаетъ однако станицъ права собственности на землю, ибо предѣлы правъ устанавливаются закомъ, и объясняется оно тѣмъ, что право на нефть всегда принадлежало войску, какъ то и сказано въ 451 ст. положенія о Черноморскомъ войскѣ 1842 г., и право это оставалось неотмѣненнымъ, пока не было вновь подверждено правилами о нефтяномъ промыслѣ, но вытекаетъ оно не изъ правъ войска на нѣдра земли, а изъ спеціально существующаго для Кубанскаго войска права на добываемую нефть. По природѣ своей ограниченіе это однородно съ ограниченіемъ правъ самого войска, указаннымъ въ статьѣ 204 ст. уст. горн. изд. 1893 года, гласящей, что въ случаѣ открытія въ нѣдрахъ земель казачьихъ войскъ благородныхъ металловъ и минераловъ, таковыя земли обращаются въ казну за установленное вознагражденіе.

Самъ Военный совѣтъ, держащійся взгляда, что отводимая станицамъ

земля остается войсковой собственностью, въ положеніи своемъ 27-го августа 1898 года призналъ, что при необходимости понудительнаго отчужденія земли изъ формально отмежеванныхъ станичныхъ юртовъ для войсковыхъ надобностей, на производство его должно быть испрашиваемо Высочайшее соизволеніе черезъ Военнаго Министра т. е. тѣмъ же порядкомъ, какимъ производится всякая экспропріація частной собственности для общественной или государственной надобности.

Отсутствіе точно опредѣленнаго взгляда на характеръ правъ станичныхъ обществъ на землю сказался и при обсужденіи стоящаго на очереди вопроса объ изданіи общаго горнаго положенія для Кубанской и Терской Областей.

Въ 1892 году штабъ Кавказскаго военнаго округа представилъ въ Главное управленіе казачьихъ войскъ просьбу возбудить ходатайство объ изданіи новаго закона, а именно: Кубанское и Терское войска владѣютъ богатствами нѣдръ земли, а также минеральными источниками на протяженіи всей войсковой территоріи за исключеніемъ земельныхъ дачъ, составляющихъ полную собственность частныхъ лицъ и не казачьихъ обществъ; поиски и эксплоатированіе означенныхъ богадствъ производятся согласно особыхъ изданныхъ исключительно для этихъ войскъ правилъ о горномъ промыслѣ на земляхъ, имъ принадлежащихъ; войсковыя управленія имѣютъ право на всякое время вымеживать въ распоряженіе войска и отводить для эксплоатаціи нѣдръ необходимые участки земли не только въ предѣлахъ свободныхъ войсковыхъ земель, но и въ границахъ обмежеванныхъ станичныхъ юртовъ.

Самый фактъ представленія о необходимости изданія новаго закона, который бы предоставлялъ войсковымъ правленіямъ вымеживать земельные участки, необходимые для разработки нѣдръ земли, указываетъ, что въ подлежащихъ войсковыхъ учрежденіяхъ нѣтъ увѣренности въ своемъ правѣ до изданія новаго закона производить такія отчужденія.

Проектъ общаго горнаго положенія для Кубанской и Терской областей былъ переданъ на заключеніе Министра Государственныхъ Имуществъ, который въ отвѣтѣ высказывается за проведеніе принциповъ горной свободы и поэтому за отводъ горнопромышленникамъ большихъ площадей впредь до выработки и пр. Попутно высказывается мысль, что земли дарованы казакамъ лишь въ вѣчное владѣніе и что государство сохранило за собой право на нѣдра земли.

Взглядъ этотъ однако не подкрѣпляется никакими основанными на законѣ доказательствами.

Замѣчанія и предположенія Министра Государственныхъ Имуществъ приняты мѣстными управленіями Кубанской и Терской области лишь съ незначительными измѣненіями. Совершенно иной взглядъ по поводу заключенія Министра Гусударственныхъ Имуществъ высказанъ горнымъ инженеромъ Китаевымъ, состоящимъ при Главномъ управленіи Казачьихъ войскъ, обсуждающимъ его съ точки зрѣнія опасности для государства предоставить промышленникамъ право требовать отвода земель, которыя коренные жители привыкли считать своими и которыми привыкли пользоваться по своему желанію.

При разрѣшеніи же вопроса на основаніи дѣйствующаго законодатель-

ства нужно признать, что станичнымъ обществамъ принадлежитъ право собственности на землю, а потому право не только на поверхность, но и на нѣдра кромѣ нефти; что въ случаѣ притязанія кого-либо посторонняго на часть станичнаго юрта истцомъ и отвѣтчикомъ должно являться станичное общество, владѣющее, пользующееся и распоряжающееся этой землей, и что, такъ какъ право Кубанскаго казачьяго войска на добываемую нефть есть право публичное, то поэтому право на нефть со стороны войска, а равно и право станичнаго общества на вознагражденіе за отходящій къ войску нефтяной участокъ, не можетъ быть защищаемо посредствомъ гражданскаго иска.

Въ обсужденіе доклада приняли участіе Скиданъ, Ювжикъ-Компанейцъ, Енишерловъ, Мордмиловичъ и Вербичевъ.

По окончаніи преній предсѣдатель собранія, резюмировавъ содержаніе доклада и преній и приведя мнѣніе Побѣдоносцева по данному вопросу, предложилъ собранію высказать окончательный выводъ по поводу доклада.

За исключеніемъ одного собраніе согласилось съ выводами докладчика.

---

11 января, имѣло мѣсто годовое собраніе членовъ Екатеринодарскаго Юридическаго Общества,—первое со времени открытія его. По прочтеніи отчетовъ о дѣятельности Общества за 1902 годъ и о состояніи денежныхъ суммъ, членъ общества П. А. Бурменскій прочелъ докладъ: „Горскіе суды Кубанской области“. Первой и простѣйшей формой народнаго суда у черкесскихъ племенъ, дѣйствовавшаго, на ряду съ господствомъ кровной мести, не въ качествѣ постояннаго института, а лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, являлся судъ посредниковъ. Враждовавшія между собою стороны избирали по своему соглашенію старниковъ, которые выслушивали показанія свидѣтелей и объясненія избранныхъ каждою стороною депутатовъ, игравшихъ, повидимому, роль защитниковъ на судѣ, рѣшали споры наложеніемъ на виновную сторону опредѣленной пени. На ряду съ показаніями свидѣтелей, значеніе доказательства имѣла и очистительная присяга, по принятіи которой обвиняемый освобождался отъ отвѣтственности. Источниками права служили *адаты*, т. е. народные обычаи; а съ 18-го столѣтія, съ укрѣпленіемъ среди черкесскихъ племенъ мусульманской вѣры, вступило въ силу и духовное право мусульманъ—*шаріатъ*. По адріанопольскому миру Россія пріобрѣла власть надъ закубанскими горцами, которые, однако, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою независимость и окончательно были покорены лишь въ 1864 году. Въ январѣ 1866 года получило Высочайшее утвержденіе „Уложеніе объ управленіи горцами Кубанской области“. Для разбирательства спорныхъ и тяжебныхъ дѣлъ туземцевъ были учреждены окружные словесные суды, дѣйствовавшіе на началахъ современнаго процесса: гласности, устности, состязательности, и съ участіемъ общественнаго элемента въ лицѣ депутатовъ по выбору населенія. Дѣла рѣшались по адату или шаріату. Присутствіе депутатовъ обезпечивало

правильное примѣненіе адатовъ; свѣдущими же лицами по дѣламъ, рѣшавшимся по шаріату, являлись кадіи (духовныя лица мусульманъ). Окружные словесные суды, оказавшіе несомнѣнное содѣйствіе къ укрѣпленію правосознанія и законности у черкесскихъ племенъ, просуществовали до 1871 года. Взамѣнъ упраздненныхъ окружныхъ словесныхъ судовъ были образованы нынѣшніе „горскіе словесные суды“ въ отдѣлахъ Кубанской области: Екатеринодарскомъ, Майкопскомъ и Баталпашинскомъ, въ которыхъ наиболѣе сосредоточено горское населеніе, при чемъ опредѣленіе времени введенія мировыхъ судебныхъ установленій на одинаковыхъ основаніяхъ съ мѣстностями, занятыми русскимъ заселеніемъ, было предоставлено намѣстнику Кавказскому (5 п. Высочайшаго указа 30 декабря 1869 г., о введеніи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года въ Кубанской и Терской областяхъ и Черноморскомъ округѣ). Въ дѣятельности своей горскіе словесные суды руководствуются „временными правилами для горскихъ судовъ“, утвержденными намѣстникомъ Кавказа 18-го декабря 1870 года и нынѣ значительно уже устарѣвшими. Главнѣйшіе недостатки горскихъ словесныхъ судовъ сводятся къ слѣдующимъ: сосредоточеніе апелляціонной инстанціи въ единоличной власти начальника области, съ фактическимъ разсмотрѣніемъ дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ въ канцеляріи начальника области на основаніи лишь письменнаго матеріала; отсутствіе кассаціонной инстанціи; назначеніе предсѣдателями горскихъ словесныхъ судовъ — офицеровъ, не получившихъ юридическаго образованія, тогда какъ къ вѣдомству этихъ судовъ отнесены дѣла и о нѣкоторыхъ серьезныхъ преступленіяхъ, подсудныхъ окружному суду. На ряду съ этимъ необходимо замѣтить, что область примѣненія адатовъ, постепенно суживавшаяся уже въ окружныхъ словесныхъ судахъ, еще болѣе сузилась въ горскихъ судахъ, въ которыхъ и депутаты утратили свое прежнее значеніе. Сами же горцы, число которыхъ нынѣ является незначительнымъ сравнительно съ двухмилліоннымъ русскимъ населеніемъ въ области, постоянно соприкасаясь съ русскимъ элементомъ, въ достаточной степени привыкли къ порядку и законности, и въ спеціально для нихъ созданныхъ судахъ болѣе не нуждаются. По этому представлялось бы нынѣ цѣлесообразнымъ упразднить горскіе словесные суды, исполнившіе уже свою миссію, и подсудные имъ дѣла отнести къ вѣдомству мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій.

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія.

Затѣмъ товарищъ предсѣдателя Общества П. А. Ифляндъ прочелъ сообщеніе о „Будущемъ науки уголовнаго права“. Докладчикъ сочувственно относится къ пожеланіямъ М. П. Чубинскаго относительно расширенія предѣловъ науки уголовнаго права. (М. П. Чубинскій. „Наука уголовнаго права и ея составные элементы“. Жур. Мин. Юст., Сентябрь 1902 г.). М. П. Чубинскій доказываетъ, что наука уголовнаго права, на ряду съ чисто юридическимъ изслѣдованіемъ преступленія и наказанія, какъ отвлеченныхъ юридическихъ понятій, должна заняться изслѣдованіемъ и причинъ, вызывающихъ преступленіе, и давать научныя указанія для надлежащей постановки дѣла борьбы съ преступленіемъ. По мнѣнію докладчика, важная роль въ дѣлѣ борьбы съ преступностью принадлежитъ и суду, приговоры котораго являются далеко не безразличными въ этомъ отношеніи. Строгая индивидуализація наказаній, въ зависимости отъ личныхъ качествъ и наклон-

ностей виновнаго и тѣхъ условій, въ которыхъ развивалась его личность, отъ того дѣйствительнаго вреда, который причиненъ его преступнымъ дѣяніемъ, степени вѣроятности дальнѣйшаго совершенія имъ преступленій и вѣроятности исправленія его въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ,—играетъ громадную роль въ дѣлѣ предупрежденія многихъ преступленій, въ которыя способны впасть разъ осужденные и отбывшіе наказаніе преступники. Индивидуализація же наказаній возможна не только при существованіи уголовнаго кодекса съ наименьшею казуистичностью предусмотрѣнныхъ имъ правонарушеній и съ наибольшимъ просторомъ въ выборѣ наказаній, но и при наличности научно выработанныхъ общихъ началъ, которыми суды могли бы руководствоваться при избраніи справедливой и цѣлесообразной мѣры наказанія. Установленіе такихъ общихъ началъ должно быть признано одною изъ задачъ науки уголовнаго права. До расширенія же предѣловъ науки уголовнаго права въ указанномъ смыслѣ, она представляется докладчику „какъ бы могучею рѣкою, спокойною и величаво катящею свои прозрачныя волны въ прочныхъ берегахъ, укрѣпленныхъ незыблемыми конструкціями и формулами, подъ сѣнью которыхъ развиваются народы; но не даетъ еще эта рѣка благодатныхъ разливовъ въ ту и другую сторону, гдѣ въ ширь и даль бьетъ ключемъ дѣйствительная жизнь, гдѣ эти прозрачныя волны мощной дисциплинированной юридической мысли могли бы въ безпорядочномъ хаосѣ явленій найти общія, скрытыя въ нихъ начала, и создать такія же незыблемыя конструкціи для блага человѣческаго“. (*Черноморскій Вѣстникъ*).

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО ВЪ ПОСЛОВИЦАХЪ И ПОГОВОРКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

(Окончаніе) [1].

Купля-продажа.

Въ старину сдѣлка купли-продажи устанавливалась простымъ словеснымъ соглашеніемъ и передачей вещей. То же можно сказать и въ примѣненіи къ обычному праву. Какъ сдѣлка договорнаго характера, купля-продажа считается одною изъ самыхъ распространенныхъ сдѣлокъ въ гражданскомъ быту простаго народа. Она совершается, можно сказать, на каждомъ шагу. Оттого и пословицы болѣе всего заинтересованы этою сдѣлкою. Постоянныя столкновенія людей, т. е. постоянный обмѣнъ вещей, различныя добавочныя условія, присоединяемыя къ сдѣлкѣ, создали много своеобразныхъ положеній, которыя представляютъ несомнѣнный матеріальный интересъ.

Обращаясь къ изложенію матеріала, даннаго въ пословицахъ, нужно замѣтить, что по народной терминологіи понятіе купли-продажи несравненно шире, оно обнимаетъ собою не только переходъ права собственности, но и другихъ правъ на имущества, каковы: наемъ имущества, личный наемъ и т. п.

Работникъ, предлагая свои услуги, прямо называетъ продажей ихъ.

277. Нанялся—продался, Д., т. е. продалъ свой трудъ, свою рабочую силу.

Часто также говорятъ „продалъ сѣнокосъ", т. е. траву нынѣшняго урожая.

Но юридическое различіе между указанными видами гражданскихъ сдѣлокъ несомнѣнно есть въ народномъ правосознаніи. Дѣло,

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1903, Февраль, стр. 243.

конечно, не въ словахъ, а въ юридической природѣ того или другаго института. Поэтому и подъ сдѣлкой купли-продажи должно разумѣть какъ такой договоръ, въ силу котораго одна сторона, называемая продавцомъ, обязывается передать въ собственность опредѣленное имущество, а другая сторона—покупатель или купецъ—уплатить за него выговоренную цѣну. Существенными условіями сдѣлки являются, слѣдовательно, вещь и цѣна. Ясное и опредѣленное понятіе о сдѣлкѣ купли-продажи даютъ слѣдующія пословицы.

278. Что далъ, то и взялъ. Д.
279. Хоть въ отгонъ, хоть на убой, лишь деньги подай. Д.

Предметомъ купли-продажи могутъ быть движимыя и недвижимыя вещи. Въ моментъ продажи предметъ долженъ быть обособленною частью физическаго міра. Сдѣлка о несуществующей въ оборотѣ вещи не будетъ куплей-продажей.

280. Медвѣдя не убили, а ужъ шкуру продаютъ. Х.

Покупаемая вещь должна быть собственностью продавца, чтобы продавецъ могъ ею распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Неимѣніе этого свойства въ лицѣ продавца поражаетъ дѣйствительность самой сдѣлки.

281. Радъ бы душой, да хлѣбъ—отъ чужой. Д.
282. Отдай мое, а со своимъ, какъ знаешь. Д.
283. Чужое продать—своимъ доплатить. Д.
284. Съ чужого коня середь грязи долой. Д.

Отвѣтственность падаетъ на покупщика, у котораго отбирается купленная вещь настоящимъ собственникомъ.

Покупка завѣдомо краденой вещи считается преступленіемъ.

285. Не тотъ воръ воруетъ, а кто краденое покупаетъ. Д.

Что же касается покупки по незнанію краденой вещи, то краденое отбирается безденежно, а продавшему говорится

286. За знай бока намять (Обычн. право Е. И. Якушкина, вып. 2, № 2363).

Фраза „за знай", вѣроятно, отвѣтъ на оправданіе покупщика: „а развѣ я зналъ, что она краденая".

287. Съ чужого коня середь грязи долой. Д. [1])

Такимъ образомъ, пословицы съ полною ясностью отвергаютъ дѣйствительность купли чужой вещи, а въ частности краденой. Обрат-

[1]) Въ московскомъ правѣ купившій краденую вещь подвергался опасности не только ее потерять, но и быть привлеченнымъ къ суду за участіе въ кражѣ или утайкѣ краденаго. См. Суд. цар. ст. 93—95; улож. XXI, 64—65.

но, слѣдовательно, будетъ недѣйствительною продажа чужой вещи, а особенно краденой, и потерпѣвшій можетъ обратиться съ искомъ объ убыткахъ противъ продавца чужой вещи или краденой. Должно быть, въ жизни подобные случаи бывали нерѣдки и сильно волновали народное правосознаніе, почему и пословицы во избѣжаніе разныхъ конфликтовъ съ особенной настойчивостью убѣждаютъ не покупать и не продавать чужаго, даже не держать.

288. Лучше свое отдать, нежели чужое взять. Д.

289. Братъ не братъ, да кафтанъ—отъ тебѣ не братъ (купленъ краденый). Д.

290. Чужого не продавай. Д.

291. Взято не для кражи, а для тайной продажи. Д,

292. Ѣшь хоть рѣпу вмѣсто ржи, а чужого не держи (хоть натурой, хоть обмѣномъ на цѣнность).

Слово „держать“ въ народномъ пониманіи имѣетъ двоякое значеніе: въ смыслѣ фактическаго держанія вещи (detentio) и въ смыслѣ пользованія, т. е. извлеченія изъ нея плодовъ, употребленія ея въ дѣло путемъ уничтоженія ея экономической цѣнности, даже обмѣна на какой-либо замѣнимый эквивалентъ цѣнности, словомъ то, что̀ у римскихъ юристовъ называется jus abutendi. Въ данномъ случаѣ, имѣя въ виду параллелизмъ мысли и аллитерацію стиха, нужно понять слово „держать“ въ смыслѣ пользованія вещью.

Перейдемъ теперь къ лицамъ, вступающимъ въ сдѣлку купли-продажи.

Помимо общихъ указаній вообще при совершеніи сдѣлокъ о дѣеспособности лицъ, вступающихъ въ договоръ, наличности ихъ, слѣдуетъ остановиться на куплѣ-продажѣ, учиненной въ нетрезвомъ видѣ или ночью.

293. Съ пьянымъ не вяжись—это уже обычная поговорка, а также

294. Пьяный, что малый. Д.

И дѣйствительно, какъ показываетъ практика волостныхъ судовъ, купленная у пьянаго вещь отбирается и возвращается хозяину, а деньги въ свою очередь возвращаются покупщику.

Запрещеніе совершать сдѣлку купли-продажи ночью исходитъ изъ понятія наличности продаваемой вещи передъ контрагентами, чтобы послѣдніе могли воочію убѣдиться въ пригодности вещи, а также и для того, что ночью можно легко продать краденое.

295. Русскій человѣкъ на̀ слово не вѣритъ, дай пощупать. Д.

296. Товаръ лицомъ кажутъ. Д.

Ночью же невозможно замѣтить всѣхъ недостатковъ покупаемой вещи [1]).

Соглашеніе сторонъ относительно купли-продажи совершается обыкновенно на словахъ. Но при этомъ самое соглашеніе обставляется различными торжественными дѣйствіями съ тою цѣлью, чтобы отдѣлить моментъ окончательнаго заключенія сдѣлки отъ предварительныхъ переговоровъ, ряды, какъ называются въ практикѣ обычнаго права эти переговоры. Признакомъ окончательнаго соглашенія сторонъ считается рукобитье, молитва, передача изъ полы въ полу подъ свиткой [2]), вычетъ за веревку или узду проданной лошади, „тюковица", какъ говорятъ [3]), хватанье за полу при нѣсколькихъ покупателяхъ [4]), копанье или жеребій.

297. Удержать деньги на поводъ. Д.

298. Шамшуры (узды) не ломать. Х.

299. Торговаться одному, а копаться всѣмъ (отъ обычая не перебивать другъ отъ друга цѣны, а, когда приторговано, метать жребій). Д.

300. Барышъ барышомъ, а могарычи даромъ. Д.

301. Хотя въ убытокъ продать, а могарычи пить. Д.

Молитва служитъ удостовѣреніемъ отсутствія обмана съ той и съ другой стороны; послѣ молитвы сдѣлка не можетъ быть нарушена, хотя бы за вещь и давали дороже.

302. А мы ужъ и Богу помолились,—говорятъ въ подобныхъ случаяхъ.

Часто служитъ заключеніемъ договора дача задатка или удержаніе вещи.

303. Я ужъ и задатокъ далъ, неловко отступиться. Х.

304. Лапа въ лапу, а задатокъ въ лавку. Д.

Немаловажное значеніе для заключенія договора купли-продажи имѣютъ могарычи, литки, „обмыть копыта" и т. п. Объ этомъ, а также о силѣ ряды въ договорахъ, говорилось въ главѣ о сдѣлкахъ. Случается, что послѣ окончательнаго соглашенія одна изъ сторонъ отказывается отъ исполненія договора, но такой отказъ допускается лишь до времени передачи вещи. Послѣдствіемъ отказа бываетъ лишеніе задатка или взысканіе расхода на могарычи.

Что касается того, съ какого момента вещь становится собственностью покупателя, вопросъ рѣшается пословицами различно. Есть пословицы, гдѣ моментомъ перехода права собственности

---

[1]) См. Обычное право, вып. 2-й Е. И. Якушкина № 2363.

[2]) Ibid. № 1082.

[3]) Ibid. № 1179.

[4]) Ibid. № 1340.

на купленную вещь признается моментъ соглашенія сторонъ относительно вещи и цѣны.

305. Проданная скотинка—не своя животинка. Д.
306. Дойную корову со двора подоенной не водятъ. Дер.
307. Пропитая дочка не своя, а чужая. Д.

Пословицы очевидно передаютъ факты, когда проданная вещь еще не передана покупателю. И, дѣйствительно, часто случается, покупатель купитъ вещь, дастъ задатокъ и проситъ похранить или покормить (если покупка—животное).

308. Право больше торговли (честное слово). Д.

Очевидно, и здѣсь торговецъ связанъ договоромъ и уже не считаетъ юридически своею уступленную вещь, но еще находящуюся въ его вѣдѣніи.

Что касается другихъ условій, то ихъ, нужно замѣтить, довольно порядочно.

Такъ, самое главное условіе: вещь, подлежащая куплѣ-продажѣ, должна быть на лицо, чтобы покупатель могъ удостовѣриться въ ея доброкачественности и пригодности для покупателя. Продавецъ долженъ:

309. явить товаръ лицомъ,—потому что
310. русскій человѣкъ на слово не вѣритъ, дай пощупать.

Эта психологическая черта недовѣрчивости крестьянина и служитъ, главнымъ образомъ, причиной предъявленія товара лицомъ. Юридическое значеніе этого обычая таково. Если покупатель ошибся въ качествѣ вещи, договоръ имѣетъ силу, потому что

311. „на что и глаза даны, какъ не глядѣть". Х.
312. Твои деньги, твои глаза, гляди самъ, что покупаешь. Д.

При отсутствіи вещи въ моментъ соглашенія сторонъ иногда нѣтъ возможности пересказать всѣ свойства и качества предмета, хорошія и дурныя; между тѣмъ умолчаніе о какомъ-либо недостаткѣ можетъ быть истолковано въ смыслѣ злостнаго обмана, и сдѣлка должна быть признана недѣйствительной. Подцѣпокъ и придирокъ множество; въ виду этого пословицы прямо говорятъ, что продаваемая вещь должна быть на лицо.

313. Заочно торговать, по товарѣ горевать. XVII.
314. Товаръ лицомъ продаютъ. Д.
315. Товаръ лицомъ кажутъ. Д.
316. За очи только яйца торгуютъ. Д.
317. За очи не купятъ и яйца. XVIII.
318. За глаза только яйца торгуютъ, да и то болтуны живутъ. Д.

319. Заглазнаго купца кнутомъ бей. Д.
320. За глаза только калачъ купи: не поправится, только съѣшь. Д.
330. Покупатель въ лавкѣ все перевертѣлъ, все пересмотрѣлъ, экой пострѣлъ. X.
331. За очи коня не купятъ. XVII.
332. Чевò глазы не доглядишь, то мошною доплотишь. XVII.
333. Купилъ мужикъ корову, привелъ домой, сталъ доить, анъ явился быкъ, такъ тому и быть. Г. Б.
334. Не вѣрь брату родному, а вѣрь своему глазу кривому. Обнор.
335. По за очи кошку купить дѣлево (трудно). Архан.
336. Чалаго коня за рѣкою купи (т. е. не ощупавъ: чалые кони по повѣрью крѣпки). Д.

Совершеніе сдѣлки купли-продажи слагается обыкновенно изъ двухъ дѣйствій: предложенія и принятія предложенія.

Въ обычномъ правѣ эти дѣйствія носятъ названіе запроса и подачи; соединеніе того и другаго дѣйствія—рядой; ряда совершается не всегда въ одинъ пріемъ или моментъ. Въ первый разъ сдѣланное предложеніе можетъ быть не принято, но подвергнуто измѣненіямъ, которыя заявляются сторонѣ предложившей. Отъ нея снова можетъ послѣдовать измѣненіе условій. Такимъ образомъ окончательному соглашенію двухъ сторонъ можетъ предшествовать цѣлый рядъ переговоровъ, разрѣшаемыхъ въ формѣ вопроса и отвѣта. Запросъ и подача есть одинъ изъ моментовъ соглашенія сторонъ о цѣнѣ предмета.

337. Ты съ запросомъ, а я съ подачей. Д.
338. Продавцу воля, покупателю другая. Д.
339. У купца своя цѣна, у покупателя другая. Д.
340. Ваши деньги, нашъ товаръ. Д.
341. Твой запросъ, моя подача. Д.
342. У купца разсчетъ, у покупателя другой. Д.
343. Запросъ въ карманъ не лѣзетъ. Д.
344. Запросъ не бьетъ въ носъ. Д.
345. Проси много, а бери, что даютъ. Д.
346. Не запросъ корыстенъ, а подача. Д.
347. Товаръ подачу любитъ. XVII.
348. Запросу въ могилу не кладутъ. XVII.
349. Безъ запросу вдова товаръ. XVIII.
350. Запросъ въ подачѣ не воленъ. Д.

По отношенію къ нѣкоторымъ предметамъ одного соглашенія недостаточно, требуется еще согласіе другихъ лицъ, напр., въ отношеніи купли-продажи сельскихъ строеній, необходимо согласіе близкихъ лицъ.

Для доказательства высказаннаго мнѣнія нелишне привести

одинъ изъ характерныхъ разговоровъ, которые происходятъ при куплѣ-продажѣ. Приведенный отрывокъ можно назвать рядой, а по вопросамъ и отвѣтамъ—запросомъ и подачей. Дѣло идетъ о куплѣ-продажѣ срубовъ.

— „Продай, Петруха, струбы-ти...

— Мнѣ ихъ не въ соль солить, купи.

— Даванную бери и кресты на лобъ.

— Сказано: кумъ, такъ кумъ, а не то и робенка объ полъ (т. е. какъ назначена цѣна была раньше, такъ и покупай) — и то жалѣючи тебя сбавилъ.

— Жалѣлъ волкъ кобылу, оставилъ хвостъ да гриву. Кабы лѣсъ-отъ былъ чередный, а то, что ни дерево — все съ пижжурой (выплавъ сѣры), али съ паводкой (изогнутое). Ты бай толкомъ, али бабы боишься (жены).

— Чево баба, самъ изъ семи печей хлѣбъ ядалъ.

— Волкъ собаки не боится, да брюзгу не любитъ, замѣчаетъ кто-то въ сторонѣ.

— Бабу то за волосное да и въ земство можно, коли вякать будетъ (за косу, да и на расправу).

— Онъ бабу не балуетъ, частенько банки приставляетъ, да ломотный пластырь на затылокъ (бьетъ ее)“.

Иногда разговоръ заканчивается и такими словами:

„Нѣтъ, подожь, дай, бабу спрошаю, а не то браниться будетъ.

— Что баба, ты хозяинъ, а не она.

— Эка пара, брюзжать будетъ.

(См. Особенн. народн. говора Рыбин. у., ст. Н. О п — н а. Яросл. губ. вѣд. 1889 г.).

Изъ приведеннаго примѣра видно, что согласіе жены или семьи иногда имѣетъ довольно сильное значеніе для дѣйствительности сдѣлки.

Перейдемъ теперь къ вопросу о юридическихъ отношеніяхъ, возникающихъ изъ договора купли-продажи, о тѣхъ обязанностяхъ, которыя налагаются сдѣлкой на продавца и покупателя.

Обязанность продавца заключается въ передачѣ покупщику проданной вещи. Передача вещи, какъ уже не разъ было говорено, сопровождается извѣстнаго рода обрядностями: „изъ полы въ полу“, „изъ рукъ въ руки“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переданная вещь, напр., лошадь, по передачѣ обводится вокругъ новаго хозяина со словами:

351. Какъ старому хозяину служила, такъ и мнѣ служи“.

352. Лошадь безъ узды, а корову безъ подойника не продаютъ. Д.

Передача проданной вещи съ упомянутыми принадлежностями и обрядностями указываетъ на передачу вещи въ собственность, а не въ пользованіе.

Проданная вещь должна обладать надлежащими качествами согласно договору, но если покупщикъ при самомъ пріемѣ купленной вещи не оспаривалъ ея соотвѣтствія своимъ потребностямъ, то онъ лишается права впослѣдствіи предъявлять такой споръ.

353. Твои деньги, твои и глаза, не понравилось, не бери, а на торгъ не гнѣви. Д.

354. Купилъ мужикъ корову, привелъ домой, сталъ доить, анъ быкъ, видно такъ тому и быть. Д; Г. Б.

Обязанность покупателя заключается главнымъ образомъ въ уплатѣ сполна стоимости вещи согласно уговору.

355. Хоть въ отгонъ, хоть на убой, лишь деньги отдай. Д.

356. Базаръ любитъ деньгу. Д.

Остается сказать теперь о прекращеніи сдѣлки купли-продажи. Сдѣлка купля-продажа прекращается по исполненіи обязательствъ, лежавшихъ на продавцѣ и покупателѣ.

357. Мы съ нимъ розцелись, какъ водой разлились. Бусл.

358. Что далъ, то и взялъ. Д.

359. Сошлись, да разочлись, такъ ни съ чѣмъ и разошлись. Д.

Дареніе.

Если понимать подъ дареніемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ всякое безвозмездное предоставленіе какой-либо выгоды, то можно подвести подъ этотъ видъ сдѣлки и понятіе ссуды, и безпроцентный заемъ, и прощеніе долга, словомъ, всѣ сдѣлки, по которымъ одна сторона получаетъ безмездно какія-либо выгоды, а другая соотвѣтственно этому теряетъ. Но всѣ эти сдѣлки имѣютъ самостоятельное значеніе, поэтому дареніемъ въ тѣсномъ смыслѣ будетъ такая безвозмездная сдѣлка, которая направлена на отчужденіе имущества, особенно на перенесеніе правъ собственности на одаряемое лицо. Дареніе противоположно куплѣ-продажѣ.

360. Даръ—не купля. Д.

Дареніе есть прежде всего сдѣлка. Для осуществленія юридическаго акта требуется наличность воли одаряемаго, согласіе принять даръ. Безъ этого условія сдѣлка теряетъ свою силу.

361. Пусть полюбится кому, а я и даромъ не возьму. Ерш. изъ Конька-Горбунька.

362. Хорошъ, стоитъ черту подарить, только незнакомому, а то назадъ пришлетъ. Бусл.

Дареніе есть сдѣлка безвозмездная.

363. Даръ—не купля. Д.

364. Даръ—не купля; не хаятъ, а хвалятъ. Д.
365. Даровое лычко лучше купленнаго ремешка. Д.
366. Не пей, кума, дарового вина, придетъ дороже купленаго. Д.
367. Нынче даромъ (безмездно) только зуботычину возьмешь, а то все за деньги. Д.

Понятіе даренія нисколько не нарушается, если совершается дареніе въ виду какой-нибудь услуги.

368. Положа двѣ денежки на шапочку, да дядюшкѣ челомъ, а дядюшка самъ знаетъ о чемъ. Д.
369. Раззорился парень бѣдный: купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный. Д.
370. Подарки глаза запорашиваютъ. Д.
371. Знай, кому добро творишь, и кого за что даришь. Богд.

Даръ за услугу не слѣдуетъ смѣшивать со взяточничествомъ, „съ лихоиманнымъ даромъ". Правда, между тѣмъ и другимъ видомъ юридическихъ отношеній трудно провести точную и опредѣленную границу, покоящуюся на нравственномъ началѣ. Дареніе за услуги признается только въ такомъ случаѣ законнымъ, когда оно дается за справедливое оказаніе услуги или за такое, которое принято обычаемъ. Въ старину судья не получалъ жалованья, а кормился отъ подарковъ, приносимыхъ сторонами въ процессѣ. Соблазнъ представлялся большой. Дареніе могло быстро перейти въ лихоимство. Въ обычномъ правѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось обыкновеніе угощать волостныхъ судей или давать деньги поровну съ обѣихъ сторонъ въ процессѣ или съ одной виноватой стороны.

Если же подарки дѣлаются тайно, въ виду какихъ-либо корыстныхъ разсчетовъ, даръ становится лихоимствомъ. Въ виду такого близкаго соприкосновенія юридической природы того и другаго вида юридическихъ отношеній пословицы совѣтуютъ какъ можно осторожнѣе относиться къ дару за услуги.

372. Дары и премудрыхъ ослѣпляютъ. Г. Б.
373. Не всякій даръ бери въ амбаръ, дары и мудрыхъ ослѣпляютъ и часто въ сѣти уловляютъ. Богд.; Г. Б. [1]).

Не измѣняетъ характера даренія обычай давать при дареніи острой вещи какую-либо мелкую монету дарителю, такъ какъ послѣдняя не играетъ здѣсь роли эквивалента вещи.

374. Острыхъ вещей такъ не дарятъ. Д.

Обычному праву знакомо отдариваніе, какъ особый видъ даренія.

375. Подарки любятъ отдарки. Д.

---

[1]) Сравн. Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даровъ, ибо дары ослѣпляютъ глаза мудрыхъ и превращаютъ дѣло правыхъ (Второзак. VI, 19).

376. Подарки принимать, такъ отдариваться. Д.
377. Даръ дара ждетъ. Д.
378. Дать лычко, чтобы получить ремешокъ. Д.
379. Дары дарятъ, здарья хотятъ XVII.
380. Дари, чтобы съ прибылью было, и смотри, чтобы тебя слово не обольстило. Г. Б.
381. Даръ принялъ тотъ, кто достойному далъ. Г. Б.

Къ этому виду даренія слѣдуетъ отнести также угощеніе, пированіе о праздникахъ въ деревняхъ. Нужно замѣтить, хлѣбосольство у крестьянъ о праздникахъ носитъ, если можно такъ выразиться, юридическій характеръ. Угощается крестьянинъ постольку, поскольку самъ угощалъ. Точность и щепетильность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Пыщугская, Павинская, Хорошевская волости) доходитъ до того, что угостившій только пивомъ, имѣетъ право на угощеніе тоже только пивомъ, водки ему не поднесутъ, а тѣмъ болѣе не посадятъ за столъ. Пиво же крестьянинъ имѣетъ право требовать, что̀ не рѣдко и случается. Такое отношеніе въ угощеніи довольно ясно выражено въ слѣдующихъ пословицахъ.

382. Обѣдать въ гостяхъ и къ себѣ позвать. XVII.
383. Въ гости ходить и къ себѣ надо водить. Д.
384. Курочку щипли, да и свою за крылышко держи. Обнор.
385. Гостки любятъ отгостки, говорятъ въ Павинской вол. Никольск. у. Вологодск. губ. Х.

Что касается юридическихъ послѣдствій даренія, то изъ самаго существа даренія вытекаетъ, что со стороны, принявшей даръ, не можетъ быть спора о качествахъ подареннаго предмета, о его годности, такъ какъ дареніе есть сдѣлка безвозмездная. Пословицы по этому поводу высказываются довольно опредѣленно.

386. Даровому коню въ зубы не смотрятъ. XVII; 1790; 1822; Г. Б.; Д.
387. Даръ—не купля, не хаятъ, а хвалятъ. Д.
388. Давали убогому холстъ, а онъ говоритъ, толстъ, такъ сказали, поищи потоне. Богд.; Г. Б.

Другое послѣдствіе это то, что даръ не возвращается.

389. Что пошло въ люди, то и ушло, а назадъ нельзя взять. Х.

По вопросу о томъ, что̀ принимается за основаніе даренія, должно имѣть въ виду слѣдующее: въ сдѣлкахъ возмездныхъ цѣль понятна сама собой, а также и основаніе ихъ, безвозмездныхъ же основаніе можетъ быть различно въ каждомъ родѣ безвозмездной сдѣлки. Пословицы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ, что за основаніе даренія принимается любовь и расположеніе къ одаряемому лицу.

390. Кого люблю, того дарю. Г. Б.
391. Не дорогъ подарокъ, дорога любовь. Г. Б.; Д.
392. Отъ того, кто не милъ, и подарочекъ постылъ. Г. Б.; 1822.
393. Дарятъ—не корятъ. Д.
394. Любила, а ничего не подарила. Г. Б.
395. Дары и нечестиваго въ любовь приводятъ XVIII; 1790.
396. Кого любишь, того самъ даришь, а не любишь, и отъ него не примешь. Д.
397. Отъ мила куманька черепокъ да латки и то подарочекъ. Д.
398. Дома то я не голодъ, да подарокъ дорогъ. Д.
399. Дорогъ подарочекъ невыпрошенный. Д.
400. Кума не мила, и гостинцы постылы. Д.
401. Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь. Д.
402. Кого бранятъ, того ничѣмъ не дарятъ. 1779.
403. Для милаго дружка и сережка изъ ушка. 1779.
404. Отъ постылой кумы и подарки не милы. Сп.

Со стороны дарителя должны быть выполнены слѣдующія условія: не корить и не упрекать.

405. Дарятъ—не корятъ. Д.
406. Чѣмъ дарятъ, тѣмъ не корятъ. Д.
407. Чѣмъ корить, такъ лучше не дарить. Д.
408. Не успѣлъ подарить, да ужъ и давай корить. Х.
409. Не ты подарилъ, что закорилъ. Х.

Что касается самаго объекта даренія, то съ бытовой стороны тотъ предметъ чаще всего дарится, который не нуженъ самому дарителю.

410. Что не мило, то попу въ кадило. Д.
411. Охотно любятъ то дарить и уступать, что некуда самимъ дѣвать. Сн.; Г. Б.
412. Своякъ свояку подарилъ мертвую собаку. „Чтожъ, братъ она не лаетъ"? „Да она тебя давно знаетъ". Бусл.
413. На, тебѣ, небоже, что намъ не гоже. Д.

Не лишнее будетъ упомянуть здѣсь о такъ называемыхъ „необходимыхъ подаркахъ". Подъ этимъ названіемъ встрѣчается въ крестьянскомъ быту такой видъ даренія, когда въ силу обычая принято дѣлать подарки безъ всякаго опредѣленнаго мотива любви или расположенія.

Таковы дары роженицѣ „на зубокъ" [1]), „на крестины", „на крендели на орѣхи новорожденному [2]), дары на именинахъ „въ кашу" [3]). Кругъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ дарить,

[1]) См. Обычное право Е. И. Якушкина 2-й вып. №№ 874 и 904.
[2]) Ibid. № 2365.
[3]) Ibid. въ Пыщугской вол.

состоитъ или изъ всей общины (роженицѣ), родственниковъ (именины, крестины), приглашенныхъ (свадьба) или просто желающихъ посѣтить (на новоселье). Очевидно, здѣсь основаніемъ даренія служитъ не любовь и расположеніе лица къ одаряемому, а обычай. А, какъ извѣстно, чѣмъ древнѣе такой обычай, тѣмъ болѣе приближается онъ къ принудительной формѣ. Необходимые подарки несомнѣнно есть пережитокъ стариннаго обычая принимать имущественное участіе всею общиною въ важныхъ моментахъ жизни члена общины. Этотъ обычай нынѣ почти вездѣ начинаетъ исчезать [1]).

Остается сказать еще объ одномъ видѣ даренія—милостынѣ. Милостыней называется добровольное подаяніе въ пользу бѣднаго или бѣдныхъ. Признаками, квалифицирующими этотъ видъ даренія, являются: частное лицо, какъ даритель, и выгода одаряемому частному же лицу. Милостыня, какъ особый видъ даренія, издавна находилась подъ покровительствомъ религіи. Еще въ Ветхомъ завѣтѣ не разъ говорилось: „не ожесточи сердца твоего, не сожми руки твоей передъ нищимъ братомъ твоимъ (Второзаконіе XV—7). „Дающій нищему не оскудѣетъ,—говорилъ апостолъ Павелъ въ Новомъ завѣтѣ (1 Солун. VIII—27).

Основаніемъ милостыни служитъ любовь къ Богу, а не къ бѣдному, чему служитъ фраза просящихъ „ради Христа", т. е. ради любви ко Христу подай мнѣ что-нибудь Пословицы тоже останавливаютъ свое вниманіе на этомъ видѣ даренія.

---

[1]) Чтобы не быть голословнымъ въ приводимомъ взглядѣ на необходимые подарки, я считаю долгомъ сдѣлать маленькую выписку изъ соч. барона Герберштейна. Вотъ, что онъ писалъ въ своемъ трудѣ „Rerum moscoviticarum commentarii" въ 1556 году. „Въ приданое даются лошади, одежда, копья, скотъ, рабы и т. п. Приглашенные на свадьбу рѣдко дарятъ деньги, но посылаютъ невѣстѣ подарки, которые женихъ тщательно замѣчаетъ и откладываетъ. Послѣ свадьбы женихъ вынимаетъ ихъ по порядку и снова осматриваетъ: тѣ изъ нихъ, которые ему нравятся и кажутся годными къ употребленію, онъ посылаетъ на рынокъ и приказываетъ оцѣнить ихъ по одиночкѣ цѣновщикамъ, а всѣ остальные отсылаетъ каждому съ благодарностью. За тѣ, которые онъ удержалъ, въ продолженіе года онъ оплачиваетъ деньгами по цѣнѣ или какою-нибудь другою вещью равнаго достоинства. Если же кто-нибудь цѣнитъ свой подарокъ выше, тогда женихъ немедленно прибѣгаетъ къ присяжнымъ цѣновщикамъ и принуждаетъ хозяина вещи принять ихъ оцѣнку. Также, если женихъ не отблагодарилъ кого въ теченіе года или не возвратилъ подарка, то онъ обязанъ удовлетворить того вдвойнѣ". (Переводъ П. Анонимова, С.-Петербургъ, 1866 г.). Важно здѣсь указаніе на подарки и на отдарки, какъ на необходимую принадлежность вѣжливости, а не любви.

413. Дающаго рука да не оскудѣетъ. XVIII.
414. Помогай нищимъ. Д.
415. Приготовь домашнимъ пищу, а потомъ давай и нищимъ. Богд.
416. Наше счастье на мосту съ чашкой, кому подадутъ, и насъ не обойдутъ. Бусл.

Какъ и въ дареніи, здѣсь тоже предполагается согласіе одаряемаго, иначе милостыня не будетъ таковою.

417. Давали нищему холстъ, да сказалъ, толстъ, ну такъ поищи потоне. Бусл.

Съ другой стороны, какъ сдѣлка безвозмездная, милостыня требуетъ, чтобы одѣляемый принималъ все и о качествахъ предметовъ не разсуждалъ.

418. Агаѳонъ невольникъ, что ему дадутъ, то и возьметъ. XVII.
419. Быть попу въ уѣздѣ, имать ему и тѣстомъ. XVII.
420. На тебѣ небоже (убогій), что намъ негоже. Д.
421. Будь доволенъ малымъ кусомъ. X.

Милостыня, какъ и подарки, обратно не возвращаются.

422. Назадъ покойника не ворочаютъ. Д.

Ссуда.

Въ обычномъ правѣ ссуда часто смѣшивается съ займомъ, хотя имѣетъ и свои отличительные признаки. Такими отличительными признаками будутъ безвозмездность пользованія вещью и срочность этого пользованія. Ссуда часто поэтому называется „ссудою на подержаніе“ или просто подержаніемъ вещи“. Выходя изъ этихъ отличительныхъ признаковъ ссуды, можно сдѣлать такое опредѣленіе ея: ссудою называется такая сдѣлка, въ силу которой одно лицо уступаетъ свою вещь другому лицу безвозмездно во временное пользованіе. Слѣдовательно, вещь передается только въ пользованіе, въ держаніе, а не въ собственность, притомъ на опредѣленный срокъ.

И въ пословицахъ ссуда часто смѣшивается съ займомъ, вѣроятно въ виду ихъ исторической связи между собою.

423. Ссуды пишутся на желѣзной доскѣ, а долги на пескѣ. Г. Б.
424. Въ зиму шубы не занимаютъ. Д.
425. Тебя, другъ, ссудилъ при нуждѣ (хлѣбомъ, сѣменами), при нуждѣ и меня ты не оставь. Д.

Однако несмотря на смѣшеніе ссуды съ займомъ, пословицы указываютъ и отличительные признаки первой, именно, безвозмездность. Здѣсь ссуда носитъ техническое названіе „подержаніе“.

426. Ружья, жены и собаки на подержаніе не даютъ. Д.

427. Въ ссуду жена никогда не дается, а лошадь смотря по человѣку. Д.

Предметомъ ссуды могутъ быть всѣ движимыя вещи за исключеніемъ трехъ вышеприведенныхъ предметовъ: жены, собаки и ружья. По вопросу о юридическихъ отношеніяхъ между сторонами слѣдуетъ различать ссудодателя и ссудопринимателя. Можно сказать, всѣ тяжелыя обязанности ложатся на ссудопринимателя. Такъ, ссуда должна быть возвращена въ опредѣленный срокъ, а безъ указанія срока,—по первому требованію ссудодателя.

428. Ссуду отдай, а долгъ получай. Д.

Вещь должна быть возвращена въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получена.

За испорченную вещь отвѣчаетъ ссудоприниматель. Кто бы вещь ни утратилъ или испортилъ, отвѣтчикомъ является всегда ссудоприниматель. По этому случаю и говорится при заключеніи сдѣлки.

429. Тебѣ даю, ты и отвѣтчикъ. Дер.

Ссудоприниматель долженъ заботиться о вещи, какъ добрый хозяинъ о своей вещи, даже больше, чѣмъ о своей вещи.

430. Смотри, чужое береги паче своего. Дер.

За испорченную или изломанную вещь ссудоприниматель долженъ уплатить вещью или деньгами.

431. Взялъ лычко, а отдашь ремешокъ. Д.

Случаи ссуды довольно часты въ народномъ быту, на что указываютъ пословицы.

432. За что ни хватись, все въ люди покатись. Обнор.; Иваницк.

433. Какъ ни заниматься, а не миновать своимъ обзаводиться. Д.

434. Сходи, попроси у сосѣда мучицы, да солицы, сковородки, да сковородничка, подмазки, да подмазочка. Бусл.

Самая ссуда такъ характеризуется съ бытовой стороны.

435. Дать ссуда на вѣкъ остуда, а не дать только на часъ. XVII.

436. Друга ссужать, себѣ досаждать. XVII.

437. Мы же ссужаемъ, да мы же не угожаемъ. XVII.

438. Честный отказъ лучше оттяжки. Д.

Заемъ.

Въ противоположность ссудѣ займомъ будетъ такая сдѣлка, по которой одна сторона предоставляетъ другой въ собственность опредѣленное количество замѣнимыхъ вещей подъ условіемъ возврата вслѣдствіи такихъ же вещей. Изъ этого понятія вытекаетъ осно-

ваніе займа: передача замѣнимыхъ вещей въ собственность. Замѣнимыми вещами называются такія, которыя опредѣляются счетомъ, мѣрою и вѣсомъ. Нѣтъ нужды признавать предметомъ займа однѣ лишь деньги.

Исторія показываетъ, что рядомъ съ займомъ денегъ (заемныя кабалы) существовалъ заемъ и другихъ замѣнимыхъ вещей: хлѣба, меду и др. [1]).

Цѣль займа—пріобрѣсти право собственности на замѣнимыя вещи. На существованіе займа замѣнимыхъ вещей, а въ частности потребляемыхъ въ обычномъ правѣ, указываютъ и пословицы.

439. Хлѣбъ-соль заемное дѣло. Д.

Заемъ совершается передачей замѣняемыхъ вещей при свидѣтеляхъ или безъ нихъ по словесному уговору, при чемъ наблюдается общее правило при совершеніи сдѣлокъ: не давать въ заемъ недѣеспособному, пьяному, а также богатому.

440. Знай толкъ, не давай пьяному въ долгъ. Д.
441. Богатѣе себя взаемъ не давай, такъ не сголтѣешь. XVII.
442. Сильнѣе себя (богаче) взаймы давать, добро потерять. Д. [2]).

Юридическія отношенія, вытекающія изъ займа, сводятся главнымъ образомъ къ обязанностямъ должника.

Должникъ обязанъ уплатить долгъ.

443. Умѣй взять, умѣй и отдать. Д.
444. Заемъ платить не бѣда. XVII.
445. Вошь, что заемный грошъ, спать долго не дастъ. XVII.
446. Будь даха, будь и взяха. Д.; Сн.
447. Не штука занять, штука отдать. Д.
448. Взяха любитъ даху. Д.
449. Не хитро взять, хитро отдать. Д.
450. Не думай взять, а думай отдать. Д.
451. Сколько ни занимать, а быть платить. Д.
452. Какъ ни вертись, а съ заимодавцемъ расплатись. Д.
453. Продай хоть ржи, а долгу не держи. Д.
454. Бери да помни. X. [3]).

О принудительной уплатѣ долга пословицы говорятъ слѣдующее.

456. Хоть и много де вѣрятъ, барышъ не хорошъ, какъ да въ семеры гости зовутъ на правежъ, гдѣ изволишь, бери, только вынь да положь. Богд.

---

[1]) См. улож. X, 246, а еще далѣе Русская Правда Кар. 47, 49—65.

[2]) Сравн. Не давай взаймы человѣку, который сильнѣе тебя (Сирах. VIII—15).

[3]) Сравн. Давай взаймы ближнему во время нужды и самъ въ свое время возвращай ближнему; твердо держи слово и будь вѣренъ ему (Сирах. XXIX, 2—3).

457. Хоть изъ ноги выломи, да подай. X.
458. Долгъ великая вина, кто чужое даромъ гложетъ, и ни судъ, ни старшина грѣхъ такой простить не можетъ. Г. Б.; Богд.

Срокъ по пословицамъ не имѣетъ существеннаго значенія въ сдѣлкѣ займа. Заемъ—не ссуда. Если въ сдѣлкѣ и упоминается о срокѣ, то этотъ срокъ всегда отсрочивается должникомъ въ силу фактической невозможности уплатить долгъ.

459. Безъ поджиду—не займы. Д.
460. Отдать взаймы—такъ подождать. Д.
461. Не таранти, дорогой, нынче годъ не такой: займы градомъ выбило. Д.
462. Пятница субботѣ повѣщала, чтобы суббота долги считала. Д.

Но эта пословица относится къ городамъ, гдѣ установленъ обычай уплачивать долги въ субботу за недѣлю по заборнымъ книжкамъ мелкимъ торговцамъ [1]).

Давность на сдѣлку займа не имѣетъ вліянія. Если и признается давность, то она не имѣетъ никакихъ объективныхъ признаковъ и потому за юридическое отношеніе признаваема быть не можетъ.

463. У долгу дологъ вѣкъ. Д.
464. Старый долгъ, да кто-жъ его помнитъ. Д.
465. Считай старый долгъ за находку. Д.
466. Коли взято давно, такъ и забыто оно. Д.

Обычное право не придерживается строго, чтобы заемщикъ отдалъ такую же замѣнимую вещь. Есть нѣкоторые виды займа, которые даются подъ работы.

467. Въ займы давать и ошурками брать. Д.
468. Въ займы давать и угольемъ брать. X.
469. Заниматься—самому продаться, т. е. идти въ работу за уплату долга. Д.

Было уже указываемо въ отдѣлѣ о сдѣлкахъ, что альтернатива допустима въ уплатѣ долга, при чемъ альтернатива принадлежитъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ самому должнику, а кредитору приходится только согласиться съ этимъ.

470. Не тотъ тужи, кто беретъ, а кто въ займы даетъ. Сн.
471. Поклоны за поклоны отвѣчай: кланялись тебѣ занимаючи, накланяешься собираючи. Д.
472. Большому барину товаръ отдай, а деньги послѣ. Д.
473. Въ займы деньги давать, что волка накормить. Д.
474. На заемъ память, на отдачу другая. Д.

---

[1]) Ср. Обычное право Е. И. Якушкина, вып. 2-й, № 2363.

475. Долги помнитъ не тотъ, кто беретъ, а кто даетъ. Д.

476. Долги собирать, что по міру идти, бери, что даютъ, да кланяйся. Д.

477. Въ долгъ давать, подъ гору метать, долги собирать, въ гору таскать. Д.

478. Старый долгъ собрать—что кладъ найти. Д.

479. Плутъ, кто беретъ, а глупъ, кто даетъ. Д.

Таково фактическое и юридическое положеніе заимодавца.

Теперь посмотримъ, каково положеніе должника.

480. Кто безъ долговъ, тотъ безтолковъ. Д.

481. Деньги въ мірѣ—не мякина, человѣкъ же не скотина, знаетъ деньгамъ господина. 1822; Сн.

482. У кого я деньги вижу, я своей души не слышу, все дѣлаю ему честь, пока деньги есть. Сн.

483. Беретъ, такъ кланяется, а возьметъ, такъ чванится. Д.

484. Когда деньги занимаетъ, тогда всегда у меня бываетъ; а заплатитъ—кругомъ обходитъ. Сн.

485. Займуетъ—ходитъ, а платить—такъ кругомъ обходитъ. 1790; 1822; Сн.; Д.

486. Что ни лучше баринъ, то хуже долги платитъ. Д.

487. Беретъ, такъ кланяется, а возьметъ, такъ чванится. Д.

488. У заемщика сокольи очи, у плательщика и вороньихъ нѣтъ. Д.

489. На заемъ память, на отдачу другая. Д.

490. Займуетъ, такъ сватушко, сватъ, а занялъ, такъ и чертъ не братъ. Д.

491. Займщикъ на конѣ ѣздитъ, а плательщикъ на свиньѣ. Д.

Далѣе, пословицы не мало останавливаются на послѣдствіяхъ заключенія сдѣлки займа. Съ бытовой стороны заемъ разрываетъ дружбу, порождаетъ ссору.

492. Въ долгъ давать, дружбу терять. 1822; Сн.; Д.

493. Дать другу въ долгъ, у недруга взять. 1822; Сн.

494. Не дать взаймы—остуда на время, а дать—ссора на вѣкъ. 1790; 1822; Сн.; Д.; 1770.

495. Дать ссуда—на вѣкъ остуда, а не дать, только на часъ. XVII.

496. Коли надоѣлъ человѣкъ, такъ дай ему въ займы. Д.

497. Друга ссужать, себѣ досаждать. XVII.

498. Съ кѣмъ знаться не хочешь, тому дай денегъ въ займы. Д.

499. Если хочешь врага нажить, такъ дай въ долгъ денегъ. Д.

500. Хочешь врага нажить, дай ему въ займы. Д.

501. Друга не теряй, денегъ не давай. Д. [1]).

Капиталъ въ займахъ не считается за деньги.

502. Въ копнахъ не сѣно, а въ долгахъ не деньги. 1770; 1822; Сн. и Д.

---

[1]) Ср. „Заимодавецъ лишился своихъ денегъ и безъ причины пріобрѣлъ себѣ врага (Сирах. XXIX, 8; 3—10).

503. Въ потравѣ не хлѣбъ, въ судѣ не вотчина, въ долгахъ не деньги. Д.
504. Въ приданомъ, въ ссудѣ да въ займахъ не деньги, а счеты. Д.
505. Въ займы деньги давать, что волка кормить. Д.

Уплата денегъ по займу считается тяжелою для должника обязанностью.

506. Легче брать, чѣмъ отдавать. Д.
507. Легче берется, да не такъ легко отдается. Сн.
508. Въ долгъ брать легко, а платить тяжело. Д.
509. Займуя смѣется, а платя долги—плачетъ. Сн.
510. Нѣтъ труднѣе: Богу молиться, родителей почитать, да долги отдавать. Д.

Долги, затѣмъ, причиняютъ должнику безпокойство и нравственную пытку.

511. Голодъ мучитъ, а долгъ крушитъ. Д.
512. Радъ будешь, какъ долгъ избудешь. 1770; 1822; Сн.; Д.
513. Заплатишь долгъ скорѣе, такъ будетъ прибыльнѣе. Д.
514. Заплатишь долгъ скорѣе, такъ будетъ веселѣе. 1770; 1822; Сн.; Д.
515. Долгъ не реветъ, а спать не даетъ. Д.
516. Долгъ есть тягостное бремя, отнимаетъ сонъ и время. 1822; Сн.
517. Долги сонъ разрываютъ, отъ нихъ вельможи не досыпаютъ. 1770; 1822; Сн.
518. Вошь, что заемный грошъ, спать долго не дастъ. Сн. и Д.

Долги подрываютъ благосостояніе должника.

519. Займомъ богатъ не будешь, а и послѣднее избудешь. 1822.
520. Займомъ богатъ не будешь. Сн.
521. Чужія деньги свои съѣдаютъ. Д.
522. Долги, что моль въ мѣху. Сн.; Д.
523. Должища, что печища: сколько не клади дровъ, все мало. Д.
524. Займы, что пучина: знаешь, когда поѣхалъ, не знаешь, когда пріѣхалъ. Д.
525. Тотъ въ нищіе пошелъ, на к[illegible] долгъ тяжелъ. 1770; 1822; Сн. и Д.
526. Отъ долговъ и въ подполье уходятъ. Д.
527. Нужда—мизгирь, заемщикъ, что муха. Д.

Неоплатные должники выставляются въ такомъ свѣтѣ.

528. Долженъ вѣкъ, а платежу нѣтъ. 1770; 1822; Сн.; Д.
529. Долженъ—не спорю, отдамъ не скоро, когда захочу, тогда и заплачу. Д.
530. Есть долгъ—не спорю, отдамъ—не скоро, а станешь докучать и во вѣки не видать. Д.
531. Заплатишь на томъ свѣтѣ угольками. Д.
532. Каждый волосъ въ долгу. Д.
533. Ѳилату всѣ Ѳилаты, которые деньгами богаты; онъ вѣрно пишетъ: деньги взяты, а платежу нѣтъ (а долженъ вѣчно безъ заплаты). Богд.
534. Дать въ займы безъ отдачи. Д.
535. Дай въ займы, да назадъ не проси. Д.

536. Пиши долгъ на двери, а получишь въ Твери. Сн.; Д.
537. Пиши долгъ на заборѣ, заборъ упадетъ и долгъ пропадетъ. Сн.
538. Что съ него возьмешь, развѣ клокъ волосъ. Х.

Неисправный платежъ по займу подрываетъ кредитъ должника.

539. Если извѣришься въ алтынѣ, то не повѣрятъ и въ рублѣ. Сн.
540. Если извѣришься въ рублѣ, то не повѣрятъ и въ алтынѣ. Сн.
541. Обманетъ на полтинѣ, не повѣрятъ и въ алтынѣ. Сн.

Отсюда житейское наставленіе, мораль, какъ выводъ изъ многовѣковаго горькаго опыта.

542. Въ займы брать—другихъ учить. Д.
543. Въ займы давать—себя казнить. Д.
544. Взявши, другихъ поучишь; отдавши, самъ въ науку пойдешь. Д.

Заемъ не есть строго личная сдѣлка. Обязательство по займу можетъ быть передано кредиторомъ другому лицу безъ согласія должника.

545. Займуетъ одинъ, а отдаетъ всѣмъ. Д.

Смерть не прекращаетъ обязательства, долгъ переходитъ на наслѣдника.

546. Долгъ—первый наслѣдникъ. Д.
547. Долгъ не ждетъ завѣщанія. Д.

Одно изъ главныхъ побочныхъ опредѣленій, присоединяемыхъ къ сдѣлкѣ займа, составляютъ проценты или „ростъ", какъ говорятъ обычно.

Въ древности проценты назывались „ростъ" и „рѣзъ". Названіе „рѣзъ" объясняется прибавкою на долговой биркѣ или рубежкѣ долговыхъ знаковъ, прибавляемыхъ къ капиталу изъ займа. До уложенія царя Алексѣя Михайловича законы то уничтожали проценты, то ограничивали ихъ величину (Іоаннъ IV), наконецъ уложеніе X гл. 255 статьею уничтожило всякіе проценты, вооружившись противъ нихъ исключительно съ религіозной точки зрѣнія [1]).

И теперь нерѣдко можно встрѣтить убѣжденіе крестьянъ, что проценты брать грѣхъ.

548. Кто беретъ проценты, тотъ продаетъ душу чорту. Дер. [2]).

---

[1]) А правити заемныя деньги по кабаламъ и по духовнымъ на заимщикахъ истцомъ истину, а росту на тѣ заемныя деньги не правити, потому что по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ росту на земныя деньги имати не велѣно (улож. X, 255). Сравн. въ Акт. истор. I, 47—48. Поученія Фотія псковскому духовенству.

[2]) Яркій типъ съ подобными взглядами кулака—міроѣда даетъ г. Астыревъ въ своемъ сочиненіи „Въ волостныхъ писаряхъ", стр. 211.

Отрицаніе процентовъ нашло себѣ почву въ религіозныхъ воззрѣніяхъ многихъ нашихъ сектъ: шалопутовъ [1]), штундистовъ [2]), и др. Однако это религіозное теченіе взгляда на проценты, даже санкціонированное верховною властью (московскимъ правомъ), не помѣшало рядомъ развиться огромнымъ процентамъ, превышающимъ самый долгъ чуть ли не въ три раза. О существованіи подобныхъ процентовъ говорятъ также и пословицы.

549. На рубль долгу, три полтины росту. Д. [3]).

Обязанность уплатить долгъ вмѣстѣ съ процентами видна изъ слѣдующихъ пословицъ.

550. Больше сроку, больше и росту. Д.
551. Лихву сбирать, тяжело вздыхать. Д.

Наемъ имущества.

О наймѣ имущества почти ничего нѣтъ въ пословицахъ. Есть указаніе, и то мимоходомъ, на одинъ видъ найма имущества, называемаго „постоемъ". Этимъ именемъ въ обычномъ правѣ называется наемъ квартиръ.

552. Постой! За постой-то деньги платятъ. Д.
553. Постой! За постой-то деньги берутъ. Обнор.

О наймѣ земельныхъ угодій встрѣчаются одни отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ врядъ ли можно составить какое-либо представленіе. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Пыщугская волость) аренда земли называется кортомою, кортомленьемъ.

554. Кортоми, не кортоми, а нѐ придется и на харчи.
555. Больше прохарчилъ, чѣмъ выкортомилъ. Х.

Есть еще историческія пословицы, относящіяся къ арендѣ земли крестьянами до прикрѣпленія ихъ къ землѣ.

556. Мужикъ болитъ и сохнетъ по Юрьевъ день. Бусл.
557. Крѣпки ряды Юрьевымъ днемъ. Бусл.
558. На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день. Бусл.
559. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день. Д.

---

[1]) Обычное право Е. И. Якушкина вып. 2-й, № 2316.
[2]) Ibid. № 1081.
[3]) Сравн. Е. И. Якушкина. Обычное право вып. 2-й, №№ 1241 и 1303 по 125%; № 1324 по 300% годовыхъ.

Обязательства, относящіяся къ личнымъ услугамъ.

Личный наемъ.

Различіе личнаго найма въ услуженіе (locatis conductis operarum) и для совершенія извѣстнаго дѣла (locatis conductis operis) въ старину имѣло существенное значеніе. Послѣдній видъ личнаго найма теперь обособился и выдѣлился въ особый договоръ подряда или заказа, на что указываетъ смѣшеніе пословицами словъ подряда и личнаго найма.

Первый видъ найма велъ къ кабальному холопству, о чемъ не мало встрѣчается указаній въ пословицахъ. Господствующая старинная форма этого договора была жилая запись на срочные годы и кабальная запись, а поводомъ къ сдѣлкѣ служила обыкновенно крайняя нужда, заставлявшая людей закладывать за долгъ свой личный трудъ, свою рабочую силу, свою личную свободу. Подобная практика въ продолженіе не одного столѣтія не могла, конечно, не отозваться на народномъ самосознаніи и на правовомъ воззрѣніи его на договоръ личнаго найма. Вглядитесь въ этотъ приведенный рядъ пословицъ и вы замѣтите, что существенной разницы во взглядахъ крестьянина XVII и XIX вѣка никакой нѣтъ.

По взгляду обычнаго права XVII столѣтія личный наемъ велъ къ кабалѣ.

560. Внизъ вода снесетъ, а вверхъ кабала свезетъ. XVII.
561. О томъ холопъ не тужитъ, что долго служитъ. XVII.
562. Давши кабалу, не тяжутся. Бусл.

Силою вещей и XIX—XX столѣтіяхъ положеніе наемщика не лучше обстоитъ: тотъ же холопъ, тотъ же рабъ у капитала въ рукахъ.

563. Нанялся—продался. Д.
564. Пошелъ въ рабы, рабски и твори. Д.
565. Тяни, не сдавай, свою бурлацку голову выкупай. Д.

Что касается условій совершенія договора личнаго найма, то слѣдуетъ остановиться на двухъ вопросахъ, а именно: о лицахъ, вступающихъ въ сдѣлку, и, затѣмъ, о формахъ совершенія сдѣлки.

Нанимать и наниматься можетъ всякій, кто имѣетъ надобность въ чужомъ трудѣ или кому нужно наняться. Возрастъ, какъ ограниченіе дѣеспособности лица, тутъ не при чемъ. Гораздо большую роль при договорѣ личнаго найма играетъ крестьянская семья. Семья по народному воззрѣнію есть хозяйственная единица, такъ

что трудъ отдѣльныхъ членовъ семьи не принадлежитъ имъ исключительно, а долженъ быть обращенъ на поддержку семьи.

Отсюда слѣдуетъ то, что глава семьи въ правѣ распорядиться трудомъ отдѣльныхъ членовъ семьи, т. е. отдавать въ работники, получать за нихъ деньги и т. д.

Договоръ личнаго найма обусловливается наличностью воли у наемщика. Разъ воля его не полноправна, наймитъ не можетъ ею распорядиться по своему усмотрѣнію: воля его нуждается въ дополненіи главы семьи.

566. Въ семьѣ жить—свою вольку надо подъ лавкой держать. Д.

Договоръ личнаго найма предполагаетъ цѣлый рядъ вступительныхъ моментовъ, каковы: запросъ, подача и ряда, какъ соединеніе обоихъ вмѣстѣ, т. е. при договорѣ личнаго найма совершаются тѣ же пріемы, тѣ же обрядности, что и при куплѣ-продажѣ: молитва, рукобитье, могарычъ, задатокъ.

Существенною частью сдѣлки личнаго найма является обозначеніе срока. Неокончательное соглашеніе о цѣнѣ нисколько не вліяетъ на дѣйствительность сдѣлки.

567. Рядой не вырядишь, такъ изъ платы не вымозжишь. Д.
568. Работой не выробишь, какъ рядой не вырядишь. Д.
569. Недоряжено—недоплачено. Д.
570. Языкомъ не вымелешь, такъ руками не вымолотишь. Д.
571. Служилъ весь вѣкъ за холщовый мѣхъ. Д.
572. Служилъ семь лѣтъ, а выслужилъ семь рѣпъ, да и тѣхъ нѣтъ. Д. [1]).
573. Служилъ три лѣты, а выслужилъ три рѣпы и красной ни одной. Г. Б. [2]).

Замѣтно и новое воззрѣніе, что наемъ есть возмездный договоръ.

574. Нынче за спасибо-то ничего вѣдь не дѣлаютъ, а прежде за спасибо мужикъ три года работалъ. Обнор.

Срокъ обыкновенно распадается на два вида: на общій срокъ при наймѣ для домашнихъ дѣлъ или на полевыя работы и на срокъ при окончаніи сдѣльной работы. Срокъ для перваго вида найма въ каждой мѣстности свой общепризнанный, такъ что неупоминаніе въ точности его въ договорѣ восполняется принятымъ обыкновеніемъ. Срокъ на сдѣльныя работы наоборотъ кончается съ исполненіемъ сдѣльной работы.

575. Мели, кривая, грошъ на полкѣ (т. е. заплатимъ при окончаніи работы). Иван.

---

[1]) Сравн. Улож. XX, 116.
[2]) Ср. Ак. отн. до юр. б. II, № 162.

Изъ договора личнаго найма вытекаютъ обязанности, какъ со стороны нанимателя, такъ и наймита.

Обязанности нанимателя сводятся къ слѣдующему.

I. Наниматель обязанъ по истеченіи срока личнаго найма уплатить деньги или условленный эквивалентъ цѣны.

576. Красны займы отдачею, а наймы уплатою. Д.

II. Наниматель обязанъ давать работнику одежду для ношенія, содержаніе, если въ договорѣ объ этомъ между сторонами было особое условіе.

577. Хоть овинъ гори, а молотильщиковъ корми. Д.

578. Ты, хозяинъ, самъ не ѣшь, а работника накорми. Дер.

579. Работникъ работаетъ плечо о плечо съ хозяиномъ, потому и садиться долженъ вмѣстѣ. Дер.

Работникъ и работница считаются даже какъ члены семьи: носятъ хозяйскую одежду, садятся за одинъ столъ.

580. Отъ сосѣда схоронюсь—работница увидитъ. Дер.

III. Хозяинъ не въ правѣ заставлять работника работать въ праздники.

581. Будень на хозяина, а праздникъ работай на мя,—говорятъ работники черезчуръ ретивому хозяину. Дер. [1]).

IV. Хозяинъ долженъ держать работника до окончанія срока и безъ уважительныхъ причинъ не въ правѣ разсчитывать его.

582. Крѣпки ряды Юрьевымъ днемъ. Бусл. [2]).

V. Хозяинъ не въ правѣ обременять работника работой; полевыя работы не могутъ быть выполняемы круглыхъ 24 часа, и днемъ, и ночью, но или только днемъ, или только ночью.

583. Солнышко садится, батракъ веселится. Бусл.

584. Солнышко за лѣсъ, работнику радость, а хозяинъ хоть въ петлю полѣзай. Обнор.

585. Солнышко пониже, солнышко пониже.
— Подоприко солнышко вилашками.
— Ой, какъ идетъ, такъ и иди. Х.

Обязанности работника сводятся къ слѣдующимъ условіямъ.

I. Работникъ долженъ выполнить всѣ тѣ условія, которыя выставлены были въ договорѣ личнаго найма.

586. Вошедши въ службу, терпи и нужу. Г. Б.

---

[1]) Вѣроятно передѣлка на народный языкъ четвертой заповѣди о субботнемъ днѣ.

[2]) По отношенію къ личному найму Юрьевъ день будетъ не вешній 23 апрѣля, а зимній 26 ноября, что во многихъ мѣстностяхъ служитъ днемъ разсчета работниковъ.

587. Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Д.

588. Рядись, не торопись, верши, не спѣши, дѣлай, не грѣши (дѣлай, не лѣнись). Иваницк.; Д.

II. Работникъ долженъ слушать хозяина, выполнять его приказанія.

589. Хозяинъ свиснулъ, а казакъ долженъ смыслить. Х.

590. Хозяинъ свиснулъ, а казакъ смыслитъ. Иваницк.

591. Хозяинъ въ полѣ работать, а мы подъ елью лежать (иронія надъ лѣнивымъ батракомъ). Обнор.

592. Работать до поту, выробить кабалу. Д.

III. Неисполненіе работникомъ выставленныхъ въ договорѣ условій влечетъ или прекращеніе договора, или вычетъ изъ наемной платы, какъ возмездіе за неисправность.

593. Кто вѣтромъ служитъ, тому дымомъ платятъ. Г. Б.

594. Гуляй, да время знай. Д.

595. Гуляй, а за прогулъ денежки подай. Х.

596. Ты будешь гулять, а я буду изъ ряды убавлять, такъ и сойдемся. Х.

597. Молодецъ, гуляй, да самъ себя знай. Д.

598. Гуляй, да дѣла не забывай. Д.

599. Гулять гуляй, да не загуливайся. Д.

Причиненіе вреда можетъ быть двоякаго рода: причиненіе убытковъ отъ неисполненія службы или похищеніе имущества во время найма. Послѣдній видъ такъ характеризуется съ бытовой стороны.

600. Нанялъ волка въ пастухи, и случились грѣхи. Х.

601. Нанялъ лису куръ стеречь, а она не могла ихъ уберечь. Х.

602. Пустилъ козла въ огородъ, а оказалось все пусто. Х.

603. Дешево волкъ нанимается, да отъ этого міръ разоряется. Х.

Какъ на особый видъ договора личнаго найма, слѣдуетъ обратить вниманіе на наемъ пастуха. Различіе между указанными видами личнаго найма заключается прежде всего въ субъектѣ нанимателя. Нанимателемъ является не физическое лицо, а юридическое, цѣлая община или даже общество. Срокъ здѣсь уже точно опредѣленъ, это

604. „съ вешняго Юрья и до самыхъ бѣлыхъ мухъ“, а

605. „снѣгу не будетъ и до заговѣнья (14 ноября) пропасетъ“. Дер.

„Пастушное“—плата за наемъ производится по раскладкѣ или съ головы скота.

Обязанности той и другой стороны сводятся къ выполненію условій, выговоренныхъ въ рядѣ.

Такъ, община, если было выговорено, должна кормить пастуха, давать ночлегъ, соблюдать въ этомъ отношеніи „череду“.

606. Нанимать пастуха, блюсти череду. Х.

По окончаніи срока община обязана уплатить слѣдуемыя деньги. Пастухъ имѣетъ требованіе не къ отдѣльнымъ личностямъ, а ко всей общинѣ, которая передъ нимъ отвѣчаетъ за неисправныхъ плательщиковъ.

607. Какъ у пастуха, у тебя вся деревня въ долгу. Бусл.
608. Въ пастухи наймемся, весь міръ въ долгу. Д.
609. Разживемся, въ пастухи наймемся—все село въ долгу. Дер.

Обязанность пастуха—слѣдить за скотиной. Пастухъ не въ правѣ по какимъ-либо соображеніямъ не взять въ стадо скотину лица, участвующаго въ его наймѣ.

610. Взялся стадо пасти, такъ паси и нашу коровку. Д.

Объ отвѣтственности за потерю головы изъ стада, о вознагражденіи потерпѣвшаго изъ наемной платы пастуха въ данномъ матеріалѣ не найдено никакихъ указаній.

За допущеніе поврежденія чужаго имущества скотомъ отвѣчаетъ хозяинъ скотины, пастухъ только несетъ штрафъ въ видѣ угощенія водкой.

611. Хлѣбъ за хлѣбъ, а за просторожу ведро вина. Д.

Есть еще одинъ видъ личнаго найма, который нигдѣ въ дѣйствующемъ правѣ не получилъ своей санкціи, но, что обычай глядитъ на него, какъ на сдѣлку, на договоръ, это несомнѣнно. Я говорю о наймѣ молельщиковъ, псалтырниковъ по деревнямъ при похоронахъ, наконецъ о наймѣ священнослужителей для требоисправленій. Что юридическій элементъ личнаго найма жизнь втиснула сюда, это очевидно. Такъ, тутъ есть на лицо соглашеніе двухъ воль, запросъ, подача, ряда, даже обезпеченіе обязательствъ (заклады полушубковъ при свадьбахъ въ Тульской и Костромской губ.) [1]).

Договорное значеніе религіозныхъ требоисправленій видно изъ слѣдующихъ пословицъ:

612. И роди—плати, и хорони-плати. Д.
613. Родись, крестись, женись, умирай, за все денежки подай. Д.
614. Кому тошно, а попу все въ мошню. XVII.
615. Кому убытокъ, а попу доходъ: съ живого и съ мертваго деретъ. Д.
616. Долги на кузнецѣ и попѣ не пропадутъ: кузнецъ закуетъ, а попъ замолитъ. О—нъ.

---

[1]) Не такъ давно крестьянинъ въ Павинской волости подавалъ искъ на священника о возвратѣ денегъ за недослуженіе „сорокоуста". Къ сожалѣнію, волостной судъ прошенія не принялъ.

617. Закажи сорокоустъ? - Да вѣдь дорого запросишь?—Приходи ко мнѣ, авось и сладимся—говоритъ священникъ крестьянину. Х. (Изъ сказки о попѣ Какофьѣ).

Въ нѣкоторыхъ селахъ дѣлается общее условіе, такъ называемый общественный договоръ прихожанъ со священникомъ, въ которомъ выставляется такса за требоисправленія, больше которой священникъ не долженъ брать.

Такіе договоры—обыкновенное явленіе въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губ., гдѣ почти большинство священнослужителей содержится на средства одного прихода.

При наймѣ на сдѣльныя работы одного лица нѣсколькими наблюдается очередь.

618. Кто первый пришелъ, первый и смололъ. Д.

619. Не попалъ въ свой чередъ, такъ не залѣзай впередъ. Мих.

Исключеніе дѣлается только для священнослужителей. Д.

620. Попу нѣтъ череды на мельницѣ. Д.

Подрядъ.

Подрядъ есть выродившійся въ особую форму договоръ личнаго найма для исполненія опредѣленнаго одного предпріятія.

Подрядъ и личный наемъ въ практикѣ постоянно смѣшиваются—отголосокъ старины, когда подрядомъ назывался личный наемъ для одного предпріятія. Для характеристики можно привести небольшой отрывокъ изъ ряды личнаго найма, гдѣ означенная сдѣлка названа подрядомъ.

— Микешка-то, баютъ, къ хозяину подрядился, ну, и артистъ же, 84 пробы петля.

— За то на дѣло цапокъ (ловокъ).

— Что и говорить? Оборотистый, какъ корова на льду. Онъ, баютъ, какъ жилъ у попа, такъ шлею увелъ, да изъ кузницы по путѣ лемехъ прикарманилъ.

— Одно слово, помнитъ одиннадцатую заповѣдь—„не зѣвай“.

Въ обычномъ словоупотребленіи слова „подрядиться“, „рядиться“—синонимы. Но если взглянуть на лицо, которое вступаетъ въ сдѣлки подряда, то можно замѣтить, что личное участіе въ трудѣ для этого лица вовсе не обязательно: оно является лишь посредникомъ между нанимателемъ и рабочими, отвѣтственнымъ за выполненіе предпріятія передъ нанимателемъ, и въ свою очередь является нанимателемъ отъ себя передъ рабочими. Такимъ образомъ выходитъ, что договоръ подряда слагается изъ двухъ договоровъ: между нанимателемъ и подрядчикомъ и между подрядчикомъ и рабочими.

Но такой видъ подряда не очень распространенъ въ народной массѣ. Въ крестьянскомъ быту подрядъ тѣсно примыкаетъ къ артели и даже сливается съ нею. Рабочіе, нанятые подрядчикомъ, вступаютъ, какъ полноправные члены артели, подрядчикъ лишь за веденіе общаго хода работъ выговариваетъ себѣ большую плату при получкѣ платежа.

Въ этомъ видѣ подрядъ имѣетъ особую отвѣтственность за порчу вещи: никто тутъ не отвѣчаетъ.

621. За работу никто не отвѣчаетъ, ни подрядчикъ, ни рабочій, а гляди хозяинъ въ оба. Дер.

За хлопоты по оборудованію дѣла подрядчикъ получаетъ большую долю сравнительно съ остальными рабочими.

622. Дѣловцу полтина, а нарядчику рубль. XVII. Г. Б.
623. Плотнику алтынъ, а нарядчику рубль. Г. Б.
624. Работнику гривна, а заставщику рубль. Бусл. Воронежск.

Артель.

Въ области обязательствъ совершенно особое явленіе представляютъ тѣ союзы, которымъ присвоено названіе товарищества или артели.

Къ сожалѣнію, для выясненія юридической природы того и другаго союза, ихъ компетенціи пословицы являются самымъ скуднымъ и неблагодарнымъ матеріаломъ. Весь матеріалъ можно свести къ тремъ пунктамъ: 1) о различіи между товариществомъ и артелью, 2) о управленіи артели и 3) о юридическихъ отношеніяхъ внутри артели.

Различіе между товариществомъ и артелью трудовой по пословицамъ заключается въ средствахъ, въ орудіи достиженія намѣченной цѣли.

Въ товариществѣ для достиженія цѣли требуется соединеніе матеріальныхъ средствъ, капитала, между тѣмъ для возникновенія артели требуется соединеніе личнаго труда безъ капитала.

Нужно замѣтить, пословицы довольно недружелюбно относятся къ товариществу, „къ складчинѣ“.

625. Въ супрядкѣ не пряжа, въ складчинѣ не торгъ. Д.
626. Въ складчинѣ торгъ—не барыши. Г. Б.
627. Въ складчинѣ не торгъ. Д.

Что касается артели, то пословицы касаются главнымъ образомъ управленія артели и юридическихъ отношеній внутри артели.

Во главѣ каждой артели, какова бы ни была ея цѣль, долженъ

стоять атаманъ или старшой, въ плотничьихъ артеляхъ—подрядчикъ.

628. Артель атаманомъ крѣпка. Г. Б.; Д.

629. Атаманомъ артель крѣпка. 1790.

630. По ватагѣ атаманъ, по овцамъ пастухъ. Д.

631. Не гонись за простымъ воромъ, а лови атамана. Д.

632. Безъ атамана дуванъ не дуванятъ (добычу, добытую личнымъ трудомъ). Д.

Есть еще одна пословица, касающаяся юридическихъ отношеній внутри артели, это о правѣ участія въ артельномъ совѣтѣ. Въ совѣтъ съ правомъ голоса можетъ только тотъ входить, кто имѣетъ долю въ прибыли артели.

Какъ извѣстно, внутри артели бываютъ лица не всѣ полноправныя. Таковы въ мурманскихъ артеляхъ „зуйки", въ биржевыхъ всѣ отписавшіеся за проступки или по болѣзни, работники и др.

633. Кому доли нѣтъ, того не принимаютъ въ совѣтъ. Д.

Обязательства изъ правонарушеній.

Обязательства могутъ возникать не только изъ сдѣлокъ, но изъ правонарушеній. Подъ правонарушеніемъ въ обширномъ смыслѣ называется всякое дѣйствіе или упущеніе, которымъ наносится ущербъ чужому праву.

Въ это понятіе можно включить: обязательства изъ неправаго владѣнія и пользованія, потрава, какъ квалифицированный видъ неправаго пользованія; обязательства изъ личныхъ обидъ и всѣ остальные случаи причиненія ущерба чужому имуществу и личности.

Изъ обязательствъ неправаго владѣнія больше всего пословицы останавливаются на присвоеніи чужой вещи и кражѣ.

По существу дѣла тотъ и другой видъ правонарушенія въ обычномъ правѣ носитъ скорѣе гражданскій характеръ, чѣмъ уголовный. Такъ, виновникъ долженъ прежде всего возвратить присвоенную или похищенную вещь; если вещь утрачена,—возвратить ея цѣнность.

Независимо отъ того иногда взыскиваются съ виновнаго „протори и убытки" или штрафъ.

634. Украдешь песчинку, заплатишь полтинку. Д.

635. Кто украдетъ коварно, тому будетъ накладно. 1770; 1822; Сн.

636. Укради сѣнинку, заплатишь холстинку. Х.

Уголовнымъ порядкомъ и самосудомъ судится воръ-ремесленникъ.

637. Село для дворовъ, а рель для воровъ. Д.

638. Сколько вору ни воровать, а висѣлицы не миновать. 1770; 1822; Д.
639. Дошелъ тать въ цѣль, ведутъ его на рель. Сн.
640. Гдѣ вора найдутъ, тамъ и бьютъ. Д.

Неправое завладѣніе съ насиліемъ.

641. Жаба у рака гнѣздо отняла. XVII.

Присвоеніе.

642. Вздумалъ, да взгадалъ, да съ чужаго барана овчину снялъ. 1822.
643. Екимъ плошина, куницу купилъ, а двѣ за пазуху забилъ XVII.
644. Взялъ на часъ, да и въ добрый часъ. Г. Б.

Неправое пользованіе.

645. Для того свинья запѣла, что чужого хлѣба поѣла. Д.

646. Виноватъ медвѣдь, что корову съѣлъ, а не права і корова, что за поля ходила. XVII.

647. Хоть и въ свой горохъ тычины тыкалъ, да бралъ въ чужомъ лѣсу тычины, такъ вышли въ дѣлѣ—скать причины: кто бралъ, съ горошкомъ горе мыкалъ. Богд.

648. Рѣпа да горохъ сѣются для воровъ. Обнор.

Потрава.

Несмотря на обиліе возникающихъ дѣлъ въ каждой волости о потравахъ, почти совсѣмъ нѣтъ пословицъ о юридическихъ отношеніяхъ, возникающихъ изъ этого рода правонарушеній.

Есть небольшое указаніе на то, что количество нанесеннаго ущерба должно быть возмѣщено этимъ же родомъ хлѣба или деньгами.

649. Хлѣбъ за хлѣбъ, а за просторожку ведро вина. Д.

Обязательство возмѣстить причиненный потравою ущербъ деньгами видно изъ слѣдующихъ пословицъ, трактующихъ о безнадежности полученія денегъ.

650. Въ потравѣ не хлѣбъ. Д.
651. Потрава не деньги. Д.
652. Тяжба—не деньги, а потрава не хлѣбъ. Сн.
653. По потравѣ не хлѣбъ, по суду не деньги. Сн.; Д.

654. Въ людяхъ не деньги, въ копнахъ не сѣно, въ потравѣ не хлѣбъ, а въ искѣ не корысть. Д.

Личныя обиды.

Нарушенія правъ личности не менѣе часты, чѣмъ нарушенія правъ имущественныхъ. Замѣчательно то, что большинство жалобъ по личнымъ обидамъ восходитъ на волостной судъ больше въ гражданскомъ порядкѣ — „уплатить столько-то гражданскаго безчестья", на что въ Павинской волости Вологодской губерніи сложилась даже пословица:

655. Рожу бить, за безчестье платить. Х.

Другіе виды причиненія ущерба.

656. Мельницу строить, за подтопъ отвѣчать. Д.

Многіе, вѣроятно, будутъ оспаривать научное значеніе юридическихъ пословицъ, находя ихъ сомнительнымъ матеріаломъ для серьезныхъ работъ; многіе, быть можетъ, взглянутъ на дѣло попроще и увидятъ въ пословицахъ кое-что заслуживающее вниманія для юриста-теоретика,—все, конечно, будетъ зависѣть отъ того, съ какой точки зрѣнія взглянетъ читатель на предлагаемое его вниманію сочиненіе. Но, подъ какимъ бы угломъ зрѣнія ни оцѣнивалъ читатель, можно надѣяться, что историко-юридическаго значенія за пословицами никто не будетъ отрицать.

Дѣло въ томъ, что обычное обязательственное право, какъ и всякое другое живое право, развивалось постепенно. Въ то время, когда еще не было писаннаго права, юридическія формулы и пословицы были единственнымъ памятникомъ обычно-правовыхъ институтовъ. Способность въ краткой и сжатой формѣ вбирать въ себя какъ можно больше содержанія сдѣлала пословицу любимой формой закрѣпленія накопленнаго и объективированнаго правоваго матеріала.

Съ эпохи раздѣленія права на устное и письменное, пословица стала любимой формой въ обычномъ устномъ правѣ. Это еще болѣе сблизило обычное право, какъ матеріалъ, и пословицу, какъ форму выраженія его. Можно думать, что пословица съ теченіемъ времени сдѣлалась наслѣдственной потребностью народа выражать свои взгляды на тотъ или другой правовой институтъ. Съ этой стороны пословицы заслуживаютъ полнаго вниманія. Помимо этого пословицы, какъ вѣрный отразитель развитія всего правоваго строя, закрѣпили въ народной памяти достаточно матеріала для изученія послѣдовательнаго развитія обязательственныхъ отношеній въ обычномъ правѣ. Въ виду этого на пословицы можно смотрѣть не только съ точки зрѣнія показателя современнаго обычнаго правоваго порядка, но и съ точки зрѣнія различныхъ наслоеній, переживаній въ немъ. Насколько та и другая цѣль достигнута въ этомъ сочиненіи, пусть выскажется читатель.

Перечень пословицъ, записанныхъ со словъ народа и не найденныхъ въ печатныхъ сборникахъ:

1. Хоть изъ ноги выломи, да подай.
2. Заимодавецъ—удавецъ.
3. Чуръ, съ разъемщика ничего.

4. Я тебя знаю, и ты меня знай, да мои денежки подай.
5. Не тащи пожитокъ, дай прежде умереть.
6. Что съ малаго возьмешь, развѣ горсть (клокъ) волосъ.
7. Не что возьмешь съ него (дурака).
8. Что съ дуракомъ подѣлаешь.
9. Вынуженый грѣхъ.
10. По неволѣ и Богъ проститъ.
11. Они ужъ и руки дали.
12. Ударили по рукамъ.
13. Понятчику да будетъ стыдно.
14. На міру подрались, на міру и помиримся.
15. Запили винцомъ и поцѣловались ладкомъ.
16. Пиши долгъ на стѣнѣ, а не поправится—смарай.
17. Дай справиться, отдамъ весь долгъ.
18. Я ужъ и задатокъ далъ, неловко отступиться.
19. Не докончишь постройку, платишь неустойку.
20. Онъ заложилъ послѣднія свои штанишки, а у бабы сарафанишко.
21. Заложилъ до нитки.
22. Кто за смерть поручится.
23. Чья скотина попалась, тотъ и отвѣчаетъ.
24. „Захватилъ, подавись ты".—Отдай мое, отдамъ и я твое.
25. Продай лукъ?—Купи.—Что стоитъ.—Мѣрка за мѣрку.
26. Какъ бы на грошъ пятаковъ намѣнять.
27. Чего глядѣлъ, гдѣ зѣнки то были, когда мѣняли.
28. Чуръ мѣнки—не розмѣнки.
29. Мѣнять ухо на ухо, рыло на рыло, башъ на башъ, такъ ничего же не дашь.
30. Нынче безъ придачи не мѣняютъ.
31. Нынче безъ придачи возьмешь четыре ноги клячи, да и тѣ надо за осѣкъ везти.
32. Новомѣнку нужно принять изъ полы и обвести вокругъ себя три раза.
33. Медвѣдя не убили, а ужъ шкуру продаютъ.
34. Шамшуры не ломать, (узды не снимать).
35. Покупатель въ лавкѣ все перевертѣлъ, все пересмотрѣлъ, экій постръ.
36. Не успѣлъ подарить, да ужъ давай корить.
37. Не ты подарилъ, что закорилъ.
38. Что пошло въ люди, то и ушло, а назадъ нельзя взять.
39. Будь доволенъ малымъ кусомъ.
40. Бери да помни.
41. Въ займы давать и угольями брать.
42. Кортоми, не кортоми, а не придется и на харчи.
43. Больше прохарчилъ, чѣмъ выкортомилъ.
44. Солнышко пониже, солнышко пониже. Эй, казакъ, подопри-ко солнышко вилашками.—Ой, какъ идетъ, такъ и иди.
45. Хозяинъ свиснулъ, а козакъ долженъ смыслить.
46. Гуляй, а за прогулъ денежки подай.

47. Ты будешь гулять, а я буду изъ платы убавлять, такъ и сойдемся.

48. Нанялъ волка въ пастухи, и случились грѣхи.

49. Нанялъ лису куръ стеречь, а она не могла ихъ уберечь.

50. Пустилъ козла въ огородъ, а оказалось пусто.

51. Дешево волкъ нанимается, да отъ этого міръ разоряется.

52. Закажи сорокоустъ? Да вѣдь дорого запросишь.—Приходи ко мнѣ, авось и сладимся (изъ сказки о Какофьѣ).

53. Рожу бить—за безчестье платить.

54. Не по годамъ считаютъ, а по ребрамъ.

55. Знай толкъ, и не давай малому въ долгъ.

56. Съ пьянымъ да съ малымъ не вяжись.

57. Пошелъ на тотъ свѣтъ и тяготы понесъ.

58. Нанимать пастуха—блюсти череду.

59. Укради сѣнинку, заплатишь холстинку.

Я. Кузнецовъ.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ УГОЛОВНЫМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1902 ГОДУ.

Составилъ **М. П. Шрамченко.**

(Продолженіе) [1].

I. Уставъ уголовнаго судопроизводства.

Ст. 7. Ноября 19. По дѣлу *Надеждина* и *Городецкаго.*

Привлеченіе къ имущественной отвѣтственности желѣзнодорожнаго общества въ порядкѣ уголовномъ, помимо его агентовъ, хотя и предоставлено усмотрѣнію потерпѣвшаго отъ преступленія, но можетъ имѣть мѣсто лишь при томъ условіи, если потерпѣвшее лицо до открытія по дѣлу судебнаго засѣданія опредѣлительно заявитъ, что оно обращаетъ искъ объ убыткахъ именно къ обществу желѣзной дороги. Привлеченіе же самимъ судомъ къ дѣлу желѣзнодорожнаго общества, въ качествѣ отвѣтчика, въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій поврежденіе здоровья при столкновеніи поѣздовъ заявляетъ при предварительномъ слѣдствіи искъ объ убыткахъ безъ категорическаго указанія, съ кого именно,—съ желѣзнодорожнаго общества или его агентовъ онъ проситъ взыскать эти убытки,—представляется неправильнымъ.

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст., Ноябрь 1902 г.

Ст. 33. Октября 15. По дѣлу *Бухмана*.

Въ тѣхъ случахъ, когда независимо отъ денежнаго взысканія на основаніи ст. 57^2 и 57^6 уст. о нак. отъ виновнаго отбирается незаконно срубленный лѣсъ, или, за ненахожденіемъ его, взыскивается его стоимость, или же, взамѣнъ отобранія незаконно срубленнаго лѣса или незаконно выкорчеванныхъ пней, либо корней, взыскивается во всякомъ случаѣ стоимость ихъ (прим. 4 къ ст. 57^8 уст. о нак.), дѣло подлежитъ разсмотрѣнію не мировыхъ, а общихъ судебныхъ мѣстъ, хотя бы самое взысканіе и не достигало 300 р., ибо въ означенныхъ случаяхъ общая сумма взысканія и стоимость лѣснаго матеріала можетъ превышать 300 р.

Ст. 189. Ноября 19. По дѣлу наслѣдниковъ *Комаръ*.

Хотя въ рѣшеніи Общаго Собранія Правительствующаго Сената 1900 г. № 3 и было указано, что приговоры о взысканіяхъ, налагаемыхъ на основаніи ст. 158^1 уст. о нак., должны быть приводимы въ исполненіе въ томъ же порядкѣ, какъ и вообще приговоры по уголовнымъ дѣламъ, и хотя, вслѣдствіе этого, исполнительные листы на производство означенныхъ взысканій не могутъ быть выдаваемы лицамъ, въ пользу которыхъ взысканія эти присуждены, или ихъ повѣреннымъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что ходатайства взыскателей о порученіи исполненія приговора судебному приставу должны быть отклоняемы во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ. Мировой судья и съѣздъ, избирая по своему усмотрѣнію того или другаго исполнителя приговора (ст. 189), обязаны принимать при этомъ въ соображеніе не только возможность для исполнителя скорѣйшаго приведенія приговора въ исполненіе, но и интересы лицъ, въ пользу которыхъ взысканіе производится. А такъ какъ въ скорѣйшемъ производствѣ взысканій, опредѣленныхъ по ст. 158^1 уст. о нак., заинтересованы исключительно лѣсовладѣльцы, то коль скоро сіи послѣдніе считаютъ болѣе для себя выгоднымъ или удобнымъ, или болѣе достигающимъ цѣли производство взысканій слѣдующихъ имъ суммъ чрезъ судебнаго пристава и заявляютъ ходатайство о порученіи ему исполненія приговора, мировыя установленія не имѣютъ законнаго основанія отказывать въ удовлетвореніи такого ходатайства.

Ст. 559 и 581. Ноября 19. По дѣлу *Надеждина* и *Городецкаго.*

Правило ст. 4 уст. гражд. суд. о постановленіи рѣшеній по искамъ не иначе, какъ по доставленіи отвѣтчикамъ возможности съ своей стороны представить возраженія и объясненія, всецѣло примѣнимо и къ искамъ гражданскимъ въ дѣлахъ уголовныхъ, такъ какъ правило это не только не находится въ противорѣчіи съ порядкомъ, установленнымъ для дѣлъ уголовныхъ, но и вполнѣ согласно съ принципомъ состязательности уголовнаго процесса, въ которомъ каждому участвующему въ дѣлѣ лицу предоставлена возможность представить объясненія и доказательства, участвовать въ допросѣ свидѣтелей, опровергать доводы и соображенія противной стороны, дѣлать замѣчанія по каждому дѣйствію, происходящему на судѣ (628, 629, 630, 631 и 632 ст. уст. уг. суд.), и принимать участіе въ судебныхъ преніяхъ (742 и 748 ст. уст. угол. суд.) и въ постановкѣ вопросовъ. Хотя въ приведенныхъ статьяхъ устава уголовнаго судопроизводства о гражданскихъ отвѣтчикахъ и не упоминается, но нѣтъ сомнѣнія, что, въ виду равноправности сторонъ, правами этими должны пользоваться наравнѣ съ гражданскими истцами и ихъ противники, привлеченные къ дѣлу въ качествѣ отвѣтчиковъ (въ данномъ случаѣ желѣзнодорожное общество), а для того, чтобы они воспользовались этими правами активнаго участія въ процессѣ или сознательно уклонились отъ этого участія, необходимо, чтобы судъ исполнилъ въ отношеніи этихъ гражданскихъ отвѣтчиковъ тѣ процессуальныя требованія, которыя установлены закономъ въ огражденіе правъ ихъ противниковъ, гражданскихъ истцовъ, а именно, примѣняясь къ 559 ст. уст. угол. суд., извѣстилъ ихъ о существѣ предъявленнаго къ нимъ гражданскаго иска, съ указаніемъ, кѣмъ именно искъ предъявленъ, и съ предоставленіемъ имъ права ходатайствовать о дополненіи списка свидѣтелей (560 ст. уст. угол. суд.), затѣмъ, по окончаніи приготовительныхъ къ суду распоряженій, имъ должна быть послана, на основаніи 581 ст. уст. угол. суд., повѣстка о вызовѣ въ судебное засѣданіе, назначенное для слушанія дѣла. Несоблюденіе же 559 и 581 ст. уст. угол. суд., нарушая равноправность сторонъ и лишая гражданскихъ отвѣтчиковъ возможности отвѣчать по иску, составляетъ существенное нарушеніе права судебной защиты.

Ст. 760. Ноября 5. По дѣлу *Дворкина-Кагановича* и *Граевскаго.*

Судъ, при постановкѣ на разрѣшеніе присяжныхъ вопроса о подложности передаточной надписи на векселѣ, обязанъ указывать,

въ чемъ именно заключалась эта подложность; одно же указаніе въ вопросѣ о подложности передаточной надписи, по своей неопредѣленности, не должно быть допускаемо.

II. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Ст. 29. Декабря 17. По дѣлу *Кузубова.*

Городская дума не въ правѣ издавать обязательныя постановленія, воспрещающія торговлю рыбою въ извѣстное время, такъ какъ въ законодательствѣ нашемъ нѣтъ общаго правила, коимъ предоставлялось бы подобное право общественнымъ управленіямъ, и въ особыхъ правилахъ о времени лова рыбы, установленныхъ закономъ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рѣкъ, также не содержится постановленія о торговлѣ рыбою въ запретное для лова время. Право городскихъ думъ устанавливать подобное воспрещеніе не можетъ быть обосновано и закономъ, специально говорящимъ о предметахъ, по коимъ думы могутъ издавать обязательныя постановленія, такъ какъ законъ этотъ (ст. 108 город. полож. Св. зак. т. II, изд. 1892 г.) преслѣдуетъ лишь цѣль обезпеченія правильности производства торговли съ внѣшней стороны, не касаясь самаго права торговцевъ на продажу тѣхъ или иныхъ предметовъ. Посему неисполненіе подобнаго обязательнаго постановленія городской думы не можетъ быть подводимо подъ дѣйствіе 29 ст.

Приложеніе къ ст. 57 (прим. 2). Сентября 30. *По общему вопросу.*

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣяніе виновнаго заключаетъ въ себѣ признаки одного изъ нарушеній, предусмотрѣнныхъ въ приложеніи къ ст. 57 (прим. 2) уст. о нак., виновный подлежитъ наказанію, въ семъ именно узаконеніи опредѣленномъ, и не можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности на основаніи 29 ст. уст. о нак., имѣющей примѣненіе только къ тѣмъ случаямъ неисполненія законныхъ распоряженій правительственныхъ властей и общественныхъ учрежденій, когда за данное нарушеніе не опредѣлено особаго наказанія въ томъ уставѣ.

Правило п. 8 прилож. къ ст. 57 (прим. 2) имѣетъ въ виду не всякое орудіе, употребляемое виновнымъ при недозволенной рыбной ловлѣ, но лишь такія орудія, которыя самимъ закономъ признаны вредными и которыхъ употребленіе воспрещено безусловно, т. е.,

хотя бы ловля производилась и въ дозволенное время и съ соблюденіемъ прочихъ правилъ рыболовства. Къ такому заключенію приводитъ какъ буквальный смыслъ п. 8 правилъ, такъ и то обстоятельство, что по силѣ онаго отобранныя орудія не конфискуются, а уничтожаются.

Ст. 158[1]. Ноября 5. По дѣлу *Кедиса* и *Бомбловскаго.*

Денежныя взысканія, налагаемыя на основаніи ст. 158[1] уст. о нак. за порубки въ спорныхъ лѣсахъ, не могутъ быть замѣняемы арестомъ въ случаѣ несостоятельности присужденныхъ къ уплатѣ ихъ немедленно по обнаруженіи этой несостоятельности; замѣна эта возможна лишь тогда, когда споръ о правѣ собственности на спорный лѣсъ будетъ окончательно разрѣшенъ гражданскимъ судомъ, и должна имѣть мѣсто лишь въ отношеніи такого порубщика, которому въ искѣ о правѣ собственности на лѣсъ судомъ отказано.

III. Уложеніе о наказаніяхъ.

Ст. 131 и 132. Ноября 19. *По общему вопросу.*

Приговоры, постановленные мѣстнымъ начальствомъ въ Сибири въ порядкѣ формальной полицейской расправы (ст. 474 и 475 уст. о ссыльн.), имѣютъ одинаковое съ судебными приговорами значеніе при разрѣшеніи вопроса о повтореніи преступныхъ дѣяній.

Ст. 286. Ноября 5. По дѣлу *Абдулъ-Валіева.*

Состоящіе въ городахъ, гдѣ введено городовое положеніе, городскіе архитекторы принадлежатъ къ числу должностныхъ лицъ, состоящихъ на общественной службѣ, а потому оскорбленіе ихъ при исполненіи ими обязанностей службы или вслѣдствіе этого исполненія, подходитъ подъ дѣйствіе ст. 286 улож. о нак., при чемъ вопросы о томъ, занимаютъ ли эти лица должности по найму и какими пользуются служебными правами, никакого значенія не имѣютъ (рѣш. Уг. Кас. Деп. 1875 г. № 113, 1876 г. № 181 и др.).

Ст. 377. Сентября 30. По дѣлу *Клембортъ* и др.

Для примѣненія 377 ст. улож. наказ. къ соучастнику предусматриваемаго ею преступленія нѣтъ надобности устанавливать, что соучастникъ, содѣйствуя вымогательству, преслѣдовалъ исключительно

какія-либо личныя корыстныя цѣли; соучастникъ по данному преступленію долженъ содѣйствовать корыстнымъ дѣйствіямъ взяточника, но мотивомъ сего содѣйствія могутъ быть не только корысть, но и другія побужденія.

Ст. 380. Сентября 30. По дѣлу *Клемборта* и др.

Принадлежность лихоимства и мздоимства къ спеціальнымъ должностнымъ преступленіямъ не исключаетъ возможности наказуемаго участія въ сихъ преступленіяхъ частныхъ лицъ; уложеніе о наказаніяхъ нерѣдко признаетъ наказуемымъ соучастіе частныхъ лицъ и въ спеціальныхъ преступленіяхъ, опредѣляя за это отвѣтственность въ особыхъ законоположеніяхъ; такъ, напр., за подговоръ военныхъ чиновъ къ побѣгу и предоставленіе къ тому средствъ частныя лица подвергаются отвѣтственности по 531 ст. улож. о наказ.; въ V раздѣлѣ уложенія о наказаніяхъ, спеціально предусматривающемъ преступленія и проступки по службѣ государственной и общественной, помѣщены ст. 381 и 382, опредѣляющія отвѣтственность частныхъ лицъ за квалифицированное лиходательство. Равнымъ образомъ непримѣнимость къ соучастникамъ лихоимца нѣкоторыхъ служебныхъ наказаній, напр., налагаемаго 372 ст. улож. отрѣшенія отъ должности, не имѣетъ рѣшающаго значенія въ объемѣ и условіи примѣненія 380 ст. Само собою разумѣется, что особыя наказанія, опредѣленныя въ 65 ст. улож. для виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ государственной или общественной, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть примѣняемы къ виновнымъ, не признаннымъ должностными лицами, но въ числѣ наказаній, коими обложено взяточничество и вымогательство, только въ одной 372 ст. улож. положено отрѣшеніе отъ должности, однако вмѣстѣ съ тѣмъ ею опредѣлено и денежное взысканіе не свыше двойной цѣны подарка, а потому въ силу 147 ст. улож. и здѣсь не представляется затрудненія подвергнуть частное лицо, признанное виновнымъ по 380 и 372 ст. улож., одному денежному взысканію, опредѣленному въ послѣдней статьѣ.

Историческое же толкованіе ст. 380 улож. о нак. приводитъ къ тому заключенію, что подъ употребленнымъ въ ней выраженіемъ „содѣйствовавшими“ лихоимству и мздоимству должно понимать не только должностныхъ, но и частныхъ лицъ. Въ Св. зак. уголов. 1842 г. въ ст. 347, наравнѣ съ судьями и начальниками, значились какъ соучастники въ лихоимствѣ: „тѣ, которые въ учиненіи незаконныхъ поборовъ и повинностей и принятіи взятокъ имъ вспомо-

гали", „приниматели подарковъ вмѣсто другаго" и тѣ, „которые о томъ вѣдали, но не извѣстили, хотя бы то были подчиненные или собственные люди учинившихъ лихоимство". При изданіи уложенія о наказаніяхъ 1845 г. въ главѣ 6 „о лиходатайствѣ и лихоимствѣ" были помѣщены сначала постановленія о мздоимствѣ и лихоимствѣ должностныхъ лицъ (ст. 401—407), затѣмъ три статьи объ отвѣтственности соучастниковъ этихъ преступныхъ дѣяній, какъ служащихъ, такъ и не служащихъ (ст. 408, 409 и 410), а потомъ статьи 411, 412 и 413 о наказуемости лиходателей. При изданіи уложенія о наказаніяхъ въ 1866 г., на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 27 декабря 1865 г., были исключены постановленія о лиходателяхъ (ст. 411 и 412) главнымъ образомъ въ томъ соображеніи, „что такая отвѣтственность имѣетъ послѣдствіемъ невозможность изобличить самихъ взяточниковъ", но статьи объ отвѣтственности содѣйствовавшихъ взяточникамъ, а въ томъ числѣ и ст. 409 (нынѣ 380), остались безъ измѣненія. Такимъ образомъ отмѣна наказуемости простаго лиходательства никакого вліянія на объемъ и условія примѣненія 380 ст. имѣть не можетъ.

Выраженіе, употребленное въ 380 ст., о меньшей степени наказанія соучастниковъ не можетъ быть понимаемо буквально, ибо въ статьѣ этой сказано: „содѣйствовавшіе мздоимству или лихоимству подвергаются одинаковымъ съ ними (т. е. изобличенными въ мздоимствѣ или лихоимствѣ должностными лицами), хотя и въ меньшей степени, наказаніямъ, какъ сообщники въ ихъ преступленіяхъ, на основаніи постановленій статьи 119 сего уложенія". а въ ст. 119 улож. говорится, что „сообщники" „по мѣрѣ содѣйствія" „подлежатъ наказанію, за преступленіе закономъ положенному", и обязательное смягченіе на одну степень допускается только въ точно статьею 119 установленныхъ случаяхъ. Помянутое выраженіе ст. 380 не можетъ означать и того, чтобы судъ, при назначеніи мѣры отвѣтственности взяточникамъ и лицамъ имъ содѣйствовавшимъ, во всякомъ случаѣ, безотносительно ко всѣмъ прочимъ, сопровождавшимъ ихъ дѣятельность обстоятельствамъ, назначалъ соучастникамъ меньшую мѣру. Несомнѣнно, что при примѣненіи ст. 380 судъ не только можетъ, но и обязанъ принять во вниманіе всѣ указанныя въ уложеніи основанія для опредѣленія мѣры виновности и отвѣтственности каждаго подсудимаго, а въ частности, напр., и правила о возвышеніи наказаній при совокупности (ст. 152 по прод. 1902 г.), а посему можетъ назначить и соучастнику высшую

мѣру слѣдующаго по закону наказанія, если къ тому представятся основанія.

Ст. 511 и 515. Октября 15. По дѣлу *Вайнштейна* и др.

По 511 ст. улож. о нак. подлежатъ наказанію всякія обманныя дѣйствія, предпринятыя лицомъ, подлежащимъ отбытію воинской повинности, съ цѣлью уклоненія отъ таковой или для воспользованія льготами, по отбытію ему не принадлежащими, а на основаніи ст. 515 того же уложенія наказываются всѣ лица, которыя примутъ участіе въ совершеніи тѣхъ же обманныхъ дѣйствій, для содѣйствія уклоняющемуся въ достиженіи вышеозначенной цѣли, причемъ къ такому содѣйствію несомнѣнно принадлежитъ какъ явка за другое лицо къ отбыванію воинской повинности или подысканіе лицъ, являющихся за подлежащаго отбыванію повинности, такъ и подговоръ къ учиненію сихъ или иныхъ обманныхъ дѣйствій въ интересахъ уклоняющагося отъ повинности. Возрастъ лица, въ интересахъ котораго совершены воспрещенныя 511 ст. улож. о нак. обманныя дѣйствія, не имѣетъ существеннаго значенія для разрѣшенія вопроса о виновности или невиновности совершившаго тѣ дѣйствія.

IV. Уставъ таможенный.

Ст. 1563. Сентября 30. По дѣлу *Русецкаго.*

Точный смыслъ 1563 ст. уст. тамож. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что законъ этотъ, предусматривая сопротивленіе таможеннымъ чинамъ и оказаніе имъ помѣшательства въ отправленіи должности, имѣетъ въ виду такое противодѣйствіе, которое ставитъ таможенныхъ чиновъ въ невозможность исполнить лежащія на нихъ обязанности. Поэтому для наличности проступка, предусмотрѣннаго въ 1 ч. 1563 ст. уст. тамож., необходимо установить: 1) съ какою цѣлью и въ исполненіе какого именно постановленія тамож. уст. было предъявлено къ извѣстному лицу требованіе, на которое лицо это отвѣчало отказомъ, и 2) былъ ли этотъ отказъ такого свойства, что поставилъ таможенныхъ чиновъ въ невозможность исполнить ихъ обязанность по примѣненію къ провозимому предмету постановленій таможеннаго устава.

V. Уставъ о ссыльныхъ.

Ст. 437 и 438. Ноября 5. По дѣлу *Подойницына.*

Правила замѣны для ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ опредѣленныхъ имъ по уложенію наказаній наказаніями по уставу о ссыльныхъ строго разграничены статьями 437 и 438 этого устава и сохранили силу и съ отмѣною ссылки по закону 10 іюня 1900 г., ни въ чемъ не измѣнившему ни основаній, ни порядка примѣненія означенныхъ статей. По ст. 437 уст. о ссыльн. опредѣляется замѣна наказаній, отнесенныхъ по уложенію къ разряду уголовныхъ (ст. 16 и 17 улож.); а по 438 ст. того же устава— замѣна того рода изъ разряда исправительныхъ наказаній, которыя по уложенію подвергаютъ виновнаго заключенію въ исправительныя арестантскія отдѣленія (ст. 16 и отд. I ст. 30 улож.). Законъ 10 іюня 1900 г., отмѣнивъ одинъ изъ родовъ уголовныхъ наказаній, именно ссылку на поселеніе въ Сибирь (III отд. 17 и 20 ст. улож.), отчасти замѣнилъ ее новымъ наказаніемъ для опредѣленныхъ случаевъ, въ ст. 1 временныхъ правилъ перечисленныхъ, а для большинства преступленій, за которыя, по уложенію, наказаніе опредѣлялось по 20 ст., установилъ (2 ст. временныхъ правилъ) двѣ новыя степени уже существующаго въ уложеніи рода наказанія, заключающагося въ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Такимъ образомъ эти двѣ новыя степени наказаній (арестантскія отдѣленія на срокъ отъ 4 до 5 лѣтъ и отъ 5 до 6 лѣтъ) примкнули къ существующему разряду наказаній исправительныхъ (п. 1 отд. III лит. А закона 10 іюня 1900 г.) и, какъ таковыя, и должны быть разсматриваемы. Посему, напр., судъ, опредѣливъ ссыльно-поселенцу за преступленіе, предусмотрѣнное 1654 ст. улож. наказаніе, въ низшей мѣрѣ по 2 отд. 2 ст. временныхъ правилъ (арестантскія отдѣленія на 4 года), обязанъ замѣнить это исправительное наказаніе по правиламъ ст. 438, а не 437 уст. о ссыльныхъ.

VI. Временныя правила 13 мая 1896 г.

Ст. 58. Ноября 5. *По общему вопросу.*

Хотя въ продолженіи Свода законовъ т. XVI ч. 1 уст. угол. суд., въ раздѣлѣ седьмомъ о судопроизводствѣ въ губерніяхъ и областяхъ Сибири (ст. 1407—1449), постановленіе ст. 58 временныхъ правилъ 13 мая 1896 г. не включено, безъ означенія, однако, въ указателѣ, какимъ закономъ оно отмѣнено или замѣнено,

но такъ какъ объ отмѣнѣ означенной статьи временныхъ правилъ законодательнаго акта не послѣдовало, то она, согласно 72 и 73 ст. т. I зак. основ., должна почитаться сохранившею свою силу, а потому и должна быть примѣняема по дѣламъ о задержанныхъ въ Сибири бродягахъ. Отмѣна закономъ 10 іюня 1900 г. правилъ ст. 452 уст. о ссыл. и усиленіе наказаній, опредѣляемыхъ ст. 951 улож. наказ., не могутъ служить поводомъ къ признанію возникающихъ въ Сибири дѣлъ о бродягахъ подсудными мѣстнымъ окружнымъ судамъ, потому что какъ правила тѣ, по своему существу, подсудности дѣлъ о бродягахъ не опредѣляли, такъ и значеніе закона о наказаніяхъ, опредѣленія подсудности тѣхъ же дѣлъ не содержащаго, не можетъ измѣнять установленной законодательною властью подсудности ихъ, пока она не будетъ измѣнена тою же властью.

VII. Временныя правила о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, отъ 9 іюля 1889 г.

Декабря 17. По дѣлу *Саксона.*

По силѣ 1 ст. времен. правилъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами въ Прибалт. губ., положенія о крестьянахъ Лифляндской губ. 13 ноября 1860 г. (ст. 1070) и ст. 9 отд. III волост. суд. уст. (Собр. узак. 1889 г. № 78, ст. 674) крестьяне за учиненный ими въ волостномъ судѣ ложный доносъ судятся въ волостномъ судѣ.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1902 г.

Составилъ **Д. Д. Черновъ.**

(Продолженіе) [1].

А. Матеріальные гражданскіе законы.

а) Т. X ч. 1 Свод. зак. гражд.

Ст. 78.

108. Записаніе раскольничьяго брака въ полицейскую метрическую книгу является, по духу и смыслу закона 19 апрѣля 1874 года, не самымъ совершеніемъ брака, а только удостовѣреніемъ совершенія его. Поэтому бракъ, совершенный по вѣроученію раскольниковъ, но не внесенный въ метрическую книгу, не можетъ быть признанъ простымъ сожительствомъ, не имѣющимъ юридическаго значенія брака. Отсутствіе главнаго доказательства существованія такого брака (метрической записи) можетъ быть восполнено судомъ въ порядкѣ состязательнаго процесса, если судъ по разсмотрѣніи представленныхъ сторонами доказательствъ убѣдится въ наличности брака между раскольниками, заключеннаго по ихъ религіозному обряду [2]). Рѣш. № 69.

---

[1]) См. Журн. Мин. Юст., 1902 г., Декабрь, стр. 278—293.

[2]) Вопросъ разрѣшенъ Общимъ Собраніемъ I-го и Касс. Д—товъ.

Ст. 111, 1005, п. 10.

109. Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской жена имѣетъ право на имѣніе мужа, обремененное вѣновою записью, лишь въ той мѣрѣ, въ какой этимъ имѣніемъ обезпечивается ея приданое. Излишекъ стоимости имѣнія остается свободнымъ, и на него могутъ быть обращены взысканія личныхъ кредиторовъ мужа. Рѣш. № 78.

110. Сущность права жены на вѣновое имѣніе состоитъ въ томъ, что имѣніе это не можетъ подлежать продажѣ ни въ цѣломъ составѣ, ни въ части, безъ согласія жены,—пока ей (или ея наслѣдникамъ) не будетъ возвращено сполна приданое. „Отсюда слѣдуетъ, что если личные кредиторы мужа и могутъ обратить взысканіе на имѣніе мужа, обезпечивающее вѣновою записью приданое жены, то подвергнуть его продажѣ могутъ не прежде, какъ по взносѣ той суммы, въ обезпеченіе коей на то имѣніе выдана вѣновая запись". Тамъ же.

Ст. 698, прим. 2, прилож., ст. 7, 10, 11.

111. Законъ, объявляя недѣйствительными акты о переходѣ имѣній въ Западномъ краѣ вопреки ограничительнымъ законамъ 1864 и 1865 г.г., имѣетъ цѣлью устранять то положеніе вещей, въ силу котораго то или иное имѣніе находится въ обладаніи неправоспособнаго лица. Коль скоро, однако, такое положеніе прекратилось (напр., имѣніе, перешедшее вопреки закона къ поляку, отъ него перешло къ лицу русскаго происхожденія), то уже нѣтъ основанія къ уничтоженію незаконной сдѣлки, прекратившей свое дѣйствіе, ибо это вовсе не вызывалось бы государственнымъ интересомъ, въ охрану котораго изданъ законъ. Рѣш. № 87.

То же прилож., ст. 9.

112. Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1868 года положеніемъ Комитета Министровъ разъяснено, что ограниченія лицъ польскаго происхожденія въ правахъ на пріобрѣтеніе имѣній въ Западномъ краѣ относятся только къ *помѣщикамъ* и непримѣнимы къ мѣстнымъ крестьянамъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Это же правило должно соблюдаться и по отношенію къ такъ называемымъ „инструкціоннымъ" имѣніямъ (пріобрѣтеннымъ на основаніи инструкціи 23 іюля 1865 г.), а потому „установленное 26 ст. инструкціи воспрещеніе пріобрѣтать имѣнія и принимать ихъ въ залогъ, аренду и управленіе въ 9 западныхъ губерніяхъ не

относится къ мѣстнымъ крестьянамъ, хотя бы они были римско-католическаго вѣроисповѣданія, и изслѣдованіе о польской будто бы національности ихъ неумѣстно". Рѣш. № 85.

Ст. 1077, 1079.

113. Завѣщанія русскихъ подданныхъ, составленныя за границей по законамъ мѣста совершенія и касающіяся какъ недвижимаго, такъ и движимаго имущества, находящагося въ Россіи, должны быть во всякомъ случаѣ представлены въ установленный срокъ русскому суду для утвержденія къ исполненію. Соблюденіе обряда, установленнаго для завѣщаній иностраннымъ закономъ (напр., вскрытіе и описаніе завѣщанія судомъ по французскому закону), не можетъ замѣнить требуемой нашимъ закономъ формальности для того, чтобы завѣщаніе могло быть исполнено въ Россіи. Рѣш. № 84.

Ст. 1338, 1340.

114. Допускаемое ст. 1338 примѣненіе мусульманскихъ законовъ, устраняющее дѣйствіе по тому же предмету законовъ общеимперскихъ, слѣдуетъ понимать, какъ исключеніе, не подлежащее распространительному толкованію и ограниченное областью только *имущественно-наслѣдственныхъ* правоотношеній. Поэтому судъ при разрѣшеніи спора о наслѣдствѣ послѣ мусульманина не въ правѣ примѣнять постановленія шаріата о *лишеніи наслѣдственныхъ правъ* лицъ, отступившихъ отъ ислама и перешедшихъ въ какую-либо секту (напр., бабистовъ), потому что правила эти относятся не къ наслѣдственному, а *карательному* праву мусульманъ [1]). Рѣш. № 67.

Равнымъ образомъ не примѣнимы и *процессуальныя* нормы мусульманскаго права (напр., по вопросу о томъ, кто можетъ считаться достовѣрнымъ свидѣтелемъ для установленія тѣхъ или иныхъ фактовъ). Тамъ же.

---

[1]) Указанное правило содержится въ книгѣ „Хидуль"—о наказаніяхъ (Свода Шархи-Лумьи). Этотъ же принципъ уже проводился Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣш. 1884 г. № 119 (о непримѣнимости постановленій мусульманскаго права о *давности*) и 1900 г. № 41 (непримѣнимость нормъ *семейнаго* права объ оспариваніи законности рожденія).

Ст. 1529.

115. Въ рѣшенiи 1901 г. № 45 было установлено различiе между *мнимыми* и *притворными* сдѣлками (первыя—заключенныя только для виду, вторыя—прикрывающiя собою другую, дѣйствительно состоявшуюся сдѣлку). Мнимыя сдѣлки подлежатъ безусловному уничтоженiю, притворныя же—только въ томъ случаѣ, если онѣ преслѣдуютъ противозаконную цѣль (ст. 1529 т. X ч. 1). При этомъ подобныя сдѣлки могутъ быть уничтожены лишь постольку, поскольку того требуетъ нарушаемый ими законъ. Рѣш. № 87; см. тезисъ 111.

б) Гражданскiе законы губернiй Царства Польскаго.

Ипотечный уставъ, ст. 20, 29; (п. 6); гражданское уложенiе, ст. 205; законъ о привилегiяхъ и ипотекахъ, ст. 15.

116. Ипотечное начальство, при разсмотрѣнiи просьбы кредитора о внесенiи въ книгу законной ипотеки на имѣнiе должника, не имѣетъ права входить въ обсужденiе основательности обезпечиваемаго требованiя; равнымъ образомъ и должникъ можетъ возражать по существу такихъ требованiй лишь въ судебномъ порядкѣ, а не въ порядкѣ ипотечнаго производства. Такъ, напр., если жена требуетъ обезпеченiя на имѣнiи мужа своей претензiи, основанной на нотарiальномъ актѣ, удостовѣряющемъ уплату ею долга мужа, то ей не можетъ быть отказано по недоказанности того обстоятельства, что она уплатила долгъ мужа изъ своихъ средствъ. Рѣш. № 72.

в) **Сводъ гражданскихъ узаконенiй губернiй Прибалтiйскихъ.**

Ст. 1016.

117. Подъ „сплавщиками“ слѣдуетъ разумѣть не тѣхъ лицъ, которыя непосредственно занимаются сплавомъ лѣса (рабочiе), а хозяевъ сплавляемаго лѣса, которые извлекаютъ прибыль изъ этой операцiи и поэтому должны отвѣчать за убытки, причиненные прибрежнымъ собственникамъ. Правильность такого толкованiя подтверждается содержанiемъ ст. 3387 и 3392 Свода, въ силу коихъ прибрежный собственникъ имѣетъ право удержать въ закладъ, впредь до уплаты вознагражденiя, сплавляемый лѣсъ (а не имущество рабочихъ). Рѣш. № 74.

Ст. 1017.

118. Статью 1017 нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто въ Курляндіи только прибрежные собственники могутъ производить операцію сплава своего и чужаго лѣса; подъ „прибрежными собственниками" законъ разумѣетъ, очевидно, собственниковъ прибрежныхъ земель, на которыхъ срубленъ сплавляемый лѣсъ, при чемъ только такой лѣсъ и пользуется свободнымъ пропускомъ по рѣкѣ. Тамъ же.

г) **Общее положеніе о крестьянахъ** (Особ. прил. къ IX т. Св. зак. изд. 1902 г.).

Ст. 20.

119. Законъ 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ изданъ въ развитіе и дополненіе положенія 19 февраля 1861 г., а потому долженъ примѣняться и къ землямъ, поступившимъ въ собственность казаковъ и урядниковъ бывшаго Новороссійскаго казачьяго войска на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 декабря 1868 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта [1]). Рѣш. № 94.

120. Законъ, ограничивающій отчужденіе крестьянскихъ земель, преслѣдуетъ общегосударственные интересы, и соблюденіе его должно быть возложено на судебныя мѣста помимо указаній тяжущихся; напр., когда въ основаніе иска положена закладная, выданная на участокъ надѣльной земли, то судъ обязанъ по собственному почину возбудить вопросъ о ея недѣйствительности. Тамъ же.

д) **Законы межевые** (т. X ч. 2).

Ст. 933; уст. гражд. суд., прил. къ ст. 1400, ст. 1, 6—7.

121. Законъ говоритъ о судебно-межевомъ разбирательствѣ только въ дачахъ *общаго и чрезполоснаго владѣнія.* Между тѣмъ и при наличности въ дачѣ обособленнаго владѣнія, но безъ твердо опредѣленныхъ границъ, между владѣльцами могутъ происходить межевые споры (т. е. споры не о правѣ собственности на землю, а лишь о границахъ смежныхъ владѣній). Отсутствіе правилъ объ

---

[1]) Этимъ закономъ новороссійскіе казаки были перечислены въ крестьянское сословіе съ распространеніемъ на нихъ правилъ положенія 19 февраля 1861 года.

отграниченіи владѣній въ общей дачѣ составляетъ существенный недостатокъ, который долженъ быть восполненъ по общему смыслу закона (9 ст. уст. гражд. суд.). „Общій смыслъ закона о размежеваніи раскрывается тою цѣлью, которая имъ преслѣдуется, а именно, цѣль межеванія, по словамъ закона (ст. 1 и 933 зак. меж.), заключается въ утвержденіи спокойствія владѣльцевъ постановленіемъ правильныхъ и несомнѣнныхъ границъ поземельнаго владѣнія. Очевидно само собою, что этой же цѣли служатъ и правила судебно-межеваго разбирательства. Поэтому, если количество земли, причитающееся въ общей дачѣ каждому владѣльцу, внѣ спора, а между тѣмъ, вслѣдствіе необозначенія въ натурѣ границъ владѣнія, спокойное пользованіе имѣніемъ оказывается невозможнымъ, то единственнымъ средствомъ для совладѣльца достичь сего спокойствія,—чрезъ отмежеваніе своего владѣнія отъ прочихъ совладѣльцевъ,—представляется обращеніе къ суду, обязанному разрѣшить каждый гражданскій споръ (ст. 1 уст. гражд. суд.) и по судебно-межевому разбирательству установить пространство, мѣстность и границы владѣнія (рѣш. 1890 г. № 1)". Рѣш. № 75.

е) **Уставъ желѣзныхъ дорогъ** (т. XII, ч. 1).

Ст. 8, 50, 53; правила о срокахъ доставки грузовъ (Собр. узак. 1891 г. № 45).

122. Подъ товарнымъ движеніемъ *большой скорости* слѣдуетъ разумѣть перевозку грузовъ съ соблюденіемъ спеціальныхъ сроковъ и условій, установленныхъ „правилами о срокахъ доставки грузовъ", но нигдѣ въ законѣ не выражено, чтобы перевозка грузовъ большой скорости могла совершаться только въ пассажирскихъ поѣздахъ. Рѣш. № 82.

Ст. 60.

123. Установленный статьею 60 устава штрафъ съ грузоотправителя за неправильное обозначеніе груза имѣетъ характеръ карательный и потому можетъ быть взыскиваемъ лишь въ случаяхъ, точно въ этой статьѣ указанныхъ. Въ частности, штрафъ не подлежитъ взысканію: во-первыхъ, если допущенная отправителемъ невѣрность названія груза послужила въ ущербъ не желѣзной дорогѣ, а самому отправителю; во-вторыхъ, если невѣрность названія была результатомъ очевидной ошибки отправителя и могла быть легко усмотрѣна желѣзнодорожными агентами безъ особой провѣр-

ки [1]); въ-третьихъ, если неправильность не была обнаружена агентами дороги, а самъ отправитель, до сдачи груза, заявилъ дорогѣ о допущенной имъ ошибкѣ. Разумѣется, необходимо, чтобы заявленіе отправителя было *добровольное*, а не вынужденное, т. е. не было вызвано дѣйствіями агентовъ дороги, направленными къ производству повѣрки или изслѣдованія содержанія груза. Рѣш. № 86.

Ст. 68 примѣч.; списокъ дополнительныхъ сборовъ (Собр. узак. 1891 г. № 63), ст. 1, прим. 1.

124. Сборъ за станціонные расходы взимается желѣзной дорогой независимо отъ сборовъ за нагрузку и выгрузку и притомъ безразлично, произведена ли нагрузка и выгрузка средствами желѣзной дороги или хозяина груза. Рѣш. № 93.

Ст. 72 (78, 112).

125. Требованіе о возвратѣ перебора, уплаченнаго отправителемъ, можетъ быть заявлено только имъ, хотя бы между имъ и получателемъ существовало соглашеніе, въ силу коего первый внесъ деньги за провозъ по порученію или за счетъ послѣдняго. „Желѣзная дорога не можетъ выяснять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, за чей счетъ внесена провозная плата отправителемъ или получателемъ груза и кто изъ нихъ понесъ въ дѣйствительности ущербъ отъ перебора“. Не можетъ входить въ разсмотрѣніе этихъ обстоятельствъ и судъ при разрѣшеніи иска къ желѣзной дорогѣ о возвратѣ перебора, потому что нормы желѣзнодорожнаго права одинаково обязательны какъ для суда, такъ и для управленія дороги при разсмотрѣніи внѣсудебныхъ требованій. Рѣш. № 70.

Ст. 78, 112.

126. Предъявлять къ желѣзной дорогѣ требованія по договору перевозки можетъ только лицо, указанное въ ст. 78 и 112 уст., т. е. грузохозяинъ или его преемникъ. Поэтому страховое общество, уплатившее грузохозяину вознагражденіе за утраченный грузъ, можетъ требовать возмѣщенія съ виновной желѣзной дороги только въ томъ случаѣ, если ему надлежащимъ порядкомъ передана грузохозяиномъ накладная. Рѣш. № 90.

---

[1]) По постановленію совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ (утв. Мин. Пут. Сообщ. 16 декабря 1893 г., сборн. тарифовъ № 529) отправитель освобождается отъ штрафа, если неправильно наименованный грузъ перевозился *открыто*, безъ тары.

Ст. 78.

127. Передача грузо-получателемъ своихъ правъ по накладной другому лицу, какъ всякій письменный актъ (рѣш. 1901 г. № 88), требуетъ *подписи* лица, выдающаго актъ (ст. 919—921 зак. гражд.). Желѣзнодорожный уставъ указываетъ случай, когда дозволяется вмѣсто подписи употреблять штемпель съ обозначеніемъ имени и фамиліи; такъ, согласно 57 ст. (п. 13), отправитель груза можетъ замѣнить свою подпись на накладной наложеніемъ штемпеля; но уставъ не присвоиваетъ штемпелю общаго значенія, какъ замѣны подписи. Поэтому передача накладной при помощи штемпеля недѣйствительна. Рѣш. № 83.

Ст. 84; правила о продажѣ невостребованныхъ грузовъ, подверженныхъ скорой порчѣ (Собр. узак. 1889 г. № 99, 1892 г. № 77 1893 г. № 135).

128. По смыслу названныхъ правилъ, дорога не обязана посылать отправителю предварительнаго увѣдомленія о продажѣ невостребованнаго груза, относящагося къ числу подверженныхъ скорой порчѣ, кромѣ случая, указаннаго въ § 19 правилъ (а именно, если грузъ задержанъ въ пути вслѣдствіе перерыва сообщенія, то отправителю посылается увѣдомленіе по телеграфу). Рѣш. № 79.

Ст. 102.

129. Желѣзная дорога предполагается виновною въ поврежденіи груза, если несомнѣнно, что поврежденіе произошло *во время перевозки*. Что же касается того, дѣйствительно ли порча груза произошла въ періодъ времени отъ заключенія договора до выдачи груза, то доказать это обстоятельство, въ силу 366 ст. уст. гр. суд., долженъ истецъ, утверждающій, что грузъ принятъ къ перевозкѣ въ неповрежденномъ видѣ. Отсутствіе въ накладной оговорки о поврежденіи груза еще не доказываетъ, чтобы грузъ былъ дѣйствительно сданъ дорогѣ въ доброкачественномъ видѣ, потому что накладная составляется отправителемъ, и желѣзная дорога не обязана провѣрять содержанія груза для удостовѣренія въ его доброкачественности. Рѣш. № 80.

Ст. 102, 104, 110.

130. „Желѣзная дорога не освобождается отъ отвѣтственности и за внутреннюю порчу груза, обусловленную естественными его

свойствами, коль скоро такая порча была вызвана по винѣ или упущенію желѣзной дороги (рѣш. 1894 г. № 109). Между тѣмъ, къ числу упущеній, могущихъ вызвать внутреннюю порчу груза, несомнѣнно должно быть отнесено и промедленіе въ его доставкѣ", а потому дорога обязана отвѣчать и за внутреннюю порчу груза, вызванную, помимо его естественныхъ свойствъ, промедленіемъ въ его доставкѣ. Такимъ образомъ примѣненіе 110 ст. не исключаетъ возможности одновременнаго примѣненія ст. 102 устава. Рѣш. № 81.

Ст. 107.

131. При *частичномъ* поврежденіи груза получатель не имѣетъ права отказаться отъ принятія его и требовать вознагражденія въ размѣрѣ всей первоначальной стоимости груза; онъ имѣетъ право лишь на возмѣщеніе разности между стоимостью груза до и послѣ поврежденія [1]). Рѣш. № 81.

Ст. 110.

132. „По терминологіи, принятой въ уставѣ, подъ *провозною платою* разумѣется установленная тарифами плата, взимаемая въ пользу желѣзной дороги за перевозку груза соотвѣтственно пройденному имъ разстоянію"; прочіе же, такъ называемые *дополнительные сборы*, взимаемые дорогою за услуги, оказываемыя ею „сверхъ перевозки грузовъ" (прим. къ ст. 68), не причисляются къ провозной платѣ и не идутъ въ счетъ при исчисленіи вознагражденія за просрочку въ доставкѣ груза по 110 статьѣ. Рѣш. № 80.

Ст. 99, 116, п. 1, 131; уст. гражд. суд., ст. 658.

133. Требованіе дороги-отвѣтчицы о привлеченіи къ дѣлу (въ качествѣ третьихъ лицъ) дорогъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ нею въ перевозкѣ прямаго сообщенія, обязательно для суда и не можетъ быть отвергнуто, хотя бы судъ установилъ, что привлеченная истцомъ къ отвѣту дорога является единственно виновною въ причиненіи ему ущерба и что, слѣдовательно, привлеченіе другихъ дорогъ, за отсутствіемъ обратнаго требованія къ нимъ, было бы безцѣльнымъ [2]). Рѣш. № 95.

---

[1]) См. рѣш. 1902 г. № 41, тезисъ 62—64.

[2]) Грузъ отправленъ на станцію „Москва"—Курской ж. д., а въ дубликатѣ накладной станція назначенія ошибочно обозначена „Москва" Казанской ж. д. Грузохозяинъ предъявилъ требованіе къ дорогѣ отправленія (Рязанско-Уральской)

Ст. 119, 131; уст. гражд. суд., ст. 659, 660.

134. „Въ виду установленной закономъ солидарной отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, связанныхъ между собою передаточнымъ сообщеніемъ, и безусловной обязательности послѣдовавшаго по иску грузохозяина рѣшенія для всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу дорогъ, независимо отъ того, вступили ли онѣ въ дѣло или же не вступили, неявка въ судъ желѣзной дороги, привлеченной въ качествѣ третьяго лица, не можетъ лишить ее права принять участіе въ дѣлѣ при дальнѣйшемъ его производствѣ". Такъ, если привлеченная дорога не вступила въ дѣло до рѣшенія его первою инстанціей, то она имѣетъ право подать апелляцію, хотя бы дорога отвѣтчица подчинилась рѣшенію суда первой степени. Рѣш. № 92.

Ст. 135.

135. „Подъ исками о вознагражденіи за вредъ, причиненный при эксплоатаціи, законъ, очевидно, разумѣетъ не всѣ вообще иски объ убыткахъ, причиненныхъ *во время эксплоатаціи* дороги, а лишь тѣ изъ нихъ, которые *вытекаютъ изъ эксплоатаціонныхъ дѣйствій* желѣзной дороги и имѣютъ въ своей основѣ нарушеніе *спеціальныхъ правилъ*, регулирующихъ дѣятельность ея, какъ транспортнаго предпріятія". Наоборотъ, иски, вытекающіе изъ правоотношеній, нормируемыхъ общимъ гражданскимъ закономъ, хотя и касающихся эксплоатаціи дороги, не могутъ подходить подъ дѣйствіе 135 ст. устава. Поэтому искъ собственника земли о вознагражденіи за пользованіе его землею для постановки на ней снѣговыхъ защитъ,— какъ основанный на постановленіяхъ общихъ гражданскихъ законовъ (ст. 602 т. X ч. 1), погашается не годовою, а десятилѣтнею давностью. Рѣш. № 77.

о вознагражденіи за утрату груза, такъ какъ его не оказалось на ст. Москва Казанской ж. д. Окружный судъ присудилъ искъ и отказалъ дорогѣ въ привлеченіи третьяго лица—Московско-Курской ж. д. на томъ основаніи, что только дорога-отвѣтчица (Ряз.-Ур.), допустившая ошибку въ дубликатѣ, является виновною передъ грузохозяиномъ. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ нельзя говорить объ отсутствіи регресса, потому что Курская ж. д., получивъ невостребованный грузъ, могла продать его съ публичнаго торга и выручить извѣстную сумму, а Рязанско-Уральская дорога, уплативъ грузохозяину вознагражденіе, могла взыскать это послѣднее съ обогатившейся дороги (Курской).

ж) Уставъ о пошлинахъ (т. V).

Ст. 152; св. мѣстн. узак. губ. Прибалт., ст. 2348, 2351.

136. Переходъ имущества по смерти собственника къ учрежденному согласно его завѣщанію фидеикоммиссному фонду, какъ особому учрежденію, пріобрѣтающему права юридическаго лица съ утвержденія начальства (ст. 2351 Приб. узак.),—составляетъ *переходъ по наслѣдству* въ смыслѣ 152 ст. уст. пошл. и потому подлежитъ оплатѣ наслѣдственною пошлиною. Рѣш. № 71.

Ст. 153, п. 3.

137. „Подъ благотворительными учрежденіями разумѣются учрежденія, имѣющія цѣлью оказывать разнаго вида вспомоществованія болѣе или менѣе обширному, а не ограниченному кругу лицъ, находящихся въ нуждѣ". Поэтому образованный по завѣщанію частнаго лица *семейный фондъ* (см. предыдущій тезисъ) для вспомоществованія нуждающимся членамъ извѣстной фамиліи, ихъ слугамъ и вообще ограниченному кругу лицъ—не можетъ быть отнесенъ къ числу благотворительныхъ учрежденій, о которыхъ говорится въ 3 п. 153 ст. устава о пошлинахъ. Рѣш. № 71.

з) Уставъ кредитный (т. XI ч. 2), разд. X.

Ст. 77—120; уст. суд. торг., 552.

138. Законъ предусматриваетъ два вида ликвидаціонныхъ коммисій, учреждаемыхъ по дѣламъ частныхъ и общественныхъ кредитныхъ установленій и, въ томъ числѣ, обществъ взаимнаго кредита: коммисіи перваго рода учреждаются безъ объявленія общества несостоятельнымъ и даже при отсутствіи признаковъ несостоятельности, для прекращенія дѣлъ общества и удовлетворенія его кредиторовъ; коммисіи втораго рода учреждаются взамѣнъ конкурснаго управленія (по соглашенію Министра Финансовъ съ Министрами Юстиціи или Внутреннихъ Дѣлъ, ст. 120). Перваго рода коммисіи дѣйствуютъ исключительно отъ имени закрытаго кредитнаго установленія и представляютъ собою только послѣднее, но отнюдь не его кредиторовъ и должниковъ, которые по прежнему остаются посторонними, третьими лицами по отношенію къ коммисіи, и никакія дѣйствія послѣдней, нарушающія ихъ права, не могутъ считаться для нихъ обязательными. Напротивъ, коммиссіи втораго рода, какъ конкурсныя управленія, представляютъ собою и долж-

ника и кредиторовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда конкурсное управленіе дѣйствуетъ отъ имени кредиторовъ, защищая ихъ интересы, оно не можетъ считаться правопреемникомъ несостоятельнаго должника или учрежденной надъ нимъ (до объявленія несостоятельности) ликвидаціонной коммисіи перваго рода. Рѣш. № 88.

и) Уставъ Московскаго товарищества для ссуды подъ закладъ движимости, §§ 28, 44.

Зак. гражд., ст. 684, 687, 1676.

139. Правило объ отвѣтственности товарищества за цѣлость заложенныхъ вещей *въ суммѣ оцѣнки* (а не дѣйствительной стоимости) относится только къ случаямъ утраты вещей помимо вины товарищества и его агентовъ. Въ томъ же случаѣ, когда закладъ оказался утраченнымъ *по винѣ* агентовъ товарищества [1]), послѣднее обязано отвѣчать по общему закону (зак. гр., ст. 684, 1676) въ размѣрѣ причиненныхъ закладодателю убытковъ, т. е. въ размѣрѣ дѣйствительной стоимости утраченной вещи, а не въ размѣрѣ оцѣночной суммы. Оцѣнка, о которой говорится въ § 28 устава, имѣетъ значеніе только для опредѣленія размѣра ссуды и платы за храненіе. Рѣш. № 91.

Б. Процессуальные законы.

а) Уставъ гражданскаго судопроизводства.

Ст. 82^1—82^8.

140. Мировые судьи при разрѣшеніи просьбъ объ обезпеченіи доказательствъ не въ правѣ касаться вопроса о подсудности того иска, для котораго доказательства обезпечиваются. Въ частности, просьбы эти подвѣдомы мировымъ судьямъ и въ томъ случаѣ, если искъ подсуденъ коммерческому суду. Рѣш. № 73.

Ст. 585.

141. „По смыслу 585 ст., суду предоставляется право разрѣшать отводы какъ отдѣльными опредѣленіями, такъ и вмѣстѣ съ рѣшеніемъ дѣла по существу, *безъ всякой обязанности предупреждать о семъ тяжущихся*". Рѣш. № 67.

---

[1]) Напр., заложенныя вещи по ошибкѣ были выданы не закладодателю, а постороннему лицу.

Ст. 653, 80.

142. Для мировыхъ установленій необязательны формальности относительно привлеченія и вступленія въ дѣло третьихъ лицъ, установленныя въ ст. 653 и 663 уст. (рѣш. 1875 г. № 264, 1876 г. № 157, 1880 г. № 284 и др.); поэтому сторона въ правѣ заявить ходатайство о привлеченіи третьяго лица *не въ особомъ прошеніи*, а въ одной изъ судопроизводственныхъ бумагъ, напр., въ отзывѣ на заочное рѣшеніе. Рѣш. № 92.

Ст. 658—660.

143. Правила устава гражданскаго судопроизводства относительно привлеченія третьихъ лицъ не могутъ служить руководствомъ при разрѣшеніи желѣзнодорожныхъ дѣлъ, поскольку въ уставѣ желѣзныхъ дорогъ имѣются особыя постановленія по тому же предмету. Такъ, право суда по ст. 658 разрѣшать вопросъ о необходимости привлекать третье лицо ограничивается категорическимъ постановленіемъ 131 ст. уст. жел. дор. (см. тезисъ 133); значеніе неявки по вызову третьяго лица для его права дальнѣйшаго участія въ процессѣ (ст. 659 уст. гражд. суд.) также ослабляется въ виду 119 ст. желѣзнодорожнаго устава (тез. 134). Рѣш. №№ 92 и 95.

Ст. 683.

144. Подъ „издержками прежняго производства“ нельзя разумѣть вознагражденія за веденіе дѣла, ибо это вознагражденіе опредѣляется въ рѣшеніи и поэтому всегда относится не къ первому періоду процесса (до пріостановки), а къ послѣдующему (послѣ возобновленія). Отсюда слѣдуетъ, что тяжущіеся, не исполнившіе требованія 683 статьи, не лишаются права требовать другъ съ друга впослѣдствіи вознагражденія за веденіе дѣла.

145. Если дѣло было пріостановлено въ судебной палатѣ, то „прежнимъ производствомъ“ можетъ считаться только производство палаты, предшествующее пріостановкѣ, а не производство окружнаго суда. Рѣш. № 87.

Ст. 893.

146. Рѣшеніе суда входитъ въ законную силу вмѣстѣ съ соображеніями, на которыхъ оно основано [1]). Такъ, если судъ отка-

---

[1]) См. рѣш. 1883 г. № 123, 1880 г. № 161.

залъ истцу въ искѣ *по преждевременности*, признавъ, что право его на предъявленіе иска еще не возникло, то вмѣстѣ съ резолютивной частью этого рѣшенія входятъ въ законную силу и соображенія суда по вопросу о томъ, съ какого момента должно быть признано возникшимъ право на искъ. Вопросъ этотъ считается для даннаго дѣла окончательно рѣшеннымъ и не можетъ быть перерѣшенъ судомъ при вторичномъ разсмотрѣніи иска о томъ же предметѣ [1]). Рѣш. № 76.

Ст. 895.

147. Судебное рѣшеніе по дѣлу, въ которомъ участвовала ликвидаціонная коммисія общества взаимнаго кредита, учрежденная до обнаруженія несостоятельности общества, не обязательно для конкурснаго управленія, учрежденнаго по дѣламъ того же общества, признаннаго несостоятельнымъ. Рѣш. № 88; см. тезисъ 138.

Ст. 1292, 1293.

148. „Днемъ полученія казеннымъ управленіемъ копіи судебнаго рѣшенія можетъ считаться только тотъ, когда эта копія дѣйствительно получена въ казенномъ управленіи и тѣмъ самымъ поступила въ его распоряженіе. Такое положеніе отосланной судомъ бумаги наступаетъ съ фактическимъ принятіемъ ея лицомъ, уполномоченнымъ, по принятымъ въ данномъ казенномъ управленіи распорядкамъ, на принятіе вообще бумагъ, присылаемыхъ въ это управленіе, независимо отъ того или другаго наименованія этого лица“ (напр., пакетъ съ копіей рѣшенія могъ быть полученъ дежурнымъ сторожемъ подъ росписку). Затѣмъ никакія дѣйствія ка-

---

[1]) *Обстоятельства дѣла:* истецъ, выигравшій дѣло въ судебной палатѣ предъявилъ къ отвѣтчицѣ въ мировыхъ установленіяхъ искъ о судебныхъ издержкахъ. Мировой съѣздъ призналъ этотъ искъ преждевременнымъ въ виду того что отвѣтчица принесла на рѣшеніе палаты кассаціонную жалобу и до разрѣшенія дѣла Сенатомъ исполненіе рѣшенія палаты пріостановлено (слѣдовательно съѣздъ исчисляетъ срокъ по 921 ст. уст. со дня рѣшенія Сената). Затѣмъ, когда Сенатъ оставилъ жалобу отвѣтчицы безъ послѣдствій, истецъ вновь предъявилъ искъ о тѣхъ же издержкахъ, но окружный судъ (въ качествѣ второй инстанціи) отказалъ ему за пропускомъ давностнаго срока по 921 ст., исчисляя этотъ срокъ со дня рѣшенія палаты, а не Сената (какъ полагалъ съѣздъ). Хотя мнѣніе съѣзда по вопросу о срокѣ на предъявленіе иска и не можетъ считаться правильнымъ (рѣш. 1874 г. № 248), но въ силу принципа rei judicatae судъ при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла не могъ перерѣшать этого вопроса, хотя бы былъ иного мнѣнія.

зеннаго управленія, являющагося стороною въ дѣлѣ, не могутъ измѣнить процессуальнаго момента, съ котораго исчисляется срокъ на обжалованіе рѣшенія суда (ст. 1293). Поэтому день вскрытія чиновникомъ управленія пакета, содержащаго присланную изъ суда бумагу (ст. 89 общ. губ. учрежд.), имѣетъ лишь дѣлопроизводственное, но не процессуальное значеніе. Рѣш. № 68.

Ст. 1356[1].

149. Разсмотрѣнію суда подлежатъ иски о расторженіи раскольничьихъ браковъ, какъ записанныхъ, такъ и не записанныхъ въ полицейскія книги. Въ послѣднемъ случаѣ суду необходимо сначала удостовѣриться въ дѣйствительномъ существованіи брака (т. е. совершеніи его по религіозному обряду раскольниковъ при соблюденіи законныхъ условій) и такимъ образомъ „возвести его на степень законнаго брака", а затѣмъ уже приступить къ изслѣдованію поводовъ къ его расторженію (ст. 45 зак. гр.). Рѣш. № 69; см. тезисъ 108.

б) Уставъ судопроизводства торговаго.

Ст. 43, п. 4; зак. гражд., прилож. къ 420 ст. (прим. 2), ст. 1.

150. Авторъ литературнаго произведенія, издавая и продавая свое сочиненіе, дѣйствуетъ не въ качествѣ торговца или промышленника, а осуществляетъ свое право литературной собственности (рѣш. 1888 г. № 78). Въ виду сего договоръ автора съ книгопродавцемъ о коммисіонной продажѣ книги (напечатанной и изданной самимъ авторомъ) не можетъ быть отнесенъ къ числу сдѣлокъ *обоюдно-торговыхъ*, а потому и основанные на такомъ договорѣ иски не подсудны коммерческому суду [1]). Рѣш. № 89.

---

[1]) Практикою Гр. Касс. Деп. установлено, что для признанія спора подсудныхъ коммерческому суду необходимо, чтобы спорное правоотношеніе представлялось торговымъ для обѣихъ сторонъ (рѣш. 1884 г. № 69, 1882 г. № 23 и друг.).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Къ вопросу о Боярской Думѣ.

(По поводу новаго изданія сочиненія проф. В. О. Ключевскаго „Боярская Дума").

Недавно любителямъ отечественной исторіи былъ сдѣланъ цѣнный подарокъ: вышла третьимъ изданіемъ „Боярская Дума" В. О. Ключевскаго. Двадцать лѣтъ прошло со времени первыхъ двухъ изданій этой классической монографіи; книга давно уже сдѣлалась библіографическою рѣдкостью; за двадцать лѣтъ накопилось не мало новаго матеріала о Боярской Думѣ, при чемъ это учрежденіе встрѣтило оппозицію со стороны извѣстнаго историка русскаго права; и понятно, съ какимъ интересомъ были встрѣчены слухи о томъ, что готовится новое изданіе „Боярской Думы". Теперь эта славная книга снова стала доступной широкому кругу читателей и долго будетъ служить источникомъ умственныхъ наслажденій и размышленій „о судьбахъ своей родины".

Однако, надо отмѣтить, что, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія, книга проф. Ключевскаго появляется вновь въ среду своихъ многочисленныхъ почитателей почти не измѣнившейся. За исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ черточекъ, неизбѣжно наложенныхъ временемъ, „Боярская Дума" осталась все тою же, какою ее знали въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ текстъ книги авторъ внесъ очень мало измѣненій; примѣчанія освѣжены немногими новыми библіографическими указаніями; изслѣдованію не предпослано даже простаго предисловія, гдѣ эти измѣненія и дополненія были бы указаны, и читателю приходится устанавливать ихъ путемъ кро-

потливаго сличенія новаго изданія со старыми. Такая молчаливость автора, навѣрное, оставитъ чувство неудовлетворенности въ тѣхъ, кто ждалъ прочесть въ новомъ изданіи „Боярской Думы“ отвѣтъ маститаго историка его оппонентамъ, въ особенности проф. Сергѣевичу, который посвятилъ критикѣ „Боярской Думы“ много страницъ въ своихъ „Русскихъ Юридическихъ Древностяхъ“.

Можно было ожидать, что выраженные проф. Сергѣевичемъ рѣзко-отрицательные взгляды на Боярскую Думу тотчасъ вызовутъ основательныя возраженія; но случилось не такъ. Когда въ 1896 г. впервые появился трактатъ проф. Сергѣевича о Боярской Думѣ, онъ не встрѣтилъ въ печати сколько-нибудь обстоятельной научной оцѣнки. Изъ извѣстныхъ намъ пяти журнальныхъ рецензій [1]) только въ одной (Русское Богатство) сдѣлано нѣсколько вѣрныхъ критическихъ замѣчаній и возраженій автору, но, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣглыхъ, чтобы признать ихъ исчерпывающими. Остальныя же четыре ограничиваются общими похвальными отзывами, при чемъ изслѣдованіе проф. Сергѣевича, безъ дальнихъ разсужденій, объявляется „открытіемъ“, производящимъ „разгромъ“ господствовавшихъ прежде „неправильныхъ представленій о государственной думѣ древней Руси“. Естественно было ожидать, что ученые, спеціально изслѣдовавшіе вопросъ о Боярской Думѣ и развивавшіе упомянутыя „неправильныя представленія“, дадутъ солидную оцѣнку новаго сочиненія. Но и съ ихъ стороны, насколько извѣстно, новый выпускъ „Русскихъ Юридическихъ Древностей“ не вызвалъ полемики въ печати. Не встрѣтивъ серьезныхъ возраженій своевременно, проф. Сергѣевичъ изложилъ тѣ же взгляды (и съ бо̀льшей еще догматичностью) въ своихъ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по древней исторіи русскаго права“, а въ 1900 г. выпустилъ новое изданіе „Юридическихъ Древностей“, гдѣ трактатъ о Думѣ перепечатанъ безъ малѣйшихъ измѣненій съ изданія 1896 г. Вполнѣ возможно, что у сторонняго наблюдателя могло бы получиться такое впечатлѣніе, что сочиненіе проф. Сергѣевича, легко опровергнувъ заблужденія прежнихъ изслѣдователей, само является послѣднимъ и болѣе достовѣрнымъ словомъ русской исторической науки въ вопросѣ о Боярской Думѣ.

Мы ждали, что новое изданіе „Боярской Думы“ В. О. Ключев-

---

[1]) Сѣверный Вѣстникъ 1896 г., № 8; Міръ Божій 1896 г., № 8; Журналъ Юридическаго Общества 1896 г., № 9; Русская Мысль 1896 г., № 9; Русское Богатство, 1896 г., № 10.

скаго разрѣшить, наконецъ, это странное положеніе вопроса. Но авторъ предпочелъ обойти критику проф. Сергѣевича совершеннымъ молчаніемъ. Не сдѣлавъ въ новомъ изданіи своей монографіи никакихъ существенныхъ измѣненій, проф. Ключевскій показалъ, что не считаетъ возраженія проф. Сергѣевича измѣняющими что-либо въ научной оцѣнкѣ Боярской Думы; и въ этомъ отношеніи онъ, конечно, былъ правъ. Однако взгляды проф. Сергѣевича, настойчиво проводимые въ его изданіяхъ и вошедшіе въ книгу, которая стала университетскимъ пособіемъ,—все-же настоятельно требуютъ научной оцѣнки; и здѣсь, по справедливому замѣчанію проф. Сергѣевича, „простое умолчаніе о томъ, о чемъ говорятъ другіе, можетъ возбудить лишь одно недоумѣніе“ [1]). Правда, оригинальныя воззрѣнія на Думу проф. Сергѣевича не могутъ быть приняты по существу, заключая въ себѣ довольно и внутреннихъ противорѣчій, и несоотвѣтствій историческимъ фактамъ; однако, во всякомъ случаѣ, каждому, кто пожелалъ бы оріентироваться въ вопросѣ о Боярской Думѣ, приходится считаться съ этими новыми взглядами, приходится произвести критическую оцѣнку ихъ сравнительно съ господствовавшими прежде.

Результатомъ подобной работы заинтересованнаго читателя являются и предлагаемыя ниже замѣтки. Здѣсь же мы должны оговориться, что рѣчь будетъ идти только о Боярской Думѣ московскаго времени.

Какъ извѣстно, проф. Сергѣевичъ отрицаетъ Боярскую Думу, какъ учрежденіе: не было учрежденія, были только случайные совѣтники. Всѣ разсужденія автора на эту тему можно было бы изложить въ слѣдующей логической схемѣ. Великій князь обладаетъ полнотой неограниченной власти: „право князя все дѣлать единолично не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію и не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ доказательствахъ“ (358) [2]). Будь при князѣ еще высшее учрежденіе, оно давало бы своимъ членамъ „право принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, занимавшихъ московскихъ государей“ (357). „Такое

[1]) Русскія Юридическія Древности, т. II, вып. 2, стр. 418.

[2]) Здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ подлѣ цитаты проставлены однѣ цифры безъ дальнѣйшихъ указаній, мы цитируемъ II-й томъ „Русскихъ Юридическихъ Древностей“ (изд. 1900 г.).

право думныхъ людей предполагаетъ обязанность московскихъ государей совѣщаться съ ними; а наличность такой обязанности еще никѣмъ не была доказана" (357). Слѣдовательно, по самому существу царской власти, невозможно существованіе при ней Думы, какъ учрежденія. Въ историческихъ документахъ проф. Сергѣевичъ усматриваетъ и конкретныя подтвержденія этому общему положенію. Если бы Дума была учрежденіемъ, она, какъ и всякое другое учрежденіе, должна была бы имѣть опредѣленный составъ и компетенцію (стр. 337). Но изъ историческихъ актовъ, во-первыхъ, видно, что составъ Думы очень часто, по произволу князя, мѣнялся и въ числѣ, и въ характерѣ своихъ членовъ (слѣдуетъ рядъ историческихъ иллюстрацій). Во-вторыхъ, изъ тѣхъ же актовъ видно, что и опредѣленнаго вѣдомства Дума не имѣла: князь то рѣшаетъ всевозможныя дѣла вмѣстѣ съ думными людьми, то—совершенно одинъ (снова рядъ выдержекъ изъ историческихъ документовъ). Итакъ, Дума, теоретически недопустимая по существу царской власти, и фактически не существовала, ибо не имѣла необходимыхъ элементовъ учрежденія: опредѣленнаго состава и компетенціи. Что же касается естественнаго недоумѣнія читателя: какъ же случилось, что русская историческая наука (и въ лицѣ своихъ виднѣйшихъ представителей) допустила такую странную и крупную ошибку,—то проф. Сергѣевичъ разрѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, ученые изслѣдователи (положившіе не мало труда, чтобы конструировать Думу, какъ учрежденіе) впали въ ту прискорбную ошибку, что смѣшали весьма различныя явленія. Въ Москвѣ, дѣйствительно, существовали учрежденія съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей,—это Боярская коллегія въ XVI вѣкѣ и Расправная палата въ XVII вѣкѣ. Черты этихъ-то учрежденій ученые по ошибкѣ перенесли на тѣ случайные „акты думанія" князя съ совѣтниками, которые заполняютъ промежутки времени до и послѣ названныхъ учрежденій, существовавшихъ, по изложенію проф. Сергѣевича, не долго. Во-вторыхъ, проф. Сергѣевичъ не отрицаетъ, что царская власть, по существу своему не допускавшая рядомъ съ собою совѣтниковъ, имѣвшихъ „право участія въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ", въ извѣстные историческіе моменты теряла, однако, свою неограниченность. Такъ было при Грозномъ въ эпоху господства „избранной рады" Сильвестра и Адашева, такъ было въ смутное время и, быть можетъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; тогда, и только тогда, въ эти патологическіе моменты московской государ-

ственной жизни, рядомъ съ княземъ становился властный совѣтъ, стѣснявшій его власть.

Таковъ ходъ разсужденій автора, отрицающаго въ московскомъ государственномъ строѣ существованіе того учрежденія, которому русская историческая наука придавала столь большое значеніе. Естественно, что у читателя, съ ученической скамьи привыкшаго Думу считать важнѣйшимъ учрежденіемъ въ московскомъ государствѣ, возникаетъ вопросъ: съ изъятіемъ Боярской Думы изъ московскаго государственнаго строя не является ли въ немъ ничѣмъ не заполненный пробѣлъ? Другими словами: не есть ли Дума *необходимое* звено въ строѣ государственныхъ учрежденій Москвы? Вѣдь, если припомнить, Боярская Дума дѣйствовала въ очень трудный періодъ русской исторіи. Велись постоянныя войны, шла внутренняя колонизація русской равнины, возникали тяжкіе политическіе, соціальные, финансовые, экономическіе кризисы, разрѣшавшіеся народными движеніями; организація внутренней жизни дѣлала первые шаги: законодательство, судъ, администрація находились въ непрерывномъ и нестройномъ движеніи; вообще государству была задана такая тяжелая работа, что для ея выполненія понадобилось закрѣпостить всѣ классы общества.

Въ такой исторической обстановкѣ приходилось дѣйствовать московскимъ государямъ. Естественно думать, что ихъ единоличныхъ силъ не хватало на управленіе государственною жизнью. Нужны были, притомъ постоянно, ежедневно, совѣтники и помощники. Совѣщанія и совмѣстная дѣятельность царя и „думцевъ", въ началѣ, быть можетъ, и случайныя, и нестройныя, при сложности и настоятельности государственныхъ дѣлъ, ежедневно требовавшихъ этой совмѣстной работы и совѣта,—постепенно укладывались въ нѣкоторую планомѣрность, упорядочивались, становились „обычаемъ", который закрѣплялся и въ сознаніи общества, что̀, въ условіяхъ обычнаго права, равносильно было возникновенію учрежденія—Думы. Проф. Сергѣевичъ въ своей книгѣ очень энергично высказывается противъ такихъ соображеній. Онъ находитъ, что московскіе государи въ помощи постояннаго совѣта „не чувствовали ни малѣйшей потребности" (338). Постоянный совѣтъ при государѣ, на его взглядъ, былъ бы „искусственнымъ учрежденіемъ" (338). Проф. Сергѣевичъ утверждаетъ даже, что и „мысль о постоянномъ учрежденіи съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей совершенно чужда московскому времени" (377).

Парадоксальность такихъ утвержденій—очевидна. Что дума не

была бы „искусственнымъ" учрежденіемъ, въ этомъ легко убѣдиться, прочтя, напр., у проф. Загоскина [1]) изложеніе многосложной дѣятельности Думы, или, какъ предпочитаетъ выражаться проф. Сергѣевичъ, государевыхъ совѣтниковъ. А что мысль объ учрежденіи съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей не только возникала, но и была осуществлена на дѣлѣ,—это увидимъ ниже, напр., изъ обсужденія вопроса о думныхъ чинахъ. Впрочемъ и самъ проф. Сергѣевичъ отказывается отъ своего крайняго мнѣнія и въ другомъ мѣстѣ той же книги заявляетъ: „Въ правительственныхъ сферахъ (Москвы) созрѣла уже мысль о необходимости постоянной Думы" (373). Послѣднее заявленіе, конечно, ближе къ истинѣ, хотя и противорѣчитъ предыдущему.

Выше сказано, что, по мнѣнію проф. Сергѣевича, Дума, какъ учрежденіе, дающее извѣстныя права своимъ членамъ, недопустима по существу царской власти. Къ сожалѣнію, къ своемъ трактатѣ о Думѣ проф. Сергѣевичъ не разсматриваетъ вопроса о характерѣ царской власти подробно (считая неограниченность власти московскихъ государей несомнѣнной и не требующей никакихъ доказательствъ (ст. 358) [2]). Изъ его изложенія мы знаемъ только, что, по характеру своей власти, великій князь не былъ обязанъ совѣ-

---

[1]) Исторія права Московскаго государства т. II, вып. 1-й. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на книгу проф. Загоскина мы указываемъ только страницы, разумѣя именно в. 1-й 2-го тома.

[2]) Въ другой части „Русскихъ Юридическихъ Древностей" (т. II, глава послѣдняя, 603—609) проф. Сергѣевичъ обсуждаетъ власть московскихъ государей подробнѣе и приходитъ къ неожиданно противоположнымъ выводамъ. Здѣсь мы читаемъ: „Что власть московскихъ государей идетъ, постоянно возрастая, это фактъ общепризнанный и не подлежащій никакому сомнѣнію; но что она можетъ быть характеризована опредѣленнымъ признакомъ абсолютизма,—это положеніе далеко не такъ ясно и просто" (603).—И далѣе: „право мѣстничества несомнѣнно ограничиваетъ власть московскихъ государей", 606; см. также разсужденія о терминѣ „самодержецъ", 608—609. Итакъ, власть московскихъ государей—вовсе не абсолютна. Въ такомъ случаѣ, не искажаетъ ли наше изложеніе (см. выше текстъ) подлинныхъ взглядовъ автора? Но, съ одной стороны, трудно совмѣстить такія выраженія, какъ: „право князя *все* дѣлать единолично не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію", съ подобными: „московскимъ государямъ была чужда мысль, что законъ есть то, что имъ нравится, что онъ есть дѣло ихъ произвола", 604. Съ другой стороны, какъ бы мы ни понимали взглядовъ проф. Сергѣевича на царскую власть, одно несомнѣнно: авторъ, согласный допустить всякія ограниченія царской власти (правомъ отъѣзда, правомъ мѣстничества, обычаемъ вообще), одного никакъ не можетъ допустить—права думцевъ „давать совѣты царю".

щаться съ думцами, съ одной стороны; а съ другой—Дума, какъ учрежденіе, невозможна, ибо члены ея имѣли бы тогда право участія въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, что́ ужъ одно ограничивало бы власть великаго князя. Не опредѣляя точно характера царской власти и тѣмъ устраняя и насъ отъ обсужденія вопроса, изложеніе проф. Сергѣевича возбуждаетъ одно недоумѣніе: почему же характеръ царской власти мѣшаетъ существованію при ней такого учрежденія, какъ Дума? Положимъ, царская власть абсолютна, и при ней, конечно, немыслимо учрежденіе ограничительное; но этимъ не уничтожается возможность учрежденія съ другимъ характеромъ—совѣщательнаго, при чемъ члены его будутъ имѣть право совѣщательнаго голоса въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, не ограничивая тѣмъ царской власти. Проф. Сергѣевичъ какъ будто и не предполагаетъ возможности такого оборота дѣла, хотя, конечно, знаетъ, что одинъ изъ его предшественниковъ, проф. Загоскинъ, рѣшаетъ вопросъ именно въ указанномъ смыслѣ. Это тѣмъ страннѣе, что въ томъ же отдѣлѣ своей книги проф. Сергѣевичъ, говоря подробно о высшемъ судебномъ при царской власти учрежденіи—Расправной палатѣ, надѣляетъ ее очень обширной компетенціей, а ея членовъ—несомнѣннымъ правомъ участвовать въ рѣшеніи извѣстныхъ государственныхъ вопросовъ (403—413). Почему же подобное право, пожалованное притомъ самимъ государемъ, недопустимо для члена Думы?

Оставляя вопросъ въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, проф. Сергѣевичъ переходитъ къ критикѣ историческихъ актовъ, говорящихъ о Думѣ.

Прежде всего онъ касается названій Думы. Для историка Думы, не получившей формально-правоваго опредѣленія, вопросъ о ея названіяхъ важенъ въ томъ отношеніи, что косвенно указываетъ на ея значеніе и сущность. Перечисляя такія выраженія источниковъ, какъ: „царь сидитъ съ бояры", „царь указываетъ, а бояре приговариваютъ", „докладъ царю и боярамъ" (351), проф. Сергѣевичъ находитъ, что московскіе памятники „не знаютъ" „государевой Думы", какъ учрежденія, но говорятъ о Думѣ съ боярами, т. е. отдѣльными совѣтниками.

Отмѣтимъ, что проф. Сергѣевичъ перечислилъ далеко не всѣ названія Думы. Источники знаютъ не только „бояръ" да „боярскій приговоръ", но и другіе термины, болѣе опредѣленные. Вопреки утвержденію автора, историческіе документы знаютъ и „государеву Думу": въ 1614 г. была послана польскимъ панамъ грамота „отъ

бояръ и отъ окольничихъ и ото всее *царскаго величества Думы*" [1]). Курбскій называетъ Думу „сенатомъ", Иванъ Грозный говоритъ, въ перепискѣ съ нимъ, о „синклитіи"; рукопись, составленная при патріархѣ Филаретѣ, знаетъ „царскій синклитъ" [2]), иностранные источники говорятъ о „радѣ", „совѣтѣ". Сопоставленіе такихъ терминовъ производитъ болѣе опредѣленное впечатлѣніе и даетъ основаніе видѣть въ „совѣтѣ" думцевъ учрежденіе, дѣйствительно имѣющее черты „сената", „синклита", „рады".

Разбирая свидѣтельства историческихъ документовъ о составѣ Думы, проф. Сергѣевичъ, какъ извѣстно, находитъ, что опредѣленнаго состава Дума не имѣла: царь совѣтовался „съ кѣмъ угодно"; каждый разъ совѣтники назначались по выбору царя. Даже a priori какъ-то странно допустить, что при ежедневныхъ совѣщаніяхъ царю каждый разъ приходилось, такъ сказать, „образовывать кабинетъ", что при такой непрерывной практикѣ, длившейся многіе десятки лѣтъ,—не образовывался *опредѣленный кругъ* лицъ, составляющій совѣтъ царя. А, вникая въ подробности, мы встрѣтимъ и другія недоумѣнія. Какъ извѣстно, въ Москвѣ существовалъ кругъ лицъ, носившихъ названіе *думныхъ* людей, и какъ разъ „этихъ думныхъ людей" мы постоянно встрѣчаемъ въ актахъ, говорящихъ о совѣщаніяхъ царя съ Думой. Какъ извѣстно, думныхъ чиновъ было четыре: бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Думный чинъ жаловался царемъ, „сказывался" въ торжественной обстановкѣ, съ приведеніемъ къ присягѣ; думные люди пользовались извѣстными привиллегіями и т. д. [3]). Является вопросъ: какой же смыслъ этихъ *думныхъ* чиновъ? О чемъ существованіе этихъ чиновъ свидѣтельствуетъ? Въ книгѣ проф. Сергѣевича мы находимъ такой отвѣтъ: „Думный чинъ свидѣтельствуетъ не о правѣ думныхъ людей давать совѣты царю, а о правѣ царя призывать въ свою думу не только бояръ, но дворянъ и даже дьяковъ" (357). Итакъ,—вотъ смыслъ „думныхъ чиновъ"; ими точно опредѣляется кругъ лицъ, которыхъ государь имѣетъ право призывать въ свой совѣтъ; это—бояре, дворяне и *даже* дьяки. На нашъ взглядъ, такое право очень похоже на обязанность: если царь имѣетъ право призывать въ Думу *только* эти думные чины, то, значитъ, обязанъ *не* призывать другихъ; число государевыхъ со-

---

1) Собр. гос. гр. и договор., III, № 24 (цитировано по Загоск., 40).

2) Карамзинъ, XII, примѣч. 10; см. также Акты Археогр. Экспед., II, № 7.

3) См. объ этомъ у Загоскина, 54 и далѣе.

вѣтниковъ ограничено замкнутымъ кругомъ четырехъ думныхъ чиновъ. Причину существованія *нѣсколькихъ* думныхъ чиновъ, съ различіемъ въ чести для каждаго, проф. Сергѣевичъ объясняетъ условіями внутренней политики московскихъ государей: въ интересахъ государственной пользы, имъ нужно было совѣтоваться не только съ боярами, но и съ „мелкими людьми"; но послѣднее могло бы задѣть самолюбіе титулованной знати. „Мелкіе люди остаются, однако, въ мелкихъ чинахъ дворянъ и дьяковъ, а потому и не задѣваютъ отеческой чести людей родовитыхъ. Созданіе думныхъ чиновъ—очень тонкая мѣра московскихъ политиковъ. Она даетъ свободу государямъ совѣтоваться съ кѣмъ имъ угодно, не оскорбляя родовой чести людей именитыхъ, которые пользуются въ государевой Думѣ первымъ мѣстомъ и почетнѣйшимъ титуломъ боярина" (357). Но при такомъ объясненіи, во-первыхъ, сомнительно, чтобы титулованная знать, еще помнившая отлично времена своего удѣльнаго княженія, удовлетворилась однимъ титуломъ, притомъ отнюдь не дававшимъ „права принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ" (357). Во-вторыхъ, четырьмя думными чинами далеко не исчерпывается кругъ всѣхъ *возможныхъ* совѣтниковъ князя (въ Москвѣ вѣдь было много и другихъ „чиновъ") и если, дѣйствительно, князь имѣлъ „свободу совѣтоваться *съ кѣмъ* ему *угодно*" (358) [1], то этимъ замкнутый кругъ четырехъ чиновъ думныхъ совѣтниковъ разрывается, а смыслъ ихъ существованія опять становится загадочнымъ. Намъ кажется, что „право" князей, объ огражденіи котораго проф. Сергѣевичъ такъ заботится, помѣшало ему прямѣе отнестись къ вопросу [2]). Не о какомъ-либо „правѣ" князя свидѣтельствуетъ думный чинъ, а о

[1]) „Царь совѣтуется съ кѣмъ хочетъ, и не съ одними думными людьми, а *и съ простыми*". Серг. 378.

[2]) Можно было бы думать, что только эта предвзятая и спутанная мысль о недопустимости права думцевъ „давать совѣты царю" мѣшаетъ автору признать въ Думѣ учрежденіе. Нѣсколько разъ въ своемъ трактатѣ проф. Сергѣевичъ называетъ Думу учрежденіемъ и оговариваетъ только его недостаточную организованность. Напримѣръ: „неопредѣленность терминовъ" „говоритъ о недостаточной выработанности и обособленности тѣхъ *учрежденій*, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь" . . . 354, или: „Это два совершенно разныхъ *учрежденія*: одно совѣтъ государя, другое—„бояре", дѣйствующіе безъ государя и потому самостоятельно" 467; см. также 413 (дважды), 416, 420; срав. т. I, 433. Однако, какъ только дѣло коснется „права" думцевъ участвовать въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, проф. Сергѣевичъ становится непреклоненъ: нѣтъ Думы, ибо у думныхъ людей нѣтъ права „давать совѣты царю".

томъ, что Дума имѣла опредѣленный составъ членовъ; лично совѣтоваться князь, конечно могъ „съ кѣмъ угодно“, но составъ учрежденія Думы образовывали именно четыре думныхъ чина. Не случайные совѣтники составляли обычную Думу. У проф. Ключевскаго читаемъ: „постельничій вступалъ въ Думу путемъ особаго пожалованія въ санъ постельничаго думнаго; точно такъ же особымъ указомъ иногда велѣли кравчему „ходить въ палату и сидѣть съ бояры“. Обыкновенно тотъ и другой были „не въ Думѣ“; стряпчій съ ключомъ, по словамъ Котошихина, никогда не сидѣлъ въ думѣ, даже когда бывалъ „честію равенъ окольничему“ [1]). Тотъ же авторъ цитируетъ другое документальное свидѣтельство: въ малолѣтство Грознаго однажды при пріемѣ пословъ находились „дѣти боярскія, которыя живутъ въ Думѣ, и дѣти боярскіе прибыльныя, которыя въ Думѣ не живутъ“ (273) (въ 3 изд. стр. 261). Если одни „живутъ“ въ Думѣ (бываютъ, приглашаются), а другіе „не живутъ“,—это значитъ, что составъ Думы не случаенъ: изъ всѣхъ многочисленныхъ московскихъ „чиновъ“ выдѣляется опредѣленный составъ *думныхъ* чиновъ, „живущихъ въ думѣ“. Проф. Сергѣевичъ и самъ помогаетъ такому выводу, когда говоритъ, что учрежденіе думныхъ чиновъ „представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ въ области организаціи *высшихъ установленій*“ [2]) (356), т. е. попросту Думы. Онъ согласенъ также, что „въ Думу приглашаются, обыкновенно *только* [3]) думные чины“ (365). Онъ даже утверждаетъ: „думный человѣкъ приглашается *не случайно* на то или другое засѣданіе государевой Думы, а въ силу того, что онъ объявленъ думцемъ царя“ (356). Это заявленіе проф. Сергѣевича, которому, къ сожалѣнію, противорѣчитъ все его изложеніе (о составѣ Думы), можемъ вполнѣ принять и мы, какъ свидѣтельствующее въ пользу опредѣленности, не случайности думскаго состава.

Извѣстно, что не всѣ думные люди непремѣнно и неотлучно присутствовали въ Думѣ; въ данный моментъ нѣкоторые изъ нихъ могли находиться при войскахъ или сидѣть на воеводствѣ, или исполнять какую - либо другую службу. Проф. Сергѣевичъ и это ставитъ на счетъ неопредѣленности и непостоянства думскаго со-

---

[1]) В. Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е стр. 270; въ 3-мъ изд. стр. 259. Дальнѣйшія цитаты изъ этой книги мы означаемъ только именемъ автора и цифрой страницы по изданіямъ 1883 г. и 1902 г.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Курсивъ нашъ.

става. Насколько мы понимаемъ, ему хотѣлось бы видѣть въ Думѣ строго-опредѣленный численный, даже *личный* составъ. По крайней мѣрѣ, говоря о Расправной палатѣ, которую онъ признаетъ за учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ, онъ указываетъ, что ея члены назначались царемъ „особымъ указомъ" (406); значитъ, это личный составъ. Но и въ Расправной палатѣ, по заявленію самого же автора, „члены оставались въ этомъ званіи, пока нравились царю" (407), значитъ, личный составъ могъ постоянно мѣняться. И если число присутствовавшихъ въ думѣ членовъ колебалось,—это еще не говоритъ противъ нея, какъ учрежденія: вѣдь численный составъ непостояненъ и въ такомъ учрежденіи, какъ Государственный Совѣтъ, и мы можемъ принять формулу проф. Ключевскаго, который говоритъ, что составъ Думы образовывали *наличные* думные чины, въ данный моментъ присутствующіе въ Москвѣ и свободные отъ другихъ обязанностей. Въ экстренныхъ случаяхъ, впрочемъ, созывались и отсутствовавшіе думцы [1]).

Изложеніе проф. Сергѣевича не даетъ яснаго отвѣта, согласенъ ли онъ на такую формулировку обычнаго состава Думы. Скорѣе изъ его изложенія и цитатъ можно вывести, что князь, имѣющій право совѣтоваться съ кѣмъ угодно, самъ каждый разъ составляетъ совѣтъ, по произволу опредѣляя численный и личный составъ его. А такъ какъ думскія засѣданія происходили ежедневно, то на долю государей, и безъ того обремененныхъ дѣлами, падала еще постоянная забота подбирать членовъ совѣта. Не обходилось ли дѣло проще, и не засѣдали ли въ Думѣ, не дожидаясь именной повѣстки, всѣ наличные ея члены? Документальныя свидѣтельства на сторонѣ послѣдняго предположенія. Во-первыхъ, въ нихъ, почему-то, не говорится объ именныхъ повѣсткахъ, приглашающихъ на обычныя, ежедневныя засѣданія Думы; такія повѣстки разсылались только въ исключительныхъ случаяхъ: „Флетчеръ пишетъ, что обыкновенныя засѣданія думы бывали только по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ и что членамъ Думы разсылали *особыя повѣстки*, когда нужно было созвать бояръ на чрезвычайное засѣданіе въ какой-либо другой день" (Ключевскій, 402 въ 3-мъ изд. стр. 409). Если только въ экстренныхъ случаяхъ думцы сзывались повѣстками, то, значитъ, обычно они собирались сами, какъ члены функціонирующаго учрежденія. Это же потверждаетъ и Маржеретъ, бывшій въ Россіи около 1600—1606 гг. (т. е. въ моментъ, когда

[1]) См. объ этомъ въ указ. соч. Загоскина.

не существовало ни „Боярской коллегіи", ни „Расправной палаты" проф. Сергѣевича). Онъ разсказываетъ, что высшіе служилые люди „встаютъ лѣтомъ обыкновенно при восхожденіи солнца и отправляются во дворецъ, гдѣ присутствуютъ въ Думѣ отъ 1-го часа до 6-ти часовъ дня" (см. Загоскинъ, 102). Это и понятно при ежедневныхъ засѣданіяхъ и при наличности „думныхъ людей", „живущихъ въ Думѣ" въ силу своего чина.

Итакъ надо признать, что думные чины свидѣтельствуютъ объ опредѣленномъ составѣ Думы; что, хотя въ томъ или другомъ засѣданіи бываютъ не всѣ, а только наличные члены Думы, они бываютъ тамъ все-таки „не случайно, а въ силу того, что объявлены думцами царя" (Сергѣевичъ, 356), т. е. по праву. Иначе какъ объяснить такую формулу историческихъ актовъ: „Бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: быть по прежнему великаго государя указу и *по ихъ боярскому приговору*" [1])? Если принять, что Дума — „совѣтываніе" со случайными лицами, то какъ же объяснить подчеркнутое выраженіе? Случайно собранные сегодня царемъ совѣтники называютъ „своимъ боярскимъ" приговоръ составленный не ими и, быть можетъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Такая формула возможна только въ примѣненіи къ дѣятельности учрежденія, остающагося постояннымъ, несмотря на измѣненіе личнаго состава.

Переходимъ къ вопросу о компетенціи Думы.

Историки, считающіе Думу *учрежденіемъ*, ставятъ вопросъ о компетенціи Думы въ связь съ вопросомъ: какъ относится Дума къ царской власти? Отвѣтъ на послѣдній вопросъ опредѣляетъ и компетенцію Думы. Для проф. Загоскина это *вспомогательное* при царской власти учрежденіе; поэтому его вѣдомству подлежитъ все, предлагаемое царемъ Думѣ на разсмотрѣніе. Для проф. Ключевскаго Дума—участница верховной власти, слѣдовательно все, входящее въ компетенцію верховной власти, входитъ и въ компетенцію Думы.

Въ изложеніи же проф. Сергѣевича вопросъ получаетъ другую постановку. Если Дума не учрежденіе, а совѣтъ со случайными думцами, при чемъ предметомъ совѣщанія можетъ становиться что угодно, по требованію минуты, то, конечно, очевидно, что такіе совѣтники князя не могутъ имѣть опредѣленнаго круга вѣдомства. Проф. Сергѣевичъ такъ и думаетъ: „въ виду такой роли Думы, не представляется ни малѣйшей надобности останавливаться на

---

[1]) П. С. З. № 700, I, ст. 1—4 и др.; см. Загоскинъ, 139.

вопросѣ о ея компетенціи, хотя вопросъ этотъ и сильно занимаетъ нашихъ изслѣдователей" (390). Вся задача автора—иллюстрировать историческими примѣрами мысль, что думцы не имѣли опредѣленнаго вѣдомства, ибо государь часто самъ и одинъ рѣшалъ такія дѣла, которыя прежде или послѣ рѣшались имъ съ совѣта думцевъ. Отсюда и выводы: „Дума дѣлаетъ всѣ то, что́ ей будетъ приказано сдѣлать государемъ, и не дѣлаетъ ровно ничего, если государю не будетъ угодно приказать ей дѣйствовать. А это значитъ, что Дума не имѣетъ никакой „своей компетенціи" (390).

Проф. Сергѣевичъ, очень строгій къ Думѣ, и въ этомъ вопросѣ, какъ вездѣ, весьма снисходителенъ къ учрежденію, имъ созданному—Боярской Расправной Коллегіи. Если дѣла, обычно рѣшаемыя въ Думѣ, иной разъ рѣшались однимъ царемъ, — этого автору достаточно, чтобы объявить, что обсуждать компетенцію Думы нѣтъ „ни малѣйшей надобности". Но вотъ „Боярская Коллегія" объявляется учрежденіемъ, имѣющимъ „свою опредѣленную" компетенцію: „ей предоставлено было вѣдать все внутреннее управленіе, военное и гражданское, и судъ" (397). Однако, на слѣдующей же страницѣ мы уже читаемъ: „Отъ времени, непосредственно послѣдовавшаго за учрежденіемъ земской Боярской Коллегіи, мы имѣемъ нѣсколько жалованныхъ и льготныхъ грамотъ, одну грамоту о порядкѣ платежа таможныхъ пошлинъ, о мѣрахъ противъ корчемства и игры зернью и одинъ наказъ бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ о порядкѣ преслѣдованія лихихъ людей. *Всѣ эти грамоты даны отъ имени самого царя*" [1]) (398). А гдѣ же „опредѣленная" компетенція Боярской Коллегіи? Вѣдь перечисленныя мѣры какъ разъ подлежали ея вѣдѣнію... Это, впрочемъ, не мѣшаетъ проф. Сергѣевичу на слѣдующей же страницѣ, при сравненіи Думы съ Коллегіей, снова заявить, что послѣдняя, въ отличіе отъ первой, имѣетъ „свою собственную" компетенцію...

Заканчивая здѣсь обзоръ вопросовъ, относящихся до организаціи Думы, мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что изложеніе проф. Сергѣевича, само содержащее, какъ мы видѣли, не мало внутреннихъ противорѣчій, не колеблетъ основныхъ положеній, добытыхъ предшественниками автора: Дума по прежнему остается учрежденіемъ. Конечно, въ исторіи учрежденія, существовавшаго сотни лѣтъ, притомъ въ сферѣ *обычнаго* права, найдется не мало уклоненій отъ нормальнаго порядка. Эти отклоненія отъ нормы заботливо собраны

---

[1]) Курсивъ нашъ.

въ книгѣ проф. Сергѣевича; но, не достигая самимъ авторомъ намѣченной цѣли, они только еще разъ свидѣтельствуютъ о томъ, что необходимо въ изслѣдованіяхъ обычнаго права руководиться строго методическими пріемами. А такіе пріемы рекомендованы самимъ проф. Сергѣевичемъ [1]).

Изложеніе проф. Сергѣевича побуждаетъ насъ остановиться еще на нѣкоторыхъ моментахъ въ исторіи Думы.

Между прочимъ, авторъ останавливается на эпизодѣ съ избранной радой при Грозномъ. Для насъ не столько важна сама эта рада, сколько сужденія автора о 98 ст. Судебника.

Установивъ за радой характеръ ограничительнаго совѣта, проф. Сергѣевичъ утверждаетъ, что она „не ограничилась одной практикой, ей удалось оформить свои притязанія и провести въ судебникъ ограниченія царской власти. Въ статьѣ 98 [2]) царскаго Судебника было постановлено: „А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу і со всѣхъ бояръ приговору вершатся, і тѣ дѣла въ семъ судебникѣ приписывати“. Для пополненія Судебника новыми законодательными опредѣленіями требуется приговоръ „всѣхъ бояръ“. Это несомнѣнное ограниченіе царской власти и новость—царь только предсѣдатель Боярской Коллегіи и безъ ея согласія не можетъ издавать новыхъ законовъ (369).

Такое толкованіе 98 ст. Судебника намъ кажется неправильнымъ. Придавать этой статьѣ указанный смыслъ можно только въ искусственномъ сопоставленіи ея съ ограничительными тенденціями избранной рады. Искусственномъ потому, что избранная рада, какъ ее изображаетъ проф. Сергѣевичъ,—случайный и пестрый кругъ лицъ по подбору Сильвестра и Адашева. Такая рада, или „лица, случайно стоявшія у государственнаго кормила“, какъ выражается самъ проф. Сергѣевичъ, притомъ вовсе не состоявшая изъ „всѣхъ бояръ“ (см. стр. 369), врядъ ли имѣла интересъ хлопотать о подобной формулировкѣ 98 ст., тѣмъ болѣе, что мысль объ организаціи была, вѣдь, по Сергѣевичу, чужда имъ, какъ вообще всей эпохѣ. Притомъ, какъ справедливо указываетъ проф. Владимірскій-Будановъ [3]), эта статья, яко бы ограничивающая власть царя, могла

[1]) См. его „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“, стр. 5—20 (изд. 1899 г.).

[2]) У автора, въ текстѣ, стоитъ 97-я ст., но это опечатка, не исправленная и во 2-мъ изданіи.

[3]) Обзоръ исторіи русскаго права; 3 изд. 1900 г., стр. 180.

бы имъ же быть отмѣнена впослѣдствіи. Однако она осталась. Почему же?—Конечно, потому, что она, вовсе не будучи необычайной новостью, формулировала только обычный порядокъ вещей. Проф. Сергѣевича смущаетъ въ 98 ст. выраженіе „всѣхъ бояръ", которое кажется ему необычайнымъ и ограничивающимъ власть царя. Но мы имѣемъ много документовъ, гдѣ употребляется этотъ терминъ—„всѣ бояре"; можно ли изъ нихъ заключать, что они даны при государяхъ съ ограниченною властью?

Приведемъ два примѣра. Въ 1578 г., когда уже не существовала рада, Иванъ IV приговариваетъ съ сыномъ и „со *всѣми* бояры... какъ ему... идти на свое государево дѣло" [1]). Въ 1586 г. царь Ѳеодоръ Ивановичъ „приговорилъ со *всѣми бояры*, какъ ему государю... своимъ и земскимъ дѣломъ промышляти" [2]). Такимъ образомъ, выраженіе „со всѣхъ бояръ приговору" не является какою-либо „новостью",—оно обычно, наравнѣ съ такими, какъ „поговоря съ бояры", „по ихъ боярскому приговору" и проч.; оно получаетъ значеніе „обычной правительственной формулы", какъ говоритъ проф. Ключевскій, для общаго собранія Думы. Если же такъ, то формула 98 ст. Судебника еще разъ свидѣтельствуетъ въ пользу Думы, какъ учрежденія: будь думные люди просто случайными совѣтниками князя, „всѣми боярами" можно было бы назвать только всю совокупность думцевъ; здѣсь же, при наличности *учрежденія*, „всѣми боярами" называется не полное, а только общее собраніе думцевъ [3]).

Остановимся еще на „Земской Боярской Коллегіи" XVI в. и „Расправной палатѣ" XVII в.

Придя къ выводу, что Думы, какъ учрежденія, не существуетъ, проф. Сергѣевичъ справедливо признаетъ, что „такой выводъ можетъ не только изумить, но показаться совершенно невѣроятнымъ людямъ, хорошо знакомымъ съ современной литературой о такъ называемой „Боярской Думѣ" (394). Однако, эта литература, по мнѣнію автора, заблуждается, ибо смѣшиваетъ одно учрежденіе съ другимъ: Боярскую Коллегію XVI—XVII в.в. съ Боярской Думой. И проф. Сергѣевичъ беретъ на себя отвѣтственную задачу—съ научными данными въ рукахъ разоблачить это вѣковое заблужденіе русской науки. Выполненіе этой задачи нельзя признать удовлетворительнымъ.

---

[1]) Древн. Росс. Вивл., (изд. 2) стр. 349; цит. у Загоскина, 129.

[2]) Древн. Росс. Вивл., XIV, стр. 490; у Загоскина, 129.

[3]) См. Ключевскій, 283; въ 3-мъ изд. стр. 271.

Возьмемъ „Коллегію земскихъ бояръ“ XVI в. Такой Коллегіи доселѣ совершенно не знала русская историческая наука. Доселѣ думали, что Иванъ IV, учредивъ опричнину, оставилъ неизмѣннымъ весь строй „земщины“. Осталась и Боярская Дума, получивъ полномочіе заправлять земскими дѣлами [1]). Проф. Сергѣевичъ не согласенъ съ этимъ обычнымъ взглядомъ. По его мнѣнію, вмѣстѣ съ опричниной Иванъ Грозный установилъ еще учрежденіе—„Коллегію земскихъ бояръ“. Коллегія эта, по его изложенію, существовала около 10 лѣтъ (1564—1574 г.; стр. 401, ср. 397), она имѣетъ свой постоянный составъ, „опредѣленный указомъ царя“ (397), и свою опредѣленную компетенцію.

Какой же аргументаціей обставлено это научное открытіе? Проф. Сергѣевичъ ссылается на Александро-невскую лѣтопись: „Государство же свое Московское, воинство, и судъ, и управу, и всякія дѣла земскія, приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быть въ земскихъ: князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому, князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому и всѣмъ бояромъ. А конюшему, и дворецкому, и казначеемъ, и дьякомъ, и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о большихъ дѣлахъ приходити къ бояромъ. А ратные каковы будутъ вѣсти или земскіе великіе дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлѣхъ приходити къ государю“ (Александро-невская лѣтопись). На основаніи приведеннаго мѣста изъ лѣтописи авторъ и дѣлаетъ тотчасъ выводъ о новооткрытомъ учрежденіи, которое „представляетъ совершенную новость въ нашей исторіи; до 1564 года ничего подобнаго у насъ не было“ (399).

Такое заключеніе кажется намъ слишкомъ поспѣшнымъ и необоснованнымъ. Во-первыхъ, нельзя сказать, чтобы въ русской исторіи не было ничего подобнаго Коллегіи земскихъ бояръ. Эта Коллегія, правившая, будто бы, земщиной во время удаленія царя въ Александровскую слободу, очень похожа на обычныя боярскія коммисіи, назначавшіяся для „вѣданія Москвы“ въ отсутствіе государя на богомолье или въ походъ. Во-вторыхъ, само свидѣтельство Александро-невской лѣтописи не даетъ права заключать объ основаніи какого-то новаго учрежденія. Составъ правительства „земщины“ все тотъ же, что и въ обычной Боярской Думѣ: „всѣ бояре“. Компетенція отнюдь не опредѣленнѣе, чѣмъ у коммисій

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс., т. 6, гл. IV; Ключевскій, 337; въ 3-мъ изд. стр. 332.

„вѣданія Москвы“ и во всякомъ случаѣ не представляетъ „совершенной новости“ сравнительно съ вѣдомствомъ обычной Думы, и прежде не разъ рѣшавшей дѣла въ отсутствіе царя или безъ его личнаго участія. Выше было уже отмѣчено, что заявленія проф. Сергѣевича объ „опредѣленныхъ“ составѣ и компетенціи Коллегіи, дающихъ ей право именоваться учрежденіемъ, не вяжутся съ его же дальнѣйшимъ изложеніемъ. Царь даетъ рядъ указовъ какъ разъ по вопросамъ, подлежавшимъ вѣдомству Коллегіи, какъ будто этого учрежденія и не существовало (ст. 398). У автора читаемъ: „къ боярамъ перешло только исполненіе указовъ, да и въ этой области трудно думать, чтобы она дѣйствовала съ нѣкоторою самостоятельностью въ сколько-нибудь сомнительныхъ случаяхъ“ (398); и еще: „при такихъ условіяхъ [1]) боярамъ трудно было дѣйствовать самостоятельно даже и въ мелкихъ вопросахъ текущаго суда и управленія. Можно думать, *что любимой формой ихъ дѣятельности были доклады государю*“ [2]) (399). Указавъ, что Коллегія представляетъ „совершенную новость въ нашей исторіи“ и что до нея „ничего подобнаго у насъ не было“, авторъ тотчасъ же продолжаетъ: „но къ той же Коллегіи царь могъ обратиться и за совѣтомъ и, такимъ образомъ, временно *превратить ее въ свою Думу*“ [2]) (399), и далѣе приводитъ подобный случай. Если дѣло обстояло именно такъ, какъ его излагаетъ проф. Сергѣевичъ,—Ивану IV нечего было превращать временно въ свою Думу: земщиной управляла не небывалая „Коллегія“, но обычная Боярская Дума; а изслѣдователямъ, писавшимъ о Думѣ, ее не съ чѣмъ было и смѣшивать.

Недостаточность аргументаціи обнаруживается и въ изложеніи Расправной палаты.

Доселѣ думали, что Расправная палата есть не болѣе, какъ постоянная коммисія Думы [3]). Проф. Сергѣевичъ объявляетъ Расправную палату „высшимъ судебно-правительственнымъ учрежденіемъ“ (406). Въ качествѣ главныхъ основаній для этого, авторъ приводитъ выдержки изъ уложенія (X гл. 2 ст.) и изъ указа отъ 1694 г., а также изъ указа 1669 г.

Прежде всего надо отмѣтить одну странную особенность въ

---

[1]) Разумѣется недовѣріе къ боярамъ со стороны царя. *Н. П.*

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) См. Загоскинъ, 84—88; Ключевскій, 425—427; въ третьемъ изд. стр. 433—437.

манерѣ изложенія проф. Сергѣевича. Цитируя названные памятники и строя на ихъ основаніи свое разсужденіе о Расправной палатѣ, проф. Сергѣевичъ не даетъ себѣ труда оговориться, что тѣ же цитаты употреблялись уже его предшественниками, и для вывыдовъ, совершенно противорѣчащихъ его собственнымъ воззрѣніямъ. То, что другіе ученые приводятъ какъ свидѣтельства въ пользу Думы, проф. Сергѣевичъ, безъ всякихъ оговорокъ, цитируетъ, какъ аргументъ въ пользу Расправной палаты [1]). Въ случаяхъ, подобныхъ указанному, всего естественнѣе было бы, раньше догматическаго изложенія, критически обсудить спорные документы. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ обязательнѣе, что приводимые проф. Сергѣевичемъ памятники вовсе не такъ опредѣленны по смыслу, чтобы ихъ безъ оговорокъ отнести къ Расправной палатѣ.

Уложеніе, X, 2, гласитъ: „А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ зачѣмъ вершити будетъ немощно, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ“ (цит. у автора на стр. 405). Казалось бы, законодательный памятникъ 1649 г. говоритъ вовсе не о какой-либо новости, а просто даетъ формулу обычныхъ думскихъ засѣданій, очень похожую на извѣстную намъ формулу 98 ст. царскаго Судебника 1550 г. и очень близко подходящую къ такой, напр., формулѣ: „повинность боярамъ, и окольничимъ и дьякамъ думнымъ: быти всегда на Москвѣ, при государѣ неотлучно и засѣдать *въ палатѣ*, думать о *всякихъ дѣлахъ*, о чемъ государь разскажетъ“ [2]). Такъ, въ смыслѣ указанія на дѣятельность обычной Думы, и понимали эту статью уложенія до проф. Сергѣевича. Но авторъ видитъ въ ней совсѣмъ другой смыслъ. По мнѣнію автора, „изъ конца статьи *ясно*, что бояре имѣютъ свои собственныя засѣданія безъ царя, на которыхъ и рѣшаютъ всякія дѣла“ (405). Совершенно неясно. Начало статьи, напротивъ, говоритъ о докладѣ *царю и боярамъ*; о такихъ докладахъ царю въ присутствіи бояръ знаетъ и авторъ (см., напр., 383). При своемъ же натянутомъ толкованіи проф. Сергѣевичъ сразу попадаетъ въ затрудненіе, которое и самъ при-

---

[1]) См. Загоскинъ, 85, 123; Ключевскій, 403, 406, 427 и др.

[2]) Записка о государственномъ устройствѣ, составленная для царевича Владислава въ 1610—1613 г. (Акты истор., № 355); Загоскинъ, 44.

знаетъ: „дѣлать докладъ царю и боярамъ единовременно въ данномъ случаѣ нельзя, ибо бояре сидятъ въ палатѣ безъ царя и безъ царя рѣшаютъ дѣла; дѣлать докладъ сперва царю, а потомъ боярамъ, нѣтъ надобности, ибо государь впередъ уполномочилъ бояръ рѣшать эти дѣла" (405). И, чтобы выйти изъ затрудненія, авторъ принужденъ прибѣгнуть къ совсѣмъ ужъ неубѣдительной ссылкѣ на „сильныя историческія традиціи" и „недостатокъ редакціи, въ которомъ слышится (sic!) остатокъ старины" (405).

Въ угоду предвзятому взгляду, яснѣйшее свидѣтельство уложенія, что спорныя дѣла изъ приказовъ вносятся „въ докладъ къ государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу и къ его государевымъ боярамъ",—объявляется безапелляціонно „недостаткомъ редакціи", и дальнѣйшее изложеніе безъ всякихъ колебаній строится на такомъ шаткомъ основаніи. Статья уложенія ясно говоритъ объ обязанностяхъ вообще *всѣхъ* думныхъ людей: „А боярамъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы *всякія* дѣла дѣлати *всѣмъ вмѣстѣ*". *Всѣ, всякія, вмѣстѣ* . . . .,—о чемъ другомъ можно заключить изъ такихъ выраженій, какъ не объ общемъ назначеніи думныхъ чиновъ (ср. выраженія только что цитированной записки Владиславу)? Однако, проф. Сергѣевичъ и здѣсь видитъ указаніе на *составъ* Расправной палаты (гдѣ, какъ онъ самъ говоритъ, сидѣли только нѣкоторые изъ думцевъ и рѣшались только *нѣкоторыя* дѣла). Съ такою же основательностью въ указаніи уложенія, что спорныя дѣла изъ приказовъ вносятся въ докладъ царю и боярамъ, проф. Сергѣевичъ видитъ опредѣленіе компетенціи новаго учрежденія: „по уложенію, всѣ спорныя дѣла, которыхъ почему-либо нельзя было рѣшить въ приказахъ, вносятся къ боярамъ. Такимъ образомъ, боярская палата есть высшее въ государствѣ судебное учрежденіе, поставленное надъ приказами" (408).

Аналогичную судьбу испытываетъ и указъ 1694 г. Данный при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, т. е. когда Дума дѣйствовала очень часто безъ государей, указъ этотъ говоритъ о *всѣхъ* думныхъ людяхъ, по указу рѣшающихъ дѣла безъ царей, что̀ бывало очень часто и прежде, до Расправной палаты. Однако проф. Сергѣевичъ видитъ здѣсь „завершеніе организаціи" Расправной палаты. . . . То же самое и съ указомъ 1669 г., который проф. Ключевскій и Загоскинъ относятъ къ Думѣ и который совпадаетъ со свидѣтельствомъ Маржерета (см. Загоскинъ, 102), при которомъ еще не было Расправной палаты.

Проф. Сергѣевичъ къ дѣятельности своего учрежденія относитъ еще и акты уставной книги Разбойнаго приказа, но съ такими оговорками, что они теряютъ для насъ всякій интересъ.

Таковы два „высшихъ учрежденія", составляющихъ „научное открытіе" проф. Сергѣевича.

Сводя къ общему выводу вышеизложенныя замѣчанія о нихъ, мы въ правѣ сказать, что проф. Сергѣевичу не удалась и историческая задача его работы. „Коллегія земскихъ бояръ" XVI в. оказывается просто Боярской Думой, а Расправной палатѣ никакъ не удается попасть въ чинъ „высшаго учрежденія". Между тѣмъ обѣ онѣ играютъ у автора роль аргумента противъ Думы: не Дума—учрежденіе, а онѣ, и ошибка ученыхъ въ томъ, что они смѣшиваютъ эти разныя явленія. Теперь мы видѣли, что проф. Сергѣевичъ и самъ смѣшиваетъ документы, относящіеся къ разнымъ предметамъ.

Чтобы закончить обзоръ вопросовъ состава и компетенціи Боярской Думы, отмѣтимъ, что своеобразная аргументація проф. Сергѣевича, отрицающая за Думой характеръ учрежденія,—легко можетъ быть примѣнена съ тѣмъ же успѣхомъ и къ Государственному Совѣту. Дума, по мнѣнію автора, не могла быть учрежденіемъ, такъ какъ „будь при неограниченномъ московскомъ государѣ еще высшее учрежденіе, оно давало бы своимъ членамъ право принимать участіе въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ; но такое право думцевъ предполагаетъ обязанность московскихъ государей совѣщаться съ ними, а наличность такой обязанности еще никѣмъ не была доказана" (357). Но въ такомъ случаѣ не можетъ быть учрежденіемъ Государственный Совѣтъ, который, состоя при неограниченномъ монархѣ, даетъ своимъ членамъ, въ силу самаго ихъ званія, право принимать участіе въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, проходящихъ чрезъ Совѣтъ. Проф. Сергѣевичъ не признаетъ Думы учрежденіемъ, потому что она не имѣла опредѣленной компетенціи. „Дума дѣлаетъ все то, что̀ ей будетъ приказано сдѣлать государемъ, и не дѣлаетъ ровно ничего, если государю не будетъ угодно приказать ей дѣйствовать. А это значитъ, что Дума не имѣетъ никакой „своей" компетенціи" (390, также 394 и др.).

Однако въ такомъ же положеніи находится и Государственный Совѣтъ. Проф. Коркуновъ говоритъ: „Никакое дѣло, подлежащее уваженію Совѣта, не можетъ возникнуть въ немъ самомъ: всѣ дѣла поступаютъ въ Совѣтъ извнѣ. Совѣтъ подаетъ свои мнѣнія лишь

о томъ, о чемъ его спросятъ, но самъ никакихъ вопросовъ возбуждать не можетъ" [1]). Проф. Сергѣевичъ настойчиво требуетъ для Думы особой „своей" компетенціи. Однако такія учрежденія, какъ Дума или Государственный Совѣтъ, могутъ и не имѣть „своей", ограниченной компетенціи, состоя при верховной власти и участвуя въ обсужденіи всѣхъ вообще государственныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ монархомъ на ихъ уваженіе. У проф. Коркунова мы читаемъ также: „Указанныя три категоріи дѣлъ [2]), подлежащихъ вѣдѣнію Совѣта, составляютъ, такъ сказать, его легальную компетенцію. Но послѣдній, 22 пунктъ ст. 23 постановляетъ, что вѣдѣнію Совѣта подлежатъ также всѣ вообще дѣла, которыя будутъ внесены въ него по особеннымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Слѣдовательно, по Высочайшему повелѣнію всякое дѣло можетъ быть отнесено къ вѣдѣнію Совѣта.... Любопытна исторія возникновенія этого пункта 22, устанавливающаго *ничѣмъ неограниченную факультативную компетенцію Совѣта*" [3]). Проф. Сергѣевичъ неоднократно указываетъ, что нерѣдко дѣла, обыкновенно рѣшаемыя въ Думѣ, миновали ее и рѣшались царемъ единолично или въ тѣсномъ кругу приближенныхъ, что̀ для автора служитъ еще новымъ аргументомъ противъ Думы. Однако нѣчто подобное можно указать и относительно Государственнаго Совѣта. Проф. Коркуновъ говоритъ: „Согласно ст. 50 осн. зак. „всѣ предначертанія законовъ разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ", и правило это подтверждается въ учрежденіи Государственнаго Совѣта (ст. 23, п. 1) и въ учрежденіи министерствъ (ст. 198). Однако въ литературѣ нашей установилось такое воззрѣніе, что законодательная компетенція Государственнаго Совѣта не исключительная, что съ нимъ конкурируютъ въ этомъ отношеніи Военный совѣтъ, Адмиралтействъ совѣтъ и докладъ отдѣльныхъ министровъ. Такъ излагаетъ дѣло проф. Градовскій, и за нимъ повторяютъ то же самое проф. Сокольскій, Алексѣевъ и Эйхельманъ" (тамъ же, стр. 50). Самъ проф. Коркуновъ оспариваетъ такое мнѣніе, но его возраженія мало убѣдительны (особенно—о докладѣ министровъ); да притомъ есть большое различіе между положеніемъ дѣла de

---

[1]) Н. Коркуновъ, Русское государственное право, изд. 1893 г., т. II, стр. 54.

[2]) 1) изданіе законовъ общихъ, 2) изданіе законовъ частныхъ и 3) составленіе государственной росписи и разсмотрѣніе ея исполненія.

[3]) Коркуновъ, тамъ же, стр. 49—50. Курсивъ нашъ.

jure и de facto, и въ практикѣ Государственнаго Совѣта найдется не мало фактовъ, подтверждающихъ мнѣніе Градовскаго....

Здѣсь мы и закончимъ свои замѣчанія на книгу проф. Сергѣевича. Книга эта, какъ мы пытались показать, не достигаетъ поставленной авторомъ цѣли: „разрушить“ Думу, какъ учрежденіе; взглядъ прежнихъ изслѣдователей на этотъ предметъ остается непоколебленнымъ. Въ разобранномъ сочиненіи достаточно внутреннихъ противорѣчій и несоотвѣтствій историческимъ фактамъ, чтобы дать намъ право отвергнуть воззрѣнія автора. Однако книга проф. Сергѣевича заслуживаетъ занять мѣсто среди серьезныхъ изслѣдованій по исторіи русскаго права. Неожиданно—своеобразная точка зрѣнія автора, его острая (даже подъ-часъ злая) критика воззрѣній, сдѣлавшихся уже популярными, смѣлыя сближенія и толкованія историческихъ документовъ и фактовъ—все это возбуждаетъ массу вопросовъ, заставляетъ пересмотрѣть и строже оцѣнить тѣ положенія предшественниковъ автора, которыя прежде принимались болѣе довѣрчиво, требуетъ точной постановки вопросовъ и строго-опредѣленнаго ихъ рѣшенія.

Среди вопросовъ, возбуждаемыхъ изложеніемъ проф. Сергѣевича, мы считаемъ наиболѣе важнымъ вопросъ объ отношеніи Боярской Думы къ царской власти. Нельзя не согласиться съ проф. Владимірскимъ-Будановымъ, что вопросъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія. Такіе солидные ученые, какъ проф. Загоскинъ, Ключевскій, Владимірскій-Будановъ, согласно признающіе за Думой характеръ учрежденія, расходятся въ опредѣленіи характера отношеній царя и Думы. Читатель, пожелавшій узнать мнѣніе русскихъ ученыхъ по этому вопросу, получилъ бы сразу нѣсколько отвѣтовъ, другъ съ другомъ несогласныхъ. Указанный вопросъ обладаетъ той особенностью, что онъ разлагается на два вопроса, взаимно зависимыхъ, такъ что то или другое рѣшеніе одного вопроса повліяетъ и на рѣшеніе другаго, и наоборотъ. Эти два вопроса: 1) предѣлы царской власти въ Московскомъ государствѣ и 2) отношеніе къ этой власти Боярской Думы. При этомъ, съ одной стороны, опредѣливъ степень власти московскихъ государей, мы можемъ опредѣлить и отношеніе къ ней Думы: если царская власть неограничена, абсолютна, значитъ Дума—не ограничительное, а только вспомогательное учрежденіе; если власть царская не достигла еще абсолютизма, то Дума, такъ близко стоявшая къ царю и совершившая такую важную дѣятельность, естественно, можетъ

23*

счесться за участницу верховной власти. Съ другой стороны, сама царская власть, въ своихъ предѣлахъ и прерогативахъ, какъ явленіе обычнаго права,—не квалифицирована въ положительномъ законѣ и подлежитъ опредѣленію путемъ историческаго изслѣдованія, въ сопоставленіи съ другими явленіями, и ближе всего—съ Боярской Думой. И если бы оказалось, что Боярская Дума обладаетъ извѣстною самостоятельностью и участіемъ въ верховной власти, то, конечно, сообразно съ этимъ опредѣлится иначе и характеръ царской власти.

Отмѣченная особенность вопроса отозвалась разнообразіемъ отвѣтовъ, данныхъ разными учеными. Чтобы опредѣлить положеніе вопроса въ научной литературѣ, мы приведемъ здѣсь выписки изъ сочиненій ученыхъ, наиболѣе авторитетныхъ и характерныхъ по воззрѣніямъ.

Первое спеціальное изслѣдованіе о Боярской Думѣ принадлежитъ проф. Загоскину [1]); по богатству документальнаго матеріала, по систематичности и детальности изложенія—это до сихъ поръ не превзойденное изслѣдованіе Думы. На поставленные выше вопросы авторъ даетъ простые и ясные отвѣты. По его мнѣнію, власть московскихъ государей—абсолютна. „Московскій государь... обладаетъ полною, самодержавною и ничѣмъ неограниченною государственною властью. Въ силу этого ему одному лишь принадлежитъ неограниченное право на всякаго рода распоряженія, касающіяся наряда и управленія русской землею“ (Т. I, 140). При такомъ опредѣленіи власти государя, Боярская Дума, конечно, не могла быть ограничительнымъ учрежденіемъ. „По существу своему, Боярская Дума не раздѣляла съ государемъ правительственнаго бремени, но лишь помогала государю нести его, была учрежденіемъ вспомогательнымъ, совѣщательнымъ, но отнюдь не ограничительнымъ“ (Т. I, 39). „Какъ учрежденіе совѣщательное, а не ограничительное, Московская Боярская Дума настолько лишь обладала правомъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ, предоставлявшимся ея обсужденію, насколько предоставлялъ ей это право государь, какъ представитель верховной государственной власти“ (Т. II, вып. I, 15). Соотвѣтственно съ такими взглядами на власть государя и значеніе Думы представляется автору и исторія этого учрежденія. Вотъ, въ какихъ чертахъ намѣчаетъ онъ моменты и

---

[1]) Н. П. Загоскинъ, Исторія права Московскаго государства, Т. II, вып. I: Дума Боярская. Казань, 1879.

факторы исторіи Думы: „развивающееся самодержавіе великихъ князей“; „фактическое и юридическое стѣсненіе возможности отъѣздовъ“; „прежній (вольный) дружинникъ замѣняется *служилымъ человѣкомъ*, связаннымъ съ княземъ вѣрноподданнической присягой“; „паденіе для служилыхъ людей *права* на совѣщанія съ ними великихъ князей“ (Т. II, в. I, 20—21); думные *чины*, назначаемые княземъ,—какъ ограниченіе круга думцевъ и его демократизація; борьба Ивана IV съ боярствомъ и побѣда „развивающагося абсолютизма“ надъ „традиціями предшествовавшаго періода русской исторической жизни“; съ этого времени Дума Боярская окончательно выяснила свою будущую физіономію: она получила значеніе высшаго совѣщательнаго учрежденія безъ ограничительнаго для представителя верховной государственной власти начала“ (36).

Въ появившемся вслѣдъ за изслѣдованіемъ проф. Загоскина классическомъ трудѣ проф. Ключевскаго [1]) мы находимъ построеніе уже болѣе сложное.

Во-первыхъ, авторъ не торопится признать за властью московскихъ государей характеръ безусловной неограниченности. „Московское княжество, удѣльное по происхожденію, въ XIV в. ставшее великимъ по своимъ успѣхамъ, сдѣлалось національнымъ по своимъ территоріальнымъ границамъ при Иванѣ III и его преемникахъ“ (255). Но „новое національное значеніе московскаго государя въ первое время внушало больше неясныхъ чувствъ, чѣмъ опредѣленныхъ политическихъ понятій“ (257). Анализируя, далѣе, понятіе „самодержецъ“, проф. Ключевскій предупреждаетъ: „не слѣдуетъ думать, что въ этомъ терминѣ уже тогда сказалась ясно сознанная мысль, отрицавшая всякій раздѣлъ правительственной власти московскаго государя съ какою-либо другой внутренней политической силой“ (258) [2]). Допуская, такимъ образомъ, возможность „раздѣла правительственной власти“, авторъ въ Боярской Думѣ видитъ участницу верховной власти. Дѣятельность Думы захватывала все пространство верховной власти; дѣйствуя часто безъ личнаго присутствія государя, Дума не отдавала ему отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; ея приговоры имѣли силу закона, одинаковую съ указомъ

[1]) В. Ключевскій, Боярская Дума древней Руси. Москва, изд. 1-е 1882 г., изд. 2-е, 1883 г., изд. 3-е, 1902 г.

[2]) ... „Словомъ *„самодержецъ“* характеризовали не внутреннія политическія отношенія, а внѣшнее положеніе московскаго государя; подъ нимъ разумѣли правителя, не зависящаго отъ посторонней, чуждой власти, самостоятельнаго“ (259; въ 3-мъ изд. стр. 248).

государя“ (505) [1]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ высказывается такъ: Дума „является конституціоннымъ учрежденіемъ съ обширнымъ политическимъ вліяніемъ, но безъ конституціонной хартіи“ (3, въ 3-мъ изд. 5).

Съ этой точки зрѣнія освѣщается и исторія Думы. Властному значенію Думы соотвѣтствовали и политическія притязанія засѣдавшаго въ ней боярства; а возникшія въ смуту попытки боярства формально ограничить царскую власть являются только закрѣпленіемъ прежняго обычая въ писаномъ законѣ. Мысль оградить политическое значеніе Думы договоромъ съ государемъ возникла въ одномъ поколѣніи боярства подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ (353). Но „эта мысль внесла очень мало новаго въ правительственную практику: Дума, авторитетъ и дѣятельность которой были ограждены политическимъ договоромъ, дѣйствовала точно такъ же, какъ и прежде, правила и законодательствовала при Шуйскомъ, какъ и при Грозномъ. Это потому, что новая мысль не была новымъ началомъ въ устройствѣ московскаго государства: политическій договоръ былъ только замѣной правительственнаго обычая, дѣйствовавшаго въ XVI в., но поколебавшагося въ концѣ этого столѣтія“ (376, въ 3-мъ изд. 382).

Такимъ образомъ, по мнѣнію проф. Ключевскаго, власть великаго князя еще не достигла безусловной неограниченности, а Боярская Дума заявляла претензію на участіе и дѣйствительно участвовала въ верховной власти. Однако, обѣ эти политическія силы неясно сознавали и не опредѣляли точно своихъ взаимныхъ отношеній, а дѣятельность въ сферѣ *обычнаго* права, допускавшаго отклоненія въ ту и другую сторону, налагала на эти отношенія еще бо̀льшій отпечатокъ неопредѣленности. Въ виду этого проф. Ключевскій общее положеніе дѣла характеризуетъ въ формулѣ, осложняющей его построеніе новой чертой: „Боярская Дума древней Руси была учрежденіемъ, привыкшимъ дѣйствовать только при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, давній обычай неразрывно связывалъ обѣ эти политическія силы, и онѣ не умѣли дѣйствовать другъ безъ друга, срослись одна съ другой, какъ части одного органическаго цѣлаго... Точно такъ же и древне-русское общество не привыкло отдѣлять эти силы одну отъ другой, видѣло въ нихъ нераздѣльные элементы единой верховной власти; законъ являлся передъ

---

[1]) Въ 3-мъ изд. варіантъ: „ея приговоръ входилъ основнымъ моментомъ въ законодательный процессъ и имѣлъ силу государева указа, закона“. 524.

управляемыми въ видѣ государева указа и боярскаго приговора, и какъ въ боярскомъ приговорѣ они видѣли государевъ указъ, такъ и за государевымъ указомъ предполагается боярскій приговоръ" (442, въ 3-мъ изд. 452).

Примиряя двѣ политическія силы въ „органическомъ" единеніи власти и дѣятельности, построеніе проф. Ключевскаго, надо признаться, выигрываетъ въ стройности и жизненности, такъ сказать; отказываясь строго-юридически разграничить власть московскихъ государей и Думы и оставляя, тѣмъ самымъ, мѣсто извѣстной неопредѣленности, формула автора какъ разъ соотвѣтствуетъ характеру сферы обычнаго права, въ которой развивались обобщаемыя ею явленія, не кристализовавшіяся ни въ законѣ, ни въ сознаніи современниковъ съ достаточной ясностью.

Однако, та же формула, при всей ея внѣшней стройности, оставляетъ мѣсто нѣкоторому затрудненію и недоумѣнію. Устанавливая „органическое" единеніе царя и Думы, или, употребляя выраженіе проф. Владимірскаго-Буданова, „двойственность законодательной власти въ Москвѣ", формула эта оставляетъ открытымъ вопросъ: въ случаѣ кореннаго разногласія въ извѣстномъ вопросѣ царя и Думы, какой выходъ изъ затрудненія считать нормально-правовымъ?

Проф. Сергѣевичъ справедливо замѣчаетъ: „нельзя придумать никакой формы совмѣстности, при которой не пришлось бы, въ случаѣ разногласія, кому-нибудь уступить" (466); „нераздѣльные элементы единой верховной власти" здѣсь, во всякомъ случаѣ, раздѣляются. Тогда вопросъ: который изъ нихъ *долженъ* подчиниться другому? И если царь дѣлаетъ постановленіе вопреки волѣ Думы, будетъ ли это узурпаціей"?

Съ отмѣченнымъ неудобствомъ формулы „нераздѣльности элементовъ верховной власти" пришлось считаться и проф. Владимірскому-Буданову въ его „Обзорѣ исторіи русскаго права" [1]).

Подобно автору „Боярской Думы" и проф. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что „Дума есть учрежденіе, неотдѣлимое отъ царской власти" (180). „Понятіе о законѣ, какъ результатѣ *нераздѣльной* дѣятельности царя и Думы, доказывается всею исторіей законодательства въ московскомъ государствѣ" (181). Но эта „не-

---

[1]) Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е съ дополненіями. Кіевъ, 1900.

раздѣльность" была ли обязательна для государя, другими словами: имѣлъ ли онъ право законодательствовать безъ вѣдома и даже вопреки волѣ Думы? Въ изложеніи автора находимъ такой отвѣтъ: „царь въ дѣлѣ законодательства обладаетъ властью, которая не нуждается въ чужой санкціи, а нуждается лишь въ обсужденіи дѣла" (186). Слѣдовательно, Думѣ усвояется только совѣщательное значеніе. Въ такомъ случаѣ, можетъ ли она называться „элементомъ верховной власти"? И не послѣдовательнѣе ли будетъ возвратиться къ формулѣ, давно данной проф. Загоскинымъ?..

Мы отмѣтили нѣсколько взглядовъ, которые казались намъ наиболѣе характерными, по вопросу объ отношеніи Боярской Думы къ царской власти. Какъ видимъ, среди ученыхъ спеціалистовъ въ рѣшеніи вопроса нѣтъ необходимаго единогласія, такъ что, въ заключеніе, нельзя не пожелать новаго пересмотра всего вопроса о Боярской Думѣ, съ привлеченіемъ свѣжаго документальнаго матеріала и, быть можетъ, новыхъ точекъ зрѣнія и метода. Новое изданіе „Боярской Думы" В. О. Ключевскаго даетъ къ тому и внѣшній благопріятный поводъ.

Н. К. П—въ.

Вопросъ о нѣдрахъ и развитіе горной промышленности въ XIX столѣтіи. Составилъ членъ горнаго совѣта князь А б а м е л е к ъ-Л а з а р е в ъ. Спб. 1902.

Появившійся недавно подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ трудъ князя Абамелекъ-Лазарева представляетъ собой обширное изслѣдованіе въ 310 страницъ in 4° и распадается на двѣ части. Первая (IV+108) содержитъ изложеніе исторіи и современнаго состоянія горнаго права въ различныхъ странахъ свѣта, съ Россіей включительно, въ связи съ развитіемъ горной промышленности и факторовъ, ее опредѣляющихъ. Вторая (VIII+190) заключаетъ въ себѣ статистическія таблицы, изображающія сравнительное состояніе міровой производительности металловъ и минераловъ въ 1808, 1888 и 1898 г.г. по отдѣльнымъ странамъ, металламъ и минераламъ и характеризующія различныя стороны горнаго дѣла въ разныхъ странахъ. Къ изслѣдованію приложена, наконецъ, карта, изображающая въ краскахъ состояніе горныхъ промысловъ въ изученныхъ авторомъ областяхъ, и очеркъ дѣйствующаго въ Россіи горнаго права, составленной по извѣстному труду г. Штофа.

Сочиненіе имѣетъ своей задачей, по словамъ автора, „прослѣдить въ прошломъ и настоящемъ вліяніе горнаго права на развитіе горной промышленности или, точнѣе выражаясь, прослѣдить, въ какихъ странахъ и въ какое время развилась горная промышленность и какія въ то время основныя начала горнаго права существовали въ тѣхъ странахъ“ (стр. II). Ставя такъ вопросъ, оно преслѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и спеціальную цѣль показать, что „основныя начала горнаго права имѣютъ ничтожнѣйшее вліяніе на развитіе горной промышленности“ (тамъ же), и что въ частности и въ особенности всѣ высказывающіяся въ послѣднее время въ Россіи соображенія о вредѣ для развитія горной промышленности признанія нѣдръ земли собственностью землевладѣльцевъ и необходимости провозглашенія и въ Россіи, по примѣру нѣкоторыхъ западныхъ государствъ, началъ такъ называемой „горной свободы“, лишены основанія. Послѣднія двѣ мысли красной нитью проходятъ черезъ все изслѣдованіе; къ нимъ пріурочивается весь ходъ аргументаціи автора.

Первая глава изслѣдованія начинается съ указаній на то, что въ теченіе XIX вѣка наиболѣе производительными въ горномъ дѣлѣ оказались какъ разъ страны, гдѣ нѣдра земли признаны собственностью землевладѣльца, а именно: Англія, Соединенные Штаты и Россія, доставившіе въ 1808 г.—40,29%, въ 1888—66,76%, въ 1898 г.—62,36% всѣхъ добытыхъ въ мірѣ минераловъ и металловъ, въ то время какъ государства съ принципами горной свободы дали въ 1808 г.—59,71%, въ 1888 г.—33,24%, и въ 1898 г.—37,64% всей добычи. „Государства первой группы“, —говоритъ авторъ,—„не только въ теченіе XIX столѣтія отвоевали у государствъ второй группы первенствующее положеніе, но ихъ горная промышленность развилась несравненно быстрѣе, чѣмъ въ государствахъ второй группы, именно съ 1808 года по 1898 годъ стоимость продуктовъ горной промышленности Англіи съ колоніями, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Россіи увеличилась въ 18,58 разъ, а въ остальныхъ государствахъ только въ 7,57 разъ. Эти цифры доказываютъ, по мнѣнію автора,—что если признать за горными законами важное вліяніе на развитіе горной промышленности, то изъ теоріи развитія горной промышленности въ XIX столѣтіи надо вывести заключеніе, что Россіи незачѣмъ дѣлать заимствованія изъ законовъ тѣхъ странъ, которыя въ XIX столѣтіи отстали въ развитіи горной промышленности“ (3—4). Обращаясь къ разсмотрѣнію законовъ Англіи, авторъ находитъ, что благопріятствующимъ усло-

віемъ для развитія горной промышленности является въ нихъ лишь то, что собственникъ поверхности и нѣдръ имѣетъ право отдѣленія первой отъ вторыхъ и созданія двухъ особыхъ формъ обладанія: поверхностью и нѣдрами съ правомъ отчужденія послѣднихъ всѣми способами, независимо отъ правъ на поверхность. Такъ какъ это право принадлежитъ не только лэндлорду, но и фригольдеру, а въ Шотландіи и копигольдеру, то авторъ выводитъ отсюда и то заключеніе, что наличность мелкой собственности, къ каковой онъ причисляетъ владѣніе фригольдеровъ и копигольдеровъ, также нисколько не повліяла на ростъ горнаго дѣла. „При этомъ обстоятельствѣ и при общемъ распространенномъ въ Англіи маломъ паденіи угольныхъ пластовъ, при чисто горизонтальныхъ пластахъ угля, все-же,—говоритъ г. Абамелекъ-Лазаревъ,—всегда удавалось горнопромышленникамъ достигать соглашеній съ землевладѣльцами, несмотря на то, что кромѣ землевладѣльцевъ существуетъ въ Англіи множество арендаторовъ, имѣющихъ на нѣдра равныя права съ землевладѣльцами“ (стр. 6). Переходя къ сѣверной Америкѣ, авторъ также стремится показать, что горная промышленность развилась именно на тѣхъ пространствахъ, гдѣ нѣдра земли находились въ частной собственности владѣльцевъ поверхности и гдѣ было реципировано англійское право, а не на общественныхъ земляхъ, по отношенію къ которымъ дѣйствуютъ начала горной свободы. „Произволъ землевладѣльца дѣйствуетъ на 71% территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и лишь 29% ея составляютъ общественныя земли, при чемъ большинство ихъ сосредоточено именно въ штатахъ, гдѣ горной промышленности почти-что нѣтъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ она развилась въ старыхъ штатахъ, напр., въ Пенсильваніи, Нью-Іоркѣ, Огайо, Иллинойсѣ, издавна совсѣмъ нѣтъ общественныхъ земель. Поэтому надо признать, что и въ Сѣверной Америкѣ, какъ и въ Англіи, произволъ землевладѣльца никакого тормаза горной промышленности не составляетъ“ (стр. 15).

Что касается государствъ второй группы, гдѣ распоряженіе нѣдрами земли принадлежитъ государству (Испанія и испано-американскія государства, Австрія, Франція, Бельгія, Голландія, Пруссія и большинство германскихъ государствъ), то г. Абамелекъ-Лазаревъ обращаетъ вниманіе на то, что здѣсь эта принадлежность нѣдръ государству—исконное право послѣдняго и потому не образецъ для тѣхъ, гдѣ существовалъ издавна иной порядокъ. „Когда читаешь“,—говоритъ авторъ,—„что такой то законъ XIX столѣтія изъемлетъ изъ распоряженія земледѣльца нѣдра его земель, надо по-

мнить, что изъятіе это, постановленное въ XIX столѣтіи, только подтверждаетъ то, что существовало въ этихъ странахъ уже много столѣтій, такъ какъ землевладѣльцы утратили права распоряженія нѣдрами своей земли въ Испаніи съ XIV столѣтія, въ Германіи съ XIV вѣка, во Франціи съ XV вѣка. Поэтому нельзя въ Россіи изъять изъ распоряженія землевладѣльца полезныя ископаемыя, не касаясь и не нарушая его правъ на нѣдра, и утверждать, что такое изъятіе было бы повтореніемъ того же, что постановлено въ XIX столѣтіи во Франціи, Германіи и Испаніи" (стр. 17). Существо новыхъ законовъ Франціи, Германіи и другихъ государствъ этой группы авторъ видитъ не въ этомъ фактѣ, а главнымъ образомъ въ освобожденіи горной промышленности отъ административной опеки и въ томъ, что по примѣру Англіи въ нихъ установленъ отдѣльный видъ обладанія нѣдрами. „Англійское обычное право разрѣшаетъ землевладѣльцу учредить изъ нѣдръ отдѣльный видъ собственности. Французскій горный законъ 1810 года есть первый горный законъ, установляющій изъ нѣдръ или лучше изъ концессій на разработку ископаемыхъ отдѣльный видъ недвижимой собственности. Прусскій законъ 1865 года послѣдовалъ этому примѣру. Въ Англіи издавна горнопромышленникъ былъ свободенъ отъ административной опеки, то же установили въ XIX столѣтіи и французскій, и прусскій, и испанскій законы" (стр. 17). На счетъ этихъ двухъ факторовъ авторъ ставитъ все хорошее, что сдѣлано для успѣховъ горной промышленности въ этихъ странахъ; наоборотъ, принципъ горной свободы, взятый самъ по себѣ, лишь повредилъ ея развитію, что и выразилось въ отмѣченномъ выше уменьшеніи производства. „Законы подобнаго рода (т. е. вводящіе начало горной свободы)"—заканчиваетъ авторъ свои замѣчанія, касающіеся западнаго горнаго права,—„нарушая право собственности землевладѣльца, не способствуютъ даже открытію мѣсторожденій, они только лишаютъ землевладѣльца права оставлять втуне мѣсторожденія, когда на него есть спросъ и когда является серьезный предприниматель, дающій землевладѣльцу приличное вознагражденіе. Но если все это серьезно такъ представляется землевладѣльцу, то и безъ всякаго закона землевладѣлецъ либо самъ начнетъ разработку, либо передастъ ее другому. Личный интересъ всякаго сдѣлаетъ скорѣе и проще все, чего хочетъ достигнуть подобный законъ. Примѣръ сѣры въ Сициліи и нефти въ Румыніи и отсутствіе сколько бы то ни было серьезной разработки другихъ ископаемыхъ—лучшее доказательство безцѣльности подобныхъ законовъ" (27—8).

Приведенныя мысли и соображенія, почерпнутыя изъ изученія западнаго права, составляютъ основаніе для оцѣнки хода развитія горнаго дѣла въ Россіи, выясненія его успѣховъ и темныхъ сторонъ, а также для опредѣленія желательной по отношенію къ нему политики правительства. Во 2-й главѣ своей работы излагая извѣстную исторію горнаго законадательства въ XVIII вѣкѣ, г. Абамелекъ-Лазаревъ старается доказать, что развитіе горной промышленности во второй половинѣ этого вѣка точно такъ же обусловливается не началомъ горной свободы, введенной петровскимъ законодательствомъ, а исключительно особыми заботами и покровительствомъ, оказанными горному дѣлу какъ самимъ Петромъ, такъ и его преемниками. Значительную роль сыграло и провозглашеніе независимости землевладѣльца отъ администраціи, сдѣланное въ манифестѣ 30 іюня 1782 года, запрещавшемъ „казеннымъ палатамъ и прочимъ мѣстамъ и начальствамъ въ управленіе и распоряженіе заводовъ и промысловъ частныхъ людей вступаться“ (стр. 32). Что касается казенныхъ земель, то авторъ думаетъ, что здѣсь законодательствомъ XIX вѣка не столько проведены принципы горной свободы, сколько развиты начала частновладѣльческаго хозяйства казны на своихъ земляхъ. Тамъ же, гдѣ были провозглашены начала дѣйствительной горной свободы, какъ въ законѣ 16 іюня 1870 г., касающагося Польши, въ которомъ правительство послѣ Польскаго мятежа не стѣснялось нарушить права польскихъ помѣщиковъ, мы замѣчаемъ лишь неблагопріятныя послѣдствія. „Всякое нарушеніе законныхъ частныхъ правъ“,—говоритъ авторъ,—„приводитъ къ нежелательнымъ съ государственной точки зрѣнія послѣдствіямъ и въ данномъ случаѣ привело къ захвату нѣдръ земли нѣмцами и евреями, къ небывалому расхищенію подземныхъ богатствъ и нисколько не содѣйствовало развитію горной промышленности, которая точно такъ же развилась бы, если бы ничьи права не нарушались“ (стр. 39).

Въ 3-й главѣ авторъ даетъ подробную оцѣнку факторовъ, содѣйствовавшихъ развитію горной промышленности въ Россіи и приходитъ къ заключенію, что „если только сравнивать сравнимыя величины, русская горная промышленность развивалась правильно, органически и не менѣе успѣшно, чѣмъ въ прочихъ странахъ. Если же въ нѣкоторыхъ изъ нихъ развитіе шло быстрѣе, то только потому, что у нихъ были факторы, отсутствовавшіе у насъ“ (стр. 40). Среди послѣднихъ авторъ отмѣчаетъ, напр., то обстоятельство, что въ то время какъ въ Англіи уже съ 1798 г. выплавка чугуна со-

вершается исключительно на минеральномъ топливѣ, въ Россіи, наоборотъ, до 80-хъ годовъ XIX столѣтія она происходила исключительно на древесномъ углѣ. Вліяніе этого фактора сравнительно съ системой горнаго законодательства видно изъ того, что въ Швеціи, гдѣ издавна дѣйствуетъ принципъ горной свободы и гдѣ выплавка чугуна производится также на древесномъ углѣ, развитіе горной промышленности отстало отъ русскаго, гдѣ горной свободы не было. Въ теченіе XIX столѣтія выплавка чугуна на древесномъ топливѣ увеличилась въ Россіи въ 11 разъ, а въ Швеціи только въ 7, при чемъ въ каждое десятилѣтіе шведская выплавка отставала отъ русской. „Не замѣчали",—говоритъ авторъ,—„также того, что быстрый ростъ выплавки чугуна въ другихъ странахъ происходилъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ, главнѣйше отъ развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ, строившихся изъ металловъ отечественнаго производства, и отъ перехода выплавки чугуна съ древеснаго горючаго на минеральное" (стр. 42). Обращаясь въ частности къ вліянію желѣзнодорожнаго строительства, авторъ указываетъ на то, что „въ Соединенныхъ Штатахъ при территоріи, въ два слишкомъ раза меньше нашей, въ пять разъ больше желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ у насъ", и что „наше желѣзнодорожное товарное движеніе имѣетъ лишь самое отдаленное сходство съ таковымъ не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ Западной Европѣ. Наши товарные поѣзда должны идти по 18 верстъ въ часъ, но такъ какъ въ каждый данный моментъ $^5/_6$ всего подвижнаго состава стоитъ на станціяхъ, а лишь $^1/_6$ вагоновъ въ движеніи, то получается дѣйствительная скорость нашего движенія *въ три версты въ часъ.* Вполнѣ понятно, почему во многихъ мѣстностяхъ даже при нашихъ данныхъ тарифахъ желѣзныя дороги не могутъ конкурировать съ гужевою доставкою" (стр. 44). „Какъ же говорить о развитіи промышленности при такихъ условіяхъ",—восклицаетъ авторъ,—„какъ сравнивать быстроту роста горной промышленности у насъ и въ западноевропейскихъ государствахъ, не говоря уже о Соединенныхъ Штатахъ. Почему не принимаютъ въ разсчетъ число городовъ у насъ и за границею, размѣры различныхъ отраслей промышленности и торговли, богатства населенія, его числа и густоты. Вездѣ и во всемъ мы отстали, мы бѣдны!" (ст. 45). Возвращаясь между прочимъ снова къ Польшѣ, авторъ говоритъ, что тамъ начинается съ 1874 г. развитіе горной промышленности именно потому, что съ этого времени началась здѣсь постройка желѣзныхъ дорогъ, и притомъ необходимыхъ для развитія въ этомъ краѣ

горной промышленности (стр. 48). Вторая половина главы посвящена доказательству того, что и въ Россіи права землевладѣльцевъ на нѣдра земли отнюдь не препятствовали развитію горнаго дѣла, а наоборотъ правила 2 іюня 1887 года, пытавшіяся провести начала горной свободы на казенныхъ земляхъ сопровождались цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ послѣдствій. „Теперь",—говоритъ авторъ,—„прошло уже время, когда опасались, какъ бы землевладѣлецъ своимъ отказомъ разрѣшить добычу руды на своей землѣ не помѣшалъ развитію горной промышленности; теперь, напротивъ, каждый, будь то частное лицо или крестьянское общество, старается найти горнопромышленника, который купилъ бы у него право добычи ископаемыхъ" (стр. 50). Цѣлымъ рядомъ фактовъ авторъ подтверждаетъ это положеніе. Въ общемъ, по его словамъ, нельзя нигдѣ указать, чтобы горная промышленность должна была платить землевладѣльцамъ чрезмѣрную плату (стр. 54). Наоборотъ, вознагражденіе за заявки и отводы на казенныхъ земляхъ, платимое, по словамъ автора, часто „лишь за благую мысль поставить заявочный столбъ на мѣсторожденіи, всѣмъ извѣстномъ, и за умѣнье заставить неопытныхъ капиталистовъ уплатить имъ деньги",—очень велико. „Цифры и даты показываютъ намъ",—заключаетъ г. Абамелекъ-Лазаревъ свой подробный разборъ правилъ 7 іюня 1887 года,—„что все огромное развитіе горной промышленности въ Россіи и въ концѣ XIX столѣтія имѣло мѣсто на земляхъ частныхъ, общественныхъ и на казенныхъ, не подлежащихъ дѣйствію закона 2 іюня 1887 года, а если же на подлежащихъ ихъ дѣйствію, то исключительно вслѣдствіе другихъ факторовъ, какъ то отъ постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ и отъ казенныхъ развѣдокъ или поисковъ" (стр. 59).

Отрицая такимъ образомъ необходимость какого-либо кореннаго измѣненія началъ нашего законодательства, въ особенности уничтоженія правъ землевладѣльцевъ на нѣдра земли, г. Абамелекъ-Лазаревъ не отрицаетъ необходимости цѣлаго ряда частичныхъ улучшеній этого законодательства. „Всегда своевременно стремиться, замѣчаетъ онъ,—безъ нарушенія чьихъ бы то ни было правъ, къ улучшенію дѣйствующихъ у насъ законовъ и къ дополненію ихъ пробѣловъ, оказавшихся при ростѣ разныхъ отраслей русской горной промышленности" (стр. 61). Указанію этихъ улучшеній посвящена 4 глава изслѣдованія. Среди нихъ наиболѣе важнымъ авторъ считаетъ предоставленіе землевладѣльцамъ права установленія въ своихъ владѣніяхъ отдѣльныхъ видовъ собственности на поверхность и нѣдра земли. По дѣйствующимъ законамъ, „земле-

владѣлецъ не можетъ",—говоритъ авторъ,—„отчудить свою землю, оставивъ за собою нѣдра, или же отчудить нѣдра, оставивъ за собою поверхность; во вторыхъ, землевладѣлецъ можетъ сдать нѣдра своей земли въ аренду только на короткій срокъ. Оба эти условія и стѣснительны для землевладѣльца, и вредны для горной промышленности. Очень часто для горнопромышленника необходимо занять лишь незначительную часть отдѣльнаго владѣнія, а по нашимъ законамъ онъ долженъ пріобрѣсть или заарендовать все владѣніе. Иногда землевладѣлецъ готовъ продать нѣдра своей земли сосѣднему горнопромышленнику, въ особенности если по своимъ малымъ размѣрамъ его земля недостаточно велика для созданія отдѣльной копи или рудника, но онъ не хочетъ лишаться права собственности на поверхность земли, которую онъ воздѣлываетъ, или которая необходима ему, напримѣръ, какъ прогонъ для скота къ водопою. Дайте только землевладѣльцу право продажи своей земли безъ нѣдръ, или нѣдръ безъ земли, и этимъ устранилась бы масса затрудненій въ соглашеніяхъ горнопромышленниковъ съ землевладѣльцами, и въ особенности съ сельскими обществами, въ случаяхъ черезполосности угодій, равно какъ облегчились бы и всѣ разверстанія угодій и надѣловъ тамъ, гдѣ еще они не окончены" (стр. 64). Право отдѣльной собственности на нѣдра сильно, по словамъ автора, содѣйствовало бы развитію горной промышленности. „Земельная собственность, отдѣленная отъ ея нѣдръ, ставъ менѣе дорогой, находила бы также больше покупателей для цѣлей воздѣлыванія земли. Другими словами, землевладѣлецъ не долженъ былъ бы платить цѣны за ненужныя ему нѣдра, а горнопромышленникъ за ненужную ему поверхность". Авторъ, однако, не находитъ удобнымъ для Россіи признаніе отдѣльной собственности на нѣдра, подобно западному праву, собственностью *недвижимой*. „Въ отличіе отъ большинства западноевропейскихъ законодательствъ, признающихъ отводъ за собственность недвижимую (то же въ Царствѣ Польскомъ по 371 ст. уст. горн.), отводы, учреждаемые на своей землѣ землевладѣльцемъ, чтобы походить на отводы, учиненные для золота на казенныхъ земляхъ, должны были бы быть признаваемы имуществами *движимыми* (ст. 430 уст. горн., 403 зак. гражд.), переуступаемыми другимъ лицамъ нотаріальнымъ порядкомъ. Конечно, замѣчаетъ авторъ,—признаніе такихъ отводовъ имуществомъ недвижимымъ давало бы возможность ипотечнаго займа подъ залогъ отвода; но до изданія въ Россіи ипотечнаго устава залогъ отводовъ врядъ ли могъ бы быть осуществляемъ, а между тѣмъ пришлось

бы въ такомъ случаѣ отводы, признанные имуществомъ недвижимымъ, переуступать крѣпостнымъ порядкомъ“ (стр. 64—5).

Изъ другихъ улучшеній дѣйствующаго права г. Абамелекъ-Лазаревъ настаиваетъ на необходимости допущенія долгосрочной аренды нѣдръ земли и въ особенности аренды до выработки мѣсторожденія. Существующій законный срокъ аренды въ 12 лѣтъ слишкомъ кратокъ, а „для горнопромышленныхъ арендъ необходимы сроки возможно длиннѣе, чтобы арендаторъ не имѣлъ причины стараться неправильными способами работъ извлечь возможно быстро и дешево самое большое количество ископаемаго и оставить большія его количества навсегда потерянными въ рудникѣ. Безсрочные договоры вплоть до выработки мѣсторожденія предпочтительнѣе, чѣмъ долгосрочные, такъ какъ техническія затрудненія въ оборудованіи родника или годы плохаго сбыта могутъ повести къ тому, что, быть можетъ, значительная часть срока аренды пройдетъ почти-что въ бездѣйствіи рудника. Тогда въ оставшіеся до срока годы арендаторъ, чтобы наверстать потерянное время и деньги, можетъ повести дѣло хищнически. При безсрочномъ же договорѣ арендаторъ, зная, что рудникъ черезъ опредѣленное число лѣтъ у него не отнимется, будетъ вести добычу такъ же, какъ собственникъ рудника, который ведетъ добычу, съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти наслѣдники могли продолжать работы. Итакъ, очень желательно“,—заключаетъ авторъ,—чтобы законъ позволялъ безсрочныя горнопромышленныя аренды“ (стр. 66—7). Независимо отъ безсрочныхъ или долгосрочныхъ арендъ необходимо, по мнѣнію автора, установить у насъ „для самыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ новый порядокъ, существующій въ Саксоніи, въ Пруссіи и Австріи, и который станетъ осуществимымъ и у насъ, какъ только наши законы допустятъ раздѣленіе, по желанію собственника, собственности поверхности земли отъ собственности нѣдръ“. Авторъ говоритъ „объ образованіи, по желанію нѣсколькихъ землевладѣльцевъ, изъ собственности нѣдръ ихъ смежныхъ мелкихъ участковъ одной общей горной собственности для созданія одного горнопромышленнаго предпріятія“ (67). Это объединеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, называемое на западѣ консолидаціей, допустимо у насъ въ Царствѣ Польскомъ съ разрѣшенія Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Мы съ нѣкоторою подробностью остановились на передачѣ содержанія книги князя Абамелекъ-Лазарева, такъ какъ она даетъ послѣдовательное проведеніе одного изъ взглядовъ на желательный въ будущемъ ходъ развитія русскаго горнаго законодательства.

Авторъ, несомнѣнно, до извѣстной степени правъ въ своихъ указаніяхъ на то, что тотъ или другой характеръ горнаго права не самый главный факторъ въ развитіи горной промышленности, и въ этомъ отношеніи имѣетъ большой интересъ сдѣланное имъ перечисленіе другихъ, чисто экономическихъ и техническихъ факторовъ ея развитія. Но слѣдуетъ, съ другой стороны, отмѣтить также и то, что принятый имъ способъ доказательства этого положенія, состоящій въ указаніяхъ на то, что горная промышленность развилась какъ разъ въ странахъ, строй горнаго права которыхъ вызываетъ въ настоящее время большое количество порицаній, въ той общей формѣ, какую придаетъ ему авторъ, не можетъ быть признанъ особенно убѣдительнымъ. Изъ того, что страны, сохранившія ненарушимо принципъ частной собственности на нѣдра, производятъ въ общей сложности больше продуктовъ горной промышленности, чѣмъ страны, проводящія принципъ горной свободы, не слѣдуетъ, еще, что тотъ или иной характеръ горнаго права не оказываетъ вліянія на улучшеніе *возможнаго для каждой страны* горнаго производства. Въ общемъ составѣ предметовъ производства, приводимомъ авторомъ, находится, конечно, и производство нефти; между тѣмъ далеко не всѣ страны обладаютъ нефтяными источниками, а широкое развитіе этого вида разработки нѣдръ земли въ Россіи и Америкѣ, увеличивъ цифру, показывающую общій составъ продуктовъ, не говоритъ вовсе о томъ, что горное право Россіи и Америки лучше горнаго права Германіи. Для доказательства мысли автора важно было бы статистическое изслѣдованіе, выдѣлившее роль вліянія горнаго права изъ состава другихъ факторовъ, по отношенію къ каждой странѣ. Этого же авторомъ не сдѣлано, а между тѣмъ изъ статистическихъ таблицъ, приложенныхъ къ его книгѣ, можно извлечь, напр., слѣдующее указаніе. Таблица на стр. 21, дающая свѣдѣнія объ общей производительности металловъ и минераловъ для Пруссіи, Саксоніи, Австріи и нѣкоторыхъ другихъ странъ, даетъ относительное увеличеніе производства за періодъ времени отъ 1888 до 1898 гг. гораздо большее (почти въ 4 раза), чѣмъ для Англіи и колоній (меньше чѣмъ въ $1^1/_2$ раза), и еще меньше для Соединенныхъ Штатовъ (стр. 17 и 18 прил.). Кромѣ того и приводимыя самимъ авторомъ цифры общаго количества производства даютъ за тотъ же періодъ увеличеніе. Отсутствіе такого статистическаго изслѣдованія мы считаемъ крупнымъ пробѣломъ въ книгѣ, дающей, правда, вмѣсто него статистическій матеріалъ, но разработка послѣдняго доступна далеко не каждому читателю.

Что касается затѣмъ рѣшенія по существу вопроса о преимуществахъ принципа горной свободы передъ началомъ частной собственности на нѣдра, то это вопросъ слишкомъ сложный, чтобы его можно было разбирать въ рецензіи; притомъ же аргументаціи защитниковъ горной свободы выходятъ изъ нѣкоторыхъ болѣе общихъ предпосылокъ, чѣмъ тѣ, съ которыми считается авторъ. Но мы согласны въ этомъ вопросѣ съ авторомъ въ томъ отношеніи, что для Россіи рѣшеніе этого вопроса имѣетъ въ настоящее время далеко непервостепенное значеніе. Гораздо важнѣе въ настоящее время выработка у насъ юридическихъ формъ, въ которыхъ возможно было бы полученіе для горнопромышленниковъ обладанія нѣдрами земли соотвѣтственно потребностямъ производства, все равно отъ казны или частныхъ собственниковъ. Направленныя въ эту сторону замѣчанія автора кажутся намъ совершенно справедливыми. Мы не считаемъ только возможнымъ согласиться съ той юридической конструкціей, которую предлагаетъ авторъ, отстаивая необходимость отдѣленія собственности на нѣдра отъ собственности на поверхность, а именно признаніемъ права на нѣдра движимой собственностью съ возможностью переуступки по нотаріальнымъ актамъ.

Вопросъ о правѣ на нѣдра былъ у насъ недавно предметомъ обсужденія въ Сенатѣ по дѣлу Кожина, при чемъ Сенатъ, идя на встрѣчу потребностямъ горной промышленности, путемъ свободной интерпретаціи дѣйствующихъ законовъ совершенно удовлетворилъ желаніямъ князя Абамелекъ-Лазарева (Сборн. рѣш. за 1902 г. № 36). Но это рѣшеніе, представляющее несомнѣнно одну изъ любопытныхъ и смѣлыхъ попытокъ правоваго творчества, вызываетъ между прочимъ, возраженіе съ той стороны, что оно перестроиваетъ всю систему вещнаго права и въ значительной степени спутываетъ отношенія между собственниками земли, владѣльцами нѣдръ и третьими лицами, не говоря уже о столкновеніяхъ съ горнымъ уставомъ. Подробный разборъ этого рѣшенія даетъ выше г. Гуссаковскій. Мы позволимъ себѣ только добавить къ его соображеніямъ то замѣчаніе, что, идя по этому пути, мы въ концѣ концовъ вычеркнемъ изъ области гражданскаго права самое понятіе недвижимости и измѣнимъ весь порядокъ юридическаго обладанія ею. Отчужденіе нѣдръ по нотаріальнымъ, слѣдовательно неукрѣпленнымъ старшимъ нотаріусомъ актамъ, или путемъ внесенія въ вотчинныя книги, должно повести къ многочисленнымъ и часто неразрѣшимымъ спорамъ между правопреемниками собственности на поверх-

ность, законопринимателями и владѣльцами нѣдръ, а также и другими заинтересованными лицами. Наложеніе же запрещеній на имѣнія, къ которымъ принадлежатъ нѣдра, въ интересахъ избѣжанія этихъ споровъ, ведетъ въ сущности къ признанію нѣдръ недвижимой собственностью, какъ всякое укрѣпленіе. Не правильнѣе ли, поэтому, по примѣру западныхъ законодательствъ, прямо признать нѣдра земли особой недвижимой собственностью? Желаніе освободить горнопромышленниковъ или землевладѣльцевъ отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ, неизбѣжныхъ при совершеніи укрѣпленій, едва ли можетъ быть признано правильнымъ. Въ стоимость имѣній, съ которой исчисляются казенныя пошлины, входятъ теперь и нѣдра земли; выдѣленіе нѣдръ въ особую собственность обезцѣниваетъ землю и слѣдовательно уменьшаетъ доходы казны въ пользу землевладѣльцевъ или горнопромышленниковъ, а это едва ли справедливо въ то время, когда говорятъ усиленно о преимущественномъ правѣ государства на нѣдра земли.

В. Нечаевъ.

С. М. Горяиновъ—Руководство для консуловъ. Спб. 1903. XVI+791 стр. Ц. 4 руб.

Дѣйствующее русское консульское право составляетъ какъ бы секретъ тѣхъ лицъ, которымъ приходится его примѣнять ex professo. Скудныя и безсистемныя постановленія нашего болѣе чѣмъ устарѣлаго консульскаго устава даютъ лишь крайне недостаточныя руководящія начала для дѣятельности нашихъ консульскихъ представителей. По многимъ весьма существеннымъ вопросамъ совершенно неизвѣстно, чѣмъ руководствуются русскіе консулы, гдѣ тѣ нормы, которыя регулируютъ ихъ служебную дѣятельность, тѣ предписанія, къ которымъ они примѣняются при отправленіи своихъ обязанностей.

Трудъ г. Горяинова въ значительной степени содѣйствуетъ разъясненію этихъ недоразумѣній—печальнаго послѣдствія хаотическаго состоянія нашего законодательства—и поднимаетъ завѣсу, скрывающую отъ глазъ непосвященныхъ тайну нашего консульскаго права. Его руководство ставитъ себѣ задачею изложить въ систематическомъ порядкѣ постановленія русскаго законодательства, касающіяся дѣятельности консуловъ или имѣющія съ нею ближайшее соприкосновеніе. Въ этихъ видахъ имъ рядомъ съ зако-

нами приведены соотвѣтствующія статьи конвенцій и другихъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ иностранными государствами, постановленія финляндскаго законодательства по морскому и торговому праву, разъясненія, преподанныя правительственными распоряженіями разныхъ вѣдомствъ, опредѣленія судебныхъ мѣстъ русскихъ и иностранныхъ, а также выводы, основанные на консульской практикѣ. Что же касается системы распредѣленія матеріала, то она заключается въ изложеніи текста законовъ или главныхъ положеній, опредѣляющихъ послѣдовательную связь между разнородными предметами, входящими въ кругъ консульской дѣятельности, и приведенныхъ поэтому подъ особой нумераціей. Всѣхъ статей 913; къ изданію, кромѣ того, приложены списокъ консульствъ (русскихъ) за границей, съ указаніемъ раіоновъ ихъ дѣятельности, отчетныя вѣдомости, списокъ иностранныхъ консульствъ въ Россіи и, наконецъ, весьма подробные сравнительный, хронологическій и алфавитный указатели.

Руководство г. Горяинова составляетъ такимъ образомъ настоящій vade mecum для консуловъ. Особенно цѣнны разъясненія къ отдѣльнымъ статьямъ законовъ. Въ этомъ отношеніи руководство выгодно отличается отъ общераспространеннаго типа такъ называемыхъ изданій съ комментаріями. Въ этихъ послѣднихъ составители обыкновенно ограничиваются выписками изъ различныхъ оффиціальныхъ документовъ—циркуляровъ, представленій въ Государственный Совѣтъ и т. п.,—или же тезисами, извлеченными изъ кассаціонныхъ рѣшеній Сената. У г. Горяинова же разъясненія носятъ двоякій характеръ: одни изъ нихъ состоятъ изъ выписокъ, въ родѣ только что указанныхъ, другія же являются поясненіями, иногда весьма подробными и обстоятельствами, составленными на основаніи дѣлъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, указаній научной литературы и т. д. По нимъ можно дѣйствительно ознакомиться съ существующей практикой и получить отвѣтъ на весьма многіе вопросы, оставленные нашимъ законодательствомъ совершенно открытыми. Многія изъ нихъ, заключая въ себѣ абстрактное положеніе, общее руководящее правило, носятъ субъективный характеръ, отражая воззрѣнія автора на тотъ или другой предметъ; то же слѣдуетъ сказать и относительно нѣкоторыхъ толкованій тѣхъ или другихъ статей конвенцій, договоровъ и т. п. Такъ, напр., говоря объ отобраніи показаній у консуловъ по уголовнымъ дѣламъ, авторъ замѣчаетъ, что дача письменнаго показанія и отобраніе таковаго на мѣстѣ жительства свидѣтеля не предусмотрѣна конвенціями—изъ этого

слѣдуетъ заключить, что если показаніе консула является существеннымъ по уголовному дѣлу, послѣднее должно быть отложено для выслушанія его судомъ, впредь до выздоровленія свидѣтеля или возможности ему явиться на засѣданіе суда. Ясно, что это личное мнѣніе автора, противъ котораго, по существу, возможенъ споръ. Подобнаго рода разъясненій въ книгѣ довольно много, и ихъ, на нашъ взглядъ, слѣдовало бы отдѣлить отъ другихъ, являющихся объективнымъ изложеніемъ существующей практики, хотя бы, напр., особымъ шрифтомъ или самостоятельной нумераціей и т. п.

Отличительное свойство руководства г. Горяинова составляетъ полнота. Выписано рѣшительно все, что имѣетъ отношеніе къ консульской дѣятельности и юридическому положенію консуловъ. Автора можно даже упрекнуть въ излишней щедрости, такъ какъ имъ приводятся такія узаконенія, какъ, напр., правила о наградахъ, которыя имѣютъ общее значеніе для всѣхъ должностныхъ лицъ. Подобное embarras de richesse безъ особенной пользы для дѣла увеличиваетъ объемъ книги и вмѣстѣ съ тѣмъ и ея цѣну.

Нѣсколько удивляетъ насъ за то скудость разъясненій, касающихся консульской юрисдикціи на востокѣ. Дѣйствующія законодательныя постановленія, какъ извѣстно, касаются этого важнаго вопроса лишь крайне поверхностно, оставляя нерегламентированными многія весьма существенныя стороны этого института, и этотъ пробѣлъ лишь въ незначительной степени восполняется договорнымъ правомъ. Все основано, очевидно, на практикѣ, и эту практику, само собою разумѣется, было бы крайне интересно раскрыть. Между тѣмъ какъ разъ въ этой области руководство не даетъ почти никакихъ указаній и ограничивается перепечаткой статей закона и договоровъ съ восточными державами. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, ибо г. Горяиновъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было, могъ бы пролить свѣтъ на этотъ таинственный уголъ нашего консульскаго права.

Въ общемъ, книга производитъ впечатлѣніе крайне добросовѣстнаго и умѣло составленнаго труда. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что она принесетъ большую пользу всѣмъ нашимъ консульскимъ дѣятелямъ и значительно облегчитъ ознакомленіе съ консульскимъ правомъ всѣмъ, интересующимся этой важной отраслью правовѣдѣнія.

Л. Шалландъ.

Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири и Степнаго края. По новому, 1902 года, изданію положеній о сельскомъ состояніи (Свод. зак., Т. IX, Особ. прил. къ зак. сост.), учрежденій Сибирскому, положеніямъ: Степному, Инородческому и Забайкальскому, другимъ частямъ Свода законовъ, продолженію къ Своду 1902 года и узаконеніямъ, не вошедшимъ въ это продолженіе, съ разъясненіями по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената и циркулярамъ Министерствъ. Составилъ Г. Г. Савичъ, С.-Петербургъ, 1903. стр. 472+336+XXXVIII. Цѣна 4 р. 50 к.

Настоящій сборникъ г. Савича построенъ по той же системѣ и съ примѣненіемъ тѣхъ же пріемовъ, которые легли въ основу изданнаго имъ же въ концѣ прошлаго года „Сборника законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселянъ внутреннихъ губерній Россіи“ [1]. Предпославъ рѣдкій для справочнаго изданія историческій очеркъ присоединенія къ Россіи тѣхъ обширныхъ территорій, которыхъ касается новый сборникъ, и обзоръ законодательства, въ послѣдовательномъ его развитіи и современномъ состояніи, объ устройствѣ мѣстнаго населенія, составитель излагаетъ свой трудъ по тремъ отдѣламъ: объ общественномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ, о поземельномъ ихъ устройствѣ и объ установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами. Въ дополнительномъ 4-мъ отдѣлѣ приведены разныя извлеченія изъ Свода законовъ и отдѣльныхъ узаконеній и правительственныя распоряженія, дополняющія и разъясняющія матеріалъ первыхъ трехъ отдѣловъ.

Въ основѣ сборника лежатъ постановленія Особаго приложенія къ законамъ о состояніяхъ. Изъ этой части Свода включено полностью, прежде всего, все то, что относится непосредственно къ Сибири, т. е. книга VI, касающаяся поземельнаго устройства населенія губерній Тобольской, Томской (въ томъ числѣ Алтайскаго округа), Енисейской, Иркутской и области Забайкальской, и та часть книги III, въ которую внесено временное положеніе о крестьянскихъ начальникахъ [2], а затѣмъ и тѣ отдѣлы общихъ постановленій, дѣйствіе которыхъ распространяется на Сибирь. Сюда, прежде

[1]) См. Журн. Мин. Юст. 1903 г. Январь.

[2]) Постановленія этой книги о завѣдываніи крестьянскими дѣлами въ Акмолинской и въ Амурской областяхъ (ст. 393—404 и 502—505) не включены въ сборникъ, какъ нынѣ не дѣйствующія, за распространеніемъ на означенныя области временнаго положенія о крестьянскихъ начальникахъ.

всего, относится большинство правилъ книги I (общ. пол.). Какъ извѣстно, для общественнаго устройства сибирскихъ крестьянъ особаго положенія не существуетъ, и оно опредѣляется, съ нѣкоторыми незначительными отступленіями, общими для всѣхъ мѣстностей правилами по этому предмету или же тѣми специальными, которыя установлены для Закавказья. Въ виду этого соотвѣтствующій I отдѣлъ сборника образованъ изъ общаго о крестьянахъ положенія (въ составъ котораго входятъ всѣ вышеозначенныя правила), съ исключеніемъ тѣхъ немногихъ его постановленій (ст. 371—383), которыя касаются бывшихъ колонистовъ и потому къ Сибири непримѣнимы [1]). Подобно тому, какъ въ число правилъ объ общественномъ устройствѣ включены, по приведенному выше основанію, постановленія, изданныя для Закавказья (прилож. № 38), такъ, на ряду съ положеніемъ о крестьянскихъ начальникахъ, въ сборникѣ помѣщено (прилож. № 61) дѣйствующее въ 6 западныхъ губерніяхъ положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, въ томъ соображеніи, что новыя крестьянскія установленія въ Сибири, въ порядкѣ своихъ дѣйствій обязаны руководствоваться подлежащими правилами этого положенія (Особ. прил., кн. III, ст. 450, 463).

Этимъ исчерпывается содержаніе сборника, основанное на Особомъ приложеніи. Общественное и поземельное устройство въ Степныхъ областяхъ, не имѣвшихъ до самаго послѣдняго времени (за исключеніемъ Акмолинской области) особыхъ крестьянскихъ учрежденій, не входитъ въ число предметовъ положеній о сельскомъ состояніи, изданія 1902 г. Относящійся до этихъ областей матеріалъ заключается въ положеніи объ управленіи областей Акмолинской, Семипалатин-

---

[1]) Такимъ образомъ большая часть I-го отдѣла (первыя 176 страницъ текста и относящіяся къ нему 156 страницъ приложеній) является тождественною со сборникомъ о внутреннихъ губерніяхъ. Эта часть обѣихъ книгъ отпечатана, повидимому, съ одного и того же набора. Такъ, по крайней мѣрѣ, нужно судить по тѣмъ отдѣльнымъ подстрочнымъ указаніямъ, которыя не могутъ быть отнесены къ новому изданію и обусловлены случайно уцѣлѣвшими ссылками изъ перваго сборника (см. на страп. 165 и 169 сохранившіяся при ст. 349 и 358 ссылки на II книгу, т. е. положеніе о выкупѣ). Этимъ же, вѣроятно, объясняется наличность въ сборникѣ, въ составѣ первыхъ 36 приложеній, такихъ правилъ (№№ 9—12), которыя относятся исключительно къ Европейской Россіи (губ. Оренбургская, Костромская, Воронежская и Новгородская), и сохраненіе заглавій нѣкоторыхъ приложеній, безъ внесенія самаго ихъ содержанія (№№ 23, 25, 29—32, 35, 36).

ской, Семирѣченской, Уральской и Тургайской. Особое приложеніе не касается равнымъ образомъ устройства сибирскихъ инородцевъ. Призванные нынѣ къ объединенію съ русскимъ населеніемъ и перейдя въ вѣдѣніе крестьянскихъ учрежденій, инородцы въ правовомъ своемъ положеніи все болѣе приближаются къ сельскимъ обывателямъ, но пока еще общественное ихъ устройство опредѣляется особымъ для нихъ положеніемъ въ составѣ II тома Свода. Вслѣдствіе этого вторымъ главнѣйшимъ источникомъ сборника служатъ обѣ поименованныя части II тома—положеніе объ управленіи Степныхъ областей и положеніе объ инородцахъ. Извлеченія изъ другихъ томовъ Свода носятъ вспомогательный характеръ (учр. Сибир., пол. Туркест., зак. сост., уст. строит., уст. наказ. и др.).

Значительное мѣсто въ сборникѣ удѣлено новымъ узаконеніямъ и изданнымъ въ ихъ развитіе инструкціямъ, касающимся преимущественно поземельно-устроительнаго дѣла, податной части, а также устройства мѣстныхъ учрежденій на нашихъ азіатскихъ окраинахъ. Совокупность ихъ весьма сильно затрогиваетъ содержаніе указанныхъ выше правилъ II тома. Такъ какъ согласованія сего послѣдняго съ этими новыми узаконеніями со стороны кодификаціоннаго учрежденія еще не послѣдовало (послѣднее продоженіе ко II тому издано въ 1895 году), то составителю пришлось отмѣчать въ болѣе или менѣе общей формѣ только необходимость соображенія помѣщаемыхъ имъ правилъ Свода съ приводимыми далѣе въ сборникѣ новыми узаконеніями (см., напр., стран. 187, 220, 433) [1].

Извлеченія изъ Свода и новѣйшія узаконенія, имѣющія отношеніе къ быту крестьянъ и инородцевъ, содержатся въ книгѣ въ весьма значительномъ количествѣ. Предѣлы и размѣръ такого рода выборокъ зависятъ, конечно, во многомъ отъ субъективнаго взгляда

---

[1]) Нѣкоторые въ этомъ отношеніи пробѣлы, при обширности содержанія сборника, почти неизбѣжны. Такъ, помѣщая правила объ административномъ устройствѣ Степныхъ областей (стран. 460), слѣдовало бы отмѣтить, что тѣ изъ означенныхъ правилъ, которыя касаются Семирѣченской области, подлежатъ соображенію съ указомъ 26 декабря 1897 г., включившимъ эту область въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства. При статьяхъ 734—750 тома IX (отд. IV, стран. 17—21) нужно было бы оговорить, что онѣ утратили силу и взамѣнъ ихъ изданы новыя правила о переселеніи въ Амурскую и Приморскую области, помѣщенныя въ сборникѣ въ числѣ приложеній подъ № 63. Не указано равнымъ образомъ, что съ введеніемъ въ Сибири, по закону 13 мая 1896 г., новыхъ судебныхъ установленій, отмѣнено дѣйствіе помѣщеннаго на стран. 185 сборника правила (учр. Сибир., ст. 6 прил. къ ст. 70, прим.) объ обжалованіи рѣшеній волостныхъ управъ въ окружный судъ.

составителя. Тѣмъ не менѣе нельзя не указать, что въ сборникѣ недостаетъ прямо относящихся къ его содержанію (ср. ст. 443 пол. крест. устан.) правилъ для найма сельскихъ рабочихъ и служителей, изложенныхъ въ приложеніи къ ст. 1 (прим. 2) положенія о наймѣ на сельскія работы (Свод. зак. т. XII, ч. 2, изд. 1902 г.). Въ числѣ правилъ о переселеніи не значится имѣющихъ къ нимъ ближайшее отношеніе Высочайше утвержденныхъ 29 іюня 1899 г. и 22 іюня 1900 г. положеній комитета Сибирской желѣзной дороги о переселеніи въ Тургайскую область, а также о переселеніи на казенныя земли Сибири дворянъ-землепашцевъ [1]). Съ другой стороны, излишними въ сборникѣ казались бы, напр., положеніе объ артеляхъ трудовыхъ и извлеченіе изъ закона 29 апрѣля 1902 г. о кредитѣ на нужды кустарной промышленности (отд. IV, стр. 293—296).

Отсутствіе разъясненій Правительствующаго Сената въ тѣхъ частяхъ книги, которыя основаны на спеціальныхъ для Сибири и Степнаго края узаконеній, объясняется, вѣроятно, сравнительною новизною этихъ узаконеній, вслѣдствіе чего по измѣненію ихъ еще не могло создаться столь богатой, какъ по другимъ областямъ крестьянскаго права, сенатской практики.

Въ отношеніи внутреннихъ достоинствъ и внѣшней стороны изданія, рецензируемой книгѣ присущи всѣ тѣ отличительныя особенности, которыя отмѣчены критикою относительно первой части труда г. Савича. Нельзя не указать кромѣ того на образцовую точность изданія въ воспроизведеніи оффиціальныхъ источниковъ. Составитель ставилъ себѣ, повидимому, въ обязанность фотографически вѣрно слѣдовать тексту Собранія узаконеній и поэтому приводитъ его съ тѣми неточностями, которыя вкрались въ это оффиціальное изданіе, разъясняя вмѣстѣ съ тѣмъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ истинный смыслъ закона (см. напр., стран. 213, 265, 380; отд. IV, стран. 177, 241). Въ этихъ же видахъ возможно близкаго слѣдованія первоисточнику, г. Савичъ нерѣдко предпочитаетъ помѣщать новыя узаконенія по Собранію узаконеній, хотя представлялось бы возможнымъ цитировать ихъ по Своду законовъ или продолженіяхъ къ нему [2]).

---

[1]) Текстъ этихъ законоположеній, въ установленномъ порядкѣ не распубликованныхъ, приведенъ въ выпускѣ VIII Сборника узаконеній и распоряженій о переселеніи (справочное изданіе переселенческаго управленія 1901 г.).

[2]) Опредѣленное въ этомъ смыслѣ указаніе сдѣлано составителемъ на стр. 435 сборника, по поводу закона 1 іюня 1895 г. о преобразованіи губернскихъ уста-

Для удобства практическаго пользованія, къ книгѣ приложенъ, независимо отъ предметнаго и сравнительнаго указателей, также составленный по оффиціальному хронологическому указателю сравнительный указатель статей изданія 1902 года важнѣйшихъ узаконеній, на коихъ онѣ основаны. Главное назначеніе этого указателя—облегчить переводъ тѣхъ ссылокъ въ новѣйшихъ узаконеніяхъ, которыя относятся къ крестьянскимъ узаконеніямъ по ихъ первоисточнику, на соотвѣтствующія имъ въ Сводѣ и въ сборникѣ статьи Особаго приложенія изданія 1902 года. Еще болѣе выигралъ бы сборникъ въ отношеніи удобства справокъ въ немъ, если бы онъ былъ снабженъ хронологическимъ указателемъ тѣхъ еще не включенныхъ въ Сводъ узаконеній, которыя, какъ указывалось выше, образуютъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ частей книги г. Савича. Въ настоящее время для розысканія этихъ узаконеній по хронологической ихъ датѣ приходится прибѣгать только къ помощи оглавленія.

Объединяя административное и общественное, поземельное и финансовое законодательство для наиболѣе многочисленной части населенія Азіатской Россіи, сборникъ г. Савича, несомнѣнно, сослужитъ большую службу для лицъ и учрежденій, призванныхъ проводить въ жизнь тѣ многочисленныя реформы послѣднихъ лѣтъ, которыя предприняты законодателемъ для Сибирской и Степной нашихъ окраинъ.

Г. Б.

Дмитрій Янчевецкій—У стѣнъ недвижнаго Китая. С.-Петербургъ—Портъ-Артуръ. 1903. Изданіе П. А. Артемьева.

Книга эта представляетъ собою сборникъ корреспонденцій съ театра военныхъ дѣйствій, куда авторъ былъ откомандированъ командующимъ войсками Квантунской области, вице-адмираломъ Е. И.

новленій въ 4-хъ сибирскихъ губерніяхъ.—Безъ всякаго однако ущерба для дѣла возможно было бы помѣстить, вмѣсто подлиннаго текста узаконеній 23 мая 1896 г., 31 мая 1899 г. и 5 іюня 1900 г. (п. II) объ отводѣ земельныхъ участковъ церквамъ и причтамъ (стр. 287, 335, 363), кодифицированный ихъ текстъ по приложеніямъ IV, V и VI къ ст. 453 тома IX (изд. 1899 г. и по прод. 1902 г.).—Равнымъ образомъ содержаніе приложенія № 54, основанное на положеніи 4 января 1851 г. объ Иркутскомъ и Енисейскомъ казачьихъ конныхъ полкахъ, могло бы быть заимствовано не изъ Полнаго Собранія Законовъ, а изъ ст. 561—575 устава о благоустр. въ казачьихъ селеніяхъ (т. XII, ч. 2, изд. 1857 г.).

Алексѣевымъ въ качествѣ корреспондента незадолго передъ тѣмъ возникшей въ Портъ-Артурѣ газеты „Новый Край". Присутствуя въ качествѣ корреспондента при всѣхъ наиболѣе интересныхъ моментахъ военныхъ дѣйствій кампаніи 1900 года и оказывая иногда, благодаря своему знанію китайскаго языка (авторъ былъ преподавателемъ русскаго языка въ Пушкинской русско-китайской школѣ основанной въ Портъ-Артурѣ бывшимъ начальникомъ Квантунскаго полуострова генераломъ Субботичемъ) весьма важныя услуги русскому отряду въ качествѣ переводчика, проводника и проч., авторъ имѣлъ возможность лично наблюдать всѣ перипетіи борьбы союзныхъ войскъ съ китайскими боксерами. Вся книга, составленная изъ корреспонденцій, имѣетъ видъ дневника, и, хотя авторъ впослѣдствіи и дополнилъ эти корреспонденціи и, для установленія связи между событіями, вставилъ новыя главы, тѣмъ не менѣе это обстоятельство не уничтожило нѣкоторой отрывочности въ изложеніи описываемыхъ событій.

Разсматриваемую книгу нельзя никоимъ образомъ назвать исторіей войны 1900 года или даже, какъ это дѣлаетъ издатель П. А. Артемьевъ, состоящій редакторомъ „Новаго Края", „законченнымъ историческимъ очеркомъ событій боксерскаго возстанія въ Китаѣ съ момента ихъ возникновенія и со всѣми ихъ послѣдствіями для Россіи до настоящаго времени", хотя бы уже потому, что не выяснены политическія условія возникновенія боксерскаго возстанія и причины вмѣшательства въ китайскія дѣла иностранныхъ государствъ; равнымъ образомъ авторъ мало касается общаго плана военныхъ дѣйствій, роли, которую играли въ походѣ войска другихъ, кромѣ Россіи, державъ. Книга эта представляетъ собою, скорѣе, рядъ очерковъ, передающихъ видѣнныя авторомъ событія и пережитыя имъ впечатлѣнія. Написанные живымъ, картиннымъ языкомъ, они переносятъ читателя въ изображаемую авторомъ обстановку и заставляютъ его дѣлить съ авторомъ его волненія и радости. Въ книгѣ живо описаны главнѣйшіе моменты участія русскихъ войскъ въ китайскомъ походѣ—штурмъ фортовъ Таку и занятіе Тьянъ-Цзина, взятіе Пекина и освобожденіе посольствъ, походъ на Мукденъ. Чтеніе этой книги, какъ и исторіи всякаго кровопролитія, тяжело, но весьма выгодное впечатлѣніе производитъ чуждое всякой враждебности и человѣконенавистничества, отношеніе автора, (вообще проникнутаго любовью и удивленіемъ къ подвигамъ русскаго солдата),—къ китайцамъ. Отношеніе это высказывается имъ вездѣ, и даже самая книга посвящена „русскимъ и

китайцамъ, дѣятелямъ вѣковой русско-китайской дружбы". Дружелюбно относится авторъ и къ нашимъ иностраннымъ союзникамъ, принимавшимъ участіе въ этомъ походѣ, хотя съ нѣкоторымъ раздраженіемъ говоритъ объ англичанахъ, причинявшихъ больше всего заботъ русскому военному начальству.

Внѣшняя сторона изданія обращаетъ на себя особое вниманіе. Прекрасная бумага, изящный шрифтъ, совершенно отчетливые, отлично исполненные портреты 100 лицъ, принимавшихъ болѣе или менѣе близкое участіе въ описываемой кампаніи, фототипіи, хромолитографіи съ картинъ китайскихъ художниковъ, рисунки художника І. Смукровича и масса фотографій - рисунковъ, подробно иллюстрируютъ текстъ и наглядно знакомятъ читателя съ интересными подробностями обстановки „у стѣнъ недвижнаго Китая". Издатель, какъ видно, относился къ своей книгѣ, какъ къ любимому дѣтищу. Достаточно, напр., указать, что цинкографическія клише исполнены въ графическихъ заведеніяхъ С.-Петербурга, Мюнхена и Лондона. Такое изящество изданія и сопряженныя съ нимъ затраты объясняютъ и высокую цѣну книги (8 рублей), дѣлающую ее, къ сожалѣнію, мало доступной.

Л.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Будкевичъ, К. К.—Присяга на судѣ. По поводу работъ Высочайше учрежденной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части.—Одесса. 1903. (Стр. 39). Ц. 35 к.

Бѣлинскій, Владиміръ.—Эволюція учрежденія акціонерныхъ товариществъ.—Спб. 1903. (Сстр. 41).

Видеманъ, К. И.—Проектъ благотворительнаго общества предупрежденія появленія среди населенія Россіи бѣдности и нищеты и прогрессивнаго ихъ роста.—Спб. 1903. (Стр. 74).

В. Ѳ. Дерюжинскій. Полицейское право. Пособіе для студентовъ.—Спб. 1903 г. (Стр. XI+499). Ц. 3 р.

Колеръ, І. Проф.—Введеніе въ науку права (краткій курсъ правовѣдѣнія). Переводъ съ нѣмецкаго В. А. Гольденберга подъ редакціею сенатора С. Ф. Платонова. Изд. „Вѣстника Права".—Спб. 1903. (Стр. 261). Ц. 1 р. 50 к.

Министерство Финансовъ. 1802—1902.—Часть первая (Стр. X+639).—Часть вторая (Стр. VII+692).—Спб. 1902.

Новомбергскій, Н.—По Сибири. Сборникъ статей по крестьянскому праву, народному образованію, экономикѣ и сельскому хозяйству.—Спб. 1903. (Стр. XVI+331). Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго Университета за 1902 годъ.—Юрьевъ. 1902. (Стр. 16).

Отчетъ по Главному Тюремному Управленію за 1900 годъ.—Изд. Главнаго Тюремнаго Управленія.—Спб. 1902. (Стр. V+196).

Прессъ, Аркадій.—Общедоступная философія.—Гроцій.—О правѣ войны и мира (Стр. 50). Ц. 40 к.—Гоббсъ.—Левіаѳанъ. О человѣкѣ (психологія). О государствѣ (Стр. 57). Ц. 40 к.—Спб. 1903. Изд. П. П. Сойкина.

Урожай 1902 года.—II. Яровые хлѣба и картофель.—Изд. Центр. Статистич. Комитета Министерства Внутр. Дѣлъ. Вып. LIV.—Спб. 1903. (Стр. XVI+XXXVII+225+1—176).

Янчевецкій Дмитрій.—У стѣнъ недвижнаго Китая.—Изд. П. А. Артемьева. Спб.-Портъ-Артуръ, 1903. (Стр. XII+618+XII). Ц. 8 руб.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Имѣю честь сообщить, что изданіе и распространеніе мною фотографическихъ снимковъ „Извлеченіе изъ Высочайшаго рескрипта, даннаго на имя Министра Юстиціи, статсъ секретаря, тайнаго совѣтника Н. В. Муравьева“ 1-го іюля 1899 г., окончены и всѣ оправдательные документы вмѣстѣ съ списками 288 лицъ, которымъ были мною посланы снимки, но отвѣта не получено, и 9 лицъ, отъ которыхъ получены не всѣ слѣдуемыя съ нихъ суммы (9 руб. 17 коп.), переданы мною одновременно съ симъ за № 516 на дальнѣйшее распоряженіе предсѣдателя Оренбургскаго окружнаго суда.

Всего выручено продажей тѣхъ снимковъ 704 руб. 52 коп., расходъ—279 руб. 52 коп., въ томъ числѣ: фотографу 188 руб. 20 коп. за 941 снимокъ, почтовыхъ расходовъ 75 руб. 94 коп. (вся корреспонденція была заказная), канцелярскихъ и типографскихъ расходовъ—15 руб. 38 коп.; остатокъ (чистая прибыль)—425 руб. своевременно сданъ мною предсѣдателю Оренбургскаго окружнаго суда и симъ послѣднимъ присоединенъ къ капиталу на устройство исправительнаго заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Къ изложенному считаю нелишнимъ добавить, что 26 іюля 1902 г. г. Министромъ Юстиціи утвержденъ „Уставъ Оренбургскаго общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ“, имѣющаго цѣлью содѣйствовать нравственному исправленію несовершеннолѣтнихъ мужескаго пола, помѣщаемыхъ въ колоніи и пріюты по приговорамъ и опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ и лицъ.

Имѣю честь просить редакцію напечатать настоящее мое сообщеніе въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Журнала Министерства Юстиціи“.

Членъ Оренбургскаго окружнаго суда *Чебаевскій*.

